СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

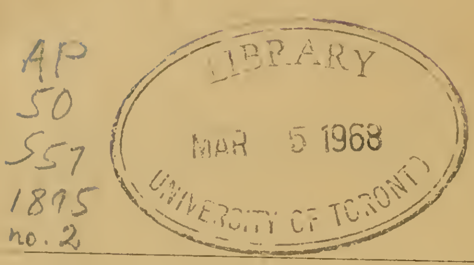
ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

Февраль № 2.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева (бывш. Н. Лебедева), Невскій просп., 8
1895.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30 января 1895 года.

Въ мартовской книжкѣ „Сѣв. Вѣстн." будетъ напечатано новое беллетристическое произведеніе гр. Льва Толстого: повѣсть «Хозяинъ и работникъ».

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

3

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

СЪ УБІЙЦЕЙ.

(Повѣсть).

«Ne cherchons pas les explications des catastrophes conjugales dans ce qui *suit* le mariage; elles sont toutes dans ce qui *précède*».

A. Dumas-fils.

(Изъ частнаго письма).

I.

Его привезъ изъ крѣпости адвокатъ Завацкій.

Въ квартирѣ, гдѣ я вбивала каждый гвоздикъ, все было готово къ принятію Николая. Меня тянуло—точно я была загипнотизирована—въ сѣни, на лѣстницу, на крыльцо. Когда по звуку колесъ я узнала, что это *ихъ* карета, я не выдержала и бросилась на лѣстницу.

Николай тяжело поднялся на предпослѣднюю площадку.

У меня закружилась голова. Я очнулась у него на колѣняхъ. Маленькій диванчикъ площадки случился тутъ.

На меня съ испугомъ смотрѣло его милое, исхудалое лицо. Онъ очень измѣнился—очень: щеки впали и глаза красны. Волосы еще отросли. И весь онъ былъ такой трепетный. Въ рукѣ его — горячей и влажной—пробѣгали нервныя струйки.

— Полно, Дима! Я съ тобою! Я съ тобою!—повторялъ онъ.

Я обняла его... искала его губъ. Но онъ смутился... Тутъ-же стоялъ Завацкій, въ длинномъ, модномъ пальто, и поглядывалъ на насъ въ свое черепаховое pince-nez, съ усмѣшкой... Меня это выраженіе покоробило и мнѣ стало вдругъ стыдно, что я при чужомъ — на колѣняхъ у Николая.

Какъ это было глупо! Чего-же мнѣ стыдиться? Онъ — мой мужъ. Цѣною какихъ нравственныхъ страданій пріобрѣли мы право на ласку и любовь!

— Идемъ, идемъ!—шептала я, смущенная.

— Не стѣсняйтесь—сказалъ Завацкій, отвернувшись къ периламъ площадки.

Въ передней мы, вмѣстѣ съ Ѳеней, стали стаскивать съ Николая пальто. На немъ все платье какъ-то странно сидѣло, точно онъ разучился одѣваться. И весь онъ казался разбитымъ, съ такимъ выраженіемъ глазъ, какого я еще не видала у него никогда. Не безумная радость, а что-то другое было въ нихъ, и это холодной капелькой капнуло мнѣ на сердце.

— Ты голоденъ?—спросила я, вводя его въ столовую.

Завтракъ былъ готовъ. Столъ аппетитно убранъ и вся столовая смотрѣла такъ нарядно.

Я пригласила позавтракать и Завацкаго. Вѣдь онъ защитникъ. Его блестящая рѣчь подѣйствовала на судъ, и вмѣсто годового заключенія въ крѣпости, Николая присудили только на шесть мѣсяцевъ. И въ эти полгода, и во время слѣдствія и суда, Завацкій велъ себя какъ джентльменъ. Старался и меня утѣшать... Быть можетъ больше, чѣмъ я-бы сама желала.

Адвокатъ принялся острить, разспрашивая Николая о его сидѣньи. Онъ собираетъ матеріалы для «психологіи узниковъ», какъ онъ шутливо выразился. Николай отвѣчалъ вяло. Разговоръ вообще не клеился. Мнѣ стало досадно на то, что Завацкій не отказался завтракать. Правда, онъ, послѣ кофе, тотчасъ-же ушелъ.

Мы остались одни. Была такая минута, когда мы, проводивъ Завацкаго до передней, вернулись въ кабинетъ Николая и остановились одинъ противъ другого. Мнѣ—я стояла спиной къ окнамъ—было видно все лицо Николая. Въ глазахъ его не зажглось искры. На поблѣднѣвшихъ губахъ явилась улыбка, и эта именно улыбка смутила меня.

Онъ протянулъ мнѣ руки какимъ-то неопредѣленнымъ жестомъ. Я обняла его и прижалась.

Тихо подвелъ онъ меня къ дивану. Мнѣ стало вдругъ неловко. Я не могла цѣловать его, а внутри у меня все дрожало отъ потребности ласки. И захотѣлось плакать, но не отъ радости.

— Вотъ ты и у себя—сказала я, не находя *настоящаго слова.*

— Да, Дима,—отвѣтилъ онъ, держа меня за талію, но не крѣпко, не страстно—и даже не заглянулъ мнѣ въ лицо.

— Такъ я стосковалась, Николя... въ послѣдніе мѣсяцы особенно. Если бы не устройство квартиры—просто-бы не знала, что съ собою дѣлать. А вѣдь мы могли-бы видѣться.

Онъ взглянулъ на меня въ бокъ и повелъ плечами.

— Ты знаешь, почему такъ вышло, Дима.

Я знаю! Потому-что *онъ* не хотѣлъ этого. Мы были уже мужъ и жена—законно вѣнчаны—когда начался судъ надъ нимъ за дуэль съ моимъ первымъ мужемъ. И на судѣ Николай держалъ себя такъ, точно будто я не жена его. Моего имени почти и не упоминалъ. Въ крѣпости мы могли-бы часто видаться, стоило только объ этомъ попросить. Вѣдь онъ былъ самый обыкновенный арестантъ. Сидѣть за дуэль! Это не считается ни важнымъ, ни позорнымъ.

Николай написалъ мнѣ большое письмо, гдѣ настаивалъ на томъ, что будетъ «порядочнѣе» не видаться... Почему порядочнѣе? Я протестовала. Но онъ опять сталъ убѣждать меня—написалъ цѣлую диссертацію. Я тогда подчинилась. Писала я ему въ первый мѣсяцъ каждый день. Потомъ я заболѣла... Потомъ надо было ѣхать по дѣламъ. Потомъ устраивала квартиру. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ... Николай сидѣлъ ровно полгода.

— Теперь,—сказала я,—никто уже насъ не разлучитъ. И ты — у себя, Николя. Посмотри, такъ-ли я все уставила здѣсь? Ты вѣдь узнаешь свой кабинетъ?

Онъ оглянулъ комнату. Она была обширнѣе кабинета въ его холостой квартирѣ. Я прибавила новый шкапъ, нѣсколько креселъ, этажерокъ, столиковъ. Смотрѣло и солидно, и нарядно.

— Все очень мило,—выговорилъ онъ и поцѣловалъ мою руку.— Но эта квартира слишкомъ велика для насъ...

Онъ не договорилъ. Но я знаю, что его смущаетъ. Когда мы завтракали, онъ посматривалъ на отдѣлку столовой. Я ее измѣнила противъ той, что была въ квартирѣ на Сергіевской. Но нѣкоторыя вещи онъ сейчасъ узналъ. Обстановка принадлежала на половину мнѣ; ему это извѣстно. Спальню теперь не узнаешь, и у меня есть будуаръ. Для гостиной я обмѣнила мебель. Есть многое изъ его холостой квартиры. И все-таки его что-то смущаетъ.

— Зачѣмъ намъ такое помѣщеніе? — спросилъ онъ, помолчавъ, и взялъ меня за руку.

А я все еще чувствовала себя скованной. Такъ-бы и прильнула къ нему, схватила-бы его, подняла и стала прыгать отъ радости! Его тонъ, лицо—всего больше глаза—замораживали меня.

— На твои средства я, Дима, жить не согласенъ, — выговорилъ онъ съ усиліемъ.—Заработка у меня нѣтъ... Мѣста я лишился...

— Все будетъ, Коля!.. Насъ двое... Только-бы держаться такъ, вдвоемъ.

Я опять припала къ нему головой на плечо. Онъ поцѣловалъ меня

въ волосы. Эта ласка согрѣла меня; но что-то, точно холодная змѣйка, проползло между нами.

Такъ провести первыя минуты, съ глазу на глазъ, не ожидала я.

II.

Его продолжаетъ безпокоить то, что онъ теперь безъ собственнаго заработка. Это мнѣ очень непріятно. Съ какой стати раздражать себя, въ первые дни нашей жизни на свободѣ, такими преждевременными заботами?

Во-первыхъ, у него есть кое-какія сбереженія. Положимъ, не Богъ знаетъ что; но вѣдь онъ не нищій. Если онъ потерялъ мѣсто изъ-за дуэли съ моимъ первымъ мужемъ, то изъ этого не вытекаетъ, что ему теперь нѣтъ никакого хода. Въ послѣдніе мѣсяцы я почти не бывала нигдѣ и не знаю что говорятъ про насъ въ тѣхъ кружкахъ, гдѣ насъ помнятъ; но я не думаю, чтобы на него именно падали какія-нибудь нареканія. На процессѣ публика ему сочувствовала и когда сдѣлался извѣстенъ приговоръ, очень многіе жалѣли о немъ: мнѣ это передавалъ Завацкій. Если кому досталось, то скорѣе мнѣ, да и то только отъ господина прокурора.

Стало быть, что-же ему бояться? У него есть сослуживцы, товарищи. Я увѣрена, что не пройдетъ и какого-нибудь мѣсяца—ему ничего не будетъ стоить получить мѣсто. Для этого, конечно, надо возобновить свои знакомства, а Николай, вотъ уже который день, почти никуда не выходитъ, жалуется на мигрени, запирается у себя въ кабинетѣ, что-то такое пишетъ. Я догадываюсь, что онъ велъ свой дневникъ, когда сидѣлъ въ крѣпости. Спросить объ этомъ мнѣ неловко.

И вообще я замѣчаю, что въ эти нѣсколько дней у насъ какъ-то не установилось настоящаго тона. Меня какъ будто что сдерживаетъ, чего прежде никогда не было, съ тѣхъ минутъ, какъ мы стали близки другъ къ другу. Вызывать его на объясненіе я просто не рѣшаюсь, не то что не хочу, а именно не рѣшаюсь. Что-то говоритъ мнѣ: «если ты разбередишь его душу, то можешь вызвать такой взрывъ, послѣ котораго не будетъ, пожалуй, никакого возврата къ прежнему».

Наши завтраки и обѣды съ глазу на глазъ проходятъ въ отрывочныхъ разговорахъ. Я, конечно, стараюсь ихъ оживлять, но, кажется, это стараніе чувствуется.

— Отчего ты не повидаешься съ Еремѣевымъ? — спросила я его вчера за обѣдомъ.—Вѣдь ты былъ съ нимъ всегда въ очень хорошихъ отношеніяхъ... кажется вы даже на ты?

— Да, на ты,—отвѣтилъ Николай какъ-бы нехотя.

— Онъ человѣкъ со связами.

— Что ты хочешь сказать этимъ? Клянчить черезъ него мѣстечко!

— Почему-же клянчить?

— Я не понимаю,—продолжалъ Николай, метнувъ на меня быстрый и раздраженный взглядъ, — я не понимаю,— повторилъ онъ,— какъ ты не можешь этого сообразить. Еремѣевъ занялъ мѣсто Ивана Андреевича.

Въ первый разъ Николай, по возвращеніи изъ крѣпости, назвалъ такъ Тарутина.

— Ну такъ что-жъ изъ этого?

Онъ пожалъ плечами и не сразу отвѣтилъ.

— Право, чѣмъ больше я вглядываюсь въ то, что составляетъ душу женщины, тѣмъ болѣе я убѣждаюсь, что у васъ какая-то особенная совѣсть.

Эти слова произнесены имъ были съ двойственной усмѣшкой, не рѣзко, не зло; но все-же такъ, что меня всю передернуло.

Ничего подобнаго, годъ тому назадъ, онъ не въ состояніи былъ-бы выговорить. Сколько разъ, въ тѣ свиданія, какія были у насъ, Николай съ такой убѣжденностью и съ такимъ энтузіазмомъ преклонялся передъ женщиной, признавая за нею гораздо больше нравственной чуткости, доказывалъ: какъ большинство мужчинъ грубы въ своихъ инстинктахъ, какъ они мало достойны тѣхъ беззавѣтныхъ привязанностей, какими мы ихъ очень часто награждаемъ, очертя голову.

Я ничего ему не возразила и только значительно поглядѣла на него.

Онъ понялъ этотъ взглядъ.

— Ты желаешь, чтобы я пошелъ къ моему товарищу, занимающему какъ-разъ постъ Ивана Андреевича?..

— Это случайность!—вырвалось у меня.

— Въ жизни никакихъ нѣтъ случайностей, все держится за строгій законъ. По научному это называется детерминизмомъ, тебѣ, конечно, извѣстенъ этотъ терминъ—а попросту судьбою. И эта судьба—въ насъ самихъ, ни въ комъ больше. Во всякомъ случаѣ, согласись, что мнѣ было-бы крайне тяжело являться, хотя-бы и къ пріятелю, съ задней мыслью похлопотать о мѣстечкѣ. И какъ разъ къ тому, кто сидитъ на мѣстѣ человѣка... убитаго мною.

Николай проронилъ эти два слова чуть слышно, но такимъ звукомъ, что я вся вспыхнула.

Протянулась длинная пауза.

Во мнѣ все закипѣло. Но не женская вздорность заставила меня возмутиться. Съ какой-же стати любимый человѣкъ, знающій прекрасно *какъ* онъ любимъ—хотя-бы и обмолвился такими словами? Но онъ не обмолвился.

Да, онъ правъ. У мужчинъ тоже не та совѣсть, какъ у насъ. Ни-

когда, никакая женщина, если только въ ней кроется капля привязанности, не позволила-бы себѣ, въ такомъ точно положеніи, смутить любимое существо подобнымъ напоминаніемъ. Никогда!

Съ какой стати было произносить эти слова? Онъ *убилъ* моего перваго мужа?! Убилъ—не изъ-за угла, а подставляя свою грудь на дуэли. Вѣдь не онъ его вызвалъ? Если Иванъ Андреевичъ оказался человѣкомъ, неспособнымъ великодушно отнестись къ тому, что произошло, то кто-же въ этомъ виноватъ? Лучше было-бы, если-бъ мы продолжали цинически и пошло обманывать его, какъ дѣлается это въ безчисленныхъ «ménages à trois»? Я прожила съ нимъ нѣсколько лѣтъ честно, безукоризненно, и не знала любви. Онъ былъ, или считался, хорошимъ человѣкомъ, но что такое «хорошій человѣкъ», когда онъ совершенно чуждъ вашему сердцу, когда это сердце заговорило, наконецъ, и захватило васъ страстью? Развѣ Николай не доказывалъ мнѣ сотни разъ, что этотъ мужъ не понимаетъ и не можетъ понять такой натуры какъ моя, что мы имѣемъ полное нравственное право «устранить» его, что наше поведеніе вполнѣ безупречно, особенно съ той минуты когда на откровенное признаніе жены, сказавшей ему, что она не можетъ уже больше быть его женою, онъ отвѣчалъ цѣлымъ рядомъ поступковъ, которые показывали, какая въ немъ крылась жесткая, безпощадная натура, не знающая ничего, кромѣ формальнаго чиновничьяго догмата.

Я первая попросила Ивана Андреевича возвратить мнѣ мою свободу. Онъ сталъ вымещать на мнѣ свои супружескія права и добился того, что я потеряла къ нему даже всякую жалость и то уваженіе, къ какому онъ прежде пріучилъ меня. Потомъ Николай пошелъ къ нему и такъ-же искренно, смѣло предложилъ: возвратить мнѣ свободу. Между ними вышло столкновеніе. Если даже предположить, что Николай, по горячности, нанесъ ему оскорбленіе словомъ, все-таки-же въ Иванѣ Андреевичѣ крылось рѣшеніе вызвать того, кто у него отбилъ жену. Такъ передавалъ мнѣ сцену Николай; такъ оно и должно было случиться.

Дуэль есть дуэль. Или оба цѣлы, или одинъ погибнетъ. Но спрашивается: кто изъ нихъ обоихъ сильнѣе жаждалъ смерти другого? Допускаю, что тотъ, кто, вульгарно выражаясь, отбилъ у мужа жену. Для него не было иного исхода. Если-бы Иванъ Андреевичъ остался живъ, онъ, по доброй волѣ, не далъ-бы мнѣ развода: онъ мнѣ это прямо сказалъ и въ первое наше объясненіе, и во всѣ слѣдующія.

Неужели Николай знаетъ и понимаетъ все это хуже меня? И все-таки у него вырвались эти неумѣстныя, тяжелыя слова.

Я говорю «вырвались». Полно, такъ-ли? Хотя онъ произнесъ ихъ очень тихимъ голосомъ, но въ этомъ голосѣ я зачуяла какое-то особенное вздрагиваніе, говорившее о томъ, что онъ врядъ-ли смотритъ на исходъ своей дуэли, какъ я на него смотрю.

— Если такъ разсуждать,—сказала я, съ трудомъ сдерживая свое волненіе—то ты теперь не смѣешь ни съ кѣмъ говорить о себѣ, искать занятій, мѣста, потому только, что у тебя была дуэль съ человѣкомъ, съ которымъ ты вмѣстѣ служилъ? Это очень странно. Наконецъ, если тебя это тревожитъ больше, чѣмъ слѣдовало-бы, если тебѣ непріятно видѣть даже тѣхъ, кто, навѣрно, относится къ тебѣ хорошо, съ сочувствіемъ — какая надобность сидѣть въ Петербургѣ? Мы могли-бы уѣхать на мѣсяцъ, на два, куда тебѣ угодно, хочешь въ Крымъ, хочешь за-границу. Ты высидѣлъ шесть мѣсяцевъ въ одной камерѣ, нервы твои, да и весь организмъ нуждается...

— Въ чемъ? Въ отдыхѣ?—спросилъ онъ, насмѣшливо улыбнувшись.

— Не въ отдыхѣ, а въ другихъ впечатлѣніяхъ. Тамъ мы будемъ совсѣмъ одни, многое забудется...

— Покорно благодарю! — закричалъ онъ и почти злобно засмѣялся.— Что-же это такое? Un voyage de noce? Этого еще недоставало! И на какія средства?..

— Николай,—прервала я,—тебѣ не грѣшно? Ты не можешь какихъ-нибудь два-три мѣсяца позволить мнѣ раздѣлить съ тобою то, что я имѣю?.. Я не понимаю такой щепетильности... между нами? — спросила я съ удареніемъ.

— Конечно, конечно!—съ горечью подхватилъ онъ. — Женщины многаго не понимаютъ. То, что для насъ — категорическое требованіе нашей совѣсти, то для нихъ—щепетильность!

И вставая изъ-за стола, онъ бросилъ мнѣ, уходя въ кабинетъ, возгласъ:

— Никогда я не позволю себѣ такой voyage de noce, никогда!

Слезы душили меня. Я была прикована къ стулу. Я боялась идти за нимъ и продолжать этотъ тяжелый, обидный разговоръ.

III.

Николай, наконецъ, пошелъ куда-то. Я не знаю куда. Вѣроятно, купить что-нибудь для своего письменнаго стола. Онъ несомнѣнно пишетъ дневникъ. Разрозненныхъ листковъ я не вижу на его столѣ... Можетъ-быть у него кончилась вся тетрадь и онъ начнетъ завтра—послѣзавтра новую.

Никто у насъ не бываетъ. День тянется-тянется. Мои знакомые, тѣ, кого я, годъ назадъ, принимала въ своей гостиной — точно всѣ вымерли. Женщины... такъ называемыя «пріятельницы» ни одна меня не любила. Онѣ играютъ въ добродѣтельныхъ... И почти у каждой есть по любовнику. Моя главная вина не въ томъ, что я полюбила при живомъ мужѣ, а та, что полюбила человѣка бѣднаго, безъ солиднаго

положенія, тогда какъ мужъ былъ съ состояніемъ и съ вѣсомъ. И я довела до того, что мужъ умеръ отъ раны, полученной на дуэли.

Мнѣ и не надо ихъ—этихъ фальшивыхъ и глупыхъ бабенокъ!

Но и мужья ихъ не являются.

Цѣлую недѣлю не былъ Завацкій. Сегодня пришелъ онъ въ отсутствіе Николая. Я ему почти обрадовалась.

— Вы совсѣмъ насъ забыли,—слегка упрекнула я его.

— Не хотѣлъ смущать васъ. Всего одна недѣля...

— Какая? Медовая?

— А то какая-же?.. Вамъ обоимъ никого не нужно было. Провались вся вселенная!..

Должно быть я не воздержалась отъ двойственной усмѣшки.

Онъ подсѣлъ поближе и спросилъ, прищуривая глаза, сквозь стекла своего pince nez:

— Развѣ не такъ?

Въ немъ есть что-то, мѣшающее мнѣ сблизиться съ нимъ, какъ съ добрымъ знакомымъ Николая, наконецъ какъ съ его защитникомъ, который по своему сумѣлъ значительно обѣлить его: вмѣсто года, Николай просидѣлъ только шесть мѣсяцевъ. Но въ Завацкомъ чувствую я какую-то смѣсь, не позволяющую мнѣ, до сихъ поръ, быть съ нимъ на вполнѣ дружеской ногѣ. Теперь мнѣ-бы нуженъ былъ умный пріятель; но только *пріятель*—не больше. Для этого у него есть и большая развитость, и знаніе людей. Можетъ-быть онъ гораздо раньше меня сталъ понимать настоящую натуру Николая. Мнѣ не очень нравилось то, какъ онъ говорилъ о немъ, когда мы бесѣдовали во время процесса. Въ немъ чувствуется слишкомъ явное сознаніе своего превосходства. Онъ—любитель женщинъ: это всѣмъ извѣстно и, кажется, онъ только выдаетъ себя за холостого. Кто-то мнѣ говорилъ, что онъ рано женился и очень скоро разошелся съ женой. Въ томъ обществѣ, гдѣ онъ бываетъ, у него было много тайныхъ связей съ замужними женщинами... Кажется, теперь онъ перешелъ уже къ другимъ, болѣе легкимъ побѣдамъ.

Въ Завацкомъ вы чувствуете всегда этотъ инстинктъ охотника... «un chasseur de femmes», какъ выражаются французы. Впрочемъ, онъ и самъ себя называлъ при мнѣ *либертиномъ* и выговаривалъ это слово съ особеннымъ удовольствіемъ. Если къ нему относиться снисходительнѣе, проще, то его манера съ вами—очень пріятна. Женщинъ онъ понимаетъ и неспособенъ задѣть васъ даже въ мелочахъ. Можетъ быть, какъ умный человѣкъ, хорошо знающій жизнь, онъ дѣйствительно выработалъ себѣ широкій взглядъ на насъ всѣхъ... Только эта терпимость можетъ многимъ показаться оскорбительной...

Я совсѣмъ не такая ригористка; я думаю, что мужчина, какъ За-

вацкій, цѣнитъ чувство, страсть, увлеченіе, даже поэтическій капризъ больше многихъ. Самъ онъ либертинъ; но это только недостатокъ натуры. Быть можетъ, онъ внутренно ставитъ тѣхъ, кто способенъ на пылкое, захватывающее чувство, гораздо выше себя?..

— Послушайте, Завацкій,—начала я, не отвѣчая ему прямо на вопросъ о нашей «медовой» недѣлѣ,—вы были такимъ талантливымъ защитникомъ моего мужа... Но были ли вы его наперсникомъ, слышали-ли вы его настоящую исповѣдь?

Онъ немного откинулся на спинку дивана и снялъ pince-nez. Его крупныя, очень чувственныя губы сложились въ неопредѣленную усмѣшку. Что-то было въ его короткой полной фигурѣ и въ лысой круглой головѣ такое, что заставило меня сейчасъ-же пожалѣть о моемъ вопросѣ.

Но назадъ нельзя уже было пятиться.

— Видите-ли, Авдотья Петровна, когда Николай Аркадьевичъ сдѣлался моимъ кліентомъ, мы съ нимъ были въ хорошихъ отношеніяхъ, но дружеской связи между нами не было. Для меня, какъ для его защитника, мотивы его поступковъ не представляли ничего загадочнаго. То, что онъ мнѣ самъ говорилъ—вытекало, такъ сказать, изъ существа дѣла. Тогда,—протянулъ онъ съ особенной интонаціей,—Николай Аркадьевичъ находился въ очень сильномъ аффектѣ...

— Былъ сильно охваченъ страстью,—подсказала я.

— Ну, да, если угодно... однако,—онъ опять надѣлъ свое pince-nez,—позвольте мнѣ сейчасъ, не умничая, сдѣлать маленькое различіе. Употребляя педантское слово «аффектъ», я хочу этимъ сказать, что общее душевное состояніе Николая Аркадьевича было чрезвычайно возбужденное. Но я не употребилъ этотъ терминъ, какъ однозначащій съ захватомъ любви, съ страстнымъ чувствомъ къ женщинѣ.

— Да, вотъ, въ такомъ смыслѣ...—выговорила я, невольно смущенная.

— Изъ моихъ наблюденій надъ вашимъ мужемъ я позволю себѣ вывести то заключеніе, что это натура, въ одно и то-же время, и прямолинейная, и склонная къ чисто русскому... простите за неизящество выраженія: къ большому душевному *ковырянью*.

— Какъ это вѣрно!

И тотчасъ-же я упрекнула себя.

— Не будемъ разбрасываться, продолжалъ Завацкій и, наклонившись ко мнѣ, ласково и вкрадчиво сталъ поглядывать на меня сквозь стекла своего pince-nez.— Вопросъ, заданный вами, я самъ себѣ нѣсколько разъ ставилъ, то есть: высказывался ли Николай Аркадьевичъ въ нашихъ свиданіяхъ съ глазу на глазъ такъ, чтобы это можно было принять за настоящую исповѣдь? Вполнѣ — не думаю. До суда, какъ я сейчасъ сказалъ, онъ былъ чрезвычайно взвинченъ и повторялъ то, что

я могъ и самъ возстановить въ смыслѣ его психологіи—психологіи человѣка, выступившаго соперникомъ... вашего перваго мужа. Но на засѣданіи—васъ тамъ не было и отчетъ не даетъ вѣдь очень многаго—на засѣданіи, говорю я, въ тонѣ, именно въ тонѣ Николая Аркадьевича, въ маленькихъ, чуть замѣтныхъ движеніяхъ, возгласахъ и недомолвкахъ было уже нѣчто иное.

— Что-же именно? порывисто спросила я.

— Прямолинейный человѣкъ уступилъ уже мѣсто тому типичному русскому моралисту и самоковырятелю, если позволите мнѣ такъ выразиться, который несомнѣнно сидитъ въ Николаѣ Аркадьевичѣ. Онъ не каялся, но и не оправдывалъ себя, какъ вы помните въ заключительномъ своемъ словѣ, и мнѣ показалось даже, что моя защита вызвала въ немъ, тутъ-же, на засѣданіи, потребность выдать себя еще больше, чѣмъ онъ сдѣлалъ. Въ сущности это былъ прекрасный пріемъ. Ни одинъ адвокатъ не поступилъ-бы ловчѣе; только у Николая Аркадьевича все это выходило изъ его душевнаго нутра. Стало быть, уже въ моментъ произнесенія надъ нимъ приговора, который въ публикѣ многихъ удивилъ, въ его душевномъ настроеніи произошла, такъ сказать, трещина.

Завацкій засмѣялся своимъ короткимъ, не очень пріятнымъ для меня смѣхомъ.

— А потомъ, вы бывали у него въ крѣпости?

— Всего два раза... Въ первый разъ разговоръ былъ чисто дѣловой и ему сильно нездоровилось, отъ невралгіи онъ едва говорилъ.

— А во второй разъ?

— Во второй разъ—Завацкій перевелъ духъ и немного прикусилъ нижнюю губу—во второй разъ самоанализъ уже сильно похозяйствовалъ. Недавнее общее аффективное состояніе прошло и передо мною былъ уже человѣкъ, уходящій въ себя... въ ущербъ своему чувству...

Я поняла что онъ хотѣлъ этимъ сказать. Вотъ уже больше недѣли, какъ я начала разглядывать правду...

— Дорогая Авдотья Петровна — заговорилъ Завацкій, протянувъ мнѣ свою бѣлую и пухленькую руку—не вдавайтесь и вы въ русскій недугъ самоанализа. Сколько я васъ понимаю, вы—настоящая женщина. Въ васъ зажглось чувство и сдѣлалось главной пружиной всего вашего душевнаго я. Это—большое счастіе! Говорю это, несмотря на мою репутацію. Неужели вамъ до сихъ поръ невдомекъ, что у насъ, въ русскомъ обществѣ, любовь въ какой-бы то ни было формѣ—глубокой или легкой—не составляетъ настоящаго *культа*. Большинство русскихъ мужчинъ, даже имѣющихъ репутацію любителей женщинъ — все-таки женщину не любятъ такъ, какъ она этого заслуживаетъ. И этого мало—они не любятъ и любви... простите мнѣ этотъ плеоназмъ; но я не умѣю иначе выразиться.

— Это прекрасное выраженіе! вскричала я и почувствовала, что вся краснѣю.—*Да, не любятъ любви!*

Множество вопросовъ толпилось въ моей головѣ; но мнѣ стало какъ-бы неловко, почти страшно продолжать эту консультацію.

IV.

Въ первый разъ я ждала Николая до поздняго часа. Онъ уѣхалъ послѣ обѣда, ничего мнѣ не сказавъ.

Я работала, читала. На меня нашла одурь отъ жданья. И часу съ двѣнадцатаго стала я метаться по комнатамъ, подбѣгая къ окнамъ гостиной и кабинета, выходящимъ на улицу: точно я могла разглядѣть изъ второго этажа—кто подъѣхалъ къ намъ.

Вчерашній разговоръ съ Завацкимъ весь пришелъ мнѣ и получилъ вдругъ какую-то особенную яркость и силу.

Вѣдь адвокатъ правъ, тысячу разъ правъ! Въ Николаѣ уже нѣтъ того мужчины, который готовъ былъ идти изъ-за меня на вѣрную смерть. Другой человѣкъ, съ чисто русской болѣзнью *самоковырянья* и морализма, началъ брать верхъ, во время сидѣнья въ крѣпости.

Правъ Завацкій и въ этомъ: наши мужчины не любятъ женщины и не любятъ самаго чувства. Оно для нихъ—какой-то придатокъ, средство, а не цѣль, какъ для насъ.

Начинается нѣчто страшное и обидное для меня.

Было очень поздно. Я легла и, утомленная жданьемъ, задремала. Проснулась я не очень поздно... Кровать Николая пуста... Это меня испугало. Страхъ охватилъ меня внезапно.

Николай не возвращался домой. Развѣ это могло случиться такъ оттого только, что онъ прокутилъ всю ночь? А если нѣтъ—то онъ покончилъ съ собою.

Мысль о возможности самоубійства пронизала меня впервые, и такъ стремительно... Я вскочила и въ одномъ бѣльѣ бросилась изъ спальни.

Прислуга уже проснулась. Я подбѣжала къ двери кабинета. Она была заперта извнутри... Я постучала довольно сильно... Отвѣта не было.

Сейчасъ-же мнѣ представилась картина: Николай лежитъ на диванѣ съ прострѣленнымъ вискомъ. Я стала стучать и бить кулакомъ въ дверь.

Наконецъ Николай отперъ... Онъ былъ полуодѣтъ, безъ сюртука и галстука; лицо землистое, волосы въ безпорядкѣ.

— Что такое? Зачѣмъ ты заперся? закричала я и не выдержала—тутъ-же заплакала.

Онъ лѣниво прошелся по комнатѣ и сонным голосомъ выговорилъ:

— Поздно вернулся вчера... Не хотѣлъ тебя безпокоить.

— Какъ-же, ты такъ одѣтый и спалъ?

— Что-же за бѣда?

— Я намучилась вчера... Ты ничего не сказалъ. Заснула я очень поздно...

— Что-же тутъ такого особеннаго?... Встрѣтилъ одного товарища... москвича... Мы поужинали, я его проводилъ въ гостиницу и тамъ мы заговорились.

— Все это прекрасно, Николя... Но я только прошу: въ другой разъ не запираться такъ въ кабинетѣ.

Можетъ быть, отъ тревожной ночи, но я не могла подавить своей нервности и слезы тихо текли изъ моихъ глазъ.

Онъ поглядѣлъ на меня, стоя поодаль у письменнаго стола.

— Съ какой стати—началъ онъ—ты такъ волнуешься?... Самая обыкновенная вещь. Я тебя-же не хотѣлъ безпокоить.

— Это совсѣмъ не то! почти закричала я.

— То есть какже не то? глухимъ и неискреннимъ тономъ спросилъ онъ.

— Да, не то, не то! Я вижу куда это идетъ!

— Что—это? уже съ нѣкоторымъ раздраженіемъ переспросилъ Николай.

— Ты запираешься... тебя тяготитъ то, что у насъ общая спальня.

— Съ какой-же стати? началъ было онъ. — Но я дѣйствительно боюсь безпокоить тебя. Сплю я въ общемъ плохо.

— Я этого не замѣчала.

— Потому что я не хотѣлъ тебя тревожить.

— Стало-быть ты притворялся спящимъ?

— Если хочешь, да. Съ какой-же стати сталъ-бы я лишать тебя сна?

— Все это не то, Николай, заговорила я, чувствуя какъ слезы опять начинаютъ меня душить.—Пожалуйста не думай, что я, какъ пустая, взбалмошная бабенка, тревожусь изъ за пустяковъ, подозрѣваю тебя! Ты свободенъ... ты можешь проводить вечера какъ тебѣ угодно... И если я дѣйствительно безпокоилась, то на это есть причины.

— Какія?

Онъ въ разбитой и недовольной позѣ присѣлъ у стола, опустивъ голову.

— Какія, какія?! Я теряюсь, Николай. Я не имѣю права допрашивать тебя... Только ты совсѣмъ другой. Въ тебѣ что-то такое происходитъ. Согласись самъ: развѣ мы такъ живемъ, какъ оба мечтали... по крайней мѣрѣ какъ я имѣла поводъ мечтать? Я говорю не какъ смѣшная сентиментальная дамочка—ты знаешь, мнѣ не семнадцать, а тридцать лѣтъ. Насъ свела судьба — не зря, не по пустякамъ, мы

были созданы другъ для друга. Когда чувство охватило насъ обоихъ, у насъ не было ни минуты колебаній... Зачѣмъ я тебѣ все это повторяю! Ты это самъ прекрасно знаешь, — прибавила я, — и послѣ стольких испытаній, послѣ твоего полугодового сидѣнья въ крѣпости—и вдругъ, точно все рухнуло!

Голосъ мой упалъ: я была на волоскѣ отъ того, чтобы горько разрыдаться, быстро встала и начала ходить по кабинету. Николай продолжалъ сидѣть въ той-же позѣ у стола.

— Что-же по твоему надо дѣлать?

Это было сказано не то что жестко, а деревянно и неискренно. Я подбѣжала къ нему и схватилась за спинку кресла.

— Зачѣмъ ты говоришь со мной такимъ тономъ, Коля? Это грѣшно, недостойно тебя. Недостойно нашей любви. Право, если-бъ кто видѣлъ какъ мы переживаемъ нашъ медовый мѣсяцъ, то бы подумалъ одно изъ двухъ...

— Что такое? чуть слышно спросилъ онъ и недобрая усмѣшка повела его блѣдныя губы.

— А вотъ что: или ты тайно заподозрилъ меня въ чемъ-нибудь... я не знаю именно въ чемъ! Въ моей вѣрности къ тебѣ?.. Или же въ тебѣ самомъ что-нибудь произошло, въ твоей внутренней жизни. Но я чувствую, всѣмъ своимъ существомъ чувствую, что ты не тотъ человѣкъ, за которымъ я пошла. Вотъ ты говоришь мнѣ, что встрѣтилъ товарища и просидѣлъ съ нимъ въ ресторанѣ, и потомъ у него въ отелѣ до пѣтуховъ... Я была-бы такъ рада этому... твоей встрѣчѣ съ товарищемъ, съ которымъ-бы ты отвелъ себѣ душу. А я не могу этого... Я точно ревную къ нему... къ этому товарищу.

— Напрасно.

— Ты не хочешь знать почему? спросила я порывисто, чувствуя, что все во мнѣ вздрагиваетъ.

— Скажи—узнаю.

— А потому, что этотъ невидимка... онъ отнялъ у меня то, что принадлежитъ мнѣ по праву нашей любви, нашей связи. Конечно, ты говорилъ ему о себѣ, о встрѣчѣ со мною, о дуэли, о сидѣньи въ крѣпости... А главное, ты долженъ былъ изливаться ему о томъ, что въ тебѣ въ настоящую минуту происходитъ...

— Все это—преувеличенія, Дима.

— Какія преувеличенія, Николя? Неужели ты не понимаешь, что я теряюсь, что у меня точно нѣтъ земли подъ ногами! Тебя начали угнетать какія-то совсѣмъ ненужныя соображенія: и насчетъ того, что ты живешь на чужой счетъ, и насчетъ мнѣнія о тебѣ общества. Я чувствую, что не въ силахъ успокоить тебя, разубѣдить. Ты никуда

не хочешь идти, ни съ кѣмъ переговорить, а со мной ты избѣгаешь задушевной бесѣды...

— О чемъ-же говорить? спросилъ онъ вставая, и повелъ плечами.—Я начинаю чувствовать, Дима, до какой степени трудно мужчинѣ и женщинѣ сойтись, сладиться на чемъ-бы то ни было, какъ только они не охвачены инстинктомъ...

— Что ты называешь инстинктомъ? Самое дорогое, что у насъ есть съ тобой—нашу привязанность? Какъ тебѣ не стыдно!

Я разрыдалась и упала на диванъ. Николай не бросился меня успокоивать. Онъ отошелъ къ окну и долго не оборачивался. Это такъ меня кольнуло, что слезы остановились и въ груди запыло. Я оправилась и, продолжая сидѣть на диванѣ, послѣ длинной паузы, стала говорить спокойнѣе и совсѣмъ другимъ тономъ:

— Ну, хорошо. Я не буду нервничать. Я тебя слушаю, изложи мнѣ твою теорію. Ты что-же хотѣлъ сказать? Что только чувственная страсть можетъ минутами превращать мужчину и женщину въ одно существо? Ты такъ безпощаденъ ко всякимъ clichés, къ общимъ мѣстамъ морали; а что-же это такое, какъ не общее мѣсто?

— Ты не дала мнѣ докончить, заговорилъ Николай, поворачиваясь отъ окна.—Ты преисполнена только своимъ женскимъ чувствомъ... Но дѣло идетъ вѣдь не о тебѣ, а обо мнѣ. Тебя обижаетъ то, что я какъ-бы замкнулся въ себѣ... Стало быть, ты желаешь проникнуть въ мою душу, вѣдь такъ?

— Развѣ я не имѣю на это права?

— О правахъ намъ не пристало спорить, Дима, выговорилъ онъ гораздо искреннѣе, чѣмъ все предыдущее, и голосомъ, и тономъ. — Какія права?..

— У насъ нѣтъ правъ другъ на друга?

— Тебѣ нельзя держаться на этой почвѣ, промолвилъ онъ, покачавъ головой.

— Это почему?

— А потому что для тебя, какъ и для всѣхъ почти женщинъ, все сводится къ своему аффекту.

Я вспомнила выраженіе Завацкаго... Мужчины не могутъ не педантствовать!

— А кто не признаетъ ничего выше своей страсти, поползновенія или похоти,—обронилъ онъ,—тотъ не долженъ выставлять идею права.

— Мы не на диспутѣ, Николай! закричала я съ пылающими щеками.—Зачѣмъ намъ спорить? Въ эту минуту ты ведешь себя со мною недостойно такого честнаго и прямаго человѣка, какъ ты!

— Честный! Прямой! повторилъ онъ и засмѣялся такъ громко и странно, что меня даже дрожь пробрала.—Ты-бы лучше спросила меня

самого — какого я мнѣнія въ настоящую минуту о собственной личности...

Отойдя къ двери, онъ взялся за ручку и выговорилъ упавшимъ, почти просительнымъ тономъ:

— Ради Бога, прекратимъ этотъ разговоръ. Позволь мнѣ умыться и перемѣнить платье.

Онъ ушелъ. Я оставалась на диванѣ и въ груди чувствовала я все то же засасывающее нытье.

Я точно вышла изъ оцѣпенѣнія. «Что это такое? внутренно повторяла я,—что это еще за новость? Почему этотъ дикій хохотъ? Развѣ онъ пересталъ себя даже считать просто честнымъ человѣкомъ? Стало-быть, я не могу уже судить и объ этомъ, знать — что за человѣкъ, котораго я полюбила?»

На письменномъ столѣ увидала я толстую переплетенную тетрадь и сейчасъ-же подумала, что это — его дневникъ.

И такъ мнѣ тетрадь эта сдѣлалась ненавистна, что я подбѣжала къ столу, схватила ее и стала теребить. Но она была сдѣлана въ видѣ портфеля съ замочкомъ. Замокъ былъ запертъ. Я было рванула кожу. Мнѣ стало стыдно. Портфель-дневникъ выпалъ у меня изъ рукъ.

V.

Я уже предчувствовала, что Николай не хочетъ имѣть общей спальни. Маленькая инфлюэнца продолжалась съ нимъ четыре дня.

Онъ этимъ воспользовался и перешелъ въ кабинетъ, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы меня не безпокоить.

Но это одинъ предлогъ. Ему тяжело со мною.

Въ немъ сильнѣе, чѣмъ я думала, всплылъ наружу холостякъ, женившійся подъ сорокъ лѣтъ. Онъ какъ-бы совсѣмъ не созданъ для жизни вдвоемъ, для такой жизни, безъ которой не можетъ быть горячей супружеской связи... Ему до сихъ поръ точно не по-себѣ—быть въ интимныхъ отношеніяхъ съ женщиной, одѣваться при ней, умываться... И этого мало! Чувствуется, что женщина въ спальнѣ вызываетъ въ немъ брезгливое чувство. Онъ стѣсненъ и слишкомъ плохо скрываетъ это.

Завацкій тысячу разъ правъ, находя, что Николай — настоящій русскій, не любитъ ни женщины, ни любви.

Боже мой! Развѣ я требую распущенности? Развѣ я бьюсь изъ-за того только, чтобы *обладать имъ*, какъ мужчиной? Мнѣ и самое слово-то это противно! Но кто любитъ, тотъ ищетъ постоянной близости, тому дорого то, что приноситъ съ собою жизнь душа въ душу.

А душа его уходитъ отъ меня.

Мнѣ стало такъ горько вчера ночью, что я не выдержала и пошла къ нему. Каюсь, только подъ предлогомъ узнать — не нужно-ли ему чего-нибудь? Я слышала, что онъ покашливалъ.

Я тихонько пріотворила дверь кабинета. Тамъ было темно.

— Коля!—окликнула я.

Онъ не сразу отвѣтилъ.

— Ты вѣдь не спишь? Я слышала, что ты кашляешь. Не нужно-ли тебѣ чего?

— Ничего не нужно, — выговорилъ онъ хрипло и недовольнымъ тономъ.

— Жара нѣтъ?

Я вошла въ кабинетъ и полуощупью придвинулась къ турецкому дивану, гдѣ онъ устроилъ свою постель.

Сознаюсь, мнѣ не слѣдовало дальше безпокоить его, «приставать», какъ выражаются всѣ мужья, но я не могла справиться съ собою, да и не считала честнымъ скрывать отъ него горькіе вопросы, нахлынувшіе на меня особенно сильно съ тѣхъ поръ, какъ онъ, подъ предлогомъ своего нездоровья, сталъ жить холостой жизнью.

Николай повернулся къ спинкѣ дивана; я почувствовала это по легкому треску пружинъ.

Онъ своимъ движеніемъ хотѣлъ вѣроятно показать мнѣ, что мои вопросы тяготятъ его; а я продолжала «приставать».

Такова видно наша женская доля: наталкиваться на невниманіе и упорство тѣхъ, кого мы любимъ. Только мы не позволяемъ себѣ возводить это въ теорію и бросать имъ въ лицо низменность ихъ натуры.

— Я уйду,—кротко, почти сконфуженно вымолвила я; но не ушла: а, нащупавъ край дивана, гдѣ валикъ—присѣла.

— Тебѣ не спится?—спросила я.

— Немного забылся, — отвѣтилъ онъ, тягучимъ, простуженнымъ голосомъ.—Теперь такъ лежалъ.

— Давно?

— Не знаю; не смотрѣлъ на часы.

— Не зажечь-ли свѣчу?

— Нѣтъ, не надо... Только мнѣ непріятно, что ты все вскакиваешь. Съ какой стати утомлять себя? Вѣдь у меня нѣтъ ничего серьезнаго... Да и рискованно.

— Что рискованно?

— Инфлюэнца прилипчива... И ты сляжешь...

— Мнѣ все равно!

Мой возгласъ былъ неумѣстенъ, я это знаю. Въ немъ Николай не могъ не почуять ѣдкаго упрека за его поведеніе. Какже съ этимъ быть? Душа — не машина. Легко говорить: «нужна воля, нужна вы-

держка!» Мужчины любятъ это повторять; а сами на каждомъ шагу провираются. Они въ тысячу разъ несдержаннѣе насъ.

— Какая ты странная, Дима, — началъ Николай, какъ-будто нехотя, не поворачивая ко мнѣ головы.—Ты видишь, я избѣгаю всякихъ поводовъ къ столкновеніямъ или, лучше сказать, къ неопрятнымъ дрязгамъ совмѣстной жизни.

— Какія дрязги? Какія неопрятности?—порывисто вскричала я.— Я не понимаю: о чемъ ты говоришь!

— Ну, хорошо... извини меня. Я, быть можетъ, самъ дурно на тебя дѣйствую. Не желая того, вызываю въ тебѣ безпокойство. Вспомни, что я никогда не жилъ... вдвоемъ, — выговорилъ онъ съ нѣкоторымъ усиліемъ.—У всякаго уже немолодого холостяка образуются привычки.

Эти слова Николая скорѣе обрадовали меня. Онъ самъ подтверждалъ мою мысль: холостякъ дѣйствительно сказался въ немъ, и въ этомъ нѣтъ еще ничего ужаснаго. Хорошо, если-бъ подъ этимъ не крылось другого.

Но видитъ Богъ, я не хотѣла его допрашивать!

— Прекрасно, — сказала я ему. — Я и не настаиваю. Тебя стѣсняетъ многое... ты привыкъ имѣть все отдѣльное... Жаль только, что ты мнѣ не сказалъ этого раньше. Я могла-бы взять другую квартиру и у тебя при кабинетѣ была-бы еще комната...

— Мнѣ здѣсь очень удобно,— остановилъ онъ меня менѣе мягко.— Я привыкъ лежать низко. Да и воздуху въ этой комнатѣ гораздо больше.

— Хорошо, хорошо!—поторопилась я согласиться.

Мнѣ надо было уходить; а внутри меня глодалъ какой-то червякъ. Я готова была крикнуть:

«Все это не то! Ты ушелъ отъ меня не въ одинъ этотъ кабинетъ, не матеріально... Въ тебѣ происходитъ нѣчто, и оно грозитъ чѣмъ-то зловѣщимъ нашему чувству».

Такъ оно и вышло. Въ настоящую минуту я не могу даже припомнить что̀ я сказала, собравшись уходить отъ Николая. Вѣроятно, это было какое-нибудь одно слово или восклицаніе. Кажется, онъ отозвался на него тоже однимъ словомъ или звукомъ, который переполнилъ чашу.

И опять полились мои рѣчи. Я не хныкала, не придиралась къ нему, не позволяла себѣ гнѣвныхъ выходокъ; но я настаивала на томъ, что я права, что онъ ведетъ себя со мною болѣе чѣмъ странно, что онъ не можетъ не понимать: до какой степени это огорчаетъ и гнететъ меня.

— Вѣдь ты меня знаешь, — сказала я ему, — не со вчерашняго дня. У насъ есть большое прошедшее. Вотъ уже около двухъ лѣтъ, какъ мы полюбили другъ друга. Вспомни, какъ ты сближался со мною, что заставляло тебя всего больше сочувствовать мнѣ? То, что между

мною и моимъ первымъ мужемъ была только внѣшняя связь. Я не упрекаю тебя за то, что такой мотивъ разговоровъ между замужней женщиной и другомъ дома—обыкновенный пріемъ ухаживанья, то, съ чего такъ часто начинаются романы нашихъ дамъ. Я не считаю тебя теперь, какъ не считала и тогда—хищникомъ, который пускаетъ въ ходъ избитый пріемъ ухаживанья. Я говорю только, что ты долженъ, болѣе чѣмъ кто-либо, понимать: до какой степени меня убиваетъ чувство отчужденности, въ какой я очутилась... и такъ неожиданно, такъ незаслуженно!

И вмѣсто прямого отвѣта на крикъ моей души, Николай самъ задалъ мнѣ вопросъ тономъ человѣка, который точно будто ждалъ случая накинуться на себя самого.

— Такъ по-твоему выходитъ,—спросилъ онъ меня съ дрожью въ голосѣ,—что я сближался съ тобою, при жизни твоего перваго мужа, какъ благородный рыцарь? Ха, ха, ха!

Этотъ дикій хохотъ окатилъ меня нестерпимо жуткимъ ощущеніемъ.

— Въ томъ-то и заключается трагедія между мужчиной и женщиной,—продолжалъ Николай, приподнимаясь на локтяхъ,—что вы помогаете намъ лгать самимъ себѣ... Безъ васъ намъ легче обнажать передъ самими собою наши хищные инстинкты... А тутъ—насъ слушаютъ, благодарятъ насъ за сочувствіе, позволяютъ разцвѣчать на разные лады эту ложь и этотъ самообманъ!

— Что ты говоришь...

Я просто вся похолодѣла.

— То и говорю. Шесть мѣсяцевъ, проведенныхъ мною съ глазу на глазъ съ собою и своей собственной совѣстью, прошли не даромъ... Не взыщи за то, что я показываю тебѣ въ настоящую минуту итоги этого сидѣнья... Хуже всего ложь!.. Нужды нѣтъ, что она была неумышленная, что она сказывалась въ формѣ постояннаго и прогрессивнаго самообмана. Я отвѣчаю на твою аттестацію. Пеняй на себя... ты вызвала во мнѣ отпоръ.

Онъ совсѣмъ сѣлъ, облокотившись на подушки. Я видѣла въ полутьмѣ отъ уличнаго свѣта, какъ онъ началъ нервно жестикулировать.

— Нѣтъ, говорю я тебѣ. Ты, какъ настоящая женщина, когда страсть заговорила въ тебѣ, потеряла чутье правды... не распознала, что и я, въ сущности, былъ такой-же хищникъ, какъ и большинство тѣхъ мужчинъ, кто доводитъ женщину до разрыва съ мужемъ. И, быть можетъ, въ десять разъ хуже перваго попавшагося развратника, который и не станетъ прикрываться никакими высшими мотивами и фразами. Да, я инстинктомъ зачуялъ, что тема твоего душевнаго одиночества самая благодарная, и мнѣ казалось, что я поступаю, какъ истинный рыцарь; а подкладка была все та-же!

Я не дала ему досказать. Мнѣ было слишкомъ больно, больнѣе, чѣмъ если-бъ онъ сталъ обличать меня, назвалъ-бы меня развратницей, которая вовлекла его въ грязную связь съ женой человѣка, не сдѣлавшаго ему никакого зла. Но это была новая вспышка все того-же душевнаго процесса. Онъ опять воспользовался моимъ естественнымъ, неизбѣжнымъ вопросомъ, чтобы выставить себя, заднимъ числомъ, какъ хищника, разыгравшаго со мною, скучающей тридцатилѣтней барыней, пошлую комедію адюльтера.

И за него, и за насъ обоихъ мнѣ было невыносимо обидно. Это являлось какимъ-то озорствомъ, если не временнымъ помраченіемъ, если не запоздалымъ припадкомъ того самоковырянья, о которомъ говорилъ такъ тонко и проницательно Завацкій.

Мнѣ захотѣлось дать на него окрикъ, какъ на капризнаго больного и сейчасъ-же мнѣ стало его жаль. Какое-то смутное предчувствіе зашевелилось внутри.

Быть можетъ, онъ нажилъ, во время шестимѣсячнаго сидѣнья, начало какого-нибудь нервнаго разстройства, и было-бы неразумно, дико: негодовать на него, даже возражать.

Эта мысль совсѣмъ меня парализовала. Я поднялась, подошла къ его изголовью и прикоснулась къ плечу.

— Ради Бога, замолчи,—сказала я ему умоляющимъ голосомъ.— Не разстраивай себя! Прости меня, я сама виновата. Почивай!

Николай не порывался больше говорить; но онъ сдѣлалъ жестъ, который я истолковала, какъ убѣжденіе въ томъ, что женщина, и всего болѣе я, неспособна понять его.

VI.

Два горькихъ разговора и никакого выхода. Мнѣ самой дѣлается слишкомъ тяжело приставать къ нему; но и выносить такое положеніе еще тяжелѣе.

Живемъ мы вмѣстѣ, въ одной квартирѣ, проводимъ нашъ медовый мѣсяцъ... И что это за жизнь? Мы точно арестанты... Онъ сидитъ у себя или уходитъ, всегда одинъ. Я тоже, въ своемъ кабинетикѣ. Ни программы жизни, ни занятій, ни свѣтскихъ интересовъ—ничего!

На меня даже нашла какая-то оторопь, малодушный страхъ, я какъ-будто не рѣшаюсь никому показаться на глаза... Положимъ, меня не очень привлекаютъ знакомые; но все-таки Николаю слѣдовало-бы самому сдѣлать нѣсколько визитовъ вмѣстѣ со мною. А то мы точно какъ бѣглецы или преступники.

Онъ не занятъ; а голова его продолжаетъ болѣзненно работать.

И я также не могу, вотъ уже который день, освободиться отъ постояннаго перебиранья все однихъ и тѣхъ-же вопросовъ. Сонъ у меня

отвратительный, я забываюсь только на разсвѣтѣ. Мнѣ не хочется прибѣгать къ наркотическимъ средствамъ, а придется; и, пожалуй, незамѣтно превратишься въ морфинистку.

Послѣдній разговоръ, ночью, у него въ кабинетѣ, сначала испугалъ меня за него... На меня пахнуло чѣмъ-то ненормальнымъ. Въ первый разъ я готова была увидѣть въ немъ чуть не психопата. Я и теперь думаю, что ему надо-бы обратиться къ врачу. Но въ немъ есть много пассивнаго упорства и эту сторону его натуры я совершенно проглядѣла. Такъ оно и всегда бываетъ съ нами, когда загорится въ насъ то, безъ чего, должно-быть, не проживетъ никакой женщинѣ съ душой. Если я ему скажу:—«тебѣ-бы посовѣтоваться съ врачомъ»—онъ, разумѣется, не согласится. Какого врача рекомендовать ему? По общимъ болѣзнямъ—это ни къ чему не послужитъ; а указать спеціалиста по нервнымъ разстройствамъ—онъ пойметъ, что я заподозрила его въ психопатіи.

Психопатія! Этимъ словомъ теперь такъ злоупотребляютъ. Но для меня гораздо важнѣе: сначала допытаться, что происходитъ въ душѣ Николая возможнаго, допустимаго даже и безъ всякаго болѣзненнаго разстройства.

Въ послѣднемъ разговорѣ была опять вспышка его *мужской* совѣсти. Онъ обвиняетъ себя заднимъ числомъ. Онъ считаетъ свое сближеніе со мной совсѣмъ не такимъ честнымъ, какимъ я его считала и до сихъ поръ считаю. Это преувеличено, но безумно-ли?—не знаю. Опять характеристика, сдѣланная Завацкимъ, припомнилась мнѣ и я снова убѣждаюсь въ ея вѣрности.

Да, былъ такой моментъ, когда Николай увлекся мною. Тогда его чувство и поведеніе были *прямолинейны*, какъ выражается его адвокатъ. Но съ тѣхъ поръ прошло болѣе года... Дуэль и сидѣніе въ крѣпости вызвали броженіе и вмѣсто страстно любящаго мужчины передо мною кающійся грѣшникъ.

Но полно, такъ-ли? Одно-ли это говорило въ немъ, когда онъ сталъ обличать себя, какъ хищника? Обвинялъ онъ себя, но себя-ли одного?

Постараюсь распутать это, насколько позволяетъ мнѣ моя бѣдная *женская* голова. Пускай я—несвободна; пускай я нахожусь въ рабствѣ у своего чувства, у своей страсти; но все таки и у меня есть нѣкоторая логика.

Теперь онъ смотритъ на себя какъ на хищника, который впадалъ въ самообманъ. Что-же это значитъ? Развѣ этимъ самымъ онъ не хочетъ сказать, что главная виновница—я? Я во время не остановила его, не распознала въ немъ «презрѣннаго инстинкта». Онъ мнѣ не сказалъ ничего оскорбительнаго въ такомъ именно смыслѣ; но это чувствовалось. Не прекрати я разговоръ, навѣрно я услыхала-бы отъ него что-нибудь въ такомъ родѣ:—«женщина должна фатально помогать намъ во всемъ хищномъ, во всякой поблажкѣ нашей чувственности и самообману».

И разъ въ немъ самомъ нѣтъ вѣры въ то, что наше сближеніе было неизбѣжно, что насъ влекло нѣчто, стоящее выше всякихъ фарисейскихъ запретовъ морали—онъ не можетъ ни чувствовать, ни разсуждать иначе.

Я дѣлаюсь для него сообщницей...

Неужели это такъ? И я въ какихъ-нибудь десять дней дошла до сознанія своего безсилія?..

Боже мой! Къ чему я все это перебираю? Видно и я уже заразилась болѣзнью моего мужа. Вѣдь это прямо — признаваться въ своемъ банкротствѣ. Стало-быть я, какъ женщина, не могу, не умѣю привлечь его опять къ себѣ, заставить стряхнуть съ себя этотъ психопатическій маразмъ. Господи! Неужели такъ оно выходитъ? И это не временное разстройство, а начало глубокаго душевнаго переворота?

Не хочу съ этимъ соглашаться! Мы привыкли слишкомъ многое объяснять часто нравственными причинами. А дѣло тутъ часто гораздо проще и нейдетъ дальше матеріи. Я, слава Богу, не считаю себя истеричной. Зато сколько я уже знавала нервныхъ женщинъ, у которыхъ вся жизнь была испорчена оттого, что онѣ во время не занялись собою... Запущенное малокровіе, неудачное материнство, глупый образъ жизни, и глядишь—психопатка готова!

Но какъ довести Николая до необходимости заняться собою? Не можетъ быть, чтобы я чего-нибудь не придумала; а пока я даю себѣ слово: не вызывать его ни на какой нервный разговоръ. Простуда его почти совсѣмъ уже прошла. Я не знаю — хорошо-ли онъ спитъ; по крайней мѣрѣ я не слышу отъ себя ночью ни малѣйшаго шороха. Онъ не ворочается, не зажигаетъ свѣчи, не ходитъ по комнатѣ.

Если-же онъ самъ начнетъ опять обличать себя—я буду отвѣчать ему иначе, я напомню ему, не въ общихъ фразахъ, а подробно, если нужно шагъ-за-шагомъ, какъ происходило наше сближеніе. Онъ долженъ будетъ сознаться, что мы не могли обманывать другъ-друга или вдаваться въ жалкій самообманъ. И въ эту минуту я готова была-бы явиться передъ какимъ угодно судилищемъ и самымъ безпощаднымъ образомъ разобрать всѣ свои побужденія, мысли, поступки.

Я полюбила. Боже мой! Неужели мужчины не могутъ признать, что безъ какого-то электрическаго удара, когда все ваше существо преображается — страсть немыслима, и то, что они называютъ *чувственностью*, есть только неизбѣжная уступка нашей природѣ?! Развѣ женщина, способная любить—въ состояніи быть хищницей? Всегда ея чувство переживаетъ инстинктъ. Мужчина старѣетъ, дурнѣетъ, теряетъ въ глазахъ всѣхъ свой престижъ; но для нея одной онъ все тотъ-же... и гораздо больше, чѣмъ женщина для мужчины.

Мой первый мужъ былъ только на два года старше Николая, кра-

сивѣе его, бодрѣе на видъ... Я знаю, что многимъ онъ серьезно нравился. Я и сама испытывала на себѣ его физическое обаяніе мужчины, до тѣхъ поръ, пока не узнала, что такое *другая* любовь.

Мы сошлись съ Николаемъ вовсе не такъ, какъ онъ теперь представляетъ. Никакихъ селадонскихъ утѣшеній и «подходовъ» онъ не позволялъ себѣ. Какъ только я почувствовала, что и онъ любитъ, то сейчасъ-же вся моя жизнь съ мужемъ представилась мнѣ пустой, безсознательно-лживой, лишенной поэзіи и высшей радости. Я не драпировалась, я не выдавала себя за жертву, за несчастную женщину, изнывающую отъ непониманія, эгоизма и грубости своего супруга и повелителя.

Онъ выказалъ себя жестче, ограниченнѣе, себялюбивѣе — потомъ, когда я предложила ему возвратить мнѣ мою свободу; но раньше, во время нашего сближенія съ Николаемъ, я никогда ни въ чемъ мужа не обвиняла. Я жила полусознательно.

А если это такъ, то какая я сообщница, какая я подстрекательница, и какой разумный поводъ имѣетъ Николай: считать меня сколько-нибудь виновной въ томъ, что онъ называетъ теперь своимъ хищничествомъ?

Боже мой! Если-бъ въ немъ самомъ было то, чѣмъ онъ пылалъ годъ тому назадъ — развѣ мыслимо было-бы то, что теперь начинаетъ подъѣдать нашу жизнь? Да, они не такъ созданы, какъ мы, и то, что для насъ — высшая радость, и сила, и обаяніе, то для нихъ — только пароксизмъ, припадокъ, блажь, что-то чуть не низменное и не животненное! Мы способны все простить и все перенести изъ-за чувства. Они ведутъ какую-то двойную бухгалтерію, для нихъ нужно, чтобы любовь не смѣла нарушать ихъ душевный покой; они не поступятся ей ничѣмъ, что составляетъ ихъ достоинство, безукоризненность ихъ поведенія или даже ихъ совершенно условные взгляды и привычки.

И прежде я это понимала; но никогда еще не переживала этого такъ, какъ теперь.

Пожалуй, какой-нибудь дешевый моралистъ закричитъ:

«Пришло *возмездіе* и вы должны претерпѣть его!»

Возмездіе—за что? Все это фразы! Развѣ мы одни полюбили другъ друга въ тѣхъ-же точно условіяхъ? Кто мѣшаетъ намъ отдаться тому счастію, какое мы взяли дорогой цѣной? Никто и ничто. У меня нѣтъ предубѣжденій, я не боюсь никакихъ пересудъ и гримасъ кумушекъ; но я и не желаю открывать у себя салонъ. Николай былъ не менѣе меня смѣлъ, онъ зналъ — на что онъ идетъ. Не изъ одной жалости ко мнѣ сошелся онъ со мной. Надо пользоваться тѣмъ, что добыто такой дорогой цѣной. Надо! *Мы*—женщины—это понимаемъ и чувствуемъ. А у мужчинъ другая логика.

Когда мы сближались съ нимъ—ни одинъ изъ насъ не хотѣлъ выгораживать своего поведенія. Мы прекрасно знали, какимъ словомъ—даже въ самыхъ испорченныхъ кружкахъ—называютъ то, что между нами завязалось.

Потому-то мы и не хотѣли адюльтера съ его унижающей грязью и пошлостью. Его и не было, если формально не придираться. Довольно и того: что мнѣ, какъ вѣроятно десяткамъ и сотнямъ замужнихъ женщинъ, пришлось испытать, когда въ первый разъ я пошла объясняться съ Иваномъ Андреевичемъ. Вѣдь и онъ считалъ себя либеральнымъ мужемъ, и онъ говаривалъ, что за чувство—если оно искренно—никто не можетъ быть отвѣтственъ. А тутъ сейчасъ-же заслышались другіе звуки. И въ этомъ мужчины—сколько-бы ни просуществовала земля—будутъ всегда вѣрны себѣ: ихъ увлеченія—какъ-бы они ни были дрянны и пошлы—не могутъ представляться имъ такими, какъ увлеченія женщины, если она связана. Мнѣ теперь сдается, что въ мужчинахъ есть какой-то первородный грѣхъ возмутительной несправедливости, какъ только дѣло коснется женщины, ея чувства, ея правъ на счастье. Они этимъ самымъ выдаютъ себя, свои чисто животненные инстинкты, свою неспособность подняться надъ грубой подозрительностью, въ которой сквозитъ ихъ унижающій взглядъ на чувство любви.

VII.

Судьба или детерминизмъ, какъ любитъ выражаться Николай. Подаютъ мнѣ карточку: *Пелагея Герасимовна Кобрина.* Я въ первую минуту не сообразила — кто это; но вспомнила, что это моя когда-то старшая подруга по гимназіи Паша Клементьева. Мы съ ней не видались больше восьми лѣтъ—можетъ быть и цѣлыхъ десять. Она рано вышла замужъ и рано овдовѣла, поступила на медицинскіе курсы и потомъ получила степень въ Парижѣ. Объ ней даже писали въ тамошнихъ газетахъ. Кажется, она на годъ или на полтора старше меня.

Когда она вошла, мнѣ сразу показалось, точно будто это совсѣмъ другая личность. Въ памяти моей сохранилась фигура довольно красивой, худенькой блондинки, не очень большого роста; а теперь она — рослая, видная, полная, даже очень полная женщина: лицо круглое, съ немного пухлыми щеками и—какъ мнѣ показалось—цвѣтъ кожи слишкомъ ровный. И глаза чуть-чуть подведены. На лбу модный хохолъ. Шляпка—огромная, со множествомъ цвѣтовъ и бантовъ, и дорогое шелковое платье. Отъ вздутыхъ рукавовъ фигура ея кажется еще болѣе мужественной.

Мы встрѣтились какъ подруги и заговорили на ты. И голосъ ея сдѣлался ниже, гуще, гораздо сильнѣе чѣмъ прежде, немножко съ хрипотой. Сейчасъ видно, что Парижъ сильно прошелся по ней, особенно въ манерѣ говорить—сыпать слова увѣренно и рѣзковато.

Обо мнѣ она тоже ничего не знала и даже здѣсь въ Петербургѣ, за цѣлые полгода, ни отъ кого не слыхала. Теперь она обжилась и пріобрѣла уже хорошую практику.

— Ты по какой-же спеціальности? спросила я ее.

Она оглянула меня, какъ-бы желая сказать этимъ взглядомъ: «какъ же ты не знаешь кто я и на чемъ пріобрѣла извѣстность».

Я даже немножко сконфузилась.

— Я ученица Шарко, сказала она мнѣ.

— И тамъ-же получила степень?

— Тамъ.

— Значитъ, ты докторъ медицины парижскаго университета?

— Naturellement! шутливо воскликнула она парижскимъ жаргоннымъ словомъ.

— Поздравляю.

И сейчасъ же меня пронизала мысль, что этотъ визитъ—не спроста. Не спроста—для меня. У ней врядъ-ли была какая-нибудь задняя мысль, кромѣ желанія расширить свои связи.

Особенной дружбы между нами не было, но мы ладили, одно время даже удалялись въ физическій кабинетъ и тамъ много болтали. Если она была ученицей Шарко, стало-быть ея спеціальность—нервныя и душевныя болѣзни.

— Ты психіатръ? спросила я, стараясь сдержать свое волненіе.

— Конечно.

Сейчасъ-же я сообразила: чего-же лучше, какъ не воспользоваться знакомствомъ съ ней, чаще приглашать ее къ обѣду?.. Она по профессіи должна быть наблюдательна... Въ какихъ-нибудь три-четыре недѣли она, и безъ моихъ указаній, составитъ себѣ мнѣніе о душевномъ настроеніи Николая.

— Ты за вторымъ мужемъ? спросила меня Кобрина, и глаза ея—очень искусно подведенные—игриво прищурились.

Значитъ, она слышала—кто мой мужъ и какое у меня прошедшее.

— Да, я вышла въ другой разъ.

Она наклонилась ко мнѣ и въ полголоса, все съ той-же миной, спросила:

— Ты, кажется, со мной стѣсняешься? Я безъ предразсудковъ.

Будь у ней другой тонъ—я-бы не выдержала и стала-бы ей изливаться. Но она, должно быть именно въ Парижѣ, пріобрѣла что-то для меня чуждое. Я рисковала наткнуться на тотъ оттѣнокъ женской положительности, который наши барыни такъ хорошо себѣ усвоиваютъ, поживши во Франціи, на полной волѣ.

Кобрина смотрѣла именно такой свободной женщиной. Можетъ быть у ней есть возлюбленный... Она сумѣетъ устроить свои любовныя дѣла такъ-же ловко, какъ и все остальное.

—А ты давно вдовѣешь? спросила я.

— Ахъ Боже мой, я уже забыла даже, когда я овдовѣла.

— И держишься за свою свободу?

— Безусловно.

Мы сидѣли въ моемъ будуарѣ. Это было часу въ четвертомъ.

Вошелъ Николай. Онъ, кажется, не зналъ, что у меня гостья. Вѣроятно, онъ откуда-нибудь вернулся, потому что былъ одѣтъ не по домашнему. Я сейчасъ-же подмѣтила на его лбу извѣстную мнѣ черту недовольства. Онъ, должно-быть, хотѣлъ спросить меня о чемъ-нибудь. И видъ моей подруги, и ея тонъ заставили его сразу же сжаться. Онъ вообще и прежде былъ застѣнчивъ и не любилъ такихъ женщинъ, на которыхъ надо сейчасъ-же обращать вниманіе. Я познакомила ихъ, сказала, что Кобрина—женщина-врачъ, учившаяся въ Парижѣ; но умышленно скрыла, что она ученица Шарко. Она могла, конечно, упомянуть объ этомъ въ разговорѣ; но могло случиться и по другому.

Въ съеженной позѣ сидѣлъ Николай и сначала отмалчивался.

Кобрина стала говорить о себѣ, о своихъ успѣхахъ, о томъ, что ей эти успѣхи достались гораздо труднѣе, чѣмъ женщинамъ, которыя учатся теперь въ Парижѣ.

— Тамъ и до сихъ поръ,—продолжала она—студенчество парижскихъ школъ еще не помирилось съ тѣмъ, что женщины могутъ конкурировать съ нимъ. Французъ въ сущности презираетъ женщину во всемъ, что не ея особенное царство. Вы помните — обратилась она къ Николаю—еще не такъ давно происходили дикія сцены и въ Ecole de médecine, и въ Сорбоннѣ, на лекціяхъ по исторіи литературы? Кто самъ не испытывалъ этого—не имѣетъ понятія о томъ, до какого цинизма могутъ всѣ эти милые молодые люди въ беретахъ доходить въ крикахъ, издѣвательствахъ, пѣсенкахъ... Que sais-je!..

— Тутъ можетъ быть,—сказалъ Николай, поглядывая на нее въ бокъ—кромѣ чувства профессіональнаго соперничества, есть и еще кое-что...

— Что-же именно? нѣсколько задорно спросила Кобрина.

— Да вотъ хотя-бы въ скандалахъ въ парижской Сорбоннѣ... Тутъ какое-же профессіональное соперничество? Приходятъ слушать лекціи литературы. А на дѣлѣ дамы—насколько я могу судить по газетамъ — сдѣлали изъ нѣкоторыхъ аудиторій ярмарку тщеславія. По уставу аудиторія принадлежитъ настоящимъ слушателямъ — студентамъ и всѣмъ, кто связанъ съ университетомъ серьезными занятіями. Дамы овладѣли лучшими мѣстами, являются конечно расфранченными — Николай посмотрѣлъ на ея шляпку—конечно болтаютъ, переглядываются, дѣлаютъ лектору дешевыя оваціи... Имъ непремѣнно нужно какого-нибудь... какъ бишь, имя того метафизическаго философа въ комедіи Пальерона?..

— Le Bellac des dames? весело подсказала Кобрина. Что-же! Это, если хотите, правда. Всегда у такихъ дамъ были свои первые тенора по части философіи и литературы... Вы помните, что Беллякъ — это немножко шаржированный портретъ покойнаго профессора философіи Каро... Теперь пошли другіе, теперь любимцемъ сдѣлался господинъ Брюнетьеръ— протянула она, поведя насмѣшливо своимъ крупнымъ ртомъ, тоже — какъ мнѣ кажется—немножко подцвѣченнымъ. И въ эту минуту я замѣтила, какъ Николай глядѣлъ именно на ея слишкомъ яркія губы.

— Стало быть,—болѣе тревожно продолжалъ онъ—вы сами допускаете, что у студенчества были и другіе мотивы?

— Но развѣ можно смѣшивать вздорныхъ дамочекъ... des caillettes— как ихъ называютъ тамъ — съ молодыми женщинами и дѣвушками, способными серьезно преслѣдовать свои цѣли... нисколько не хуже тѣхъ, между нами говоря, шелопаевъ, которые сидятъ по цѣлымъ днямъ въ caboulots Латинскаго квартала?..

— А что такое caboulots? спросила я.

— Ты не знаешь?

— Да и я не знаю, прибавилъ Николай.

— Пивныя, гдѣ прислуживаютъ женщины. Это — язва Латинскаго квартала и скандалисты всего больше набираются изъ такихъ... piliers d'estaminet.

— Можетъ быть, откликнулся Николай, но вѣдь студенты, какъ они ни юны и ни безпорядочны—все-таки, въ концѣ концовъ, чувствуютъ, что тутъ дѣло идетъ о радикальной разницѣ...

— Въ чемъ? перебила его Кобрина. Въ натурѣ мужчины и женщины? Ха, ха, ха!

И обращаясь ко мнѣ она, вскинувъ головой, спросила:

— Развѣ твой мужъ—*мизогинъ*?

— Ненавистникъ женщинъ, хотѣли вы сказать?

Николай всталъ и отошелъ къ моему письменному столику.

— Мой личный взглядъ—тутъ не при чемъ, продолжалъ онъ гораздо рѣзче. Но возьмите вы ту самую дамскую аудиторію, с которой сейчасъ была рѣчь. Неужели вы думаете, что есть какая-нибудь существенная разница между этими, какъ вы ихъ называете, перепелками..

— И кѣмъ? сухо и довольно строго остановила его Кобрина.

— И какой-бы то ни было другой женской аудиторіей. *Она* можетъ быть болѣе подготовлена, сдавать экзамены, дѣлать даже операціи или работать въ лабораторіяхъ; но психологія ея, и въ общемъ, и въ частностяхъ — останется та-же самая. Всегда у ней будутъ фетиши: профессоръ-ли, проповѣдникъ-ли, теноръ или наѣздникъ въ циркѣ! Что парижская Сорбонна, что любой петербургскій институтъ благородныхъ

дѣвицъ—факты женской психологіи будутъ принадлежать къ тому-же порядку.

— Такъ вотъ какихъ взглядовъ твой мужъ?! обратилась ко мнѣ Кобрина и ея прищуренные глаза сказали: «Не поздравляю тебя».

— Вы не думайте, что я слагаю оружіе передъ вашими доводами, сказала она поднимаясь. Если позволите, мы еще съ вами поговоримъ на эту тему.

Она встала, оправилась и, уходя, сказала Николаю:

— Женщинѣ нѣтъ никакой надобности отказываться отъ своей натуры. Оттого-то милые молодые люди въ беретахъ такъ и неистовствуютъ: до сихъ поръ она царила только какъ женщина; а теперь приходится тягаться съ ней и мозгами.

Проводивъ Кобрину, я вернулась къ себѣ и не нашла уже Николая. Онъ былъ въ кабинетѣ.

— Тебѣ нужно было что-нибудь?

— Я уже совсѣмъ забылъ, отвѣтилъ онъ мнѣ упавшимъ голосомъ. Эта профессіональная барыня—твоя подруга?

— Да, я, кажется, тебѣ объ ней говорила.

— И она воображаетъ, что докторскій дипломъ переродилъ ее! Можетъ быть, она написала прекрасную диссертацію, но пускай свѣжій человѣкъ войдетъ въ салонъ, гдѣ она изволитъ возсѣдать. Что она собою изображаетъ? Бабѣ сильно за тридцать, щеки набѣлены, брови подкрашены, да и губы также. Что мечется въ глаза во всемъ ея существѣ? Чѣмъ она хочетъ быть прежде всего, что возбуждать въ своихъ соперникахъ мужчинахъ? Какому богу она служитъ? Да все тому-же. Ха, ха, ха!

Я не стала ему возражать. Мнѣ было только очень, очень досадно, что Кобрина произвела на него такое именно впечатлѣніе. Ей будетъ непріятно бывать у насъ... Николай способенъ заводить съ ней все такіе-же раздражающіе разговоры; это ее будетъ монтировать и она—какъ врачъ, какъ спеціалистка по нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ — не въ состояніи будетъ наблюдать спокойно.

И тутъ неудача. Но сдается мнѣ, что никакой спеціалистъ не поможетъ тому, что надвигается на наше супружеское *счастье*.

VIII.

Около двухъ недѣль прошли спокойно; но это спокойствіе—только внѣшнее. Николай часто выѣзжаетъ изъ дому. Кажется, онъ сталъ усиленно хлопотать о мѣстѣ... Я этому очень рада; бездѣйствіе довело-бы его Богъ знаетъ до чего. Онъ мнѣ мало разсказываетъ кого видѣлъ. И вообще наши разговоры ведутся точно по обязанности.

Меня пугаетъ мысль о той безпомощности, въ какой я могу очутиться. Безпомощность и полное одиночество! Во мнѣ такое чувство, какъ будто вынули изъ моего существа всю сердцевину. Какъ будто моя личность совсѣмъ не существуетъ теперь и вдругъ я очутилась безъ всякой *своей* жизни.

Въ первое мое замужество жизнь проходила незамѣтно, иногда пестро, иногда болѣе однообразно. Жила, какъ и сотни другихъ обезпеченныхъ молодыхъ женщинъ. Любовь заставила меня тогда прозрѣть и почувствовать—до какой степени такая жизнь была суха и пуста.

«Старая пѣсня! скажутъ мнѣ на это. Всѣ невѣрныя жены такъ защищаютъ себя». На это я отвѣчу, что я могла-бы до тридцатилѣтняго возраста оставаться въ дѣвицахъ... Отъ этого ничего-бы не измѣнилось въ содержаніи моей жизни; тогда она была-бы только тоскливѣе и монотоннѣе.

Я знаю—станутъ повторять общія мѣста: «вы могли жить для общества, создать себѣ свои интересы, выбрать живую дѣятельность»... Но отчего-нибудь такъ вышло, что я не обставила своей жизни такимъ именно образомъ. И не потому, чтобы я считала себя особенно пустой. Всякое живое дѣло требуетъ опять таки любви; а она не являлась. Не любви и страсти, а идеи что-ли, преданности чему-нибудь, что считаешь цѣннымъ или по крайней мѣрѣ полезнымъ.

Наше сближеніе съ Николаемъ потому такъ и захватило меня, что мы не рисовались, не строили фразъ... Мы искали другъ друга безъ всякихъ постороннихъ цѣлей. Онъ полюбилъ во мнѣ женщину, а не отвлеченную идею, не общественнаго дѣятеля.

И вотъ теперь эта женщина точно перестала существовать для Николая и, какъ я сказала: изъ моей души точно выѣли сердцевину. Но развѣ это говоритъ что нибудь противъ самаго чувства? Кто-же велѣлъ глушить его, впадать во что-то дикое? Если тутъ дѣйствительно происходитъ что-нибудь болѣзненное—надо принять мѣры.

Легко сказать! Николай избѣгаетъ всякихъ разговоровъ о своемъ здоровьи. Но я вижу, что онъ страшно худѣетъ, цвѣтъ лица продолжаетъ быть землистымъ; вѣроятно страдаетъ безсонницей, можетъ быть принимаетъ въ сильныхъ дозахъ наркотическія средства. Теперь онъ устроилъ свою спальню въ кабинетѣ и я не могу слѣдить ни за чѣмъ.

Съ третьяго дня онъ никуда не выѣзжалъ. Обыкновенно онъ встаетъ довольно рано. Часу въ одиннадцатомъ моя Ѳеня сказала мнѣ, что Николай Аркадьевичъ, должно быть, очень мучится головой.

Я вошла въ кабинетъ, извиняясь за то, что его побезпокоила. Николай лежалъ одѣтый на кушеткѣ, съ закрытыми глазами.

Боли были такъ сильны въ правомъ вискѣ и въ темени, что онъ едва могъ говорить. Я настояла на томъ, чтобы онъ принялъ поро-

шокъ, который на меня особенно хорошо дѣйствуетъ: въ немъ есть и антипиринъ, и кофеинъ. Боль продолжалась до обѣда; потомъ вдругъ, какъ это часто бываетъ, голова совсѣмъ прояснилась. Послѣ обѣда у него въ кабинетѣ я сидѣла у стола и читала ему вслухъ. Онъ ходилъ на другомъ концѣ комнаты. Лампа подъ абажуромъ оставляла половину ея въ полутемнотѣ.

— Какъ это странно!—вдругъ какъ-бы про себя выговорилъ онъ и остановился, глядя на ту стѣну, гдѣ виситъ только одна гравюра; обои въ кабинетѣ свѣтло-шоколадные, одноцвѣтные, безъ всякихъ рисунковъ, съ золотыми багетами по карнизу...

— Что такое?—спросила я.

— Ничего,—онъ повернулся, сдѣлалъ шага два и опять сталъ, глядя въ противоположный уголъ.

Это меня начало тревожить. Я положила на столъ книгу журнала, откуда читала ему, и подошла.

— Ты что-нибудь чувствуешь?

— Да, странная какая-то тревога... раздраженіе зрительнаго нерва.

— Вѣдь это бываетъ въ сильныхъ припадкахъ. Развѣ у тебя съ этого не начинается?

— Да, бываетъ... только совсѣмъ не такъ. Тогда является какая-то муть, пестритъ передъ глазами или застилаетъ предметы съ какого-нибудь края... А это совсѣмъ не то.

— Что-же такое?

Я старалась быть спокойной.

— Обои одноцвѣтные,—продолжалъ онъ, вглядываясь въ стѣну,— а мнѣ совсѣмъ отчетливо видны рисунки... листочки и цвѣты; я различаю довольно яркое окрашиваніе... то розоватые, то золотистые цвѣточки, полосы, гирлянды... И все это движется снизу вверхъ и безпрерывно мелькаетъ...

— Закрой глаза и прилягъ на диванъ, лицомъ къ стѣнѣ... Можетъ быть все это и пройдетъ.

Николай тотчасъ-же послушался. Это меня даже удивило. Онъ прилегъ на диванъ и повернулся лицомъ къ его спинкѣ.

— Теперь у меня глаза закрыты...

— И что-же?

— Какъ-будто немножко слабѣе, но все-таки видѣнія продолжаются.

— Можетъ быть отъ лѣкарства?

— Не знаю, только очень-очень непріятно. Лежать съ закрытыми глазами еще тяжелѣе.

Онъ замолчалъ. Протянулось нѣсколько минутъ. Я стояла выжидательно посрединѣ кабинета. Тревога моя не усилилась. Я успокоила себя тѣмъ, что это непремѣнно должно быть въ связи съ припадкомъ невралгіи.

— Ахъ, Боже мой!—вдругъ вскрикнулъ Николай.—Куда дѣваться отъ этого?

И онъ сталъ метаться головой по валику дивана, схватилъ подушку и прижимался къ ней лицомъ. Я подбѣжала и присѣла къ нему.

— Да что ты чувствуешь, Николя? Опять боль?

— Нѣтъ, голова ясная... Только теперь еще сильнѣе эти гирлянды... и уже не цвѣты, не завитушки, какія-то фигурки, пестрыя...

— Уродливыя?

— Нѣтъ, скорѣе красивенькія... безъ конца, безъ конца... цѣпляются одна за другую и все плывутъ, все плывутъ... А теперь пошли однѣ головы, лица... гримасничаютъ...

Мнѣ дѣлалось жутко: но я не знала чѣмъ помочь. Николай вскочилъ съ дивана и заходилъ опять по кабинету. Я замѣчала, что онъ боится смотрѣть на полуосвѣщенную стѣну и безпрестанно закрываетъ глаза.

— Пойдемъ ко мнѣ; тамъ гораздо свѣтлѣе и обои бѣлые.

Онъ послушался. Я взяла съ собою книгу и продолжала тамъ читать ему вслухъ. Онъ сѣлъ въ большое мягкое кресло и прикрывалъ глаза правой ладонью.

Черезъ четверть часа я спросила:

— Ну, какъ теперь?

— Теперь фигурки и головы исчезли, только немного виднѣются черные разводы и зубцы... чуть замѣтно.

— Это мозговое раздраженіе, сказала я,—и тебѣ-бы надо серьезно посовѣтоваться съ какимъ-нибудь спеціальнымъ врачомъ.

— Съ кѣмъ это? Съ психіатромъ что-ли? Ужъ не съ твоей-ли подругой, госпожей Кобриной?

— Отчего-же-бы и не съ ней? Она считается очень талантливой.

— Благодарю покорно!

— Тебѣ нѣтъ надобности являться къ ней настоящимъ паціентомъ. Я могу ее позвать какъ-нибудь запросто отобѣдать.

— Чтобы она наблюдала меня исподтишка? Очень пріятно! Да я и не думаю, чтобы такая особа, преисполненная сознанія своихъ талантовъ и подвиговъ, могла что-либо объективно наблюдать...

— Полно!—остановила я его построже.—Какъ тебѣ не стыдно, Николя! Ты безъ того былъ съ ней слишкомъ рѣзокъ... почти грубъ. Съ какой стати выставляешь ты себя теперь какимъ-то ненавистникомъ женщинъ? Не больше какъ годъ тому назадъ не было ничего подобнаго. Вѣдь ты-же не надѣвалъ на себя маски. Сколько мы съ тобой переговорили о женщинѣ и никогда я ничего не замѣчала въ тебѣ такого враждебнаго. Въ твои лѣта уже не мѣняются въ какихъ нибудь нѣсколько мѣсяцевъ.

— Что-жъ, ты хочешь можетъ-быть сказать, что это и есть доказательство... моего нервнаго разстройства? Не знаю! Во всякомъ случаѣ я не могу повторять слащавыя банальности. Еще недавно и я не видѣлъ настоящей правды о томъ: что такое женская душа и что — мужская.

Я не рѣшилась продолжать этотъ разговоръ, но все въ Николаѣ: его голосъ, выраженіе глазъ, нервность жестовъ, боязнь появленія новыхъ фигуръ—все это убѣждало меня въ необходимости серьезно заняться его здоровьемъ. Каюсь, мнѣ было-бы менѣе тяжко узнать отъ врача-психіатра, что Николай Аркадьевичъ нажилъ себѣ психопатическое разстройство, чѣмъ если-бъ его всѣ признали совершенно здоровымъ по части душевныхъ явленій. Тогда то, что въ немъ произошло, будетъ грозить мнѣ, какъ безповоротный нравственный кризисъ.

IX.

Кобрина вотъ уже больше двухъ недѣль наблюдаетъ Николая. Она дѣлаетъ это очень ловко. Два раза она у насъ обѣдала, заходила и вечеромъ—какъ-бы невзначай.

Она ему не симпатична; но онъ ни разу не сказалъ мнѣ, что не желаетъ видать ее у насъ. Какъ и прежде—онъ держится самой строгой законности. Я могу принимать кого мнѣ угодно, онъ не считаетъ себя въ правѣ стѣснять меня. Но онъ какъ-будто догадывается... Говоритъ о ней за глаза съ особаго рода усмѣшкой, безъ рѣзкихъ выходокъ, но почти всегда на ту тему, что она «интеллигентная франтиха»: это прозвище онъ самъ выдумалъ.

«Интеллигентная франтиха!» Быть можетъ это немножко и вѣрно. Она во всемъ франтовата, научилась у парижанъ „faire valoir ses lumières“. Но она умна, проницательна, много знаетъ, главное—много видѣла.

Хорошо-ли, что я какъ-бы устроила тайный надзоръ за своимъ мужемъ? Но какъ-же быть? Приставать—лѣчись, измѣни режимъ жизни, ходи въ водолѣчебницу! Онъ не выноситъ такихъ приставаній. А режимъ его теперешней жизни такой, какъ и у сотни петербуржцевъ. Онъ получилъ мѣсто скорѣе, чѣмъ самъ думалъ. И эта должность еще болѣе удалила его отъ меня. Только за обѣдомъ мы видимся да изрѣдко за вечернимъ чаемъ.

Для меня уже не тайна, что Николай избѣгаетъ быть со мною съ глазу на глазъ. Поэтому онъ и выноситъ Кобрину за обѣдомъ.

Я этимъ и объясняю всего больше — почему онъ поуспокоился на счетъ Кобриной. Если она ему и не симпатична, то все-таки-же ея присутствіе избавляетъ отъ интимныхъ разговоровъ со мною.

Неужели это правда? Мы въ какихъ-нибудь нѣсколько недѣль

дошли до подобныхъ отношеній? Безъ всякой серьезной причины. По крайней мѣрѣ я не могу ее признать иначе, какъ временнымъ разстройствомъ Николая.

И обвинять себя въ томъ, что я устроила надъ нимъ какъ бы тайный надзоръ—рѣшительно не могу. Наконецъ, если-бъ онъ даже и догадывался, что я начинаю немного подозрѣвать, то и тогда суть дѣла не мѣняется. Напротивъ, я должна была воспользоваться такимъ случаемъ, какъ визитъ Кобриной. Сколько я себѣ ни ломаю голову—другого выхода нѣтъ. Отказаться отъ желанія: выяснить болѣзненную причину перемѣны въ Николаѣ—это значитъ идти на что-то въ десять разъ болѣе ужасное. Тогда мнѣ надо будетъ признать, что для него умерло все наше прошедшее...

Мы условились съ Кобриной видаться каждую недѣлю для разговоровъ о Николаѣ.

У насъ въ квартирѣ, даже въ его отсутствіе, никакихъ особенныхъ совѣщаній не бываетъ.

Когда она садится передо мною у своего письменнаго стола въ чисто мужскомъ докторскомъ кабинетѣ—у ней сразу мѣняется тонъ и лицо дѣлается старше и серьезнѣе. За границей пріобрѣла она этотъ тонъ большой увѣренности въ себѣ и такого-же самообладанія.

— Я боюсь,—начала я,—что Николай подозрѣваетъ насъ въ уговорѣ. Развѣ ты не замѣтила, напримѣръ въ послѣдній разъ, что онъ нѣтъ-нѣтъ за обѣдомъ да взглянетъ на тебя полунасмѣшливо? Но всегда въ такую минуту, когда ты говоришь со мной и повернешь голову. Онъ этой миной хочетъ какъ-бы сказать: «не думайте, что я ни о чемъ не догадываюсь».

— Ну такъ что-жъ изъ этого? увѣренно возразила Кобрина.—Самый обыкновенный фактъ! Въ немъ происходитъ вотъ что: онъ съ каждымъ днемъ все сильнѣе убѣждается, что душевное его состояніе — вполнѣ нормально... И ему, можетъ быть, кажется даже забавной моя роль... И пускай! Только-бы онъ не закусилъ удила и не сталъ-бы тебѣ дѣлать сцены изъ-за меня.

— Нѣтъ, въ послѣдніе десять дней онъ почти ничего не говорилъ о тебѣ.

— Это—тоже признакъ. Онъ считаетъ ниже своего достоинства—выводить меня на чистую воду. Но развѣ ты не замѣчаешь, что каждый разъ онъ такъ или иначе возвращается къ одной и той-же темѣ: внутренній антагонизмъ между мужчиной и женщиной, глубокая разница между совѣстью того и другой?

— Какже не замѣчать!

— И даже я нахожу въ немъ большую виртуозность по этой части. Онъ заводитъ рѣчь совсѣмъ о другихъ вещахъ. Повидимому,

дѣло идетъ вовсе не о женщинѣ, не объ ея натурѣ; а, вникая хорошенько, видишь, что это все новыя иллюстраціи одной и той-же мысли.

— И ты уже подозрѣваешь тутъ зародышъ настоящей болѣзни? спросила я, внезапно охваченная страхомъ.

— Почва есть... для меня это не подлежитъ сомнѣнію...

— Почва для чего?

— Для того, что французы называютъ: *manie raisonnante.*

— Но вѣдь это грозитъ безуміемъ?!.

— И да, и нѣтъ, смотря по натурѣ. Есть примѣры, что индивиды съ такимъ расположеніемъ живутъ всю жизнь на свободѣ. Они могутъ заниматься своими дѣлами, служить или ничего не дѣлать, жуировать, и во всемъ остальномъ они разсуждаютъ здраво. Память ихъ не парализована, логическая способность—также. И даже въ своемъ пунктикѣ они не говорятъ ничего безумнаго въ тѣсномъ смыслѣ слова. Иногда это бываетъ въ родѣ повѣтрія... une contagion! Въ обществѣ вдругъ оказывается много экземпляровъ, тронутыхъ такимъ повѣтріемъ. Да вотъ, чтобы далеко не ходить, у васъ теперь въ Петербургѣ, да и вездѣ въ провинціи, есть такой видъ коллективной резонирующей маніи.

— Что-же это такое?

— Іудофобія! И прежде было не мало ненавистниковъ еврейской расы; но въ послѣдніе годы это чувство обострилось. Я не хочу читать тебѣ лекціи о причинахъ такого настроенія; я беру только примѣръ, выгодный для меня въ эту минуту.

Она откинула голову назадъ, сидя въ своемъ большомъ креслѣ, и жестъ правой руки показывалъ—какъ ей въ эту минуту пріятно сознавать свой умъ и наблюдательность. И въ самомъ дѣлѣ она могла-бы сейчасъ сѣсть на каѳедру и прекрасно читать. Но ея умъ и знаніе не подсказывали ей того, какъ ей говорить *со мною.* Моя сердечная рана какъ-бы не существовала для нея.

— И вотъ мы видимъ, — продолжала Кобрина тономъ настоящей французской conférencière—что, здѣсь и тамъ, разные индивиды, склонные къ болѣзненному резонерству, получаютъ усиленный зарядъ и іудофобія дѣлается у нихъ постояннымъ аффектомъ. Такой антисемитъ, если только вы съ нимъ разъ поговорили, когда-бы и гдѣ-бы вамъ потомъ ни встрѣтился въ обществѣ, — не можетъ буквально раскрыть ротъ, чтобы третье или четвертое слово его не было окрашено въ тотъ-же колоритъ. Попадаются даже и такіе, что не въ силахъ говорить рѣшительно ни о чемъ другомъ. И мы въ правѣ считать это почвой для manie raisonnante. Такіе маньяки могутъ слыть за совершенно нормальныхъ до тѣхъ поръ, пока въ ихъ обличеніяхъ есть подобіе логической связи...

— Все это такъ—остановила я Кобрину — можетъ быть тутъ и нѣтъ прямой опасности. Мужъ мой не сойдетъ съ ума; а будетъ только переходить отъ одного такого пунктика къ другому...

— И это возможно.

— Но ты пойми—продолжала я, охваченная волненіемъ и слезы выступили у меня на глазахъ, — пойми, что для меня выше всего: наша сердечная связь, чувство, рѣшившее нашу судьбу съ Николаемъ! То, что ты сейчасъ сказала — только кажется менѣе ужаснымъ, чѣмъ возможность настоящаго безумія. Но для меня, какъ для женщины, это, пожалуй, еще ужаснѣе. Одно изъ двухъ: или это только начало неизлѣчимой болѣзни съ роковымъ исходомъ, или-же... какъ-бы это сказать... болѣе хроническое состояніе. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ что-же предстоитъ намъ? Ты теперь моя...

— Сообщница? подсказала Кобрина.

— Да... лучше сказать союзница; отъ тебя я жду чего-нибудь вѣрнаго. Позволь мнѣ высказать тебѣ еще разъ то, что каждый день мучитъ меня. Скажи мнѣ: развѣ ты не видишь, какая огромная разница между нашими мужчинами и заграничными, особенно французами?

— Конечно вижу.

— Я тебѣ передавала какъ защитникъ Николая, Завацкій, опредѣляетъ...

— Самоковырянье?! вскричала она весело.

— Да, но это слово не даетъ еще полнаго объясненія. Припомни, кажется года два тому назадъ, а можетъ и больше — ты еще была въ Парижѣ...

— Тогда это было передъ моимъ отъѣздомъ. Я здѣсь уже больше полутора года.

— Ну, такъ вотъ помнишь, на какомъ-то тамъ театрикѣ поставили «Грозу» Островскаго?..

— Какже не помнить! Была даже на этомъ спектаклѣ.

— А я читала только рецензіи. И не помню уже, гдѣ и какой фельетонистъ—кажется, онъ говорилъ не за себя одного, а за всю публику... Такъ вотъ онъ изумлялся въ юмористическомъ тонѣ тому: какъ у насъ, русскихъ, въ нашей драмѣ неизбѣжный мотивъ, это—*раскаяніе*. На немъ все держится и къ нему все сводится. Онъ очень ловко провелъ параллель между героемъ пьесы Толстого «Власть тьмы» и Катериной въ «Грозѣ»... А мнѣ, когда я читала эту статейку, припомнилась еще и третья, чисто русская пьеса: «Горькая судьбина» Писемскаго. И тамъ раскаяніе на особенный ладъ, который французамъ, особенно твоимъ парижанамъ, кажется чѣмъ-то мистическимъ и даже дикимъ.

— И что-же!—подхватила Кобрина съ авторитетнымъ жестомъ.— Мои парижане по-своему правы. Когда-то дѣвочкой я проливала слезы,

глядя на эту истеричку Катерину; а въ Парижѣ мнѣ ея поведеніе показалось дѣйствительно чѣмъ-то до дикости первобытнымъ!

— Положимъ такъ,—продолжала я.—Но ты—врачъ, прежде всего ты должна брать факты, какъ они есть. Первобытно, дико, все, что тебѣ угодно, но оно такъ. И развратный крестьянскій парень, и мой Николай могутъ очутиться родными братьями; разъ въ нихъ запала какая-то капля душевнаго яда—и все исчезаетъ: связь женщины тяготитъ ихъ, они видятъ въ ней только источникъ нравственнаго паденія...

— Та, та, та!—прервала меня Кобрина и энергическимъ жестомъ положила ногу на ногу.—Въ тебѣ самой, мой милый другъ, та-же закваска... Вы всѣ, русскія барыни—сентиментальщицы, извини меня. У васъ тоже своего рода манія: безконечно говорить о чувствахъ. Милая моя, ты мнѣ все толкуешь о нравственномъ переворотѣ... это метафизика... извращенный идеализмъ.

— Однако, ты, какъ психіатръ, не можешь отрицать того, что душевныя болѣзни происходятъ и отъ чисто нравственныхъ ударовъ?

— Ну, такъ что-жъ изъ этого слѣдуетъ? Но гдѣ-же этотъ ударъ въ жизни твоего мужа? Ты была женой другого, вы полюбили другъ друга разомъ, съ первымъ твоимъ мужемъ у Николая Аркадьевича не было никакой особенной вражды. И ты, и онъ шли на-проломъ, дѣйствовали смѣло и откровенно.

— А дуэль со смертельнымъ исходомъ?

— Что-же тутъ такого особеннаго?—спросила Кобрина и въ тонѣ ея вопроса заслышалась настоящая парижанка, для которой все это было такъ ясно и просто.—Дѣло понятное,—продолжала она тономъ предсѣдателя суда, дѣлающаго свое резюме,—если предположить, что нервный организмъ твоего мужа былъ уже склоненъ къ чисто русскому душевному ковырянью. Онъ полгода высидѣлъ въ крѣпости, это не шутка. Чѣмъ онъ питалъ свой мозгъ? Разъ у него была склонность къ самоуглубленію, настоящая органическая причина должна была существовать.

— Если ты права, какъ-же быть?

— Какъ быть, мы это рѣшимъ; только дай мнѣ время. Это не то, что прописать рецептъ отъ мигрени. Правильный діагнозъ составляется изъ сотни мелкихъ фактовъ. А тебѣ мой совѣтъ,—закончила она вставая,—слѣди за самой собою, а то ты вдашься въ такую-же манію. Ты молодая женщина, красивая, живая, умная, тебѣ хочется возвратить любимаго человѣка къ прежнему чувству... Agis en conséquence! Надо вести свою линію, какъ вы здѣсь говорите, безъ борьбы ничего не дается. Надо вѣрить въ себя, въ свой престижъ женщины, а не считать себя жертвой, не мучить себя, не находиться въ постоянномъ тяжеломъ напряженіи. Que diable! Возьми и ты себя въ руки и, прежде всего, по-

казывай своему мужу, что ты не намѣрена клянчить у него, какъ милостыню, нѣжность и ласку.

Консультація кончилась. Все, что Кобрина говорила, было, съ ея точки зрѣнія, умно и послѣдовательно. Но мы не понимаемъ другъ друга. Я ушла отъ нея еще болѣе безпомощной.

X.

Николай опять сталъ мучиться невралгіями.

Онъ до обѣда лежалъ и за столомъ почти ничего не ѣлъ. Вечеромъ онъ куда-то ѣздилъ и вернулся рано. Я хотѣла предложить ему почитать что-нибудь вслухъ и вошла въ кабинетъ. Онъ сидѣлъ у стола, въ большомъ креслѣ, съ низко опущенной головой. Руки болтались по обѣимъ сторонамъ ручекъ. Мнѣ показалось, что съ нимъ дурно. Я тревожно окликнула его еще отъ двери и подбѣжала.

— Что съ тобою, Николя?

Онъ тяжело поднялъ голову и поглядѣлъ на меня какимъ-то дикимъ взглядомъ.

«Господи! внутренно воскликнула я.— Начинается!»

Меня неудержимо охватило убѣжденіе въ томъ, что онъ помутился... вотъ теперь, или сейчасъ, до моего прихода.

— Ничего,—отвѣтилъ онъ и положилъ руки на колѣни съ жестомъ нравственно потрясеннаго человѣка.

Я присѣла на табуретъ тутъ-же у стола. Мнѣ такъ хотѣлось схватить его за руку или взять его голову и приласкать. И я не смѣла. Я боялась вызвать какую-нибудь дикую выходку.

— Скажи мнѣ, ради Бога, Николя, — чуть слышно начала я. — Что съ тобой? Ты-бы легъ. Не послать-ли за докторомъ?

— За какимъ?—злобно сверкнувъ глазами, воскликнулъ онъ.—Не за твоей-ли франтихой?

— За кѣмъ угодно.

— У меня ничего не болитъ... голова ясна.

— Но ты такъ подавленъ... измученъ.

— Измученъ!—повторилъ онъ мои слова и, быстро нагнувшись ко мнѣ, схватилъ меня за руку.

Я вздрогнула отъ радости.

— Коля!

И прильнула къ его рукѣ головой.

— Ты знаешь, — заговорилъ онъ точно совсѣмъ не своимъ голосомъ... Ты знаешь, онѣ меня преслѣдуютъ.

— Кто?

— Фигуры... и одно лицо... всегда одно... головка... зрачки расширены и кровь на вискѣ... струится...

— О чемъ ты, Коля?

— Ну да, ну да! Вы всѣ скажете: «лѣчитесь! Это нервное разстройство». А это только крикъ совѣсти...

И вдругъ онъ схватился за лицо руками и зарыдалъ глухо, не всхлипывая. Его поводили вздрагиванья.

— Что ты! Коля!

Я хотѣла обнять его.

Николай еще ниже опустилъ голову въ ладони и стихъ. По щекамъ текли слезы. Лицо было мертвенно блѣдно.

Онъ опять схватилъ мою руку.

— Я не могу таить... Дима! Меня это задушитъ! Ты должна все знать.

— Не надо, не надо!—истерически вскрикнула я.

— Ты должна все знать,—повторилъ онъ жалобной нотой.—Вотъ какъ было дѣло.

Я еще не понимала, о чемъ онъ говоритъ; но заставить его замолчать—не могла.

— Онъ стоитъ передо мною всегда, какъ живой, только-что я закрою глаза. И видится мнѣ поляна... и стволъ березы справа... И пятна талаго снѣга... На немъ была короткая синяя визитка... и голова его вырѣзывалась на свѣтлой полосѣ неба... Вотъ мы сходимся... секунданты кричатъ: разъ, два, три! Стрѣлять мы имѣли право въ промежутки этихъ трехъ сигналовъ... У меня зрѣніе особенное. Я видѣлъ малѣйшую складку на его лбу, когда онъ приближался къ барьеру... Не доходя до него—ты слышишь, на ходу—онъ выстрѣлилъ. Но взглядъ его... такъ и пронизалъ меня. Въ этомъ взглядѣ было явное презрѣніе ко мнѣ... Онъ говорилъ: «ты подло укралъ у меня жену... Ты не стоишь и того, чтобъ уложить тебя на мѣстѣ...» И онъ выстрѣлилъ на воздухъ... такъ выстрѣлилъ, что секундантамъ не было это замѣтно. Но я видѣлъ... и подошелъ къ барьеру... и на двухъ-аршинномъ разстояніи сталъ цѣлить прямо въ високъ... прямо...

— Быть не можетъ!—крикнула я.—Ты мнѣ не говорилъ этого... тогда... тотчасъ послѣ дуэли.

— Я скрылъ... я былъ подлый лжецъ...

— Ты тогда не лгалъ!

— Что-жъ, я выдумалъ это? Дима! Дима! Какъ это гнусно! Какъ гнусно!

— Ты имѣлъ право...

— На что право?—точно съ ужасомъ прошепталъ онъ.

— Онъ тебя вызвалъ своимъ взглядомъ... тѣмъ, что онъ нарочно не цѣлилъ въ тебя. Ты—мужчина. Ты его смертельный соперникъ.

— Замолчи! Ради Создателя, замолчи!—крикнулъ онъ. – Имѣлъ

право! Какое? Оттого, что мужъ твой смѣрилъ меня взглядомъ честнаго человѣка, я имѣлъ право предательски убить его?

— Предательски! На дуэли?

— Да, предательски.

— Дуэль есть—дуэль.

— Не говори этого! Не смѣй говорить!—гнѣвно крикнулъ онъ.— Это гнуснѣе, чѣмъ зарѣзать человѣка изъ-за угла, чтобы ограбить его. Быть самому воромъ, быть уличеннымъ въ воровствѣ, въ скверномъ поступкѣ, въ посягательствѣ...

— На что?—опять не выдержала я.—Я тебя полюбила! Ты забываешь, что я личность. Что ты говоришь? Опомнись!..

— Дима!—прервалъ онъ меня и протянулъ ко мнѣ обѣ руки.— Дима! Опомнись и ты! Пойми—какъ гадко, какъ глубоко безстыдно то, что мы дѣлали послѣ, тотчасъ-же послѣ того, какъ я убилъ твоего мужа... Убилъ злодѣйски... Не защищая свою кожу, а изъ самаго отвратительнаго побужденія... Что мы дѣлали?

Онъ снова охватилъ ладонями лицо и зарыдалъ.

И я была, наконецъ, потрясена его страданіемъ. Я не могла считать его безумнымъ; слишкомъ все это было сильно и убѣжденно. Каждое слово вылетало изъ самой глубины его измученной груди.

Я сама стала плакать, глотая свои слезы.

— Что мы дѣлали? Въ тотъ-же день! Въ ту-же ночь!

Мнѣ представилась моя комната въ отелѣ, куда я переѣхала, куда я убѣжала. У меня не было вида на жительство. Иванъ Андреевичъ отказалъ мнѣ въ немъ; но я тайно жаловалась на него—и начальство меня не безпокоило.

Николай пріѣхалъ прямо ко мнѣ. И это была моя первая безумная ночь съ нимъ.

— Мы какъ звѣри,—слышался мнѣ прерывистый, плачущій звукъ его голоса,—какъ звѣри отдавались другъ другу. А онъ у себя, одинъ, смертельно раненый, хрипѣлъ въ агоніи. Господи! Какой ужасъ!

Онъ весь дрожалъ. И я была сражена этой картиной

— Кто-же довелъ и тебя до такой гнусности? Кто, коли не я? И мы забыли все! Ни проблеска совѣсти! Это называется любовь? Вѣдь, да? А она все искупляетъ, все оправдываетъ? Не правда-ли?.. Ну говори, говори... Приведи мнѣ хоть одинъ доводъ... Хоть одинъ...

Я не могла выговорить ни одного слова. И я вся дрожала. Но внутри у меня все возмущалось противъ такихъ обвиненій. Наша любовь была оклеветана имъ, растоптана, брошена въ какую-то грязную лужу. Если-бы я могла говорить, я-бы подавила его «доводами», на которые онъ вызывалъ меня.

— Ты молчишь? Ты сознала только теперь, Дима, что мы стали

сообщниками кроваваго и грязнаго дѣла? Да! Кроваваго... Оно начало душить меня черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ я попалъ въ крѣпость... Но и на судѣ меня уже мутило что-то. Мой франтъ-защитникъ не понялъ меня... Того, что уже сквозило въ моемъ словѣ судьямъ. Онъ навѣрно счелъ это ловкимъ пріемомъ... Для смягченія кары... Кровь и грязь... все подступали, все поднимались и я барахтался въ нихъ. И мозгъ не выдержалъ. Мнѣ, какъ Борису Годунову... стали казаться кровавыя фигуры и головы, головы безъ конца... Отъ нихъ можно излѣчиться... А отъ этого—онъ ударилъ себя въ грудь—вылѣчиться нельзя. Это требуетъ искупленія...

«Какого?» хотѣла я вскрикнуть и не могла.

— Мы прощаемся, Дима — выговорилъ Николай и руки его опустились, голова откинулась назадъ.

— Зачѣмъ прощаемся?—вымолвила я съ усиліемъ.

— Ты не понимаешь? Поймешь! Я долженъ искупить. Я не въ силахъ, пойми-же въ послѣдній разъ: не въ силахъ я выносить... Изстрадался!—протянулъ онъ жалобно.—А ты не понимаешь!—повторилъ онъ подавляющей нотой жалости и горечи.

— Уйди! Уйди!—чуть слышно вымолвилъ онъ.—Умоляю тебя. Я все сказалъ. И больше ни слова, ни звука... пока вытерплю.

И движеніе его руки показывало, что мое присутствіе—тяжко для него, невыносимо.

Я поднялась.

XI.

Къ кому-же мнѣ было идти, какъ не къ его адвокату? Такой тонкій человѣкъ, какъ Завацкій, не могъ не подмѣтить, въ то время, когда онъ бесѣдовалъ съ своимъ кліентомъ до суда: было-ли на его совѣсти хоть что-нибудь, указывающее на то, что я выслушала отъ Николая.

Я была такъ нравственно измучена и потрясена, что не сразу могла совладать съ собою... Со мной сдѣлался припадокъ, кажется первый въ моей жизни, по крайней мѣрѣ такой именно. Завацкій не растерялся... Онъ очень скоро привелъ меня въ чувство, усадилъ въ кресло и не позволилъ говорить до тѣхъ поръ, пока я хоть сколько-нибудь не успокоюсь.

И тутъ, когда мнѣ нужно было передать, какъ можно яснѣе и вѣрнѣе, то, что я услышала отъ Николая, я почувствовала приливъ душевныхъ силъ; слезы уже не мѣшали мнѣ; я не путалась въ словахъ и нѣкоторыя фразы Николая выговорила, точно я ихъ выучила наизусть. Это меня даже изумило.

Завацкій слушалъ, сидя около меня, съ низко опущенной головой, ни разу не остановилъ ни вопросомъ, ни замѣчаніемъ.

— Что это такое?—спросила я, докончивъ свой докладъ.—Есть-ли въ этомъ хотя подобіе фактическаго содержанія?

Онъ сначала подумалъ.

— Мнѣ, Авдотья Петровна, почти невозможно отвѣчать на вашъ вопросъ, по крайней мѣрѣ въ эту минуту... Какъ происходило дѣло на дуэли—могли знать только секунданты и врачъ. И ихъ показанія значатся въ процессѣ—вы ихъ читали. Я ихъ помню если не дословно, то довольно хорошо.

— Тамъ ничего подобнаго нѣтъ.

Завацкій сжалъ губы и прищурился.

— Позвольте,—заговорилъ онъ, нѣсколько другимъ тономъ,—мнѣ вспомнилась фраза, гдѣ былъ какъ-будто намекъ... Это—въ показаніи одного изъ секундантовъ Ивана Андреевича.

— Какой-же это намекъ? Я не помню его. Вчера я ночью нѣсколько разъ перечитала отчетъ процесса, придиралась къ каждой фразѣ, и ничего не нашла.

— Говорю вамъ, это былъ одинъ легкій намекъ... Онъ могъ и не попасть въ отчетъ. Теперь я припоминаю, что у меня явилось даже опасеніе: не хочетъ-ли свидѣтель поиграть на какой-нибудь инсинуаціи.

— Развѣ онъ что-нибудь подобное сказалъ?

— Нѣтъ, онъ намекнулъ только, что Иванъ Андреевичъ держалъ себя, какъ человѣкъ, не желавшій серьезнаго исхода.

— Это не такъ!—воскликнула я.—Въ сценѣ объясненія съ Николаемъ, какъ онъ велъ себя, выказалъ такую жесткость, такой эгоизмъ, наконецъ, онъ оскорбилъ Николая. Тому нельзя было не вызвать его. Дуэль была неизбѣжна.

— На нашъ съ вами взглядъ, замѣтилъ Завацкій съ усмѣшкой. Судъ посмотрѣлъ иначе: для него и для всѣхъ сторонниковъ вашего перваго мужа Иванъ Андреевичъ былъ жертва. У него отняли жену и явились къ нему требовать категорически, чтобы онъ отъ нея отказался по доброй волѣ. Если-же идти дальше, то выходитъ такъ, что мужъ долженъ былъ, чтобы обезпечить вамъ выходъ замужъ, принять вину на себя.

— Ни я, ни Николай никогда этого не требовали.

— Я знаю, что не требовали; но я становлюсь въ настоящую минуту на почву обвиненія. Какъ вы съ Николаемъ Аркадьевичемъ вели себя? Правильный исходъ, какой представлялся, это—открытый бракъ. Будь у васъ другіе мотивы—и у васъ, и у него—тогда вы или пошли-бы на тайную супружескую невѣрность, а онъ на такое же тайное или явное положеніе вашего возлюбленнаго, или-же вы, безъ всякихъ объясненій съ мужемъ, ушли-бы отъ него. Не правда-ли?

— Но зачѣмъ намъ все это перебирать, Семенъ Семеновичъ? почти закричала я.—Я хочу знать одно: было-ли на самомъ дѣлѣ что-нибудь похожее на то, что выросло теперь въ глазахъ моего мужа въ нѣчто страшное, что сдѣлало его мученикомъ своей совѣсти?

— Повторяю опять, Авдотья Петровна: объективно засвидѣтельствовать это я не имѣю никакой возможности. Николай Аркадьевичъ говорилъ со мной, какъ съ своимъ защитникомъ. Впрочемъ, вы припомните то, что я вамъ сообщалъ еще не такъ давно... То-же повторю и теперь... Сначала въ немъ дѣйствовалъ аффектъ и не было никакого раздвоенія. Потомъ, въ залѣ суда и нѣсколько раньше, начался какой-то процессъ самоуглубленія и, какъ я кажется тогда позволилъ себѣ назвать, самоковырянья.

— Но если такъ, то вѣдь это можетъ быть не что иное, какъ результатъ постоянной работы мысли на одну тему.

И тутъ я ему призналась, что, вотъ уже нѣсколько недѣль, какъ Кобрина наблюдаетъ Николая; привела ему и то, что она говорила о такъ называемой *разсуждающей маніи*.

— И это возможно, выговорилъ онъ значительно.—Но тутъ я опять-таки нахожусь въ пассивномъ положеніи. Мужа вашего я за послѣднее время совсѣмъ почти не видалъ... Разъ только встрѣтились съ нимъ на улицѣ. Мы остановились, перекинулись нѣсколькими словами. Онъ мнѣ показался и физически очень измѣнившимся: похудѣлъ, цвѣтъ лица нездоровый и даже во взглядѣ что-то тревожное. На мои вопросы онъ отвѣчалъ какъ-то уклончиво; вообще, если-бъ я былъ обидчивѣе, я-бы подумалъ, что онъ хочетъ отъ меня отдѣлаться.

— Вотъ видите!

— Да... но, дорогая Авдотья Петровна, нынче вѣдь словомъ *психопатія* нестерпимо злоупотребляютъ! Вѣроятно и ваша пріятельница, госпожа Кобрина—какъ многіе психіатры—склонна каждаго произвести въ умалишенные? Вѣдь у спеціалистовъ есть также склонность къ тому, что ваша пріятельница называетъ разсуждающей маніей. Читали вы когда-нибудь «Записки доктора Крупова»?

— Нѣтъ, не читала.

— Остроумная вещь, и до сихъ поръ не потеряла своей соли. Кто-то мнѣ говорилъ, вернувшись изъ Италіи, что и знаменитый Ломброзо, сочинившій теорію о томъ, что геній и безуміе одно и то-же—во всѣхъ талантливыхъ людяхъ подозрѣваетъ примѣсь умственнаго разстройства и готовъ чуть не каждаго признать кандидатомъ или въ сумасшедшій домъ, или на каторгу...

— Ахъ Завацкій — перебила я — оставимъ мы все это... я знаю, что вы очень умны и начитаны... Но развѣ вы не чувствуете, что въ моей жизни происходитъ что-то страшное? Вы видите, что я безпомощ-

на, я теряюсь, я не вижу, какъ мнѣ возвратить прежняго Николая. Какъ я ни бьюсь—я не могу выйти изъ этой дилеммы: или Николай дѣлается душевнымъ больнымъ и намъ грозитъ его нравственная смерть; или-же тутъ дѣйствительно страданья совѣсти—и для меня, какъ для женщины, это едва-ли еще не ужаснѣе!..

Завацкій посмотрѣлъ на меня пристально.

— Вы скажете, что это отвратительный эгоизмъ! закричала я. Пускай, дескать, онъ лучше сойдетъ съ ума, чѣмъ я его потеряю здороваго, но охладѣвшаго ко мнѣ?..

— Напротивъ, я васъ очень хорошо понимаю... для васъ, какъ для женщины, вторая вѣроятность альтернативы, пожалуй, еще ужаснѣе.

— Допустимъ—продолжала я уже вся пылающая—допустимъ, что въ немъ только работа совѣсти. Но я-то въ чемъ-же виновата? А выходитъ какъ-будто, что виновница я! Онъ мнѣ не сказалъ еще ни разу: «ты вовлекла меня въ постыдное дѣло», но это я чувствую. И вся его послѣдняя исповѣдь... Онъ плакалъ, ломалъ руки, клеймилъ себя, точно послѣдняго злодѣя... А подъ этимъ я чуяла что-то другое...

— Что-же еще, Авдотья Петровна? остановилъ меня Завацкій.—Не впадайте и вы въ болѣзненный анализъ.

— Что—спрашиваете вы? Я вамъ не могу сейчасъ опредѣлить такъ, чтобы вы приняли это за что-нибудь серьезное; но я знаю, что оно такъ.

Тутъ я почувствовала, что нашъ разговоръ ушелъ въ сторону; вѣдь я прибѣжала къ Завацкому, ища совѣта и поддержки—и сама запуталась.

— Простите, Семенъ Семеновичъ, сказала я, уже совсѣмъ упавшимъ голосомъ.—Я буду молчать. Говорите вы, дайте мнѣ какую-нибудь нить! Если-бъ я бросилась не къ вамъ, а къ Кобриной—она конечно-бы, какъ спеціалистка, увидала во вчерашней сценѣ новый признакъ, подтверждающій ея діагнозъ. Но вы не согласны злоупотреблять словомъ психопатія. Вы знаете жизнь, вы умный человѣкъ, къ Николаю вы относитесь хорошо, спокойно; надѣюсь, и ко мнѣ также.

Онъ взялъ меня за руку, пожалъ ее и сталъ глядѣть на меня ласково; но опять съ тѣмъ оттѣнкомъ неизбѣжной игривости, который мнѣ показался неумѣстнымъ въ такомъ умномъ человѣкѣ и въ подобную минуту.

— Авдотья Петровна, заговорилъ онъ гораздо слаще и медленнѣе—вы—настоящая женщина! Для васъ потеря чувства—самое высшее несчастье. Это тѣмъ сильнѣе, что вы долго, слишкомъ долго жили безъ любви. Какъ-же вамъ теперь быть? Во всякомъ случаѣ—не осложнять ничего. Мужъ вашъ находится теперь въ новомъ аффектѣ; онъ переживаетъ пароксизмъ раскаянія, годъ спустя послѣ того, какъ его пуля

смертельно ранила его соперника. Съ русскими натурами все возможно. Спросите вы самое себя, какъ слѣдуетъ, строго: что для васъ страшнѣе— то-ли, что онъ дѣйствительно, какъ онъ называетъ, умышленно убилъ своего великодушнаго соперника, или то, что вы лишаетесь его любви? Развѣ второе для васъ не страшнѣе?

— Страшнѣе, прошептала я.

— Вотъ видите. Такъ оно и должно быть въ каждой настоящей женщинѣ. Я это говорю безъ всякаго Сеничкина яда—сказалъ Завацкій, засмѣявшись своимъ короткимъ, непріятнымъ для меня смѣхомъ.— Онъ—убійца? Разумѣется, если смотрѣть на это прямолинейно, евангельски. Да и какъ могло быть иначе? Если онъ тогда страстно любилъ васъ, желалъ вами обладать—ему нужно было, во что-бы то ни стало, устранить мужа. Предположимъ даже, что Иванъ Андреевичъ повеликодушничалъ, такъ очевидно, что нельзя было его противнику не замѣтить этого. Даже самое это великодушіе могло только вызвать въ немъ лишній импульсъ гнѣва. Онъ могъ почувствовать въ этомъ— желаніе показать ему, что онъ не стоитъ даже выстрѣла. Такъ, вѣроятно, и было, и только теперь, по прошествіи года, вдавшись въ процессъ саморазбиранья, онъ оцѣниваетъ это иначе, и конечно никому— ни вамъ, ни мнѣ, ни вашей пріятельницѣ-психіатру не удастся разубѣдить его въ этомъ до тѣхъ поръ, пока онъ не переживетъ того, что въ немъ происходитъ.

— Вы правы,—проронила я.

— Предположимъ даже, что онъ завтра, или чрезъ полгода, или черезъ годъ, совершитъ настоящее уголовное преступленіе—зарѣжетъ кого-нибудь или застрѣлитъ, въ припадкѣ запальчивости или изъ мести. Придумайте сами какой угодно случай. Вѣдь вы раздѣлите его судьбу навѣрно. Для всѣхъ онъ будетъ преступникъ, а для васъ—нѣтъ, особенно если этотъ преступникъ любитъ васъ. Даже если-бъ онъ теперь сдѣлался дѣйствительно убійцей—вы все-таки пойдете за нимъ, хотя и чувствуете, что онъ уже не тотъ, что прежде, пойдете потому, что страсть въ васъ не перегорѣла.

— Но какъ-же мнѣ поступать? На что мнѣ надѣяться?

— Надо переждать, Авдотья Петровна, берегите себя,—онъ опять взялъ меня за руку,—подумайте; передъ вами еще долгая жизнь, вы молоды...

«Красивы», прибавила я мысленно.

— Не тратьтесь такъ на всѣ эти волненія. Вы въ первомъ замужествѣ жили безъ любви... Теперь вы опять въ одиночествѣ. Если ужъ не удастся вамъ вернуть къ себѣ прежняго Николая Аркадьевича—изъ-за чего-же вамъ-то хирѣть и увядать?

Взглядъ Завацкаго досказывалъ остальное. Я отдернула руку. Мнѣ

было горько за всю эту ненужную консультацію. Но я воздержалась отъ всякаго рѣзкаго слова.

— И это все?—спросила я.

— Нѣтъ, не все. Если ваша пріятельница права и въ Николаѣ Аркадьевичѣ начинается серьезный психопатическій процессъ—тогда дѣйствуйте въ его-же интересахъ. Выздоровѣетъ онъ—верните его къ себѣ... а нѣтъ—помиритесь съ этимъ, какъ всѣ мы должны помириться со смертью, и не убивайте себя по напрасну; а сохраните въ себѣ способность отдаваться чувству, не обрекайте себя на ненужное мученичество.

И опять выраженіе его глазъ досказало остальное.

XII.

Протянулось болѣе недѣли затишья. Николай какъ будто пришелъ въ себя и сталъ одумываться. Никакихъ выходокъ, никакихъ обличеній самого себя. За обѣдомъ ровный разговоръ въ мягкомъ тонѣ. Какъ будто даже онъ самъ усиленно избѣгаетъ всего, что можетъ дать ему поводъ обличать себя.

И я стала надѣяться. Съ каждымъ днемъ росла во мнѣ потребность ласки; меня все сильнѣе влекло къ нему. Не скрываю: влекло, какъ влюбленную женщину. Мое одиночество глодало меня. Каждую ночь я прислушивалась—спитъ онъ или нѣтъ. Вотъ онъ придетъ, и протянетъ ко мнѣ руки, и возьметъ меня. И мы оба все забудемъ въ мигъ: его вольное и невольное безуміе. Пойдетъ та жизнь, которая, какъ лучезарная звѣзда, манила меня съ той минуты, когда я впервые сказала ему, что люблю его.

Но онъ не шелъ. Это было сильнѣе меня. Я сама пошла къ нему. Онъ уже заснулъ. Я разбудила его, бросилась на колѣни у его изголовья, обвила его шею руками и стала цѣловать... Я не могла ничего говорить, вся дрожала и только отрывистые звуки вылетали изъ горла, не то вздохи, не то рыданія. Въ головѣ у меня совсѣмъ помутилось.

Отрезвленіе было быстрое. Когда я пришла въ себя—я сидѣла у его ногъ, съ такимъ чувствомъ, точно меня въ чемъ-то позорномъ уличили и оттолкнули.

Лица Николая я не видѣла. Онъ не зажегъ свѣчи. Только голосъ его доходилъ до меня, его переливы и раскаты разносились надо мною и хлестали меня, какъ презрѣнную блудницу.

— Не могу я, не могу!—говорилъ Николай сначала задыхающимся голосомъ.—Не могу я отвѣчать на твои ласки, Дима! Мнѣ гадко и страшно за тебя, за насъ обоихъ.

— Не надо, не надо мнѣ твоихъ окриковъ!

Въ первую минуту я была еще въ силахъ выговорить это.

— Я не того хочу! Приди въ себя, дай мнѣ хоть проблескъ счастья! За что-же отталкивать меня, точно я самая послѣдняя развратница?..

Губы мои вздрагивали и я не могла докончить.

Николай приподнялся и порывистымъ движеніемъ приблизилъ ко мнѣ голову. Я чувствовала, какъ все его тѣло поводили нервныя подергиванья.

— Такъ что-же такое, — гнѣвно и громко вскричалъ онъ, — я-то для тебя? Ты, стало-быть, забыла то, что вотъ въ этой самой комнатѣ, не больше, какъ десять дней назадъ, я говорилъ тебѣ? Что-же это комедія была, выдумка, рисовка? Или я душевно больной? Такимъ, вѣроятно, твоя ученая пріятельница меня и считаетъ. Ты думаешь, я не замѣчалъ ничего? Прекрасно все понялъ и сообразилъ: она предавалась исподтишка наблюденіямъ надъ психіатрическимъ субъектомъ. На здоровье! Но если я сумасшедшій, то твое поведеніе еще ужаснѣе. Ты пришла зачѣмъ? Разбудить чувственный инстинктъ въ сумасшедшемъ? Вѣдь это чудовищно!

— Я не считаю тебя такимъ, — чуть слышно промолвила я.

— Не считаешь? Тогда что-же выходитъ? Пойми, какая пропасть между вами и нами. Ты выслушала мою исповѣдь. Если ты не считаешь меня помѣшаннымъ, то не имѣешь и никакого права смотрѣть на то, въ чемъ я безповоротно убѣжденъ, какъ на пустую выдумку. Ты слышишь: я называю себя добровольнымъ и злостнымъ убійцей твоего перваго мужа, и никакіе психіатры, никакіе франты-адвокаты, никакіе соблазнительницы въ мірѣ не разубѣдятъ меня въ этомъ, и пока голосъ моей совѣсти не замеръ — онъ сильнѣе всего остального.

— Все это лишнее! — растерянно выговорила я. — Ты самъ хочешь убить въ себѣ всякое чувство къ той, которая отдалась тебѣ вся... беззавѣтно...

— Молчи! — глухо вскрикнулъ онъ. — Ради Бога молчи! Не выставляй своей души въ такомъ цинически обнаженномъ видѣ... И выходитъ, что я не ошибался, и ты — какъ и всѣ остальныя женщины. Для васъ выше всего — выше Бога, чести, правды, идеи — инстинктъ!..

— Я люблю тебя, Николай! — почти съ воплемъ вырвалось у меня. — Люблю! Люблю! Не клевещи, не оскорбляй! Ты мнѣ дорогъ, вся твоя душа... все твое!

— Что-же дорого-то во мнѣ? Тѣло мое? Черты лица? Носъ, глаза, ростъ, все сложеніе? Твой первый мужъ былъ гораздо красивѣе меня. Стало-быть душа, какъ ты говоришь? Что-же это такое душа? Вѣдь она изъ чего-нибудь состоитъ, а? Изъ какихъ-нибудь свойствъ? Ты вообразила себѣ, что встрѣтила избранную натуру, человѣка съ высокой душой, а вышло, что онъ самый заурядный себялюбецъ и хищникъ

и только дожидался случая показать на что онъ способенъ. Дима! Ты слышала мою исповѣдь. Второй разъ я ее повторять не стану. Теперь не обо мнѣ рѣчь идетъ, а о тебѣ. Неужели ты—разъ моя исповѣдь не бредъ сумасшедшаго—неужели ты сама не почувствовала такой боли, такого потрясенія, при которыхъ любовной страсти нѣтъ больше мѣста? Но зачѣмъ я спрашиваю? У меня на лицо голая правда. Ты сама себя выдала. Такъ и должно быть для всякой истинной женщины! Сколько разъ, читая отчеты объ уголовныхъ процессахъ вездѣ, и за границей, и у насъ, я чувствовалъ, до какой степени для женщины безразлично: кто ее любитъ и кого она любитъ. Злодѣй или закоренѣлый мошенникъ возбуждаетъ во всѣхъ отвращеніе вплоть до сыщиковъ, а она готова жизнь свою положить за него! И сплошь и рядомъ онъ ее билъ, торговалъ ею, всячески унижалъ... И—ничего, все забыто!.. Этотъ злодѣй, этотъ мошенникъ будетъ ея кумиромъ до тѣхъ поръ, пока въ ней говоритъ инстинктъ.

Эти слова Николая были точно страшнымъ откликомъ того, что я слышала на-дняхъ отъ его защитника.

— И ты, какъ другія! Ни одного проблеска совѣсти... Я далъ тебѣ время, я ждалъ. Въ эти десять дней ты могла придти къ какому-нибудь выводу... А ты даже не старалась меня разубѣдить. Для тебя что было, то прошло! Для тебя моя исповѣдь—мужская блажь, лишнее доказательство того, что мужчины не умѣютъ любить.

— Не умѣютъ! повторила я.

— Ну да! А вы умѣете! Вотъ это-то ваше умѣнье и мрачитъ нашу совѣсть.

Николай произнесъ послѣднія слова ослабѣвшимъ голосомъ и упалъ головой на подушку.

— Довольно! чуть слышно выговорилъ онъ.

И отъ этихъ прерывающихся звуковъ я вздрагивала сильнѣе, чѣмъ отъ раскатовъ его голоса.

— Мнѣ тяжело, прошу, оставь меня. Намъ не объ чемъ больше говорить, не унижая себя. Еще одинъ шагъ и ты совсѣмъ пропадешь въ собственныхъ глазахъ. Убійца, какимъ я себя считаю, не можетъ быть твоимъ возлюбленнымъ.

Онъ повернулся головой къ спинкѣ дивана и смолкъ. Это былъ мой приговоръ. Я сидѣла какъ истуканъ. Никакого слова больше не находила я въ себѣ. Меня убивала моя жалкая безпомощность, какъ женщины, еще не такъ давно любимой этимъ самымъ человѣкомъ.

Чего-же легче было—броситься къ нему, дать ходъ чувству, которое клокотало во мнѣ, когда я проникла къ нему въ кабинетъ? Но это было безполезно. Николай правъ: какъ-бы женщина ни отдавалась

своему чувству — есть предѣлъ для всего. Къ чему идти на новый стыдъ, на лишнее посрамленіе?

Рыдать, цѣловать его ноги, умолять... о чемъ? Чтобы онъ мнѣ, какъ милостыню, кинулъ ласку?

Такъ я просидѣла... сколько времени, не могу сказать. Я вся захолодѣла и на щекахъ чувствовала свѣжесть застывающихъ слезъ. Какъ пьяная, пошатываясь, добралась я до моей спальни и повалилась на постель.

Припадка не было, ни истерики, ни обморока. Напротивъ, черезъ нѣсколько минутъ голова стала страшно ясной —должно-быть такъ бываетъ съ тѣми, кто выслушаетъ смертный приговоръ. Послѣ самыхъ тяжелыхъ терзаній души все проясняется и смотришь безстрастно на свою судьбу. Приговорили васъ къ смертной казни и вы тутъ только въ силахъ обсудить: стоитъ-ли вамъ еще надѣяться на что-нибудь, подавать просьбу объ отмѣнѣ приговора или о помилованіи. Позднѣе, быть-можетъ, жажда жизни возьметъ верхъ и осужденный оттягиваетъ приближеніе рокового дня; но въ эту минуту у него нѣтъ никакихъ иллюзій и пустыхъ тревогъ.

Почти то же испытала и я, лежа съ открытыми глазами на моей засвѣжѣвшей постели.

Приговоръ произнесенъ и скоро будетъ казнь. Въ какой формѣ— я не знаю, да это и безразлично! *Онъ* не вернется ко мнѣ. Что онъ съ собою сдѣлаетъ—тоже не знаю. Фактически—что-же онъ можетъ съ собою сдѣлать для искупленія того, что онъ считаетъ своимъ злодѣйствомъ? Вѣдь это не простое уголовное преступленіе. Пошелъ-бы онъ къ прокурору и заявилъ, что убійца—онъ. Что-же бы тогда было? И тогда дали-бы какой-нибудь ходъ дѣлу только въ томъ случаѣ, если-бъ за него пострадалъ другой; а иначе не все-ли равно? Наконецъ, если-бъ даже онъ убилъ моего перваго мужа, придя къ нему въ кабинетъ, или изъ-за угла, на прогулкѣ, на лѣстницѣ? Присяжные могли-бы его оправдать... И тогда, сколько онъ ни кайся, все-таки его никуда-бы не сослали! А тутъ и подавно. Завацкому вспомнилось про какой-то намекъ одного изъ секундантовъ. Призовите этого секунданта, допросите его теперь: навѣрно онъ дастъ уклончивый отвѣтъ. Наконецъ, это могло ему только показаться. Грозный судья Николая—его собственная совѣсть, и ничего больше...

Вотъ совершенно такъ разсуждала я, лежа съ открытыми глазами... И никогда еще я такъ связно и послѣдовательно не думала на такія чисто мужскія темы.

Да, что онъ съ собою сдѣлаетъ — я не знаю. Но онъ для меня погибъ... И я предметъ его если не ненависти, то уничтожающей жалости, какъ существо съ такой низменной душевной жизнью!..

Можетъ быть, онъ мнѣ предложитъ разойтись мирно, безъ новыхъ раздирательныхъ сценъ. Разойтись какъ? Въ его теперешнемъ настроеніи онъ не разведется... Для этого надо продѣлывать многое, на что онъ ни подъ какимъ видомъ не пойдетъ. Онъ не возьметъ на себя вины въ вымышленномъ нарушеніи супружеской вѣрности... не позволитъ и мнѣ взять на себя того-же.

Да и зачѣмъ мнѣ свобода? Чтобы опять полюбивъ кого-нибудь, налагать на себя узы? Любовь точно подстерегла меня изъ-за угла и предательски бросила въ какую-то яму, откуда нельзя выбраться на Божій свѣтъ. Полюбишь и опять выростетъ передъ тобой и любимымъ человѣкомъ стѣна, опять скажется та глубокая рознь между нами и ими, о какой я никогда прежде не думала.

Гдѣ-же мое счастіе? Когда оно было? Въ короткія минуты самообмана? Вѣдь если вѣрить Николаю — одинъ инстинктъ говорилъ въ насъ...

И новая любовь—будь она мыслима для меня — уже не спасетъ отъ раздвоенія... Душа моя, быть можетъ, навѣкъ отравлена...

Что-же мнѣ дѣлать? Чего ждать? Ждать исхода пассивно. Я жалка и безпомощна, какъ женщина. Не могу я ничего сдѣлать и для Николая. Мнѣ надо быть приготовленной ко всему...

XIII.

Подкралась весна; а мы все еще въ городѣ. Въ моемъ теперешнемъ настроеніи я ни о чемъ не могла хорошенько подумать. На дворѣ май, а дачи у насъ нѣтъ. Я даже не знаю, гдѣ и какъ проведемъ мы лѣто. Каюсь, это моя оплошность. Но теперь развѣ не все равно? Меня преслѣдуетъ увѣренность въ томъ, что не нынче-завтра должно что-то случиться.

Я было заговорила съ Николаемъ о дачѣ... Еще не поздно; можно было-бы найти гдѣ-нибудь не въ очень бойкихъ мѣстахъ. Онъ сказалъ, что ѣзда каждый день въ городъ для него несносна.

— По край ей мѣрѣ поѣхать хоть на море—въ Выборгъ или въ Либаву, попозднѣе въ іюлѣ. Можешь-ли ты получить отпускъ? спросила я его.

— Не знаю... не думаю...

Кобрина поселилась въ Павловскѣ и приглашала меня навѣстить ее. Я сейчасъ-же поѣхала. Мы съ ней не видѣлись около двухъ недѣль. Она еще не знала что было между мною и Николаемъ въ послѣдніе дни.

День выдался прелестный. Я поѣхала послѣ завтрака. По дорогѣ все уже зеленѣло и такъ вольно дышалось. Я сидѣла въ отдѣленіи ва-

гона одна. И такая заговорила во мнѣ потребность сбросить съ себя мое нестерпимое душевное состоянiе! Сколько времени я не слыхала живого веселаго разговора, сколько времени не смѣялась. Поѣхала я, зная, что придется опять говорить о томъ-же, разбереживать свою рану...

Въ Царскомъ вошло ко мнѣ цѣлое общество: нарядныя молодыя женщины и двое военныхъ. Всѣ они разомъ болтали, смѣялись; видно было, какъ имъ радостно жилось въ ту минуту... Игривыя мины, влюбленные взгляды, молодой задорный, беззаботный смѣхъ—все это такъ и мелькало передо мной, такъ и искрилось. Переѣздъ прошелъ мгновенно.

Я предупредила Кобрину депешей и она встрѣтила меня на вокзалѣ очень нарядная, вся въ бантахъ и прошивкахъ; на огромной соломенной шляпѣ цѣлый цвѣтникъ; въ глазахъ игра женщины, не только довольной своимъ положенiемъ, но и живущей во всю... Мы это сейчасъ чувствуемъ.

«Навѣрно у ней начинается романъ», подумала я, пожимая ей руку.

Это былъ тотъ часъ, когда на площадкѣ въ кiоскѣ играетъ военный оркестръ музыки, часъ дѣтей, гувернантокъ и нянекъ. Вся площадка была весело освѣщена солнцемъ. Инструменты солдатъ ярко блестѣли. Играли такую-же веселую польку. Группы дѣтей пестрѣли тамъ и сямъ: розовый, красный, голубой, желтый цвѣта переливали на солнцѣ.

— Не правда-ли, какъ у насъ хорошо?—спросила Кобрина. — Хочешь ты остаться въ паркѣ или мы пойдемъ прямо ко мнѣ?

— Погуляемъ.

Когда мы перешли мостикъ и стали пересѣкать луговину по направленiю ко дворцу, Кобрина, взглянувъ на меня, остановилась.

— Навѣрно есть что-нибудь новое... съ твоимъ мужемъ?

— Да, только не будемъ объ этомъ сейчасъ-же говорить.

— Разумѣется. Ты слишкомъ ушла сама въ роль несчастной жены. Стряхни съ себя это, милая! Que diable! Надо-же немножко и о себѣ подумать! Ты такая молодая, красивая, смотри на что ты похожа. Между нами говоря, на моихъ глазахъ ты постарѣла на нѣсколько лѣтъ. И совсѣмъ не занимаешься собою!—Она оглядѣла мой туалетъ.—Если-бъ кто-нибудь сейчасъ прошелъ и его спросить: кто изъ насъ просто свѣтская женщина и кто работникъ-спецiалистъ, женщина-врачъ въ русскомъ вкусѣ—прибавила она со смѣхомъ—ужъ конечно не меня примутъ за врача.

Мы спустились къ рѣчкѣ и тамъ присѣли на скамейку въ тѣни.

И тутъ опять меня охватило чувство приближенiя чего-то рокового.

— Я-бы и рада—сказала я Кобриной—уйти куда-нибудь... отдаться другимъ впечатлѣнiямъ; но я безсильна, я боюсь...

— Что Николай Аркадьевичъ кончитъ серьезнымъ душевнымъ разстройствомъ?—спросила Кобрина уже тономъ психiатра.

— Что онъ произнесетъ самъ себѣ приговоръ.

— Въ какомъ смыслѣ? Съ собой покончитъ? Не надо его допускать. Если у тебя есть факты, показывающіе, что онъ близокъ къ такому исходу, слѣдуетъ принять энергическія мѣры. Что-же ты не начинаешь дѣйствовать? Чего-же ты ждешь? Вѣдь съ такимъ больнымъ надо особые пріемы. Это не то, что острая болѣзнь, которая свалитъ тебѣ человѣка. Тутъ слѣдуетъ поступать осторожно, но энергично. Милая моя Дима! Я тебѣ ничего не навязываю, если ты недостаточно довѣряешь мнѣ. Желаешь, я обращусь къ хорошему консультанту по моей спеціальности? Боишься ты приготовить твоего мужа, поручи это мнѣ: я сумѣю обойтись съ нимъ, какъ слѣдуетъ... какъ указываетъ мнѣ долгъ врача и требованія науки—прибавила она опять тономъ парижской conférencière.

— Сказать тебѣ всю правду?

— Сдѣлай одолженіе.

— Я не считаю его настоящимъ душевно-больнымъ.

— Та-та-та! Это ужъ ты предоставь намъ. Настоящій—не настоящій, но онъ на прямой дорогѣ къ чему-нибудь весьма опредѣленному. Всего вѣроятнѣе сказала она, сдвинувъ немного свои слегка подведенныя брови —тутъ готовится просто-на-просто: *пежè*.

— Что это такое значитъ? Я не понимаю.

— Извини, это я по студенческой парижской привычкѣ. Мы такъ называемъ болѣзнь конечно тебѣ извѣстную. По-русски слѣдовало-бы сказать: *пепè*...

— Оставимъ мы эту игру словъ,—перебила я ее.

Мнѣ стало слишкомъ жутко.

— Не нервничай, моя милая Дима—успокоительно протянула Кобрина.—А то я тебя начну серьезно лѣчить. Что-же дѣлать, есть болѣзни; мы, врачи, ихъ не выдумываемъ. Въ нашей практикѣ эта болѣзнь теперь самая частая. Это—прогрессивный параличъ. По-французски она называется paralysie générale, вотъ почему и говорятъ: *pégé*.

— И у тебя есть основаніе думать, что Николай...

— Не утверждаю положительно: но это очень, очень вѣроятно. А если оно такъ, то врядъ-ли тебѣ нужно бояться за то, что онъ покончитъ съ собою самъ... За періодомъ подавленности можетъ явиться періодъ большого возбужденія и даже непремѣнно настанетъ, если у него дѣйствительно эта болѣзнь. Тогда онъ покажется тебѣ совершенно возрожденнымъ. Явится необычайная бойкость, пылъ... въ томъ числѣ и любовный пылъ...

Она остановилась на нѣсколько секундъ и продолжала:

— А можетъ быть такой періодъ возбужденія и покончился уже... и вотъ въ этотъ-то періодъ и могла произойти ваша любовная исторія.

— Какъ?—спросила я и вся задрожала.—То, что рѣшило мою судьбу, что мнѣ открыло новую жизнь, было не что иное, какъ начало неизлѣчимой нервной болѣзни?

Я готова была разрыдаться, но сдѣлала надъ собой усиліе.

— Милая моя, я не утверждаю это; но это допустимо... Наука не шутитъ, у ней есть свои итоги; періодъ возбужденія долженъ быть въ исторіи этой болѣзни. Тогда, глядя по натурѣ и способностямъ, можетъ быть и любовная страсть, или по крайней мѣрѣ нѣчто похожее на нее, и разъѣзды, и проекты; а у людей съ талантомъ усиленная творческая работа... Это буки-азъ-ба... Chaque carabin sait ça! Но во всякомъ случаѣ надо принимать мѣры. Подобное несчастье можетъ всегда случиться... Такъ неужели изъ того, что твой мужъ дѣйствительно заболѣлъ прогрессивнымъ параличомъ, ты-то сама должна обрекать себя на двойную каторгу? Встряхнись!

— Но пойми—вскричала я,—что Николай для меня—все!

— А если-бъ онъ смертельно заболѣлъ и умеръ?—сказала Кобрина.—Одно изъ двухъ: или ты-бы умерла съ горя, или ты пережила-бы эту потерю... Et tu aurais pris ta part de vie... et de jouissances—прибавила она, вкусно выговаривая послѣднее слово.

Эта женщина не можетъ меня понимать; у ней слишкомъ много разсудительности и здороваго себялюбія. Она можетъ только мнѣ оказать содѣйствіе, какъ умный врачъ-спеціалистъ. Какъ показать ей силу и глубину моей безысходной бѣды?..

— Полно, Дима—начала Кобрина другимъ тономъ и лицо ея приняло опять то выраженіе, съ какимъ она меня встрѣтила на вокзалѣ.—Я имѣю право, и какъ пріятельница твоя, и какъ врачъ, запретить тебѣ такіе разговоры. Если ты согласна дѣйствовать, я къ твоимъ услугамъ, а пока поживемъ хоть немножко сами по себѣ... Ты пріѣхала подышать воздухомъ, погулять, видѣть вокругъ себя жизнь, веселыя лица... И знаешь, что я тебѣ скажу—она прищурилась—у меня здѣсь премилый сосѣдъ. Мы съ нимъ очень скоро подружились... Отгадай кто?

— Право не умѣю.

— Завацкій, тотъ самый Завацкій, про котораго ты мнѣ какъ-то говорила... защитникъ твоего мужа. C'est un homme très bien! протянула она, совсѣмъ какъ выговариваютъ это слово француженки. — Умница, понимаетъ жизнь, много видѣлъ... во всемъ такой вкусъ. Умѣетъ цѣнить въ женщинѣ все, что въ ней есть выдающагося.

«Такъ и есть—подумала я—у нихъ начинается любовная игра, а можетъ быть они уже и совсѣмъ близки».

— Онъ знаетъ, что ты пріѣдешь—продолжала такъ же оживленно Кобрина—и я, на всякій случай, сказала ему, что въ началѣ пятаго онъ можетъ насъ застать на фермѣ. Вѣдь ты обѣдаешь у меня?

— Нѣтъ, я должна вернуться.

— Полно, пошли депешу. Право, это лучше! Вы слишкомъ много вмѣстѣ... Наконецъ, если ужъ тебя такъ потянетъ домой, ты успѣешь. Идемъ.

На фермѣ мы не ждали Завацкаго больше десяти минутъ. Онъ явился немного запыхавшійся, такой розовый, свѣжій, сіяющій. По ихъ взглядамъ и тону сейчасъ-же можно было почувствовать уже большую интимность. И онъ и она отлично подходятъ другъ къ другу. Врядъ-ли они кончатъ бракомъ. Да имъ и не нужно: они слишкомъ дорожатъ свободой и умѣютъ брать изъ жизни все самое доступное. Завацкій держался со мной въ ея присутствіи какъ преданный другъ дома, съ такимъ оттѣнкомъ какъ будто я, какъ женщина — для него никогда не существовала. Это меня нисколько не задѣвало и даже не смѣшило. Все это чрезвычайно понятно: такой виверъ и любитель женщинъ не станетъ тратить своего ума и ловкости, разъ онъ увидѣлъ, что женщина, которая могла-бы ему нравиться — такъ поглощена своей нелѣпой любовью къ законному мужу.

— Такъ стало быть вы не переѣдете на дачу? спросилъ меня Завацкій.—И вашему мужу ничего—заставлять васъ оставаться въ городской духотѣ?

— Она будетъ къ намъ часто ѣздить, отвѣтила за меня Кобрина.

— И прекрасно! вскричалъ онъ. Мы въ васъ поднимемъ тонъ жизнерадостности, дорогая Авдотья Петровна. Зачѣмъ-же вамъ себя изводить?

— Je me tue à le lui démontrer! дурачливо выговорила Кобрина.

— Пускай супругъ—продолжалъ Завацкій въ томъ-же тонѣ—чувствуетъ почаще сладость одиночества. Самое лучшее средство: отнять у него возможность предаваться своему самоанализу вслухъ, дѣлать васъ подневольной наперсницей своихъ болѣзненныхъ изліяній.

Я ничего не возразила; но мнѣ очень скоро стало тяжко съ ними. Какъ-бы я на нихъ ни смотрѣла, но они все таки переживали минуты взаимнаго влеченія и я была тутъ лишняя. Чѣмъ скорѣе я удалюсь, тѣмъ имъ будетъ привольнѣе. Они отправятся туда, гдѣ имъ никто не будетъ мѣшать, будутъ цѣловаться, тѣшить другъ друга своимъ умомъ, острыми шутками, взаимной лестью.

Вмѣсто облегченія я получила новый и неожиданный ударъ. Тоска душевнаго одиночества разлилась по мнѣ; а впереди—что-то неизбѣжное, точно зіяющая пропасть.

Черезъ нѣсколько минутъ я уже заторопилась и просила ихъ не провожать меня на желѣзную дорогу.

XIV.

— Кто тамъ? испуганно окликнула я.

Это было въ моей спальнѣ. Я засидѣлась съ книгой. Сна у меня не было, я знала, что не засну раньше разсвѣта. Наступили бѣлыя ночи и онѣ еще сильнѣе поддерживали мою безсонницу. Вошелъ Николай, одѣтый, но въ туфляхъ, очень блѣдный. Выраженіе лица — небывалое: какое-то особое, спокойное, на губахъ тихая, жуткая улыбка, глаза вспыхиваютъ лихорадочно.

— Ты еще не спишь? спросила я, откладывая книгу на столикъ.

— Вѣдь и у тебя нѣтъ сна, сказалъ онъ такъ-же странно-спокойно, такъ странно было выраженіе его лица.—У меня—ты знаешь—убійственный слухъ; я слышалъ какъ ты перелистываешь листы.

Тутъ только я замѣтила, что у него въ лѣвой рукѣ книга въ переплетѣ, довольно старомъ, и еще тетрадь. Тотчасъ же узнала я въ этой тетради, переплетенной въ сафьянъ, съ замочкомъ, ненавистный мнѣ дневникъ.

— У насъ обоихъ нѣтъ сна, Дима, продолжалъ онъ все такъ-же спокойно и какъ-бы чуточку сладковатымъ тономъ. — Минута самая благопріятная.

— Для чего? порывисто спросила я.

— Вотъ ты сейчасъ узнаешь для чего. Зачѣмъ торопиться...

Онъ пододвинулъ низкое креслецо и сѣлъ въ него, въ позѣ человѣка, собирающагося что-то такое читать или разсказывать... Сафьянную тетрадь съ замочкомъ отложилъ онъ на тотъ столикъ, гдѣ стояла свѣча подъ абажуромъ.

А книгу взялъ и сначала положилъ на колѣни. Сидѣлъ онъ немного согнувшись, но въ позѣ не напряженной, покойной.

Въ комнатѣ бѣловатый свѣтъ съ приближеніемъ зари дѣлалъ пламя свѣчи чуть замѣтнымъ. Мнѣ эта двойственность освѣщенія сдѣлалась какъ-то жуткой и я погасила свѣчу. Я не хотѣла малодушно настраивать себя и не могла воздержаться отъ внутренней дрожи. Голова моя—ясная, даже захолодѣлая — подсказывала мнѣ, что этотъ приходъ не спроста, что я услышу и увижу что-нибудь дѣйствительно роковое... и послѣднее. Есть такія минуты ясновидѣнія. Все, что произойдетъ—только подробности того, въ чемъ вы уже впередъ увѣрены.

— Дима—началъ онъ, приподнявъ слегка голову и глядя на меня въ бокъ—ты, сколько мнѣ извѣстно, философскихъ книжекъ не читала?

Вопросъ былъ странный, совершенно неумѣстный, его можно было счесть за выходку помѣшаннаго; но я не подозрѣвала въ немъ безумія.

Слишкомъ твердъ и разуменъ былъ самый звукъ этихъ, въ сущности незначительныхъ, словъ.

— Читала кое-что... Давно уже, еще дѣвушкой, когда мы въ выпускномъ классѣ увлекались именами англійскихъ писателей: Льюиса, Герберта Спенсера... Больше именами. Но кое-что я помню изъ «Физіологіи обыденной жизни», изъ статей Спенсера; мнѣ теперь припомнилось, что всего раньше по русски появился переводъ его статей изданія Тиблена... Кажется такъ?

Я сама чувствовала, что готова разговориться, начать припоминать что именно я знаю... затѣмъ только, чтобы что-то оттянуть, продлить, и въ то же время сознавала безполезность такой уловки.

— Тѣ англичане—отвѣтилъ мнѣ Николай, поведя правымъ плечомъ по своей привычкѣ—мало занимались душой... Это представители такъ называемаго здраваго смысла... увѣренные въ себѣ позитивисты. А другихъ старыхъ, очень старыхъ мудрецовъ ты конечно не читала?

— Не помню... врядъ-ли... кое-что осталось конечно въ памяти... имена...

— Какія-же, напримѣръ?

Я засмѣялась и этотъ смѣхъ отдался у меня внутри, какъ что-то глубоко малодушное... Этотъ смѣхъ былъ похожъ на свистъ труса, который пробирается по темному переулку и дрожитъ какъ-бы кто на него не напалъ изъ-за угла.

— Ты меня экзаменуешь, Николя? выговорила я полушутливо.

— Экзаменъ не страшенъ, Дима. Я тебѣ самъ помогу. Конечно слыхала про древнихъ философовъ?..

— Разумѣется! Не такая-же я ничегонезнайка. Кому-же неизвѣстно, кто былъ... ну хоть Сократъ, Платонъ...

Николай схватилъ меня за руку и въ этомъ прикосновеніи его свѣжей, почти холодной, руки было что-то не передаваемое словами. Такія движенія бываютъ только въ самыя высшія минуты, переживаемыя человѣкомъ.

— Сократъ! Платонъ! — повторилъ Николай. — Какъ это хорошо, что ты сама вспомнила ихъ первыхъ... Во всемъ есть судьба,— какъ-бы про-себя сказалъ онъ.

И вслѣдъ затѣмъ онъ развернулъ книгу въ потертомъ переплетѣ большого формата.

— Вотъ видишь, Дима, этотъ томъ — русскій переводъ сочиненій какъ-разъ одного изъ этихъ двухъ мудрецовъ. Другой самъ ничего не писалъ при жизни...

— Сократъ?—спросила я.

— Ты и это знаешь! Его ученики записывали то, чему онъ училъ устно. Самый геніальный ученикъ его былъ Платонъ.

Мы никогда не говорили такъ съ Николаемъ и на подобныя темы. Прежде, когда мы сближались, было у насъ не мало разговоровъ о раз-

ныхъ вопросахъ женской жизни... нерѣдко о романахъ, о какой-нибудь умной критической статьѣ; почти всегда мы оба волновались, перебивали другъ друга или онъ произносилъ длинные, горячіе монологи. Теперь это было что-то совсѣмъ особенное... Я готова была поддерживать эту странную бесѣду до безконечности, только-бы отдалить неизбѣжную минуту...

— Припомни, — продолжалъ Николай, — за что и какъ умеръ Сократъ?

Я обрадовалась такому вопросу и, точно бывало въ гимназіи, духомъ отвѣтила ему:

— Его обвинили въ невѣріи и осудили на смерть; онъ долженъ былъ выпить ядъ... цикуту,—прибавила я, обрадовавшись и тому, что вспомнила, что именно выпилъ Сократъ.

— Совершенно вѣрно; и вотъ у Платона есть чудесная защита своего великаго учителя... Она такъ и называется «Апологія Сократа». Я ее перечитываю каждый день... въ послѣднее время, — прибавилъ онъ,—я прошу тебя прочесть ее хоть одинъ разъ, но такъ, какъ читаютъ предсмертное слово самаго дорогого человѣка.

«Начинается!» совсѣмъ захолодѣвъ, вскричала я мысленно.

А лицо Николая, совсѣмъ поднявшаго голову, было не только спокойно, но какъ-то торжественно; что-то въ родѣ умиленія виднѣлось въ его глазахъ. Это выраженіе можно было опять-таки признать за безуміе; но меня страшило не безуміе, а что-то другое. Да и никогда онъ такъ тихо, задушевно не говорилъ; никогда не слышалось такого глубокаго убѣжденія въ каждомъ его звукѣ.

— Платонъ,—продолжалъ онъ,—и другіе ученики Сократа окружали его ложе въ день исполненія приговора... И тутъ я тебѣ долженъ разъяснить одну подробность. Сократъ просидѣлъ цѣлый мѣсяцъ въ тюрьмѣ; а обыкновенно казнь происходила тотчасъ послѣ приговора или въ очень скоромъ времени. Тутъ-же вышло такое обстоятельство: каждый годъ Аѳины посылали корабль съ дарами оракулу въ Делосѣ, и обычай не позволялъ никого предавать смерти до тѣхъ поръ, пока галера не вернется оттуда. Сократъ и долженъ былъ въ тюрьмѣ ждать ея возвращенія. Лишнія муки—скажешь ты. А этотъ искусъ—самый свѣтлый, самый великій моментъ его жизни. Онъ готовилъ себя къ смерти безстрашно, ея приближеніе дало только поводъ ученикамъ понять все величіе его души. Они молили его не разъ бѣжать; хотѣли доставить за него выкупъ... Онъ не соглашался. И вотъ, когда уже смерть холодила его члены: что онъ сказалъ имъ между прочимъ...

Николай отыскалъ страницу. Въ комнатѣ было уже настолько свѣтло, что онъ могъ безъ труда прочесть:

— «...время намъ разстаться: я долженъ идти на смерть, вы останетесь наслаждаться жизнью. Кому изъ насъ достался лучшій удѣлъ— это тайна для всѣхъ насъ; оно извѣстно одному Богу».

Онъ медленно закрылъ книгу и сидѣлъ съ наклоненнымъ впередъ туловищемъ, глядя на меня пристально, но не сурово, а кротко, и опять съ оттѣнкомъ какого-то жуткаго умиленія.

Тутъ я уже не могла овладѣть собою.

— Николя! Что ты хочешь сказать всѣмъ этимъ? Вѣдь ты не спроста пришелъ съ этой книгой... и вонъ съ той тетрадью. Я знаю, что въ ней...

— Въ ней записано все то, что тебѣ слѣдуетъ знать, Дима,—отвѣтилъ онъ торжественнымъ тономъ.—Этотъ разговоръ—послѣдній.

— Какъ послѣдній?—закричала я.—Ты хочешь...

— Я хочу примириться съ собою. Вотъ чего я хочу.

— Но чѣмъ, чѣмъ? Договори!..

— Всякое злодѣйское дѣло должно быть искуплено.

Онъ сдѣлалъ жестъ правой рукой, какъ-бы предупреждая меня.

— Дай мнѣ докончить. Ты прекрасно понимаешь, о чемъ я говорю. Искупленія другого нѣтъ, какъ добровольный выходъ... изъ жизни.

Эти два слова сковали меня. Я что-то хотѣла вымолвить и не могла. Въ глазахъ стало мутиться.

— Я не хочу,—продолжалъ Николай горячѣе и держа меня сильно за руку,—я не хочу довольствоваться раскаяніемъ на словахъ... Вѣдь и меня почти-что оправдали... Что такое просидѣть нѣсколько мѣсяцевъ въ одной комнатѣ? Но это сидѣнье и помогло мнѣ понять все, дойти до искупляющаго приговора надъ самимъ собою...

Онъ отнялъ руку, взялъ тетрадь и подалъ ее мнѣ.

— Храни это у себя. Тутъ есть и ключикъ. Я прошу тебя только не отпирать этой тетради до тѣхъ поръ...

Онъ усмѣхнулся и добавилъ:

— Пока не вернется галера.

Чуть живая отъ ужаса, я опустилась на колѣни и упала головой на ручку его кресла. Мои руки судорожно старались схватить его. И мнѣ слышались его слова: тихія, трепетныя, проникавшія въ меня, какъ что-то уже не здѣшнее:

— Полно, Дима! Неужели жизнь сама по себѣ такъ драгоцѣнна? Вѣдь это жалкое заблужденіе. И развѣ ты можешь сдѣлать ее для меня другою? Ни ты, и никто на свѣтѣ!—повторилъ онъ.—Я тебя не заставляю искать того-же исхода. Но вдумайся, когда ты прочтешь вонъ ту тетрадь... Уйди въ свою совѣсть женщины... Быть можетъ, я и не правъ, быть можетъ между *нами* и *вами* и нѣтъ такой пропасти... Тѣмъ лучше. Тогда ты будешь знать: что тебѣ съ собою дѣлать.

Что онъ мнѣ дальше говорилъ, я не слыхала. Я лишилась чувствъ.

XV.

Я исполнила все, что онъ требовалъ. Ему не было дѣла до моихъ мукъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня происходила казнь надъ самимъ собою человѣка, взявшаго всю мою душу; а я безсильно, въ смертельной тоскѣ и ужасѣ, ждала, когда онъ покончитъ съ собою.

Николай сказалъ мнѣ:

— Стучаться ко мнѣ безполезно. Я не отопру.

Долго-ли онъ страдалъ, я не знаю. Кажется, ядъ подѣйствовалъ почти мгновенно. Онъ не хотѣлъ даже проститься со мною еще разъ. И опять, какъ истинный маньякъ, со своимъ Сократомъ! Тотъ, видите-ли, попросилъ увести отъ него жену, чтобы она криками и ревомъ не нарушала красоты и величія его разставанія съ жизнью.

Боже! Какъ они рисуются! Сколько въ нихъ жестокости и бездушія!

Да, я все выполнила. Что мнѣ стоило ждать той минуты, когда, по его росписанію, я могла войти въ кабинетъ—этого не перескажешь!..

Меня замертво отнесли опять въ спальню. Но я нашла силъ—всѣмъ заняться. Полиція, прокуроръ, гробовщики, панихиды. Господи! Какая ненужная агонія! Лучше самой умереть.

И что-жъ! Я не лгу, не храбрюсь заднимъ числомъ. Когда гробъ вынесли и я рухнулась на полъ и пришла въ себя только послѣ часового обморока, я не хотѣла жить. Если-бы у меня хватило тогда силъ дотащиться до кабинета—я-бы перерыла всѣ ящики, чтобы найти ту склянку, откуда онъ выпилъ свою смерть.

Я была охвачена отвращеніемъ къ жизни и осталась жить до тѣхъ поръ, пока не прочту, по его-же приказанію, ту тетрадь въ сафьянномъ переплетѣ, куда онъ вносилъ исторію нашего брака.

Да, Николай былъ маньякъ. Это для меня неопровержимо-ясно. Мнѣ нѣтъ надобности отдавать его дневникъ Кобриной—я и безъ нея вижу это и знаю.

Но его манія—не простое безуміе. Все въ исповѣди Николая показываетъ, какъ онъ низко ставилъ мою любовь, какъ тяготился, съ первыхъ дней нашей связи, тѣмъ, что для меня вобрало въ себя всю красу и весь смыслъ жизни...

И *они* смѣютъ—эти маньяки своего мужского высокомѣрія и жалкаго резонерства—считать насъ низшими существами, обличать насъ въ томъ, что у насъ своя *женская*, низменная совѣсть!

Лучше быть совсѣмъ безъ совѣсти, чѣмъ не знать страсти, не знать ея восторговъ, не знать единой радости жизни, единой и все искупляющей.

Слѣпые, жалкіе маньяки! Вы никогда не поймете этого.

1894 г. **П. Боборыкинъ.**

ТУРГЕНЕВЪ и ТОЛСТОЙ.

ОЧЕРКЪ IV.

«Новь» и типъ «нужнаго для Россіи» человѣка.

I.

«Новь» принадлежитъ къ числу наименѣе оцѣненныхъ—въ свое время—произведеній Тургенева. Правда, вслѣдъ за появленіемъ ея (1877), рядомъ съ отрицательными отзывами высказывались и хвалебные, даже восторженные, но въ общемъ, можно сказать, сумма недоразумѣній и нареканій, вызванныхъ «Новью», не уступала таковой-же, вызванной «Отцами и Дѣтьми», только тонъ нападокъ на автора на этотъ разъ не былъ такой страстный какъ тогда.

Всякій читатель, не лишенный художественнаго чутья и достаточно вооруженный личнымъ опытомъ жизни (чрезвычайно важное условіе для пониманія произведеній искусства), не можетъ, читая «Новь», не подчиниться обаянію этого чуднаго произведенія, блещущаго необыкновенной свѣжестью и яркостью красокъ, проникнутаго дивной поэзіею и въ цѣломъ представляющаго собою удивительную художественную композицію, мастерски сотканную изъ положительныхъ и отрицательныхъ (сатирическихъ) элементовъ («Новь на половину—сатира и очень злая).

О самомъ процессѣ творчества, создавшаго «Новь», мы имѣемъ любопытное свидѣтельство Тургенева въ письмѣ къ Полонскому (отъ 22 января 1877 г. «Письма», № 247): «Ты находишь, что въ «Нови» чувствуется напряженіе, излишняя головная работа и нѣкоторая робость... можетъ быть; замѣчу только одно, что *ни одно изъ моихъ большихъ произведеній не писалось такъ скоро, легко (въ 3 мѣсяца) и съ меньшимъ количествомъ помарокъ*. Вотъ послѣ этого и суди! (Идея у меня долго вертѣлась въ головѣ, я нѣсколько разъ принимался за исполненіе—*но наконецъ написалъ всю штуку, какъ говорится, съ плеча*). И выходитъ, что ничего нельзя знать напередъ». Первыя впечатлѣнія бываютъ иногда обманчивы и примѣръ Полонскаго показываетъ, какъ могутъ оши-

баться въ этомъ отношеніи даже люди, сами одаренные поэтическимъ талантомъ, которымъ, казалось-бы, и книги въ руки. При первомъ чтеніи легко возникаютъ иллюзіи, въ зависимости отъ личнаго настроенія читателя. Вѣроятно г. Полонскій, читая впервые «Новь», находился въ такомъ состояніи духа, которое вызывало ощущеніе нѣкоторой напряженности при умственной работѣ. Усвоеніе-же художественнаго произведенія есть несомнѣнно умственная работа: оно, въ извѣстныхъ границахъ, является повтореніемъ творчества автора. И вотъ, если «повторить» это творчество, такъ сказать, на «свѣжую голову», не будучи озабоченъ или занятъ постороннею мыслію, то, я увѣренъ, «Новь» произведетъ прежде всего впечатлѣніе, вполнѣ согласное съ тѣмъ, что говоритъ Тургеневъ въ приведенномъ отрывкѣ, именно впечатлѣніе *легкости* творчества, увѣреннаго въ самомъ себѣ, отсутствія разсудочной работы, ведущей къ перемаркамъ и передѣлкамъ. «Новь» является художественному чувству читателя въ видѣ вдохновенной импровизаціи, и въ ней незамѣтно и слѣда той «старательности» или «копотливости», которую отмѣтилъ Достоевскій въ «Отцахъ и Дѣтяхъ» *). Въ «Нови», такъ чувствуется, художникъ далъ волю своему дарованію, дошедшему здѣсь (употребляя выраженіе Тургенева въ письмѣ къ Салтыкову, «Письма». стр. 508) до «рѣзвости», и его скорѣе можно упрекнуть въ томъ, что онъ не подвергъ въ должной мѣрѣ свой вдохновенный трудъ контролю холодной разсудочности, которая, напр., воздержала-бы его отъ такого проявленія художнической «рѣзвости», какъ Ѳомочка и Ѳимочка—явный анахронизмъ и, по признанію самого Тургенева, «капризъ» художника («Письма», № 247, стр. 310). И въ нѣкоторыхъ другихъ фигурахъ, напримѣръ, въ Паклинѣ, въ особенности-же въ отрицательныхъ типахъ (въ Колломѣйцевѣ, Сипягинѣ) сказалась та-же игривость творчества, на этотъ разъ, впрочемъ, упрека не заслуживающая.

Но обратимся къ главному герою романа *Соломину* **).

Отношенія Тургенева къ Соломину во многомъ напоминаютъ его отношенія къ Базарову. Какъ и этотъ послѣдній, Соломинъ — любимецъ автора и въ то-же время представляетъ собою полный контрастъ самому художнику. Можно сказать даже, что въ Соломинѣ этотъ контрастъ еще сильнѣе выраженъ, чѣмъ въ Базаровѣ. Мы видѣли, что въ Базарова вложено его творцомъ нѣчто субъективное, отъ себя («самоломанность», мысли о вѣчности, о смерти) и только какъ натура, характеръ, складъ ума—Базаровъ являетъ полную противоположность Тургеневу. Въ Соло-

*) См. «Письма Тургенева», № 78, стр. 101.

**) Что главный герой именно—Соломинъ (а не Неждановъ), это, полагаю, ясно само собою, и только для полноты укажу на свидѣтельство о томъ самого Тургенева въ письмѣ къ Полонскому отъ 30 октября 1876 г. («Письма», № 246).

минѣ нѣтъ уже и тѣни этихъ субъективныхъ примѣсей *). Контрастъ Тургенева и Соломина—одинъ изъ тѣхъ, которые приводятъ къ гармоніи. Соломинъ—одна изъ «слабостей» нашего художника, которому все нравится въ Соломинѣ, даже его ничѣмъ не выдѣляющаяся, простонародная или мѣщанская наружность. Въ описаніи этой наружности (гл. XVI) чувствуется скрытая мысль автора: «посмотрите, какой обыкновенный, какой невзрачный, повидимому, человѣкъ, а вѣдь онъ-то и есть «настоящій», и вы увидите, какой онъ умница и молодецъ».

Соломинъ прежде всего, дѣйствительно,—большой умница. Его умъ—простой, несложный, практическій, дѣловой — совсѣмъ другого сорта, чѣмъ напр. умъ Нежданова, но въ своемъ родѣ онъ гораздо выше и сильнѣе, чѣмъ умъ Нежданова—въ своемъ. Умственное превосходство Соломина обрисовано во многихъ мѣстахъ романа, но въ особенности наглядно проявилось оно въ сценѣ у Маркелова, представляющей образчикъ «ночныхъ, неутомимыхъ русскихъ разговоровъ». «...И тутъ Соломинъ не оправдалъ ожиданій Нежданова. Онъ говорилъ замѣчательно мало... такъ мало, что почти, можно сказать, постоянно молчалъ; но слушалъ пристально, и если произносилъ какое-либо сужденіе или замѣчаніе, то оно было и дѣльно, и вѣско, и очень коротко. Оказалось, что Соломинъ не вѣрилъ въ близость революціи въ Россіи; но, не желая навязывать свое мнѣніе другимъ, не мѣшалъ имъ попытаться, и посматривалъ на нихъ—не издали, а съ боку. Онъ хорошо зналъ петербургскихъ революціонеровъ—и до нѣкоторой степени сочувствовалъ имъ—ибо былъ самъ изъ народа. Но онъ понималъ *невольное отсутствіе этого самаго народа, безъ котораго «ничего не подѣлаешь», и котораго долго готовить надо*—да и не такъ и не тому, какъ *тѣ*. Вотъ онъ и держался въ сторонѣ, не какъ хитрецъ и виляка, а какъ малый со смысломъ, который не хочетъ даромъ губить ни себя, ни другихъ». (Гл. XVI).

Этими немногими словами сказано очень много и прежде всего обрисованъ большой, ясный, трезвый умъ Соломина. Пожалуй, мнѣ возразятъ, что неужели нужно было обладать выдающимся и особливо-трезвымъ умомъ, чтобы видѣть всю иллюзорность нетерпѣливыхъ надеждъ Нежданова и его единомышленниковъ, чтобы понимать всю опрометчивость попытокъ Маркелова и другихъ? На это отвѣчу не обинуясь: да, для этого необходимъ былъ умъ не заурядный. Само собой разумѣется, говоря такъ, я имѣю въ виду не посторонняго наблюдателя, не равно-

*) Кстати упомянуть, Базарову Тургеневъ приписываетъ нѣкоторыя свои мнѣнія и точки зрѣнія на вещи, напримѣръ отзывъ о «Перепискѣ съ друзьями» Гоголя («я прескверно себя чувствую, точно начитался писемъ Гоголя къ калужской губернаторшѣ»), скептическій взглядъ на народъ и нѣкоторые др. Въ «Нови» Тургеневъ говоритъ иногда устами Паклина, даже Маріанны (о стихахъ Добролюбова), но—не Соломина.

душнаго зрителя: такой не нуждается въ большомъ умѣ, чтобы видѣть вещи въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, и, по самому положенію своему, изъять изъ подъ всесильнаго внушенія иллюзіи и самообмана. Другое дѣло — такой человѣкъ, какъ Соломинъ, столь близко къ сердцу принимающій интересы народа,—Соломинъ, который въ той-же сценѣ у Маркелова вдругъ «разсердился не на шутку и такъ ударилъ своимъ могучимъ кулакомъ по столу, что все на немъ подпрыгнуло... Ему разсказали о какой-то несправедливости на судѣ, о притѣсненіи рабочей артели...» Кто помнитъ 70-ые годы, тотъ хорошо знаетъ, что въ извѣстномъ движеніи того времени («хожденіе въ народъ» и проч.) принимали участіе не только зеленые и легковѣрные юноши или тупицы, въ родѣ Остродумова, но и люди зрѣлые, умные, даровитые, раздѣлявшіе однако общую иллюзію о высокихъ умственныхъ качествахъ русскаго народа, дѣлающихъ будто-бы возможною и плодотворною извѣстную дѣятельность для него и среди него. Идеализація народа, довѣріе къ нему въ его современномъ состояніи — это была общая черта и глупыхъ и умныхъ, и юныхъ и зрѣлыхъ, и даровитыхъ и бездарныхъ. Во всемъ можно было сомнѣваться, все подвергать критикѣ, — одна лишь святыня народной идеи была неприкосновенна. Отъ этой иллюзіи не избавляло даже фактическое знакомство съ народнымъ бытомъ, даже самое происхожденіе изъ народа. Это было нѣчто въ родѣ умопомраченія, въ силу котораго видѣли не то, что есть, а то, что хотѣли видѣть. Тутъ было и смѣшеніе идеи съ фактомъ, идеала съ дѣйствительностью, и перенесеніе на весь народъ нѣкоторыхъ чертъ, замѣченныхъ въ отдѣльныхъ лицахъ, вышедшихъ изъ народа, и смѣшеніе эпохъ (вѣра въ возможность повторенія Пугачевщины, ссылки на великую французскую революцію), и по существу ложная оптимистическая мысль объ отсутствіи у насъ органической связи между государствомъ и народомъ,—и многое, многое другое— отъ исторіи, отъ политической экономіи, отъ психологіи, поддерживавшее или обосновывавшее излюбленную мысль о томъ, что народъ почти «готовъ» для созданія новаго строя, или, если не «готовъ», то его можно «подготовить», для чего потребуется какой-нибудь десятокъ-другой лѣтъ. Иные еще сокращали этотъ срокъ. И — повторяю — между ними были люди—куда умнѣе и образованнѣе не только Маркелова, но и Нежданова. Можно даже утверждать, что въ числѣ такихъ вѣрующихъ были люди и соломинскаго ума. И тутъ нѣтъ ничего удивительнаго: увлеченія заразительны. Превосходство *тургеневскаго* Соломина въ томъ и состоитъ, что онъ не подчиняется общему ослѣпленію, не поддается очарованію иллюзіи, что, вѣря въ идеалъ, онъ отлично сознаетъ, какъ онъ далекъ, и ясно видитъ всю непригодность средствъ, употребляемыхъ его единомышленниками для достиженія цѣли. Самъ онъ мечтаетъ о другихъ средствахъ и путяхъ, болѣе возможныхъ и разумныхъ. На вопросъ, самъ

собою напрашивающійся, почему-же онъ все-таки примыкаетъ къ революціонной партіи и путается въ это дѣло, не вѣря въ него, онъ отвѣчаетъ со свойственною ему лаконической уклончивостью, что—«другихъ путей нѣтъ». Такимъ отвѣтомъ онъ уклоняется отъ безконечнаго спора, который—онъ это знаетъ—все равно ни къ чему не приведетъ, и отъ необходимости «развивать свои взгляды», — занятіе ему не по сердцу. Соломинъ — не спорщикъ, не теоретикъ, не составитель «программъ». Но настоящая причина, почему онъ такъ или иначе примыкаетъ къ «партіи», сводится къ психологической невозможности для такого человѣка, какъ онъ, стоять въ сторонѣ, особнякомъ, бросить людей, съ которыми онъ сходится въ убѣжденіяхъ, въ идеалахъ, людей, которыхъ онъ любитъ и жалѣетъ, оставить кругъ, гдѣ онъ можетъ «отвести душу». Не забудемъ, что Соломинъ — человѣкъ душевный, сердечный, относящійся къ людямъ «по-человѣчеству», что въ немъ нѣтъ и тѣни той прямолинейности и безапелляціонности фанатизма, для которой живая личность ближняго утрачиваетъ весь интересъ и превращается въ орудіе для достиженія высшихъ цѣлей. Въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ онъ не руководится партіознымъ дѣленіемъ ихъ на пригодныхъ или не пригодныхъ для дѣла. Неждановъ и Маркеловъ въ его глазахъ—не пригодны и могутъ только повредить дѣлу, но онъ ихъ любитъ и — остается съ ними. Эта черта въ Соломинѣ отмѣчена Тургеневымъ съ совершенной ясностью. Она отчетливо выступаетъ напр. въ сценѣ совѣщанія Нежданова и Маріанны съ Соломинымъ передъ бѣгствомъ изъ дома Сипягиныхъ (гл. XXV) и во всемъ поведеніи Соломина во время укрывательства молодой четы на фабрикѣ. Усматривать здѣсь эгоистическій мотивъ (зарождающееся чувство къ Маріаннѣ) нельзя. Во-первыхъ, это чувство было еще неясно самому Соломину; во-вторыхъ, совершенно очевидно, что его отношенія къ Маріаннѣ были-бы такія-же сердечныя, участливыя, доброжелательныя и безъ этого чувства.

Но надо сказать правду: это тяготѣніе Соломина къ людямъ, съ которыми онъ сходится въ идеалахъ и расходится въ средствахъ, путяхъ,— людямъ, дѣлающимъ, по его убѣжденію, не то, что нужно, и не такъ, какъ нужно,—это тяготѣніе и его психологія лишь намѣчены и недостаточно разработаны Тургеневымъ. Здѣсь-то и скрывается слабый пунктъ «Нови»,—недостатокъ, находящійся въ прямой зависимости отъ другой ошибки, сдѣланной Тургеневымъ въ самомъ началѣ, таившейся въ самомъ замыслѣ произведенія. Въ этотъ замыселъ, какъ по всему видно, входила заранѣе предвзятая мысль — изобразить извѣстное движеніе какъ дѣло небольшой кучки незрѣлой молодежи съ прибавкою небольшого числа тупыхъ фанатиковъ въ родѣ Остродумова да лично-озлобленныхъ неудачниковъ въ родѣ Маркелова. Въ искусствѣ, какъ и въ наукѣ, предвзятыя мысли очень часто вредятъ успѣху замысла: Факты же были вотъ какіе.

Во-первыхъ, это было движеніе почти массовое. «Въ народъ» шли сотни; къ движенію примыкали тысячи. Ариѳметика-же въ данномъ случаѣ имѣетъ огромное значеніе для психологіи: тотъ-же Соломинъ былъ-бы психологически совершенно понятенъ и съ художественной стороны безупреченъ среди этихъ сотенъ и тысячъ. Самый трезвый и уравновѣшенный человѣкъ не можетъ не примкнуть, хоть «съ боку», какъ это и дѣлаетъ Соломинъ, къ массѣ, одушевленной идеями, которыя ему дороги. Другое дѣло — если это не масса, а ничтожная кучка: сила тяготѣнія слишкомъ слаба, и Соломинъ не остается свободенъ отъ упрека въ непослѣдовательности.—Во-вторыхъ, въ этой массѣ встрѣчались всевозможные типы, — тутъ были и Маркеловы, и Остродумовы, и даже Кисляковы, но тутъ же были умы и натуры—совсѣмъ другого рода, люди, которые могли-бы составить для Соломина болѣе подходящую компанію. На нихъ онъ не смотрѣлъ-бы сверху внизъ и, пожалуй, не уклонялся-бы отъ принципіальныхъ и иныхъ споровъ съ ними, хорошо понимая, что съ *этими* стоитъ поговорить и что отъ исхода такого разговора или спора, кто знаетъ, можетъ зависѣть иное серьезное дѣло. Эти люди брались за задачу неразрѣшимую, за дѣло безнадежное, но тѣхъ глупостей, какія совершаютъ Неждановъ и Маркеловъ, они не дѣлали.—Въ-третьихъ, несмотря на то, что всѣ стремились къ дѣлу, хлопотали о дѣятельности, толковали о средствахъ, путяхъ, пропагандѣ, агитаціи и т. д., все-таки, силою вещей, движеніе на добрую половину было умственное, и, пожалуй, большая часть времени, силъ, ума, горячности пошла не на дѣло, а на выработку міросозерцанія. Сцена бесѣды у Маркелова (не говоря уже о сценѣ у Голушкина) не даетъ должнаго понятія объ *этой* затратѣ силъ, объ этой — чисто умственной, теоретической—сторонѣ движенія. Оно было запечатлѣно извѣстнымъ духомъ, и этотъ духъ Тургеневъ не уловилъ...

Какъ бы мы ни судили о людяхъ того времени, о ихъ идеяхъ, идеалахъ и дѣлахъ, несомнѣнно одно,—что Тургеневъ въ «Нови» погрѣшилъ противъ дѣйствительности, и эта погрѣшность привела къ недостаточной мотивировкѣ дѣйствій Соломина, къ нѣкоторой психологической невыясненности личности главнаго героя.

За вычетомъ этого недостатка, сама по себѣ фигура Соломина все-таки остается однимъ изъ крупнѣйшихъ созданій Тургенева, и нигдѣ, можетъ быть, даже въ Базаровѣ, объективный геній нашего художника не сказался такъ полно, такъ ярко.

Говоря о Базаровѣ, я указалъ между прочимъ на одну черту въ творчествѣ Тургенева: это именно исканіе *настоящаго* человѣка, дѣятеля, который былъ-бы «нуженъ Россіи» и явился-бы воплощеніемъ дѣловитости, положительности, практическаго смысла—вмѣстѣ съ высшей идейностью.

И Тургеневъ, послѣ долгихъ поисковъ, нашелъ такого человѣка—въ Соломинѣ. Базаровъ—тотъ оказался не «настоящій»—и вотъ онъ умираетъ преждевременно, какъ-бы упраздняется за ненадобностью, и умирая говоритъ Одинцовой: «отецъ вамъ будетъ говорить, что вотъ, молъ, какого человѣка Россія теряетъ... Это чепуха... Я нуженъ Россіи! Нѣтъ, видно не нуженъ. Да и кто нуженъ?...»

Черезъ 15 лѣтъ на этотъ вопросъ умирающаго Базарова Тургеневъ отвѣтилъ созданіемъ типа Соломина, о которомъ—устами Паклина—онъ отзывается такъ: «Такіе, какъ онъ,—они-то вотъ и суть настоящіе... и будущее имъ принадлежитъ. Это—не герои... Это—крѣпкіе, сѣрые, одноцвѣтные, народные люди. Теперь только такихъ и нужно...» (гл. XXXVIII). И не только устами Паклина, но и прямо отъ своего имени Тургеневъ говоритъ то-же самое въ письмѣ къ г-жѣ Ф—ой (отъ 11 сент. 1874 г. «Письма», № 192): «...Вы начали съ Базарова: и я съ него начну. Вы ищите его въ дѣйствительной жизни, и вы его не найдете: я вамъ сейчасъ скажу, почему. Времена перемѣнились; теперь Базаровы не нужны. Для предстоящей общественной дѣятельности не нужно ни особенныхъ талантовъ, ни даже особеннаго ума—ничего крупнаго, выдающагося, слишкомъ индивидуальнаго; нужно трудолюбіе, терпѣніе; нужно умѣть жертвовать собою безъ всякаго блеску и треску—нужно умѣть смириться и не гнушаться мелкой и темной и даже жизненной работы—я беру слово: «жизненный»—въ смыслѣ простоты, безхитростности, terre à terre'а. Что можетъ быть напр. жизненнѣе — учить мужика грамотѣ, помогать ему, заводить больницы и т. д. На что тутъ таланты и даже ученость?...» Какъ не вспомнить тутъ словъ Соломина Маріаннѣ: — «Да позвольте, Маріанна... Какъ-же вы себѣ это представляете: *начать?*—Не баррикады же строить со знаменемъ наверху—да: ура! за республику!—Это-же и не женское дѣло. А вотъ, вы сегодня какую-нибудь Лукерью чему-нибудь доброму научите;—и трудно вамъ это будетъ, потому что не легко понимаетъ Лукерья, и васъ чуждается,—да еще воображаетъ, что ей совсѣмъ не нужно то, чему вы ее учить собираетесь; а недѣли черезъ двѣ или три вы съ другой Лукерьей помучитесь; а пока—ребеночка вы помоете или азбуку ему покажете,—и больному лѣкарство дадите... вотъ вамъ и начало». Но Маріанна хочетъ большаго.—«Да вѣдь это сестры милосердія дѣлаютъ... Я о другомъ мечтала», говоритъ она. Она ищетъ широкой, захватывающей дѣятельности. Она жаждетъ «пожертвовать собой». То, что говоритъ ей Соломинъ въ отвѣтъ на ея признанія въ этомъ родѣ, такъ для него характерно, такъ важно для правильнаго пониманія ума и натуры героя романа, что я считаю нужнымъ выписать все мѣсто:

«Соломинъ пристально посмотрѣлъ на Маріанну.

— Знаете что, Маріанна... Вы извините неприличность выраженія...

но по моему: шелудивому мальчику волосы расчесать—жертва, и большая жертва, на которую не многіе способны.

— Да я отъ этого не отказываюсь, Василій Өедотычъ.

— Я знаю, что не отказываетесь! Да, *вы* на это способны. И вы будете—пока—дѣлать это; а потомъ, пожалуй, и другое.

— Но для этого надо поучиться у Татьяны!

— И прекрасно... учитесь. Вы будете чумичкой горшки мыть, щипать куръ... А тамъ, кто знаетъ, можетъ быть, спасете отечество!

— Вы смѣетесь надо мною, Василій Өедотычъ.

Соломинъ медленно потрясъ головою.

— О, моя милая Маріанна, повѣрьте: не смѣюсь я надъ вами; и въ моихъ словахъ простая правда. Вы уже теперь, всѣ вы, русскія женщины, дѣльнѣе и выше насъ, мужчинъ». (гл. XXIX).

Соломинъ отлично видитъ, что эта чистота души, эта жажда подвига, самопожертвованія, этотъ энтузіазмъ Маріанны—огромная сила, которую нужно только надлежащимъ образомъ направить. Но онъ не только это видитъ и чувствуетъ, — онъ самъ подчиняется обаянію этой женственной силы. Если бы онъ не былъ способенъ ей подчиниться, то это уже не былъ бы тотъ Соломинъ, который такъ по сердцу Тургеневу. Одна практичность и трезвость ума, одна холодная дѣловитость еще недостаточны, чтобы Соломинъ имѣлъ право на то сочувствіе, на ту любовь и интересъ, съ которыми относится къ нему авторъ. Душевная чуткость и отзывчивость, способность умилиться передъ тѣмъ, что̀ представляетъ собою Маріанна,—вотъ черта, дѣлающая изъ уравновѣшеннаго и «прохладнаго» (по выраженію Өимушки) Соломина—человѣка не только «настоящаго», полезнаго, нужнаго, но и очень интереснаго, невольно привлекающаго къ себѣ всѣ симпатіи. И въ самомъ дѣлѣ, простой, «сѣрый», «прохладный» Соломинъ покоряетъ сердца,—въ немъ, какъ и въ Маріаннѣ, есть нѣчто обаятельное. Паклинъ, который все и всѣхъ понимаетъ, тотъ сразу его понялъ и, можно сказать, «влюбился» въ него. Да и не только Паклинъ, а и другіе, каждый по своему, или любятъ или могли бы полюбить Соломина, и Неждановъ, и Маркеловъ, и чуть-ли не самъ Сипягинъ. Только такіе, совершенно загипнотизированные субъекты, какъ Остродумовъ и Машурина,—не могутъ понять Соломина и относятся къ нему равнодушно—холодно. Въ этой особенности Соломина сказывается существенное различіе между нимъ и Базаровымъ. Базаровъ—человѣкъ недобрый и большой эгоистъ. Соломинъ, напротивъ,—добрякъ и меньше всего эгоистъ. Для всякаго непредубѣжденнаго читателя, который не вычитываетъ больше того, что сказано авторомъ, совершенно ясно, что напр. заботы Соломина о Маріаннѣ (см. въ концѣ гл. XXV и эпизодъ съ ключомъ въ гл. XXIX) вытекаютъ не изъ эгоистическихъ соображеній, а прямо изъ чувства жалости и безкорыстной любви къ этой чуд-

ной дѣвушкѣ. Глухое предчувствіе, что не Неждановъ, а онъ, Соломинъ, будетъ ея избранникомъ, можетъ быть и копошилось въ глубинѣ его души, но, разумѣется, уже по самой своей затаенности, не могло служить движущимъ мотивомъ въ этихъ заботахъ. Не могъ же въ самомъ дѣлѣ Соломинъ предугадать развязку. Искать въ его поведеніи чего-либо коварнаго—значитъ сочинять другого Соломина, вмѣсто того, который изображенъ Тургеневымъ. Неожиданностью развязки (самоубійство Нежданова) онъ былъ пораженъ почти въ той-же степени, какъ и Маріанна, и вмѣстѣ съ нею онъ раздѣляетъ чувство нѣкоторой—невольной—виновности передъ покойникомъ (гл. XXXVII).

Другая черта Соломина, которою также онъ рѣзко отличается отъ Базарова, это—отсутствіе той авторитарности, которая свойственна послѣднему. Базаровъ слишкомъ импонируетъ и любитъ властвовать надъ людьми, и люди подчиняются его могучей волѣ. Это человѣкъ, который хочетъ и можетъ «ломать другихъ»,—потому что онъ одаренъ огромной силой воли прежде всего надъ самимъ собою: онъ можетъ «взять себя за вихоръ и выдернуть, какъ рѣдьку изъ грядки». Соломину же подчиняются, потому что любятъ его. На фабрикѣ онъ—«отецъ родной». Павелъ преданъ ему какъ рабъ, но рабъ, влюбленный въ своего господина. Власть и сила Соломина основаны прежде всего на симпатичныхъ сторонахъ его натуры, а не на силѣ воли. Недостатка въ этой послѣдней, конечно, нѣтъ и у него. Онъ также можетъ управлять собою и способенъ «выдернуть себя изъ грядки», какъ это и случилось однажды въ Лондонѣ, гдѣ Соломинъ чуть было не увлекся одной ирландкой (гл. XXV).

Но эта сила смягчена въ Соломинѣ уравновѣшенностью его натуры: вѣдь онъ—«прохладный». Базаровъ—тотъ горячій и мятущійся. Базаровъ—титанъ, и ему нужно дѣло титаническое. Соломинъ—человѣкъ жизненнаго (культурнаго) труда и будетъ вполнѣ удовлетворенъ, когда найдетъ негромкое, но хорошее дѣло по душѣ. И онъ спокоенъ — потому что знаетъ, что найдетъ его, и оно будетъ спориться въ его умѣлыхъ рукахъ, просвѣтленное свѣтомъ его мысли и согрѣтое теплотою его сердечности. Базаровъ—далеко не спокоенъ: онъ чувствуетъ, что не найти ему того дѣла, которому онъ могъ-бы цѣликомъ отдаться, и что нѣтъ въ его душѣ тепла, способнаго согрѣть его собственную жизнь и жизнь окружающихъ его людей. Базаровъ—яркій метеоръ, который «свѣтитъ да не грѣетъ». Не то Соломинъ...

II.

Теперь постараемся уяснить себѣ тѣ пути творческой мысли, идя которыми Тургеневъ *нашелъ* Соломина. Отправной пунктъ былъ, очевидно, тотъ самый, отъ котораго отправлялся Тургеневъ въ поискахъ за Базаровымъ. Это было стремленіе создать дополнительную для самого себя

личность и вмѣстѣ съ тѣмъ найти въ ней «настоящаго», — нужнаго для Россіи человѣка. Но отправляясь отъ одной точки, оба пути — базаровскій и соломинскій — разошлись въ совершенно противоположныя стороны. Мы знаемъ уже, что первый—базаровскій—путь привелъ, во-первыхъ, къ созданію личности *трагической* и, во-вторыхъ, проведенный нѣсколько дальше Базарова, закончился апоѳеозомъ смерти. «Призраками» и «Довольно», — выраженіемъ личныхъ воззрѣній и душевныхъ мукъ художника. Объективное въ началѣ и срединѣ процесса творчество, въ концѣ свернуло на дорогу субъективности. — Совсѣмъ не то видимъ мы въ созданіи Соломина. Соломинъ — фигура, полученная чисто-объективнымъ путемъ, Тургеневъ ничего своего не вложилъ въ нее, и, отправляясь отъ Соломина дальше, мы никоимъ образомъ не прійдемъ къ такому обсерваціонному пункту, съ котораго мы могли-бы заглянуть въ субъективный міръ самого Тургенева. «Призраки» и «Довольно» хронологически и психологически слѣдуютъ за «Отцами и Дѣтьми», за смертью Базарова. Ничего подобнаго этимъ въ своемъ родѣ эпилогамъ, этому добавочному творчеству не находимъ мы послѣ «Нови». Творческая энергія, затраченная на «Новь», была исчерпана вся съ послѣднимъ восклицаніемъ Паклина «безымянная Русь!» — и то, что Тургеневъ создалъ послѣ «Нови», принадлежитъ уже другимъ приливамъ творчества, неимѣющимъ психической связи съ тѣмъ, которое дало бытье послѣднему изъ «соціальныхъ» романовъ Тургенева.

Весьма возможно, что дѣло обернулось-бы иначе, и вслѣдъ за «Новью» Тургеневъ далъ-бы намъ что-нибудь — по идеѣ и настроенію — въ родѣ «Призраковъ» и «Довольно», если бы весь интересъ «Нови» былъ сосредоточенъ на личности Нежданова. Это было-бы въ такомъ случаѣ новое повѣствованіе еще объ одномъ «лишнемъ» человѣкѣ и новыя варіаціи на тему о тщетѣ и суетѣ вещей, о бренности всего человѣческаго, о торжествѣ смерти, о ничтожествѣ. Но Неждановъ—лицо не только не главное, не «герой» романа, но все его назначеніе сводится къ тому, чтобы лучше оттѣнить Соломина. Соломинъ дорисованъ противопоставленіемъ Нежданову. Нервный, неровный, безъ выдержки, съ подкошенной жизненной энергіей, эстетикъ, поэтъ, жертва рефлексіи, Неждановъ есть самый, быть можетъ, *лишній* изо всѣхъ тургеневскихъ «лишнихъ» людей, — и, поставленный рядомъ съ Соломинымъ, онъ отлично оттѣняетъ противоположныя черты послѣдняго. Благодаря этому сопоставленію, идея романа выступаетъ съ большой ясностью. Неждановъ есть какъ-бы комментарій къ Соломину, и все, что я на этихъ страницахъ говорю о главномъ героѣ «Нови», о его умѣ, натурѣ, значеніи, призваніи, иначе уже сказано Тургеневымъ—созданіемъ фигуры Нежданова. Въ этомъ смыслѣ Неждановъ сближается съ Аркадіемъ Кирсановымъ, — не самъ по себѣ (это люди—разные), а именно какъ образы, главное назначеніе которыхъ

оттѣнять и дорисовывать личности главныхъ героевъ. Аркадій помогаетъ Базарову, какъ Неждановъ — Соломину, ярче выступать въ воображеніи читателя.

Въ силу *такого* значенія Нежданова въ романѣ, этотъ образъ не могъ служить тѣмъ импульсомъ, который направлялъ-бы мысль художника въ сторону апперцепціи «лишнихъ» людей, суеты суетъ, «ничтожества» и смерти. Движеніе пошло совсѣмъ въ другую сторону—отъ Соломина и ведетъ оно къ жизни, теплу и свѣту жизни, къ борьбѣ, труду, любви, идеалу. На этомъ пути лучезарной звѣздой свѣтитъ намъ чудный образъ Маріанны: не о самозакланіи Джагернауту говоритъ онъ намъ, онъ говоритъ о бодромъ, о славномъ, о любвеобильномъ дѣлѣ жизни, лозунгомъ котораго являются слова того-же Соломина къ Маріаннѣ: «нѣтъ, живите... живите! это главное», и посмертный завѣтъ Нежданова: «живите счастливо, живите съ пользой для другихъ...»

Итакъ, вотъ путь: чтобы «найти» Соломина, художникъ долженъ былъ направить свою мысль въ сторону апперцепціи тѣхъ сторонъ жизни и тѣхъ элементовъ духа, которые менѣе всего могутъ быть названы *трагическими*. Нужно было закрыть глаза на *противорѣчія* жизни, дѣйствительныя или кажущіяся, и прежде всего на тѣ, которыя отмѣчены въ «Довольно». Необходимымъ условіемъ созданія «Нови» и въ особенности фигуры Соломина было то, чтобы «мысль о тщетѣ всего человѣческаго, всякой дѣятельности, ставящей себѣ болѣе высокую цѣль, чѣмъ добываніе насущнаго хлѣба» («Довольно», XXIII) не «закрадывалась въ голову» художника. Необходимо было также, чтобы арена творчества была свободна отъ того настроенія, подъ властью котораго Базаровъ говорилъ: «...Я и возненавидѣлъ этого послѣдняго мужика, Филиппа или Сидора, для котораго я долженъ изъ кожи лѣзть и который мнѣ даже спасибо не скажетъ... да и на что мнѣ его спасибо? Ну, будетъ онъ жить въ бѣлой избѣ, а изъ меня лопухъ рости будетъ, ну, а дальше?» Очень важно было также не чувствовать того «коренного противорѣчія», о которомъ говорится въ XVI гл. «Довольно»: «каждый изъ насъ болѣе или менѣе смутно понимаетъ свое значеніе, чувствуетъ, что онъ сродни чему-то высшему, вѣчному и живетъ, долженъ жить въ мгновеніи и для мгновенія. Сиди въ грязи, любезный, и тянись къ небу!» Наконецъ, призракъ смерти, ужасъ передъ «ничтожествомъ», содроганіе передъ стихійнымъ въ природѣ и жизни—все это должно было стушеваться, исчезнуть изъ поля художническаго зрѣнія, вся эта субъективная пелена должна была отпасть. И не мудрствуя лукаво, веселымъ и бодрымъ, немножко умиленнымъ, благодушно-насмѣшливымъ взоромъ художникъ взглянулъ на Божій міръ—все-таки, несмотря на бездну зла, ему присущаго, «прекрасный, какъ и въ первый день творенія». И жизнь человѣческая явилась ему озаренная яркимъ свѣтомъ, согрѣтая теплотою молодыхъ надеждъ, молодыхъ

стремленій, она открылась ему въ томъ видѣ, какъ чувствовали ее Неждановъ и Маріанна, когда, послѣ послѣдняго рѣшительнаго объясненія и взаимныхъ признаній, они шли «задумчивые, счастливые,—молодая трава ластилась подъ ихъ ногами, молодая листва шумѣла кругомъ; пятна свѣта и тѣни побѣжали, проворно скользя по ихъ одеждѣ—и оба они улыбались и тревожной ихъ игрѣ, и веселымъ ударамъ вѣтра, и свѣжему блистанію листьевъ, и собственной молодости и другъ другу» (XXII).

На *такомъ* пути творчества, при *такомъ* освѣщеніи впечатлѣній, изъ мастерской художника изгоняются тревожные вопросы бытія, метафизическія тайны жизни, пессимистическій взглядъ на вещи. И вмѣстѣ съ ними исчезаетъ стихія *трагическаго*. Я разумѣю трагизмъ настоящій, психологическій, *базаровскій*. *Такого* въ «Нови» нѣтъ. Соломинъ и Маріанна—лица не трагическія. Что-же касается Нежданова и Маркелова, то трагична ихъ судьба, а не они сами. Смерть Нежданова не потрясаетъ читателя, не вызываетъ въ немъ тѣхъ думъ о роковой власти смерти, о бренности всего человѣческаго и т. д., какія вызываются смертью Базарова. Конечно, въ душѣ Нежданова, исполненной разлада и терзаемой внутренними противорѣчіями, совершается извѣстная драма, но не скрываемая иронія, съ которою художникъ эту драму воспроизвелъ, является, какъ капля яда, смертельнымъ для нея началомъ: драма, пожалуй, остается, но трагическое въ ней убито.

Объ остальныхъ лицахъ и говорить нечего. Остродумовъ и Машурина принадлежатъ къ области комичнаго (не въ томъ смыслѣ, конечно, какъ Сипягинъ, Колломѣйце въ иГолушкинъ—типы рѣзко-отрицательные, предметъ сатиры). Остродумовъ и Машурина являютъ собою типичный образчикъ сочетанія ограниченности ума съ несомнѣнной честностью души, безкорыстіемъ побужденій, самоотверженіемъ, сочетанія, которое нерѣдко наблюдается въ дѣйствительности, проявляется и на исторической аренѣ, и въ искусствѣ со временъ Сервантеса совершенно правильно квалифицировано, какъ «комическое». Въ дѣйствительности участь такихъ людей бываетъ часто трагична. Они нерѣдко страдаютъ и гибнутъ. Но если художникъ вздумаетъ изобразить ихъ, какъ героевъ трагическихъ, то выйдетъ мелодрама. По той-же причинѣ не трагиченъ и Маркеловъ. Но разница между нимъ съ одной стороны и Остродумовымъ и Машуриной съ другой въ томъ, что послѣдніе, хотя и носятъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе, но не сознаютъ его, и потому нѣтъ никакой «драмы» въ ихъ душѣ, Маркеловъ-же несомнѣнно мучится сознаніемъ, что онъ неудачникъ, что счастье ему недоступно, вообще это фигура мрачная, почти зловѣщая, натура озлобленная и по-своему сильная. Но въ немъ, еще въ большей степени чѣмъ у Нежданова, эта внутренняя драма развѣнчана и убита ироніей художника. Чтобы лицо вышло истинно-трагическимъ, художникъ, рисуя его, отнюдь не долженъ смотрѣть на него сверху внизъ.

Остается — Паклинъ. Вотъ лицо, которое больше всѣхъ другихъ имѣло-бы права на трагизмъ: онъ уменъ и крѣпокъ мыслью, но слабъ духомъ; онъ все отлично понимаетъ и ничего не можетъ; въ немъ много интереса къ жизни—и никакой жизнеспособности. Строго говоря, то, что происходитъ въ душѣ Силы Самсоныча Паклина,—по существу трагично, но всѣ мы такъ ужъ устроены, что никакъ не можемъ признать это «трагедіей», и съ жестокостью, свойственной всему живущему и пользующемуся жизнью, относимъ маленькаго, хроменькаго, слабенькаго Паклина, вмѣстѣ напр. съ старой дѣвой,—къ области комическаго.

Итакъ, трагическій элементъ въ «Нови» отсутствуетъ. Его-бы не было тамъ и въ томъ случаѣ, если-бы Соломинъ и Маріанна были представлены гибнущими въ непосильной борьбѣ съ обстоятельствами или напр. съ той темной силою, которая олицетворена въ образѣ Колломійцева. Въ такомъ случаѣ, мы сказали-бы о нихъ то самое, что̀ только-что было сказано о Неждановѣ и Маркеловѣ: ихъ судьба печальна, трагична, но не они сами. Иное дѣло—Базаровъ: тотъ все-таки оставался-бы лицомъ трагическимъ — и безъ роковой преждевременной смерти; смерть, какъ говоритъ самъ Тургеневъ въ письмѣ къ Случевскому, кладетъ только послѣднюю черту на его трагическую личность. («Письма», № 81).

Ни въ Соломинѣ, ни въ Маріаннѣ нѣтъ ничего трагическаго потому, что это натуры ясныя, уравновѣшенныя, чистыя души, золотыя сердца,—что ни въ запросахъ ихъ ума, ни въ глубинѣ ихъ души нѣтъ внутренняго разлада, нѣтъ ничего «самоломаннаго». Цѣль жизни имъ ясна. Они знаютъ, чего хотятъ, что имъ нужно, и будутъ вполнѣ счастливы, если имъ удастся устроить свою жизнь въ духѣ своихъ завѣтныхъ стремленій. Но они счастливы и въ самыхъ поискахъ, и если-бы имъ пришлось среди этихъ исканій погибнуть, они-бы умерли съ спокойной совѣстью, съ отраднымъ сознаніемъ, что хотѣли добра, стремились къ хорошему и—зла не дѣлали. Внутренній миръ—вотъ то, довольно рѣдкое для людей неограниченныхъ, счастье, которымъ, по самой натурѣ своей, обладаютъ и Соломинъ, и Маріанна, и котораго лишенъ Базаровъ.

И вотъ почему въ «прохладной» и мужественной душѣ Соломина — нѣтъ трагедіи, какъ нѣтъ ея и въ страстной женственной душѣ Маріанны.

О Маріаннѣ у насъ будетъ еще рѣчь (въ статьѣ о женскихъ типахъ Тургенева), а пока—имѣя въ виду одного Соломина—мы скажемъ, что созерцаніе этого художественнаго образа должно было доставлять Тургеневу большое душевное удовлетвореніе, все равно какъ если-бы онъ въ самомъ дѣлѣ встрѣтилъ такого человѣка. Ибо это—тотъ самый человѣкъ, котораго Тургеневъ искалъ и для себя лично, и для Россіи. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что Тургеневъ въ самомъ дѣлѣ былъ

убѣжденъ въ необходимости для Россіи дѣятелей соломинскаго типа, какъ это между прочимъ видно изъ вышеприведенной выдержки изъ письма къ г-жѣ Ф—ой. Соломина нашелъ, полюбилъ и оцѣнилъ Тургеневъ—гражданинъ. Но и *лично*, какъ человѣкъ. Тургеневъ ***нуждался*** въ Соломинѣ; онъ находилъ въ немъ гармоническое восполненіе себѣ. Дворянинъ и баринъ, немножко баловень, немножко дилетантъ, Тургеневъ встрѣчалъ въ Соломинѣ лучшій образецъ «народнаго» человѣка, закаленнаго въ суровой школѣ трудовой жизни. Самъ умница, но умница—художникъ, теоретикъ, идеалистъ, Тургеневъ находилъ въ Соломинѣ умницу-практика, реалиста, представителя прикладного — въ обширномъ смыслѣ—труда. Самъ лишенный иниціативы и неспособный къ дѣйствію, натура по преимуществу созерцательная, художникъ видѣлъ въ Соломинѣ отрадный примѣръ дѣятеля-нефантазера, который не только знаетъ, что можно и должно дѣлать, но и умѣетъ дѣлать это. Наконецъ, художникъ-мыслитель съ душою, столь доступною міровой скорби, съ умомъ, терзаемымъ противорѣчіями бытья, находилъ душевное успокоеніе въ общеніи съ натурою, которая, при своеобразной возвышенности и глубинѣ, чужда этимъ вопросамъ и скорбямъ и беретъ жизнь, какъ она есть, немудрствуя лукаво и сама ничуть не становясь оттого пошлою. Пессимисту отрадно было отдохнуть отъ своихъ душевныхъ мукъ на созерцаніи,—на усвоеніи себѣ здороваго, свѣтлаго оптимизма, представляемаго Соломинымъ.

Не знаю, имѣлъ-ли Тургеневъ для изображенія Соломина въ своемъ распоряженіи «натуру» (какъ для Базарова), — встрѣчалъ-ли онъ людей соломинскаго типа. Но несомнѣнно одно: отдѣльныя, разрозненныя черты этого типа хорошо были извѣстны ему: онъ ихъ неоднократно могъ наблюдать въ великорусскомъ народѣ. Такъ-называемая «сметка» и «себѣ на умѣ», характерная черта великорусса, немного идеализированная, расширенная, облагороженная образованіемъ, легко претворяется въ умъ Соломина. Способность и любовь ко всему прикладному, техническому, практическій смыслъ, наконецъ своеобразный дѣловой идеализмъ — все это народныя великорусскія черты, и Соломинъ—вѣрный ихъ представитель.

Первыя впечатлѣнія и наблюденія, которыя впослѣдствіи должны были дать матеріалъ или отправныя точки для созданія Соломина, были собраны Тургеневымъ еще въ раннюю пору его творчества, когда онъ присматривался къ народнымъ типамъ и старался уловить характерную складку великорусскаго народнаго ума. Нѣкоторыя изъ этихъ наблюденій и пригодились ему—когда онъ впервые обдумывалъ типъ Соломина. Такимъ образомъ, я склоненъ думать, что между «Записками охотника», этой по преимуществу народной великорусской книгою, и созданіемъ фигуры Соломина есть нѣкоторая связь, хотя, быть можетъ, самъ худож-

никъ и не сознавалъ ея. Если бы у Тургенева было такое пристрастіе къ генеалогіямъ, какъ у Зола, и онъ, подобно послѣднему, устанавливалъ бы родственныя связи между своими героями съ цѣлью показать передачу наслѣдственныхъ чертъ, то онъ могъ бы смѣло вывести Соломина изъ рода однодворца Овсянникова, сдѣлавъ его напр. внукомъ его племянника—Мити.

«Записки охотника» принадлежатъ къ числу наиболѣе *наивныхъ* произведеній Тургенева: здѣсь онъ—меньше всего «мыслитель» и, немудрствуя лукаво, любопытными, внимательными, добрыми глазами всматривается въ явленія, которыя проходятъ передъ нимъ,—но онъ не равнодушный зритель—много теплоты душевной, много сочувствія, любви затрачено на эти наблюденія. И — въ преобразованномъ конечно видѣ, mutatis mutandis—тотъ-же характеръ наивности творчества чувствуется въ «Нови», и все тѣ-же глаза, любопытные и добрые, съ сочувствіемъ, съ любовью всматриваются въ новыя явленія русской жизни.

Д. Овсянико-Куликовскій.

ОТВЕРЖЕННЫЙ.

(Послѣдняя борьба христіанъ съ язычниками въ IV в.).

Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(*Продолженіе*).

VIII.

Когда учитель и ученикъ, возвращаясь съ прогулки, проходили Панормосъ, многолюдную гавань Эфеса, они замѣтили необычайное волненіе.

Многіе бѣжали по улицамъ, махали пылающими смоляными факелами и кричали:

— Христіане разрушаютъ храмы! Горе намъ!

Другіе:

— Смерть олимпійскимъ богамъ! Астарта побѣждена Христомъ!

Ямвликъ думалъ пройти пустынными переулками. Но бѣгущая толпа увлекла ихъ по набережной Каистра, мимо капища Артемиды Эфеской. Великолѣпный храмъ, созданіе Динократа, стоялъ, какъ твердыня, суровый, темный и незыблемый, выдѣляясь на звѣздномъ небѣ. Отблескъ факеловъ дрожалъ на гигантскихъ колоннахъ съ изящными, нѣжными группами,—маленькими каріатидами, вмѣсто подножій. До тѣхъ поръ не только вся Римская имперія, но и всѣ народы земли чтили эту святыню. Кто-то въ толпѣ закричалъ неувѣренно:

— Велика Артемида Эфеская!

Ему отвѣтили сотни голосовъ:

— Смерть олимпійскимъ богамъ и твоей Артемидѣ!

Надъ чернымъ зданіемъ городского арсенала подымалось кровавое зарево.

Юліанъ взглянулъ на божественнаго учителя и не узналъ его. Ямвликъ опять превратился въ робкаго, больного старика. Онъ жаловался на головную боль, высказывалъ страхъ, что ночью начнется ревматизмъ, что служанка забыла приготовить припарки. Юліанъ отдалъ учителю верхній плащъ. Но все-таки ему было холодно. Онъ съ болѣзненной гримасой затыкалъ уши, чтобы не слышать крика и хохота.

Ямвликъ больше всего въ мірѣ боялся толпы, говаривалъ, что нѣтъ глупѣе и отвратительнѣе демона, чѣмъ геній народа. Онъ указывалъ ученику на лица пробѣгавшихъ мимо людей:

— Посмотри, какое уродство, какая пошлость и какая увѣренность въ правотѣ! Развѣ не стыдно быть человѣкомъ, такимъ же тѣломъ, такою-же грязью, какъ они?

Старушка-христіанка причитала:

— И говоритъ мнѣ больной внучекъ: свари мнѣ, бабушка, мясной похлебки. Хорошо, говорю, милый, вотъ ужо пойду на рынокъ, принесу мяса. Сама думаю: мясо теперь, пожалуй, дешевле пшеничнаго хлѣба. Купила на пять оболовъ. Сварила похлебку. А сосѣдка-то на дворѣ кричитъ: — «Что-ты варишь, или не знаешь, нынче мясо на рынкѣ поганое»?—Какъ, — поганое? Что такое? — А такъ, что на поруганіе добрымъ христіанамъ, ночью жрецы богини Демэтры весь рынокъ, всѣ лавки мясныя жертвенною водою окропили. Никто въ городѣ не ѣстъ опоганенаго мяса. За то жрецовъ идольскихъ бьютъ каменьями, а бѣсовское капище Демэтры разрушатъ».—Я и выплеснула похлебку собакѣ. Шутка-ли сказать, пять оболовъ!.. Въ цѣлый день не наработаешь!.. А все-таки внучка не опоганила!

Другіе сообщали, какъ въ прошломъ году одинъ скупой христіанинъ наѣлся жертвеннаго мяса и вся утроба у него сгнила, и такой былъ смрадъ въ домѣ, что родные убѣжали.

Пришли на площадь. Здѣсь былъ маленькій, прелестный храмъ Демэтры-Изиды-Астарты,—Трехликой Гекаты, таинственной богини земного плодородія, могучей и любвеобильной Кибелы, Матери Боговъ. Храмъ со всѣхъ сторонъ облѣпили монахи, какъ большія черныя мухи—кусокъ медовыхъ сотъ. Монахи ползли по бѣлымъ, изящнымъ карнизамъ, карабкались по лѣстницамъ съ пѣньемъ священныхъ псалмовъ, громили статуи и барельефы. Колонны дрожали. Летѣли осколки нѣжнаго мрамора. Казалось, онъ страдалъ, какъ живое тѣло. Пытались поджечь зданіе, но не могли: храмъ весь былъ изъ мрамора.

Вдругъ раздался внутри оглушительный и вмѣстѣ съ тѣмъ пѣвучій, странный звонъ. Къ небу поднялся торжествующій вопль народа.

— Веревокъ, веревокъ!.. Обвяжите ей безстыдныя руки и ноги!..

Съ пѣніемъ молитвъ и радостнымъ хохотомъ, изъ дверей храма толпа на веревкахъ поволекла внизъ по ступенямъ звенѣвшее, серебряное, блѣдное и прекрасное тѣло самой богини, матери боговъ, твореніе Скопаса.

— Въ огонь, въ огонь!

И ее потащили по грязной площади.

Монахъ-законовѣдъ провозглашалъ отрывокъ изъ недавняго и знаменитаго закона императора Констана, брата Констанція:

— *Cesset superstitio, sacrificiorum aboleatur insania!*

— Да прекратится суевѣріе, да будетъ уничтожено безуміе жертвоприношеній!

— Не бойтесь ничего, бейте и грабьте все въ бѣсовскомъ капищѣ!

Другой, при свѣтѣ факеловъ, прочелъ въ пергаментномъ свиткѣ слѣдующія строки изъ книги Фирмика Матерна: *De errore profanarum religionum*:

«Святые Императоры! Придите на помощь къ несчастнымъ язычникамъ. Лучше спасти ихъ насильно, чѣмъ дать погибнуть. Срывайте съ храмовъ украшенія: пусть сокровища ихъ обогатятъ вашу казну. Тотъ, кто приноситъ жертву идоламъ, да будетъ исторгнутъ съ корнемъ изъ земли (*sacrificans diis eradicabitur*). Ты предашь его смерти, побьешь камнями, хотя-бы это былъ твой сынъ, твой братъ, жена, спящая на твоей груди».

И надъ толпою проносился торжествующій крикъ: «Смерть, смерть олимпійскимъ богамъ!»

Огромный аріанскій монахъ съ растрепанными черными волосами, прилипшими къ потному лицу, занесъ надъ богиней мѣдную сѣкиру и выбиралъ мѣсто, чтобы ударить.

Кто-то посовѣтовалъ:

— Въ чрево, въ гнусное чрево!

Серебряное тѣло гнулось, изуродованное; удары безпощадно звенѣли, оставляя рубцы на чревѣ Матери боговъ и людей, Демэтры-Кормилицы.

Старый язычникъ закрылъ лицо одеждой, чтобы не видѣть кощунства. Онъ плакалъ и думалъ, что теперь все кончено, міръ погибъ: Земля-Демэтра не захочетъ родить людямъ ни единаго колоса.

Отшельникъ, пришедшій изъ пустынь Месопотаміи, въ овечьей шкурѣ, съ посохомъ и выдолбленной тыквой, вмѣсто посуды, въ грубыхъ сандаліяхъ, подкованныхъ желѣзными гвоздями, подбѣжалъ къ богинѣ.

— Сорокъ лѣтъ я не мылся, чтобы не видѣть собственной наготы и не соблазниться. А какъ придешь, братья, въ городъ, такъ, прости Господи, всюду только и видишь голыя тѣла у этихъ окаянныхъ боговъ... Долго-ли еще терпѣть бѣсовскій соблазнъ? Всюду поганые идолы: въ

домахъ, на улицахъ, на крышахъ, въ баняхъ, подъ ногами, надъ головой! Тфу... тфу... тфу... Не отплюешься!

И съ ненавистью къ нагому тѣлу, въ которой былъ ужасъ грѣха, старикъ ударилъ сандаліей въ любвеобильные сосцы Кибелы. Онъ топталъ эту голую грудь, и она казалась ему живой, онъ хотѣлъ бы раздавить ее подъ острыми гвоздями тяжелыхъ сандалій. Онъ шепталъ задыхаясь отъ злости:

— Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ, безстыдная, голая!.. Вотъ тебѣ, блудница!..

Подъ ногой его, уста богини попрежнему хранили спокойную улыбку.

Толпа стала подымать ее на руки, чтобы бросить въ костеръ. Пьяный ремесленникъ, съ дыханіемъ пропитаннымъ чеснокомъ, плюнулъ ей въ лицо.

Костеръ былъ огромный. Въ него свалили всѣ деревянныя рыночныя лавки, оскверненныя жертвенной водой. Высоко надъ толпой, тихія звѣзды едва мерцали сквозь дымъ.

Богиню бросили въ костеръ, чтобы расплавить серебряное тѣло. И опять съ нѣжнымъ, пѣвучимъ звономъ, она ударилась о пылающія головни.

— Слитокъ въ пять талантовъ. Тридцать тысячъ маленькихъ серебряныхъ монетъ. Половину пошлемъ императору на жалованіе солдатамъ, другую—голоднымъ. Кибела принесетъ, по крайней мѣрѣ, пользу людямъ. Изъ богини—тридцать тысячъ монетъ для солдатъ и для нищихъ!

— Дровъ! Дровъ побольше!

Пламя вспыхнуло ярче и всѣмъ стало еще веселѣе.

— Посмотримъ, вылетитъ-ли бѣсъ. Говорятъ, въ каждомъ идолѣ по бѣсу, а въ богиняхъ—такъ по два и по три!..

— Какъ начнетъ плавиться, сдѣлается лукавому жарко,—вотъ и выпорхнетъ онъ изъ поганаго рта, въ видѣ кроваваго или огнецвѣтнаго змія.

— Нѣтъ, надо было раньше перекрестить, а то пожалуй и въ землю уползетъ ужомъ. Въ позапрошломъ году, разбивали капище Афродиты. Кто-то и брызни святой водой. И что-же-бы вы думали? Изъ-подъ одежды выскочили крохотные бѣсенята. Какже! Самъ видѣлъ. Смрадные, черные въ бѣлыхъ-то складкахъ, мохнатые. И запищали, какъ мыши. А когда Афродитѣ голову отбили, такъ изъ шеи главный выскочилъ, вотъ—съ какими рогами, а хвостъ облѣзлый, голый, безъ шерсти, какъ у паршиваго пса!..

Но скептикъ замѣтилъ:

— Не спорю. Можетъ быть вы и видѣли чертей, только, когда разбивали намедни въ Газѣ идола Зевса, то внутри и бѣсовъ не было, а такая пакость, что стыдно сказать. Извнѣ онъ—важный, страшный: слоновая кость, золото, въ рукахъ—молнія. А внутри—паутина, крысы,

пыль, ржавыя перекладины, рычаги, гвозди, вонючій деготь и еще чортъ знаетъ, какая дрянь. Вотъ вамъ и боги!..

Въ это мгновеніе Ямвликъ, уничтоженный, съ потухшими глазами, взялъ за руку Юліана и отвелъ его въ сторону.

— Посмотри, видишь—двое? Это шпіоны Констанція. Знаешь: твоего брата Галла увезли уже въ Константинополь подъ стражей. Берегись!.. Сегодня-же пошлютъ доносъ.

— Что дѣлать, учитель? Я привыкъ. Я знаю, они давно слѣдятъ за мной.

— Давно?.. Зачѣмъ-же ты мнѣ не сказалъ?..

И рука его дрогнула въ рукѣ Юліана.

— Чего они шепчутся? Смотрите, ужъ не безбожники-ли это! Эй, старикашка, двигайся, неси дровъ!—закричалъ имъ какой-то оборванецъ, который чувствовалъ себя побѣдителемъ.

Ямвликъ шепнулъ Юліану:

— Будемъ презирать и покоримся. Не все-ли равно?.. Боговъ не можетъ оскорбить людская глупость!..

И Божественный взялъ полѣно изъ рукъ христіанина и бросилъ его въ костеръ. Юліанъ сначала не вѣрилъ глазамъ. Но шпіоны смотрѣли теперь на него, съ улыбкой, пристально и любопытно.

Тогда слабость, привычка къ лицемѣрію, презрѣніе къ себѣ и къ людямъ, непонятное злорадство овладѣли душой Юліана. Чувствуя на спинѣ взоры доносчиковъ, онъ подошелъ къ связкѣ дровъ, выбралъ большое полѣно и послѣ Ямвлика бросилъ его въ костеръ, на которомъ уже таяло искалѣченное тѣло богини. Онъ ясно видѣлъ, какъ расплавленное серебро струилось по лицу ея, подобно каплямъ предсмертнаго пота, а на устахъ попрежнему была непобѣдимая, спокойная улыбка.

IX.

— Посмотри на людей въ черныхъ одеждахъ, Юліанъ. Это вечернія тѣни, тѣни смерти. Скоро не будетъ ни одной бѣлой, древней одежды, ни одного куска мрамора, озареннаго солнцемъ... Кончено!..

Такъ говорилъ юный софистъ Антонинъ, сынъ египетской пророчицы Созипатры и неоплатоника Эдезія. Онъ стоялъ съ Юліаномъ на большой террасѣ Пергамскаго Жертвенника, залитой солнцемъ, окруженной голубымъ небомъ. На подножіи балюстрады была изваяна Гигантомахія, борьба титановъ и боговъ. Боги торжествовали, копыта крылатыхъ коней попирали змѣевидныя ноги древнихъ гигантовъ. Антонинъ указалъ Юліану на горельефъ:

— Олимпійцы побѣдили титановъ, теперь олимпійцевъ побѣдятъ варварскіе боги. Храмы будутъ гробницами...

Антонинъ былъ стройный юноша. Нѣкоторыя очертанія его тѣла и лица напоминали древнія статуи. Но уже много лѣтъ страдалъ онъ неизлѣчимымъ недугомъ. И странно было видѣть нѣкогда прекрасное лицо чистаго эллинскаго типа,—желтымъ, исхудалымъ, съ выраженіемъ тоски, новой болѣзни, чуждой лицамъ древнихъ мужей.

— Я объ одномъ молю боговъ,—продолжалъ Антонинъ,—чтобы не видѣть этой ночи, чтобы раньше умереть. Риторы, софисты, ученые, поэты, художники, любители эллинской мудрости, всѣ мы—лишніе. Опоздали... Кончено съ нами!..

— А если еще не кончено?—проговорилъ Юліанъ тихо, какъ-будто про себя.

— Нѣтъ, кончено! Мы—больные... у насъ нѣтъ силы...

Лицо девятнадцатилѣтняго Юліана казалось почти такимъ-же исхудалымъ и блѣднымъ, какъ лицо Антонина. Выдающаяся нижняя губа придавала ему выраженіе угрюмой надменности. Густыя брови хмурились съ упрямымъ и злобнымъ напряженіемъ. Около некрасиваго, слишкомъ большого носа выступали раннія морщины. Глаза, все такіе-же странные, горѣли сухимъ, непріятнымъ и лихорадочнымъ огнемъ. Онъ носилъ одѣяніе послушника. Днемъ, какъ прежде, посѣщалъ церковь, гробницы мучениковъ, читалъ съ амвона Священное Писаніе, готовился къ постриженію въ монахи. Иногда это лицемѣріе казалось ему безполезнымъ. Онъ зналъ, какая судьба постигла Галла, зналъ, что брату не миновать смерти. И самъ онъ, день за днемъ, мѣсяцъ за мѣсяцемъ жилъ въ постоянномъ ожиданіи смерти.

Ночи Юліанъ проводилъ въ Пергамской библіотекѣ, гдѣ изучалъ знаменитыя творенія величайшаго врага христіанства—ритора Либанія. Онъ посѣщалъ уроки греческихъ софистовъ, Эдезія Пергамскаго, Хризанѳія Сардійскаго, Приска изъ Ѳеспротіи, Евсевія изъ Миндa, Проэрезія, Нимфидіана.

Они говорили ему о томъ, что онъ уже слышалъ отъ Ямвлика: о «тріадѣ» неоплатониковъ, о священномъ экстазѣ. Онъ думалъ: «все это не то, они скрываютъ отъ меня главное».

Прискъ, подражавшій Пиѳагору, пять лѣтъ провелъ въ молчаніи, не ѣлъ ничего, имѣющаго жизнь, не употреблялъ ни шерстяной ткани, ни кожаныхъ сандалій, ткань одежды его была растительной также, какъ и пища: онъ носилъ пиѳагорейскую хламиду изъ чистаго, бѣлаго льна, сандаліи изъ пальмовыхъ вѣтвей. «Въ нашъ вѣкъ,—говорилъ онъ, — главное—умѣть молчать и думать о томъ, чтобы погибнуть съ достоинствомъ». И Прискъ съ достоинствомъ, презирая всѣхъ, ждалъ того, что считалъ гибелью, т. е. окончательной побѣды христіанъ надъ эллинами.

Хитрый и осторожный Хризанѳій, когда рѣчь заходила о богахъ, подымалъ глаза къ небу, увѣряя, что онъ о нихъ не смѣетъ говорить,

такъ-какъ ничего не знаетъ, а что прежде зналъ, давно забылъ и другимъ совѣтуетъ забыть. О магіи, о чудесахъ, о видѣніяхъ онъ и слышать не хотѣлъ, утверждая, что все это преступные обманы, воспрещенные законами императоровъ.

Юліанъ плохо ѣлъ, мало спалъ, кровь его кипѣла отъ страстнаго нетерпѣнія. Каждое утро, просыпаясь, онъ думалъ: «не сегодня-ли?»

Онъ надоѣлъ бѣднымъ, запуганнымъ теургамъ-философамъ своими разспросами о мистеріяхъ, о чудесахъ. Нѣкоторые надъ нимъ подсмѣивались, особенно Хризанѳій; у него была хитрая лисья улыбка и привычка соглашаться съ тѣми мнѣніями, которыя онъ считалъ за величайшія нелѣпости.

Однажды Эдезій, старикъ умный, боязливый и мягкій, сжалившись надъ Юліаномъ, сказалъ:

— Дитя! Я хочу умереть спокойно. Ты еще молодъ. Оставь меня. Пойди къ моимъ ученикамъ. Они откроютъ тебѣ все. Да, есть многое, о чемъ мы боимся говорить. Когда ты будешь посвященъ въ тайны мистерій, можетъ быть, ты постыдишься, что родился «только человѣкомъ», что до сихъ поръ оставался имъ.

Евсевій изъ Минда, ученикъ Эдезія, былъ человѣкъ желчный и завистливый.

— Чудесъ больше нѣтъ — объявилъ онъ Юліану. – И не жди! Люди надоѣли богамъ. Магія — вздоръ!.. Глупы тѣ, кто въ нее вѣрятъ. Но если тебѣ наскучила мудрость, и ты непремѣнно хочешь быть обманутымъ, ступай къ Максиму. Онъ презираетъ нашу діалектику, — а самъ... Впрочемъ, о друзьяхъ я не люблю говорить дурно. Лучше послушай, что случилось недавно въ одномъ подземномъ храмѣ Гекаты, куда насъ привелъ Максимъ показывать свое искусство. Когда мы вошли и помолились богинѣ, онъ сказалъ: «садитесь, вы увидите чудо». Мы сѣли. Онъ бросилъ на алтарь зерно оиміама, что-то пробормоталъ, должно быть гимнъ. И мы ясно увидѣли, какъ изваяніе Гекаты улыбнулось. Максимъ сказалъ: «не бойтесь, сейчасъ вы увидите, какъ обѣ лампады въ рукахъ богини сами собою зажгутся. Смотрите!» Онъ не успѣлъ еще кончить, какъ лампады вспыхнули.

— Чудо совершилось! — воскликнулъ Юліанъ.

— Да, да... Мы были въ такомъ смущеніи, что упали ницъ. Но когда я вышелъ изъ храма, то подумалъ: «Что-же это? Достойно-ли философіи то, что дѣлаетъ Максимъ? Читай книги, читай Пиѳагора, Платона, Порфирія, — вотъ гдѣ найдешь мудрость. Не прекраснѣе-ли всякихъ чудесъ — очищеніе сердца божественной діалектикой?»

Юліанъ уже не слушалъ. Онъ взглянулъ горящими глазами на блѣдное, желчное лицо Евсевія и сказалъ, уходя изъ школы:

— Оставайтесь вы съ вашими книгами и діалектикой!.. Я хочу

жизни и вѣры! А развѣ можетъ быть вѣра безъ чудесъ? Благодарю тебя, Евсевій. Ты указалъ мнѣ человѣка, котораго я давно искалъ.

Софистъ взглянулъ съ ядовитой усмѣшкой и произнесъ ему вслѣдъ:

— Ну, племянникъ Константина, недалеко-же ты ушелъ отъ предковъ. Сократу, чтобы вѣрить, не надо было чудесъ!

X.

Ровно въ полночь, въ преддверьи большой залы мистерій, Юліанъ сложилъ одежду послушника, и «мистатоги», жрецы, посвящающіе въ таинства, облекли его въ хитонъ іерофантовъ изъ волоконъ бѣлаго египетскаго папируса. Въ руки дали ему пальмовую вѣтвь. Ноги остались босыми.

Онъ вошелъ въ низкую длинную залу.

Двойной рядъ толстыхъ колоннъ изъ орихалка, особаго рода зеленоватой мѣди, поддерживалъ своды. Каждая колонна изображала двухъ перевившихся змѣй. Отъ орихалка отдѣлялся запахъ мѣди.

У колоннъ стояли курильницы на тонкихъ, высокихъ ножкахъ. Огненные языки трепетали, и клубы бѣлаго дыма наполняли залу.

Въ дальнемъ концѣ слабо мерцали два золотыхъ, крылатыхъ ассирійскихъ быка. Они возносили великолѣпный тронъ. На немъ возсѣдалъ, подобный богу, въ длинномъ, черномъ одѣяніи, затканномъ золотомъ, облитомъ потоками смарагдовъ и карбункуловъ, самъ великій іерофантъ,—Максимъ Эфесскій.

Протяжный голосъ іеродула возвѣстилъ начало мистерій:

— Если есть въ этомъ собраніи безбожникъ, или христіанинъ, или эпикуреецъ,—да изыдетъ!

Юліана предупредили объ отвѣтахъ посвящаемаго. Онъ произнесъ:

— Христіане—да изыдутъ!

Хоръ іеродуловъ, скрытый во мракѣ, подхватилъ унылымъ напѣвомъ:

— Двери! Двери! Христіане да изыдутъ! Да изыдутъ безбожники!

Тогда выступили изъ мрака двадцать четыре отрока. Они были голы; у каждаго въ рукахъ блестѣлъ серебряный, полукруглый «*систръ*», похожій на серпъ новой луны. Только концы серпа соединялись въ полную окружность, и въ нихъ были вставлены тонкія спицы, содрогавшіяся отъ малѣйшаго прикосновенія. Отроки, всѣ сразу, подняли надъ головою музыкальные инструменты, ударили однообразнымъ, красивымъ движеніемъ пальцевъ въ эти продольныя палочки, и систры зазвенѣли жалобно и томно.

Максимъ подалъ знакъ.

Кто-то приблизился къ Юліану сзади и, крѣпко завязавъ ему глаза, произнесъ:

— Иди. Не бойся ни воды, ни огня, ни духа, ни тѣла, ни жизни, ни смерти.

Его повели. Съ желѣзнымъ скрипомъ открылась, должно быть, заржавленная дверь. Его впустили въ нее. Спертый воздухъ пахнулъ въ лицо, подъ ногами были скользкія, крутыя ступени.

Онъ началъ спускаться по безконечной лѣстницѣ. Тишина была мертвая. Пахло плѣсенью. Ему казалось, что онъ глубоко подъ землею.

Лѣстница кончилась. Теперь онъ шелъ по узкому коридору; руки могли ощупать стѣны.

Вдругъ босыми ногами онъ почувствовалъ сырость. Зажурчали струйки. Вода покрыла ему ступни. Онъ продолжалъ идти. Съ каждымъ шагомъ уровень воды подымался, достигъ щиколки, потомъ колѣна, наконецъ бедра. Зубы его стучали отъ холода. Онъ продолжалъ идти. Вода поднялась до груди. Онъ подумалъ: «можетъ быть, это—обманъ: не хочетъ-ли Максимъ убить меня въ угоду Констанцію?» Но онъ продолжалъ идти.

Вода уменьшилась.

Вдругъ жаръ, какъ изъ кузницы, повѣялъ въ лицо. Земля стала жечь ноги. Казалось, онъ приближается къ огромной раскаленной печи. Кровь стучала въ вискахъ. Иногда становилось такъ жарко, какъ будто къ самому лицу подносили факелъ, или расплавленное желѣзо. Онъ продолжалъ идти.

Жаръ уменьшился. Но дыханіе его сперлось отъ тяжелаго зловонія. Онъ споткнулся о что-то круглое, потомъ еще и еще. По запаху онъ догадался, что это мертвые черепа и кости.

Ему показалось, что кто-то идетъ рядомъ,—беззвучно, скользя, какъ тѣнь. Холодная рука схватила его руку. Онъ вскрикнулъ. Потомъ уже двѣ руки стали тихонько хватать его и цѣпляться за одежду. Онъ замѣтилъ, что сухая кожа на нихъ шелушилась, и сквозь нее выступали голыя кости. Въ томъ, какъ эти руки цѣплялись за одежду, была игривая и отвратительная ласковость, какъ у развратныхъ женщинъ. Юліанъ почувствовалъ на щекѣ своей дыханіе: въ немъ былъ запахъ тлѣнія и могильная сырость. И вдругъ надъ самымъ ухомъ быстрый, быстрый шопотъ, подобный шуршанію осеннихъ листьевъ въ полночь, залепеталъ:

— Это—я, это—я, я!... Развѣ ты не узнаешь меня? Это—я!...

— Кто ты?... молвилъ онъ и вспомнилъ, что нарушилъ обѣтъ молчанія.

— Я, я... Хочешь, я сниму съ глазъ твоихъ повязку, и ты узнаешь все, ты увидишь меня?...

Костяные пальцы съ тою же мерзкой, веселой торопливостью закопошились на лицѣ его, чтобы снять повязку.

Холодъ смерти проникъ до глубины его сердца, и невольно, привычнымъ движеніемъ, онъ перекрестился три раза, какъ бывало въ дѣтствѣ, когда видѣлъ страшный сонъ.

Раздался ударъ грома, земля подъ ногами всколыхнулась, онъ почувствовалъ, что падаетъ куда-то и потерялъ сознаніе...

Когда Юліанъ пришелъ въ себя, повязки больше не было на глазахъ его, и онъ лежалъ на мягкихъ подушкахъ въ огромномъ слабо освѣщенномъ гротѣ. Ему давали нюхать ткань, пропитанную крѣпкими духами.

Противъ ложа Юліана стоялъ голый, исхудалый человѣкъ съ темно-коричневой кожей. Это былъ индѣйскій гимнософистъ, помощникъ Максима. Онъ держалъ неподвижно надъ своей головой блестящій, металлическій кругъ. Кто-то сказалъ Юліану:

— Смотри!

И онъ устремилъ глаза на маленькій дискъ, сверкавшій ослѣпительно, до боли. Онъ смотрѣлъ долго, очертанія предметовъ сливались въ туманѣ. Онъ чувствовалъ пріятную и успокоительную слабость въ тѣлѣ. Ему казалось, что свѣтлый кругъ сіяетъ уже не извнѣ, а въ немъ. Вѣки опускались и на губахъ бродила усталая и покорная улыбка. Онъ отдавался обаянію свѣта.

Кто-то нѣсколько разъ провелъ по его головѣ рукою и спросилъ:

— Ты спишь?

— Да...

— Смотри мнѣ въ глаза.

Юліанъ съ усиліемъ поднялъ вѣки и увидѣлъ, что къ нему наклоняется Максимъ.

Это былъ семидесятилѣтній старикъ. Бѣлая какъ снѣгъ борода падала почти до пояса. Волосы до плечъ были съ легкимъ золотистымъ оттѣнкомъ сквозь сѣдину. На щекахъ и на лбу темнѣли красивыя, глубокія морщины, полныя не страданіемъ, а мудростью и волей. На тонкихъ губахъ играла двусмысленная улыбка: такая улыбка бываетъ у очень умныхъ, лживыхъ и плѣнительныхъ женщинъ. Но больше всего Юліану понравились глаза Максима: подъ сѣдыми, нависшими бровями, маленькіе, сверкающіе, быстрые, они были проницательно насмѣшливы и ласковы. Іерофантъ спросилъ:

— Хочешь видѣть могучаго Титана?

— Хочу,—отвѣтилъ Юліанъ.

— Смотри-же!

И волшебникъ указалъ ему въ глубину пещеры, гдѣ стоялъ орихалковый треножникъ: съ него подымалась клубящейся громадой цѣлая туча бѣлаго дыма. Раздался голосъ, подобный голосу бури, — вся пещера вздрогнула:

— Геркулесъ! Геркулесъ! Освободи меня!

Голубое небо блеснуло между разорванными тучами дыма. Юліанъ лежалъ съ неподвижнымъ, блѣднымъ лицомъ, съ полузакрытыми вѣками и созерцалъ быстрые легкіе образы, проносившіеся передъ нимъ, и ему казалось, что не самъ онъ ихъ видитъ, а кто-то другой повелѣваетъ ему видѣть.

Ему снились тучи и снѣжныя горы. Гдѣ-то внизу, должно быть, въ безднѣ, шумѣло море. Онъ увидѣлъ огромное тѣло. Ноги и руки были прикованы обручами къ скалѣ. Коршунъ клевалъ печень Титана. Капли черной крови струились по бедрамъ. Цѣпи звенѣли, онъ метался отъ боли:

— Освободи меня, Геркулесъ!

И Титанъ поднялъ косматую голову: глаза его встрѣтились съ глазами усыпленнаго.

— Кто ты? Кого ты зовешь? съ тяжелымъ усиліемъ спросилъ Юліанъ, какъ человѣкъ говорящій во снѣ.

— Тебя!

— Я—слабый смертный...

— Ты—мой братъ: освободи меня!

— Кто заковалъ тебя снова?

— Смиренные, кроткіе, прощающіе врагамъ изъ трусости, рабы, рабы! Освободи меня!

— Чѣмъ я могу?..

— Будь, какъ я!

Тучи потемнѣли и заклубились, громъ загудѣлъ вдали. Сверкнула молнія. Коршунъ взвился съ крикомъ; капли крови падали съ его клюва. Но сильнѣе грома доносился голосъ Титана:

— Освободи меня, Геркулесъ!

Потомъ все опять закрыли тучи дыма, поднявшіяся съ треножника.

Юліанъ на мгновеніе очнулся. Іерофантъ спросилъ:

— Хочешь видѣть Отверженнаго?

— Хочу.

— Смотри.

Юліанъ опять полузакрылъ глаза и предался легкому очарованію дремоты.

Въ бѣломъ дымѣ появились слабыя очертанія головы и двухъ гигантскихъ крыльевъ. Перья висѣли поникшія, какъ вѣтви плакучей ивы, и голубоватый свѣтъ дрожалъ на нихъ грустно. Кто-то позвалъ его далекимъ, слабымъ голосомъ, какъ умершій другъ:

— Юліанъ! Юліанъ! Отрекись во имя мое отъ Галилеянина!

Юліанъ молчалъ. Максимъ прошепталъ ему на ухо: «если хочешь увидѣть Великаго Ангела, отрекись». Тогда Юліанъ произнесъ:

— Отрекаюсь.

Надъ головой видѣнія, сквозь туманъ, сверкнула утренняя Звѣзда, Звѣзда Авроры. И Ангелъ повторилъ:

— Юліанъ! Отрекись во имя мое отъ Галилеянина!

— Отрекаюсь.

И въ третій разъ промолвилъ Ангелъ уже громкимъ, близкимъ и торжествующимъ голосомъ: «отрекись!» и въ третій разъ Юліанъ повторилъ:

— Отрекаюсь.

И Ангелъ сказалъ:

— Приди ко мнѣ!

— Кто ты?

— Я—Свѣтоносный! Я—Востокъ, я—Утренняя Звѣзда!

— Какъ ты прекрасенъ!...

— Будь подобнымъ мнѣ!

— Какая печаль въ твоихъ глазахъ!

— Я страдаю за всѣхъ живущихъ. Не надо рожденія, не надо смерти! Придите ко мнѣ! Я—тѣнь, я—покой, я—свобода.

— Какъ зовутъ тебя люди?

— Зломъ.

— Ты—зло!...

— Я возсталъ.

— На кого?

— На Того, Кому я равенъ. Онъ хотѣлъ быть одинъ, но насъ—двое.

— Дай мнѣ быть, какъ ты!

— Возстань, какъ я. Я дамъ тебѣ силу!

— Научи меня!

— Преступи законъ, люби себя, прокляни Его и будь, какъ я!

Ангелъ исчезъ. Налетѣлъ вихрь, всколебалъ пламя треножника. Оно сначала приникло къ землѣ, разстилаясь по ней, потомъ треножникъ былъ опрокинутъ вихремъ и пламя потухло; во мракѣ былъ слышенъ топотъ, визгъ и стенанье, какъ будто невидимое войско, бѣгущее отъ врага, летѣло по воздуху. Юліанъ, объятый ужасомъ, упалъ лицомъ на землю, и длинная, черная одежда іерофанта билась надъ нимъ по вѣтру. «Бѣгите, бѣгите!» вопили несмѣтные голоса. «Врата адовы разверзаются! Это Онъ, это Онъ, это Онъ, Побѣдитель!»

Вѣтеръ свисталъ въ ушахъ Юліана. И легіоны за легіонами мчались надъ нимъ. Вдругъ, послѣ подземнаго удара, сразу воцарилась тишина и небесное дуновеніе промчалось въ ней, какъ въ серединѣ кроткой, лѣтней ночи. Тогда чей-то голосъ произнесъ:

— Савлъ! Савлъ! Зачѣмъ ты меня гонишь?

Юліану казалось, что онъ уже слышалъ этотъ голосъ когда-то въ незапамятномъ дѣтствѣ.

Потомъ снова, но тише, какъ будто издали:

— Савлъ! Савлъ! Зачѣмъ ты гонишь меня?

И голосъ замеръ такъ далеко, что принесся едва слышнымъ дуновеніемъ:

— Савлъ! Савлъ! Зачѣмъ ты гонишь меня?

Когда Юліанъ, проснувшись, поднялъ лицо отъ земли, онъ увидалъ, что одинъ изъ іеродуловъ зажигаетъ лампаду. Голова его кружилась. Но онъ ясно помнилъ все, что было съ нимъ, какъ помнятъ сновидѣнія.

Ему опять завязали глаза и дали отвѣдать пряпаго вина. Онъ почувствовалъ силу и бодрость въ членахъ.

Его повели наверхъ по лѣстницѣ. Теперь рука его была въ твердой рукѣ Максима. Юліану казалось, что невидимая сила подымаетъ его по ступенямъ, какъ-бы на крыльяхъ. Іерофантъ сказалъ:

— Спрашивай.

— Ты звалъ Его? проговорилъ Юліанъ.

— Нѣтъ, но когда на лирѣ дрожитъ струна, ей отвѣчаетъ другая. Противное отвѣчаетъ противному.

— Зачѣмъ-же такая власть — въ Его словахъ, если они—ложь?

— Они—истина.

— Что ты говоришь! Значитъ слова титана и Ангела—ложь?

— И они—истина.

— Двѣ истины!..

— Двѣ. Все—двойственно.

— Ты соблазняешь...

— Не я, но полная истина соблазнительна и необычайна. Если боишься—молчи.

— Я не боюсь. Говори все. Галилеяне правы?

— Да.

— Зачѣмъ-же я отрекся?

— Есть еще другая правда.

— Высшая?

— Нѣтъ! Равная той, отъ которой ты отрекся.

— Но во что-же вѣрить? Гдѣ Богъ, котораго я ищу?

— И тамъ, и здѣсь. Служи Ариману, служи Ормуздѣ, какъ хочешь, но помни, оба равны, царство Люцифера—равно царству Бога.

— Куда идти?

— Выбери одинъ изъ двухъ путей и не останавливайся.

— Какой?

— Если вѣришь въ Него, возьми крестъ, иди за Нимъ, какъ Онъ велѣлъ. Будь смиреннымъ, будь дѣвственнымъ, будь агнцемъ безгласнымъ въ рукахъ палачей. Бѣги въ пустыню, отдай Ему плоть и духъ,

и разумъ. Терпи. Вѣрь. Это одинъ изъ двухъ путей: великіе страстотерпцы галилеяне достигаютъ такой-же свободы, какъ Прометей и Люциферъ.

— Я не хочу!

— Тогда избери другой путь: будь владыкой, будь подобнымъ древнимъ, суровымъ мужамъ. Будь сильнымъ, будь гордымъ, будь неумолимымъ и прекраснымъ. Не жалѣй, не люби, не прощай! Возстань и побѣди все! Да будетъ тѣло твое, какъ тѣло мраморныхъ полубоговъ! Бери и не отдавай! Вкуси отъ запретнаго плода и не раскайся! Не вѣрь и познавай! И міръ будетъ—твой, и ты будешь, какъ Титанъ и Ангелъ, возставшій на Бога!

— Но я не могу забыть, что въ словахъ Галилеянина есть правда, я не могу вынести двухъ истинъ!..

— Если не можешь, будешь, какъ всѣ. Лучше погибнуть. Но ты можешь... Дерзай!.. Ты будешь римскимъ императоромъ!

— Я—императоромъ!

— Ты будешь имѣть въ рукахъ своихъ то, чего не имѣлъ Герой Македонскій.

Юліанъ почувствовалъ, что они выходятъ изъ подземелья на вольный воздухъ. Ихъ обвѣялъ свѣжій, морской, должно быть, утренній вѣтеръ. Онъ не видѣлъ, но угадывалъ вокругъ себя безконечность моря и неба.

Іерофантъ снялъ повязку съ глазъ его. Они стояли на высокой мраморной башнѣ. То была астрономическая обсерваторія великаго теурга, подобіе древне-халдейскихъ башенъ, построенная на громадномъ, отвѣсномъ обрывѣ надъ самымъ моремъ. Внизу были роскошные сады и виллы Максима, дворцы и пропилеи, напоминавшіе Персеполійскія колоннады. Дальше, въ туманѣ—Артемизіонъ и многоколонный Эфесъ. Еще дальше, на востокѣ,—горы; тамъ должно было взойти солнце. На западѣ, на югѣ, на сѣверѣ разстилалось море, необъятное, туманное, темноголубое, все трепещущее, все смѣющееся въ ожиданіи солнца. Они стояли на такой высотѣ, что голова у Юліана закружилась: онъ долженъ былъ опереться на руку Максима. Восходящее солнце блеснуло изъ-за горъ, онъ зажмурилъ глаза съ улыбкой, и солнце тронуло бѣлую священную одежду Юліана первымъ, сначала блѣдно-розовымъ, потомъ багрянымъ лучомъ.

Іерофантъ обвелъ рукою горизонтъ и указалъ ему на море и землю:

— Смотри, это все—твое!

— Развѣ я могу, Учитель? Я каждый день жду смерти... Я—слабый и больной...

— Солнце,—богъ Митра, вѣнчаетъ тебя своимъ пурпуромъ! Это пурпуръ римскаго императора. Все—твое. Дерзай!

— Зачѣмъ мнѣ все, если нѣтъ единой правды, Бога, котораго ищу?..

— Найди Его, соедини, если можешь, правду Титана съ правдой Галилеянина — и ты будешь больше всѣхъ рожденныхъ женами на землѣ.

. . . .

. . . .

У Максима Эфесскаго были огромныя библіотеки, тихіе, мраморные залы, уставленные научными приборами, обширные анатомическіе кабинеты.

Въ одномъ изъ нихъ молодой ученый Орибазій, врачъ Александрійской школы, держа тонкій стальной ножикъ въ рукахъ, замѣнявшій скальпель, производилъ вмѣстѣ съ теургомъ новую вивисекцію одного рѣдкаго животнаго, присланнаго Максиму изъ Индіи. Зала была круглая, устроенная на подобіе анатомическаго театра въ музеѣ Александріи. Вокругъ стояли мѣдныя вазы, жаровни, приборы Эолипила и Архимеда, такъ называемая *«огненная машина»* Ктезибія и Герона. Въ тишинѣ сосѣдняго книгохранилища звонко падали капли водяныхъ часовъ, изобрѣтенныхъ Аполлоніемъ. Тамъ виднѣлись глобусы, мѣдныя географическія карты, изображенія звѣздныхъ сферъ Гиппарха и Эратосѳена. Друзья производили вивисекцію по методу великаго анатома Герофила. Подъ яркимъ и мягкимъ свѣтомъ, падавшимъ изъ круглаго отверстія въ крышѣ (оконъ не было), Максимъ,—въ простой одеждѣ философа, смотрѣлъ съ любопытствомъ въ еще теплыя внутренности животнаго, лежавшія на широкомъ мраморномъ столѣ. Маленькіе и быстрые глаза его, изъ подъ сѣдыхъ бровей, сверкали все тѣмъ-же проницательнымъ, немного насмѣшливымъ блескомъ. Орибазій говорилъ, наклоняясь надъ столомъ и разсматривая печень животнаго:

— Какъ можетъ Максимъ, философъ и ученый Максимъ, вѣрить во всѣ эти нелѣпыя чудеса?

— И вѣрю, и не вѣрю—отвѣтилъ теургъ.—Развѣ природа, которую мы съ тобой такъ прилежно изучаемъ, не самое невѣроятное изъ чудесъ? Развѣ не чудо и не тайна, эти тонкіе кровяные сосуды, нервы, совершенное устройство внутреннихъ органовъ, которые мы разсматриваемъ, какъ авгуры...

— Ты знаешь, о чемъ я говорю—возразилъ молодой врачъ.—Зачѣмъ ты обманывалъ бѣднаго мальчика?

— Юліана?

— Да.

— Онъ самъ хотѣлъ быть обманутымъ.

Упрямыя, тонкія брови Орибазія нахмурились:

— Учитель, если ты любишь меня, скажи, кто ты? Какъ ты можешь терпѣть эту ложь? Развѣ я не знаю, что такое магія? Вы прикрѣпляете въ темной комнатѣ къ потолку свѣтящуюся рыбью чешую, и

ученикъ, посвящаемый въ мистеріи, вѣритъ, что это — звѣздное небо, сходящее къ нему по слову іерофанта. Вы лѣпите изъ кожи и воска мертвую голову, снизу приставляете къ ней журавлиную шею, и спрятавшись въ подполье, произносите въ эту костяную трубку ваши пророчества. Ученикъ думаетъ, что черепъ возвѣщаетъ ему тайны смерти. Когда нужно, чтобы мертвая голова исчезла, вы приближаете къ ней жаровню съ углями, воскъ таетъ и черепъ распадается. Вы изъ фонаря бросаете отраженія сквозь раскрашенныя стекла на бѣлый дымъ ароматовъ, и ,ученикъ мечтаетъ, что передъ нимъ — видѣнія боговъ. Сквозь воду бассейна у котораго каменные края и стеклянное дно, вы показываете ему живого Аполлона, переодѣтаго раба и живую Афродиту, переодѣтую блудницу. И вы называете это священными мистеріями!

На тонкихъ губахъ іерофанта появилась обычная, двусмысленная улыбка. Онъ промолвилъ:

— Наши мистеріи глубже и прекраснѣе, чѣмъ ты думаешь. Человѣку нуженъ восторгъ. Для того, кто вѣритъ, блудница воистину — Афродита, и рыбья чешуя воистину—звѣздное небо. Ты говоришь, что люди молятся и плачутъ передъ видѣніями, рожденными масляной лампой съ раскрашенными стеклами. Орибазій! Орибазій! Но развѣ природа, которой удивляется твоя мудрость, не такой-же призракъ, вызванный чувствами обманчивыми, какъ фонарь персидскаго мага? Гдѣ истина? Гдѣ ложь? Ты вѣришь и знаешь,—я не хочу вѣрить, не могу знать. Истина для меня тамъ, гдѣ и ложь.

— Неужели Юліанъ былъ бы тебѣ благодаренъ, если-бы зналъ, что ты обманываешь?..

— Онъ видѣлъ то, что хотѣлъ видѣть. Я далъ ему восторгъ, я далъ ему силу и дерзновеніе. Ты говоришь, что я обманулъ его? Если бы это было нужно, я можетъ быть и обманулъ бы и соблазнилъ бы его. Я люблю ложь, если въ глубинѣ ея мерцаетъ истина. Я люблю соблазнъ! Я не отойду отъ него до смерти!.. Я дамъ ему вкусить отъ запретныхъ плодовъ! Онъ молодъ... Я буду жить въ немъ второю жизнью. Я открою ему преступныя и обольстительныя тайны, и можетъ быть, я сдѣлаю его великимъ!..

— Учитель, я не понимаю тебя...

— Я говорю тебѣ только потому, что ты меня не можешь понять. Я другому не сказалъ бы.

И Максимъ взглянулъ на него своими безстрастными и мудрыми глазами.

Лучъ солнца упалъ на сѣдую бороду и могучія нависшія брови старика. Онѣ бѣлѣли, свѣтлыя, какъ серебро. Морщины на лбу казались еще глубже и темнѣе. На тонкихъ губахъ бродила двусмысленная невѣрная улыбка, обольстительная, какъ у женщинъ.

XI.

Юліанъ посѣтилъ несчастнаго брата своего Галла, когда тотъ остановился проѣздомъ въ Константинополѣ.

Онъ нашелъ его окруженнымъ предательской стражей сановниковъ Констанція: здѣсь былъ и хитрый, вѣжливый придворный щеголь, квесторъ Леонтій, который прославился немаловажнымъ въ тѣ времена искусствомъ подслушивать у дверей, выспрашивать рабовъ, и трибунъ щитоносцевъ-скутаріевъ, молчаливый непроницаемый варваръ Байнобаудесъ, похожій на переодѣтаго палача, и важный церемоніймейстеръ императора «comes domesticorum» Луцилліанъ, наконецъ тотъ самый Скудило, который былъ нѣкогда военнымъ трибуномъ въ Цезареѣ Каппадокійской, и теперь, благодаря протекціи старыхъ дамъ, получилъ желанное мѣсто при дворѣ.

Галлъ, какъ всегда здоровый, веселый и легкомысленный, угостилъ Юліана превосходнымъ ужиномъ. Въ особенности гордился онъ жирнымъ колхидскимъ фазаномъ, начиненнымъ ѳиваидскими свѣжими финиками. Онъ смѣялся, какъ ребенокъ, и вспоминалъ Мацеллумъ. Вдругъ Юліанъ, нечаянно въ разговорѣ, спросилъ о женѣ его Константинѣ.

Лицо Галла измѣнилось. Онъ опустилъ пальцы съ бѣлымъ сочнымъ кускомъ фазана, который подносилъ ко рту. Глаза его наполнились слезами.

— Развѣ ты не знаешь, Юліанъ?—проговорилъ онъ,—Константина внезапно умерла отъ злокачественной лихорадки на пути къ императору (она хотѣла меня оправдать) въ Ценахъ Галликійскихъ,—городкѣ Виѳиніи. Я проплакалъ двѣ ночи, когда узналъ объ ея смерти...

Онъ тревожно оглянулся на дверь, придвинулся къ Юліану и проговорилъ ему на ухо:

— Съ тѣхъ поръ я на все махнулъ рукой. Она одна еще могла-бы меня спасти... Братъ, это была удивительная женщина!.. Нѣтъ, ты не знаешь, Юліанъ, что это была за женщина!.. Безъ нея—я погибъ... Я не могу... я ничего не умѣю... Просто руки опускаются. Они дѣлаютъ со мной, что хотятъ...

Онъ выпилъ однимъ глоткомъ большой кубокъ цѣльнаго вина.

Юліанъ вспомнилъ о Константинѣ, уже не молодой вдовѣ, сестрѣ Констанція, которая была злымъ геніемъ брата, о безчисленныхъ, подлыхъ и глупыхъ преступленіяхъ, которыя она заставила его совершать, иногда просто изъ-за дорогой бездѣлушки, изъ-за обѣщаннаго ожерелья—и спросилъ, желая угадать, какая власть подчинила его этой женщинѣ:

— Она была красива?

— Да развѣ ты ея никогда не видалъ?.. Нѣтъ, некрасива, даже очень некрасива. Смуглая, рябая, маленькаго роста; скверные зубы, что въ женщинахъ я не выношу. Впрочемъ, зная за собою этотъ недостатокъ, она избѣгала смѣяться. Говорили, что она мнѣ измѣняетъ, что, по ночамъ, переодѣтая, какъ Мессалина, бѣгаетъ въ конюшню ипподрома къ молодому красивому конюху. А мнѣ что за дѣло! Развѣ я ей не измѣнялъ?.. Она не мѣшала мнѣ жить, и я ей не мѣшалъ. Говорили, что покойница была жестокой. Да, она умѣла царствовать, Юліанъ!.. Она не любила сочинителей эпиграммъ и уличныхъ стишковъ, въ которыхъ, бывало, мерзавцы упрекали ее за дурныя манеры и сравнивали съ кухонной рабыней, переодѣтой въ жену Цезаря. Она любила мстить!.. Какой умъ, какой умъ, Юліанъ!.. Мнѣ было за ней спокойно, какъ за каменной стѣной. Ужъ мы зато и пошалили, и повеселились!.. Вдоволь!..

Онъ улыбнулся отъ пріятныхъ воспоминаній и тихонько провелъ кончикомъ языка по розовымъ губамъ, еще мокрымъ отъ хіосскаго вина.

— Да, нечего сказать, пошалили!—заключилъ онъ не безъ гордости.

Когда Юліанъ шелъ на свиданіе, онъ думалъ пробудить въ братѣ чувство раскаянія, приготовляя въ умѣ цѣлую рѣчь о тиранахъ, во вкусѣ Либанія. Онъ ожидалъ видѣть человѣка, гонимаго бичомъ Немезиды, а передъ нимъ было спокойное откормленное лицо красиваго греческаго атлета. Слова замерли на губахъ Юліана. Онъ смотрѣлъ безъ малѣйшаго отвращенія и злобы на этого «добродушнѣйшаго звѣря» (такъ онъ мысленно назвалъ своего брата) и думалъ, что читать ему проповѣди такъ-же безсмысленно, какъ молодому красивому жеребцу. Юліанъ только спросилъ шопотомъ, въ свою очередь оглянувшись на дверь:

— Зачѣмъ ты ѣдешь въ Медіоланъ? Или не догадываешься?..

— Не говори. Знаю... Но вернуться нельзя. Поздно!..

Онъ указалъ на свою бѣлую шею.

— Мертвая петля — вотъ здѣсь, понимаешь?.. Онъ ее потихоньку стягиваетъ. Онъ изъ-подъ земли меня выкопаетъ, Юліанъ!.. И говорить не стоитъ. Кончено!.. Пошалили—и кончено.

— У тебя осталось два легіона въ Антіохіи?

— Ни одного. Онъ отнялъ у меня всѣхъ лучшихъ солдатъ, мало-по-малу, исподоволь, для моего-же, видишь-ли, собственнаго блага; все— для моего блага!.. Какъ онъ заботится, какъ тоскуетъ обо мнѣ, какъ жаждетъ моихъ совѣтовъ. Юліанъ, это страшный человѣкъ! Ты еще не знаешь и не дай тебѣ Богъ узнать, что это за человѣкъ. Онъ все видитъ, видитъ на пять локтей подъ землею. Онъ знаетъ сокровеннѣйшія мысли мои, тѣ, о которыхъ изголовіе постели моей не знаетъ. Онъ видитъ и тебя насквозь. Я боюсь его, братъ!..

— Но развѣ нельзя убѣжать?

— Тише, тише! Что ты!..

Школьническій страхъ наказанія выразился въ лѣнивыхъ, мягкихъ и добродушныхъ чертахъ Галла.

— Нѣтъ, кончено!.. Я теперь, какъ рыба на крючкѣ. Онъ тащитъ осторожно, чтобы леса не порвалась. Цезарь какой ни-на-есть, все таки довольно тяжелая рыбка. Но знаю, сорваться нельзя: рано или поздно выудитъ... Вижу, какъ не видѣть, что западня, и все-таки самъ иду въ нее, иду отъ страха. Всѣ эти шесть лѣтъ, да и раньше, съ тѣхъ поръ, какъ себя помню, я жилъ въ страхѣ передъ нимъ. Довольно! Погулялъ, пошалилъ мальчикъ, и довольно!.. Братъ, онъ зарѣжетъ меня, какъ поваръ жирнаго куренка!.. Но раньше измучитъ хитростями и ласками. Лучше-бы ужъ скорѣй...

Вдругъ глаза его вспыхнули.

— А вѣдь если-бы *она* здѣсь была сейчасъ, со мною, что ты думаешь, братъ, вѣдь она спасла-бы меня, навѣрное спасла-бы! Вотъ почему я говорю, что это—удивительная, необыкновенная женщина!

Трибунъ Скудило, войдя въ триклиніумъ, съ подобострастнымъ поклономъ объявилъ, что завтра, въ честь прибытія цезаря, въ ипподромѣ Константинополя назначены скачки, въ которыхъ будетъ участвовать знаменитый наѣздникъ Кораксъ. Галлъ чрезвычайно обрадовался. Онъ велѣлъ приготовить лавровый вѣнокъ, чтобы, въ случаѣ побѣды, собственноручно вѣнчать передъ народомъ любимца своего Коракса. Начались разсказы о лошадяхъ, о скачкахъ, о ловкости прославленныхъ кучеровъ.

Галлъ много пилъ, отъ недавняго страха его не было и слѣда, смѣялся откровеннымъ и легкомысленнымъ смѣхомъ, какъ смѣются здоровые люди, у которыхъ совѣсть спокойна.

Только въ послѣднюю минуту прощанія, онъ крѣпко обнялъ Юліана и заплакалъ; его голубые глаза безпомощно заморгали.

— Дай тебѣ Богъ, дай тебѣ Богъ! — бормоталъ онъ, впадая въ чрезмѣрную чувствительность, можетъ быть, отъ вина,—знаю, ты одинъ меня любилъ, ты и Константина...

Потомъ шепнулъ Юліану на ухо:

— Надѣюсь, что ты спасешься, братъ... Ты умѣешь притворяться... Я всегда завидовалъ... Ну, дай тебѣ Богъ!

Юліану стало жалко его: онъ понималъ, что брату уже «не сорваться съ удочки» Констанція.

На слѣдующій день съ тѣмъ-же конвоемъ Галлъ выѣхалъ изъ Константинополя. Недалеко отъ городскихъ воротъ ему встрѣтился вновь назначенный въ Арменію квесторъ Тавръ. Тавръ, придворный выскочка, нагло и насмѣшливо посмотрѣлъ на цезаря и не поклонился.

Между тѣмъ отъ императора приходили письма за письмами.

Съ Адріанополя Галлу оставили только десять повозокъ государ-

ственной почты. Весь багажъ и свиту, за исключеніемъ двухъ-трехъ постельныхъ и кравчихъ, «ministri tori et mensae», надо было покинуть.

Стояла глубокая осень. Дороги были отвратительныя. Дождь лилъ цѣлыми днями. Цезаря торопили, не давали ему ни отдохнуть, ни выспаться. Онъ уже двѣ недѣли не принималъ ванны.

Однимъ изъ величайшихъ страданій было непрерывное и непривычное ощущеніе грязи. Онъ всю жизнь дорожилъ своимъ здоровымъ, красивымъ и выхоленнымъ тѣломъ. Цезарь съ такою-же грустью смотрѣлъ на свои не вычищенные и не отточенные ногти, какъ и на царственный пурпуръ своей хламиды, запачканной пылью и грязью большихъ дорогъ.

Скудило ни на минуту не покидалъ его. Галлъ имѣлъ причины бояться этого внимательнаго спутника.

Трибунъ, только-что пріѣхавъ съ порученіемъ отъ императора къ Антіохійскому двору, неосторожнымъ выраженіемъ или намекомъ оскорбилъ жену цезаря, Константину; ею неожиданно овладѣлъ одинъ изъ тѣхъ припадковъ слѣпой, почти сумасшедшей ярости, которымъ она была подвержена.

Ходили слухи, что Константина велѣла посланнаго отъ императора, римскаго трибуна щитоносцевъ, наказать ударами плетей, какъ раба, потомъ бросить въ темницу.

Но иные отказывались вѣрить, чтобы даже безумно вспыльчивая супруга Цезаря была способна на такое неслыханное оскорбленіе императорскаго величества въ лицѣ римскаго трибуна.

Во всякомъ случаѣ, Константина скоро одумалась и выпустила Скудило изъ темницы. Онъ явился опять ко двору Цезаря, какъ ни въ чемъ не бывало, пользуясь тѣмъ, что никто ничего навѣрное не зналъ; онъ даже не написалъ доноса въ Медіоланъ, и молча «проглотилъ обиду», по выраженію своихъ завистниковъ. Можетъ быть, трибунъ боялся, что слухи о постыдномъ наказаніи повредятъ его придворной карьерѣ.

Но во время всего путешествія Галла изъ Антіохіи въ Медіоланъ, Скудило ѣхалъ въ одной колесницѣ съ цезаремъ, не отходилъ отъ него ни на шагъ, ухаживалъ за нимъ раболѣпно, заигрывалъ, не оставляя его ни минуты въ покоѣ и обращался, какъ съ упрямымъ, больнымъ ребенкомъ, котораго онъ, Скудило, такъ любитъ, что не имѣетъ духу покинуть.

При опасныхъ переѣздахъ черезъ рѣки, на трясучихъ гатяхъ Иллирійскихъ болотъ, Скудило съ нѣжною заботливостью крѣпко обхватывалъ станъ цезаря рукою. Если тотъ дѣлалъ попытку освободиться, трибунъ обхватывалъ его еще крѣпче, еще нѣжнѣе, увѣряя, что скорѣе согласился бы умереть, чѣмъ дозволить, чтобы такая драгоцѣнная жизнь подверглась малѣйшей опасности.

У трибуна былъ особенный задумчивый взглядъ, которымъ онъ съ молчаливой и сладостной улыбкой смотрѣлъ сзади на бѣлую, какъ у молодой дѣвушки, мягкую шею Галла. Цезарь чувствовалъ на себѣ этотъ долгій взглядъ, и ему становилось неловко, онъ оборачивался. Въ эти мгновенія ему хотѣлось дать пощечину ласковому трибуну; но бѣдный плѣнникъ скоро приходилъ въ себя и только жалобнымъ голосомъ просилъ остановиться, чтобы хоть немного перекусить. Аппетитъ его, несмотря ни на что, былъ изумительный.

Въ Норикѣ, въ городѣ Петобіонъ, ихъ встрѣтили еще два посланныхъ отъ императора,—комесъ Барбатіонъ и Аподемъ, съ когортой собственныхъ солдатъ, солдатъ императора.

Тогда маска была сброшена. Вокругъ дворца Галла поставили вооруженную стражу на ночь, какъ вокругъ тюрьмы.

Вечеромъ Барбатіонъ, войдя къ цезарю, безъ малѣйшаго этикета, приказалъ ему снять цезарскую хламиду и облечься въ простую тунику и палудаментумъ. Скудило при этомъ выказалъ усердіе. Онъ такъ поспѣшно началъ снимать съ Галла хламиду, что разорвалъ пурпуръ.

На слѣдующее утро плѣнника усадили въ почтовую деревянную повозку на двухъ колесахъ—«карпенту», въ которой ѣздили, по служебнымъ надобностямъ, мелкіе чиновники. У карпенты не было верха. Дулъ пронзительный вѣтеръ, падалъ мокрый снѣгъ. Скудило, по своему обыкновенію, одною рукою обнялъ Галла, а другою началъ трогать его новую одежду.

— Хорошая одежда, пушистая, теплая. По моему, куда лучше пурпура. Пурпуръ не согрѣетъ. А у этой одежды подкладочка мягкая, шерстяная...

И какъ будто для того, чтобы ощупать подкладку, онъ запустилъ руку подъ одежду цезаря, потомъ въ тунику и вдругъ съ тихимъ, вѣжливымъ смѣхомъ вытащилъ лезвіе кинжала, который Галлу удалось спрятать въ складкахъ туники.

— Нехорошо, вотъ это нехорошо,—заговорилъ Скудило съ радостной улыбкой.—Можно какъ-нибудь нечаянно порѣзаться. Что за игрушки!..

Онъ бросилъ кинжалъ на дорогу.

Какая-то безконечная истома и разслабленіе овладѣвали тѣломъ Галла. Онъ закрылъ глаза и чувствовалъ, какъ Скудило обнимаетъ его все съ большей нѣжностью. Цезарю казалось, что онъ видитъ отвратительный сонъ.

Они остановились недалеко отъ крѣпости Пола, въ Истріи, на берегу Адріатическаго моря. Въ этомъ самомъ городѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, совершилось кровавое злодѣяніе, убійство молодого благороднаго героя, сына Константина Великаго,—Криспа.

Городъ, населенный солдатами, казался унылымъ захолустьемъ. Безконечныя казармы были выстроены въ казенномъ стилѣ временъ Діокли-

тіана. На крышахъ лежалъ снѣгъ. Вѣтеръ завывалъ въ пустыхъ улицахъ, и море шумѣло.

Галла отвезли въ одну изъ казармъ.

Его посадили противъ окна, такъ что рѣзкій зимній свѣтъ падалъ ему прямо въ глаза. Самый опытный изъ сыщиковъ императора, Евсевій, маленькій, сморщенный и любезный старичокъ, съ тихимъ, вкрадчивымъ голосомъ, какъ у исповѣдника, то и дѣло потирая руки отъ холода, началъ допросъ. Галлъ чувствовалъ смертельную усталость; онъ говорилъ все, что Евсевію было угодно. Но при словѣ «государственная измѣна», Галлъ поблѣднѣлъ и вскочилъ:

— Это — не я, не я — залепеталъ онъ глупо и безпомощно, — это — Константина, все — Константина!.. Безъ нея ничего-бы я не сдѣлалъ... Она требовала смерти Ѳеоѳила, Домитіана, Клематія, Монтія и другихъ... Видитъ Богъ, не я!.. Она мнѣ ничего не говорила... Я даже не зналъ...

Евсевій посмотрѣлъ на него съ тихой, любезной улыбкой:

— Хорошо, — проговорилъ онъ, — я такъ и донесу императору, что его собственная сестра Константина, супруга бывшаго цезаря, виновата во всемъ. Допросъ конченъ. Уведите его, — приказалъ онъ легіонерамъ.

Скоро былъ полученъ смертный приговоръ отъ императора Констанція, который счелъ за личную обиду своему дому обвиненіе его покойной сестры во всѣхъ убійствахъ, совершенныхъ при Антіохійскомъ дворѣ.

Когда цезарю прочли приговоръ, онъ лишился чувствъ и упалъ на руки солдатъ. Несчастный до послѣдней минуты надѣялся на помилованіе. И теперь еще онъ думалъ, что, по крайней мѣрѣ, ему дадутъ нѣсколько дней, нѣсколько часовъ, на приготовленіе къ смерти. Но ходили слухи, что солдаты ѳиванскаго легіона волнуются и замышляютъ освобожденіе Галла. Его повели немедленно на казнь.

Было раннее утро. Ночью выпалъ снѣгъ и покрылъ черную, липкую грязь. Теперь холодное, мертвое солнце озаряло снѣгъ. Ослѣпительный отблескъ падалъ на ярко-бѣлыя оштукатуренныя стѣны большой залы въ казармахъ, куда привезли Галла.

Солдатамъ не довѣряли. Они почти всѣ любили и жалѣли его. Палачомъ выбрали мясника, которому случалось на площади Поля казнить истрійскихъ воровъ и разбойниковъ. Варваръ не умѣлъ обращаться съ римскимъ мечомъ, и потому принесъ для казни широкій топоръ, въ родѣ двуострой сѣкиры, которымъ привыкъ на бойнѣ рѣзать свиней и барановъ. Лицо у мясника было тупоумное, красивое и заспанное. Родомъ онъ былъ славянинъ. Отъ него скрыли, что осужденный — цезарь, и палачъ думалъ, что ему придется казнить вора.

Галлъ передъ смертью сдѣлался кроткимъ и спокойнымъ. Онъ позволялъ съ собою дѣлать все, что угодно, съ безсмысленной улыбкой. Ему казалось, что онъ маленькій ребенокъ: въ дѣтствѣ онъ тоже плакалъ и

сопротивлялся, когда его насильно сажали въ горячую ванну и мыли, а потомъ, покорившись, находилъ, что это пріятно.

Но, увидѣвъ, какъ мясникъ, съ тихимъ звономъ, водитъ широкимъ лезвіемъ топора, взадъ и впередъ, по мокрому точильному камню, онъ задрожалъ всѣми членами.

Его отвели въ сосѣднюю горницу. Тамъ цирульникъ тщательно, до самой кожи, обрилъ его мягкія золотистыя кудри, красу и гордость молодого цезаря. Возвращаясь изъ комнаты цирульника, онъ въ коридорѣ остался на мгновеніе съ глазу на глазъ съ трибуномъ Скудило. Цезарь неожиданно упалъ къ ногамъ своего злѣйшаго врага.

— Спаси меня, Скудило!... Я знаю,—ты можешь!... Сегодня ночью я получилъ письмо отъ солдатъ опванскаго легіона... Дай мнѣ сказать имъ слово; они освободятъ меня... Въ сокровищницѣ Мизійскаго храма лежатъ моихъ собственныхъ тридцать талантовъ... Никто не знаетъ... Я тебѣ дамъ... И еще больше дамъ!... Солдаты любятъ меня. Я сдѣлаю тебя своимъ другомъ, своимъ братомъ, соправителемъ, цезаремъ!...

Онъ обнялъ его колѣни, обезумѣвъ отъ надежды, и вдругъ Скудило, вздрогнувъ, почувствовалъ, какъ цезарь прикасается губами къ его рукѣ. Трибунъ ни слова не отвѣтилъ, неторопливо отнялъ руку и посмотрѣлъ ему въ лицо съ улыбкой.

Галлу велѣли снять одежду. Онъ не хотѣлъ развязать сандаліи: ноги были грязныя. Когда онъ остался почти голымъ, мясникъ началъ привязывать ему веревкой руки за спину, какъ онъ это привыкъ дѣлать ворамъ. Скудило бросился помогать. Но, когда Галлъ почувствовалъ прикосновеніе его пальцевъ, имъ овладѣло бѣшенство Онъ вырвался изъ рукъ палача, схватилъ трибуна за горло обѣими руками и сталъ душить его. Голый, высокій, онъ не походилъ на человѣка, а на молодого, сильнаго и страшнаго звѣря. Къ нему подбѣжали сзади, оттащили его отъ трибуна, связали ему руки и ноги.

Въ это время внизу, на дворѣ казармъ, раздались крики солдатъ опванскаго легіона: «да здравствуетъ цезарь Галлъ!»

Убійцы торопились; они принесли большой деревянный обрубокъ или колоду, въ родѣ плахи. Галла поставили на колѣни. Барбатіонъ, Байнобеудесъ, Аподемъ держали его за руки, за ноги, за плечи. Голову пригнулъ къ деревянной колодѣ Скудило. Съ улыбкой сладострастья на блѣдныхъ губахъ, онъ сильно, обѣими руками упирался въ эту безпомощно сопротивлявшуюся голову,—чувствовалъ пальцами, похолодѣвшими отъ наслажденія, гладкую, только что выбритую кожу, еще влажную отъ мыла цирульника, смотрѣлъ съ восторгомъ на бѣлую, какъ у молодыхъ дѣвушекъ, жирную и мягкую шею.

Мясникъ былъ неискусный палачъ. Опустивъ топоръ, онъ едва

коснулся шеи, но ударъ былъ не вѣренъ; тогда онъ во второй разъ поднялъ сѣкиру, закричавъ Скудило:

— Такъ нельзя!.. Правѣе! Держи правѣе голову!..

Галлъ затрепеталъ и завылъ отъ ужаса протяжнымъ, нечеловѣческимъ воемъ, какъ быкъ на бойнѣ, котораго не сумѣли убить съ одного удара.

Все ближе и явственнѣй раздавались крики солдатъ:

— Да здравствуетъ цезарь Галлъ!..

Мясникъ высоко поднялъ топоръ и ударилъ. Горячая кровь брызнула на руки Скудило. Голова упала и ударилась о каменный полъ.

Въ это мгновеніе легіонеры ворвались.

Барбатіонъ, Аподемъ и трибунъ щитоносцевъ бросились къ другому выходу.

Палачъ остался въ недоумѣніи, но Скудило успѣлъ шепнуть ему, чтобы онъ унесъ голову казненнаго цезаря: легіонеры не узнаютъ, кому принадлежитъ обезглавленный трупъ, а иначе они могутъ ихъ всѣхъ растерзать.

— Такъ это не воръ!..—пробормоталъ удивленный палачъ.

Не за что было ухватить гладко выбритую голову. Мясникъ сначала сунулъ ее подъ мышку. Но это показалось неудобнымъ. Тогда онъ воткнулъ въ ротъ палецъ, зацѣпилъ и такъ понесъ ту голову, чье мановеніе заставляло нѣкогда склоняться столько человѣческихъ головъ.

...Юліанъ узнавъ о смерти брата, подумалъ: «теперь очередь за мною».

XII.

Въ Аѳинахъ Юліанъ долженъ былъ принять ангельскій чинъ,—постриженіе въ монахи.

Было раннее весеннее утро. Солнце еще не восходило. Юліанъ простоялъ въ церкви заутреню и прямо отъ службы пошелъ за нѣсколько стадій, по теченію заросшаго платанами и дикимъ виноградомъ Иллиса.

Онъ любилъ уединенный уголокъ, вблизи Аѳинъ, на самомъ берегу потока, тихо шелестившаго, какъ шелкъ, по кремнистому дну. Отсюда были видны сквозь туманъ красноватыя, выжженыя скалы Акрополя, очертанія Парѳенона, едва тронутаго свѣтомъ зари.

Юліанъ снялъ обувь и босыми ногами вошелъ въ мелкія воды Иллиса. Пахло распускающимися цвѣтами мускатнаго винограда. Въ этомъ запахѣ было уже предвкусіе вина: такъ въ первыхъ мечтахъ дѣтства бываетъ предчувствіе любви.

Юліанъ сѣлъ на корни платана, не вынимая ногъ изъ воды.

Онъ открылъ «Федра» и сталъ читать. Сократъ говоритъ Федру въ діалогѣ:

«Повернемъ въ ту сторону, пойдемъ по теченію Иллиса. Мы выберемъ уединенное мѣсто, чтобы сѣсть.

Федръ. Хорошо, что я вышелъ сегодня безъ обуви. А ты, Сократъ, всегда вѣдь ходишь босикомъ. Мы можемъ идти по самому дну потока, умывая ноги. Посмотри, волна здѣсь какъ будто смѣется, она такъ чиста и прозрачна.

Сократъ. Клянусь Палладой,—вотъ чудный уголокъ!.. Должно быть, онъ посвященъ нимфамъ и рѣчному богу Ахелою, судя по этимъ маленькимъ статуямъ... Не кажется ли тебѣ, Федръ, что здѣсь вѣтерокъ особенно нѣженъ и душистъ? Здѣсь въ самомъ пѣніи цикадъ есть что-то сладостное, напоминающее лѣто. Но что больше всего мнѣ нравится, такъ это высокія травы: мы можемъ опустить на нихъ голову»...

Юліанъ съ улыбкой оглянулся. Все было по прежнему, какъ восемь вѣковъ назадъ. Цикады начинали свои пѣсни въ травѣ...

«Этой земли касались ноги Сократа!» подумалъ онъ и, спрятавъ голову въ густыя травы, поцѣловалъ древнюю, священную землю.

— Здравствуй, Юліанъ. Ты выбралъ славный уголокъ для чтенія. Можно присѣсть?

— Садись. Я радъ. Поэты не нарушаютъ уединенія.

Юліанъ взглянулъ на худенькаго человѣка въ непомѣрно длинномъ плащѣ, стихотворца Публія Оптатіана Порфирія и, невольно улыбнувшись, подумалъ: онъ такъ малъ, безкровенъ и тощъ, что въ самомъ дѣлѣ можно повѣрить, что скоро изъ человѣка превратится въ цикаду, какъ разсказывается въ миѳѣ Платона о поэтахъ.

Публій умѣлъ, подобно цикадамъ, жить почти безъ пищи, но онъ не получилъ отъ боговъ способности не чувствовать голода и жажды. Лицо его, землистаго цвѣта, давно уже не бритое, безкровныя губы сохраняли отпечатокъ голоднаго унынія.

— Отчего это, Публій, у тебя такой длинный плащъ? — спросилъ Юліанъ.

— Чужой,—отвѣтилъ поэтъ съ философскимъ равнодушіемъ,—т. е. пожалуй и мой, да на время. Я, видишь-ли, нанимаю комнату съ однимъ молодымъ человѣкомъ, Гефестіономъ, изучающимъ въ Аѳинахъ краснорѣчіе. Онъ будетъ когда-нибудь превосходнымъ адвокатомъ. Пока—бѣденъ, какъ я, бѣденъ, какъ лирическій поэтъ, — этимъ все сказано!.. Мы заложили платье, мебель, даже чернильницу... Остался одинъ плащъ на двоихъ. Утромъ я выхожу, Гефестіонъ изучаетъ Демосѳена, вечеромъ онъ одѣваетъ хламиду, а я дома сочиняю стихи. Къ сожалѣнію, Гефестіонъ высокаго, а я низенькаго роста. Но дѣлать нечего. Я хожу длинно-одѣяннымъ, подобно древнимъ Троянкамъ.

Публій Оптатіанъ разсмѣялся, и землистое лицо его напомнило лицо развеселившагося похороннаго плакальщика.

— Видишь-ли, Юліанъ,—продолжалъ поэтъ,—я надѣюсь на смерть богатѣйшей вдовы римскаго откупщика. Счастливые наслѣдники закажутъ мнѣ эпитафію и щедро заплатятъ. Къ сожалѣнію, вдова упрямая и здоровая: несмотря на усилія докторовъ и наслѣдниковъ, не хочетъ умирать. А то я уже давно купилъ-бы себѣ плащъ... — Послушай, Юліанъ,—пойдемъ сейчасъ со мною.

— Куда?

— Довѣрься мнѣ!... Ты будешь благодаренъ.

— Что за тайны?

— Не лѣнись, не спрашивай, вставай и пойдемъ. Поэтъ не сдѣлаетъ зла другу поэтовъ. Увидишь богиню...

— Какую богиню?

— Артемиду Охотницу.

— Картину? Статую?

— Лучше картины и статуи. Если любишь красоту, бери плащъ и слѣдуй за мной!...

У стихотворца былъ такой забавно-таинственный видъ, что Юліанъ почувствовалъ любопытство, всталъ, одѣлся и пошелъ за нимъ.

— Условіе—ничего не говорить и не удивляться. А то очарованіе исчезнетъ. Во имя Калліопе и Эрато,—довѣрься мнѣ! Здѣсь два шага. Чтобы не было скучно по пути, я прочту начало эпитафіи моей откупщицѣ.

Они вышли на пыльную дорогу. Въ первыхъ лучахъ солнца мѣдный щитъ Аѳины Промахосъ сверкалъ молніей надъ порозовѣвшимъ Акрополемъ, конецъ ея тонкаго копья теплился, какъ зажженая свѣча, въ лазури.

Цикады вдоль каменныхъ оградъ, за которыми журчали воды подъ кущами фиговыхъ деревьевъ, пѣли пронзительно, какъ будто соперничая съ охрипшимъ, но вдохновеннымъ голосомъ поэта, читавшаго эпитафію.

Публій Оптатіанъ Порфирій былъ человѣкъ не лишенный дарованія. Но жизнь его сложилась очень странно. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ имѣлъ хорошенькій домикъ, «настоящій храмъ Гермеса» въ Константинополѣ, недалеко отъ Халкедонскаго предмѣстія. Отецъ, торговецъ оливковымъ масломъ, оставилъ ему небольшое состояніе, которое позволило бы Оптатіану жить безбѣдно. Но кровь въ немъ кипѣла. Поклонникъ древняго эллинизма возмущался тѣмъ, что называлъ «торжествомъ христіанскаго рабства». Однажды онъ написалъ вольнолюбивое стихотвореніе, не понравившееся императору Констанцію.

Констанцій счелъ бы стихи за поэтическій вздоръ. Но въ нихъ былъ намекъ на особу императора. Этого онъ простить не могъ. Кара обрушилась на сочинителя. Домикъ его и все имущество конфисковали, самого сослали на дикій островокъ Архипелага. На островкѣ не было ничего, кромѣ скалъ, козъ и лихорадокъ. Оптатіанъ не вынесъ испы-

танія, проклялъ вольнолюбивыя мечты и рѣшился во что-бы то ни стало загладить грѣхъ.

Въ безсонныя ночи, томимый лихорадкой, написалъ онъ на своемъ островѣ поэму въ прославленіе императора «центонами» изъ Виргилія: отдѣльные стихи древняго поэта соединялись такъ, что выходило новое произведеніе. Этотъ головоломный фокусъ понравился при дворѣ. Оптатіанъ угадалъ духъ вѣка.

Тогда онъ приступилъ къ еще болѣе удивительнымъ фокусамъ. Онъ написалъ диѳирамбъ Констанцію стихами различной длины, такчто строки образовали цѣлыя фигуры, напр. многоствольную пастушью флейту, гидравлическій органъ, жертвенный алтарь, при чемъ дымъ былъ изображенъ въ видѣ нѣсколькихъ неравныхъ коротенькихъ строчекъ надъ алтаремъ. Чудомъ ловкости были квадратныя поэмы, состоявшія изъ 20 или 40 гекзаметровъ. Нѣкоторыя буквы выводились красными чернилами: при соединеніи, красныя буквы, внутри квадратовъ, изображали то монограмму Христа, то цвѣтокъ, то арабескъ,—при чемъ выходили новыя строки съ новыми комплиментами. Наконецъ послѣдніе четыре гекзаметра въ книгѣ могли читаться на 18 различныхъ ладовъ, съ конца, съ начала, съ середины, съ боку, съ верху, съ низу и т. д. какъ ни читай,—все выходила похвала императору.

Бѣдный сочинитель едва не сошелъ съ ума отъ этой нечеловѣческой работы. Зато побѣда была полная. Констанцій пришелъ въ восторгъ. Ему казалось, что Оптатіанъ затмилъ поэтовъ древности. Императоръ собственноручно написалъ ему письмо, увѣряя, что всегда готовъ покровительствовать поэзіи. «Въ нашъ вѣкъ,—заключалъ онъ не безъ пышности,—за всякимъ, кто пишетъ стихи, мое благосклонное вниманіе слѣдуетъ, какъ тихое вѣяніе зефировъ». Впрочемъ, поэту не возвратили конфискованнаго имущества. Ему дали только немного денегъ, позволивъ уѣхать съ проклятаго острова и поселиться въ Аѳинахъ.

Здѣсь онъ велъ невеселую жизнь. Помощникъ младшаго конюха въ циркѣ жилъ въ сравненіи съ нимъ роскошно. Поэту приходилось сторожить по цѣлымъ днямъ въ переднихъ тщеславныхъ и полуграмотныхъ вельможъ, вмѣстѣ съ гробовщиками, торговцами-евреями и устроителями свадебныхъ процессій, чтобы получить заказъ на эпиталаму, эпитафію или любовное посланіе. Платили гроши. Но Порфирій не унывалъ, надѣясь, что когда-нибудь поднесетъ императору такой фокусъ, что его простятъ окончательно.

Юліанъ чувствовалъ, что, несмотря на все униженіе Порфирія, въ немъ не потухла любовь къ Элладѣ. Онъ былъ тонкимъ цѣнителемъ греческой поэзіи. Юліанъ охотно съ нимъ бесѣдовалъ.

Они свернули съ большой дороги и подошли къ высокой каменной стѣнѣ палестры.

Кругомъ было пустынно. Два черныхъ ягненка щипали траву. У запертыхъ воротъ, гдѣ изъ щелей крылечныхъ ступеней росли маки и одуванчики, стояла колесница, запряженная двумя бѣлыми конями. Гривы у нихъ были стрижены, какъ у лошадей на барельефахъ.

За ними присматривалъ рабъ, старичокъ съ яйцевидной трясущейся лысой головой, едва подернутой сѣдымъ пухомъ.

Старичокъ оказался глухонѣмымъ, но любезнымъ. Онъ узналъ Оптатіана и ласково закивалъ ему головой, указывая на запертыя ворота палестры.

— Дай кошелекъ на минуту—сказалъ Оптатіанъ спутнику. Я возьму динарій или два на вино этому старому шуту.

Онъ бросилъ монету, и съ раболѣпными гримасами и мычаніемъ нѣмой открылъ передъ ними двери.

Они вошли въ полутемный длинный перистиль.

Между колоннами виднѣлись такъ называемыя «ксисты»,—галлереи предназначенныя для упражненія атлетовъ. На ксистахъ не было песку: онѣ поросли травой. Друзья вступили въ широкій внутренній портикъ.

Любопытство Юліана было возбуждено всей этой таинственностью. Оптатіанъ велъ его за руку, не говоря ни слова.

Во второй портикъ выходили двери «экзэдръ»,—крытыхъ мраморныхъ залъ, служившихъ нѣкогда аудиторіями для аѳинскихъ мудрецовъ и ораторовъ. Полевыя цикады стрекотали тамъ, гдѣ раздавались въ былые дни рѣчи славныхъ мужей. Надъ сочными, какъ будто могильными травами рѣяли пчелы. Царила тишина и грусть. Вдругъ откуда-то послышался женскій голосъ, ударъ, должно быть, мѣднаго диска по мрамору, и смѣхъ.

Подкрадываясь, какъ воры, они спрятались въ полумракѣ между колоннами въ отдѣленіи «элеоѳезіонъ» гдѣ древніе атлеты, во время гимнастическихъ игръ, умащались елеемъ.

Изъ-за колоннъ виднѣлась продолговатая, четвероугольная площадь «эфебэонъ», подъ открытымъ небомъ, предназначавшаяся для игры въ мячъ и метанія диска. Она была усыпана, должно быть недавно, ровнымъ пескомъ.

Юліанъ взглянулъ и невольно отступилъ.

Въ двадцати шагахъ стояла молодая дѣвушка, совершенно голая. Онъ увидѣлъ съ головы до ногъ все ея прекрасное и цѣломудренное тѣло. Она держала мѣдный дискъ въ рукѣ.

Юліанъ сдѣлалъ быстрое движеніе, чтобы уйти, но въ наивныхъ глазахъ Оптатіана, въ его блѣдномъ, исхудаломъ лицѣ было столько благоговѣнія, что Юліанъ понялъ, зачѣмъ поклонникъ Эллады привелъ его сюда, почувствовалъ, что ни одной грѣшной мысли не могло родиться въ душѣ поэта. Восторгъ его былъ священный. Оптатіанъ прошепталъ на ухо спутнику, крѣпко схвативъ его за руку:

— Юліанъ, смотри, мы теперь—въ древней Лаконіи, девять вѣковъ назадъ. Ты помнишь стихи Проперція: *Ludi Laconum.*

И онъ шепталъ ему чуть слышнымъ вдохновеннымъ шопотомъ:

Multa tuae, Sparte, miramur jura palestrae.
Sed mage virginei tot bona gymnasii;
Quod non infames exerceret corpore ludos
Inter luctantes nuda puella viros!

«Спарта! Мы дивимся многимъ законамъ твоихъ гимнастическихъ игръ, но болѣе всѣхъ, — дѣвственной палестрѣ: ибо твои нагія дѣвы, среди мужей-борцовъ, предаются небезславнымъ играмъ».

— Кто это?—спросилъ Юліанъ.

— Не знаю, я не хотѣлъ узнавать...

— Хорошо. Молчи...

Теперь онъ смотрѣлъ прямо и жадно на метательницу диска, уже не стыдясь и чувствуя, что не должно, не мудро стыдиться.

Она отступила на нѣсколько шаговъ, наклонилась, и выставивъ лѣвую ногу, закинувъ правую руку съ дискомъ, сильнымъ движеніемъ всего тѣла размахнулась и такъ высоко подбросила мѣдный кругъ, что онъ засверкалъ на восходящемъ солнцѣ и падая, звонко ударился о подножіе дальней колонны. Юліану казалось, что передъ нимъ—древняя Фидіева статуя.

— Это былъ лучшій ударъ—сказала двѣнадцатилѣтняя дѣвочка въ блестящей туникѣ, стоявшая у колонны.

— Мирра, дай дискъ—проговорила метательница.—Я могу бросить выше—увидишь. Мероэ, отойди въ сторону, а то я тебя раню, какъ Аполлонъ—Гіацинта...

Мероэ, старая рабыня — египтянка, судя по пестрой одеждѣ и смуглому лицу, приготовляла въ алебастровыхъ амфорахъ благовонія для ванны. Юліанъ понялъ, что нѣмой рабъ и колесница съ бѣлыми конями принадлежатъ этимъ любительницамъ лаконійскихъ игръ.

Кончивъ метаніе диска, она взяла отъ блѣдной, черноокой Мирры изогнутый лукъ, колчанъ и вынула длинную пернатую стрѣлу. Дѣвушка мѣтила въ черный кругъ, служившій цѣлью на противоположномъ концѣ эфебэона. Тетива зазвенѣла. Стрѣла порхнула со свистомъ и ударилась въ цѣль, потомъ—вторая и третья.

— Артемида Охотница!..—прошепталъ Оптатіанъ.

Вдругъ нѣжный розовый лучъ восходящаго солнца, проскользнувъ между колоннами, упалъ въ лицо и на невысокую, почти отроческую грудь дѣвушки.

Отбросивъ стрѣлы и лукъ, ослѣпленная, она закрыла лицо руками.

Ласточки съ крикомъ проносились надъ палестрой и тонули въ небѣ.

Она открыла лицо. закинувъ руки надъ головой. Волосы ея на концахъ были блѣдно-золотые, какъ желтый медъ на солнцѣ, съ болѣе темнымъ рыжеватымъ оттѣнкомъ у корней. Губы полуоткрылись съ улыбкой дѣтской радости. Солнце скользило по голому тѣлу ниже и ниже. Она стояла, чистая, облеченная свѣтомъ и красотой, какъ самыми цѣломудренными изъ одеждъ.

— Мирра!—задумчиво и медленно проговорила дѣвушка,—посмотри, какое небо! Хотѣлось-бы броситься и потонуть съ крикомъ, какъ ласточки. Помнишь, мы говорили, что нельзя быть людямъ счастливыми, потому что у нихъ нѣтъ крыльевъ. Когда смотришь на птицъ,— завидно. Надо быть легкой, совсѣмъ голой, Мирра, — вотъ, какъ я теперь,—и глубоко, глубоко въ небѣ, и чувствовать, что это навсегда, что больше ничего не будетъ и не можетъ быть, кромѣ неба и солнца— вокругъ легкаго, свободнаго и голаго тѣла!..

Вся выпрямившись, подымая руки къ небу, она вздохнула тяжело и грустно, какъ вздыхаютъ о томъ, что навѣки утрачено.

Солнце опускалось ниже и ниже; оно достигло ея бедръ уже пламенѣвшею лаской. Тогда дѣвушка вздрогнула, и ей сдѣлалось стыдно, словно кто-то живой и страстный увидѣлъ ее: она заслонила одной рукой грудь, другой—чресла, вѣчнымъ, стыдливымъ движеніемъ, какъ Афродита Книдская.

— Мероэ, скорѣе одежду, Мероэ!.. вскрикнула она, оглядываясь большими испуганными глазами.

Юліанъ не помнилъ, какъ вышелъ изъ палестры. Сердце его горѣло. Лицо у поэта было торжественное и грустное, какъ у человѣка, только что вышедшаго изъ храма.

— Ты не сердишься?—спросилъ онъ Юліана.

— О нѣтъ... За что?

— Можетъ быть для христіанина—искушеніе?..

— Искушенія не было. Развѣ ты не понимаешь?..

— Да, да... Я такъ и думалъ.

Они вышли опять на пыльную, уже знойную дорогу и направились къ Аѳинамъ.

Оптатіанъ продолжалъ тихо, какъ будто про себя:

— О, какіе мы теперь — стыдливые и уродливые. Мы боимся угрюмой и жалкой наготы своей, прячемъ ее, потому что чувствуемъ себя безобразными и нечистыми. А прежде!.. Вѣдь все это когда-то было, Юліанъ!.. Спартанскія дѣвушки выходили на палестру, голыя, гордыя, передъ всѣмъ народомъ. И никто не боялся искушенія. Чистые смотрѣли на чистыхъ. Они были, какъ дѣти, какъ боги. И знать, что этого больше никогда не будетъ, не повторится на землѣ эта воля и чистота, и радость жизни,—никогда!..

Оптатіанъ опустилъ голову на грудь и тяжело вздохнулъ. Они вышли на улицу Треножниковъ. Недалеко отъ Акрополя друзья разстались, молча.

Юліанъ вошелъ въ тѣнь Пропилеевъ. Онъ миновалъ Стоа Пойкило съ картинками Парразія, изображавшими битвы Мараѳона и Саламина; потомъ, мимо маленькаго храма Безкрылой Побѣды, приблизился къ Парѳенону.

Ему стоило только закрыть глаза, чтобъ видѣть голое, прекрасное тѣло Артемиды Охотницы. Когда онъ открывалъ ихъ, мраморъ Парѳенона подъ солнцемъ казался живымъ и золотистымъ, какъ тѣло богини.

И передъ всѣми, презирая смерть, ему хотѣлось обнять руками этотъ теплый мраморъ, согрѣтый солнцемъ, и цѣловать его, какъ святыню.

Недалеко отъ него стояли два молодыхъ человѣка въ темныхъ одеждахъ съ блѣдными, строгими лицами, Григорій изъ Назіанза и Василій изъ Цезареи. Эллины боялись ихъ, какъ самыхъ сильныхъ враговъ. Христіане надѣялись, что два друга будутъ великими учителями церкви. Они смотрѣли на Юліана.

— Что съ нимъ сегодня?—сказалъ Григорій.—Развѣ это—монахъ?.. Какія движенія? Какъ онъ закрываетъ глаза! Какая улыбка!.. Неужели ты вѣришь въ его благочестіе, Василій?

— Я видѣлъ самъ, онъ молился въ церкви... плакалъ...

— Лицемѣрье!

— Зачѣмъ-же онъ ходитъ къ намъ, ищетъ нашей дружбы, толкуетъ Писаніе?..

— Смѣется, или хочетъ соблазнить. Не вѣрь ему. Это—Искуситель. Помни, братъ мой, римская имперія питаетъ въ семъ юношѣ великое зло. Это—Врагъ.

Друзья пошли рядомъ, опустивъ глаза. Ихъ не плѣняли ни строгія дѣвы-каріатиды Эрехтейона, ни смѣющійся въ лазури, бѣлый храмъ Никэ Аптеры, ни Пропилеи, ни величайшая красота на землѣ—Парѳенонъ. Лица ихъ были угрюмы. Они желали одного—разрушить всѣ эти капища Демоновъ.

Солнце бросало отъ монаховъ—Григорія Назіанзинина и Василія Цезарейскаго двѣ длинныя черныя тѣни на мраморъ Парѳенона.

— Я хочу ее видѣть—думалъ Юліанъ,—я долженъ знать, кто она!

XIII.

— Боги для того послали смертныхъ въ міръ, чтобы они красиво говорили.

— Чудесно! Чудесно сказано, Мамертинъ!.. Повтори, пока не забылъ: я запишу вмѣстѣ съ другими твоими изреченіями,—просилъ мод-

наго аѳинскаго адвоката Мамертина другъ и благоговѣйный поклонникъ его, учитель краснорѣчія Лампридій. Онъ вынулъ двустворчатыя восковыя дощечки изъ кармана и заостренную стальную палочку, приготовляясь записывать.

— Я говорю, началъ опять Мамертинъ, съ кокетливой улыбкой оглядывая собесѣдниковъ, возлежавшихъ за ужиномъ,—я говорю:— «люди посланы богами»...

— Нѣтъ, нѣтъ, ты не такъ сказалъ Мамертинъ, — перебилъ его Лампридій,—ты сказалъ гораздо лучше:—«боги послали смертныхъ».

— Ну да, я сказалъ: боги послали смертныхъ въ міръ только для того, чтобы они красиво говорили.

— Ты теперь прибавилъ слово «только»: такъ еще лучше... «Только для того»...

И Лампридій съ благоговѣніемъ записывалъ слова адвоката, какъ изреченіе оракула.

Это былъ дружескій литературный ужинъ, который давалъ недалеко отъ Пирея, на виллѣ своей молодой и богатой воспитанницы Арсинои, старый почтенный римскій сенаторъ Гортензій.

Мамертинъ въ тотъ самый день произнесъ знаменитую рѣчь въ защиту банкира Варнавы. Никто не сомнѣвался, что еврей Варнава— мошенникъ. Но, не говоря уже о непобѣдимомъ краснорѣчіи адвоката, онъ обладалъ такимъ голосомъ, что одна изъ безчисленныхъ влюбленныхъ въ него поклонницъ увѣряла: «я никогда не слушаю словъ Мамертина, мнѣ не нужно знать, что и о комъ онъ говоритъ. Я упиваюсь только звукомъ голоса. Особенно, когда онъ замираетъ на концѣ фразы,—это что-то невѣроятное: уже не голосъ человѣка, а божественный нектаръ, вздохи эоловой арфы!» Хотя простые грубые люди называли ростовщика Варнаву «кровопійцей, поѣдающимъ имѣнія вдовъ и сиротъ», аѳинскіе судьи, конечно, съ восторгомъ оправдали мамертинова кліента. Адвокатъ получилъ отъ еврея пятьдесятъ тысячъ сестерцій и за маленькимъ изящнымъ праздникомъ, который давался въ его честь Гортензіемъ, былъ въ ударѣ. Но онъ имѣлъ привычку притворяться больнымъ, требуя, чтобы его непрестанно лелѣяли.

— Ахъ, я такъ усталъ сегодня, друзья мои,—проговорилъ онъ жалобнымъ голосомъ.—Совсѣмъ боленъ... Гдѣ-же Арсиноя?...

— Сейчасъ придетъ. Арсиноя только что получила изъ Музея Александрійскаго новый физическій приборъ: она имъ очень занята. Но я велю позвать,—предложилъ Гортензій.

— Нѣтъ, не надо—проговорилъ адвокатъ небрежно.—Не надо... Но какой вздоръ! Молодая дѣвушка—и физика!... Что можетъ быть общаго?... Еще Аристофанъ и Еврипидъ смѣялись надъ учеными женщинами... И по дѣломъ! Капризница—твоя Арсиноя, Гортензій!... Если

бы она не была такъ очаровательна, право, со своей скульптурой и математикой она казалась-бы...

Онъ не докончилъ и оглянулся на открытое окно.

— Что-же дѣлать,—отвѣчалъ Гортензій, — балованный ребенокъ... Сирота, ни отца, ни матери. Я вѣдь только опекунъ и не хочу стѣснять ее ни въ чемъ...

— Да, да...

Адвокатъ уже не слушалъ онъ былъ з анятъ собой.

— Друзья мои, чувствую...

— Что такое?... проговорило нѣсколько голосовъ озабоченно.

— Я чувствую... Мнѣ кажется... сквознякъ...

— Хочешь затворимъ ставни?—предложилъ хозяинъ.

— Нѣтъ, не надо. Будетъ душно. Но я такъ утомилъ сегодня свой голосъ. Послѣ завтра у меня опять защита. Дайте нагрудникъ и коврикъ подъ ноги. Я боюсь, что охрипну отъ ночной свѣжести.

Гефестіонъ, молодой человѣкъ, тотъ самый который жилъ съ поэтомъ Оптатіаномъ, ученикъ Лампридія и самъ Лампридій бросились со всѣхъ ногъ, чтобы подать Мамертину нагрудникъ.

Это былъ красиво вышитый кусокъ пушистой бѣлой шерсти, съ которымъ адвокатъ никогда не разлучался, чтобы, при малѣйшей опасности простуды, обертывать имъ свое драгоцѣнное горло.

Мамертинъ ухаживалъ за собою, какъ любовникъ за избалованной женщиной. Всѣ къ этому привыкли. Онъ любилъ себя съ такою наивною граціей, съ такою трогательною нѣжностью, что и другихъ людей невольно заставлялъ любить себя.

— Этотъ нагрудникъ вышивала мнѣ матрона Фабіола — сообщилъ онъ съ улыбкой.

— Жена римскаго сенатора?—спросилъ Гортензій.

— Да. Я разскажу вамъ про нее анекдотъ. Однажды написалъ я небольшое письмецо—правда, довольно изящное,—но конечно,—пустякъ, пять строкъ по гречески,—другой дамѣ, тоже моей поклонницѣ, которая прислала мнѣ корзину съ великолѣпными вишнями. Я благодарилъ шутливо, подражая слогу Плинія. Но представьте себѣ, друзья мои: Фабіолѣ такъ захотѣлось поскорѣе прочесть мое письмо и переписать въ коллекцію, что она отправила двухъ рабовъ на дорогу сторожить моего посланнаго. И вотъ на него нападаютъ ночью въ дикомъ ущельи: онъ думаетъ—разбойники, но ему не дѣлаютъ никакого зла, даютъ денегъ, отнимаютъ письмо,—и Фабіола прочла таки первая и даже выучила его наизусть!

— Какже, знаю, знаю!.. О, это—замѣчательная женщина,—подхватилъ Лампридій,—я видѣлъ самъ, всѣ твои письма лежатъ у нея въ рѣзной шкатулкѣ изъ лимоннаго дерева, какъ настоящія драгоцѣн-

ности. Она учитъ ихъ наизусть и увѣряетъ, что они — лучше всякихъ стиховъ. Фабіола разсуждаетъ по моему справедливо: «если Александръ Великій хранилъ поэмы Гомера въ кедровомъ ящикѣ, почему-же я не могу хранить писемъ Мамертина въ драгоцѣнной шкатулкѣ»?

— Друзья мои, эта гусиная печенка подъ шафраннымъ соусомъ— чудо совершенства!.. Совѣтую попробовать. Кто ее готовилъ, Гортензій?

— Старшій поваръ Дедалъ.

— Слава ему! Твой поваръ Дедалъ—истинный поэтъ.

— Ты увлекаешься гусиной печенкой, любезный Гаргиліанъ,— можно-ли назвать повара—поэтомъ?—усомнился съ педантичной улыбкой учитель краснорѣчія,—не оскорбляешь-ли ты этимъ божественныхъ музъ, нашихъ покровительницъ?

— Музы должны быть польщены, Лампридій. Я утверждаю и всегда буду утверждать, что гастрономія — такое-же высокое искусство, какъ всякое другое. Пора оставить предразсудки!

Гаргиліанъ, римскій чиновникъ изъ канцеляріи префекта, былъ тучный, упитанный человѣкъ, съ тройнымъ кадыкомъ, тщательно выбритымъ и надушеннымъ, съ коротко остриженными сѣдыми волосами, сквозь которые просвѣчивали багровыя складки жира, съ умнымъ и родовитымъ лицомъ. Онъ считался уже много лѣтъ необходимымъ участникомъ всѣхъ изящныхъ литературныхъ собраній въ Аѳинахъ. Гаргиліанъ любилъ въ жизни только двѣ вещи: хорошій столъ и хорошій стиль. Гастрономія и литература сливались для него въ одно наслажденіе.

— Положимъ, я беру устрицу,—ораторствовалъ онъ, поднося ко рту раковину своими жирными, красивыми пальцами, покрытыми громадными аметистами и рубинами.

— Я беру устрицу и глотаю...

Онъ проглотилъ, зажмуривъ глаза, и слегка причмокнулъ верхней губой. У губы этой было особенное, лакомое и даже немного хищное выраженіе. Выдающаяся впередъ, заостренная, изогнутая, она казалась чѣмъ то въ родѣ маленькаго хоботка. Оцѣнивая звучный стихъ Анакреона или Мосха, онъ шевелилъ этой лакомой губой такъ же сладострастно, какъ за ужиномъ, когда наслаждался соусомъ изъ соловьиныхъ язычковъ.

— Глотаю и сейчасъ-же чувствую—продолжалъ Гаргиліанъ не торопясь, серьезно,—чувствую, устрица—съ береговъ Британіи, да, а отнюдь, друзья мои, не остійская и не тарентская. Хотите, я закрою глаза и сразу отличу, изъ какого именно моря—устрица или рыба?..

— Но при чемъ-же тутъ поэзія?—нѣсколько нетерпѣливо перебилъ его Мамертинъ, которому не нравилось, когда въ его присутствіи слушали другого.

— Представьте же себѣ, друзья мои,—продолжалъ гастрономъ невозмутимо,—что я давно уже не былъ на берегу океана и люблю его,

и тоскую по немъ. Могу васъ увѣрить,—у хорошей устрицы есть такой соленый, свѣжій запахъ моря, что достаточно проглотить ее, чтобы вообразить себя на берегу океана. Закрываю глаза и вижу волны, вижу скалы, чувствую вѣяніе моря «туманнаго», по выраженію Гомера. Нѣтъ, вы только скажите мнѣ по совѣсти, ну, какой стихъ изъ Одиссеи пробудитъ во мнѣ съ такою ясностью поэзію моря, какъ запахъ свѣжей устрицы?.. Или, положимъ, я разрѣзаю персикъ, пробую благовонный сокъ. Отчего—скажите мнѣ—запахъ фіалки и розы поэтичнѣе вкуса персика? Поэты описываютъ формы, цвѣта, звуки. Почему вкусъ не можетъ быть такъ-же прекрасенъ, какъ цвѣтъ, звукъ или форма? Предразсудокъ, друзья мои, предразсудокъ! Вкусъ—величайшій и еще непонятный даръ боговъ. Соединеніе вкусовъ образуетъ высокую и утонченную гармонію, какъ соединеніе звуковъ. Я утверждаю, что есть десятая Муза—Муза Гастрономіи.

— Ну, персики, устрицы, куда ни шло,—возразилъ учитель краснорѣчія.—Но какая можетъ быть гармонія или красота въ гусиной печенкѣ подъ шафраннымъ соусомъ?

— А для тебя вѣдь есть красота, Лампридій, не только въ идиліяхъ Ѳеокрита, а и въ самыхъ грубыхъ комическихъ стихахъ Плавта, въ площадныхъ шуткахъ его рабовъ?

— Есть, пожалуй.

— Видишь, другъ мой, а для меня есть особенная гастрономическая поэзія и въ гусиной печенкѣ. Воистину я готовъ вѣнчать за нее Дедала лавровымъ вѣнкомъ, такъ-же какъ Пиндара за олимпійскую оду.

Въ дверяхъ появились два новыхъ гостя. То былъ Юліанъ и стихотворецъ Публій. Гортензій уступилъ Юліану почетное мѣсто. Голодные глаза Публія загорѣлись, при видѣ множества лакомыхъ блюдъ. Поэтъ былъ въ новой хламидѣ, которая приходилась ему въ пору. Должно быть, откупщица умерла, и онъ получилъ гонораръ за эпитафію.

Бесѣда продолжалась.

Теперь учитель краснорѣчія Лампридій разсказывалъ, какъ онъ изъ любопытства зашелъ однажды въ Римѣ послушать христіанскаго проповѣдника, говорившаго «противъ языческихъ грамматиковъ». Грамматики,—увѣрялъ христіанинъ,—почитаютъ людей не за добродѣтель, а за хорошій стиль. Они думаютъ, что менѣе преступно убить человѣка, чѣмъ произнести слово «homo» съ невѣрнымъ придыханіемъ. Лампридій возмущался этими насмѣшками. Онъ утверждалъ, что христіанскіе проповѣдники такъ ненавидятъ хорошій стиль риторовъ, потому что знаютъ, что у нихъ самихъ—стиль варварскій. Они губятъ древнее краснорѣчіе, смѣшиваютъ безграмотность съ добродѣтелью. Для нихъ подозрителенъ всякій, кто умѣетъ говорить. По мнѣнію Лампридія,—въ тотъ

день, когда погибнетъ краснорѣчіе,—погибнетъ Эллада и Римъ, люди превратятся въ безсловесныхъ звѣрей. И церковные проповѣдники съ ихъ варварскимъ стилемъ дѣлаютъ все, чтобы довести людей до такого бѣдствія.

— Кто знаетъ?—замѣтилъ Мамертинъ въ раздумьи,—можетъ быть, хорошій стиль важнѣе добродѣтели. Добродѣтельны бываютъ и рабы, и варвары, и глупые люди!..

Гефестіонъ объяснялъ своему сосѣду, Юнію Маврику, что именно значитъ совѣтъ Цицерона: «causam mendaciunculis adspergere»:

— Mendaciunculis—это значитъ «маленькія лжи». Цицеронъ позволяетъ и даже совѣтуетъ, такъ сказать, усѣевать, усыпать рѣчь выдумками, mendaciunculis. Онъ допускаетъ ложь, если она украшаетъ стиль оратора.

Тогда завязался общій жаркій споръ о томъ, какъ слѣдуетъ оратору начинать рѣчь съ анапеста или съ дактиля.

Юліану было скучно.

Всѣ обратились къ нему, спрашивая его мнѣнія относительно дактилей и анапестовъ.

Онъ откровенно признался, что объ этомъ никогда не думалъ и полагаетъ, что оратору слѣдуетъ болѣе заботиться о мудромъ содержаніи рѣчи, чѣмъ о такихъ ничтожныхъ подробностяхъ внѣшняго стиля.

Мамертинъ, Лампридій, Гефестіонъ вознегодовали. По ихъ мнѣнію, содержаніе рѣчи — безразлично. Оратору должно быть все равно говорить за или противъ. Не только смыслъ имѣетъ мало значенія, но даже сочетаніе словъ—второстепенное дѣло, главное — звуки, мелодія рѣчи, новыя музыкальныя сочетанія буквъ. Надо, чтобы и варваръ, который ни слова не понимаетъ по гречески, чувствовалъ прелесть оратора.

— Сейчасъ я приведу два латинскихъ стиха Проперція,—сказалъ Гаргиліанъ,—вы увидите, что значатъ звуки въ поэзіи, и какъ ничтоженъ смыслъ. Слушайте:

Et Veneris dominae volucres, mea turba, columbae
Tinguunt Gorgoneo punica rostra lacu.

Какое очарованіе! Каждая буква поетъ!.. Что мнѣ за дѣло до смысла? Вся красота—въ звукахъ, въ подборѣ гласныхъ и согласныхъ!.. За эти звуки я отдалъ-бы гражданскую добродѣтель Ювенала, философію Лукреція. Нѣтъ, вы только обратите вниманіе, какая сладость въ этомъ журчаніи:

Et Veneris dominae, mea turba, columbae!..

И онъ причмокнулъ верхней губой съ чувственнымъ упоеніемъ.

Всѣ повторяли два стиха Проперція, не могли насытиться ихъ прелестью. Глаза у нихъ загорѣлись. Они другъ друга возбуждали къ литературной оргіи.

— Вы только послушайте,—шепталъ Мамертинъ своимъ мягкимъ, замирающимъ голосомъ, похожимъ на Эолову арфу: «tinguunt Gorgoneo»...

— Tinguunt Gorgoneo!.. повторялъ чиновникъ префекта, — клянусь Палладой: самому нёбу пріятно, какъ будто глотаешь густую, теплую струю вина, смѣшаннаго съ аттическимъ медомъ:

Tinguunt Gorgoneo...

Замѣтьте, сколько подрядъ буквъ «g», — это воркованіе горлицы. И дальше:

. . . punica rostra lacu...

— Удивительно, неподражаемо! — шепталъ Лампридій, закрывая глаза отъ наслажденія.

Юліану было немного стыдно и забавно смотрѣть на это сладострастное опьяненіе звуками.

— Надо, чтобы слова были слегка безсмысленны — заключилъ Лампридій съ важностью,—чтобы они текли, журчали, пѣли, не задѣвая ни слуха, ни сердца, — тогда только возможно полное наслажденіе красотой.

Въ дверяхъ, на которыя все время смотрѣлъ Юліанъ, словно ожидая кого-то, — неслышно, никѣмъ не замѣченная, появилась, какъ тѣнь, бѣлая, стройная фигура.

Ставни были широко открыты. Въ комнату падалъ чистый лунный свѣтъ и смѣшивался съ краснымъ отблескомъ свѣтильниковъ на мозаикѣ пола, блестѣвшаго, какъ зеркало, на стѣнахъ съ фресками, изображавшими соннаго Эндиміона подъ лаской Луны.

Бѣлое видѣніе не двигалось, какъ изваяніе. Древне-аоинскій пеплумъ, изъ мягкой серебристой шерсти, падалъ длинными, прямыми складками, удержанный подъ грудью тонкимъ поясомъ. Лунный свѣтъ озарялъ пеплумъ. Лицо оставалось въ полумракѣ. Вошедшая смотрѣла на Юліана, Юліанъ смотрѣлъ на нее. Они улыбались другъ другу, зная, что эта улыбка не замѣчена никѣмъ. Она положила палецъ на губы и прислушивалась къ тому, что говорили за столомъ.

Вдругъ Мамертинъ, который оживленно разсуждалъ съ Лампридіемъ о грамматическихъ отличіяхъ перваго и второго аориста, воскликнулъ:

— Арсиноя! Наконецъ-то!.. Ты рѣшилась для насъ покинуть физическій приборъ и статуи.

Она вошла и съ простою улыбкой привѣтствовала всѣхъ. Это была та самая метательница диска, которую, мѣсяцъ тому назадъ, Юліанъ видѣлъ въ покинутой палестрѣ. Стихотворецъ Публій Оптатіанъ, знавшій все и всѣхъ въ Аоинахъ, познакомился съ Гортензіемъ и Арсиноей и ввелъ Юліана въ ихъ домъ.

Отецъ Арсинои, старый римскій сенаторъ Гельвидій Прискъ умеръ въ послѣдніе годы царствованія Константина Великаго. Двухъ дочерей, отъ одной германской плѣнницы, — Арсиною и Мирру, Гельвидій, умирая, оставилъ на попеченіе старому другу сенатору Квинту Гортензію, уважаемому имъ за любовь къ древнему Риму и ненависть къ христіанству. Дальній родственникъ Арсинои, обладатель огромныхъ фабрикъ пурпура въ Сидонѣ, завѣщалъ ей несмѣтныя богатства.

Ее окружала толпа поклонниковъ. По тому, какъ она одѣвалась, причесывалась, держала себя съ безукоризненной простотой, можно было принять ее за настоящую гречанку, древняго типа, какихъ оставалось уже немного. Но въ неправильныхъ чертахъ ея лица видна была новая германская кровь.

Христіанскія добродѣтели и патріархальные семейные нравы великаго Рима казались ей одинаково ненавистными. Образы такихъ свободныхъ женщинъ, какъ Аспазія, Клеопатра, Сафо, плѣняли ее съ дѣтства. Однажды, къ немалому ужасу Гортензія, семнадцатилѣтняя воспитанница его объявила простодушно, что скорѣе согласилась-бы сдѣлаться гетерой, красивой и свободной, чѣмъ матерью семейства, рабою мужа, «какъ всѣ». Эти два слова «какъ всѣ» наводили на нее скуку и отвращеніе.

Одно время Арсиноя увлекалась естественными науками и работала въ Александрійскомъ Музеѣ у знаменитыхъ ученыхъ. Ее плѣняла атомистическая теорія Эпикура, Демокрита, Лукреція, ей нравилось ученіе, освобождавшее душу «отъ страха боговъ». Съ такою-же почти болѣзненной и торопливою страстностью отдалась она потомъ скульптурѣ.

Въ Аѳины пріѣхала, чтобы изучать лучшіе древніе образцы Фидія, Скопаса и Праксителя.

— А вы все о грамматикѣ,—съ насмѣшливой улыбкой обратилась дочь Гельвидія Приска къ собесѣдникамъ, входя въ пиршественную залу, - не стѣсняйтесь,—продолжайте. Я не буду спорить, хочу ѣсть. Цѣлый день работала. Мальчикъ, налей вина.

— Друзья мои,—продолжала Арсиноя,—вы несчастные люди со всѣми вашими цитатами Демосѳена, правилами Квинтилліана! Берегитесь!.. Риторика васъ погубитъ... Хотѣлось-бы мнѣ увидѣть наконецъ человѣка, которому дѣла нѣтъ до Гомера и Цицерона, который говоритъ, не думая о придыханіяхъ, синтаксѣ и сочетаніяхъ буквъ. Юліанъ, пойдемъ послѣ ужина къ морю, я сегодня не хочу слушать споровъ о дактиляхъ и анапестахъ.

— Ты угадала мою мысль, Арсиноя, — пробормоталъ Гаргиліанъ, злоупотребившій гусиной печенкой подъ шафраннымъ соусомъ. Почти всегда къ самому концу ужина, вмѣстѣ съ тяжестью подъ ложечкой, онъ чувствовалъ возмущеніе противъ литературы.

— *Litterarum intemperantia laboramus*, какъ выразился учитель Нерона, хитрый Сенека. Да, да, вотъ наше горе! Мы страдаемъ отъ литературной невоздержанности. Мы сами себя отравляемъ...

И впадая въ задумчивость, онъ вынулъ зубочистку изъ мастиковаго дерева. На жирномъ умномъ лицѣ его выражалось отвращеніе и скука.

XIV.

Они спустились по кипарисовой аллеѣ къ морю. Серебряный лунный путь уходилъ до горизонта. Слышался прибой о мѣловыя глыбы прибрежья. Здѣсь была полукруглая скамейка.

Надъ нею Артемида Охотница, въ короткой туникѣ, съ полумѣсяцемъ въ кудряхъ, съ лукомъ и колчаномъ, съ двумя остромордыми псами, казалась живой въ лунномъ сіяніи. Они сѣли.

Арсиноя указала Юліану на холмъ Акрополя съ едва бѣлѣвшими колоннами Парѳенона и возобновила разговоръ, который уже не разъ бывалъ у нихъ въ прежнія свиданія:

— Посмотри, какъ хорошо... И ты хотѣлъ-бы это разрушить, Юліанъ?

Онъ, не отвѣчая, потупилъ взоръ.

— Я много думала о томъ, что ты мнѣ говорилъ въ прошлый разъ, о вашемъ смиреніи,—продолжала Арсиноя тихо, какъ-будто про себя.—Былъ-ли Александръ, сынъ Филипповъ, смиреннымъ?.. А развѣ въ немъ нѣтъ красоты и величья?

Юліанъ молчалъ.

— А Брутъ, Брутъ, убійца Юлія Цезаря!.. Еслибы Брутъ подставлялъ лѣвую щеку, когда его ударяли въ правую, думаешь-ли ты, онъ былъ-бы прекраснѣе? Или считаете вы его злодѣемъ, галилеяне? Отчего мнѣ кажется порою, что ты лицемѣришь, Юліанъ, что эта темная одежда не пристала тебѣ?..

Она вдругъ обернула къ нему свое прекрасное лицо, озаренное луною, и посмотрѣла прямо въ глаза пристальнымъ взоромъ.

— Чего ты хочешь, Арсиноя?—произнесъ онъ, блѣднѣя.

— Хочу, чтобы ты открыто былъ моимъ врагомъ,—воскликнула дѣвушка страстно.—Ты не можешь такъ пройти, не сказавъ, кто ты. Знаешь, я иногда думаю: ужъ пусть-бы лучше Аѳины и Римъ лежали въ развалинахъ. Лучше сжечь трупъ, чѣмъ оставить не погребеннымъ. А всѣ эти друзья наши, грамматики, риторы, стихотворцы, сочинители панегириковъ императорамъ—тлѣющій трупъ Эллады и Рима. Страшно съ ними, какъ съ мертвыми. О, да, вы можете торжествовать, галилеяне!.. Скоро на землѣ ничего не останется, кромѣ труповъ и разва-

линъ. И ты, Юліанъ... Нѣтъ, нѣтъ!.. Не можетъ быть... Я не вѣрю, что ты съ ними... противъ меня, противъ Эллады!..

Юліанъ стоялъ передъ ней, блѣдный и безмолвный. Онъ хотѣлъ уйти. Она схватила его за руку:

— Скажи, скажи, что ты—мой врагъ,—проговорила она съ вызовомъ и отчаяніемъ въ голосѣ.

— Арсиноя! Зачѣмъ?..

— Говори все! Я хочу знать. Развѣ ты не чувствуешь, какъ мы близки... Или ты боишься?..

— Черезъ два дня я уѣзжаю изъ Аѳинъ—прошепталъ Юліанъ,—прости...

— Изъ Аѳинъ!.. Зачѣмъ?.. Куда?..

— Письмо отъ Констанція... Императоръ вызываетъ меня ко двору, можетъ быть, на смерть. Мнѣ кажется, я вижу тебя въ послѣдній разъ...

— Юліанъ, ты не вѣришь въ Него?—воскликнула Арсиноя, стараясь уловить взоръ монаха.

— Тише, тише! Что ты?..

Онъ вскочилъ со скамейки, отошелъ, ступая чуть слышно, оглянулся во всѣ стороны, на дорожку, залитую луннымъ свѣтомъ, на черныя тѣни кустовъ, даже на море, какъ-будто вездѣ могли скрываться доносчики императора.

Потомъ вернулся, присѣлъ, все еще не успокоенный. Опираясь рукой на мраморъ, онъ наклонился къ самому уху ея, такъ что она почувствовала его горячее дыханіе, и зашепталъ быстрымъ шопотомъ, какъ въ бреду:

— Да, да, еще-бы я вѣрилъ въ Него!.. Слушай, дѣвушка, я говорю теперь то, чего и самъ не смѣлъ сказать себѣ никогда.. Я ненавижу Галилеянина!.. Но я лгалъ съ тѣхъ поръ, какъ помню себя. Ложь проникла въ душу мою, прилипла къ ней, какъ эта черная одежда къ тѣлу моему: помнишь,—отравленная одежда кентавра Несса. Гераклъ срывалъ ее съ кусками кожи и тѣла, но не сорвалъ и задохся. Такъ и я задохнусь во лжи галилейской!..

Онъ выговаривалъ каждое слово съ тягостнымъ напряженіемъ. Арсиноя взглянула на него. Лицо, искаженное страданіемъ и ненавистью, показалось ей незнакомымъ.

— Успокойся, другъ,—молвила она,—скажи мнѣ все, я пойму тебя, какъ никто изъ людей...

— Хочу сказать и не умѣю,—усмѣхнулся онъ злобно,—слишкомъ долго молчалъ... Видишь-ли, Арсиноя, кто разъ попался имъ въ лапы,—кончено,—такъ изуродуютъ смиренно-мудрые, такъ пріучатъ лгать и пресмыкаться, что уже не выпрямиться и не поднять ему головы никогда!..

Вся кровь прилила къ лицу его, на лбу выступили жилы и стиснувъ зубы въ безсильной ярости, онъ прошепталъ:

— Подлость, подлость, воистину галилейская подлость, — ненавидѣть врага своего, какъ я ненавижу Констанція и прощать, пресмыкаться у ногъ его по змѣиному, по смиренному христіанскому обычаю, выпрашивая милости: «еще годокъ, еще одинъ годокъ жизни худоумному рабу твоему, монаху Юліану, потомъ, — какъ тебѣ и скопцамъ твоимъ, совѣтникамъ угодно будетъ, боголюбивѣйшій!..» Какая низость!..

— Нѣтъ, Юліанъ, — воскликнула Арсиноя, — ты побѣдишь! Ложь — сила твоя... Помнишь, въ баснѣ Эзопа, оселъ — въ львиной шкурѣ? Здѣсь-же наоборотъ, левъ — въ шкурѣ осла, герой — въ одеждѣ монаха!..

Она засмѣялась:

— И какъ они испугаются, глупые, когда ты вдругъ покажешь имъ свои львиные когти. Вотъ будетъ веселіе и ужасъ! Скажи, ты хочешь власти?..

— Власти! — онъ всплеснулъ руками, упиваясь звукомъ этого слова, полною грудью вдыхая свѣжій воздухъ ночи:

— Власти! О, если бы одинъ годъ, нѣсколько мѣсяцевъ, нѣсколько дней власти, — научилъ-бы я смиренныхъ, ползучихъ и ядовитыхъ тварей, именующихъ себя христіанами, что значитъ мудрое слово Учителя: кесарево — кесарю. Да, клянусь богомъ солнца, воздали-бы они у меня кесарево кесарю!..

Онъ поднялъ голову, глаза сверкнули гордостью и злобой, лицо озарилось, точно помолодѣло. Арсиноя смотрѣла на него съ улыбкой.

Но скоро голова снова поникла. Пугливо озираясь, опустился онъ на скамейку. Невольнымъ движеніемъ сложилъ руки крестообразно на груди, по обычаю монаховъ, и прошепталъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ обманывать себя?.. Никогда этого не будетъ. Я погибну. Злоба задушитъ меня... Слушай: каждую ночь, послѣ дня, проведеннаго на колѣняхъ въ церкви, надъ мощами, я возвращаюсь домой, разбитый, усталый, бросаюсь на постель, лицомъ въ изголовье и рыдаю, и грызу его, чтобы не кричать отъ боли и ярости. О, ты не знаешь еще, Арсиноя, ужаса и смрада галилейскаго, въ которыхъ, вотъ уже двадцать лѣтъ, я умираю и все не могу умереть, потому что, видишь-ли? — мы, христіане — живучи, какъ змѣи: разсѣкутъ на двое, — сростаемся! Прежде я искалъ утѣшенія въ добродѣтели теурговъ и мудрецовъ. Тщетно. Не добродѣтеленъ я и не мудръ. Я — золъ, и хотѣлъ-бы быть еще злѣе, быть сильнымъ и страшнымъ, какъ дьяволъ, единственный братъ мой!.. Но зачѣмъ, зачѣмъ я не могу забыть, что есть иное, что есть красота, зачѣмъ ты явилась мнѣ, безпощадная!..

Внезапнымъ движеніемъ, кинувъ прекрасныя, голыя руки свои, Арсиноя обвила его шею, привлекла къ себѣ такъ сильно, такъ близко, что онъ почувствовалъ невинную свѣжесть ея тѣла, и прошептала:

— А что, если я пришла къ тебѣ, юноша, какъ вѣщая сибилла, чтобы напророчить славу? Ты одинъ—живой среди мертвыхъ. Ты прекрасенъ! Какое мнѣ дѣло, что у тебя не бѣлыя, лебединыя, а страшныя, черныя крылья, кривые, злые когти, какъ у хищныхъ птицъ?.. Я люблю всѣхъ не покорившихся и отверженныхъ, слышишь, Юліанъ, я люблю одинокихъ и гордыхъ орловъ, больше, чѣмъ бѣлыхъ лебедей. Только будь еще прекраснѣе, еще злѣе! Смѣй быть злымъ до конца. Лги, не стыдись: лучше лгать, чѣмъ смириться. Не бойся ненависти: это буйная сила крыльевъ твоихъ. Хочешь, заключимъ союзъ, ты дашь мнѣ власть, я дамъ тебѣ красоту?.. Хочешь, Юліанъ?..

Сквозь легкія складки древняго пеплума, теперь снова, какъ нѣкогда въ палестрѣ, онъ видѣлъ стройныя очертанія голаго тѣла Артемиды-Охотницы, и ему казалось, что все оно просвѣчиваетъ, нѣжное и золотистое, сквозь воздушную ткань.

Голова его закружилась: въ лунномъ сумракѣ, окутавшемъ ихъ, онъ замѣтилъ, что къ его губамъ приближаются дерзкія, смѣющіяся губы.

Въ послѣдній разъ онъ подумалъ:

«Надо уйти. Она не любитъ меня и никогда не полюбитъ, хочетъ только власти... Это обманъ...

Но тотчасъ-же прибавилъ съ безсильной улыбкой:

— Пусть, пусть обманъ!

И холодъ ея страннаго, неутоляющаго поцѣлуя проникъ до глубины его сердца, какъ холодъ смерти.

Ему казалось, что сама дѣвственная Артемида, въ прозрачномъ сумракѣ мѣсяца, спустилась и лобзаетъ его обманчивымъ лобзаніемъ, подобнымъ холодному, нѣжному свѣту луны . . . .

. . . .

. . . .

. . . . На слѣдующее утро оба друга — Василій изъ Назіанза, Григорій изъ Цезареи встрѣтили Юліана въ одной аѳинской базиликѣ.

Онъ стоялъ на колѣняхъ передъ иконой и молился. Друзья смотрѣли съ удивленіемъ. Никогда еще не видѣли они въ чертахъ его такого смиренія, такой ясности.

— Братъ,—шепнулъ Василій на ухо другу,—а мы вѣдь согрѣшили: осудили въ сердцѣ своемъ праведнаго.

Григорій покачалъ головою:

— Да проститъ мнѣ Господь, если я ошибся, — произнесъ онъ медленно, не спуская глубокихъ, испытующихъ взоровъ съ Юліана,— но вспомни только, братъ Василій, сколь часто во образѣ свѣтлѣйшихъ ангеловъ являлся людямъ самъ дьяволъ, отецъ лжи.

XV.

На подставки лампады, имѣвшей форму дельфина, были положены парикмахерскіе щипцы. Пламя казалось блѣднымъ, потому что утренніе лучи, ударявшіе прямо въ занавѣски, наполняли уборную густымъ, багрово-фіолетовымъ отблескомъ. Шелкъ занавѣсокъ былъ окрашенъ самымъ дорогимъ изъ всѣхъ родовъ пурпура, такъ называемымъ «оксиблаттой» (oxyblatta), гіацинтовымъ, тирскимъ, трижды крашеннымъ.

— Ипостаси? Что такое божественныя Ипостаси Троицы, — этого постигнуть не можетъ никто изъ человѣковъ. Я сегодня всю ночь не спалъ и думалъ, ибо къ тому имѣю превеликую страсть. Но ничего не придумалъ, только голова заболѣла... Отрокъ, дай сюда утиральникъ и мыло...

Это говорилъ человѣкъ важнаго вида, съ митрой на головѣ, похожій на верховнаго жреца или азіатскаго владыку; то былъ старшій брадобрей и парикмахеръ священной особы императора Констанція. Бритва въ искусныхъ, почти волшебныхъ рукахъ его летала съ неподражаемой граціей и легкостью. Цирульникъ какъ будто совершалъ таинственный, священный обрядъ. По обѣимъ сторонамъ, кромѣ Евсевія, Сановника Августѣйшей Опочивальни, самаго могущественнаго человѣка въ имперіи, кромѣ безчисленныхъ постельниковъ—«кубикуларіевъ» съ различными сосудами, притираніями, полотенцами и умывальниками, стояли два отрока Вѣероносца. Они, во все время таинства брадобритія, обвѣвали императора широкими, тонкими опахалами въ видѣ серебряныхъ, шестикрылатыхъ серафимовъ, сдѣланныхъ на подобіе тѣхъ «рипидъ», которыми діаконы отгоняютъ мухъ отъ Св. Даровъ во время литургіи. Цирульникъ только что окончилъ правую щеку императора и принимался за лѣвую, намыливъ ее тщательно мыломъ съ аравійскими эссенціями, называвшимся «Афродитовой пѣной». Онъ шепталъ, наклоняясь къ самому уху Констанція, такъ, чтобы никто не могъ слышать:

— О боголюбивѣйшій государь, твой всеобъемлющій умъ одинъ только можетъ рѣшить, что такое три Ипостаси Отца, Сына и Духа Святого. Не слушай ты епископовъ. Не какъ имъ, а какъ тебѣ угодно! Аѳанасія, патріарха александрійскаго, должно казнить, какъ строптиваго и богохульнаго мятежника. Самъ Богъ и Создатель нашъ откроетъ твоей святынѣ, во что и какъ именно должно вѣровать твоимъ рабамъ. По моему-же Арій вѣрно утверждаетъ, что было время, когда Сына не было. Также и объ единосущіи...

Но тутъ Констанцій заглянулъ въ огромное зеркало изъ отполированнаго серебра и ощупавъ рукою только что выбритую шелковистую поверхность правой щеки, перебилъ цирульника:

— Какъ будто-бы не совсѣмъ гладко? А? Можно-бы еще разъ пройтись?.. Что ты тамъ говорилъ объ единосущіи?

Цирульникъ, получившій талантъ золота отъ придворныхъ епископовъ Урзакія и Валента за то, чтобы подготовить кесаря къ новому исповѣданію вѣры, быстро и вкрадчиво зашепталъ на ухо Констанція, съ удивительной мягкостью водя бритвой, какъ будто лаская шею. Но въ эту минуту къ императору подошелъ нотарій Павелъ, по прозванію «Катэна», т. е. Цѣпь. Называли его Цѣпью за то, что страшные доносы, какъ неразрывныя звенья, опутывали избранную жертву. Лицо у Павла было женоподобное, безбородое и красивое. Судя по наружности, можно было предположить въ немъ ангельскую кротость. Глаза тусклые, черные, съ поволокой. Ступалъ онъ неслышно, съ кошачьей граціей въ мягкихъ движеніяхъ. На верхнемъ плащѣ, «пэнулѣ», черезъ плечо нотарія была перекинута широкая темно-синяя чиновничья лента или шарфъ,—особенный знакъ милости императора. Павелъ Катэна мягкимъ и властнымъ движеніемъ отстранилъ старшаго брадобрея и, наклонившись къ уху Констанція, проговорилъ:

— Письмо Юліана. Перехватилъ сегодня ночью. Угодно распечатать?

Констанцій съ жадностью вырвалъ письмо изъ рукъ Павла, открылъ и сталъ читать. Но скоро разочаровался:

— Пустяки,—проговорилъ онъ,—риторическое упражненіе. Посылаетъ въ подарокъ сто винныхъ ягодъ какому-то софисту и пишетъ похвалу виннымъ ягодамъ и числу сто...

— О, это хитрость...—замѣтилъ Катэна.

— Неужели,—спросилъ Констанцій,—никакихъ доказательствъ!..

— Никакихъ.

— Или онъ очень искусенъ, или-же...

— Что хотѣла сказать твоя Вѣчность?

— Или невиненъ.

— Какъ тебѣ будетъ угодно,—прошепталъ Павелъ.

— Какъ мнѣ угодно?.. Я хочу быть справедливымъ, только справедливымъ, развѣ ты не знаешь?.. Мнѣ нужно доказательствъ...

— Подожди, будутъ.

Появился другой доносчикъ, молодой персъ, по имени Меркурій, по должности придворный стольникъ, почти мальчикъ, желтолицый и черноглазый. Его боялись не менѣе Павла Катэны и шутя называли «сановникъ сонныхъ видѣній». Если пророческій сонъ могъ имѣть дурное значеніе для священной особы императора, Меркурій, подслушавъ его, спѣшилъ донести. Многіе поплатились имуществомъ и придворной карьерой за то, что имѣли неосторожность видѣть во снѣ то, что не слѣдовало видѣть. Хитрые царедворцы стали увѣрять, что они страдають

неизлѣчимой безсонницей и завидовали жителямъ сказочной Атлантиды, которые спятъ, по увѣренію Платона, не видя сновъ.

Перс, отстранивъ двухъ эѳіопскихъ скопцовъ, завязывавшихъ шнурки на вышитыхъ золотыми орлами башмакахъ императора изъ ярко-зеленой кожи (цвѣтъ присвоенный только августѣйшей обуви), обнималъ ноги повелителя, цѣловалъ ихъ и смотрѣлъ въ глаза, какъ собака, ласкаясь и виляя хвостомъ, смотритъ въ глаза господину.

— Да проститъ мнѣ твоя Вѣчность,—шепталъ маленькій Меркурій, съ дѣтской и наивной преданностью,—я не могу утерпѣть, скорѣе прибѣжалъ къ тебѣ. Гауденцій видѣлъ нехорошій сонъ. Ты представился ему въ разорванной одеждѣ и въ вѣнкѣ изъ пустыхъ колосьевъ обращенныхъ долу...

— Что это значитъ?..

— Пустые колосья предвѣщаютъ голодъ, а разорванный пурпуръ... Я не смѣю...

— Болѣзнь?

— Можетъ быть, хуже. Жена Гауденція призналась мнѣ, что онъ совѣщался съ гадателями: Богъ знаетъ, что они сказали ему!..

— Хорошо, потомъ поговоримъ. Приходи вечеромъ.

— Нѣтъ, сейчасъ. Дозволь пытку,—легкую, безъ огня... Еще дѣло о скатертяхъ...

— Какихъ скатертяхъ?

— Развѣ ты забылъ? На одномъ пиру въ Аквитаніи столъ былъ накрытъ двумя скатертями, окаймленными пурпуромъ такъ широко, что онѣ образовали какъ-бы царскую хламиду.

— Шире двухъ пальцевъ? Я, по закону, допустилъ каймы въ два пальца...

— О, гораздо шире! Я говорю,—цѣлая императорская хламида... Подумай, на скатерти такое святотатственное украшеніе!..

Меркурій не успѣвалъ высказать всѣхъ накопившихся доносовъ:

— Въ Дафнэ родился уродъ,—бормоталъ онъ, спѣша и запинаясь.—Четыре уха, четыре глаза, два клыка, весь въ шерсти... Прорицатели говорятъ, дурной знакъ,—къ раздѣленію священной имперіи...

— Посмотримъ. Напиши все, по порядку, и представь.

Императоръ кончалъ утренній нарядъ. Онъ заглянулъ еще разъ въ зеркало и тонкой кисточкой захватилъ немного румянъ изъ серебрянаго ковчежца филигранной работы, подобія маленькой раки, съ крестикомъ на крышкѣ. Констанцій былъ набоженъ. Безчисленные эмалированные крестики и монограммы Христа виднѣлись во всѣхъ углахъ, на всѣхъ бездѣлушкахъ. Особый родъ драгоцѣннѣйшихъ румянъ, называвшихся «пурпуриссима» приготовляли изъ розовой пѣны, которую снимали съ кипящаго въ котлахъ сока пурпурныхъ раковинъ. Кисточкой съ этими

румянами Констанцій искусно провелъ по своимъ смуглымъ и сухимъ щекамъ. Изъ комнаты называемой «Порфирія», гдѣ, въ особомъ пятибашенномъ шкафу, «пентапиргіонѣ» хранились царскія одежды, евнухи вынесли императорскую далматику, жесткую, почти не гнущуюся, тяжелую отъ драгоцѣнныхъ камней и золота, съ вытканными по аметистовому пурпуру крылатыми львами и драконами.

Въ главной залѣ медіоланскаго дворца въ тотъ день должно было происходить засѣданіе аріанскаго собора.

Туда направился императоръ по мраморной сквозной галлереѣ. Дворцовые стражи, палатины стояли въ два ряда, нѣмые, какъ изваянія, съ поднятыми копьями въ четырнадцать локтей длины. Предносимая Сановникомъ Августѣйшихъ Щедротъ (Comes Sacrarum Largitionum) золототканная Константинова хоругвь «Лабарумъ» съ монограммой Христа блистала и шелестила. Стражи «безмолвники» (silentiarii) бѣжали впереди и мановеніемъ рукъ призывали всѣхъ къ благоговѣйной тишинѣ.

Въ галлереѣ императоръ встрѣтился со своей супругой Евсевіей Авреліей. Это была женщина уже не молодая, съ блѣднымъ и усталымъ лицомъ, съ тонкими и благородными чертами. Иногда злобная насмѣшка вспыхивала въ ея проницательныхъ глазахъ. Императрица, сложивъ руки на омофорѣ, усыпанномъ рубинами и сапфирами, ограненными на подобіе сердецъ, склонила голову и произнесла обычное утреннее привѣтствіе:

— Я пришла насладиться твоимъ лицезрѣніемъ, боголюбезнѣйшій супругъ мой. Какъ изволила почивать твоя Святость?

Потомъ, по ея знаку, поддерживавшія ее подъ руки двѣ придворныя дамы, Евфросинія и Ѳеофанія немного отошли, и она тихо сказала супругу, съ болѣе искреннимъ и простымъ выраженіемъ:

— Сегодня тебѣ долженъ представиться Юліанъ. Будь съ нимъ милостивъ. Не вѣрь доносчикамъ. Это несчастный и невинный отрокъ. Господь тебя наградитъ, если ты помилуешь его, государь!

— Ты просишь за него?

Жена и мужъ обмѣнялись быстрымъ взглядомъ.

— Я знаю,—молвила она,—ты вѣришь мнѣ всегда: повѣрь и на этотъ разъ. Юліанъ—вѣрный рабъ. Не откажи, будь съ нимъ ласковъ...

И она подарила его одной изъ тѣхъ улыбокъ, которыя до сихъ поръ сохраняли надъ сердцемъ императора власть.

Въ портикѣ, отдѣленномъ отъ главной залы ковровой завѣсой, за которой императоръ любилъ подслушивать то, что происходило на засѣданіяхъ собора, подошелъ къ нему монахъ съ крестообразной тонзурой на головѣ, въ туникѣ съ капишономъ, «колобіѣ», изъ грубой темной ткани. То былъ Юліанъ.

Онъ склонилъ колѣни передъ Констанціемъ, сотворилъ земное ме-

таніе, по выраженію монаховъ, и поцѣловавъ край императорской далматики, промолвилъ:

— Привѣтствую моего благодѣтеля, побѣдоноснаго великаго императора, Августа Констанція. Да помилуетъ меня твоя Святость!

— Мы рады тебя видѣть, сынъ нашъ.

Двоюродный братъ Юліана милостиво приблизилъ свою руку къ самымъ губамъ его. Юліанъ прикоснулся къ этой рукѣ, на которой была кровь его отца, его брата, всѣхъ родныхъ его.

Монахъ всталъ, блѣдный, съ горящими глазами, устремленными на врага. Онъ сжималъ рукоятку остраго клинка, скрытаго подъ складками одежды. Маленькіе свинцово-сѣрые глазки императора свѣтились тщеславіемъ, и только изрѣдка въ нихъ вспыхивала хитрая осторожность. Онъ былъ невысокаго роста, головой ниже Юліана, широкоплечъ, повидимому силенъ и крѣпокъ, съ ногами уродливо выгнутыми, какъ у старыхъ воиновъ, имѣющихъ давнюю привычку къ верховой ѣздѣ. Смуглая кожа на гладкихъ вискахъ и скулахъ непріятно лоснилась. Тонкія губы были строго сжаты, какъ у людей любящихъ, больше всего въ жизни, порядокъ и точность. Такое выраженіе бываетъ у старыхъ учителей-педантовъ.

Юліану все это показалось ненавистнымъ: онъ почувствовалъ, какъ слѣпое животное бѣшенство овладѣваетъ имъ. Не въ силахъ произнести слова, онъ потупилъ глаза и тяжело дышалъ.

Констанцій улыбнулся, подумавъ, что юноша не вынесъ царственнаго взора его и смущенъ неземнымъ величіемъ римскаго императора. Онъ произнесъ напыщенно и милостиво:

— Не бойся, юноша! Иди съ миромъ. Наше добротолюбіе не причинитъ тебѣ никакого зла и впредь не покинетъ твоего сиротства своими благодѣяніями.

Юліанъ вошелъ въ залу церковнаго собора, а императоръ сталъ около самаго ковра, приложилъ ухо, и съ хитрой усмѣшкой началъ прислушиваться.

Онъ различилъ голосъ главнаго начальника государственной почты Гауденція, видѣвшаго дурной сонъ:

— Соборъ за соборомъ, — жаловался Гауденцій какому-то вельможѣ,—то въ Сирміи, то въ Сардикѣ, то въ Антіохіи, то въ Константинополѣ. Спорятъ и не могутъ согласиться объ единосущіи. Но надо же и почтовыхъ лошадей пожалѣть. Скачутъ себѣ, сломя голову, съ казенными подорожными. То впередъ, то назадъ, то съ Востока, то съ Запада. А за ними вѣдь цѣлыя тучи пресвитеровъ, діаконовъ, церковныхъ служителей, писцовъ. Разореніе!.. На десять лошадей въ почтовой станціи едва ли и одна найдется, не заморенная епископами. Еще пять соборовъ,—и всѣ мои лошади поколѣютъ, а отъ государственныхъ под-

подъ колеса отвалятся. Право!.. И замѣть, что епископы, все-таки, не придутъ къ соглашенію объ ипостасяхъ и единосущіи!..

— Зачѣмъ же, славнѣйшій Гауденцій, ты не составишь объ этомъ донесенія императору?

— Боюсь, не повѣрятъ и обвинятъ въ безбожіи, въ неуваженіи къ нуждамъ Церкви...

Въ огромной круглой залѣ, съ куполомъ и колоннами изъ зеленоватаго и жилистаго фригійскаго мрамора, было душно. Косые лучи падали въ окна, находившіяся подъ арками. Шумъ голосовъ напоминалъ жужжаніе пчелинаго улья.

Это былъ соборъ аріанскій.

На возвышеніи былъ приготовленъ тронъ императора—«sella aurea» съ львиными ногами изъ слоновой кости, которыя перекрещивались, какъ на складныхъ курульныхъ креслахъ древнеримскихъ консуловъ.

Около трона, пресвитеръ Пафнутій, съ простодушнымъ лицомъ, разгорѣвшимся отъ спора, утверждалъ:

— Я, Пафнутій, какъ пріялъ отъ отцовъ, такъ и содержу въ мысляхъ. По символу иже во святыхъ отца нашего Аѳанасія, патріарха Александрійскаго, должно воздавать поклоненіе Единицѣ въ Троицѣ и Троицѣ въ Единицѣ. Отецъ—Богъ, Сынъ—Богъ, Духъ Святой—Богъ, впрочемъ, не три Бога, но единъ Богъ!

И какъ будто сокрушая невидимаго врага, онъ, со всего размаха, ударилъ огромнымъ кулакомъ правой руки въ лѣвую ладонь и обвелъ всѣхъ торжествующимъ взглядомъ:

— Какъ пріялъ, такъ и содержу въ мысляхъ!

— А?.. Что это?.. Что онъ такое говоритъ?.. спрашивалъ Озій, столѣтній старецъ, современникъ великаго Никейскаго Собора.—Гдѣ мой рожокъ?..

Безпомощное недоумѣніе выражалось на лицѣ его. Онъ былъ глухъ, почти слѣпъ, съ длинной, сѣдой бородой. Діаконъ приставилъ слуховой рожокъ къ уху старика.

За стихарь Пафнутія съ умоляющимъ видомъ цѣплялся блѣдный и худенькій монахъ-постникъ:

— Отче Пафнутій,—старался онъ его перекричать,—что же это такое?.. Изъ за одного, все изъ за одного слова: «подобно сущный», или «единосущный!..».

И монахъ, хватаясь за одежду Пафнутія, разсказалъ ему объ ужасахъ, которые онъ видѣлъ въ Александріи и Константинополѣ.

Аріане тѣмъ, кто не хочетъ принимать Св. Тайнъ въ еретическихъ церквахъ, открываютъ ротъ деревянными снарядами, состоящими изъ двухъ соединенныхъ палокъ, на подобіе рогатины, и насильно вкладываютъ Причастіе. Дѣтей пытаютъ. Женамъ раздавливаютъ въ тискахъ

или отжигають сосцы раскаленнымъ желѣзомъ. Въ церкви Св. Апостоловъ произошла такая драка между аріанами и православными, что кровь наполнила дождевую цистерну и со ступеней паперти лилась на площадь. Въ Александріи правитель Себастіанъ избилъ колючими пальмовыми вѣтвями православныхъ дѣвственницъ, такъ-что многія умерли, и непогребенныя, обезчещенныя тѣла ихъ лежатъ передъ городскими воротами. И все это даже не изъ за одного слова, а изъ-за одной буквы. изъ за одной *іоты*, отличающей греческое слово *единосущный*, (ὁμοούσιος)—отъ *подобносущный* (ὁμοιούσιος).

— Отче Пафнутій,—твердилъ кроткій блѣдный монахъ,—изъ за одной *іоты*!.. И главное, въ Священномъ-то Писаніи нѣтъ даже слова «узія»—сущность! Изъ за чего же мы споримъ и терзаемъ другъ друга?.. Подумай, отче, какъ ужасно такое наше злонравіе?..

— Такъ что же?—перебилъ его Пафнутій нетерпѣливо,—неужели примириться съ окаянными богохульниками, псами, изблевавшими изъ своего еретическаго сердца, что было время, когда Сына Божія не было?..

— Единъ пастырь, едино стадо, робко защищался монахъ. Уступимъ!..

Неукротимый Пафнутій не слушалъ его; онъ кричалъ такъ, что жилы напрягались на его шеѣ и вискахъ, покрытыхъ каплями пота.

— Да умолкнутъ богоненавистники!.. Да не будетъ сего! Аріанскую гнусную ересь анаѳематствую!.. Какъ пріялъ отъ отцовъ, такъ и содержу въ мысляхъ!..—заключилъ онъ громовымъ голосомъ.

Столѣтній Озій одобрительно и безпомощно кивалъ сѣдовласой головой.

— Что ты какъ будто притихъ, авво Дороѳей? Мало сегодня споришь? Или прискучило? спрашивалъ желчнаго, юркаго старичка высокій, блѣдный и красивый, съ волнистыми, необыкновенно длинными черными, какъ смоль, волосами, пресвитеръ Фива.

— Охрипъ, батюшка Фива. И хочу говорить, да голоса нѣтъ. Натрудилъ себѣ горло намедни, какъ низлагали въ соборѣ проклятыхъ акакіянъ. Второй день хриплю...

— Да ты бы, отче, сырымъ яйцомъ горло пополоскалъ. Весьма помогаетъ.

Въ другой группѣ спорилъ Аэтій, діаконъ Антіохійскій, самый крайній и смѣлый послѣдователь Арія; его называли безбожнымъ «аѳеемъ» за дерзостное и кощунственное ученіе о Св. Троицѣ. Лицо у него было веселое и насмѣшливое. Жизнь Аэтія отличалась удивительнымъ разнообразіемъ. Онъ былъ поочередно рабомъ, мѣдникомъ, поденщикомъ, риторомъ, докторомъ, ученикомъ александрійскихъ философовъ и наконецъ діакономъ.

— Богъ Отецъ по сущности чуждъ своему Сыну—проповѣдывалъ Аэтій, съ улыбкой наслаждаясь ужасомъ своихъ слушателей, — есть Троица, по Ипостаси различествуютъ по славѣ. Богъ неизреченъ для Сына, потому что несказано то, что Онъ есть самъ для Себя. Даже Сынъ не знаетъ Своей сущности, ибо имѣющему начало невозможно представить или объять умомъ Безначальнаго.

— Не богохульствуй!—въ негодованіи воскликнулъ Ѳеона, епископъ Мармарикскій.—Доколѣ же прострется, братья мои, сатанинская продерзость еретиковъ?..

— Сладкорѣчіемъ своимъ,—добавилъ наставительно Софроній, епископъ Помпеополиса—не вводи въ заблужденіе простодушныхъ.

— Укажите мнѣ на какіе нибудь философскіе доводы, и я соглашусь. Но крики и ругательства доказываютъ только безсиліе,—возразилъ Аэтій спокойно.

— Въ Писаніи сказано...—началъ было Софроній.

— Какое мнѣ дѣло до Писанія? Богъ далъ разумъ людямъ, чтобы познавать Его. Я вѣрю въ діалектику, а не въ тексты. Разсуждайте со мной придерживаясь силлогизмовъ и категорій Аристотеля...

И онъ съ презрительной улыбкой завернулся въ свой діаконскій стихарь, какъ Діогенъ—въ циническій плащъ.

Въ другой группѣ епископы уже начали приходить къ общему исповѣданію, взаимно другъ другу уступая, какъ вдругъ вмѣшался въ разговоръ аріанинъ, Нарциссъ изъ Нероніады, глубочайшій знатокъ всѣхъ соборныхъ постановленій, символовъ и каноновъ,—человѣкъ, котораго не любили, обвиняли даже въ прелюбодѣяніи и лихоимствѣ, но всетаки уважали за богословскую ученость.

— Ересь!—объявилъ онъ епископамъ кратко и невозмутимо.

— Какъ ересь? Почему ересь? произнесло нѣсколько голосовъ.

— Объявлено сіе ересью еще на соборѣ въ Ганграхъ Пафлагонскихъ.

У Нарцисса были маленькіе косые глаза, сверкавшіе злобнымъ блескомъ, такая-же злобная и косая улыбка на ядовитыхъ губахъ. Волосы съ просѣдью, жесткіе, какъ щетина. Казалось, всѣ черты лица его перекосились отъ злобы.

— Въ Ганграхъ Пафлагонскихъ!... повторили епископы въ отчаяніи,—а мы и забыли объ этомъ соборѣ... Что же дѣлать, братья?...

Нарциссъ, обводя всѣхъ косыми глазами, торжествовалъ.

— Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!—восклицалъ добрый и простодушный епископъ Евзой.—Ничего не разумѣю!... Запутался!... Голова кругомъ идетъ: ὁμοούσις, ὁμοιούσιος, — единосущный, неединосущный, подобья, Ипостаси,—въ ушахъ звенитъ отъ греческихъ именъ... Хожу какъ въ туманѣ и самъ не знаю, во что вѣрю, во что не вѣрю, гдѣ ересь,

гдѣ не ересь... Іисусе Христе, Царю Небесный, помоги намъ!... Погибаемъ въ сѣтяхъ дьявольскихъ!...

Въ это мгновеніе шумъ и яростные крики утихли, на каѳедру взошелъ одинъ изъ придворныхъ любимцевъ императора, епископъ Урзакій Сингидонскій. Въ рукахъ онъ держалъ длинную пергаментную хартію. Два скорописца, передъ раскрытыми книгами приготовились записывать пренія собора, очинивъ тонкія перья изъ египетскаго тростника—каламуса. Урзакій читалъ повелѣніе императора, обращенное къ епископамъ:

«Констанцій, Побѣдитель, Тріумфаторъ, досточтимый и вѣчный Августъ—всѣмъ собравшимся въ Медіоланѣ епископамъ»...

Императоръ требовалъ отъ собора низложенія Аѳанасія, патріарха Александрійскаго, въ грубыхъ и непристойныхъ выраженіяхъ, называлъ всѣми чтимаго, святого старца «негоднѣйшимъ изъ людей, измѣнникомъ, сообщникомъ буйнаго и гнуснаго Максенція».

Придворные льстецы—Валентъ, Евсевій, Аксентій стали подписывать хартію низложенія. Но послышался ропотъ:

— Все это—окаянная прелесть, велемудрыя ухищренія аріанскихъ христоборцевъ. Не дадимъ патріарха въ обиду!...

— Императоръ называетъ самъ себя «вѣчнымъ»... Никто не вѣченъ кромѣ Бога! Кощунство!

Послѣднія слова явственно услышалъ Констанцій, стоявшій за ковромъ. Онъ отдернулъ завѣсу и неожиданно вступилъ въ залу собора. Копьеносцы окружали его. Лицо императора было гнѣвно. Воцарилось молчаніе.

— Что это?... Что это?...—повторялъ слѣпой старецъ Озій, и на лицѣ его были недоумѣніе и тревога.

— Отцы,—началъ императоръ, сдерживая гнѣвъ,—позвольте мнѣ, служителю Всеблагого довести подъ его Промысломъ ревность мою до конца. Аѳанасій, мятежникъ, первый нарушитель вселенскаго мира...

Опять послышался глухой ропотъ.

Констанцій умолкъ и съ удивленіемъ обвелъ глазами епископовъ.

Чей-то голосъ въ толпѣ произнесъ:

— Гнусную аріанскую ересь анаѳематствуемъ!...

— Вѣра, на которую вы возстаете, возразилъ императоръ—моя вѣра. Если она—еретическая,—почему же Господь Вседержитель даровалъ намъ побѣду надъ всѣми нашими супостатами—Констаномъ, Ветраніономъ, Галломъ, буйнымъ и гнуснымъ Максенціемъ, почему самъ Богъ вложилъ въ нашу священную десницу державу міра?...

Отцы безмолствовали. Тогда придворный льстецъ Валентъ, епископъ Мурзійскій наклонился съ подобострастнымъ смиреніемъ:

— Богъ откроетъ истину твоей мудрости, боголюбезнѣйшій владыка. То, чему ты вѣришь, не можетъ быть ересью. Недаромъ Ки-

риллъ Іерусалимскій видѣлъ чудотворное знаменіе на небѣ, въ день твоей побѣды надъ Максенціемъ, - крестъ, окруженный радугой...

— Я такъ хочу, —прервалъ его Констанцій, подымаясь съ трона, — Аѳанасій будетъ низложенъ властью, данною мнѣ отъ Бога. Молитесь, чтобы прекратились наконецъ всякія распри и словопренія, уничтожена была злоименная и человѣкоубійственная ересь сабелліанъ, приверженцевъ негоднѣйшаго Аѳанасія, возсіяла-же въ сердцахъ у всѣхъ истина...

Вдругъ лицо императора поблѣднѣло. Слова замерли на его губахъ.

— Что это?... Какъ пустили?..

Онъ указывалъ на высокаго старика, съ лицомъ суровымъ и величественнымъ. То былъ гонимый и низложенный за вѣру Пиктавійскій епископъ Иларій, одинъ изъ величайшихъ враговъ императора аріанина. Онъ самовольно пришелъ на соборъ, можетъ быть, думая найти мученическую смерть. Старикъ поднялъ руку къ небу, какъ будто призывая проклятіе на голову императора, и сильный голосъ его раздался въ тишинѣ собора:

«Братья! Се грядетъ Христосъ. ибо Антихристъ уже побѣдилъ. Антихристъ — Констанцій!... Онъ не ударяетъ насъ по хребту, а ласкаетъ по чреву; не бросаетъ въ темницы, а прельщаетъ въ царскихъ чертогахъ. Императоръ, слушай: говорю тебѣ то, что сказалъ бы Нерону, Декію и Максиміану, явнымъ гонителямъ Церкви: ты — убійца не человѣковъ, а самой Любви Божественной. Неронъ, Декій, Максиміанъ болѣе служили истинному Богу, чѣмъ ты. При нихъ мы побѣждали дьявола, при нихъ лилась кровь мучениковъ, очистившая землю, и мертвыя кости творили чудеса. А ты, свирѣпѣйшій изъ человѣковъ, и убиваешь, и не даешь намъ славы смерти. Господи, пошли намъ явнаго мучителя, не лицемѣрнаго врага, подобнаго Нерону и Декію, чтобы благодатное и страшное орудіе гнѣва Твоего воскресило Церковь растлѣнную отъ лобзаній Іуды — Констанція»!

Императоръ вскочилъ съ трона:

— Схватить, схватить его... и мятежниковъ!... проговорилъ онъ, задыхаясь, указывая рукою на Иларія.

Палатины и щитоносцы бросились на епископовъ. Произошло невыразимое смятеніе. Засверкали мечи.

Иларія съ грубыми оскорбленіями, срывая съ него омофоръ, епитрахиль и фелонь, потащили римскіе воины.

Многіе устремились въ ужасѣ къ выходнымъ дверямъ, падали, давили и топтали другъ друга.

Одинъ изъ юношей скорописцевъ вскочилъ на окно, желая выпрыгнуть, но воинъ уцѣпился за длинную одежду его и не пускалъ. Столъ съ чернильницами былъ опрокинутъ, и красныя чернила разлились по синему яшмовому полу; нѣкоторые закричали при видѣ багровой лужи:

— Кровь! Кровь! Бѣгите!...

Другіе вопили: «Смерть врагамъ благочестивѣйшаго Августа!...»

Пафнутій громовымъ голосомъ возглашалъ, увлекаемый двумя придворными стражами:

— Признаю Соборъ Никейскій, ересь аріанскую анаѳематствую!...

Многіе продолжали кричать:

— Единосущный!

Другіе:

— Да не будетъ сего! Подобносущный!

Третьи наконецъ:

— Несходный, сирѣчь,—аномэонъ, аномэонъ!..—Умолкните, богоненавистники!—Анаѳема!—Да извергнется!.. Соборъ въ Никеѣ!..—Соборъ въ Сардикѣ!..—Въ Ганграхъ Пафлагонскихъ!..—Анаѳема!..

Слѣпой Озій сидѣлъ неподвижно, всѣми забытый, на своемъ почетномъ епископскомъ креслѣ. Онъ шепталъ едва слышно:

— Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!.. Что-же это, братья?..

Но напрасно онъ простиралъ свои слабыя руки къ мятущимся и обезумѣвшимъ людямъ, напрасно твердилъ въ отчаяніи: «братья, что же это»?.. Никто его не видѣлъ и не слышалъ. И жалкія, безпомощныя слезы текли по его столѣтнимъ морщинамъ.

Юліанъ смотрѣлъ съ презрительной усмѣшкой и молча торжествовалъ.

Въ этотъ же день, поздним вечеромъ, въ пустынной тишинѣ, среди холмовъ, къ Востоку отъ Медіолана, шли два монаха-отшельника изъ Месопотаміи, посланные дальними сирійскими епископами на соборъ. Они едва спаслись изъ рукъ придворной стражи и теперь съ радостью направляли путь къ Равеннѣ, чтобы поскорѣе сѣсть на корабль и вернуться въ пустыню. Утомленіе и скорбь выражались на ихъ лицахъ. Эфраимъ, одинъ изъ нихъ, былъ старикъ, другой Пименъ—юноша. Эфраимъ сказалъ Пимену:

«Пора въ пустыню, братъ мой. Лучше слушать вой шакаловъ и львовъ, чѣмъ те, что сегодня мы слышали въ царскихъ чертогахъ. О, сладкое чадо мое!.. Блаженны—безмолвные. Блаженны—оградившіе себя стѣною пустынной тишины, за которую не долетятъ къ нимъ споры церковныхъ учителей. Блаженны понявшіе ничтожество словъ, блаженны не спорящіе. Блаженъ, кто не испытываетъ Божьихъ тайнъ, но поетъ предъ лицомъ твоимъ, Господи, какъ арфа. Блаженъ, кто понялъ, какъ трудно знать, какъ сладко любить Тебя, Господи!..

Ефраимъ умолкъ, и Пименъ произнесъ: «аминь»!

Великая тишина ночи обняла ихъ, и они бодро, по звѣздамъ, направили путь свой къ Востоку, радуясь молчанію пустыни.

Д. Мережковскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

МАЙЯ.

(Изъ Леконтъ де-Лиля).

Майя! Миражъ! прихотливое царство химеры!
Ты пробуждаешь въ измѣнчивомъ сердцѣ людей,
Вмѣстѣ съ борьбою кипучихъ страстей,
Скорбь и блаженство безъ мѣры.
Сердце людское, которымъ владѣютъ мечты,
Майя,—такой же миражъ, какъ и ты!
Мигъ отлетѣвшій и мигъ настоящій,
Слезы, восторги, и зло, и благія дѣла —
Все поглощаетъ твоя прихотливая мгла̀,..
Сонъ безотрадный и все же манящій:
Жизнь это — вѣчно открытый вопросъ,
Вѣчная смѣна обманчиво призрачныхъ грёзъ!

О. Чюмина.

О значеніи войны для современнаго общества.

I.

Какъ ни страннымъ можетъ это показаться на первый взглядъ, но однимъ изъ главныхъ и весьма внушительныхъ факторовъ въ пользу мира должна быть признана, въ наше время, сама *война*. Что бы ни говорили ея защитники, но война, силою вещей, призвана, и быть можетъ въ недалекомъ будущемъ, сама себя убить. Техника ея настолько совершенствуется, что, вѣроятно, скоро сдѣлаетъ ее фактически невозможною.

Однимъ изъ сильнѣйшихъ доводовъ приверженцевъ войны *) является ссылка на исторію. Развѣ исторія, говорятъ намъ, не показываетъ, что во всѣ времена и на всѣхъ ступеняхъ цивилизаціи люди вели войны вплоть до нашихъ дней? И, конечно, они будутъ и впредь продолжать воевать до скончанія вѣковъ! Указаніе на прошлое вѣрно, но дѣлаемое отсюда заключеніе совершенно невѣрно. Изъ того, что явленіе существовало, хотя-бы тысячелѣтія, вовсе еще не слѣдуетъ, что оно и *должно* существовать вѣчно. Забываютъ, что въ прежнія эпохи замкнутости и враждебности народовъ, война, хотя насильственно, знакомила и сближала ихъ другъ съ другомъ и, до извѣстной степени, являлась формою колонизаціи и торговыхъ между ними сношеній. Завоеватели тогда не

*) Ревонъ посвящаетъ введеніе своей книги философіи войны. Онъ изучаетъ доводы защитниковъ и противниковъ войны съ точки зрѣнія трехъ верховныхъ принциповъ логики: истины, красоты и добра, и приходитъ къ тому выводу, что война, имѣвшая въ прошломъ нѣкоторое благотворное дѣйствіе, становится зломъ въ наше время, отъ котораго все рѣшительнѣе призвано освободиться будущее (*Revon*. L'arbitrage international, p. 1—57). Критику войны, какъ «юридическаго института», «элемента божественнаго міроправленія» и «положительнаго блага» дѣлаетъ также Шлифъ въ своемъ обширномъ трактатѣ о замиреніи Европы (*Schlief*. Der Friede in Europa 1892. S. 1—77).

только истребляли все своимъ мечомъ, но и открывали новыя страны, разносили далеко сѣмена высшей цивилизаціи и смѣшивали расы, которыя безъ нихъ навсегда остались-бы другъ другу чуждыми. Это особенно можно сказать объ арійскихъ завоевателяхъ (Кирѣ, Александрѣ В., римлянахъ, Карлѣ В. и др.) въ отличіе отъ азіатскихъ хищниковъ и истребителей (Атилѣ, Чингисъ-ханѣ, Тамерланѣ и пр.). Съ другой стороны, войну вызывалъ въ прежніе періоды и внутренній строй государствъ, не знавшихъ правъ личности человѣка, какъ таковой, но абсолютныхъ, насквозь проникнутыхъ религіозною нетерпимостью, фанатизмомъ и во всемъ насильственныхъ.

Все это глубоко измѣнилось или измѣняется въ наше время: уже теперь, а чѣмъ долѣе тѣмъ болѣе, война становится все менѣе и менѣе нужною и справедливою. Это даетъ возможность пытливому уму глубже взглянуть на самую *природу войны* и тогда мы увидимъ, что она въ сущности не есть, какъ утверждаютъ ея смѣлые приверженцы, нѣчто неизмѣнное, роковое, таинственное, но весьма *опредѣленное явленіе порождающей ее общественной среды*, съ измѣненіями которой измѣняются всегда и ея причины, характеръ и цѣли. Это *юридическое* воззрѣніе на войну единственно научно-вѣрное, ибо оно, лучше всего выясняя реальную природу войны, объясняетъ также, почему послѣдняя, столь распространенная въ прежнія эпохи, осуждается на вымираніе въ нашу. Никакіе примѣры прошлаго предъ этимъ требованіемъ разума убѣдительной силы имѣть не могутъ. Къ этому заключенію насъ приводятъ: разсмотрѣніе не только современнаго политическаго и экономическаго строя народовъ, болѣе глубокое пониманіе христіанства и нравственности, но и внимательное изученіе *всѣхъ* тѣхъ измѣнившихся *условій*, среди которыхъ собственно ведутся войны въ наши дни. «Прежде, говоритъ Лавеле, кампаніи ограничивались обыкновенно лѣтомъ; съ наступленіемъ холодовъ войска занимали свои зимнія квартиры. Тридцати или сорока тысячная армія уже считалась внушительною силою. Цѣлые мѣсяцы тратились на осаду и взятіе какого-либо города и это составляло нерѣдко результатъ цѣлой кампаніи. При заключеніи мира воюющіе отдавали другъ другу почти всѣ сдѣланныя ими пріобрѣтенія или же побѣдитель довольствовался уступкою какой-нибудь колоніи, крѣпости или-же клочка территоріи» *).

Теперь война, по выраженію Бисмарка, ведется со всею основательностью: милліонныя полчища людей поднимаются другъ на друга; борьба ихъ принимаетъ характеръ невѣроятнаго ожесточенія; страна подвергается ограбленію и опустошенію; врага хотятъ раздавить окончательно.

---

*) *Laveleye*. Des causes actuelles de guerre en Europe et de l'arbitrage. 1873; p. 158.

чтобы не бояться въ будущемъ его отомщенія. Словомъ, все бытіе воюющихъ ставится на карту. Таковы современныя войны, какъ показываетъ опытъ, и счастливы были-бы мы, если-бы сумѣли воспользоваться его страшными уроками.

И можетъ-ли быть иначе, если сообразить, что прежде война составляла своего рода профессію; человѣкъ посвящалъ себя ей, такъ сказать, по призванію, по вкусу; литература изображаетъ намъ въ яркихъ красках оригинальные типы военныхъ людей добраго стараго времени. Они отличались отъ прочихъ смертныхъ своимъ юморомъ, безстрашіемъ и даже, быть можетъ, своими недостатками. Самое это выраженіе «военное ремесло» показывало, что оно не было достояніемъ всѣхъ.

Нынѣ всѣ способные граждане призываются къ оружію. Пруссія первая подала примѣръ введеніемъ общей воинской повинности и остальныя государства должны были ей послѣдовать, чтобы не очутиться въ невыгодномъ, сравнительно съ нею, военномъ положеніи. Но эта повинность влечетъ за собою самыя тяжелыя послѣдствія во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности: благодаря ей, даже среди мира, земледѣлецъ отрывается отъ сохи и въ самое для сельскихъ работъ горячее время; человѣкъ мысли и науки вынуждается промѣнять свои занятія на такія, которыя ему совершенно необычны и даже противны всѣмъ его наклонностямъ; самого будущаго священника, этого служителя любви и мира не щадятъ. Человѣкъ посылается въ лагерь до выполненія судьбы, предначертанной ему Провидѣніемъ; онъ становится солдатомъ ранѣе чѣмъ дѣлается мужемъ, отцомъ семейства. Все гнется предъ этою тираніею.

Какое извращеніе естественнаго порядка вещей и какая діаметральная противоположность тому, что собственно должно было-бы быть! Намъ скажутъ: это вызывается необходимостію, но эта необходимость относительна и преходяща.

Благодаря системѣ общей воинской повинности, *миръ*, которымъ мы пользуемся, не прочный и настоящій, а *вооруженный*, т. е. представляющій горькую пародію должнаго мира. Ежеминутно угрожаютъ ему нарушеніемъ какіе-либо инциденты; никто не имѣетъ увѣренности въ его прочности; правительства содержатъ подъ ружьемъ чудовищныя арміи и только и помышляютъ объ ихъ увеличеніи и о развитіи боевыхъ силъ страны. Какой-же это миръ?

Нынѣ Европа содержитъ въ мирное время армію въ $3\frac{1}{2}$ милліона солдатъ; во время войны она можетъ довести ее легко до 10 милліоновъ, а если вышлетъ въ поле чрезвычайныя ополченія, то и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, даже до 22 милліоновъ!

Сообразно съ этимъ растутъ и издержки всѣхъ правительствъ на армію и флотъ. Стоитъ ли даже останавливаться на цифрахъ, когда онѣ постоянно измѣняются и именно въ сторону быстраго повышенія? Но

все-таки недурно напомнить, что въ 1875 г. шесть великихъ державъ Европы тратили на свои сухопутныя и морскія силы 2 милліарда 775 милл. франк.; въ 1885 г.—3 милліарда 273 милл.; въ 1890 г.—4 милліарда 75 милл.; въ 1892 г.—5 милліардовъ. Манія милитаризма заражаетъ даже Англію и миролюбивую Бельгію, король которой въ 1887 г. считалъ своимъ долгомъ напомнить подданнымъ, что «фламандскій левъ не долженъ дремать».

Не одни, впрочемъ, расходы на военныя силы велики (поглощая свыше четвертой части всѣхъ доходовъ европейскихъ государствъ вмѣстѣ взятыхъ), но и, благодаря болѣе всего имъ, непрерывно растутъ въ ужасающей прогрессіи ихъ долги. На одинъ 1891 г. дефициты въ Европѣ, по всѣмъ ея бюджетамъ, достигли суммы около 2 милліардовъ франковъ. Одни послѣдніе большіе маневры обошлись въ 3.753,000 фр. По порученію лорда Салисбюри, который желалъ обратить на это вниманіе императора Вильгельма II, молодой дипломатъ, Дерингъ, собралъ точныя свѣдѣнія о положеніи военныхъ силъ Европы въ наши дни. Онъ показываетъ, что за 6 лѣтъ (1882—88), населеніе умножилось во Франціи, Германіи, Австро-Венгріи, Англіи, Италіи, Испаніи и Россіи на 5,6%, а лежащія на немъ податныя тягости увеличились на 9,15%. Ихъ совмѣстный долгъ возросъ на 10,36%, а платимыя на его погашеніе суммы на 13,30%. Собственно же военные и морскіе расходы увеличились за эти-же шесть лѣтъ на 23%. Италія, вступивъ въ тройственный союзъ, почти удвоила за послѣднія двадцать лѣтъ свой военный бюджетъ (съ 38½ милл. фр. въ 1871 г. она довела его до 60 въ 91 г.). Неужели суждено сбыться предсказанію Монтескье: «Европа погибнетъ отъ своихъ армій» *).

«Современныя громадныя арміи», говорится въ адресѣ, обращенномъ ко всѣмъ правительствамъ, конгресса мира, засѣдавшаго въ Чикаго въ 1893 г.,—«современныя арміи наводятъ какъ-бы на мысль, что европейскія правительства болѣе озабочены тѣмъ, чтобы обучать своихъ гражданъ истребленію людей, нежели обработкѣ производительныхъ силъ ихъ странъ. С. Штаты за первое столѣтіе своего существованія вели только три войны: съ Англіею (1812—14), Мексикой (1845—48) и междоусобную (1861—65). При почти 60 милл. населеніи они содержатъ армію въ 25 тыс. человѣкъ. Ея достаточно для внутренней безопасности, но она никому изъ сосѣдей не угрожаетъ. Наша безопасность заключается въ превосходствѣ нашихъ законовъ, въ честности нашихъ гражданъ, въ ихъ

*) *Dreyfus.* L'arbitrage; p. 340—341 (даетъ сравнительную таблицу населенія, армій, общихъ и военныхъ бюджетовъ, а равно долговъ въ главныхъ государствахъ Европы и С. Штатахъ за 189) г.).

Mougins de Roquefort. Ib., p 271—273.

Revon. O. c., p. 401—403.

привязанности къ нашимъ свободнымъ учрежденіямъ и въ воздержаніи нашего правительства отъ союзовъ, лишь запутывающихъ дѣла» *).

Война, въ наши дни, характеризуется не однимъ поднятіемъ другъ противъ друга уже не армій, а цѣлыхъ вооруженныхъ народовъ, но и доведеніемъ служащихъ ей истребительныхъ орудій, по послѣднимъ словамъ науки, до невѣроятной степени жестокости и убійственности. Въ этомъ лежалъ бы вѣчный позоръ для нашего вѣка, если-бы военные изобрѣтатели и техники, сознательно или безсознательно для себя, не содѣйствовали чрезъ это скорѣйшему уничтоженію самой войны. Уже слишкомъ очевиднымъ для всѣхъ и каждаго, благодаря этимъ усовершенствованіямъ, дѣлается безуміе войны! Современныя ружья бьютъ на 4 версты, орудія-же болѣе чѣмъ на 7 верстъ. Пуля, выпущенная изъ нынѣшняго французскаго ружья, обладаетъ силой смертельнаго пораженія на разстояніе 3,200 метровъ (3,700 шаговъ), а по нѣкоторымъ даже до 4,000 метровъ **).

На послѣднихъ войнахъ мы видимъ во что онѣ обходятся не только для воюющихъ, но и для постороннихъ, нейтральныхъ. Контрибуціи и реквизиціи достигаютъ громадныхъ размѣровъ, а при заключеніи мира побѣдитель возлагаетъ на побѣжденнаго уплату такихъ суммъ, которыя надолго расшатываютъ его экономическое благосостояніе. Но сколько потрясеній и убытковъ для общей торговли отъ каждой войны! Разочли напр., что во время междоусобной войны въ Америкѣ, Европа теряла приблизительно на одномъ только товарѣ, на хлопкѣ, до милліона франковъ въ годъ, ибо спросъ на него сократился на половину. Въ одной Англіи въ первый годъ этой войны (1862) около $^3/_5$ рабочихъ занятыхъ

*) The World's Columbian Exposition. Memorial for International Arbitration; p. 7.

**) Интересный очеркъ истребительной силы современныхъ орудій войны—ружей и пушекъ—а также ихъ устройства и дѣйствій сдѣлалъ проф. *Морозовъ* въ своей публичной лекціи 1892 г.—«Война, ея орудія и жертвы» (Кіевскія Универ. Извѣстія; 1892, февр.).

Обстоятельный обзоръ быстраго и непрерывнаго роста вооруженныхъ силъ Европы съ 1860 по 1891 г. включительно; исторія успѣховъ новѣйшаго кораблестроенія и борьбы между бронею и артиллеріею, а также техническія условія будущей войны подробно изложены въ обширной работѣ *Бліоха:* Будущая война, ея экономическія причины и послѣдствія (Русскій Вѣстникъ, 1893 г., февр. и слѣд. мѣс.).

Экономистамъ принадлежитъ великая заслуга, что они первые съ извѣстною точностію опредѣлили личные и матеріальные убытки, причиненные Европѣ войною во вторую половину текущаго столѣтія. Особенно тутъ слѣдуетъ указать на труды: *Leroy-Beaulieu.* Recherches économiques, historiques et statistiques sur les guerres contemporaines. 1869. *De Foville.* Ce que coûte la guerre (Economiste français. 1888; 11 sept. 23 oct. 13 et 27 nov.).—Fréd. *Passy.* La barbarie moderne.—*Бліохъ.* Назв. ст. (Тамъ же; апр.) Съ 1853 г. до нашихъ дней война, по его словамъ, поглотила $2^1/_4$ милл. людей и $62^1/_2$ милліарда франк.

его обработкою (1.200,000 чел.), остались безъ куска хлѣба *). Сама эта война обошлась С. Штатамъ въ 50 милліардовъ франковъ. Франціи стоила война 1870—71 г. съ потерею Эльзаса и Лотарингіи 2½ милл. людей и около 30 милліардовъ фр. Россія истратила на войну 1877—78 г. свыше 5½ милліардовъ франковъ. Но во сколько разъ убійственнѣе и разорительнѣе по всѣмъ вѣроятіямъ будетъ грядущая война. Уже теперь пушки стали въ 4—5 разъ разрушительнѣе, чѣмъ какими онѣ были даже еще въ войну 1870—71 г., а новыя открытія взрывныхъ веществъ **) и усовершенствованія прежнихъ орудій борьбы (бездымный порохъ и т. п.) на столько увеличатъ опасность для борющихся на поляхъ сраженій, что никакая медицинская помощь, какъ бы она хорошо ни была устроена, не будетъ въ состояніи бороться съ этими дально- и мѣтко-бойными орудіями, которыя будутъ косить людей цѣлыми рядами.

По вычисленіямъ Бліоха, издержки на будущую войну будутъ въ 6 и даже 8 разъ больше нежели доселѣ и хотя, при современномъ состояніи кредита, правительствамъ будетъ легче ихъ покрыть, чѣмъ въ прежнія времена, но она въ цѣломъ отразится несравненно чувствительнѣе на всемъ сложномъ механизмѣ современнаго народнаго хозяйства. Она разовьетъ каперство и сдѣлаетъ международныя сношенія на морѣ почти невозможными. Большинство государствъ при густомъ населеніи и малоземельѣ, въ наши дни, не могутъ обойтись безъ иностраннаго ввоза хлѣба и продуктовъ первой необходимости ***), такъ что будущую войну неминуемо будутъ сопровождать голодъ и болѣзни. Множество заводовъ и фабрикъ прекратятъ свою дѣятельность вслѣдствіе закрытія путей сообщенія, сокращенія спроса и т. п., такъ что война лишитъ милліоны людей куска насущнаго хлѣба. Это принудитъ правительства къ заключенію быстраго мира и такимъ образомъ войною, столь пагубною во всѣхъ отношеніяхъ, вѣроятно опять не будетъ рѣшенъ окончательно ни одинъ изъ великихъ спорныхъ вопросовъ нашего времени ****).

А какія глубокія пропасти ненависти прокладываетъ между народами война? Если мы это видимъ на войнахъ даже нашего столѣтія, то во сколько разъ это будетъ хуже вслѣдствіе будущей войны, которая не только подниметъ на ноги едва-ль не все мужское населеніе противниковъ, но и

---

*) *Dupasquier*. Le crime de la guerre, dénoncé á l'humanité. 1873.

**) Обзоръ приготовленія главныхъ изъ нихъ можно найти у Бліоха. Первый бездымный порохъ былъ введенъ во французской арміи въ 1886 г.

***) Въ Англіи собственно хлѣба (пшеницы, ржи и ячменя) не хватаетъ на 178 дней въ году, въ Италіи на 76 дней, въ Германіи на 54 и во Франціи на 32 дня. Только Австрія можетъ обойтись безъ иностраннаго хлѣба, а Россія съ закрытіемъ вывоза своего хлѣба, получила-бы излишекъ зерна, сверхъ требуемаго для мѣстнаго потребленія въ 21% (Бліохъ; тамъ-же. Онъ даетъ много цифръ и по другимъ статьямъ ввоза).

****) *Бліохъ*. Назв. ст.

втянетъ, по всѣмъ вѣроятiямъ, въ борьбу большинство цивилизованныхъ государствъ. Не показываетъ-ли это все, какъ излишнею и вредною становится война для современнаго общества? Особенно къ этому выводу придешь, если взглянуть на нее именно какъ на способъ рѣшенiя споровъ между народами.

Тутъ мы видимъ, что при теперешнихъ условiяхъ общественной жизни между войною и спорными предметами нѣтъ никакой соразмѣрности: война причиняетъ столько бѣдствiй, поглощаетъ столько жизней и капиталовъ, вноситъ въ общество такiе инстинкты хищничества и насилiя, а между тѣмъ, какъ показываетъ опытъ нашего времени, серьезныя разногласiя между государствами, поведшiя къ ней, были-бы, конечно, рѣшены основательнѣе и справедливѣе безъ крови и меча, но зато съ несравненно меньшими потерями. Не слѣдуетъ, кромѣ того, забывать, что войны часто прикрываются предлогами, которые съ ними мало или ничего не имѣютъ общаго. Громадное число споровъ и недоразумѣнiй между правительствами рѣшается — особенно если ихъ разсмотрѣть добросовѣстно и вначалѣ, не давая имъ разростаться,—удобнѣе и справедливѣе мирными способами, нежели войною. Указать на это, выработать возможно совершенные способы мирнаго окончанiя столкновенiй между народами, наконецъ, болѣе и болѣе сократить вообще область примѣненiя войны,—такова высоко-человѣческая миссiя и международнаго права. Оно къ ней неустанно и стремится, выдвигая все рѣшительнѣе въ наукѣ и въ практикѣ ученiе о международныхъ—третейскомъ и постоянномъ судѣ, долженствующихъ постепенно замѣнить дипломатiю и войну въ дѣлѣ охраны правъ народовъ.

Далѣе, всякая война, каковъ-бы ни былъ результатъ ея, содержитъ въ себѣ зародыши новой войны въ будущемъ. Это весьма естественно: она усиливаетъ рознь и вражду между народами, а сопровождающiя ее насилiя попираютъ всегда чье-либо право, о которомъ рано или поздно возбуждается новый споръ, который зажигаетъ опять войну и такъ идетъ далѣе до безконечности. Войною, въ результатѣ, болѣе создаются или, во всякомъ случаѣ, скорѣе обостряются и осложняются, нежели разрѣшаются споры по правдѣ и сообразно съ настоящими интересами народовъ.

Въ виду указанныхъ нами обстоятельствъ не удивительно, что въ массахъ быстро падаетъ популярность войны и меркнетъ ея поэзiя, въ значительной степени разукрашенная писателями. Война перестала быть, какъ въ прежнiя эпохи, личною борьбою противниковъ, которые въ ней измѣряли свою отвагу, ловкость и искусство. Она превратилась въ какую-то безсмысленную бойню людей, часто не знающихъ, откуда ихъ поражаютъ и не имѣющихъ возможности стать къ противнику лицомъ къ лицу и воздать ему тѣмъ-же. Храбрые и трусы при этихъ массовыхъ

избіеніяхъ не одинаково-ли превращаются въ «пушечное мясо»? Война, совершенно вѣрно говоритъ Ревонъ, теряетъ свое обаяніе надъ людьми по мѣрѣ того, какъ исчезаетъ ся нравственное значеніе. Прежде она облагораживала человѣка: она закаляла его душу мужествомъ и возвышала ее къ великодушію. Гордая встрѣча двухъ небольшихъ отрядовъ воспламеняла въ противникахъ всѣ силы ихъ души: они встрѣчались открыто, тѣло къ тѣлу, и мѣрились въ честномъ бою. Теперь формы войны совершенно измѣнились: сотнями тысячъ люди устремляются другъ на друга. Они избиваютъ врага, даже не видя его. Невидимо дѣйствующіе снаряды заняли мѣсто рукопашнаго боя; оружіе, съ которымъ можно нападать на непріятеля только въ непосредственной къ нему близости, стало излишнимъ при ружьѣ, хватающемъ издалека. Нѣтъ болѣе мѣста личной храбрости, а слѣдовательно нѣтъ болѣе никакой нравственной доблести въ войнѣ. Переродившись, война сама произноситъ себѣ смертный приговоръ. Она нынѣ съ нравственной стороны на столько-же понизилась, на сколько выросла въ матеріальной силѣ. Отсюда мы черпаемъ глубокій урокъ, преподаваемый намъ исторіею: такъ какъ борьба, соревнованіе, возвышали человѣка; а нынѣ война, напротивъ, унижаетъ его, то *слѣдуетъ уничтожить войну, сохранивъ борьбу*. Но борьбу противъ кого? Противъ природы. Религія уничтожила кровавыя приношенія въ жертву человѣкомъ человѣка-же. Она взамѣнъ этого потребовала иного, болѣе высокаго и духовнаго дара: приношенія человѣкомъ въ жертву самого себя. Также и мораль должна осудить борьбу между человѣческими силами, насколько она направляется на ихъ взаимное истребленіе, сохранивъ однако то, что въ ней заключается полезнаго и оживляющаго. Надо тутъ для человѣческой энергіи указать новые направленія и предметы. Не будемъ пытаться, говорилъ еще Боссюэтъ, останавливать прямо и круто человѣческія страсти, достаточно, если мы ихъ теченіе искусно направимъ на другой путь къ какой-либо цѣли: нравственной и полезной. Въ этомъ мудромъ совѣтѣ заключено логическое преобразованіе принципа борьбы въ человѣчествѣ. Движеніе, данное послѣднему войною, оно продолжаетъ нынѣ въ области промышленности; привитыя ему, благодаря прежнимъ битвамъ, мужественныя способности оно переноситъ теперь на производительный трудъ, такъ-что мужество труженика замѣняетъ доблесть воина. Удивительное превращеніе, не уничтожающее ни одного изъ пріобрѣтенныхъ человѣкомъ нравственныхъ качествъ: увлеченіе, терпѣніе, самоотверженіе, даже героизмъ, ибо изслѣдователь, безстрашно идущій навстрѣчу смерти въ центральной Африкѣ; инженеръ, не боящійся лихорадки при осушеніи болотъ; механикъ, подвергающійся гибели на паровозѣ; человѣкъ, не щадящій своихъ силъ въ погонѣ за новой идеею, или публицистъ, губя-

щій свое здоровье, защищая ее; всѣ эти храбрецы и мученики прогресса, чѣмъ они уступаютъ античнымъ героямъ *)?

Каждому серьезному человѣку, изучавшему эти вопросы, необходимо проводить въ общество болѣе здравыя и вѣрныя воззрѣнія на войну, состоящія въ томъ, что, не отрицая ея необходимости и извѣстной законности для прошлыхъ эпохъ, признавать, однако, что она, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе утрачиваетъ и будетъ терять подъ собою реальную почву. Къ этому ведутъ и ея «усовершенствованія» и всѣ явленія общественной жизни нашего времени.

Закончимъ прекрасными словами Мужэнъ-де-Рокфора: «такъ мы достигнемъ, если не совершенной отмѣны войны, то по крайней мѣрѣ того, что представимъ войну въ ея настоящемъ свѣтѣ и сдѣлаемъ ее болѣе рѣдкою. Но для этого необходимо изучать ее холоднымъ разсудкомъ, а не коснѣть вѣчно въ предубѣжденіяхъ рутины. Надо-же наконецъ понять, что война, это грубѣйшее проявленіе силы, есть для нашего времени аномалія, преграда къ прогрессу, къ которому направляется человѣчество. Во имя самыхъ дорогихъ для насъ принциповъ мы должны ополчиться на войну и на всѣ приводимыя въ ея пользу оправданія. Если бы никто въ свое время не возвысилъ голоса противъ рабства, торговли неграми, пытки и не выставилъ-бы ихъ гнусныхъ сторонъ, мы, вѣроятно, доселѣ прозябали-бы съ ними и со многими другими безобразіями, предъ которыми, однако, преклонялись прошлые вѣка. Если бы кто сказалъ древнимъ грекамъ и римлянамъ, что исчезнетъ нѣкогда рабство, они, конечно, этому не повѣрили-бы, ибо оно до такой степени казалось имъ сросшимся со всѣмъ ихъ общественнымъ строемъ. А между тѣмъ свѣтъ истины возсіялъ и рабство исчезло. Тѣ, которые вѣрятъ въ вѣчность царства силы, никогда серьезно не вдумывались въ то, что такое война и вообще изучали крайне поверхностно исторію человѣчества и отмѣчаемыя ею эпохи въ его поступательномъ развитіи» **).

II.

Такъ представляется намъ вопросъ о войнѣ, разсматриваемый самъ по себѣ и по отношенію къ цивилизованнымъ государствамъ нашего времени. Но, скажутъ намъ, возможно-ли толковать теоретически, хотя-бы только о сокращеніи войнъ въ виду новыхъ надвигающихся на наше общество опасностей и сложныхъ задачъ, ожидающихъ отъ него рѣшенія въ будущемъ.

Оставимъ теперь въ сторонѣ, такъ сказать, домашнюю рознь евро-

*) *Revon*. Ouvr. cité, p. 39—41.

**) *Mougins de Roquefort*. Ouvr: cité, p. 267—268.

пейскихъ государствъ и обратимся къ тѣмъ вопросамъ, которые касаются міроваго положенія и значенія Европы.

Здѣсь прежде всего имъ угрожаютъ конкуренціею Америки. Недавно одинъ американецъ, живущій во Франкфуртѣ, Ганауеръ, указалъ на возможныя отсюда послѣдствія; «если, говоритъ онъ, европейскія государства будутъ такъ продолжать истощать другъ друга войнами, а американскимъ республикамъ удастся образовать между собою одну большую, мирную федерацію,—цивилизація и экономическое благосостояніе перейдутъ въ за-атлантическія страны, а Европа сдѣлается добычею варварства и нищеты. Не заставитъ-ли это ее очнуться? А то, пожалуй, если она и впредь будетъ продолжать свою теперешнюю безумную политику, Америкѣ придется вмѣшаться въ ея дѣла и навязать ей наконецъ миръ, въ которомъ она хочетъ жить сама».

Какъ извѣстно, С. Штаты давно уже носятся съ идеею втянуть въ сѣти своей хозяйственной политики весь американскій континентъ и, составивъ изъ него одинъ великій таможенный союзъ, закрыть его рынки для европейскихъ товаровъ, а земли его для европейскихъ переселенцевъ. Недавно Европа ужаснулась отъ сельско-хозяйственной конкуренціи Штатовъ; скоро, говорятъ, должна она ее почувствовать и въ области промышленности и торговли. Какъ населеніе, такъ и богатство Штатовъ растутъ съ баснословной быстротой: въ 1790 г. въ нихъ было около 4 милл. жителей, въ 1880 г.—50⅓ милл. Правда, съ 1820 г. по 1879 г. къ нимъ прибыло изъ Европы эмигрантовъ почти на 10 милл. чел., въ томъ числѣ изъ Великобританіи: свыше 4½ милл. и изъ Германіи 3 милл. чел. Вообще же за послѣдніе годы переселенцевъ къ нимъ прибываетъ до полмилліона чел. въ годъ! Такой же ростъ видимъ и въ ихъ народномъ богатствѣ: въ 1850 г. оно цѣнилось въ 1.700 милл. ф. стерл., а народное богатство Англіи въ 4.500 милл. Черезъ 30 съ небольшимъ лѣтъ это соотношеніе перевернулось: въ 1888 г. въ Англіи было богатствъ на 9.000 милл., а въ Штатахъ уже на 11.000 милл. Сравните съ этимъ Францію, располагающую богатствомъ въ 8.000 милл. и Германію въ 5.000 милл. Какъ не богатѣть Америкѣ при громадныхъ, дѣвственныхъ еще пространствахъ земли, при отсутствіи въ ней политической централизаціи, убивающей всякую инициативу и особенно милитаризма. На свою небольшую армію С. Штаты тратятъ 250 милл. франковъ въ годъ, но зато они расходуютъ 500 милл. на погашеніе государственнаго долга. Вотъ почему многіе совѣтуютъ европейскимъ государствамъ (за исключеніемъ быть можетъ Россіи, призванной къ соперничеству съ Штатами) составить между собою таможенный Союзъ, въ предѣлахъ котораго царствовала бы полная свобода торговли съ возможно большимъ развитіемъ земледѣлія и промышленности, распредѣленныхъ сообразно съ естественными условіями отдѣльныхъ странъ. Но для этого европейскимъ наро-

дамъ необходимо предварительно прекратить свои взаимныя политическія интриги и раздоры *). Но американцы должны не сторониться и обособляться отъ своихъ старшихъ братьевъ-европейцевъ, а вмѣстѣ съ ними дружно стать на стражѣ противъ великой опасности, которая, по словамъ многихъ, всѣмъ имъ одинаково угрожаетъ и въ недалекомъ будущемъ со стороны цвѣтныхъ расъ и въ особенности черной и желтой. «Вы истощаете себя,—говоритъ къ европейцамъ Пирсонъ, бывшій министръ народнаго просвѣщенія въ Австраліи и спеціально изучившій вопросъ о соотношеніи человѣческихъ расъ **),—чудовищными вооруженіями, направляемыми противъ народовъ, которые ваши ближайшіе родственники; на это истрачиваете вы ваше золото и ваши силы, между тѣмъ какъ варвары копятъ ихъ для грядущей для нихъ войны. Ваша старая Европа безпокоится о томъ, что такой-то народъ пріобрѣтетъ или потеряетъ извѣстную провинцію, или о томъ, двинется или не двинется Россія на Константинополь, между тѣмъ какъ самый вопросъ о будущемъ положеніи европейской цивилизаціи въ мірѣ будетъ скоро поставленъ на карту для вашего потомства».

Печальна картина этой страшной борьбы за существованіе, которая будто имѣетъ возникнуть въ недалекомъ будущемъ на земномъ шарѣ между остающимися въ живыхъ расами. Борьба эта будетъ, думаютъ, даже не военною; медленно станутъ расы отвоевывать другъ у друга пядь земли и право на безбѣдное существованіе. Побѣда останется, быть можетъ, не за умнѣйшимъ, не за сильнѣйшимъ, а за наиболѣе выносливымъ и наиболѣе приспособляющимся къ условіямъ окружающей насъ среды.

Бѣлой расѣ — этой носительницѣ высшей христіанской культуры, принадлежитъ нынѣ третья часть всего населенія земли, но ей становится уже тѣсно въ ея главномъ центрѣ, въ Европѣ—и она распространяется понемногу во всѣ другія страны. Но тутъ-то и воздвигаются непреодолимыя предъ нею преграды. Для европейцевъ уже теперь остается мало мѣста на земномъ шарѣ, гдѣ они могли бы селиться и дать здоровое жизнеобильное потомство. Въ тропической полосѣ они становятся быстро жертвою убійственнаго климата. Поражаемые малокровіемъ и разстройствомъ нервовъ, они тамъ скоро утрачиваютъ свои умственныя и нравственныя качества и вымираютъ отъ губительныхъ болѣзней. Не въ ихъ пользу и законъ прироста населенія. Между тѣмъ какъ у нихъ рождаемость не велика, она сильна у цвѣтныхъ расъ. Въ Китаѣ уже теперь насчитываютъ населеніе въ 400 милл., къ половинѣ будущаго столѣтія оно дойдетъ до 800 милл. Какъ остановить этотъ возрастающій валъ

*) *Revon.* Ib., p. 440.—Любопытна также статья: *Kalbermatten.* La conquête de l'Europe par l'Amérique (Revue Internationale; 1889, 25 Mai).

**) *Pearson* National life and character. 1893. — *Leclerc.* L'émigration chinoise et les relations internationales (Revue des Deux Mondes. 1889; 1 Avr.).

цвѣтного населенія, грозящій затопить острова бѣлыхъ людей? То-же явленіе въ Африкѣ: населеніе негровъ удваивается въ 40 лѣтъ. Но особенно пагубною будетъ для бѣлаго конкуренція желтаго человѣка на экономическомъ поприщѣ. Чрезвычайно трудолюбивый и выносливый китаецъ, напр., можетъ довольствоваться гораздо болѣе низкою заработною платою (пять су въ день) нежели бѣлый рабочій (пять франковъ) и даже окружающая его роскошь чужихъ городовъ не дѣлаетъ его, въ этомъ отношеніи, болѣе требовательнымъ. Гигантскій желѣзнодорожный путь чрезъ Сибирь приблизитъ Китай къ Европѣ: вмѣсто 45 дней, которые требуются нынѣ для транспортовъ изъ Шанхая къ намъ, они будутъ доставляться тѣмъ путемъ въ 18 дней. Китай и Индія отнимутъ у Европы всѣ ея рынки и попытаются, напротивъ, ее наводнить своими товарами. Не слѣдуетъ, кромѣ того, забывать, что люди желтой расы искони отличались своею способностію къ механическому труду и ремесламъ. Что сдѣлается тогда съ европейскою промышленностію, когда она не будетъ болѣе имѣть передъ собою широкіе горизонты, большія ожиданія и смѣлыя предпріятія? Какъ отразится это на самомъ характерѣ бѣлой расы? Не изсякнетъ ли тогда ея творчество, не только въ области промышленности, но и, какъ дальнѣйшее отсюда послѣдствіе, въ сферѣ также науки, литературы, искусства? Мы будемъ отброшены въ нашъ собственный материкъ и обречены на погибель вслѣдствіе недостатка пространства и движенія.

Такъ пророчатъ намъ пессимисты. Фулье, хорошо резюмирующій ихъ доводы, противоставляетъ имъ однако соображенія, которыя заслуживаютъ полнаго вниманія *):

Какъ доказано опытомъ, низшія расы гибнутъ отъ соприкосновенія съ высшими. Индѣйцы Америки вымираютъ даже тамъ, гдѣ американское и англійское правительства оказываютъ имъ покровительство. На Сандвичевыхъ островахъ во времена Кука туземцевъ было около 300 тыс.; нынѣ ихъ тамъ не болѣе 40 тыс.

Въ будущемъ опасными соперниками для бѣлыхъ поэтому могутъ явиться только двѣ расы: черная (въ Африкѣ) и желтая (въ восточной Азіи). Негритянская раса, за все время своего существованія у себя на родинѣ, не вышла изъ самаго грубаго первобытнаго состоянія: она не создала ни одного памятника искусствъ и литературы; религія ея остается однимъ фетишизмомъ и проявленіемъ невѣжества и суевѣрій. Указанія на размножаемость чернокожихъ надо исправить соображеніемъ объ опустошеніяхъ, которыя въ ихъ средѣ производятъ нескончаемыя войны и повальныя болѣзни. Ссылаются еще на ихъ быстрые шаги по пути про-

---

*) *Fouillée.* Le caractère des races humaines et l'avenir des races blanches. (Revue des Deux Mondes. 1894. 1 Juillet).

гресса въ С. Штатахъ. Но это уже обусловливается ихъ сожительствомъ съ бѣлыми и воздѣйствіемъ на нихъ со стороны послѣднихъ.

Гораздо опаснѣе желтая раса: она безчисленна, выработала собственную, очень древнюю и во многихъ отношеніяхъ примѣчательную цивилизацію; она быстро размножается и всегда крайне настойчива и упорна въ преслѣдованіи разъ поставленной себѣ цѣли.

Но и тутъ наблюдаются любопытныя явленія: «относительно умственныхъ способностей чего-то недостаетъ желтой расѣ. Китайцы, дѣйствительно, неоднократно случайно нападали на великія открытія: печатный прессъ, порохъ, компасъ, но они не сумѣли ничего закончить. Ихъ умъ останавливается все на полдорогѣ. Удивительный, въ своемъ родѣ, китаецъ исключительно утилитаристъ и позитивистъ. Не ищите у него великодушныхъ порывовъ, творческихъ идей, стремленій къ безкорыстному, универсальному. Обширныя обобщенія не его дѣло: онъ весь уходитъ на мелочи и, будучи первымъ мастеромъ въ области практики и техники, не смогъ создать доселѣ оригинальнаго искусства» *).

Бѣлая раса отличается, быть можетъ, отчасти вслѣдствіе ея тысячелѣтней культурной работы, наслѣдственности и воспитанія, многими особенностями предъ людьми цвѣтными: мозгъ европейца среднимъ числомъ вѣситъ около 1.534 граммъ, негра изъ Африки около 1.371 гр., а туземца въ Австраліи не болѣе 1.228 гр. Самое развитіе его, несмотря на значительныя усилія, у низшихъ расъ останавливается на извѣстной стадіи, изъ-за причинъ чисто-физическихъ, лежащихъ въ ихъ организмѣ. На этомъ основаніи ихъ дѣти, отлично усвоивающія себѣ первоначальное образованіе, съ трудомъ одолѣваютъ среднее и не достигаютъ до высшаго. Съ самаго рожденія людямъ бѣлой расы переданы по наслѣдству болѣе высокія способности: они отличаются болѣе изощреннымъ чувствомъ, умомъ хорошо одареннымъ для науки и промышленности и энергичною волею, способною владѣть собою, весьма индивидуальною и въ то-же время съ широкими задатками къ общежитію. Не даромъ лица, наблюдавшія за школою, пришли къ выводу, что способности ребенка находятся въ тѣсной связи съ общею культурою его предковъ. Дитя не культурной расы принуждено все учить, тогда какъ дитя расы цивилизованной только вспоминаетъ. Если взять извѣстное число европейцевъ и сравнить его съ такимъ-же числомъ людей менѣе культурныхъ,—среди первыхъ окажется болѣе лицъ, одаренныхъ исключительными способностями.

Все это весьма важныя указанія. Они позволяютъ намъ надѣяться, вмѣстѣ съ Фулье, что успѣхи медицины въ будущемъ облегчатъ бѣлому человѣку акклиматизоваться въ такихъ тропическихъ странахъ, въ которыхъ онъ доселѣ не могъ прочно утвердиться. Быть можетъ въ особенности открытія въ области бактеріологіи помогутъ ему одолѣть желтыя.

*) Fouillée; ib.

болотныя и иныя лихорадки и болѣзни, пресѣкающія столь быстро его дни въ той, чуждой для него, обстановкѣ. Въ области собственно экономическихъ интересовъ придется бѣлымъ, какъ думаютъ нѣкоторые, соорудить нѣчто подобное китайской стѣнѣ противъ желтыхъ. Они уже къ этому приступили. С. Штаты закрыли свою территорію для китайскихъ переселенцевъ. То-же дѣлаютъ въ Австраліи. Новаго рода протекціонизмъ—расовый, вмѣсто народнаго. Онъ дастъ, съ одной стороны, бѣлой расѣ время размножиться, съ другой—желтой расѣ подняться до болѣе близкаго уровня къ развитію бѣлой. По поводу этой теоріи слѣдуетъ однако замѣтить, что, не отвергая справедливости *регулированія* въ интересахъ бѣлой расы переселенія китайцевъ, мы должны, однако, сказать, что систематическое его запрещеніе нарушаетъ принципы международнаго права.

Но главная опасность лежитъ со стороны неодинаковаго прироста населеній. Однако и тутъ, по мнѣнію автора, англо-саксонцы и русскіе могутъ поспорить даже съ китайцами. Разсчитали, что въ будущемъ столѣтіи первыхъ будетъ на всей землѣ около 1 милліарда человѣкъ. Россія въ 1879 г. имѣла населеніе въ 96 милліоновъ душъ; нынѣ оно дошло до 115 милл. т. е. увеличилось, въ продолженіе 8 лѣтъ, на 19 милл. Это уже почти населеніе остальной Европы; приростъ-же его превосходитъ третью часть населенія Германіи, а чрезъ 24 года онъ числомъ перегонитъ его цѣликомъ. Не даромъ сказали, что на каждаго рождающагося солдата во Франціи, въ Германіи родится полкъ, а въ Россіи—армейскій корпусъ. Послѣдняя призвана служить для западной Европы оплотомъ противъ возможнаго въ нее вторженія желтой расы. Настоящіе ея интересы въ Азіи, гдѣ впрочемъ будутъ находиться и интересы самой Европы въ ближайшемъ будущемъ. Нѣмцы и французы сдавлены, какъ-бы въ блокадѣ у себя дома. Одни русскіе имѣютъ предъ собою Азію.

Какіе же отсюда выводы? Самою необходимостью, говоритъ Фулье, всѣ европейскія государства будутъ приведены къ заключенію между собою большого союза или федераціи съ цѣлію борьбы противъ опасности, угрожающей имъ отъ конкуренціи желтыхъ и черныхъ. Такое соединеніе ихъ въ виду важнѣйшаго для нихъ вопроса—огражденія себя отъ востока, отразилось-бы только благотворно на укрѣпленіи самаго мира и на западѣ, ибо побудило-бы ихъ къ взаимнымъ уступкамъ по существующимъ между ними самими разногласіямъ. Но жители Европы должны помнить, что оставаться въ челѣ цивилизаціи они смогутъ не войнами. не одними даже усиліями ума и не исключительно благодаря наукѣ, а главнымъ образомъ чрезъ посредство воли и нравственной своей доблести. Въ волѣ лежитъ главная основа и сила характера какъ у человѣка, такъ и у расы, слабость-же ея парализуетъ самый умъ. Поэтому и владычество будетъ предоставлено расѣ, которая, къ наиболѣе высокому умственному развитію, присоединитъ еще волю, наиболѣе энергичную и наи-

лучше уравновѣшенную. Если общее пониженіе нравственнаго уровня не остановится во Франціи, въ Англіи, въ Германіи, мы сойдемъ на болѣе низкую ступень. Но если мы сумѣемъ подняться и дружно соединить наши силы и если особенно Америка, съ своей стороны, пойметъ свое настоящее призваніе, гегемонія останется за бѣлою расою *). Къ этимъ краснорѣчивымъ словамъ французскаго писателя сдѣлаемъ еще одну существенную оговорку: особенно слѣдуетъ европейскимъ государствамъ сговориться на счетъ того, чтобы не обучать азіатовъ своимъ военнымъ искусствамъ и техникѣ, ни посылать къ нимъ собственныхъ инструкторовъ. Вообще-же не дозволять своимъ подданнымъ служить въ рядахъ ихъ войска, по возможности строго сохранять отъ нихъ въ тайнѣ всѣ свои военныя изобрѣтенія и улучшенія и ни въ какихъ случаяхъ не втягивать державы Азіи въ свои взаимные счеты и распри. Лишь дѣйствуя по отношенію къ нимъ всегда дружно и заодно, европейскіе кабинеты могутъ не страшиться никакихъ полчищъ Азіи и держать пока въ своихъ рукахъ судьбы міра ко благу всего человѣчества.

Этимъ, конечно, мы не хотимъ сказать, чтобы люди иныхъ расъ не имѣли такое-же право какъ и мы на политическую независимость и развитіе. Напротивъ. Почти всѣ антропологи приходятъ въ наше время къ заключенію, что племена, заселяющія нынѣ землю—общаго происхожденія и что лишь жизнь въ разныхъ условіяхъ заставила ихъ измѣниться и развиться въ ту или другую сторону. На то-же указываютъ и современные психологи и историки культуры **).

Бѣлая раса вѣроятно еще надолго удержитъ за собою высокое, первенствующее мѣсто въ мірѣ, на что ей даетъ право ея прошлое и ея высшія пока свойства и цивилизація. По отношенію-же къ цвѣтнымъ расамъ, она должна стремиться не къ порабощенію ихъ, а къ ихъ постепенному воспитанію въ духѣ нашей, болѣе глубокой и широкой культуры, насколько это дозволятъ особенности ихъ природы. Но для такой многотрудной задачи и для того, чтобы не быть подавленными численнымъ превосходствомъ азіатовъ, европейскимъ народамъ нужно прежде всего быть внутри себя самихъ крѣпкими, согласными и не расточать безплодно свои богатыя дарованія и силы на одни лишь вооруженія и перевооруженія. Великія, ожидающія ихъ въ будущемъ задачи не таковы, чтобы разсѣкаться мечомъ, а требуютъ отъ нихъ всѣхъ—болѣе всего въ интересахъ ихъ-же самосохраненія—политики терпѣливой, дальновидной, мирной, истинно-человѣчной.

Графъ **Л. Камаровскій.**

---

*) Fouillée; ib.

**) Летурно [Letourneau] напр., въ своей извѣстной книгѣ: «L'Evolution religieuse dans les diverses races humaines». 1894, чрезвычайно остроумно доказываетъ эту общность происхожденія общностію миѳовъ и религіозныхъ обычаевъ. (Будущее бѣлой расы. «Моск. Вѣдом.», 1894, № 226 и 233).

Развѣнчанный король.

Разсказъ **Сельмы Лагерлёвъ**, переводъ со шведскаго **О. Петерсонъ**.

— —

«Царство фантазіи принадлежало мнѣ,—теперь-же я развѣнчанный король».

Сноильскій.

На улицѣ послышался топотъ; деревянные башмаки торопливо застучали по камнямъ. Это бѣжали уличные мальчишки. Они шумѣли, свистали. Это было общее бѣгство. Дома дрожали, а изъ узкихъ переулковъ неслось эхо,—точно какая-то цѣпная собака лаяла въ своей конурѣ.

Въ оконныхъ стеклахъ появлялись лица. Что случилось? Не приключилось-ли какой бѣды? Шумъ постепенно удалялся къ форштату. Служанки поспѣшно бѣжали туда слѣдомъ за уличными мальчишками. Онѣ всплескивали руками и восклицали: «Господи сохрани и помилуй! Ужъ не убійство-ли какое или пожаръ?» Никто не отвѣчалъ. Только топотъ доносился издалека.

За служанками спѣшили благоразумныя городскія матроны: «Въ чемъ дѣло?» спрашивали онѣ.—«Что могло нарушить обычную утреннюю тишину? Ужъ не свадьба-ли какая? Или похороны? Пожаръ? Въ такомъ случаѣ, чего-же смотритъ сторожъ на своей башнѣ? Вѣдь такъ городъ успѣетъ сгорѣть до тла прежде, чѣмъ онъ ударитъ въ набатъ».

Вся толпа остановилась въ форштатѣ передъ маленькимъ домикомъ сапожника, тѣмъ самымъ домикомъ, двери и окна котораго были обвиты виноградомъ; отъ улицы отдѣлялся онъ садикомъ, шириною не болѣе аршина. Словно соломенная бесѣдка съ увеселительнымъ паркомъ, годнымъ для крысы и дорожками, продѣланными точно для котенка. И все въ наилучшемъ видѣ! Бобы и горохъ, розы и лавенды, щепотка травки, куста три крыжовнику, да яблоня.

Всего ближе стояли уличные мальчишки, что-то высматривая и совѣщаясь между собою. Черезъ блестящія черныя оконныя стекла взоръ ихъ не проникалъ дальше бѣлыхъ деревянныхъ шторъ. Одинъ изъ мальчишекъ совсѣмъ влѣзъ въ виноградъ и прильнулъ лицомъ къ стеклу. «Что онъ видитъ?» шептали другіе,—«что онъ видитъ?» Сапожный станокъ и скамейку сапожника, банки сапожной мази и связки кожи, гвозди. кольца, ремни. «Не видитъ-ли онъ кого-нибудь изъ людей?» Онъ видитъ подмастерья, который кроитъ башмакъ. И никого больше, рѣшительно никого?» Большія черныя мухи ползаютъ по стеклу и мѣшаютъ ему смотрѣть. «Неужели онъ никого не видитъ, кромѣ подмастерья?» Никого. Табуретъ хозяина пустъ. Онъ заглянулъ разъ, заглянулъ въ другой, въ третій разъ,– табуретъ хозяина оставался пустъ.

Толпа стояла тихо, высказывая догадки, недоумѣвая. Итакъ, это была правда. Старикъ сапожникъ убѣжалъ. Никто не хотѣлъ вѣрить этому. Всѣ стояли и ждали доказательствъ. Кошка вылѣзла на крутую крышу. Она выпустила когти и сползла внизъ, къ самому краю крыши. Да, хозяина не было дома и кошка могла безпрепятственно приняться за охоту. Воробьи безпомощно метались и кричали.

Бѣлый цыпленокъ выглянулъ изъ-за угла дома. Онъ былъ уже почти взрослый. Гребень его торчалъ совсѣмъ красный. Онъ осторожно осмотрѣлся и оглядѣлся по сторонамъ, прокричалъ ку-ку-ре-ку и сталъ звать. Вышли куры,—цѣлый рядъ бѣлыхъ куръ, въ полномъ увлеченіи покачивая туловищемъ, размахивая крыльями,—ноги желтыя, какъ барабанныя палочки. Куры разбрелись среди подвязаннаго къ тычинкамъ гороху. Началось побоище. Ревность разыгралась. Одна изъ куръ обратилась въ бѣгство, унося полный стручокъ. Два пѣтуха погнались за нею по-пятамъ. Заглядѣвшись на нихъ, кошка оставила въ покоѣ воробьиху. Трахъ,—вотъ она упала прямо въ стаю. Куры побѣжали въ перевалку длинной вереницей. Въ толпѣ народа думали:

«А должно быть это-таки правда, что башмачникъ убѣжалъ. Ужъ по кошкѣ и курамъ видно, что хозяина нѣтъ дома».

Говоръ такъ и стоялъ на неровной улицѣ форштата, грязной отъ осенняго дождя. Двери были открыты, окна распахнуты. Голова придвигалась къ головѣ, слышался удивленный шопотъ.

«Онъ убѣжалъ!» Люди шептались, воробьи кричали, деревянные башмаки стучали.

«Онъ убѣжалъ, старый сапожникъ убѣжалъ. Владѣлецъ маленькаго домика, мужъ молодой жены, отецъ красивыхъ дѣтей, и убѣжалъ! Кто пойметъ это? Кто въ состояніи понять это?»

Въ одной пѣснѣ поется такъ: «Въ домѣ мужъ старый; въ лѣсу молодой любовникъ, жена сбѣгаетъ; дѣти плачутъ, домъ стоитъ безъ хозяйки». Стара эта пѣсня. Часто поютъ ее. И всѣмъ она понятна.

Но тутъ была новая пѣсня. Убѣжалъ старый мужъ. На рабочемъ столикѣ лежало его заявленіе, что онъ вовсе не намѣревался когда-нибудь вернуться.

Тутъ-же рядомъ лежало еще письмо. Его прочла одна только жена и больше никто.

Молодая жена сидѣла въ кухнѣ. Она не принималась ни за какое дѣло. Одна изъ сосѣдокъ ходила взадъ и впередъ по кухнѣ, заботливо приводила все въ порядокъ, разставляла чашки, подкладывала дровъ, щепала лучину и по временамъ, прослезившись, вытирала глаза посуднымъ полотенцемъ.

Самыя почтенныя женщины околотка неподвижно сидѣли вдоль стѣнъ. Онѣ знали, какъ держать себя въ домѣ, который посѣтило горе. Онѣ усиленно поддерживали молчаніе, усиленно сохраняли огорченный видъ. Онѣ отказались отъ работы, какъ въ праздникъ, для того, чтобы поддержать въ ея горѣ покинутую жену. Загрубѣлыя руки неподвижно лежали на колѣняхъ, избитыя непогодой лица складывались въ глубокія морщины; тонкія губы плотно сжимались поверхъ беззубыхъ челюстей.

Жена сидѣла среди этихъ бронзовыхъ лицъ, свѣтловолосая, съ кроткимъ нѣжнымъ лицомъ горлицы. Она не плакала, но дрожала. Она была такъ испугана, что, казалось, готова была умереть отъ страху. Она плотно стискивала зубы, чтобы никто не слыхалъ, какъ они стучали. Она вздрагивала всѣмъ тѣломъ при каждомъ звукѣ шаговъ или стукѣ въ дверь, или когда кто-нибудь заговаривалъ съ нею.

Она сидѣла съ письмомъ мужа въ карманѣ. То та, то другая строка изъ него приходила ей на память. Тамъ было написано:

«Я не могу больше смотрѣть на васъ обоихъ...» Въ другомъ мѣстѣ: «Я получилъ теперь полную увѣренность въ томъ, что ты и Эриксонъ намѣреваетесь бѣжать». А потомъ: «Ты не должна дѣлать этого, потому что злые толки людей сдѣлаютъ тебя несчастной. Убѣгу я, и тогда ты можешь получить разводъ и законнымъ образомъ выйти замужъ. Эриксонъ хорошій работникъ и легко можетъ прокормить тебя». И еще дальше:

«Пусть люди говорятъ обо мнѣ, что хотятъ. Съ меня довольно и того, что они не будутъ дурно думать о тебѣ, потому что ты не вынесла-бы этого!»

Она этого не понимала. Она вовсе не имѣла намѣренія обмануть его. Какая бѣда была мужу изъ того, что она охотно болтала съ молодымъ подмастерьемъ. Любовь—болѣзнь, но вѣдь не смертельная-же. Она намѣревалась терпѣливо выносить ее въ теченіе всей своей жизни. Какимъ образомъ мужъ ея могъ разгадать самыя сокровенныя ея мысли?

Какъ мучилась она одною мыслью о немъ! Какъ долженъ былъ онъ мучиться, наблюдая за ними. Онъ оплакивалъ свою старость. Онъ при-

ходилъ въ ярость, видя, какъ молодой человѣкъ былъ силенъ и бодръ. Онъ дрожалъ, слыша ихъ шопотъ, видя ихъ улыбки, наблюдая за ихъ рукопожатіемъ. Въ жгучемъ безуміи, терзаемый ревностью, создалъ онъ изъ этого цѣлую исторію бѣгства въ то время, какъ ничего подобнаго и въ поминѣ у нихъ не было.

Она думала о томъ, какимъ старикомъ должно быть былъ онъ сегодня ночью, уходя изъ дому. Спина его сгорбилась, руки дрожали. Его состарили такъ длинныя мучительныя ночи. Онъ ушелъ для того только, чтобы избавиться отъ муки сомнѣнья.

Опять вспомнились ей другія строки изъ его письма: «Я вовсе не желаю подвергать тебя позору. Я всегда былъ слишкомъ старъ для тебя». А потомъ еще строка: «Тебя всегда попрежнему будутъ уважать и почитать. Молчи только сама, и весь позоръ надетъ на меня!»

Жена чувствовала все большій и большій ужасъ. Неужели можно обманывать такъ людей? Неужели позволительно лгать даже передъ лицомъ самого Бога? Зачѣмъ сидѣла она дома, окруженная соболѣзнованіемъ, какъ постигнутая горемъ мать семейства, окруженная всеобщимъ вниманіемъ, точно невѣста въ день свадьбы?

Почему-же не она была въ эту минуту презираема, лишена дома и друзей? Какъ могли совершаться на свѣтѣ подобныя вещи? Какъ это позволялъ Богъ такъ обманывать Себя?

Надъ большою шифоньеркой висѣла маленькая этажерка для книгъ. На самой верхней полкѣ стояла большая книга съ мѣдной застежкой. Внутри за этой застежкой скрывался разсказъ о мужчинѣ и женщинѣ, которые солгали передъ Богомъ и людьми.

«Кто внушилъ тебѣ, женщина, поступить такъ? Видишь слуги стоятъ тутъ у дверей, на улицѣ, чтобы увести тебя отсюда».

Женщина смотрѣла на книгу, прислушиваясь, не послышатся-ли шаги слугъ. Она вздрагивала при каждомъ трескѣ, пугалась каждаго шага. Она готова была встать и покаяться, готова была упасть наземь и умереть. Кофе былъ готовъ. Женщины прилично и скромно пододвинулись къ столу. Онѣ налили чашки, взяли въ ротъ кусочки сахару и принялись втягивать въ себя какъ кипятокъ горячій кофе, безмолвно, прилично, сначала жены мастеровъ, а вслѣдъ за ними работницы. Но жена не замѣчала ничего, что происходило. Она была положительно внѣ себя отъ ужаса.

Ей явилось видѣніе. Въ глухую ночь сидѣла она посреди только что распаханнаго поля. Вокругъ нея расположились большія птицы съ сильными крыльями и заостренными клювами. Онѣ были сѣраго цвѣта и чуть вырисовывались на сѣромъ полѣ; но онѣ наблюдали за нею. Онѣ держали надъ нею судъ. Вдругъ поднялись онѣ на воздухъ и стали опускаться надъ ея головой. Она видѣла, какъ все ближе и ближе спуска-

лись къ ней ихъ острые когти, обточенные клювы, ударяющія крылья. Это, казалось, былъ какой-то смертоносный стальной дождь. Она склонила голову и чувствовала, что смерть ея близка. Но когда онѣ опустились ниже, совсѣмъ низко, какъ разъ надъ нею, она поневолѣ подняла глаза. Тогда увидала она, что тѣ сѣрыя птицы были всѣ эти старухи.

Одна изъ нихъ заговорила. Она знала, что было прилично и какъ слѣдовало вести себя въ домѣ, который посѣтило горе. Молчали уже достаточно долго. Но жена встрепенулась какъ отъ удара бича. Что хотѣла сказать эта женщина? «Ты, Анна Викъ, жена Матса Викъ, признавайся! Довольно уже лгала ты передъ Богомъ и передъ нами. Мы твои судьи. Намъ надлежитъ произнести надъ тобою приговоръ и растерзать тебя»!

Нѣтъ, женщина заговорила о мужьяхъ. Къ ней присоединилась другая, какъ этого требовали обстоятельства. Говорилось не въ похвалу мужьямъ. Выставлялось на показъ все зло, когда-либо совершенное мужьями. Это должно было служить утѣшеніемъ покинутой женѣ.

Обида громоздилась на обиду. Удивительныя существа эти мужья! Они бьютъ насъ, пропиваютъ наши деньги. Они закладываютъ наши дома. И зачѣмъ только, скажите на милость, создалъ ихъ Господь?

Языки превратились въ жало дракона, они изливали ядъ, извергали пламя. Каждая вставляла свое слово. Разсказъ смѣнялся разсказомъ. Жена убѣжала изъ дому отъ пьянаго мужа. Жена убивалась надъ работой изъ-за пропойцы мужа. Жены промѣнивались на другихъ женщинъ. Языки работали, какъ карающіе бичи. Обнаружились домашнія язвы. Читались длиннѣйшія литаніи. Боже милостивый, избави насъ отъ тиранства мужей!

Болѣзнь и бѣдность, смерть дѣтей, зимняя стужа, отягощеніе стариками,—все это отъ мужей. Рабы шипѣли на своихъ господъ. Онѣ обращали свое жало противъ тѣхъ, у чьихъ ногъ сами ползали. Женѣ бѣжавшаго мужа казалось, что рѣчи эти раздирали ей уши. Она попыталась вступиться за невиннаго. «У меня, сказала она,—добрый мужъ». Женщины такъ и встрепенулись, зашипѣли, озлились. «Онъ убѣжалъ. Онъ не лучше всякаго другого. Онъ, такой старикъ, могъ бы ужъ и не бѣгать отъ жены и дѣтей. Неужели ты можешь считать его лучше другихъ»?

Жена затрепетала, ей казалось, будто ее волочили черезъ чащу терновника. Ея мужъ, приравненный къ грѣшникамъ! Она покраснѣла отъ стыда, хотѣла было заговорить, но молчала. Ей было страшно. У ней не хватало рѣшимости. Но зачѣмъ же безмолвствовалъ Богъ? Зачѣмъ допускалъ это Господь?

Что, если бы она достала письмо и прочитала его вслухъ. Тогда всѣ эти ядовитыя изліянія направились бы въ другую сторону. Весь этотъ ядъ обратился бы противъ нея. Смертельный ужасъ овладѣвалъ ею. Ей не хватало смѣлости. Она почти желала, чтобы чья-нибудь дерзостная

рука залѣзла къ ней въ карманъ и вытащила бы оттуда письмо. У ней не было рѣшимости самой отдать себя на жертву. Изнутри дома, изъ мастерской доносился стукъ молотка сапожника. Неужели никто не слышалъ, какъ побѣдно и радостно стучалъ онъ? Весь день слушала она этотъ стукъ и сердилась на него. Но никто изъ женщинъ не понималъ этого стука. Всевѣдущій Богъ! неужели не было у Тебя служителя, способнаго читать въ сердцахъ? Она охотно приняла бы на себя осужденіе, только бы не признаваться самой! Ей хотѣлось бы, чтобы кто-нибудь сказалъ: «Кто внушилъ тебѣ солгать передъ Богомъ?

Она прислушивалась и только ждала шаговъ слугъ. чтобы упасть наземь и умереть.

Спустя нѣсколько лѣтъ, разведенная съ мужемъ женщина вышла замужъ за башмачника, бывшаго подмастерья ея мужа. Она не хотѣла этого, но была доведена до этого подобно тому, какъ подтягиваютъ щуку къ борту лодки, когда она попалась на крючокъ. Сначала рыбакъ даетъ ей поиграть немного. Онъ даетъ ей поплавать взадъ и впередъ. Онъ предоставляетъ ей считать себя свободной. Но когда она совсѣмъ уже утомится, когда она окончательно выбьется изъ силъ, однимъ легкимъ движеніемъ подтягиваетъ онъ ее къ лодкѣ; вытаскиваетъ ее на воздухъ и бросаетъ на дно лодки прежде, чѣмъ она успѣетъ сообразить, въ чемъ дѣло.

Жена бѣжавшаго сапожника отказала его подмастерью и хотѣла жить одна. Она хотѣла доказать своему мужу, что она была невинна. Но гдѣ же былъ ея мужъ? Много ли онъ заботился о ея вѣрности? Она терпѣла нужду. Дѣти ея ходили въ лохмотьяхъ. Что же думалъ ея мужъ, долго ли могла она вынести это? Она теряла терпѣнье, потому что у нея не было никого, кому бы могла она довѣриться.

Эриксону повезло. У него была уже лавка въ центрѣ города. Его башмаки стояли на зеркальныхъ полкахъ за стеклами широкихъ оконъ. Мастерская его росла. Онъ нанялъ квартиру и поставилъ въ гостиной бархатную мебель. Все ожидало только ея. Она пришла, когда бѣдность черезъ-чуръ ужъ истомила ее.

Сначала ей было очень страшно. Но никакая бѣда не постигла ея. Съ каждымъ днемъ чувствовала она себя все увѣреннѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и счастливѣе.

Она пользовалась уваженіемъ людей и въ то-же время сознавала, что она не заслуживала его. Это держало насторожѣ ея совѣсть и, благодаря этому, она сдѣлалась хорошей женщиной.

Черезъ нѣсколько лѣтъ первый мужъ ея снова вернулся въ свой домикъ въ форштатѣ. Домъ считался еще за нимъ, и онъ снова поселился въ немъ и хотѣлъ было опять приняться за работу. Но онъ не нашелъ работы и ни одинъ порядочный человѣкъ не хотѣлъ имѣть съ нимъ

никакого дѣла. Его презирали, между тѣмъ какъ жена его пользовалась большимъ почетомъ. А между тѣмъ вѣдь онъ то и поступилъ хорошо, дурно-же поступила его жена.

Мужъ сохранялъ свою тайну, но она положительно душила его. Онъ чувствовалъ, какъ онъ самъ опускался нравственно, потому только, что другіе считали его дурнымъ человѣкомъ. Никто не хотѣлъ положиться на него, никто не хотѣлъ поручить ему никакой работы. Онъ примкнулъ къ тому обществу, которое одно только было ему доступно, и пріучился пить.

Въ то время, какъ онъ такимъ образомъ совсѣмъ погибалъ, въ городъ явилась армія спасенія. Она наняла себѣ большой залъ и начала свою дѣятельность. Уже съ перваго-же вечера на представленіе стали собираться всѣ подонки общества, всякій разъ стараясь произвести безпорядокъ. Такъ прошло съ недѣлю, и, наконецъ, Матсъ Викъ тоже пришелъ вмѣстѣ съ другими, чтобы принять участіе въ общемъ увеселеніи.

На улицѣ было тѣсно, въ дверяхъ — давка. Пошли въ ходъ острые локти и злые языки, всѣ сцѣпились, — уличные мальчишки и солдаты, молодыя служанки и старухи-поденщицы, мирная полиція и буйный народъ. Армія была и вновѣ и въ модѣ. Балы опустѣли, портерныя утратили свою привлекательность. Элегантная публика и оборванцы изъ гавани всѣ собирались смотрѣть на армію спасенія.

Потолокъ въ залѣ былъ низкій. Въ дальнемъ концѣ его находилась пустая эстрада. Некрашенныя скамьи, напрокатъ взятые стулья. Полъ покрытый шиферомъ; на потолкѣ—пятна отъ сырости; лампы, распространяющія копоть. Посреди комнаты желѣзная печь, отъ которой такъ и пышетъ жаромъ. Всѣ мѣста были заняты въ одну минуту. У самой эстрады сидѣли женщины, благоприличны, какъ въ церкви, торжественны, какъ на свадьбѣ, а за ними матросы и швейки. Позади всѣхъ, на колѣняхъ другъ у дружки, уличные мальчишки. Въ дверяхъ—чуть не драка среди тѣхъ, кто не попалъ въ залъ.

Эстрада была пуста. Часы еще не пробили и представленіе еще не началось. Кто свисталъ; кто смѣялся. Скамьи подламывались. «Боевой кличъ», какъ драконъ носился среди толпы. Публика увеселяла самою себя.

Боковыя двери распахнулись. Холодный воздухъ ворвался въ комнату. Водворилось молчаніе. Напряженное ожиданіе овладѣло заломъ. Наконецъ, появились онѣ,—три молодыя женщины съ гитарами въ рукахъ; лица ихъ почти скрывались подъ широкополыми шляпами. Едва успѣвъ подняться по ступенькамъ эстрады, онѣ сейчасъ-же бросились на колѣни.

Одна изъ нихъ стала громко молиться. Она подняла голову, но закрыла глаза. Голосъ рѣзалъ, какъ ножомъ. Во время молитвы было тихо. Уличные мальчишки и гаванскіе оборванцы еще не развернулись. Они ждали покаяній и возбуждающей музыки.

Женщины напрягали всѣ усилія. Онѣ пѣли и молились, пѣли и проповѣдывали. Онѣ смѣялись и говорили о своемъ счастьѣ. Партеръ передъ ними былъ полонъ гаванскихъ оборванцевъ. Они начинали уже бурлить: вставали, влѣзали на скамьи. Въ толпѣ слышался угрожающій шумъ. Женщины на эстрадѣ вдругъ увидали передъ собой въ наполненномъ копотью воздухѣ наводящія ужасъ лица. На мужчинахъ было мокрое, грязное платье, распространявшее отвратительный запахъ. Ежесекундно выплевывали они табакъ, клялись на каждомъ словѣ. А эти женщины, которымъ предстояло бороться съ ними, говорили о своемъ счастьѣ!

Какъ-же отважна была эта маленькая армія! Ахъ, неужели-же нѣтъ ничего прекраснаго въ отвагѣ? Неужели нѣтъ ничего возвышеннаго въ томъ, что человѣкъ беретъ себѣ въ союзники Бога? Вовсе нечего было смѣяться надъ этими женщинами въ широкополыхъ шляпахъ. Ничего не могло быть вѣроятнѣе того, что имъ предстояло побѣдить эти мозолистыя руки, злобныя лица, изрекающія проклятія уста.

«Пойте вмѣстѣ съ нами, кричали воины арміи спасенія,—пойте вмѣстѣ съ нами! Пѣніе доставляетъ отраду». Онѣ запѣли всѣмъ извѣстную мелодію. Онѣ ударяли по струнамъ гитаръ и нѣсколько разъ повторяли одну и ту-же строфу. Уже то тотъ, то другой изъ сидѣвшихъ въ ближайшихъ рядахъ поневолѣ присоединялся къ ихъ пѣнію. Но вдругъ у дверей раздалась легкомысленная уличная пѣсня. Звуки боролись со звуками, слова—со словами, гитара—со свисткомъ. Сильные обработанные голоса женщинъ стремились покрыть хриплые ломающіеся голоса мальчишекъ и гулъ мужскихъ басовъ. Уличная пѣсня уже почти совсѣмъ была заглушена, но тутъ вдругъ принялись у самыхъ дверей стучать въ полъ ногами и свистать. Пѣсня арміи спасенія вдругъ подсѣклась и стихла словно раненый боецъ. Шумъ былъ ужасный. Женщины упали на колѣна.

Онѣ сидѣли какъ обезсилѣвшія. Глаза были закрыты. Онѣ раскачивались изъ стороны въ сторону, какъ-бы въ безмолвномъ страданіи. Шумъ замеръ. Въ ту-же минуту капитанъ арміи спасенія снова началъ: «Господи, всѣхъ присутствующихъ здѣсь принимаешь Ты въ ряды Твои! Благодаримъ Тебя, Господи, за то, что Ты изволилъ причислить ихъ къ своему войску! Благодаримъ Тебя, Господи, за то, что Ты далъ намъ привести ихъ къ Тебѣ!» Толпа скрежетала, вопила, ревѣла, точно всѣмъ имъ щекотали горло острымъ ножомъ. Казалось, люди эти боялись, что ихъ побѣдятъ насильно, они словно забыли, что пришли сюда по доброй волѣ.

Но женщина продолжала, и ея рѣзкій пронзительный голосъ одержалъ побѣду. Толпа принуждена была слушать.

«Вы шумите и кричите. Ветхозавѣтный змѣй извивается и бѣснуется внутри васъ. Но это-то и есть знаменіе. Да будетъ благословенно ры-

каніе ветхозавѣтнаго змѣя! Оно доказываетъ, что онъ мучится, что онъ страшится. Смѣйтесь надъ нами! Бейте стекла въ нашихъ окнахъ! Прогоните насъ съ эстрады! Завтра будете вы принадлежать намъ! Намъ суждено владѣть землею. Неужели хотите вы противостоять намъ? Неужели хотите вы противостоять Богу?»

Вслѣдъ затѣмъ капитанъ сейчасъ-же приказалъ одной изъ своихъ спутницъ выступить впередъ и принести покаяніе. Она сдѣлала шагъ впередъ, улыбаясь. Она стояла съ вызывающимъ и безстрашнымъ видомъ и, окруженная издѣвающейся толпой, разсказала свои грѣхи и исторію своего обращенія. Гдѣ научилась эта служившая прежде при кухнѣ дѣвушка улыбкою встрѣчать всѣ эти издѣвательства? Многіе изъ тѣхъ, что пришли сюда ради забавы, теперь поблѣднѣли. Откуда почерпали эти женщины свою отвагу и власть? Кто-нибудь стоялъ за ними. Выступила впередъ третья женщина. Она была дочь богатыхъ родителей, одна изъ самыхъ красивыхъ дѣвушекъ, еще чуть не ребенокъ, съ нѣжнымъ, чистымъ, пѣвучимъ голосомъ. Она не разсказывала о самой себѣ. Ея доводомъ была одна изъ самыхъ обыкновенныхъ пѣсенъ. Тутъ мелькнула уже какъ-бы тѣнь побѣды. Собраніе забылось и слушало. Пріятно было смотрѣть на это прекрасное дитя, сладко было его слушать. Но когда она смолкла, поднялся еще болѣе страшный безпорядокъ. Около дверей построили изъ скамей эстраду, влѣзали на нее и каялись. Въ залѣ становилось все невыносимѣе. Желѣзная печь раскалилась докрасна, она поглощала воздухъ и пышала жаромъ. Почтенныя женщины, сидѣвшія на переднихъ скамьяхъ, стали оглядываться, ища выхода, но не было никакой возможности уйти.

Воины на эстрадѣ обливались пòтомъ и совсѣмъ изнемогали. Онѣ громко молили Бога о подкрѣпленіи. Вдругъ въ воздухѣ почувствовалось легкое вѣяніе и до уха ихъ донесся свистъ. Онѣ не знали, какъ это произошло, но почувствовали, что совершилась какая-то перемѣна. Самъ Богъ былъ съ ними. Онъ сражался за нихъ.

Снова въ битву! Капитанъ вышелъ впередъ и поднялъ надъ головою Библію. Нашли поддержку, нашли подкрѣпленіе! Мы чувствуемъ что съ нами дѣйствуетъ Богъ. Чье-то обращеніе близко. Помогите намъ молиться! Господь желаетъ даровать намъ еще одну душу.

Онѣ упали на колѣни и погрузились въ безмолвную молитву. Нѣкоторые изъ бывшихъ въ залѣ присоединились къ этой молитвѣ. Всѣми овладѣло напряженное ожиданіе. Неужели это была правда? Неужели здѣсь, среди нихъ, въ душѣ одного изъ ихъ собратій совершался какой-то великій переворотъ? Неужели имъ суждено это видѣть? Неужели эти женщины могли совершить это?

Не прошло и часу, какъ вся толпа была уже на ихъ сторонѣ. Теперь она съ такимъ-же увлеченіемъ предалась ожиданію чуда, какъ только

что предавалась издѣвательству. Никто не смѣлъ пошевельнуться. Всѣ ждали, затаивъ дыханіе, но ничего не происходило. «О, Боже, ты покидаешь насъ! Ты покидаешь насъ, Господи!»

Одинъ изъ воиновъ арміи спасенія,—хорошенькая дѣвушка,—принялась пѣть. Она выбрала самую нѣжную любимую мелодію, плодъ страстнаго томительнаго ожиданія: «Онъ медлитъ вдали отъ зеленыхъ луговъ».

Слова были лишь слегка измѣнены. Пѣсня финляндской пастушки безъ труда превратилась въ выраженіе нетерпѣливаго ожиданія Христомъ вновь обращенной души. «О ты, мой возлюбленный, скоро-ли ты придешь»? Пропѣтая такъ нѣжно, пѣсня эта невольно проникала въ души, какъ мольба ребенка, какъ ласка, какъ благословеніе.

Собраніе безмолвствовало,—оно все погрузилось въ эти звуки. «Тебя ждутъ лѣса и горы; земля и небо изнемогаютъ отъ нетерпѣнія. Человѣкъ, весь міръ жаждетъ, чтобы ты раскрылъ свою душу свѣту. Слава Божія распространится тогда по землѣ и все живущее воспрянетъ изъ своего уничиженія. Наступитъ конецъ стенаніямъ живыхъ существъ.

О, ты, мой возлюбленный, скоро-ли ты придешь?

Неправда то, что пребываешь ты въ высокихъ королевскихъ залахъ. Въ темныхъ лѣсахъ живешь ты и въ жалкихъ хижинахъ. А между тѣмъ ты отказываешься придти. Мое свѣтлое небо не привлекаетъ тебя.

О, ты, возлюбленный мой, скоро ли ты придешь?

Въ залѣ все больше и больше голосовъ примыкало къ припѣву. Никто не зналъ хорошенько, какимъ словамъ онъ вторилъ. Довольно было и одной мелодіи. Въ эти звуки каждый влагалъ свою собственную тоску, свое собственное страстное нетерпѣніе. Пѣли даже въ самомъ дальнемъ концѣ, у дверей. Пѣніе это размягчало сердце; усыпляло волю. Оно звучало уже не горестной просьбой, но мощнымъ требованіемъ, приказаніемъ.

— «О Ты, мой возлюбленный, скоро-ли Ты придешь»? У дверей, въ самой отчаянной кучкѣ стоялъ Матсъ Викъ. Онъ смотрѣлъ сильно напившимся, но въ этотъ вечеръ однако-же онъ не былъ пьянъ. Онъ стоялъ и думалъ:

— «Что, если-бы я заговорилъ, если-бы я заговорилъ?»

Никогда еще не видалъ онъ такого необыкновеннаго помѣщенія, никогда не имѣлъ онъ такого удивительнаго повода. Какой-то голосъ, казалось, говорилъ ему: «вотъ свирѣль, на которой ты можешь играть, вотъ волны, которыя понесутъ твой голосъ».

Поющіе сомкнулись плотнѣе, какъ будто до слуха ихъ донеслось рыканіе льва. Могучій ужасный голосъ произносилъ ужасныя слова.

Онъ издѣвался надъ Богомъ. Зачѣмъ служатъ люди Богу? Онъ покидаетъ всѣхъ, кто служитъ Ему. Онъ предалъ Своего Сына. Богъ никому не помогаетъ. Съ каждой минутой голосъ становился сильнѣе и

громче. Трудно было представить себѣ, чтобы человѣческія легкія могли обладать такою силою. Никогда еще никто не слыхалъ, чтобы такая безумная ярость вырвалась изъ глубины попраннаго сердца.

Женщины склонили головы, какъ странники въ пустынѣ, застигнутые внезапной бурей.

Могучія, могучія слова! Они звучали, какъ громовые удары молота, направленные противъ престола Бога. Противъ Того, Кто мучилъ Іова, допускалъ страданія мучениковъ, допускалъ поклонявшихся Ему погибать на кострахъ. Безсильный, когда-же водворитъ Онъ свое царство? Когда перестанетъ Онъ вести зло къ побѣдѣ?

Сначала нѣкоторые пытались смѣяться. Многіе думали, что это была только забава. Теперь-же съ содроганіемъ чувствовали они, что это было не на шутку. Многіе поднялись было уже съ своихъ мѣстъ, чтобы бѣжать на эстраду. Они искали защиты у арміи спасенія противъ того, кто навлекалъ на нихъ гнѣвъ Божій.

Голосъ язвительно спрашивалъ ихъ, какой награды ожидали они себѣ за свое стараніе служить Богу? Напрасно ждутъ они себѣ неба. Богъ слишкомъ скупъ на Свое небо. Былъ человѣкъ, говорилъ онъ, который сдѣлалъ гораздо больше, чѣмъ было нужно, чтобы заслужить блаженство. Онъ принесъ бо̀льшую жертву, чѣмъ то было угодно Богу. Но потомъ онъ былъ вовлеченъ во грѣхъ. Жизнь долга. Уже въ этомъ мірѣ успѣлъ онъ выплатить сполна за незаслуженную имъ милость. Ему предстояло идти путемъ отверженныхъ.

Рѣчь эта была ужасающей сѣверной бурей, загоняющей въ гавань корабли. Подъ вліяніемъ словъ богохульца, женщины бросились на эстраду. Всѣ хватали руки воиновъ арміи спасенія и цѣловали ихъ. Обращеніе слѣдовало за обращеніемъ, воины едва успѣвали принимать ихъ всѣхъ. Старики и дѣти прославляли Бога.

Говорившій-же продолжалъ свою рѣчь. Слова опьяняли его. Онъ говорилъ самому себѣ: «Я говорю, говорю, наконецъ-то я говорю! Я разсказываю имъ свою тайну, а между тѣмъ я все-таки не разсказываю ея». Въ первый разъ послѣ того, какъ принесъ онъ свою великую жертву, чувствовалъ онъ себя свободнымъ отъ скорби.

Это было въ послѣобѣденное время, въ самый разгаръ лѣта. Городъ представлялся какою-то каменной пустыней; онъ стоялъ точно нарисованный. Не видно было ни кошки, ни воробья; даже мухи не бродили по залитымъ солнцемъ стѣнамъ. Ни одна труба не дымилась. Въ душныхъ улицахъ не было ни малѣйшаго движенія воздуха. Это было какое-то засѣянное камнями поле, на которомъ выростали каменныя-же стѣны. Гдѣ-же были собаки и люди? Гдѣ были молодыя дамы въ узкихъ платьяхъ съ широкими рукавами, въ длинныхъ перчаткахъ и съ красными зон-

тиками въ рукахъ? Куда дѣлись солдаты и дѣти, Армія спасенія и уличные мальчишки?

Куда это отправилась утромъ, пока было еще свѣжо, вся эта пестрая толпа, собравшаяся на увеселительную прогулку, куда дѣлись корзины и бутылки, которыя выбросилъ на берегъ пароходъ? Или что сталось съ этой длинной процессіей? Знамена развѣвались, барабаны гремѣли, уличные мальчишки толпились, топотали, кричали ура. Или, куда дѣлись эти голубыя колясочки, въ которыхъ спали малыя дѣти въ то время, какъ отецъ и мать заботливо и осторожно катили ихъ впередъ по улицѣ?

Всѣ они были на пути за городъ, въ лѣсъ. Они роптали на длину улицъ. Имъ казалось, будто каменные дома преслѣдовали ихъ по пятамъ. Наконецъ-то, наконецъ проглянула зелень. Сейчасъ-же, въ виду города, тамъ, гдѣ дорога извивалась плоскимъ сѣроватымъ полемъ, гдѣ такъ звонко раздавалась пѣсня жаворонка и гдѣ клеверъ распространялъ свой сладкій медовый запахъ, тутъ расположились первые изъ остановившихся. Сдвинувъ шапки на затылокъ, растянулись они, уткнувшись носомъ въ траву. Тѣло нѣжилось въ солнечномъ сіяніи и ароматѣ цвѣтовъ; душа отдыхала въ бездѣйствіи и покоѣ.

Но по дорогѣ къ лѣсу усердно подвигались впередъ велосипедисты и тѣ, что несли съ собою корзинки съ провизіей. Мальчики шли съ лопатками и блестящими ранцами. Дѣвушки танцовали въ облакахъ пыли.

Небо и знамена, дѣти и трубы. Семьи ремесленниковъ и толпы рабочихъ. Въ шарабанахъ кони подымались на дыбы и размахивали передними ногами надъ головами толпившихся людей. Одинъ подмастерье, буйный и пьяный, вскочилъ на колесо. Онъ былъ сброшенъ проворными дамами и повалился на спину тутъ-же на пыльной дорогѣ.

Въ глубинѣ лѣса заливался и пѣлъ, свисталъ и щелкалъ соловей. Березы хирѣли, стволы ихъ почернѣли. Буки воздвигали высокіе храмы,— этажъ надъ этажемъ въ зелени своихъ поперечныхъ вѣтвей. Лягушка сидѣла и высовывала языкъ. Каждый разъ удавалось ей поймать по мухѣ. Ежъ рылся въ старыхъ, шуршащихъ листьяхъ буковъ. Сѣтчатокрылыя насѣкомыя носились надъ болотомъ и сверкали крыльями.

Люди расположились вокругъ корзинъ съ провизіей. Золотые жучки пищали вокругъ нихъ въ травѣ. Кузнечики трещали, стараясь повеселиться въ воскресенье.

Вдругъ ежъ исчезъ; въ испугѣ онъ свернулся клубкомъ, выставивъ свои иглы. Кузнечики скрылись въ травѣ и совершенно смолкли. Соловей распѣлся чуть не до потери разсудка. Это были гитары, гитары. Подъ буками проходила армія спасенія. Народъ вскочилъ, покинувъ свой безмолвный отдыхъ подъ деревьями. Площадки для танцевъ и крокета опустѣли. Качели и карусели на время были оставлены въ покоѣ.

Всѣ потянулись къ лагерю арміи спасенія. Всѣ скамьи были заняты; на каждой кочкѣ сидѣли слушатели.

Къ этому времени армія спасенія сильно разрослась и окрѣпла. Много хорошенькихъ личикъ обрамляла теперь ея широкополая шляпа. Много сильныхъ мужчинъ надѣло красную куртку. Въ толпѣ царили спокойствіе и порядокъ. Бранныя слова не смѣли сорваться съ языка. Змѣи безсильно шипѣли за сомкнутыми зубами. И Матсъ Викъ, сапожникъ, могучій богохульникъ, стоялъ знаменоносцемъ передъ эстрадой. И онъ также былъ въ числѣ вѣрующихъ. Отблескъ краснаго знамени дружески ласкалъ его сѣдую голову.

Воины арміи спасенія не забыли старика. Ему были онѣ обязаны своей первой побѣдой. Онѣ пришли къ нему въ его уединеніи. Онѣ вымыли ему полъ и починили ему платье. Онѣ не отказывались отъ сношеній съ нимъ. А онъ получилъ возможность говорить на ихъ собраніяхъ.

Съ тѣхъ поръ какъ нарушилъ онъ свое молчаніе, онъ былъ счастливъ. Онъ уже не чувствовалъ себя врагомъ Бога. Въ немъ скрывалась какая-то бурная сила. Онъ былъ счастливъ, когда ему представлялась возможность проявить ее. Когда львиный голосъ его потрясалъ стѣны зала, онъ былъ счастливъ.

Онъ всегда говорилъ о самомъ себѣ. Онъ всегда разсказывалъ свою собственную исторію. Онъ изображалъ судьбу непонятаго человѣка. Говорилъ о кровавой жертвѣ, принесенной имъ, и которая не только не получила никакой награды, но не нашла себѣ даже и признанія. Онъ маскировалъ свой разсказъ. Онъ разсказывалъ свою тайну и въ то же время не разсказывалъ ея.

Онъ сталъ поэтомъ. Онъ получилъ власть надъ сердцами людей. Ради него собирались толпы передъ эстрадой арміи спасенія. Онъ привлекалъ ихъ туда прелестью фантастическихъ образовъ, наполнявшихъ больной его мозгъ. Онъ очаровывалъ ихъ за душу хватавшей жалобой, которую подсказывало ему его измученное сердце.

Можетъ быть, духъ его когда-то обиталъ уже въ этомъ мірѣ смерти и превращеній. Можетъ быть, былъ онъ тогда могучимъ поэтомъ-пѣвцомъ, владѣвшимъ искусствомъ играть на струнахъ человѣческаго сердца. За какой-нибудь тяжкій проступокъ было ему присуждено вновь проходить свое земное поприще, жить трудомъ своихъ рукъ, не сознавая скрытой въ немъ духовной силы. Но теперь скорбь его разбила оковы его духа. Душа его была только что выпущеннымъ на свободу плѣнникомъ.

Ошеломленный, пугаясь свѣта, но радуясь своей свободѣ, вновь пробѣгаетъ онъ поля былыхъ битвъ.

Дикій безыскусственный пѣвецъ, этотъ черный дроздъ, взросшій среди скворцовъ, самъ не вѣря себѣ прислушивался онъ къ словамъ, слетавшимъ съ его устъ. Гдѣ почерпнулъ онъ власть заставлять толпу въ вос-

торгѣ слушать его рѣчь? Гдѣ почерпнулъ онъ власть заставлять этихъ гордыхъ людей, ломая руки, падать на колѣна.

Онъ дрожалъ, начиная говорить. Потомъ наступала спокойная увѣренность. Изъ глубины его неизмѣримаго страданія изливались безконечные потоки исполненныхъ скорби словъ.

Рѣчи эти никогда не печатались. Это былъ охотничій кличъ, оглушительные звуки рога, пробуждающіе, бодрящіе, устрашающіе, преслѣдующіе. Ихъ нельзя было ни уловить, ни передать. То были молніи и раскаты грома. Они потрясали сердца и наполняли ихъ тоской и ужасомъ. Но звуки эти были измѣнчивы, неуловимы. Скорѣе можно было бы измѣрить водопадъ, пересчитать всѣ до послѣдней его капли, описать фантастическую игру его брызгъ, но не могучій разростающійся потокъ этихъ измѣнчивыхъ, фантастичныхъ, увлекательныхъ рѣчей.

Въ этотъ день въ лѣсу онъ спрашивалъ собравшихся, знали ли они, какъ надо служить Богу? Какъ Урія служилъ своему королю.

Въ ту же минуту и онъ самъ, человѣкъ, говорившій съ каѳедры, превратился въ Урію. Съ письмомъ своего короля ѣхалъ онъ по пустынѣ. Онъ былъ одинъ-одинешенекъ. Безлюдье пугало его. Мысли его были мрачны. Но онъ улыбнулся, вспомнивъ о своей женѣ. Пустыня превратилась въ усѣянное цвѣтами поле, лишь только встала она въ его памяти. При одной лишь мысли о ней въ безводной пустынѣ зажурчали ключи.

Верблюдъ его оступился. Тяжелое предчувствіе смутило его душу. Онъ думалъ—бѣда, какъ коршунъ, излюбила пустыню. Онъ не вернулся назадъ, но продолжалъ подвигаться впередъ съ письмомъ короля. Онъ продирался терніями. Онъ шелъ, окруженный змѣями и скорпіонами. Онъ терпѣлъ жажду и голодъ. Онъ видѣлъ вдали, среди песковъ пустыни, черной полосой тянувшіеся караваны. Но онъ не присоединился къ нимъ. Онъ не рѣшался сходиться съ неизвѣстными людьми. Тотъ, кто несъ письмо своего короля, долженъ былъ идти одинъ.

По вечерамъ видалъ онъ бѣлыя палатки пастуховъ. Онѣ влекли его къ себѣ, словно привѣтливое жилище его жены. Казалось, онъ видѣлъ, какъ, привѣтствуя его, махали ему оттуда бѣлымъ покрываломъ. Но онъ отворачивался отъ палатокъ и возвращался къ своему одиночеству. Горе, если-бы украли у него письмо его короля!

Онъ останавливается въ нерѣшительности, замѣтя погнавшихся за нимъ разбойниковъ. Онъ думаетъ о письмѣ короля. Онъ читаетъ его для того, чтобы потомъ уничтожить его. Онъ читаетъ его и вновь почерпаетъ бодрость. Снова въ путь, воинъ Іудеи! Онъ не уничтожаетъ письма. Онъ не дается въ руки разбойниковъ. Онъ сражается съ ними и побѣждаетъ ихъ. И опять идетъ дальше, все дальше. Черезъ тысячи опасностей несетъ онъ самому себѣ свой смертный приговоръ.

Такъ должно исполнять волю Божію, жертвуя своею кровью, своею жизнью...

Въ то время какъ Викъ говорилъ, его разведенная жена стояла тутъ-же и слушала его. Утромъ отправилась она въ лѣсъ довольная и сіяющая, подъ руку со своимъ мужемъ, какъ уважаемая мать семейства, почтенная и приличная до конца ногтей. Ея дочь и подмастерье несли корзину съ провизіей. За ними шла служанка съ младшимъ ребенкомъ. Все дышало довольствомъ, счастьемъ, покоемъ.

Потомъ расположились они подальше, въ чащѣ лѣса. Они ѣли, пили, угощали другъ друга, шутили и смѣялись. Ни мысли о минувшихъ временахъ! Совѣсть безмолвствовала, какъ сытый младенецъ. Прежде, когда бывало подвыпившій мужъ мелькнетъ мимо ея оконъ, она чувствовала укоръ въ своей душѣ. Послѣ она слышала, что онъ сталъ идоломъ арміи спасенія. Вслѣдствіе этого она совершенно успокоилась.

Тутъ подошла она послушать его. И она поняла его. Онъ говорилъ не объ Уріи. Онъ разсказывалъ о самомъ себѣ. Онъ терзался мыслью о своей собственной жертвѣ. Онъ разрывалъ на части свое собственное сердце и бросилъ его народу. Она узнала этого путника пустыни, этого побѣдителя разбойниковъ.

И эта ничѣмъ неукротимая мука встала передъ ней, какъ раскрытая могила.

Наступила ночь. Лѣсъ опустѣлъ, — люди покинули его. Прощайте, цвѣты и зелень! Надолго прощай, необъятное небо! Между бугровъ и кочекъ расползлись змѣи. Жабы выползли на дорожки. Лѣсъ утратилъ свою красоту. Всѣ стремились домой, въ каменную пустыню. Тамъ хорошо людямъ. Тамъ, можетъ быть, удастся и страдающему сердцу легко и скоро обратиться въ камень.

Анна Эриксонъ созвала своихъ старыхъ друзей. Жены форштадтскихъ ремесленниковъ и жены ихъ бѣдныхъ работниковъ собрались къ ней на утренній кофе. Собрались все тѣ-же, что были у нея въ гостяхъ въ день бѣгства ея мужа. Была одна только новая гостья, — Марія Андерсонъ, капитанъ арміи спасенія.

Къ этому времени Анна Эриксонъ не разъ уже успѣла побывать на представленіяхъ арміи спасенія. Она не разъ слушала своего мужа. Онъ всегда разсказывалъ о самомъ себѣ. Онъ маскировалъ свою исторію. Онъ былъ Авраамомъ. Онъ былъ Іовомъ. Онъ былъ Іереміей, котораго народъ бросилъ въ колодезь. Онъ былъ Елисѣемъ, надъ которымъ издѣвались дѣти на улицахъ.

Такое страданіе казалось ей было неизмѣримо, безпредѣльно. Горе его какъ будто пользовалось всякимъ голосомъ, укрывалось подъ любой личиной. Она не понимала, что, высказываясь такъ, мужъ ея излѣчи-

вался, что все внутри него веселилось и смѣялось, наслаждаясь этой творческой силой.

Она притащила съ собою на собраніе арміи спасенія свою дочь. Дочь не хотѣла идти. Она была строга, нравственна, вѣрна своему долгу. Молодость не играла въ ея крови. Она родилась старухой.

Она росла съ привычкой стыдиться своего отца. Она ходила вытянутая, прямая, какъ будто говоря: «Смотрите, вотъ дочь презираемаго человѣка! Взгляните, найдется-ли хоть пылинка на моемъ платьѣ? Можно-ли хоть въ чемъ-нибудь упрекнуть меня?» Мать ея гордилась ею. Тѣмъ не менѣе, подъ-часъ она говаривала со вздохомъ: «Ахъ, если-бы руки моей дочери были не такъ бѣлы, то, можетъ быть, ласка ея была-бы теплѣе!»

Дѣвушка сидѣла на собраніи и насмѣшливо улыбалась. Она презирала всякую театральность.

Когда отецъ ея взошелъ на эстраду чтобы говорить, она собралась-было уйти. Рука жены, Анны Эриксонъ, крѣпко держала ее. Дѣвушка осталась на своемъ мѣстѣ. Бурный потокъ словъ устремился прямо на нее. Но не столько говорили ей слова, сколько рука ея матери.

Рука эта страдала, судороги пробѣгали по ней. То лежала она въ ея рукѣ безсильная, словно мертвая. То порывисто сжималась, горячая, какъ въ лихорадкѣ. Лицо ея матери ничего не выдало. Одна только рука ея страдала и боролась.

Старикъ-ораторъ описывалъ муку молчанія. Другъ Христа лежалъ больной. Его сестры послали за нимъ. Но время его еще не пришло. Ради царствія Божія Лазарь долженъ былъ умереть. Тутъ онъ заставилъ излиться на Христа все сомнѣніе, всю клевету. Онъ описывалъ свое собственное страданіе. Самъ Христосъ мучился чувствомъ состраданія. Онъ самъ переживалъ вмѣстѣ съ Лазаремъ предсмертную муку. Однако, онъ долженъ былъ молчать.

Одного Его слова довольно было бы, чтобы вернуть Его друзей. Онъ молчалъ. Онъ принужденъ былъ слушать жалобы сестеръ. Онъ высказалъ имъ правду въ словахъ, которыхъ онѣ не поняли. Враги издѣвались надъ нимъ.

И чѣмъ дальше, тѣмъ трогательнѣе.

Рука Анны Эриксонъ все еще лежала въ рукѣ дочери. Она каялась, она признавалась. «Человѣкъ этотъ самъ терпитъ муку молчанія. Его обвиняютъ напрасно. Онъ могъ-бы оправдаться однимъ словомъ».

Дочь вернулась домой вмѣстѣ съ матерью. Онѣ шли молча. Лицо молодой дѣвушки словно окаменѣло. Она обдумывала, обсуждала все, что только сохранилось въ ея памяти. Мать ея со страхомъ заглядывала ей въ лицо. Что она знала?

На слѣдующій день Анна Эриксонъ пригласила своихъ гостей на

кофе. Разговоръ весело вертѣлся на новостяхъ послѣдняго базарнаго дня, на цѣнахъ деревянныхъ башмаковъ, на мелкомъ воровствѣ служанокъ. Женщины болтали и смѣялись. Онѣ наливали въ чашки кофе. Всѣ были веселы и беззаботны. Жена, Анна Эриксонъ, никакъ не могла понять, какъ это такъ вышло, что она прежде такъ боялась ихъ, что она всегда думала, будто онѣ способны осудить ее.

Когда имъ налили по второй чашкѣ и когда онѣ благодушно усѣлись съ полными чашками и ломтиками бѣлаго хлѣба на блюдечкахъ, она заговорила. Рѣчь ея была нѣсколько торжественна, но голосъ ея былъ спокоенъ.

«Молодость неосторожна. Дѣвушка, выходящая замужъ, не подумавъ хорошенько о томъ, что ждетъ ее впереди, можетъ нажить большое горе. Кому выпадала на долю худшая судьба, чѣмъ мнѣ?»

Это всѣ онѣ знали. Въ тотъ день всѣ онѣ были у нея и горевали вмѣстѣ съ нею.

«Молодость неразумна. Боясь стыда, молчитъ о томъ, что слѣдуетъ сказать. Не рѣшаются говорить изъ страха передъ тѣмъ, что скажутъ люди. Тотъ-же, кто не заговорилъ во время, можетъ быть будетъ раскаиваться въ томъ всю свою жизнь».

Всѣ онѣ полагали, что это была правда.

Вчера слушала она Вика, какъ случалось это не разъ и прежде. Теперь надо было ей разсказать имъ кое-что о немъ. Теперь, когда думала она о томъ, что пережилъ онъ ради нея, ею овладѣвала какая-то томительная тревога. Однако, она находила, что ему, уже старику, слѣдовало-бы быть благоразумнѣе, и не брать себѣ въ жены такой молоденькой дѣвчонки, какою была тогда она.

«Въ молодости я не рѣшалась высказывать это. Но онъ уѣхалъ отъ меня изъ состраданія, потому что онъ думалъ, что я любила Эриксона. У меня есть объ этомъ его письмо».

Она прочла имъ его письмо. Одна слезинка, прилично случаю, скатилась по ея щекѣ.

«Но онъ заблуждался въ своей ревности. Въ то время между мною и Эриксономъ ничего еще не было. Это было за четыре года до нашей свадьбы. Но я хотѣла сказать это теперь, потому что Викъ слишкомъ хорошій человѣкъ для того, чтобы люди клеветали на него. Онъ бѣжалъ отъ жены и дѣтей не изъ легкомыслія, а желая сдѣлать добро. Я хочу чтобы всѣ это знали. Можетъ быть капитанъ Андерсонъ согласится прочесть это письмо при всей арміи. Я хочу чтобы Викъ былъ оправданъ. Я знаю также, что я молчала слишкомъ долго, но никому не охота приносить себя въ жертву ради какого-нибудь пьяницы. Теперь-же это совсѣмъ другое дѣло».

Женщины сидѣли какъ окаменѣлыя. Анна Эриксонъ, нѣсколько дрожащимъ голосомъ и съ блѣдной усмѣшкой, опять заговорила

«Теперь вы, можетъ быть, не захотите больше знаться со мною?»

«О, съ какой-же стати! Г-жа Эриксонъ была тогда такъ молода! Г-жа Эриксонъ ничѣмъ не могла помѣшать этому... Онъ самъ былъ виноватъ, если позволялъ себѣ создавать разныя фантазіи».

Она улыбнулась. Такъ вотъ тѣ острые клювы, что должны были растерзать ее. Правда была нисколько не опасна, да и ложь также. Не было слышно шаговъ слугъ и они вовсе не ждали ее у дверей.

Знала она тогда уже или не знала еще, что ея старшая дочь въ то самое утро покинула ея домъ и перешла къ своему отцу?

Всѣ узнали о жертвѣ, принесенной Матсомъ Викомъ для спасенія чести своей жены. Ему удивлялись. Надъ нимъ смѣялись. Письмо его было прочитано въ собраніи арміи. Нѣкоторые были растроганы до слезъ. На улицѣ люди, встрѣчаясь съ нимъ, жали ему руки. Дочь его переселилась къ нему.

На ближайшихъ изъ послѣдовавшихъ за этимъ событіемъ вечеровъ онъ молчалъ на собраніяхъ. Онъ не чувствовалъ призванія. Разъ попросили было его говорить. Онъ взошелъ на эстраду, всплеснулъ руками и началъ.

Произнеся слова два, онъ остановился въ смущеніи. Онъ не узнавалъ своего голоса. Куда-же дѣлся этотъ львиный голосъ? Куда дѣлся этотъ оглушительный сѣверный штормъ? Куда дѣлись потоки словъ? Онъ не понималъ, ничего не понималъ.

Пошатываясь, вернулся онъ назадъ. «Я не могу,—бормоталъ онъ.—Богъ не дастъ мнѣ больше способности говорить». Онъ сѣлъ на скамью и опустилъ голову на руки. Онъ сосредоточивалъ всю свою мыслительную способность на томъ только, чтобы сначала придумать, о чемъ онъ будетъ говорить. Приходилось-ли ему задумываться надъ этимъ въ былое время? Могъ-ли онъ думать объ этомъ теперь? Мысли его разбѣгались.

Можетъ быть, все пошло-бы на-ладъ, если-бы онъ снова поднялся, всталъ на то самое мѣсто, куда обыкновенно становился и началъ-бы съ своей обычной молитвы. Онъ попытался. Лицо его вдругъ стало сѣро, какъ пепелъ. Всѣ взгляды устремились на него. На лбу его выступилъ холодный потъ. Онъ не находилъ словъ.

Съ тяжкимъ стенаніемъ сидѣлъ онъ на своемъ мѣстѣ и плакалъ. Онъ утратилъ свой даръ. Онъ пробовалъ говорить, пробовалъ молча, про себя. О чемъ ему говорить? Онъ утратилъ свою скорбь. Ему нечего было говорить людямъ, чего не могъ-бы онъ сказать имъ прямо. Не было тайны, которую надо было-бы маскировать. Ему не было нужды въ творчествѣ, и творчество покинуло его.

Это былъ предсмертный ужасъ. Это была борьба на жизнь и смерть. Онъ хотѣлъ удержать то, что уже исчезло. Онъ хотѣлъ было вернуться

къ своей скорби, чтобы снова получить способность говорить. Но и скорби больше не было. Онъ не могъ вернуться къ ней.

Еще и еще разъ, шатаясь какъ пьяный, всходилъ онъ на эстраду. Онъ произносилъ нѣсколько ничего не значащихъ словъ. Онъ повторялъ какъ урокъ то, что говорили другіе.

Онъ старался подражать самому себѣ. Жадно искалъ онъ проникнутыхъ религіознымъ чувствомъ взглядовъ, трепетнаго молчанія, ускореннаго дыханія. Онъ не находилъ ничего. Онъ лишился того, что составляло счастье его жизни.

Снова погрузился онъ во мракъ. Онъ проклиналъ свою рѣчь, обратившую его жену и дочь. Онъ обладалъ величайшимъ сокровищемъ въ мірѣ, и утратилъ его. Горе его было ужасно. Но не такая скорбь питаетъ геній.

Онъ былъ художникъ, лишившійся рукъ, пѣвецъ, потерявшій голосъ. Онъ говорилъ только о своемъ горѣ. О чемъ-же сталъ-бы онъ теперь говорить?

Онъ молился. «Боже, если почетъ безмолвенъ и рѣчью обладаетъ незаслуженное униженіе,—верни мнѣ мое презрѣніе! Если счастье безмолвствуетъ и говоритъ одна лишь только скорбь, верни мнѣ мою скорбь!»

Но онъ утратилъ свою корону. Онъ сидѣлъ тутъ, несчастный изъ несчастнѣйшихъ, потому что онъ былъ низвергнутъ съ величайшихъ высотъ жизни. Онъ былъ развѣнчанный король.

А. Ф Кистяковскій какъ криминалистъ.

13-го января истекло десять лѣтъ со дня смерти одного изъ виднѣйшихъ дѣятелей шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, бывшаго профессора кіевскаго университета А. Ф. Кистяковскаго. Онъ оставилъ глубокіе слѣды какъ юристъ, публицистъ и общественный дѣятель, его имя принадлежитъ исторіи нашихъ юридическихъ обществъ, нашихъ учрежденій для несовершеннолѣтнихъ, нашего правоваго образованія вообще, нашей періодической печати, и весьма почтенное мѣсто занимаетъ оно также въ исторіи умственнаго развитія Украйны. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, и даже преимущественно, по дѣятельности своей Кистяковскій былъ криминалистъ. Свыше 20 лѣтъ онъ занималъ каѳедру уголовнаго права въ университетѣ св. Владиміра, именно съ сентября 1864 г. по день своей смерти. Еще раньше онъ началъ помѣщать въ печати свои работы по уголовному праву и процессу, и огромная часть многочисленныхъ сочиненій Кистяковскаго посвящена именно этой области. Какое-же положеніе занялъ онъ здѣсь; подъ какимъ знаменемъ онъ сталъ, чему и какъ служилъ онъ въ этой главной сферѣ своей дѣятельности?

Поставленными вопросами займется настоящій очеркъ, оставляя другимъ, болѣе въ томъ компетентнымъ, прочія сферы обширной дѣятельности Александра Федоровича.

I.

Научная разработка уголовнаго права распадается на экзегетическую, догматическую и историческую, при чемъ въ догматической разработкѣ различаются направленія метафизическое, практически-позитивное и научно-позитивное. Экзегетическая разработка состоитъ въ истолкованіи даннаго законодательства на основаніи наличнаго его содержанія въ опредѣленную эпоху. Историческая разработка имѣетъ задачею изученіе

возникновенія и развитія права, его прошлую жизнь. Наконецъ, догматическая разработка стремится къ отысканію и установленію положеній или догмъ, характеризующихъ существо изучаемыхъ правовыхъ институтовъ по данному положительному праву. Если такія положенія отыскиваются на основаніи отвлеченныхъ идей, то получается направленіе метафизическое. Если въ основаніе ихъ принимается положительное законодательство данной страны, то говорятъ (Биндингъ) о направленіи позитивно-догматическомъ или практически-позитивномъ, весьма близкомъ къ разработкѣ экзегетической. Наконецъ, направленіе научно-позитивное стремится къ уразумѣнію правовыхъ институтовъ и къ конструкціи ихъ путемъ выясненія ихъ дѣйствительной природы по даннымъ не только положительнаго законодательства, притомъ какого-либо одного народа, но также исторіи и всего иного матеріала, доступнаго наукѣ.

Въ своей литературной дѣятельности, А. Ф. Кистяковскій неоднократно проявлялъ себя хорошимъ толкователемъ дѣйствующаго законодательства. Въ ряду его произведеній мы встрѣчаемъ статьи «о порядкѣ и характерѣ производства дѣлъ по извѣту о фальшивости духовныхъ завѣщаній» (Ж. М. Ю., 1867, № 9), «о подсудности по закону 11 октября 1865». «о преступленіи недозволенное оставленіе отечества» (Суд. В., 1875, № 230), «къ вопросу о способѣ опредѣленія личности свидѣтеля и отношеніи его къ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ» (тамъ-же, № 23), «о наказуемости изъявленія умысла по русскому праву» (тамъ-же. 1876), «разработка вопросовъ о предрѣшеніяхъ гражданскимъ судомъ вопросовъ гражданскаго права, возникающихъ при производствѣ уголовнаго суда» (Кіевск. Универс. Изв., 1877, № 12), и въ его капитальныхъ научныхъ произведеніяхъ, каковы «Элементарный учебникъ», «О пресѣченіи обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда», отводится этому моменту не мало мѣста. Обладая значительными діалектическими способностями, А. Ф. Кистяковскій примѣнялъ ихъ и въ своей практической адвокатской дѣятельности, при чемъ ему приходилось неоднократно касаться толкованія дѣйствующаго законодательства. Безспорно, такимъ образомъ, что онъ не разъ проявлялъ себя въ направленіи экзегетическомъ и отнюдь не чуждался его.

Но онъ далеко не ограничивался экзегезою и даже, прибѣгая къ ней, руководился правиломъ: scire leges non est verba earum tenere, sed etiam vim ac potestatem. Для уразумѣнія этихъ vis ac potestas законовъ толкуемыхъ, не оставаясь въ предѣлахъ ихъ грамматическаго изложенія, онъ обращается къ исторіи ихъ и сопоставленію съ другими законодательными системами. Это уже пріемы анализа догматическаго.

II.

Въ гораздо большей мѣрѣ А. Ф. Кистяковскій можетъ быть признанъ представителемъ направленія историческаго въ наукѣ уголовнаго права. Его докторская диссертація «о мѣрахъ пресѣченія обвиняемымъ способовъ уклоненія отъ слѣдствія и суда» содержитъ въ себѣ изложеніе полной исторіи русскаго уголовнаго процесса, которое по достоинствамъ своимъ стоитъ выше всего появившагося донынѣ въ русской литературѣ. Историческому моменту онъ удѣлялъ обширное мѣсто во многихъ своихъ другихъ работахъ и, не говоря уже о его капитальномъ трудѣ «Изслѣдованіе о смертной казни», всецѣло построенномъ на опытныхъ указаніяхъ исторіи, авторъ отводитъ выдающееся значеніе историческому моменту въ своемъ «Элементарномъ учебникѣ общаго уголовнаго права». Обращая вниманіе читателей на предлагаемое имъ изложеніе исторіи науки уголовнаго права, авторъ въ предисловіи ко 2-му изданію его замѣчаетъ: «спеціалисты знаютъ, какъ мало разработанъ этотъ вопросъ даже въ иностранной научной литературѣ. Авторъ учебника считаетъ этотъ вопросъ однимъ изъ тѣхъ *кардинальныхъ* предметовъ науки, знакомство съ которымъ способно дать точку устоя при изученіи науки уголовнаго права».

И тѣмъ не менѣе, однако, несмотря на то огромное значеніе, которое А. Ф. Кистяковскій отводилъ историческому моменту въ наукѣ уголовнаго права, онъ не принадлежитъ историческому направленію, имя, имъ оставленное, не есть имя историка права. Такое имя принадлежитъ изслѣдователямъ временъ прошедшихъ, занимавшихся ими исключительно для опредѣленія правоваго строя прошлой правовой жизни. Прошлому всецѣло принадлежатъ ихъ труды и ихъ идеи. А. Ф. Кистяковскій не былъ историкомъ права потому уже, что онъ занимался прошедшимъ не для прошедшаго: послѣднее интересовало его не само по себѣ, а только какъ ступень для уразумѣнія настоящаго. Взоръ его направленъ на настоящее и только для выясненія его обращается къ прошедшему, притомъ далеко не исключительно. Факты исторіи имѣютъ для него значеніе только показателя взглядовъ народа на изслѣдуемый институтъ и измѣненія ихъ. Въ предисловіи къ своей магистерской диссертаціи о смертной казни,—сочиненіе, которое по высокимъ достоинствамъ своимъ стоитъ безспорно во главѣ всѣхъ остальныхъ работъ А. Ф. Кистяковскаго,—онъ говоритъ: «на вопросъ, который каждому спеціалисту не разъ приходится слышать,—каково ваше мнѣніе о смертной казни, считаете ли ее наказаніемъ справедливымъ или нѣтъ, я отвѣчаю: спрашивайте не меня, мнѣніе котораго, какъ всякое одиночное мнѣніе, не можетъ имѣть силы и значенія, а выслушайте болѣе полновѣсное и имѣ-

ющее болѣе правъ на вниманіе мнѣніе народовъ». Весь этотъ трудъ направленъ къ выясненію, путемъ данныхъ исторіи, современнаго состоянія изслѣдуемаго вопроса. Но и на этомъ авторъ не останавливается. Какъ видно уже изъ приведенной выдержки, историческій матеріалъ служитъ для него основою не только для выясненія настоящаго, но и для отвѣта о будущемъ; изъ него онъ дѣлаетъ заключеніе не только о томъ, что есть, но и что должно быть; въ немъ онъ ищетъ, въ частности, рѣшенія о *справедливости или несправедливости* изслѣдуемаго института. То же заключеніе получается изъ знакомства съ другими трудами А. Ф. Кистяковскаго. Высоко ставя исторію права, онъ служитъ ей не самой по себѣ, а какъ могучему вспомогательному средству изслѣдованія догматическаго. Она нужна ему для уразумѣнія истинной природы изслѣдуемаго института въ видахъ выясненія современнаго его состоянія и опредѣленія вѣроятныхъ судебъ его въ будущемъ. «Такъ какъ субстанція уголовнаго права есть общественнаго свойства,—говоритъ А. Ф. Кистяковскій во 2-мъ изд. своего учебника (§ 7)—и такъ какъ общественность человѣческая видоизмѣняется по извѣстнымъ неизмѣннымъ законамъ, то и уголовное право, какъ одно изъ проявленій общественности, съ одной стороны бываетъ запечатлѣно характеромъ общественности, его породившей, съ другой вмѣстѣ съ нею подвержено измѣняемости, совершающейся по неизмѣннымъ законамъ». Исторія права для автора и есть матеріалъ, содѣйствующій выясненію такихъ законовъ, называемыхъ имъ законами постоянства и движенія, и опредѣленію вліянія общественности на состояніе и измѣненіе права. Посвящая себя ей, онъ имѣлъ всегда предъ собою главною задачею выясненіе юридической сущности изслѣдуемаго института и общественныхъ условій, его опредѣлявшихъ. Это задача догматическаго свойства.

Нельзя при этомъ не отмѣтить отношенія А. Ф. Кистяковскаго къ смѣнѣ историческихъ явленій. Много разъ и съ настойчивымъ подчеркиваніемъ онъ высказываетъ положеніе, по которому эта смѣна совершается не безформенно и произвольно, а въ высшей степени правильно, постепенно, или, какъ выражается А. Ф., по неизмѣннымъ законамъ. Кромѣ приведенной выдержки изъ § 7 его учебника, въ подтвержденіе сказаннаго можно сослаться на §§ 22—39 того-же сочиненія. Современное уголовное право Европы, говоритъ онъ, «есть накопленная работа многихъ вѣковъ и множества поколѣній» (§ 22); «процессъ его развитія и видоизмѣненій есть процессъ органическій, т. е. совершающійся по неизмѣннымъ законамъ, присущимъ природѣ обществъ человѣческихъ» (§ 23); «въ процессѣ развитія и видоизмѣненія уголовнаго права нѣтъ ничего произвольнаго, нѣтъ скачковъ, внезапностей и неожиданностей; все въ немъ подчинено общему, свойственному всей природѣ, закону постепеннаго развитія, по которому одна формація явленій рождается изъ другой, по

которому ближайшее послѣдующее мало чѣмъ отличается отъ послѣдняго предыдущаго, но гдѣ двѣ крайнія формаціи, не утрачивая ихъ родового сходства, коренным образомъ между собою различаются» (§ 24). Въ развитіи уголовнаго права онъ указываетъ три постепенно другъ друга смѣняющіе уклады или формаціи: а) укладъ или формація частной мести, б) общественнаго устрашенія и в) общественнаго исправленія и предупрежденія (§ 25),—при чемъ указываетъ характеристическія черты каждой изъ этихъ формацій, замѣчая, что послѣдняя изъ нихъ «въ настоящее время находится только въ періодѣ своего развитія, а не полнаго осуществленія, вслѣдствіе чего третій укладъ .... не можетъ быть разсматриваемъ какъ вполнѣ сложившійся» (§ 34), что «нынѣ дѣйствующее уголовное право хотя представляетъ начало третьей формаціи, въ сущности есть переходнаго свойства» (§ 36), и прибавляетъ: «обозрѣвая весь ходъ развитія и видоизмѣненій науки уголовнаго права, легко замѣтить, что оно является до высокой степени дѣломъ человѣка данной эпохи, нося на себѣ печать характера и качествъ этого человѣка и общественной среды, въ которой онъ живетъ», и что «дѣло науки уголовнаго права, какъ науки установившихся формъ общежитія, какъ фактора, который обладаетъ только творческою силою для пониманія и для разработки существующихъ формъ, а не для созданія новыхъ, состоитъ въ томъ, чтобы указать на зачатки новыхъ идей» (§§ 38, 39).

Приведенныя выдержки, подтверждая высказанное нами, что для А. Ф. Кистяковскаго историческое изслѣдованіе имѣло лишь характеръ служебный, насколько оно было нужно для разрѣшенія главной задачи, имъ преслѣдуемой и по существу своему догматической, вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуютъ, что по вопросу объ исторической смѣнѣ правовыхъ явленій, А. Ф. исходилъ изъ убѣжденія въ постоянствѣ ея, въ опредѣленіи ея извѣстными твердыми законами объективнаго свойства, въ постепенности развитія однѣхъ формъ правовой жизни изъ другихъ, имъ предшествовавшихъ. Это — *доктрина эволюціонизма*, однимъ изъ самыхъ раннихъ представителей которой у насъ и былъ Кистяковскій.

III.

Какъ-бы то ни было, А. Ф. Кистяковскій въ наукѣ уголовнаго права всецѣло служилъ разработкѣ догматической. Главная задача, которую онъ себѣ ставилъ, состояла въ выясненіи природы существующихъ правовыхъ институтовъ, и если его взглядъ останавливался на прошедшемъ ихъ или стремился проникнуть въ ихъ будущее, то лишь въ предѣлахъ, на сколько это представлялось нужнымъ и возможнымъ для уразумѣнія существующаго.

Но какъ понималъ онъ это существующее и какими путями стремился къ уразумѣнію его?

Уже изъ предыдущаго изложенія съ полною очевидностью вытекаетъ, что А. Ф. не былъ человѣкомъ съ готовыми мнѣніями на всѣ вопросы. Къ отвѣту на послѣдніе онъ приходилъ лишь послѣ старательной надъ ними работы, и уважая объективное къ нимъ отношеніе, можетъ быть даже свыше должной мѣры, онъ крайне отрицательно относился къ субъективному ихъ разрѣшенію, основанному на однихъ лишь произвольныхъ, эмпирически недоказанныхъ положеніяхъ. Припомнимъ, какъ рѣшительно отклоняетъ онъ отъ себя, въ предисловіи къ изслѣдованію о смертной казни, вопросъ о справедливости или несправедливости этого наказанія, направляя читателя къ мнѣнію народовъ. «Не въ моей натурѣ, читаемъ мы въ одномъ изъ его писемъ къ проф. Модестову, та любовь къ догматикѣ, похожей на догматическое богословіе, которая самодержавно царствуетъ въ наукѣ уголовнаго права». Здѣсь отрицательное отношеніе къ извѣстному направленію въ догматической разработкѣ выражено въ формѣ столь рѣзкой, что изъ нея можно даже придти къ ошибочной мысли, будто бы А. Ф. Кистяковскій протестуетъ вообще противъ догматической разработки уголовнаго права: въ дѣйствительности, онъ— лучшій ея представитель, и протестъ его относится лишь къ тому ея направленію, которое стремится подчинить правовую жизнь неизмѣннымъ и непреложнымъ догмамъ, выводимымъ путемъ произвольныхъ построеній изъ не провѣренныхъ научно идей. И онъ со всею силою своей аргументаціи обрушивается на авторовъ новаго времени, которые продолжаютъ стоять на такой ненадежной почвѣ. Отмѣтивъ въ учебникѣ три коренныхъ вопроса, завѣщанныхъ прежней наукой девятнадцатому столѣтію, именно—вопросы о правѣ наказанія, объ основаніи вмѣненія и о подозрѣніи, онъ, говоря о второмъ изъ этихъ вопросовъ, упрекаетъ автора сочиненія «основныя начала объ уголовномъ вмѣненіи», пр. Бернера, въ томъ, что авторъ этотъ «представилъ изображеніе дѣятельности не дѣйствительнаго человѣка, а миѳическаго, можно сказать воображаемаго. Доказательствомъ тому служатъ слѣдующія выраженія: «человѣкъ можетъ нарушить вѣчный законъ», «человѣкъ пользуется высшею честью быть преступникомъ и освобождаться отъ «необходимости», «человѣкъ не управляется побужденіями», «волю его нельзя принудить». Вслѣдствіе такого метода изслѣдованія природы дѣйствій человѣка — продолжаетъ А. Ф. Кистяковскій, — преступленіе до сихъ поръ въ наукѣ остается какою-то загадкою, чѣмъ-то безпричиннымъ, какимъ-то зломъ, которому нѣтъ другого объясненія, кромѣ невѣдомо откуда происходящей злой воли. *Современная злая воля, это — средневѣковой діаволъ, только принявшій другую личину.* Еще Фейербахъ справедливо замѣтилъ, что по этой теоріи человѣкъ совершаетъ преступленіе только потому, что онъ хочетъ совершить его, дѣлаетъ зло для самого зла, не исполняетъ законъ безъ всякой причины, кромѣ желанія нарушить его,

словомъ—дѣйствуетъ, какъ средневѣковой діаволъ. Отъ такой постановки этого вопроса происходитъ то, что въ наукѣ уголовнаго права остается въ полномъ пренебреженіи изслѣдованіе реальной природы преступленія, и что въ ней господствуетъ въ этомъ пунктѣ застой. Мало этого: всякая попытка основать вмѣненіе *на юридическихъ основахъ, выведенныхъ изъ дѣйствительной природы преступленія*, принимается за воззваніе къ установленію безразличія между добромъ и зломъ, за призывъ къ безнаказанности. Доказательствомъ этому служитъ исторія Ансельма Фейербаха. Какъ будто теорія причинности преступленій когда нибудь могла смотрѣть на преступленіе иначе, какъ на зло, какъ будто она также не озабочена охраною благосостоянія и безопасности общества. Зло останется зломъ, будемъ ли мы знать его причину, или считать его навѣяннымъ съ вѣтра. Но велико различіе между тѣмъ, когда причина дѣйствія изслѣдована, и тѣмъ положеніемъ, когда дѣйствіе является безпричиннымъ, произвольнымъ, одинокимъ. Въ первомъ случаѣ можетъ быть подыскано болѣе цѣлесообразное средство его устраненія, во второмъ примѣняются рутинныя средства, какъ какое-нибудь знахарство въ медицинѣ» (Учебникъ, стр. 104, 105, изд. 2).

Мы нарочно привели эту довольно обширную выписку по одному изъ самыхъ важныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самыхъ слабо-обработанныхъ ученій общей части уголовнаго права, такъ какъ она съ особенною яркостью характеризуетъ научное направленіе А. Ф. Кистяковскаго. Въ ней онъ требуетъ, чтобы ученіе о вмѣненіи было построено на юридическихъ основахъ, выведенныхъ изъ дѣйствительной природы преступленія. Этимъ требованіемъ,—посильную попытку выполнить которое онъ далъ для многихъ уголовно-правовыхъ ученій какъ въ своемъ Учебникѣ, такъ и въ другихъ своихъ трудахъ, — А. Ф. Кистяковскій рѣшительно заявляетъ себя сторонникомъ догматической разработки уголовнаго права. Съ еще большею рѣшительностью высказывается имъ здѣсь протестъ противъ отвлеченнаго его направленія, такъ что съ этимъ вопросомъ можно считать поконченнымъ. Но, кромѣ того, въ немъ заключаются еще два драгоцѣнныя указанія, подтверждаемыя всею совокупностью трудовъ А. Ф. Кистяковскаго.

Одно изъ нихъ—отрицательнаго свойства. Заявивъ себя противникомъ метафизическаго направленія, А. Ф. весьма категорически высказывается въ немъ и противъ такъ называемаго позитивнаго направленія въ смыслѣ построенія науки уголовнаго права на почвѣ исключительно какого-либо конкретнаго положительнаго законодательства. Suprema lex—для него только одна изъ послѣдовательныхъ историческихъ ступеней развитія правовой идеи, и не передъ нимъ склоняется его гордая выя. Его фундаментъ гораздо болѣе широкій, его почва гораздо болѣе устойчивая.

IV.

Эта почва—«дѣйствительная природа преступленія». Въ предисловіи къ 1 изданію своего учебника, который онъ назвалъ учебникомъ «*общаго* уголовнаго права», А. Ф. Кистяковскій объясняетъ это названіе такъ: «подъ общимъ уголовнымъ правомъ я разумѣю изложеніе общихъ началъ, которыя выработаны совокупною жизнью всего человѣчества». Въ самомъ изложеніи какъ учебника, такъ и изслѣдованія о смертной казни, онъ говоритъ или объ общемъ уголовномъ правѣ, или объ уголовномъ правѣ Европы, подкрѣпляя свои положенія ссылками на литературу и законодательства разнообразныхъ временъ и народовъ и стремясь сдѣлать общій выводъ изъ нихъ. Всюду онъ имѣетъ въ виду не какое-либо конкретное законодательство опредѣленнаго народа, а цѣлую совокупность конкретныхъ правовыхъ нормъ всѣхъ извѣстныхъ ему временъ и народовъ. Положительный законъ для него—не источникъ уголовнаго права, а только *матеріалъ* науки уголовнаго права, внѣшняя оболочка или «форма, выраженіе уголовнаго права, какъ совокупности понятій даннаго народа, въ данный періодъ его развитія, о правомъ и неправомъ. Не законъ созидаетъ уголовное право, а наоборотъ. Вообще говоря, въ созданіи уголовнаго закона не остается мѣста произволу законодателя, которому приходится только закрѣплять уже народившіяся или вызываемыя потребностями быта понятія о правомъ и неправомъ, созданныя сложившимися или слагающимися общественными отношеніями» (Учебн. § 64). «Чѣмъ объемистѣе матеріалъ, подлежащій научной обработкѣ,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, понимая подъ матеріаломъ науки уголовнаго права уголовные законы (Учебн. § 8),—тѣмъ шире, глубже и ближе къ истинѣ будутъ положенія самой науки. Поэтому было-бы разумно, если-бы наука уголовнаго права сообщала свои ученія какъ результатъ изученія уголовныхъ законовъ всѣхъ формацій, всѣхъ періодовъ и народовъ. Только подъ этимъ условіемъ она и можетъ получить имя общаго уголовнаго права».

Какая грандіозная перспектива, какой высокій и достойный упорнаго труда научный идеалъ! Конечно, идеалъ этотъ и вообще мнѣніе А. Ф. Кистяковскаго объ *общемъ* уголовномъ правѣ не представлялись безусловно новыми и имѣли почву въ прошедшемъ, что, впрочемъ, съ точки зрѣнія самого А. Ф. служитъ имъ только въ похвалу. Уже школа естественнаго права, а затѣмъ супернатуралисты и представители различныхъ философскихъ системъ заводили рѣчь объ общихъ для всего человѣчества началахъ права вообще и уголовнаго въ частности, но въ иномъ значеніи, такъ какъ такія начала представлялись имъ непреложными, неизмѣнными и опредѣляемыми силами, внѣ человѣка и человѣческаго обще-

ства лежащими, именно божествомъ или космосомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, опытное, сравнительное изученіе права у разныхъ народовъ показало существованіе у нихъ общихъ чертъ, такъ что мысль о связи и даже родствѣ уголовныхъ законодательствъ и объ опредѣляемости историческаго развитія ихъ общими законами высказывалась и съ болѣе научными обоснованіями. Но въ той полнотѣ и широтѣ, въ какой она выражена А. Ф. Кистяковскимъ, она ранѣе его не высказывалась. Въ иностранной литературѣ въ такой положительной постановкѣ мы встрѣчаемъ ее впервые въ произведеніяхъ проф. Листа, именно главнымъ образомъ въ введеніи къ «Сравнительному уголовному законодательству», изданному только въ 1894 году. Первенство, благодаря А. Ф., принадлежитъ русской литературѣ.

Давая уголовному праву такое широкое основаніе, А. Ф. нуждался для построенія его какъ науки въ огромномъ матеріалѣ. Видя въ положительномъ законѣ только проявленіе правовыхъ убѣжденій даннаго народа въ опредѣленный моментъ его существованія, онъ естественно и неминуемо пришелъ къ признанію высокаго значенія исторіи права; матеріалъ историческій оказался настоятельно необходимымъ для построенія предположеннаго имъ зданія. Исходя изъ мысли, что право даннаго народа есть только частица права всего человѣчества, плоть отъ плоти и кость отъ кости его, онъ не могъ заключить своего изложенія въ тѣсныя рамки правоваго строя какого-нибудь одного народа; настоятельно необходимымъ сталъ для него и матеріалъ сравнительный. Мы уже видѣли, какъ добросовѣстно и упорно подготовлялъ себя А. Ф. къ ознакомленію съ историческимъ матеріаломъ и пріемами историческаго изслѣдованія. Тѣ-же добросовѣстность и упорство проявляются у него и по отношенію къ матеріалу сравнительному. Рѣдкое явленіе уголовно-правовой жизни западныхъ народовъ его времени не останавливало на себѣ его вниманія. Въ ряду его литературныхъ произведеній, помѣщавшихся въ періодической печати, мы встрѣчаемъ: «очеркъ англійскаго уголовнаго процесса по Миттермайеру» (Ж. М. Ю. 1860, №№ 6, 8—12); «адвокатура во Франціи, Англіи и Германіи» (тамъ-же, 1863, № 8); «полицейскіе суды въ Лондонѣ» (1864. № 9, подъ псевдонимомъ А. Городисскій); «уголовное право Италіи, профессоръ Пессина и современное движеніе италіанскаго права и науки» (Судебн. Журн. 1873, №№ 3 и 4); «о преподаваніи юридическихъ и политическихъ наукъ въ Германіи» (Ж. М. Нар. Просв. 1874); «главнѣйшіе моменты исторіи развитія науки уголовнаго права» (Кіев. Унив. Изв. 1873, № 12); «судебная организація во Франціи и предстоящія въ ней реформы» (Журн. гр. угол. пр. 1879, №№ 2 и 3); помимо того, значительная работа этого рода выполнена имъ въ его руководящихъ трудахъ о смертной казни и въ Учебникѣ.

Но и для А. Ф. Кистяковскаго, несмотря на его огромную энергію.

поставленная имъ задача оказалась чрезмѣрною. Состояніе литературной разработки уголовнаго права еще далеко не достигло той высоты, которая для этого необходима. Самъ онъ вынужденъ былъ признать, что «разработка уголовнаго права посредствомъ историческаго метода представляетъ только слабыя попытки, является только въ зародышномъ состояніи... Еще въ меньшей степени уголовное право обработано посредствомъ сравнительнаго метода... Онъ остается не примѣненнымъ къ самымъ отдаленнымъ эпохамъ уголовнаго права, тѣмъ, которыя представляютъ высокій научный интересъ. Къ нему не обращались еще для разработки уголовнаго права классическихъ народовъ. Уголовное право дикихъ и варварскихъ народовъ не тронуто, какъ нѣчто совокупное, въ одно мѣсто сопоставленное, освѣщенное путемъ сравненія» (Учеб., стр. 34, 35). Естественно, что при такомъ состояніи научныхъ знаній, предложенное А. Ф. Кистяковскимъ могло быть только попыткою рѣшенія вопроса по намѣченной программѣ. Многихъ ученій господствующей доктрины онъ совершенно не могъ коснуться, къ другимъ ему оказалось возможнымъ проявить лишь критическое отношеніе, и только весьма немногія, каково, напримѣръ, ученіе о смертной казни, переработаны имъ въ корнѣ и не только расчищены старыя развалины, но на мѣсто ихъ воздвигнуто и новое зданіе. Однако, и какъ попытка, труды А. Ф. Кистяковскаго имѣютъ высокую цѣну, и изъ намековъ, въ нихъ содержащихся, должна въ будущемъ получиться прекрасная жатва.

V.

А. Ф. Кистяковскій приходилъ къ высказываемымъ имъ положеніямъ путемъ упорной и медленной работы. Мы уже замѣтили, что онъ не принадлежалъ къ числу умовъ съ готовыми на все отвѣтами. Напротивъ, онъ какъ-бы предпочиталъ вовсе не имѣть личнаго мнѣнія и не давать личнаго отвѣта по возбуждаемымъ вопросамъ. «Спрашивайте не мое мнѣніе, а мнѣніе народовъ», говоритъ онъ въ предисловіи къ изслѣдованію о смертной казни. «Самыя, повидимому, самостоятельныя философскія построенія, носящія на себѣ печать индивидуальности писателя-криминалиста, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ (учебникъ, стр. 55), будучи сведены къ простѣйшимъ истинамъ, въ концѣ-концовъ выражаютъ только то или другое убѣжденіе, живущее въ цѣломъ народѣ, или въ такъ называемомъ обществѣ».

Такое объективистическое направленіе, отрицающее всякое значеніе личнаго, индивидуальнаго момента, возлагающее и на писателя обязанность воздерживаться отъ всякаго проявленія своей индивидуальности въ своихъ твореніяхъ, явилось какъ естественная реакція противъ чрезмѣрнаго возвышенія личности и личнаго момента литературою XVIII и начала XIX

стол., съ ея непреложною вѣрою во всемогущество личнаго разума и личной воли. Увлеченія этого направленія породили противоположное теченіе, которое пріобрѣтало болѣе и болѣе адептовъ и наконецъ стало господствующимъ. Ему отдалъ дань и А. Ф. Кистяковскій.

Но какъ ни громко и рѣшительно ни требуетъ онъ отрицанія своей личности въ научныхъ трудахъ, его личность выступаетъ въ нихъ весьма импозантно. Да и можно-ли ожидать иного? Можно-ли утверждать, что духъ человѣческій на самой высшей ступени своей дѣятельности, творческой, научной, гдѣ все отъ него зависитъ, принизится до полнаго самоуничтоженія? Развѣ не личный геній творитъ науку? Развѣ Соловьевъ, излагая тѣ-же событія, которыя излагались другими историками, могъ не вложить въ это изложеніе всей своей личности, всего своего я? Развѣ не цѣлая бездна между нимъ и Карамзинымъ? Отрицаніе личнаго момента есть отрицаніе науки, провозглашеніе объективизма какъ высшаго начала равносильно полному умственному застою.

Личность А. Ф. Кистяковскаго проявляется прежде всего въ выборѣ тѣхъ вопросовъ, которые онъ подвергалъ своей разработкѣ, и затѣмъ въ свойствѣ отвѣтовъ, на нихъ даваемыхъ. Это—вопросъ о мѣрахъ пресѣченія обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія, вопросъ, постановка котораго вызвана крайними злоупотребленіями дореформированнаго нашего процесса противъ свободы личной и на который авторомъ дается отвѣтъ въ смыслѣ возможно болѣе полнаго огражденія такой свободы;—вопросъ о смертной казни, т. е. самой крайней карательной мѣрѣ, доходящей до полнаго уничтоженія личности, и даваемый отвѣтъ приходитъ къ спокойному, но рѣшительному отрицанію этой мѣры;—вопросъ о малолѣтнихъ преступникахъ и учрежденіяхъ для ихъ исправленія, т. е. о несчастныхъ, обреченныхъ на пороки и преступленія бездомностью, заброшенностью или дурнымъ состояніемъ семьи, при чемъ дается энергическій отвѣтъ въ смыслѣ разумнаго общественнаго призрѣнія такихъ дѣтей;—вопросъ о юридическомъ образованіи и юридическихъ обществахъ, при чемъ и то и другое настойчиво рекомендовались и указывалась продуманная ихъ программа въ видахъ дальнѣйшаго усовершенствованія народнаго и развитія права. Этотъ выборъ темъ и это свойство отвѣтовъ съ крайне симпатичной стороны рисуютъ личность А. Ф. Кистяковскаго въ его научныхъ трудахъ. Они даютъ намъ право примѣнить къ нему слова поэта:

И на чредѣ своей не забывалъ онъ
Святѣйшаго изъ званій: человѣкъ!

И. Фойницкій.

ДРУЖБА.

Разсказъ Зудермана. Переводъ съ нѣмецкаго Н. А—ной.

Можетъ быть вы помните одинъ женскій портретъ, который былъ выставленъ три или четыре года тому назадъ,—онъ обратилъ на себя общее вниманіе и создалъ имя художнику? Нѣжная, нѣсколько худощавая фигура, въ простомъ черномъ бархатномъ платьѣ, узкое, страдальческое лицо, на которомъ можно было прочитать спокойный аристократизмъ мысли, полузакрытые, вдумчивые глаза, верхняя губа, покрытая легкимъ пушкомъ, съ чертой тоски и улыбающейся муки около губъ.

Она была вдова извѣстнаго ***скаго архитектора, въ домѣ котораго во время оно постоянно толпились молодые художники, между прочимъ и К..., написавшій этотъ портретъ. Это былъ веселый малый, легкомысленный и смѣлый, сумѣвшій въ водоворотѣ студенчества сберечь вполнѣ молодой талантъ, и присвоившій себѣ разочарованность человѣка, страдающаго міровой скорбью, которая ему тѣмъ болѣе шла, что при малѣйшемъ поводѣ онъ разражался звонкимъ хохотомъ.

Гедвига быстро сумѣла распознать здоровую натуру молодого человѣка и заботилась объ немъ тѣмъ охотнѣе, что весь свѣтъ считалъ его талантомъ первой величины, требующимъ только нѣкотораго ухода, чтобы затѣмъ принести превосходные плоды. Съ жаромъ отдался онъ руководительству молодой женщины, бывшей старше его нѣсколькими годами, и скоро сталъ боготворить ее.

Онъ приносилъ ей свои этюды, а она внимательно штудировала ихъ взглядомъ, отъ котораго не ускользало ни единой ошибки еще не совсѣмъ твердой руки. Онъ повѣрялъ ей свои творческія мысли, бродившія въ его головѣ въ безформенномъ видѣ, а она возвращала ихъ ему очищенными и созрѣвшими. Ни одинъ уголокъ его сердца не былъ скрытъ отъ нея, и ей была понятна даже молодая рѣзкость, проскальзывавшая

иногда въ его чувствахъ и производившая диссонансъ; она приписывала ее излишку силъ и легкой насмѣшкой старалась возстановить ту гармонію, которая была нарушена; многихъ другихъ чуткихъ молодыхъ женщинъ эта рѣзкость оскорбила бы.

Безконечно много давала она ему и не менѣе получала отъ него. Будучи женой человѣка уже не молодого, угрюмаго, сама постоянно больная, она слишкомъ рано созрѣла умственно и утратила веселость и упругость молодости. Теперь же цѣлые потоки свѣжей, жизнерадостной силы сообщались ей отъ него; она чувствовала себя помолодѣвшей, глядя на него; и къ ея чувству примѣшивалось что-то материнское, слабая тѣнь того счастья, въ которомъ ей было отказано.

Мужъ, довольный, что жена занята, давалъ имъ обоимъ полную свободу.—Да почему бы и нѣтъ?—Никогда еще ревность не была бы менѣе основательна; вѣдь молодой человѣкъ повѣрялъ ей даже свои, болѣе или менѣе легкомысленныя сердечныя дѣла, отъ вреднаго дѣйствія которыхъ она старалась только оградить успѣшное развитіе его таланта.

Два, три года минули. Мужъ Гедвиги умеръ. Она чувствовала себя хуже, чѣмъ когда бы то ни было и перебралась по совѣту врачей на югъ, въ Ниццу.

Одиноко и тихо жила она; только время отъ времени появлялся въ ея безхитростной гостиной какой-нибудь длинноволосый геній, не особенно опрятный, привозившій ей рекомендательное письмо отъ ея друга и находившійся большею частью въ затруднительныхъ денежныхъ обстоятельствахъ.

Переписка съ другомъ, котораго работа и служба удерживали въ Германіи, была ея единственнымъ развлеченіемъ. Онъ часто писалъ ей, что онъ молится на нее. Она энергично отстраняла этотъ экстазъ и была довольна тѣмъ, что онъ оставался ей вѣренъ, несмотря на свой легкомысленный темпераментъ и растущую славу. Такъ прошло три года.

И вотъ—позднею осенью, нежданно, негаданно онъ появился въ Ниццѣ. Утомленный, заработавшійся, нравственно одинокій, болѣе сумасбродный, чѣмъ когда-бы то ни было, но—уже окончательно возмужавшій.

— Я пришелъ къ вамъ, чтобы отъ васъ получить исцѣленіе!—вскрикнулъ онъ, входя въ первый разъ въ ея комнату.

Она заплакала отъ радости.

Скоро отношенія ихъ сдѣлались еще дружественнѣе, чѣмъ были раньше; тѣмъ не менѣе она по временамъ испытывала передъ нимъ нѣчто въ родѣ страха, до сихъ поръ ей чуждаго и возникшаго вѣроятно потому, что онъ не былъ уже относительно нея тѣмъ юношей, къ которому она прежде относилась нѣсколько покровительственно; разница въ годахъ исчезла и внутренно. Его душа была близка ея душѣ страшно близка!

Онъ часто жаловался ей. Страшныя головныя боли, плодъ слишкомъ усиленной работы, потомъ бѣды, огорченія, съ которыми приходилось бороться, разочарованія, постигавшія его. Они не были слишкомъ велики, но баловню счастья они казались ужасными. Она жадно поглощала его слова; ничтожнѣйшія подробности его жизни получили для нея громадное значеніе.

Но о многомъ онъ, казалось, умалчивалъ.

— А женщины?—спросила она, улыбаясь, и внезапно почувствовала ростущую ревность.

— Ахъ!—оставимъ женщинъ!—возразилъ онъ—я ихъ давно забылъ. Теперь вы для меня—все.

Она содрогнулась, но ничего не сказала. О, если бы онъ зналъ, какъ все ея существо расцвѣтало при видѣ его!

Эти слова его безпрестанно звучали въ ея ушахъ; они слышались ей даже сквозь сонъ.

Рождественскіе праздники они провели вмѣстѣ.

Когда свѣчи на деревѣ были зажжены и запахъ елки и яблокъ распространился по комнатѣ, напоминая о родинѣ, онъ взялъ ее за обѣ руки и долго, улыбаясь, смотрѣлъ ей въ глаза, а затѣмъ сказалъ:

— Знаете! мы, собственно говоря, должны были бы пожениться.

Она почувствовала какой-то жгучій трепетъ, но быстро оправилась, и разразилась веселымъ смѣхомъ.

— Вы думаете я шучу?—продолжалъ онъ,—нѣтъ, нѣтъ, я говорю это совершенно серьезно. Ну согласитесь сами: мы оба одиноки, свѣтъ намъ не мѣшаетъ и мы научились понимать другъ друга такъ, какъ никогда никто на свѣтѣ не понималъ другого. Почему же не должны мы дѣлать общее дѣло, соединившись на всю жизнь?

— Будьте благоразумны, мой другъ!—возразила она, стараясь видимо сохранить веселый тонъ, и не будемъ говорить больше о такихъ глупостяхъ: какъ-бы то ни было, серьезно или шутя, все-таки это вѣдь глупость! Недостаетъ того, чтобы вы обзавелись женой, которая старше васъ пятью годами и которая въ скоромъ времени окончательно отцвѣтетъ. Кромѣ того вы, какъ мнѣ кажется, не родились сестрой милосердія, а вѣдь вы знаете, что я медленно приближаюсь къ могилѣ. А потому довольно объ этомъ.

Въ эту ночь она много плакала.

На другой день у него такъ болѣла голова, какъ никогда не болѣла.

Онъ получилъ право въ ея присутствіи растянуться на кушеткѣ.

Она поправляла ему подушки.

— У васъ такая свѣжая рука, сказалъ онъ.—Въ былыя времена вы часто, утѣшая, гладили меня по головѣ. Это всегда мнѣ помогало. И этого счастья я лишился!

Дрожащей рукой стала она его гладить по головѣ и по лицу. А когда притронулась къ его щекамъ, онъ обѣими руками придержалъ ея пальцы.

— Оставьте ихъ здѣсь,—сказалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ:—мои щеки горятъ какъ въ огнѣ.

Ея щеки горѣли не меньше.

Время между Рождествомъ и Новымъ годомъ прошло. Сильнѣе и сильнѣе привязывались другъ къ другу эти два одинокіе человѣка.

Пришелъ канунъ Новаго года. Было рѣшено провести его вмѣстѣ. Гедвига приготовляла чай; онъ, откинувшись въ креслѣ, курилъ сигару и сквозь голубоватый дымъ наблюдалъ за ея хозяйственными приготовленіями. На щекахъ ея игралъ легкій румянецъ, а въ глазахъ горѣлъ какъ-бы отблескъ предчувствія счастья. Онъ чувствовалъ себя такимъ веселымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такимъ стѣсненнымъ, ему хотѣлось бы вскочить и заключить ее въ свои объятья, только для того, чтобы освободиться отъ этой душевной тяжести. Она говорила мало, каждый казалось былъ занятъ своими мыслями.

Около одиннадцати часовъ на улицахъ поднялся шумъ; свѣтъ мигающихъ факеловъ освѣщалъ комнату. Шествіе масокъ, устроенное какой-то компаніей, какъ прологъ надвигающагося карнавала, проходило по улицѣ.

Они открыли стеклянную дверь и оба вышли на балконъ, на которомъ стояли гранатовыя деревья въ полномъ цвѣту.

Была теплая, мягкая ночь, такая, какія бываютъ у насъ только весной. Звѣзды мерцали, а надъ моремъ лежалъ какой-то неопредѣленный отсвѣтъ.

Въ ту минуту, когда шествіе со свистомъ, трелями и хохотомъ проходило у самыхъ ихъ ногъ, онъ почувствовалъ, какъ ея рука почти со страхомъ легла въ его руку.

— Мы здѣсь, какъ среди моря на одинокой скалѣ, не правда-ли?—прошепталъ онъ ей.

Она кивнула и тихо прижалась къ нему.

— И мы все-таки должны остаться чуждыми другъ другу?—продолжалъ онъ.

Она не отвѣчала и только опустила голову, погружая ее въ розовые цвѣты гранатъ. Онъ чувствовалъ какъ она дрожала.

— Гедвига!—сказалъ онъ тихо.

Она вздрогнула. Онъ въ первый разъ назвалъ ее по имени.

— Гедвига!

— Что хотите вы отъ меня?

— Гедвига, у меня душа переполнена. Я долженъ васъ благодарить, я долженъ вамъ говорить слова любви... Чѣмъ былъ-бы я безъ васъ? Всѣмъ, всѣмъ обязанъ я вамъ.... Гедвига, я больше не могу выносить

этого, я стою около васъ съ бьющимся сердцемъ, но какъ чужой. Я долженъ свободно вздохнуть, я долженъ сказать вамъ...

— О, Боже!—прошептала она, закрывая лицо руками. Она вбѣжала въ комнату и бросилась въ кресло. Онъ побѣжалъ за ней и схватилъ обѣ ея руки. Она тяжело дышала.

— Подождите, будемъ говорить спокойно, мой другъ,—сказала она, съ трудомъ выпрямляясь. — Садитесь вотъ тамъ и послушайте меня.

Онъ машинально повиновался.

— Почему все не можетъ остаться между нами такъ, какъ это было до сихъ поръ?—продолжала она, —развѣ было плохо?... развѣ мы не удовлетворяли другъ друга? И вотъ вдругъ насъ охватило какое-то волненіе, которое дѣлаетъ насъ неблагодарными всему счастью, испытанному нами до сихъ поръ... Мы не имѣемъ права поддаться этому волненью. Оно сдѣлало бы насъ (по крайней мѣрѣ меня) несчастными. Видите-ли, нѣсколько времени тому назадъ вы говорили мнѣ, что я для васъ все. Я хорошо чувствую, что въ извѣстномъ смыслѣ это правда и это чувство наполняетъ меня и счастьемъ и гордостью; но съ той минуты, съ которой мы захотимъ пожинать любовь тамъ, гдѣ мы посѣяли дружбу, обаянье будетъ нарушено. До сихъ поръ я для васъ была все, съ этой минуты я буду для васъ... еще одна!»

Онъ вздрогнулъ.—Какое гадкое слово!—сказалъ онъ беззвучно.

— Гадкое, да! но тѣмъ справедливѣе оно,—возразила она, дрожащими руками оправляя скатерть.—Мы не должны вводить себя въ обманъ. Эта минута рѣшаетъ нашу судьбу. Мы еще имѣемъ возможность выбрать дорогу, которой мы пойдемъ. Вы вѣдь знаете... что я... васъ люблю... и... такъ одинока, потому пожалѣйте меня, пощадите! мнѣ хотѣлось бы остаться для васъ всю жизнь тѣмъ, чѣмъ я есть.

— Вы же должны быть для меня чѣмъ-то еще большимъ!—воскликнулъ онъ, сжимая лобъ обѣими руками;—я хочу вамъ отдаться весь, съ моимъ искусствомъ, моимъ тѣломъ, моей душой. Я хочу имѣть покой, внѣ міра, внѣ самого себя и внѣ моихъ страстей — и гдѣ же могу я найти его, кромѣ васъ?

Она глубоко вздохнула, какъ-будто получила новую надежду. Горячимъ взоромъ глядѣла она на него. Въ эту минуту стрѣлка приблизилась къ двѣнадцати.

— Еще нѣсколько минутъ и годъ окончится, продолжалъ онъ.—Новый придетъ, и неужели вѣчно будетъ одно и то же: я буду безсильно метаться, вы будете одиноки? Передъ нами лежитъ тьма и въ ней, какъ обжорливое чудовище, смерть!»

Она содрогнулась.

— Она скоро будетъ насъ держать въ своихъ когтяхъ,—продолжалъ онъ;—зачѣмъ должны мы сомнѣваться и бояться? Все равно за этой

жизнью ничего нѣтъ, потому дайте намъ счастье въ опьяненьи, пока есть время...

Часы пробили 12... каждый ударъ походилъ на взмахъ крыльевъ блуждающей, одинокой души.

Плача склонилась она къ нему на грудь.

. . . .

Ровно черезъ годъ сидѣла Гедвига въ той же комнатѣ, только этотъ разъ одна... Онъ хотѣлъ пріѣхать къ Рождеству, но отсрочилъ свой пріѣздъ до Новаго года. Но и сегодня онъ не пріѣхалъ; вмѣсто него пришло письмо, которое она изучала вотъ уже нѣсколько часовъ.

Она сильно состарѣлась, должно быть много страдала, около рта ея играла жесткая, горькая улыбка.

На щекахъ ея горѣло пламя смерти; и она внимательно вглядывалась въ слова. Слова пустой нѣжности, продиктованныя смущеньемъ.

Она опустилась на колѣни передъ кресломъ на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ онъ тогда стоялъ; измученная, изстрадавшаяся женщина! и пряча свою голову въ подушкахъ, она прошептала:

«*Еще одна*»...

ГРИЗЕЛЬДА.

Надъ озеромъ, высоко,
Гдѣ узкое окно, —
Гризельды свѣтлоокой
Стучитъ веретено.

Въ покоѣ отдаленномъ
И въ замкѣ тишина...
Лишь въ озерѣ зеленомъ
Колышется волна.

Гризельда не устанетъ,
Свивая блѣдный ленъ,
Не выдастъ, не обманетъ
Вѣрнѣйшая изъ женъ.

Неслыханныя бѣды
Она перенесла:
Искалъ надъ ней побѣды
Самъ Повелитель Зла.

Любовною отравой
И дерзостной игрой —
Манилъ её онъ славой
И даже красотой...

Ей были искушенья
Таинственныхъ утѣхъ,
Всѣ радости забвенья
И все, чѣмъ сладокъ грѣхъ.

Но Сатана смирился,
Гризельдой побѣжден.
И врагъ людской склонился
Предъ лучшею изъ женъ.

Чье нынѣ злое око
Нарушитъ тишину,
Хоть рыцарь твой далеко
Уѣхалъ на войну?

Рядъ мирныхъ утѣшеній
Гризельдѣ предстоитъ.
Обнявъ ея колѣни
Кудрявый мальчикъ спитъ,

И въ сводчатомъ покоѣ —
Святая тишина:
Ихъ двое, только двое —
Ребенокъ и она.

У ней — льняныя косы
И бархатный уборъ.
А за окномъ — утесы
И цѣпи вольныхъ горъ.

Гризельда смотритъ въ воду.
Нежданно смущена,
И мнится — про свободу
Лепечетъ ей волна.

Про волю, дерзновенье,
И поцѣлуй, и смѣхъ...
Лепечетъ, что смиренье
Есть величайшій грѣхъ.

Прошли былыя бѣды,
О вѣрная жена!
Но радостью-ль побѣды
Душа твоя полна?

Все тише ропотъ прялки,
Не вьется блѣдный ленъ...
О міръ обмана жалкій,
О добродѣтель женъ!...

Гризельда побѣдила,
Душа ея свѣтла..
А все-жъ—какая сила
У Духа лжи и зла!..

Увы! твой мужъ—далеко,
И помнитъ-ли жену?...
Окно твое высоко,
Душа твоя въ плѣну....

И снова сердце жаждетъ
Таинственныхъ утѣхъ...
Зачѣмъ оно такъ страждетъ,
Зачѣмъ такъ любитъ грѣхъ?

О мудрый Соблазнитель,
Злой Духъ ужели ты—
Непонятый учитель
Великой красоты?

З. Гиппіусъ

Прошедшее и настоящее Спб. Комитета Грамотности.

Вопросы народнаго образованія въ Россіи въ послѣднее время выдвинуты самой жизнью на первый планъ. Ни для кого не секретъ, что только широко и прочно поставленное дѣло народнаго образованія можетъ обезпечить странѣ матеріальное и политическое могущество. Всякія стремленія къ лучшему будущему безсильны, пока народъ коснѣетъ въ невѣжествѣ, открывающемъ полный просторъ произволу хищниковъ, лишающемъ энергіи всѣхъ искреннихъ ревнителей общественнаго блага и правды. Надъ темною массою неизбѣжно выростаетъ темное полуобразованное общество, плохо освѣдомленное въ своихъ правахъ и обязанностяхъ, индифферентное и апатичное, неспособное наполнить живой и плодотворной работой даже скромныя рамки дозволенной закономъ дѣятельности.

Вредныя послѣдствія полуобразованія и невѣжества сказываются въ каждомъ фактѣ общественнаго характера, даже и въ самомъ дѣлѣ борьбы съ невѣжествомъ. Просвѣщенныя стремленія лучшей части общества встрѣчаютъ опасенія и подозрѣнія съ одной стороны, робость и неумѣлость въ работѣ, а часто и слабое пониманіе нравственнаго долга съ другой. Неувѣренность въ своихъ дѣйствіяхъ, полная неосвѣдомленность относительно того, что законно и возможно, создаютъ весьма неблагопріятную атмосферу для общественнаго почина, и часто у насъ случается такъ, что люди, жаждущіе дѣла, вздыхаютъ по широкой общественной дѣятельности, не замѣчая работы, находящейся подъ руками,— возможной и плодотворной.

Эти мысли о неумѣньи во-время взяться за дѣло, и бодро и твердо вести его къ намѣченной цѣли невольно приходятъ въ голову по поводу отчета о дѣятельности спб. Комитета Грамотности за все время его существованія. Какое прекрасное и доступное дѣло намѣчено уставомъ Комитета Грамотности; какъ давно уже существуетъ это полезное и скромное

учрежденіе; но если судить по тому, какое мѣсто удѣлялось до послѣдняго времени въ журналахъ и газетахъ дѣятельности этого первенствующаго по своему значенію учрежденія, если принять во вниманіе болѣе чѣмъ жалкую цифру его членовъ, не превышавшую въ теченіе многихъ и многихъ лѣтъ 100—200, то нужно признаться, что со временъ Н. И. Новикова, этого піонера русскаго просвѣщенія, обществомъ сдѣлано слишкомъ и слишкомъ мало для народнаго образованія. Не падаетъ-ли на всѣхъ насъ значительная доля вины въ небреженіи и равнодушіи къ народному образованію, не кроется-ли причина этого печальнаго явленія въ самой сущности сословно-классовыхъ отношеній?

* * *

Недавно въ собраніи Императорскаго Вольнаго Экономическаго общества одинъ изъ уважаемыхъ членовъ его, П. А. Горчаковъ, предсѣдатель состоящаго при этомъ же обществѣ Комитета Грамотности, представилъ краткій отчетъ о дѣятельности Комитета Грамотности за все время его существованія съ 1861 до 1894 г. Отчетъ этотъ, превосходно составленный членами совѣта Комитета Грамотности Д. Д. Протопоповымъ и Г. А. Фальборкомъ, вызвалъ въ высшей степени сочувственную комитету дружную манифестацію со стороны членовъ вольнаго экономическаго общества; съ рѣдкимъ единодушіемъ сошлись въ одобреніи дѣятельности комитета всѣ члены вольнаго экономическаго общества, представители разныхъ общественныхъ положеній и направленій. Всѣ ораторы вольнаго экономическаго общества говорили, что труды комитета составляютъ гордость и одну изъ величайшихъ заслугъ вольнаго экономическаго общества, указывали на тѣсную связь успѣховъ умственнаго просвѣщенія и экономическаго преуспѣянія народа; по поводу слуховъ о переходѣ комитета въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія всѣ ораторы, дружно поддерживаемые рукоплесканіями присутствующихъ членовъ вольнаго экономическаго общества, доказывали, что въ такомъ трудномъ дѣлѣ, какъ борьба съ народнымъ невѣжествомъ, правительство не можетъ сдѣлать всего съ одними чиновниками и оффиціальными органами министерства народнаго просвѣщенія, небогатаго и матеріальными средствами,—необходимо содѣйствіе также и другихъ обществъ, земствъ, сословій, частныхъ лицъ и т. д. Выслушавъ всѣ эти рѣчи, общее собраніе Вольнаго Экономическаго Общества постановило — поручить своему совѣту засвидѣтельствовать передъ высшимъ правительствомъ о трудахъ Комитета Грамотности на пользу народнаго просвѣщенія и ходатайствовать о превращеніи Комитета Грамотности изъ временнаго въ постоянное учрежденіе при обществѣ.

Всѣ эти оваціи и выраженія сочувствія дѣятельности комитета — любопытный симптомъ времени, безспорное доказательство роста и зрѣлости общественной мысли, явленіе повидимому общее для всѣхъ уголковъ

Россіи. Такъ императорское московское общество сельскихъ хозяевъ, еще въ декабрѣ 1894 года, выслушавъ докладъ о дѣятельности своего комитета грамотности, послѣ блестящихъ рѣчей князя Щербатова, Чупрова и другихъ ораторовъ сдѣлало постановленія, тождественныя съ постановленіями вольно-экономическаго общества. Оживилась дѣятельность и нѣкоторыхъ провинціальныхъ комитетовъ, какъ напр., Харьковскаго.

Посмотримъ однако, что сдѣлали состоящій при Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ Комитетъ грамотности и само вольно-экономическое общество—для распространенія образованія въ народѣ.

Основанное Императрицей Екатериной, Вольное Экономическое Общество, какъ извѣстно, съ первыхъ-же дней своего существованія обратило вниманіе на тѣсную связь экономическаго благосостоянія народа и его образованія. Отвѣтомъ на одну изъ первыхъ конкурсныхъ задачъ, поставленныхъ обществомъ (1776), было премированное имъ-же сочиненіе Беарде дел'Абея, который видѣлъ въ распространеніи народнаго образованія необходимую подготовительную мѣру къ освобожденію крестьянъ, а это послѣднее онъ считалъ лучшимъ средствомъ къ «исправленію земледѣлія». Въ 1768 г. общество объявило конкурсъ на тему: сочинить для наставленія крестьянъ книжку подъ названіемъ: «Крестьянское зерцало». Такъ какъ къ сроку никто на заданную тему книги не представилъ, то конкурсъ былъ возобновленъ и въ самомъ концѣ XVIII в., была наконецъ написана и нѣсколько разъ издана книга неизвѣстнаго автора: «Деревенское зерцало или общенародная книга» въ 3-хъ частяхъ на 823 страницахъ *).

Съ 20-хъ годовъ нашего столѣтія общество беретъ на себя новую обязанность: оно закупаетъ полезныя книги разнообразнаго содержанія и безплатно разсылаетъ ихъ разнымъ лицамъ, въ губернскія библіотеки, учебныя заведенія и т. п. **). Съ 1838 г., по почину графа Мордвинова, былъ образованъ при обществѣ особый капиталъ для изданія «Сельской Библіотеки», которая и выпустила впослѣдствіи нѣсколько книжекъ. Въ 30-хъ годахъ общество беретъ на себя иниціативу въ открытіи публичныхъ библіотекъ и снабженіи ихъ книгами. Такимъ образомъ при помощи общества возникли библіотеки въ Орлѣ, Псковѣ, Одессѣ, Харьковѣ, Уфѣ, Черниговѣ, Кунгурѣ, Красноярскѣ, Томскѣ, Иркутскѣ, Тифлисѣ, Усть-Сысольскѣ, Новгородѣ и др. городахъ.

---

*) Всѣ свѣдѣнія по данному вопросу мы черпаемъ изъ ежегодныхъ отчетовъ комитета грамотности, а также изъ печатающагося въ настоящее время и любезно предоставленнаго намъ въ корректурѣ «Краткаго отчета о дѣятельности комитета грамотности за время отъ 1861 по 1894 г.».

**) Т. о. разосланы были слѣдующія книги: „Народн. руков. въ сельск. хозяйствѣ» Телехова и «Слово противъ пьянства» (въ 1838 г.), «О леченіи повальныхъ болѣзней между дѣтьми» (1843), «О спасеніи утопленниковъ» (1845).

Мысль объ открытіи спеціальнаго комитета грамотности, какъ сообщаетъ историкъ общества А. И. Ходневъ, впервые была высказана С. С. Лашкаревымъ еще въ 1847 году, 26 мая; но наступившія въ 1848 г. политическія событія отразились, какъ извѣстно, самымъ неблагопріятнымъ образомъ на дѣятельности разныхъ обществъ, на всѣхъ проявленіяхъ частнаго почина. Мысль о комитетѣ грамотности была временно оставлена. Въ концѣ 50-хъ годовъ, по докладамъ того-же члена общества, вопросъ объ устройствѣ комитета грамотности вновь ставится на очередь. 1 декабря 1860 г. Вольно-Экономическое общество, принявъ во вниманіе, что грамотность есть главное средство для распространенія въ народѣ полезныхъ свѣдѣній по сельскому хозяйству и другимъ предметамъ занятій общества, учредило комитетъ грамотности при III отдѣленіи общества.

Апрѣля 7-го 1861 года комитетъ открылъ свои засѣданія. Начало его дѣятельности совпадало такимъ образомъ съ наступленіемъ новой эры въ русской жизни... Передъ комитетомъ открывалась самая свѣтлая будущность, время широкаго развитія просвѣтительной дѣятельности, пора ничѣмъ не стѣсняемыхъ трудовъ, подвиговъ въ борьбѣ съ невѣжествомъ только что освобожденнаго крестьянства.

Къ сожалѣнію на судьбѣ молодого комитета рѣзко отражались вѣянія и настроенія переживаемыхъ русскимъ обществомъ различныхъ эпохъ его развитія, ярко сказалась общественная неподготовленность общества, непониманіе дѣйствительныхъ потребностей времени. Поэтому дѣятельность комитета не представляетъ непрерывно развивающейся цѣпи усилій и попытокъ, нарастающихъ въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ. Вслѣдъ за оживленной порой 60-хъ и 70-хъ годовъ начинается періодъ постепеннаго упадка энергіи комитета, и только со второй половины 80-хъ годовъ замѣчается новое и болѣе серьезное пробужденіе интереса къ народному образованію. Особенно сильное вліяніе въ этомъ смыслѣ на общественное настроеніе имѣли неурожаи 1891—1892 г. Наступившій повсемѣстно ужасный голодъ, холерные безпорядки—показали обществу, до какихъ ужасающихъ бѣдствій доведенъ народъ своимъ невѣжествомъ, заставили многихъ признаться, что это невѣжество ложится позорнымъ пятномъ на совѣсти привилегированныхъ классовъ общества...

Съ 1892—1893 г., собственно говоря, и начинается серьезный поворотъ къ лучшему въ дѣятельности комитета грамотности; чтобы оцѣнить ее по достоинству, слѣдуетъ прежде всего разсмотрѣть, что было сдѣлано комитетомъ грамотности въ предшествующіе годы его существованія. Къ сожалѣнію прослѣдить изъ года въ годъ эту дѣятельность—дѣло не легкое. О многихъ годахъ дѣятельности комитета существуютъ слишкомъ неполныя и отрывочныя свѣдѣнія.

Въ числѣ предпріятій, или только начатыхъ по инціативѣ комитета въ первые-же годы его дѣятельности, или-же и выполненныхъ имъ самимъ, прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, въ порядкѣ времени, слѣдующія: учрежденіе нѣсколькихъ женскихъ и мужскихъ школъ для приготовленія учителей (1860 г.). составленіе «Народно-учебнаго каталога» (1861—1881), который былъ одобренъ и «Министерствомъ Народнаго просвѣщенія» и изданъ 8 разъ, дополняясь рецензіями о вновь вышедшихъ книжкахъ;—изданіе подъ редакціей особой коммиссіи очень цѣннаго труда: «Обзоръ народно-учебной литературы», вышедшаго въ 1878 году и дополненнаго въ 1882 году. Въ составъ этого почтеннаго труда вошло до 1000 рецензій, представляющихъ краткое содержаніе каждаго разбираемаго произведенія и критическую оцѣнку его. Трудъ этотъ составленъ извѣстными спеціалистами по вопросамъ народнаго образованія и школы и своими безспорными достоинствами заслужилъ справедливую извѣстность даже за предѣлами Россіи. Въ настоящее время заканчивается печатаніе такого-же обзора народно-учебной литературы, доведеннаго до 1893 года и заключающаго въ себѣ болѣе 70 печатныхъ листовъ и, засимъ, самый обзоръ превращенъ въ періодическое изданіе, которое печатается подъ редакціей особой коммиссіи при журналѣ «Міръ Божій».

Съ цѣлью содѣйствовать появленію хорошихъ книгъ для народнаго чтенія, комитетъ грамотности нѣсколько разъ учреждалъ конкурсы на объявленныя темы. Одна изъ первыхъ премій была присуждена А. Ф. Петрушевскому за «Разсказы про старое время на Руси», произведеніе, общимъ голосомъ признанное однимъ изъ лучшихъ историческихъ сочиненій для народнаго чтенія. За это сочиненіе авторъ получилъ золотую медаль отъ ученаго комитета министерства государственныхъ имуществъ. Для такихъ-же цѣлей комитетъ учредилъ еще нѣсколько медалей. Слѣдуетъ отмѣтить, что комитету принадлежитъ инціатива во многихъ народно-школьныхъ мѣропріятіяхъ. Такъ напр., имъ были поставлены на очередь и разработаны вопросы о приготовленіи женщинъ учительницъ. имъ-же поставленъ былъ вопросъ объ учительскихъ семинаріяхъ, объ участіи отставныхъ и безсрочно отпускныхъ нижнихъ чиновъ въ обученіи грамотѣ (1861); онъ же подвергъ всестороннему разсмотрѣнію проектъ о «мірскихъ школахъ» для образованія учителей изъ дѣтей духовенства» (1862); далъ организацію учительскихъ курсовъ. Въ 1863 г. было издано комитетомъ «Наставленіе неопытнымъ учредителямъ и учителямъ деревенскихъ школъ». Вообще въ Комитетѣ грамотности съ самаго начала его существованія подвергались обсужденію спеціалистовъ вопросы педагогическаго и народно-школьнаго характера; они разсматривались, какъ въ формѣ рефератовъ и живыхъ бесѣдъ на собраніяхъ комитета, такъ и въ формѣ руководящихъ статей для сельскихъ учителей, печатаемыхъ въ «Систематическомъ обзорѣ русской народно-учебной

литературы», въ качествѣ введенія къ каждому отдѣлу книги. Вообще вопросы училищевѣдѣнія и наилучшей постановки народнаго образованія всегда находили въ комитетѣ самое внимательное обсужденіе.

Стремясь прійти на помощь народу и матеріальными средствами, комитетъ, между прочимъ, устроилъ на собранныя имъ пожертвованія въ память 19 февраля 1861 г. образцовую школу въ селѣ Купчинѣ Петербургской губ., Петерб. уѣзда; въ тяжелые годы неурожаевъ 1891—1892 г. собралъ около 30,000 р. денегъ, и на эти средства содержались 200 столовыхъ для бѣднѣйшихъ учениковъ народныхъ школъ. Въ настоящее время учреждена постоянная коммиссія для оказанія матеріальной помощи школамъ и отдѣльнымъ лицамъ, работающимъ въ области народнаго образованія. Еще во время послѣдней русско-турецкой войны комитетъ разослалъ сотни библіотечекъ въ торговые лазареты. Но наиболѣе крупнымъ и цѣннымъ фактомъ дѣятельности комитета грамотности является изданіе книгъ для народнаго чтенія, а также безплатная разсылка книгъ для чтенія въ тѣ школы и мѣста, которыя находятся въ особенно стѣснительныхъ условіяхъ для полученія книжнаго матеріала.

Какъ ни почтенны и симпатичны всѣ приведенные выше факты дѣятельности комитета грамотности за все время его существованія, однако не слѣдуетъ придавать имъ чрезмѣрнаго значенія. Въ общемъ труды комитета за всѣ 33 года его дѣятельности были болѣе чѣмъ скромны и приходить въ восторгъ не отъ чего; выводъ этотъ заставляютъ насъ сдѣлать неумолимыя цифры и параллели. Объ истинныхъ размѣрахъ и значеніи дѣятельности комитета грамотности и величинѣ тѣхъ матеріальныхъ средствъ, которыя затратилъ онъ на удовлетвореніе великихъ народныхъ запросовъ на образованіе, можно всего лучше судить по послѣднему лучшему году его дѣятельности. Мы считаемъ въ правѣ взять за образецъ послѣдній, лучшій годъ дѣятельности комитета грамотности, потому что ничто не мѣшало комитету проявить ту-же энергію и въ предыдущіе годы: *внѣшнія* условія его существованія были нисколько не болѣе благопріятными, чѣмъ въ предыдущіе годы.

Какъ уже было сказано выше, интересъ къ комитету грамотности пробуждается въ обществѣ съ 1892 года. Съ этого времени начинаетъ рости число членовъ комитета, въ него вступаютъ новыя силы, люди беззавѣтно преданные дѣлу народнаго образованія, независимые, готовые отдать все свое время благородной дѣятельности. Эти молодыя силы послѣ года борьбы и горячихъ споровъ о лучшей постановкѣ дѣла комитета, проникаютъ въ болѣе тѣсный кругъ его дѣятельныхъ работниковъ; освѣженный ими комитетъ грамотности въ самый короткій срокъ развиваетъ, несмотря на разнообразныя затрудненія и неопытность молодыхъ членовъ, необыкновенно интензивную дѣятельность. Конечно, и она слишкомъ еще далека отъ полноты и совершенства, но если взять за об-

разецъ даже этотъ послѣдній годъ трудовъ комитета, то вся предыдущая его дѣятельность покажется весьма и весьма блѣдной.

Всего лучше сравненіе можетъ быть сдѣлано въ области издательской дѣятельности комитета. Въ прежніе годы издательское дѣло достигло своего кульминаціоннаго пункта въ 1885 году, когда было напечатано 65 тысячъ новыхъ книжекъ (5 названій) и переиздано 50 тысячъ старыхъ. Съ 1886 года начинается упадокъ издательской энергіи, продолжающійся до конца 1893 года, какъ видно изъ слѣдующей таблицы.

Было издано:

Годъ.	Новыхъ книгъ.	Переизданныхъ книгъ.
1886	60,000	30.000
1887	40,000	10,000
1888	20,000	10,000
1889	10,000	20,000
1890	10,000	50,000
1891	15,000	15,000
1892	15,000	30,000
1893	10,000	—

Здѣсь мѣра терпѣнія членовъ комитета, повидимому, исполнилась. Въ составъ дѣятельнаго ядра комитета входятъ молодыя силы и въ первый-же годъ своего существованія новая издательская комиссія выпускаетъ 367,000 новыхъ книгъ (въ 19 названіяхъ) и 82,500 книгъ переиздаетъ (5 назв.). Въ одинъ годъ, такимъ образомъ новая коммиссія издаетъ около $^1/_2$ милліона книжекъ, т. е. въ $1^1/_2$ раза больше, чѣмъ было издано за предыдущіе 8—10 лѣтъ издательской дѣятельности комитета и немного меньше $^1/_2$ всего количества книгъ, изданныхъ комитетомъ грамотности за 33 года своего существованія!

А вѣдь и послѣднюю цифру 94 года вовсе нельзя считать большой! Что такое эти 450,000 книжекъ, выброшенныхъ на огромный рынокъ, гдѣ алчутъ духовной пищи милліоны людей, гдѣ милліонныя состоянія составляютъ себѣ издатели лубочной литературы! Если-бы Комитетъ грамотности развивалъ ежегодно подобную-же издательскую энергію, то и тогда онъ могъ-бы доставить *каждому* крестьянину по одной 3—5 копеечной книгѣ только черезъ 200 лѣтъ! Тѣмъ не менѣе заслуга молодой издательской коммиссіи безспорно велика и уже она одна даетъ право на глубокую признательность молодымъ силамъ комитета со стороны всего русскаго общества,—въ особенности, если, къ сказанному выше, мы прибавимъ, что и внутреннія достоинства изданныхъ въ послѣдній годъ книжекъ выше всякой похвалы. Особенно выдѣляются по общему признанію «Басни Крылова», изданныя чрезвычайно изящно, а главное необыкно-

венно дешево, съ 200 въ текстѣ рисунковъ лучшихъ русскихъ художниковъ.

Мы имѣемъ полное основаніе надѣяться, что при такой энергичной работѣ Комитетъ грамотности доведетъ цифру своихъ изданій по крайней мѣрѣ до 1 милліона въ годъ и тогда онъ будетъ дѣйствительно учрежденіемъ всероссійскимъ, съ значеніемъ общегосударственнымъ и выйдетъ на широкую арену фактической борьбы съ невѣжествомъ, и окончательно перестанетъ служить мирнымъ пріютомъ послѣобѣденнаго благодушества.

Въ высшей степени симпатичны и другія проявленія новой жизни въ комитетѣ грамотности, всѣ другія его начинанія. Здѣсь на первомъ мѣстѣ нужно отмѣтить вопросъ о народныхъ читальняхъ. Возбужденіе этого вопроса и необыкновенно удачная и широкая постановка его составляетъ серьезную общественную заслугу Комитета грамотности. До сихъ поръ въ Россіи почти не существовало народныхъ читаленъ. Никто какъ будто и не подозрѣвалъ ихъ огромнаго значенія для деревни, да, вѣроятно, многіе не были убѣждены въ дозволенности ихъ, въ существованіи твердой почвы для ихъ развитія. Новый совѣтъ комитета въ обдуманномъ и прекрасно составленномъ циркулярѣ обратился съ предложеніемъ объ устройствѣ народныхъ читаленъ во всѣ русскія земства, указалъ имъ всѣ необходимыя практическія свѣдѣнія по вопросу объ устройствѣ читаленъ, взялъ на себя составленіе и разсылку образцовыхъ библіотечекъ на сумму въ 250 рублей каждая, указалъ мѣсто, гдѣ такія библіотеки явились-бы наиболѣе доступными населенію—именно волостныя правленія; однимъ словомъ, благодаря этой дѣятельности Комитета грамотности, вопросъ о народныхъ читальняхъ не только выдвинутъ изъ неизвѣстности, но и прямо поставленъ на очередь, какъ одна изъ насущныхъ и самыхъ серьезныхъ потребностей русской жизни.

На призывъ комитета откликнулась буквально вся образованная Россія. Заявленія о желаніи имѣть у себя читальни посыпались изъ многихъ земскихъ и не земскихъ губерній, отъ многихъ частныхъ лицъ, отъ видныхъ представителей администраціи. Многія земскія собранія приняли постановленія объ ассигнованіи значительныхъ денежныхъ суммъ на открытіе читаленъ. Такъ, напримѣръ, Уржумское уѣздное земское собраніе, привѣтствуя мысль комитета объ устройствѣ читаленъ при волостныхъ правленіяхъ, ассигновало на это дѣло 2,400 руб. Осинское собраніе уѣзднаго земства Пермской губерніи постановило построить особыя зданія для народныхъ читаленъ. Мелитопольское земство отчислило на народныя читальни крупную сумму 10,000 рублей. Точно также Чернскій уѣздъ Тульской губерніи опредѣлилъ выдавать ежегодно на ту-же цѣль по 350 рублей. Также откликнулись многія другія земства: Егорьевское, Кременчугское, Лебединское, Курмышское, Ставропольское,

Богучарское, Вятское, Изюмское, Весьегонское, Чердынское, Сызранское и пр.

Въ короткое время комитетъ грамотности собралъ около 20,000 руб. пожертвованій на дѣло устройства народныхъ читаленъ. Успѣхъ этого сбора указываетъ какъ сильно растетъ сочувствіе къ комитету въ широкихъ кругахъ русскаго общества. Это сочувствіе и довѣріе къ дѣятельности комитета выражается и въ непрерывно увеличивающемся числѣ членовъ комитета грамотности. Къ началу 1892 г. всѣхъ членовъ комитета не было и 300 душъ; къ концу 1894 г. число ихъ *утроилось* (болѣе 900). Конечно, спѣшимъ прибавить, эта послѣдняя цифра ничтожна въ сравненіи съ желательной и возможной. По нашему глубокому убѣжденію, въ Россіи эта цифра должна перейти десятки тысячъ душъ. Каждый грамотный человѣкъ долженъ быть членомъ учрежденія подобнаго комитету грамотности; если-бы только лица, окончившія высшія учебныя заведенія, вписывались въ члены комитетовъ грамотности (чего нельзя не считать для всѣхъ нравственно обязательнымъ: пятирублевый членскій взносъ—это даже слишкомъ скромная расплата съ народомъ за полученное нами на его счетъ образованіе), то и тогда число членовъ перевалило-бы за много и много десятковъ тысячъ.

Дѣятельность Комитета грамотности за послѣдніе годы и въ особенности исторія возбужденія и постановки вопроса о народныхъ читальняхъ, ясно показываетъ, какой неисчерпаемый запасъ иниціативы кроется въ предѣлахъ возможнаго, какъ много еще на Руси не сдѣланнаго дѣла, потому только, что за него не умѣютъ или не хотятъ взяться. Дѣятельность Комитета грамотности, помимо прямыхъ своихъ результатовъ, дорога для насъ и по своему общегосударственному значенію и смыслу: давая разумный выходъ и достойное дѣло молодой энергіи, комитетъ грамотности безспорно содѣйствуетъ урегулированію силъ общества, направляя его силы на благотворныя культурныя задачи и цѣли.

Не въ этомъ-ли, однако, послѣднемъ обстоятельствѣ кроется и объясненіе тревожныхъ слуховъ на счетъ будущности Комитетовъ грамотности, возникшихъ въ послѣднее время?..

Недавно въ газетахъ стали упорно передаваться слухи, что Комитетъ грамотности переходитъ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія. Слухи эти, по вѣрному замѣчанію «Русской Жизни», возникли съ того времени, какъ президентомъ Вольно-экономическаго общества сдѣлался графъ Бобринскій, что случайно совпало, съ другой стороны—добавимъ мы,—съ перемѣнами, происшедшими въ составѣ совѣта комитета грамотности, и временемъ наибольшаго оживленія его дѣятельности. Мы отказываемся придавать значеніе этимъ слухамъ по тѣмъ-же соображеніямъ, которыя уже высказаны многими газетами и правильно резюмированы «Новымъ Временемъ» въ статьѣ о Комитетѣ Грамотности:

«Такой горячей и плодотворной работы, говоритъ «Новое Время», какъ работа Комитета грамотности никогда не проявляли чиновники, работающіе за жалованье и за чины: такую работу производили только свободныя частныя лица, работающія безвозмездно единственно изъ святой безкорыстной любви къ народу и народному просвѣщенію. Не одобрять вольно-экономическое общество за то, что оно черезъ комитетъ грамотности работало для начальнаго образованія, и отторгать отъ него комитетъ грамотности было бы несогласно съ Высочайшими рескриптами, выражавшими благодарность вольно-экономическому обществу именно за заботы о распространеніи грамотности и призывавшими его продолжать эти труды. Отъ добра добра не ищутъ и, имѣя живое полезное учрежденіе, надо его сохранить и развивать, а не производить надъ нимъ рискованныя вивисекціи. Противъ предположенія о томъ, будто правительство желаетъ централизовать все дѣло народнаго образованія въ рукахъ одного министерства народнаго просвѣщенія, говоритъ какъ продолжающееся существованіе церковно-приходскихъ школъ, состоящихъ въ духовномъ вѣдомствѣ, такъ и новѣйшій законъ 20-го декабря 1894 г., дающій въ губерніяхъ, въ которыхъ введена казенная продажа вина, частнымъ попечительствамъ о трезвости, подвѣдомымъ министерству финансовъ, право устраивать народныя библіотеки, народныя чтенія и издавать брошюры для народа».

Мы твердо убѣждены, что комитетъ грамотности сохранитъ свое выгодное и независимое положеніе при вольномъ экономическомъ обществѣ и этимъ ему будетъ обезпечено дальнѣйшее развитіе и процвѣтаніе. Работы еще непочатый уголъ; ея хватитъ на всякаго.

Молодой совѣтъ комитета грамотности обнаружилъ такъ много беззавѣтной энергіи, общественной выдержки, терпимости къ искреннимъ мнѣніямъ и людямъ, что заслуживаетъ полнаго сочувствія.

Но ради пользы самого дѣла и, конечно, не въ осужденіе молодымъ дѣятелямъ, мы все-таки считаемъ не безполезнымъ лишній разъ напомнить, что идеалъ далеко не достигнутъ, а результаты до сихъ поръ полученные Комитетомъ грамотности слишкомъ еще ничтожны въ сравненіи съ нуждами народа и далеко не соотвѣтствуютъ возможному и желательному.

К. А—нъ.

Николай Николаевичъ Ге.

Біографическій очеркъ.

Статья вторая.

IV.

Академія художествъ.

Самое послѣднее время передъ поступленіемъ своимъ въ Академію Н. Н. Гè описываетъ въ своихъ черновыхъ набросках, по всегдашнему, подробно и живописно.

«Сблизился я въ первый разъ, говоритъ онъ, съ художниками. Опять воскресли для меня люди дѣйствительности. Опять всталъ передо мною образъ милаго учителя рисованія,—бѣднаго, скромнаго, необыкновенной доброты.

«Бѣдная комната въ домѣ, на Васильевскомъ острову, выходящая на Малую Невку. Окно снизу закрыто, небо врывается въ комнату. Мольбертъ, на немъ картина:—«Старуха гадаетъ молодой дѣвушкѣ». Сидитъ манекенъ съ платкомъ на головѣ, завернутый въ одѣяло, а рядомъ живой красавецъ съ черными кудрями, съ удивительнымъ лицомъ. Скромный, бѣдный, бѣднѣе всѣхъ нищихъ, сидитъ и художникъ, и кротко, нѣжно бесѣдуютъ... Поджидаютъ, вотъ придутъ тотчасъ изъ класса рисовальнаго товарищи по искусству и бѣдности. И они приходятъ: у нихъ черныя, запачканныя карандашомъ лица и руки, они кидаютъ рисунки на полъ и начинаютъ подробный разборъ ихъ. Я слушаю съ благоговѣніемъ, даже не мечтаю когда-нибудь нарисовать такъ, да еще и знать такъ подробно всякую мелочь заочно, безъ натуры. Потомъ чай пополамъ съ грѣхомъ; вмѣсто принадлежностей—горячій, дружескій разговоръ, а тамъ—замолкли, красавецъ беретъ ги-

тару и полилась родная малороссійская пѣсня. Да, это то, что я всегда любилъ,—вотъ она, вотъ правда, добро, красота. Какъ-бы мнѣ стать рядомъ съ ними, быть такимъ-же какъ они! Вѣдь они мои братья, я ихъ съ дѣтства люблю.

«Пойдите къ Шебуеву, несите свой рисунокъ», говорили мнѣ товарищи. Я еще гимназистомъ благоговѣлъ передъ Шебуевымъ, но я боюсь, какъ это такъ къ нему, да еще со своимъ рисункомъ! Вѣдь Шебуевъ—ректоръ, учитель Брюлова, я видѣлъ его плафонъ, его «св. Василія» (въ Казанскомъ соборѣ), его иконостасъ въ нашей церкви, въ гимназіи, его «Тайную Вечерю».—«Онъ добрый и простой»,—отвѣчаютъ мнѣ товарищи. «Идите прямо къ нему». Засѣлъ я рисовать голову Венеры, единственный гипсъ у моего товарища; рисовалъ-рисовалъ, кончилъ два рисунка, показалъ ихъ товарищу. «Ладно, говоритъ, иди». Со страхомъ и любовью пошелъ я къ Шебуеву. Это старикъ съ крупными чертами лица, похожъ на нѣкоторыхъ апостоловъ въ своей «Тайной Вечери», покойный, добрый.—«Чего-же вы желаете?» спрашиваетъ онъ. «Рисовать въ классѣ съ гипсовыхъ головъ».—«Что-жъ, съ Богомъ».—«Можно? Скажите что можно?». Отъ радости я полетѣлъ тотчасъ-же къ инспектору и сказалъ, что Василій Кузьмичъ позволилъ.—«Да не лучше-ли съ оригиналовъ; вѣдь могутъ перевести назадъ; не хорошо».—«Нѣтъ, нѣтъ, Василій Кузьмичъ позволилъ».—Ну, ладно. Заплатите три рубля за треть въ конторѣ и начинайте съ Богомъ»... «Такимъ образомъ, говоритъ Н. Н. Гѐ въ другомъ наброскѣ,—я былъ принятъ. Никто не сомнѣвался, что я былъ *я*, что рисунокъ рисовалъ *я*, что желаю учиться искусству *я*, что кромѣ любви къ этому занятію у меня другой цѣли не было; въ этомъ никто не сомнѣвался, какъ и я самъ. Я въ Академіи».

Отъ сихъ поръ измѣняется совершенно жизнь Н. Н. Гѐ, и точно также долженъ измѣниться и мой разсказъ о ней. Отъ рожденія и до поступленія въ Академію, Н. Н. Гѐ жилъ только жизнью чувства, сердца, любилъ однихъ и не любилъ другихъ, изъ числа тѣхъ, кто тогда окружалъ его; видѣлъ доброту однихъ, злобу другихъ, правду и справедливость—вотъ такихъ-то, ложь и насиліе—вонъ тѣхъ-то, и все это было для него только словно тепло и холодъ: отъ тепла ему становилось хорошо и привольно, и онъ къ нему стремился, прижимаясь къ нему всѣмъ существомъ своимъ, любовно грѣлся имъ, отъ другого отворачивался прочь подальше, съ негодующимъ взглядомъ, какъ отъ врага. Этимъ до сихъ поръ только онъ и жилъ. Но ему былъ теперь уже 20-й годъ, дѣтство и отрочество прошли, онъ вступалъ нетолько въ два новыхъ внѣшнихъ міра, Петербургъ и художество, но еще и въ третій, свой собственный—въ міръ юности и самостоятельности—въ міръ полной собственной своей свободы и независимости. Кругомъ него

не было теперь уже болѣе ни отца и семейства, ни Кіева съ гимназіей и университетомъ, куда его возили и опять обратно увозили, гдѣ ему одно велѣли, другое запрещали. Теперь, вмѣсто всего этого, онъ на цѣлыхъ семь лѣтъ становится полнымъ хозяиномъ своихъ собственныхъ, безконтрольныхъ дѣлъ и мыслей, предпріятій, затѣй, успѣховъ и проваловъ. На всемъ продолженіи первыхъ 19-ти лѣтъ его жизни, моя роль могла состоять только въ томъ, чтобы собирать факты изъ безчисленныхъ разрозненныхъ черновыхъ листковъ Н. Н. Гè и сооружать изъ нихъ полную и вѣрную картину событій. Мнѣ не съ чѣмъ было всѣ находившіеся тамъ факты сравнивать и провѣрять, мнѣ приходилось только имъ вѣрить, потому что не было никакой причины не вѣрить: они были просты и вполнѣ похожи на истину. Надо было только всѣ ихъ излагать.

Но теперь роль моя становится другою. У Н. Н. Гè начинается, кромѣ душевной и сердечной жизни, еще и жизнь интеллигентная. Онъ начинаетъ обсуживать новые безчисленные факты, ему теперь представляющіеся, онъ оцѣняетъ, онъ по своему взвѣшиваетъ новыхъ людей, ему попадающихся на дорогѣ, и на основаніи этихъ новыхъ фактовъ, вещей и людей, оказывающихъ на него свое вліяніе, выбираетъ самому себѣ дорогу. И вотъ, съ этой минуты его мысли и дѣла требуютъ нашего разбора, прилежнаго разсмотрѣнія и взвѣшиванія.

Чтò бросается въ глаза, на протяженіи всей художественной жизни Н. Н. Гè, это то, что въ первой молодости своей онъ слѣпо и безпрекословно подчинялся извѣстнымъ авторитетамъ, а потомъ—принялся мало по малу освобождаться отъ нихъ, и освободился, но такъ, что на словахъ никогда не переставалъ почитать своихъ прежнихъ фетишей, и до послѣднихъ дней жизни произносилъ даже имена ихъ съ величайшимъ подобострастіемъ. Но на дѣлѣ онъ дѣйствовалъ совершенно вопреки своимъ фетишамъ, и выходилъ въ сущности самымъ кореннымъ противникомъ ихъ. Не странный-ли это фактъ? Въ большинствѣ случаевъ, бываетъ на свѣтѣ такъ, что люди гораздо больше толкуютъ и провозглашаютъ о своемъ «освобожденіи», чѣмъ на самомъ дѣлѣ у нихъ это есть на лицо, хвастаютъ, величаются этимъ «освобожденіемъ», а какъ посмотрѣть хорошенько, то прочно и твердо продолжаютъ сидѣть по горло въ тѣхъ самыхъ капканахъ, за которые высокомѣрно корятъ другихъ. У Гè было иначе: онъ провозглашалъ про себя меньше, а въ самомъ дѣлѣ дѣлалъ больше по части своего освобожденія, чѣмъ это съ большинствомъ бываетъ.

Если прочитать, чтò онъ самъ письменно разсказываетъ про свои вкусы, симпатіи, стремленія и направленія, если вспомнить все то, чтò мы, современники, столько разъ слыхали отъ него на словахъ, въ

большихъ бесѣдахъ или маленькихъ разговорахъ, скажешь: «О, да Гè былъ весь свой вѣкъ сущій академикъ, отъявленный классикъ. Всѣ люди, изъ художниковъ, которыхъ онъ всего болѣе уважалъ, это были все только классики либо академики. То искусство, которое онъ всего болѣе любилъ и превозносилъ, это было искусство академическое или классическое». Но если посмотрѣть на цѣлую другую сторону его натуры, позади всего этого скрывающуюся, какъ за ширмой, и являющуюся въ полномъ цвѣтѣ и силѣ въ его собственныхъ произведеніяхъ, приходится сказать: «Нѣтъ, на дѣлѣ онъ былъ совсѣмъ другой. Онъ былъ человѣкъ нынѣшняго времени, новой эпохи и періода. Въ немъ не было ничего академическаго и классическаго, не было ничего по преданію, ничего чужого, заемнаго, заимствованнаго. У него все главное было—только свое, новое».

Вотъ это-то странное «двуличіе», это удивительное, но искреннее самообманываніе, непритворное самозаблужденіе—и составляетъ, на мои глаза, главную сущность натуры и жизни Н. Н. Гè. Оно поразительно. И его-то я надѣюсь указать на протяженіи всей жизни этого замѣчательнаго человѣка и художника.

Гè вступилъ на художественную дорогу въ концѣ царствованія императора Николая I, а провелъ всю свою художественную жизнь въ продолженіе двухъ послѣдующихъ царствованій: императора Александра II и императора Александра III. Въ первое изъ этихъ царствованій онъ учился; во вторыя два, онъ дѣйствовалъ какъ выросшій художникъ. И вотъ, въ продолженіе годовъ ученія, онъ, еще слишкомъ мягкій и слишкомъ впечатлительный, какъ ростущій еще въ молодости черепъ, гдѣ не окрѣпли еще вполнѣ всѣ кости, онъ принялъ на себя множество царившихъ тогда впечатлѣній и понятій, которыхъ въ ту пору еще никто у насъ не осмѣливался разбирать и разсматривать лично по своему, анатомировать смѣлымъ ножомъ. Этотъ черепъ такъ у него и окостенѣлъ навсегда. Позже, внутри черепа случились важныя событія и перемѣны—но наружность его осталась навѣки прежняя.

Первые взгляды Н. Н. Гè на Академію, на наполнявшую ее жизнь, на наполнявшихъ ее людей—были робкіе, безконечно-довѣрчивые и добродушные, полные той самой благости, умиленія и обожанія, которыя онъ чувствовалъ, издавна, еще въ деревнѣ у отца, около бабушки и няни, боязливо держась за ихъ юбки и въ восхищеніи замирая отъ ихъ рѣчей. Все тутъ было прелестно, свѣтло, радостно, мило и любезно. Куда ни обращалъ свои глаза 19-лѣтній новопріѣзжій, все его восхищало и приводило въ неописанный восторгъ. Даже что попадалось неладнаго, нехорошаго, подчасъ даже безобразнаго и нелѣпаго, казалось ему чѣмъ-то розовымъ, сіяло для него граціозной безобидной идилліей, казалось чѣмъ-то въ родѣ теплыхъ сапоговъ бабушки и ея аркадскаго мирво-

ленья унтеръ-офицеру Огурцову. Вотъ что мы читаемъ про это время въ его черновыхъ листкахъ: *)

«Огромное зданіе, красное; надъ дверьми стоятъ величественныя громадныя статуи—Геркулеса и Флоры; сверху зданія куполъ. Надъ дверьми маленькая мраморная доска: «Свободнымъ художествамъ. Лѣта 1764». Дорогое зданіе! Сколько радости, правды, простоты, ума, геніальности жило здѣсь! Сто лѣтъ ты было убѣжищемъ всего дорогого человѣку, отъ царя до крѣпостного мужика, ты всѣмъ открывало свои добрыя привѣтливыя двери. Было въ тебѣ невѣжество, грубость, но лжи въ тебѣ не было—не было ей мѣста. Увидѣть тебя была радость, быть твоимъ питомцемъ—было счастье. Дѣти твои разнесли по всей Руси святое чувство правды—имена ихъ гремятъ и въ Европѣ, но правда, искренняя любовь къ дѣлу, скромность хранятъ ихъ. И выгнанные, разогнанные, они не продадутъ ни за что то, что ты въ нихъ увидала, полюбила и признала.

«Скоро пять часовъ пополудни. Съ 4-й линіи Васильевскаго острова вдоль тротуара бѣгутъ толпами и въ одиночку въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, юноши, съ бородами, старики съ бумагами въ трубку свернутыми подъ мышкой. Завернувъ въ ворота боковой стороны Академіи, они стремятся въ уголъ по коридору—дверь растворена и пришедшіе быстро размѣщаются, каждый — куда слѣдуетъ. Это вечерніе классы.

«Лампы зажжены. Наступаетъ тишина, прерываемая шорохомъ карандаша: у каждаго заготовлено нѣсколько карандашей. Уже половина ихъ затупилась. Но вотъ въ сторонѣ шумъ: отдыхъ натурщика, карандаши чинятъ и опять всѣ замолкли. Потомъ, еще одинъ отдыхъ, и—конецъ. Не хватило времени многое сдѣлать. Входитъ солдатъ съ синимъ воротникомъ, цвѣтъ котораго еле можно узнать, и тащитъ къ себѣ висячую лампу, дуетъ, и разносится легкій чадъ горѣлаго масла отъ потухшей лампы. Настаетъ тьма и нужно спѣшить выйти, съ утѣшеніемъ, что завтра, слава Богу, опять будетъ классъ. Опять по 4-ой линіи разбѣгается толпа съ бумагами, и вотъ, то тамъ, то сямъ, въ бѣдныхъ квартирахъ идетъ скромный чай и пересказы завѣщаній великаго Брюллова. Тарасъ натурщикъ сегодня разсказывалъ, что для «Распятія» Карлъ Павловичъ позвалъ меня, да велитъ стать. Ну, я, разумѣется, сталъ, какъ слѣдуетъ. Вѣдь Карлъ Павловичъ, понимаете? Въ полчаса готовъ торсъ въ два тона. Я и спрашиваю: «Зачѣмъ въ два тона, а не красками?»—«Для картины, говоритъ, это главное. Тонъ,

*) Часть фактовъ, излагаемыхъ здѣсь, вошла въ составъ статьи Н. Н. Ге, напечатанной въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» 1893, мартъ («Жизнь художника 60 гг.»), но тамъ они разсказаны въ очень сокращенномъ видѣ. Я представляю ихъ здѣсь въ настоящемъ, полномъ ихъ объемѣ, съ оригинальныхъ рукописей. *В. С.*

вѣдь, картины свой, а не тотъ, что здѣсь, а движеніе и вѣрный рисунокъ въ полчаса дай Богъ схватить». — «Вѣрно, вѣрно, вѣдь, а мы этого и не знали, и мучились, мучились, все хочешь поймать, все разомъ, и ничего не поймаешь».

«Съ боку у меня сосѣдъ солдатъ. «Какъ у васъ хорошо! Скажите мнѣ — черепъ-то вѣдь великъ по частямъ!» — «Это правда. Спасибо. Какъ вы сюда попали?» — «Въ Красномъ селѣ былъ театръ, я вырѣзалъ орла; меня и прикомандировали къ Академіи. Но какъ трудно рисовать! Какія головы! Какъ хорошо! Вовѣкъ не научишься! А вы вотъ не перемѣняйте бумаги, старайтесь исправить рисунокъ». — «А, это вѣрно—я не зналъ». — «Вотъ Карлъ Павловичъ говорилъ: «Дурной рисунокъ всякій исправитъ, получше рисунокъ—труднѣе исправить, хорошій—еще труднѣе исправить, а отличный—мало кто исправитъ. Искусство начинается тамъ, гдѣ чуть-чуть». — «Это правда, правда. Ахъ, какой художникъ Карлъ Павловичъ!» — Видѣли «Помпею»?—«Какъже,—видѣлъ, видѣлъ. Не всегда пускаютъ, да у меня тамъ знакомый унтеръ-офицеръ, такъ тотъ пуститъ».

«Сидимъ въ классѣ, пробирается между нами профессоръ. Подаешь карандашъ. Не церемонясь, по чистому рисунку идетъ крѣпко, вѣрно профессорская линія, и на ухо профессоръ говоритъ: «Съ мизинца Егоровъ рисовалъ эту фигуру (Германика) наизусть одной линіей. Такъ нужно рисовать».

«Но вотъ послѣдній классъ, нужно оставить рисунки въ классѣ. Завтра экзаменъ. Совѣтъ будетъ ставить №№, а по нумерамъ сидимъ въ классѣ; лучшее мѣсто № 1. Затѣмъ расходятся нумера до самыхъ невыгодныхъ, далекихъ—сороковыхъ, пятидесятыхъ. Значитъ, хорошо рисуешь—рисуй съ лучшаго мѣста, а плохо—можно отовсюду—вѣрно!

«На другой день, поодиночкѣ или маленькими кучками, прибѣгаемъ къ вырѣзанному въ двери окну — появляется голова натурщика Василья, который намъ говоритъ сейчасъ: — седьмой, тридцатый и т. д., и каждый идетъ съ тѣмъ домой, что̀ заработалъ въ мѣсяцъ. А если медаль, то Василій или Тарасъ натурщикъ прибѣжитъ на домъ возвѣстить эту радость, расцѣлуешь Тараса, а онъ говоритъ:—«Подарите на радость рисунокъ или этюдъ». — «Возьми, возьми». — «У меня, вѣдь, всѣ есть, начиная съ Карла Павловича», говоритъ натурщикъ.

«Что-же это значитъ? У меня на эскизѣ прочеркнута мѣломъ по головамъ линія!» — «Понятно. Линія верхняя должна быть разнообразна, а не ровна, какъ солдаты. Вотъ посмотри Пуссѐна гравюры въ этюдномъ классѣ, «Помпею» у Карла Павловича. Вѣдь отъ тебя зависитъ однихъ ближе, а другихъ дальше поставить; вѣдь перспектива увеличиваетъ фонъ или уменьшаетъ, и даетъ разнообразную линію, ту жизнь, которая называется случайной; разумѣется, надо, чтобы это было прав-

диво по смыслу происшествія. Карлъ Павловичъ сочинялъ такъ, чтобы не перемарывать фигуры, чертилъ каркасами линіи торса, плечъ, рукъ и ногъ; одна минута—и фигура назначена въ своемъ движеніи; не такъ—онъ быстро каркасъ перерисовывалъ, а потомъ обводилъ тѣло и сочиненіе готово.»—«А вотъ, говорятъ, французы—тѣ дѣлаютъ такъ: накидаютъ разныхъ красокъ на холстъ, да другой холстъ приложатъ и давай натирать; краски расплющиваются, дѣлаютъ разводы; тогда открой и по случайной формѣ подбирай сюжетъ».—«Вотъ вздоръ! Это чепуха! Какъ-же: прежде сюжетъ, а потомъ форма? Отъ сюжета и форма!»—«Ну да, разсказывай!»—«Что разсказывать—пойди спроси Шебуева, Бруни, Маркова, что они тебѣ скажутъ!»—«Это, братъ, все идетъ отъ франтовъ, дилетантовъ, которые приплетаются и къ искусству».—«Такъ кто-же ихъ слушаетъ? Пришли одни ученики къ Карлу Павловичу, а тотъ развелъ руками и говоритъ во слѣдъ ушедшимъ ученикамъ: «Чортъ знаетъ что: на головѣ стружки, въ головѣ вздоръ, а еще распѣваетъ: «На зарѣ ты ее не буди», чортъ знаетъ что! Ты научись рисовать, писать, а послѣ и дѣлай что хочешь».—«А вотъ со мной было что. Мы приготовляли для живописи краски. Карлъ Павловичъ приходитъ къ намъ. Я ученикъ. Входитъ Карлъ Павловичъ. Я и говорю: «Нѣтъ справедливости на экзаменѣ; вотъ мнѣ никогда не дадутъ перваго № за эскизъ»...—«Отчего не дадутъ?»—«Да такъ.»—«Вздоръ».—«Да и вамъ не дадутъ въ этотъ экзаменъ: дежурный профессоръ любитъ—чистенько, аккуратно».—«Что за вздоръ!»—«А вотъ нарисуйте, а я подпишу—и посмотримъ». Дали холстъ. «Какой эскизъ»?—«Фуріи преслѣдуютъ...»—«Ладно, ладно.»—Черезъ полчаса эскизъ готовъ.—Я и говорю: «Эскизъ мой, а я поставлю копію; вѣдь сочиненіе важно, а то вѣдь узнаютъ, что ваше».—Хорошо, хорошо.» Написалъ, подалъ. «Только условіе: на экзаменѣ вы не будете».—«Ладно, ладно, бутылка пива».—«Хорошо.»—«Тарасъ, какъ только поставятъ первый №, бѣги ко мнѣ». Прибѣгаетъ Тарасъ:—«Слышите?»—«Слышу.»—«Яковлеву.» «А чортъ васъ возьми, я вамъ задамъ.—Летитъ Карлъ Павловичъ въ классъ. Застаетъ профессора. Никому не говоря, подбѣгаетъ къ эскизу, стоитъ передъ нимъ... профессоръ Марковъ. Какъ ущипнетъ его Карлъ Павловичъ. Тотъ отскочилъ. «Что съ вами? Вишь какъ отскочилъ; а что ежели бы фуріи полѣзли на тебя, что бы ты дѣлалъ? А тутъ, видишь, разлегся, какъ ни въ чемъ не бывало, дуракъ. Чорта смыслитъ! И это у тебя первый номеръ?—«Не сердись, Карлъ Павловичъ, можно переставить, ошиблись.—Да чортъ-ли—ошиблись—а бутылка пива! Ее не воротишь». Плюнулъ и выбѣжалъ. Такъ вотъ что значитъ: сочинять».

«Живописный классъ—огромныя двѣ комнаты темно-краснаго цвѣта. На стѣнахъ картоны: «Сотвореніе человѣка» Микель-Анджело, «Аполлонъ съ музами»—Менгса; кругомъ гравюры Пуссена; между оконъ рисунки «Мѣднаго змія» Бруни, Брюллова классный рисунокъ. Обѣ залы заставлены мольбертами. На полу написанъ мѣломъ № въ каждой комнатѣ, на кругу натурщика. Я помню, съ какимъ страхомъ я занялъ мѣсто и началъ писать. Боже, какъ трудно! Видѣть-то вижу, а сдѣлать такъ, какъ вижу, не могу: буквально бился до слезъ. Объясняютъ товарищи—но это не то: никто не можетъ войти въ меня, а только оттуда можно указать. Но начать нужно — я и началъ. Въ ужасъ пришелъ самъ, стеръ: началъ опять—опять то же. Оставилъ палитру, сложилъ кисти и выбѣжалъ изъ класса, чтобы не видѣли моего горя. Слезы ручьемъ у меня полились. На другой день опять то же мученіе, и кажется еще хуже: уже не вижу въ натурѣ того, что̀ видѣлъ вчера. Сосѣдъ сказалъ: «Не присматривайтесь; сильно цвѣта мѣняются — одинъ переходитъ въ другой. Смотрите проще и дѣлайте, что можете». Пошло лучше, но все-таки ничего не понимаю, не знаю, за что уцѣпиться. Что ни возьмешь—не то. Какъ въ рисовальномъ классѣ люди другъ на друга непохожи! Каждый видитъ по своему, страшно разно сначала, и по мѣрѣ совершенствованія, всѣ они дѣлаются ближе и ближе къ оригиналу, да и другъ съ другомъ сближаются, оставаясь со своими особенностями. Такъ и тутъ: и чувство формы, и свѣта, и колорита — все разное, а вмѣстѣ видятъ одно, и хотятъ одной правды, и всѣ достигаютъ правды, оставаясь собой. Въ живописи, какъ и въ рисованіи, нельзя научить другого; каждый самъ долженъ отыскать въ себѣ, что̀ ему нужно. Товарищъ—вотъ кто учитель; даже посторонній можетъ нечаянно натолкнуть именно на то, что нужно, и разомъ все открыть. Мѣсяцы могутъ пройти даромъ, и въ одну минуту все можетъ быть взято.

«Меня выручилъ опять К. П. Брюлловъ. Товарищъ позвалъ меня послѣ класса посмотрѣть неоконченный портретъ, доставшійся по смерти Карла Павловича Брюллова брату его Ѳедору. Я побѣжалъ смотрѣть, и какъ сейчасъ вижу и чувствую то̀ же, что въ ту минуту. Прелестная женщина графиня Самойлова въ маскарадѣ, въ причудливомъ костюмѣ, отошла въ сторону залы, чтобы отдохнуть отъ маски; красивой обнаженной рукой скинула маску и опустила руку. Лицо пышетъ — жарко. Она оперлась на плечо дѣвушки-подростка въ ярко-желтомъ костюмѣ. Эта опущенная рука мнѣ все сказала: она была только проложена въ одинъ разъ — я все понялъ сразу—все, все раскрылось, я самъ вздохнулъ, какъ Самойлова. Жду утра, бѣгу въ классъ и сразу подмалевываю весь этюдъ. Кто-то изъ товарищей сзади подошелъ и сострилъ: «Ого! настоящій Брюлловъ». Но я не обидѣлся, я былъ внѣ себя отъ радости.—«Да, да, еще бы; большей похвалы трудно дождаться! Пойдите, посмотрите, тогда поймете».

«Познаніе, легкость идутъ скоро до извѣстнаго относительнаго совершенства. Когда, по выраженію К. П., настастъ «чуть, чуть», тогда устаетъ человѣкъ, теряется то, чего такъ добиваются такъ называемые импрессіонисты.

«Рѣдко товарищи или профессора замѣчаютъ даже эту усталость, но натурщикъ-Тарасъ замѣчалъ. Онъ любилъ искусство, любилъ художниковъ и любилъ учениковъ, жалѣлъ ихъ по-русски: онъ ярославскій мужикъ. Бывали такіе случаи. Одинъ ученикъ за поисками натуры дошелъ буквально до сумасшествія, и къ чести Совѣта надо сказать, что ему помогли вылѣчиться. Они ему дали медаль. Онъ ободрился и началъ опять работать хорошо. Тарасъ, видя унылое или тяжелое настроеніе, приносилъ изъ своей коллекціи такой этюдъ, который, по его мнѣнію, долженъ поднять духъ въ ученикахъ, и, поставивъ его, ставилъ рядомъ съ ученическимъ этюдомъ. Наглядно сразу была видна разница: онъ указывалъ слабость и разомъ двигалъ весь классъ. Обыкновенно онъ такъ говорилъ: «Плохо стали теперь писать; развѣ такъ писалъ такой-то или другой (называлъ фамиліи), вотъ я принесу вамъ, и увидите». — «Пожалуйста, завтра непремѣнно». И Тарасъ приносилъ. Новый горизонтъ — картина. Одно это слово страшно. Картину писали мастера, писали наши мастера; все пріобрѣтенное казалось много, но передъ картиной — ничто. Карлъ Павловичъ говорилъ: «Когда художникъ подходитъ къ холсту — двѣ трети работы готовы». Вотъ какъ это сдѣлать, чтобъ было готово.

«Музеи, библіотеки, лекціи — ни того, ни другого, ни третьяго не было у насъ. На кругломъ дворѣ было четыре двери; надъ каждой была надпись «Воспитаніе», но оно было упразднено, какъ ненужное. И, сказать невѣроятно, это было хорошо. Я не боюсь эту правду сказать теперь *), когда все это существуетъ, а искусство мельчаетъ и близится къ тому, къ чему пришло въ Европѣ, т. е. къ уничтоженію. Одинъ разъ въ годъ открывался въ Академіи музей античныхъ залъ (Рафаэль, фрески, Гвидо Рени, двери Гиберти, всѣ антики). Въ три года разъ открывался весь музей. Ежедневно одинъ музей по третьей линіи, «Помпея» и копіи съ итальянскихъ мастеровъ. Упросишь, бывало, солдата (добрые люди это были): «Пусти посмотрѣть «Аоинскую школу». — «Идите, но на минутку, а то достанется». Вбѣжишь. Не успѣешь взглянуть, а солдатъ кричитъ: «Хранитель музея!» — «Чего, чего, пошелъ вонъ, мало тебѣ третьей линіи». — «Я на минутку». — «Пошелъ, пошелъ, нельзя. Не ходи, только полъ испачкаешь, пошелъ, пошелъ». и вытолкаетъ; солдатика выругаетъ. А самъ-то вѣдь художникъ, граверъ **), понимаетъ, что до зарѣзу хочется посмотрѣть Рафаэля. А

*) Это писано у Н. Н. Ге въ 1891—1892 году. *В. С.*

**) К. А. Ухтомскій.

Эрмитажъ требовалъ фрака, котораго зачастую не было, и позволенія, которое съ трудомъ добывалось.

«Библіотека была совершенно заперта и ничего не выдавали никому, кромѣ профессоровъ. Лекціи читались однимъ конференцъ-секретаремъ *), по исторіи искусствъ. Но на эти лекціи никто не ходилъ. Я не былъ ни разу, а отъ товарищей слышалъ, что лекторъ все ругается или говоритъ, что онъ могъ-бы многое разсказать, но такъ-какъ всѣ ученики невѣжды, то и не стòитъ имъ говорить. Этимъ онъ ограничивалъ свое чтеніе. Впослѣдствіи я познакомился съ нимъ, понялъ, почему его лекціи не были любимы: онъ не былъ художникомъ и сообщить художникамъ ему было нечего. Академія была наполнена людьми всѣхъ званій, высшаго сословія почти не было. Когда, передъ ревизіей, податные должны были или получить свободное званіе художника, или опять возобновить увольнительныя свидѣтельства, а это стоило дорого — до 100 р., вдругъ подана была масса работъ на званіе свободнаго художника. Президенту герцогу Лейхтенбергскому сообщили, что много; онъ сказалъ: «У Императора много солдатъ, а художниковъ мало; давайте свидѣтельствъ побольше».

«Откуда-же эти люди узнали все, что имъ нужно? Карлъ Павловичъ двумя словами на это отвѣтилъ и эти слова каждый понялъ. Обходя классы живописи, онъ замѣтилъ у одного ученика книгу; посмотрѣлъ заглавіе—«Буря», посмотрѣлъ на этюдъ и сказалъ: «Бурю» читаешь, а яснаго не видишь». Природа великая книга; кто умѣетъ ее читать, тотъ прочтетъ всегда замѣтки изъ этой великой книги, сдѣланныя мастерами. Нетолько художники—натурщики по однимъ позамъ знали все священное писаніе и всю миѳологію. Василій—натурщикъ такъ зналъ исторію Греціи, какъ, я думаю, мало кто знаетъ изъ учителей исторіи, и расхохотался-бы, услыхавъ про способъ узнаванія исторіи посредствомъ огромной доски съ дырами у насъ въ кіевской гимназіи. Войдите въ Античную залу и вся исторія Италіи и Греціи на лицо **). Пушкина, Лермонтова, Гоголя—всѣ знали; анатомію знали; радость, горе, мудрость, красоту—умѣли не только видѣть, чувствовать, но передавать въ совершенствѣ. Кипренскій, Венеціановъ, Угрюмовъ, Шебуевъ, Егоровъ, Брюлловъ, Бруни, Айвазовскій, Ѳедотовъ—развѣ это не книги?»

Такова картина «Ученики академіи художествъ», нарисованная Н. Н. Гè съ натуры, съ товарищей современниковъ. Теперь посмотримъ, какъ онъ, въ pendant къ этой картинѣ, рисуетъ другую — картину своихъ

*) Н. И. Григоровичъ

**) Въ 50-хъ годахъ античныя залы Академіи были наполнены огромнымъ количествомъ гипсовыхъ слѣпковъ со знаменитѣйшихъ античныхъ скульптуръ. *В. С.*

«учителей» и «начальниковъ». Онъ разсказываетъ: «Академія произвела на меня особаго рода впечатлѣніе, какое испытываешь, попавъ, послѣ долгихъ ожиданій, въ домъ къ любимому человѣку, а его-то тутъ и нѣтъ. Все есть, все на мѣстѣ, все говоритъ о немъ, а его, самаго дорогого—нѣтъ. Я стремился изъ провинціи сюда, чтобы увидать этого удивительнаго человѣка — Брюллова. Я его никогда не видалъ, я не видалъ ни одного его произведенія, но то, что я слышалъ о немъ, объ его картинѣ, меня неудержимо тянуло сюда—въ эту Академію, гдѣ онъ работалъ, гдѣ онъ училъ. Его я не засталъ. Картину «Помпею» увидалъ. Мѣсяцы, чуть не годъ, я ничего не могъ видѣть: все заслоняла собой «Помпея». Среди товарищей, натурщиковъ, я встрѣтилъ ту же особенную любовь къ нему.

«Онъ еще былъ живъ, но мы чувствовали, что онъ не вернется къ намъ. Огромный запасъ анекдотовъ, разсказовъ объ немъ, его изреченія, его замѣчанія,—какъ рисовать, какъ писать, какъ сочинять, что значитъ рисовать, что такое искусство, все это питало насъ во время нашихъ поисковъ на новомъ пути, имъ завѣщанномъ намъ, по которому мы всѣ, его ученики по духу, за нимъ бѣжали. Когда онъ былъ еще въ Академіи, его окружали, наравнѣ съ учениками Академіи, люди общества: Ѳедотовъ—военный, первый жанристъ отечественныхъ нравовъ,—шелъ за нимъ. То-же было и безъ него. Огромная масса учениковъ Академіи была разношерстная масса; большинство податныхъ сословій. Тутъ были монахи, солдаты военныхъ поселеній, прикомандированные къ Академіи. Одинъ солдатъ—за то, что вырѣзалъ хорошо орла изъ дерева для офицерскаго театра; другой — за то, что хорошо раскрасилъ лафетъ и повозки. Были тутъ и любители, не ученики, всякаго званія, люди со всѣхъ концовъ обширной Россіи, не исключая и Сибири. Слава Брюллова проникла и туда. Послѣ его смерти, Академія оставалась, какъ была. Вѣроятно, кто-нибудь для порядка занялъ мѣсто Брюллова. Но значеніе, какъ руководительница въ искусствѣ, она потеряла. Право руководительства перешло къ тѣмъ, кто жилъ духомъ этого дорогого учителя. Этимъ только можно объяснить то значеніе, какое имѣли на учениковъ въ смыслѣ ученія его любимые натурщики, оба мужики,—Тарасъ—-Ярославской губерніи, Василій—Вологодской.

«Академія, совѣтъ, профессора для насъ, учениковъ, были своего рода боги съ Олимпа. Въ низшихъ классахъ ихъ не было и видно, а съ натурнаго класса и до программнаго они были видны близко, ихъ можно было различить. Сначала я зналъ только, что ректоромъ былъ Шебуевъ. Потомъ узналъ, что вице-президентомъ былъ графъ Толстой, извѣстный медальеръ, а профессорами Бруни, Басинъ, Марковъ, граверъ Уткинъ, скульпторъ Витали и баронъ Клодтъ.

«Профессора мало посѣщали классы: ихъ роль ограничивалась экзаме-

нами, а тѣ изъ нихъ, которые посѣщали, не могли быть желанными. Ихъ взгляды были устарѣвшіе, отсталые. Ученики пріискивали всѣ способы ускользнуть отъ этой помощи. Профессоръ Уткинъ, поправляя рисунокъ въ классѣ, любилъ французскимъ карандашемъ, не поддающимся подчисткѣ, обозначать рѣзкими чертами кости колѣна, и тѣмъ портилъ рисунокъ, который приходилось бросать. Онъ всегда задавалъ одинъ только сюжетъ для сочиненія: «Всемірный потопъ», и когда ему замѣчалъ субъ-инспекторъ, нѣмецъ Фрикке, что «Всемірный потопъ» уже былъ заданъ прошлый разъ,—«все равно», отвѣчалъ профессоръ,—«Всемірный потопъ». Профессоръ Марковъ не любилъ кушаковъ, бурнусовъ, которые стали входить въ моду при изображеніи библейскихъ сюжетовъ, и при этомъ замѣчалъ, что жизненность не нужна, такъ какъ историческая живопись скучна, въ этомъ ея достоинство. Другой разъ, указавъ недостатокъ направленія, употребилъ слово «барокъ» (направленіе манерное, названное по имени художника итальянца, Бароччіо). Ученикъ спросилъ, что это значитъ? «Не надо знать», отвѣчалъ профессоръ. Марковъ былъ добрый человѣкъ, доступный, жаль только, что онъ мало намъ далъ; онъ затѣялъ картину «Колизей», ему не разрѣшили продолжать, не понравился сюжетъ начальству. Такъ онъ и вернулся изъ Италіи домой, и ничего тутъ не дѣлалъ, учительствовалъ, но его любили за то, что онъ былъ доступенъ и добръ. Почти всѣ ученики записывались его учениками. Его изреченія были подчасъ смѣшны. Много про него и выдумывали ученики. Но въ этомъ ученики вѣрно изображали то, что̀ составляло характерную черту всѣхъ профессоровъ, какъ учителей. Такъ ему приписали выраженіе, полное ироніи: «Посмотрите Пуссена, Рафаэля, меня что-ли...» Бруни былъ извѣстенъ бездарными учениками, которыхъ онъ поощрялъ, былъ гордъ и недоступенъ, старался всегда говорить такъ, чтобы его никто не понималъ. Это поддерживало важность и таинственность. Другой профессоръ, Басинъ, говорилъ, напротивъ, такъ ясно, что все равно, что ничего не говорилъ. Онъ произносилъ фразы въ родѣ: «надо хорошо рисовать и хорошо писать»... Онъ не имѣлъ почти вовсе учениковъ и извѣстенъ былъ своимъ равнодушіемъ къ интересамъ тѣхъ немногихъ, которые были его учениками *). Среди профессоровъ, немногіе въ самомъ дѣлѣ работали для искусства. Во-первыхъ, баронъ П. К. Клодтъ. У него была мастерская, литейная и музей живописи. Въ Академіи, какъ учитель, не участвовалъ, а занимался заказами. Кромѣ него, еще графъ Ѳ. П. Толстой и Айвазовскій (о послѣднемъ будетъ еще говорено ниже).

«Не могу не вспомнить и того, какъ, въ то самое время, что профессора разговаривали съ нами объ искусствѣ, рисункѣ и письмѣ,

*) Н. Н. Ге́ считался въ Академіи ученикомъ Басина. *В. С.*

ламповщикъ въ скульптурномъ классѣ обтиралъ масляныя руки объ колѣни статуи «Бойца» и «Германика», а профессоръ Ш., преподаватель изъ новыхъ, указывалъ на эти пятна, какъ на живописныя, и совѣтовалъ ихъ старательно копировать.

«Что же сдѣлалъ Брюлловъ, что всѣ горячо къ нему отнеслись, что его любили даже и тѣ, которые его никогда не видали? До него большинство художниковъ у насъ ставили идеаломъ, къ которому стремились, старыхъ мастеровъ, поэтому одинъ назывался русскій Пуссенъ, другой Вандикъ, третій Тиціанъ. Это было своего рода идолопоклонство. Брюлловъ, зная старыхъ мастеровъ лучше всѣхъ, что̀ и доказалъ своей копіей съ «Аѳинской школы» Рафаэля и копіей съ Іоанна Богослова Доменикино,—первый изъ русскихъ художниковъ поставилъ выше всего натуру. Идеалъ его была натура, оттого онъ въ своихъ разнообразныхъ произведеніяхъ достигъ полной иллюзіи дѣйствительности. Этотъ поворотъ къ натурѣ, къ правдѣ, и былъ такъ плодотворенъ въ послѣдующихъ художникахъ, составляющихъ его школу. Въ этомъ освобожденіи заключается возможность своего народнаго и свободнаго искусства.

«Онъ ввелъ у насъ живой рисунокъ, т. е. поглощеніе всѣхъ частей общей формой. Въ этой общей формѣ могло проявиться живое движеніе характера фигуры. Этого прежде не было. Онъ ввелъ также у насъ рельефъ, тѣсно связанный съ рисункомъ. Предметы стали отдѣляться отъ фона. Онъ внесъ необходимый свѣтъ, принадлежащій картинѣ. Это оживило фонъ и сдѣлало его отсутствующимъ, какъ въ природѣ. Изучая непрестанно натуру, онъ уничтожилъ единую манеру. Для каждой натуры онъ вызывалъ новую ей подходящую манеру, это дало цѣнность разнообразію пріема. Онъ потребовалъ полное изученіе всего, что̀ можетъ войти въ картину. Художникъ вмѣсто отдѣльныхъ жанровъ поставилъ своей задачей выполнить художественное впечатлѣніе всецѣло, какая-бы область жизни ни была имъ избрана.

«Надъ входомъ въ Академію прибита маленькая мраморная доска. На ней написано: «Свободнымъ художествамъ. Лѣто 1764». Это посвященіе оправдано Брюлловымъ и его послѣдователями.

«Но кромѣ руководительства въ искусствѣ, вся масса учениковъ имѣла еще и другое отношеніе къ профессорамъ: какъ къ начальствующимъ, или вообще, какъ къ людямъ, стоящимъ по положенію выше ихъ. Я уже замѣтилъ, что большинство было изъ сословія податныхъ. Къ стыду нѣкоторыхъ профессоровъ, эти бѣдные люди, лишенные свободы, образованія, подчасъ одаренные бо̀льшими способностями, чѣмъ ихъ учителя, были угнетаемы. Попадая въ болѣе личныя отношенія, какъ помощники въ работахъ, они исполняли всѣ служебныя обязанности, равныя обязанностямъ слуги, лакея, и исполняли безвозмездно, подъ тѣмъ предлогомъ, что могли учиться и жить въ мастерской профессора.

Спали на полу, ѣли что попало. Имѣя рядомъ мастерскую въ продолженіе 3 лѣтъ, когда я писалъ программы на двѣ золотыя медали, я познакомился съ ними и близко зналъ ихъ жизнь. Одинъ изъ моихъ товарищей, тоже ученикъ одного академика, жилъ въ его мастерской и писалъ программу за профессора. Этому ученику не давали долго 1-й серебряной медали за рисунокъ, а за программу, которую онъ написалъ, его хозяинъ получилъ званіе профессора. Только во время этой работы ему дали постель, до этого онъ спалъ на полу. Множество учениковъ у другого профессора мечтали получить въ вознагражденіе поддержку при полученіи медалей. Инымъ, рѣдкимъ, это удавалось, другіе-же только ловились на эту удочку и ничего не получали. Приближалась ревизія, т. е. перепись. Нѣкоторые купили себѣ свидѣтельство (свидѣтельство стоило около 100 руб. и болѣе; я самъ купилъ его одному своему товарищу также за 100 руб.), давшее временное освобожденіе отъ ежегодной подати до новой ревизіи, спѣшили получить званіе свободнаго художника. Это званіе, освобождавшее окончательно изъ податного сословія, давалось, по уставу Академіи, за голову, написанную съ натуры или за портретъ. Наставало время всякихъ притѣсненій. Этюдъ или портретъ представлялся въ контору Академіи. Тамъ царствовалъ конференцъ-секретарь, и вотъ наставалъ его бенефисъ, для отместки тѣмъ, которые осмѣлились ему не понравиться. «Ты никогда не получишь художника, напрасно хлопочешь!» — «Отчего-же?» разъ отвѣчаетъ ему одинъ ученикъ,—«вѣдь это зависитъ отъ Совѣта?»—«Я тебѣ говорю, не получишь». — «Когда-нибудь получу, не все-же вы будете жить, умрете, тогда и я получу».

«Впослѣдствіи, большинство ихъ тонуло въ иконописи, въ преподавательствѣ, позже въ учительствѣ. Вотъ какая жизнь была у той массы людей, изъ которой выходили художники! Гоголь изобразилъ одинъ типъ художника этого времени. Но сколько было затеряно, погибло, о которыхъ никто не заикнулся!»

Наконецъ, наступило время писать программы на медали. Собственное сочиненіе не являлось для Н. Н. Гè чѣмъ-то совершенно новымъ, чуждымъ. Онъ уже раньше офиціальнаго требованія пробовалъ себя по этой части, и, какъ всегда у молодыхъ, начинающихъ художниковъ, темами являлись не задачи классическія, идеальныя, далекія и выдуманныя, а тѣ, которыя прямо являлись выраженіемъ того, что̀ его въ тѣ минуты всего живѣе интересовало, что̀ до глубины задѣвало всю его натуру, наполняло всю его душу. Онъ обожалъ Лермонтова, до страсти зачитывался имъ, и вотъ, въ 1852—3 году онъ рисовалъ первую свою картинку: «Лейла и Хаджи-Абрекъ». Скоро потомъ онъ писалъ, масляными-же красками, «Норму влекомую на казнь»—какъ онъ видѣлъ въ этой сценѣ знаменитую Гризи, пѣвшую тогда на Большомъ театрѣ, и

до безумія обожаемую имъ. Его ближайшій менторъ и руководитель, профессоръ Басинъ, съ большой симпатіей одобрялъ эту картинку, и это было очень много, при его всегда вяломъ и апатичномъ нравѣ. Мало того: и картинка, и молодой ея авторъ такъ сильно заинтересовали довольно равнодушнаго, обыкновенно, профессора, что когда эту картинку сняли съ тогдашней выставки, по распоряженію котораго-то начальства, у П. В. Басина разлилась желтуха. Картинѣ это ничуть не помогло, но молодого живописца какъ будто немного утѣшило или хоть успокоило въ его самолюбіи, и онъ только больше сталъ любить своего профессора. Эти факты мнѣ сообщилъ тогдашній пріятель и товарищъ Н. Н. Ге, академикъ скульпторъ Парм. Петр. Забѣлло. Про писаніе своихъ офиціальныхъ программъ Н. Н. Ге разсказываетъ такъ:

«Весной, въ ясный день, зовутъ имѣющихъ право писать картину— въ залу Совѣта. Первый разъ я видѣлъ это дорогое для меня собраніе людей, которыхъ я чтилъ съ дѣтства, любилъ ихъ, какъ художниковъ, и уважалъ, какъ мудрыхъ учителей. Шебуевъ сидѣлъ одинъ — онъ предсѣдатель; конференцъ-секретарь (Григоровичъ), по уставу Екатерины II, напротивъ; по бокамъ профессора: Бруни, Брюлловъ (Александръ, архитекторъ, братъ К. П., ужасно на него похожій), Басинъ, Марковъ, Воробьевъ, Виллевальде, К. А. Тонъ, Мельниковъ, Витали— скульпторъ и другіе. Конференцъ-секретарь прочелъ сюжетъ, выбранный Совѣтомъ на 2-ую золотую и на 1-ю золотую. Профессора—Басинъ, Бруни, ректоръ Шебуевъ сказали нѣсколько словъ, какъ нужно отнестись къ этому предмету. «Все, что вамъ нужно, вамъ дадутъ; но до завтра утра, до 10 ч., вы должны изготовить эскизъ, не выходя изъ архитектурнаго класса, гдѣ вы будете помѣщены каждый особо». Въ 24 часа надо почти все сдѣлать, т. е. $^2/_3$, какъ говорилъ Карлъ Павловичъ. Идемъ—и завтра готово.—Совѣтъ одобрилъ.

«Нужна мастерская. Началъ я съ солдата, чтобъ получить мастерскую. Никто не знаетъ, какъ это сдѣлать. Пошелъ къ В. К. Шебуеву. «Позвольте занять мастерскую».—«А есть такая?»—«Есть, тамъ-то».—«Ну, и съ Богомъ. Вы работайте картину поэкономнѣе, какъ Леонардо дѣлалъ. Не нужно фону много. Съ Богомъ!» Получилъ я мастерскую, и началась та работа, которая до смерти дорога́. Съ зари до зари всѣ работаютъ, поютъ, декламируютъ, инымъ громко читаютъ другіе. Вечеромъ, полураздѣтые, запачканные красками, всѣ сходятся къ одному изъ товарищей, попить чаю, побесѣдовать. Сколько радушія, тонкихъ наблюденій, воспоминаній прошлаго, о томъ, что̀ сдѣлалось новаго въ мірѣ— обо всемъ переговорятъ, а завтра опять на работу.

«Профессора Совѣта обходили два или три раза мастерскія и дѣлали свои замѣчанія. Когда я исполнялъ послѣднюю программу на большую золотую медаль, ко мнѣ вошли по обыкновенію профессора Совѣта. Они

входили группами, говоря между собою, и всѣ, подходя къ картинѣ, начали говорить, не слушая другъ друга. Слѣдить за замѣчаніями было невозможно. Послѣднимъ вошелъ неизвѣстный мнѣ членъ Совѣта, — я его прежде не видалъ. Онъ положилъ обѣ свои руки мнѣ на плечи и сказалъ: «Молодой человѣкъ, не слушайте ихъ: они сами не знаютъ, что̀ говорятъ. Дѣлайте свое дѣло, не обращая ни на кого вниманія». Всѣ ушли; я спросилъ у товарищей, кто такой этотъ профессоръ, и узналъ, что это былъ Константинъ Андреевичъ, ректоръ Академіи, архитекторъ. Онъ высказалъ тутъ ясно, ярко то, что̀ каждый изъ насъ давно зналъ. Въ искусствѣ можно учиться, и нельзя учить, въ обыкновенномъ смыслѣ, какъ учатъ предметамъ знанія, языкамъ. Учитъ только тотъ, кто, имѣя даръ, стоитъ во главѣ движенія искусства. Такіе учителя всегда были и будутъ. Всѣ другіе учителя невозможны и не нужны»...

Во время своего пребыванія въ Академіи, Н. Н. писалъ три программы. Первая на сюжетъ: «Судъ царя Соломона,» вторая—«Ахиллесъ оплакиваетъ Патрокла», третья: «Саулъ у Аэндорской волшебницы». Итакъ, двѣ программы на сюжеты изъ Библіи, и одна на сюжетъ изъ Иліады. Въ тѣ времена о другихъ сюжетахъ и помина не было, и наша Академія, какъ и всѣ другія въ Европѣ, соображала, что кто не умѣетъ, или не можетъ, или—чего Боже сохрани—не хочетъ трактовать такихъ сюжетовъ, тотъ уже и вовсе не художникъ, или по крайней мѣрѣ, не настоящій художникъ. Сколько отъ этихъ безтолковыхъ мыслей произошло бѣдъ для искусства, сколько талантливыхъ людей было попорчено, искалѣчено, столкнуто съ дороги—и исчислить теперь невозможно. Но, по нечаянности, для Н. Н. Гѐ академическія глупости не такъ были зловредны, какъ для цѣлаго легіона его несчастныхъ товарищей: правда, и ему тоже не было въ сущности никакого дѣла до «Иліады», и до Ахиллесовъ и Патрокловъ. И по натурѣ его, и по всему художественному складу его, и по воспитанію, всѣ они были ему совершенно далеки и чужды, но по крайней мѣрѣ хоть библейскіе сюжеты были для него капельку подходящіе: они все-таки касались религіи, которая была для него всегда, еще со временъ деревни и бабушки, чѣмъ-то близкимъ, дорогимъ, желаннымъ, своимъ. Правда, онъ мало способенъ былъ къ выраженію того трагическаго, грознаго и раздирательнаго элемента, который живетъ въ сценѣ древней еврейской матери, принужденной присутствовать при разрубленіи палачомъ ея собственнаго маленькаго ребеночка, или въ сценѣ царя, передъ которымъ является тѣнь давно прежде отошедшаго въ вѣчность великаго пророка—и такъ мало былъ способенъ, что никогда потомъ, выйдя на собственную волю и сдѣлавшись самъ себѣ господиномъ, не бралъ темой подобныхъ сюжетовъ: однако, какъ-бы ни было, тутъ дѣло шло о библіи, и все этимъ было сказано. Это было нѣчто для него свое. При томъ-же, что такое сюжетъ, заданный каз-

ной, формальными и офиціальными профессорами? Развѣ тутъ требовалось что-нибудь въ самомъ дѣлѣ серьезное, дѣльное? Развѣ кому-нибудь могло прійти въ голову искать у ученика какого-то настоящаго Соломона, какихъ-то настоящихъ Саула и Самуила? Какой смѣхъ! Конечно, никогда, ни вовѣки вѣковъ! Да еще, сверхъ того, развѣ и со стороны ученика академическаго требовалось тогда какое-нибудь разсужденіе, смыслъ, мысль? Если-бъ нашелся который-то ученикъ, способный въ ту минуту разсуждать, то онъ, пожалуй, вдругъ сказалъ-бы своимъ заказчикамъ: «Да что это вы, господа, задаете мнѣ какую странную и неладную тему! Отчего это *настоящая* мать должна быть непремѣнно нѣжная, добрая и человѣчная, а *не настоящая*—непремѣнно злая и варварская! Отчего такъ? Да не бываетъ-ли поминутно въ жизни именно прямо наоборотъ, и не наполнены-ли всѣ газеты, каждый день, происшествіями, доказывающими совсѣмъ иные факты: *настоящая* мать—прескверпѣйшая, презлая и преварварка, а *не настоящая*—образецъ доброты, сердечной нѣжности, заботы и чудной души? И можетъ-ли быть, чтобъ во всѣ прежнія времена не бывало то-же самое? Зачѣмъ-же вы съ самаго измолоду требуете съ меня трактовать кистью и красками—какъ какіе-то несокрушимые законы природы, самыя ординарныя общія мѣста (lieux communs), невѣрныя и устарѣлыя?» Но Ге, какъ и всѣ его товарищи, конечно ни о чемъ подобномъ тогда еще и не задумывался (это стало случаться съ иными изъ ихъ числа лишь гораздо позже); всѣ они въ это время дѣлали преспокойно только то, что велятъ, а велѣно было показать умѣніе рисовать и писать. Все прочее—считалось еще лишнимъ. Для академиковъ и профессоровъ никакихъ «идей» вѣдь не требуется, голова—лишняя статья въ художествѣ. Ге такъ и дѣлалъ, писалъ программы и оставлялъ довольными не только начальство художественное, василеостровское, но и начальство всяческое, живущее вовсе не на Васильевскомъ Острову, а на какихъ угодно площадяхъ и улицахъ: публику. Начальство василеостровское не дало ему за первую программу, «Судъ Соломоновъ» ничего, въ 1854 году; за вторую, «Ахиллеса» — малую золотую медаль, въ 1855 году, наконецъ, за третью, «Саула» — большую золотую медаль, въ 1857 году. Начальство повсюдное, публика, тоже дала ему свои серебряныя и золотыя медали: почетные, и даже, можно сказать, сильно почетные отзывы. Она поставила его, тотчасъ-же, выше прочихъ товарищей его даже за то, чѣмъ Академія была еще недовольна. И, что очень замѣчательно, публика, устами своихъ газетъ, сдѣлала даже юному художнику при этомъ случаѣ нѣсколько довольно разумныхъ замѣчаній, какихъ, кажется, никому не приходило въ голову въ Академіи, такъ какъ тамъ всѣ были переполнены заботой только о рукахъ, ногахъ, носахъ, пяткахъ и затылкахъ, складкахъ и драпировкахъ. «Сѣверная Пчела», въ качествѣ газеты самой «фаворитной» у наиболь-

шей массы публики, т. е. газеты всего болѣе банальной, всего болѣе вѣтреной и поверхностной, конечно хвалила программу Гè, «Соломоновъ судъ», но все-таки находила, что «въ цѣломъ она ниже программъ двухъ другихъ конкурентовъ, Флавицкаго и Васильева, особенно неудовлетворительны фигуры дѣтей». Но тѣ журналы, что были получше «Сѣверной Пчелы», говорили уже другое. «Современникъ» симпатично хвалилъ всѣ три программы, но только порицалъ то, что въ нихъ еще чувствуется, по молодости авторовъ, недостатокъ свободы въ группировкѣ фигуръ», излишняя «женственность» Соломона, то, что онъ и весь его дворъ представлены «блондинами», что въ нихъ нѣтъ ничего напоминающаго «жестоковыйныхъ, упрямыхъ, исполненныхъ сильныхъ страстей евреевъ», наконецъ, что въ общей обстановкѣ вовсе нѣтъ «обстановки восточной гаремной жизни», какъ напримѣръ у Ораса Верне. «Отечественныя записки» указывали на отлично переданное у Гè выраженіе холодной жестокости у не настоящей матери и вмѣстѣ признавали, что, вообще говоря, программа Гè превосходитъ обѣ другія «прекраснымъ расположеніемъ фигуръ и естественностью, а также письмомъ».—Въ 1855 году, «Сѣверная Пчела» сильно хвалила Гè и его товарища по программѣ, Икова (давно уже позабытаго теперь) за соблюденіе исторической вѣрности въ типахъ, костюмѣ, оружіи, и за то, что тутъ изображенъ «плачущій надъ человѣкомъ человѣкъ, а не академическая фигура, братъ надъ братомъ, товарищъ надъ товарищемъ, словомъ Ахиллесъ надъ Патрокломъ, но Ахиллесъ Гомеровскій».—«Отечественныя Записки» и за эту программу (какъ за годъ передъ тѣмъ за «Соломона») отдавали пальму первенства—Гè. «Преимущество, говорили онѣ, какъ въ композиціи, такъ и въ колоритѣ, принадлежитъ г. Гè. Сюжетъ постигнутъ у него вѣрнѣе, чѣмъ у Икова, краски блестящѣе, и въ особенности прекрасно изображена фигура Ѳетиды: въ ней столько изящества и граціи, что зрителю не надо долго догадываться, что это богиня и мать, пришедшая съ доспѣхами развлечь видомъ ихъ скорбь Ахиллеса. Выставленный тѣмъ-же Гè портретъ (г. Меркулова) превосходенъ по лѣпкѣ, по полнотѣ натуры и рельефности; многіе знатоки ставятъ его на ряду съ лучшими произведеніями въ этомъ родѣ».—«Художественный Листокъ» также много хвалилъ этотъ портретъ и прибавлялъ: «Вообще въ портретахъ нынѣшней выставки, а равно и на нѣкоторыхъ прежнихъ, замѣтно стремленіе къ естественности, къ натурѣ; прежняя натянутость и искусственность покинуты, и каждый портретистъ усугубляетъ усиліе возсоздать на полотнѣ списываемое лицо наивозможно живѣйшимъ образомъ и наивозможно ближе къ подлиннику. Какое иногда познаніе самыхъ тонкостей анатоміи, какое мастерское воспроизведеніе красками тѣла! Какой блескъ глазъ! Какъ отдѣланы иногда принадлежности: сіяніе золота и серебра, отливъ бархата и проч. Все это заслуживаетъ всякаго уваженія и похвалы, и путь къ тому

чуть-ли не указанъ г. Зарянко».—Но еще бо̀льшая доля похвалъ отъ публики и газетъ выпала на долю Гѐ въ 1857 году, за его програму: «Саулъ у аэндорской волшебницы».

Наиболѣе характерныя похвалы были высказаны въ «Сѣверномъ Цвѣткѣ» и «Музыкальномъ и Театральномъ Вѣстникѣ». «Сѣверный Цвѣтокъ» восхищался фигурами, ихъ группировкой и письмомъ, и особливо «расположеніемъ свѣта и тѣни», и прибавлялъ, что «дальній планъ, гдѣ въ лунномъ полусвѣтѣ едва замѣтно образуется нѣсколько фигуръ, закутанныхъ въ саваны, вѣетъ на зрителя поэтическою таинственностью»... «Музыкальный Вѣстникъ» говорилъ: «Лучшая изъ программъ—Гѐ. Общее впечатлѣніе можетъ быть черезъ-чуръ сильно отъ преувеличеннаго выраженія ужаса на лицахъ, особенно Саула, но тѣмъ не менѣе картина всѣми частями содѣйствуетъ задуманному впечатлѣнію... Лицо Самуила (тѣни) выразительно, грозно, но и безтѣлесно; Саулъ слишкомъ обезображенъ страхомъ, но лицо волшебницы и положеніе ея съ поднятыми руками—достойны всякой похвалы. Живопись—бойкая и увѣренная»...

Я самъ, на свою долю, не взирая на всѣ 40 почти лѣтъ, прошедшихъ съ тѣхъ поръ, могу сказать, что хорошо помню тогдашнее впечатлѣніе публики отъ «тѣни Самуила», и многочисленные разговоры, происходившіе тогда повсюду о ней въ петербургскомъ обществѣ. Всѣ были сильно поражены грозностью и суровою фантастичностью этой тѣни—я то-же самое чувствовалъ, вмѣстѣ съ остальной публикой. На выставку въ Академіи ходили въ томъ году всего болѣе изъ за этой «тѣни Самуила».

«Наконецъ осень — экзамены, разсказываетъ Н. Н. Гѐ. Идемъ другъ къ другу. Посмотрѣли и всегда сами знаемъ—кто вышелъ, кто провалился. Но ни злобы, ни зависти — ничего нѣтъ. Медаль, большая золотая, достойному, получена при звукахъ трубъ. Около Античной дорогой залы иди, скажи самъ себѣ, что̀ у тебя на душѣ, но скажи правду, только правду».

Посмотримъ теперь, ка̀къ шла, среди всей этой учебной, оффиціальной, академической жизни, собственная личная и домашняя жизнь Н. Н. Гѐ. Она была не блестящая. Гѐ получалъ отъ своего отца очень мало на свое содержаніе — такъ какъ наибольшая часть средствъ, употребляемыхъ отцомъ Гѐ на своихъ сыновей, шла на содержаніе гродненскаго гусарскаго офицера Григорія Николаевича Гѐ. Николай Николаевичъ Гѐ такъ нуждался, что долженъ былъ брать самые ничтожные заказы (оффиціальные казенные портреты), или давать уроки рисованія въ домахъ у знакомыхъ, въ томъ числѣ у Ив. Григ. Мессинга, впослѣдствіи сенатора. Портреты въ это время онъ, правда, писалъ, но

все только съ близкихъ знакомыхъ или родственниковъ (Як. Петр. Меркулова—чиновника, собиравшагося пойти въ пѣвцы, доктора Бѣлецкаго, княгини Курцевичь, Бориса Андреевича Маркевича—товарища Гè по гимназіи, помѣщика черниговской губерніи, наконецъ Петра Иван. Забѣлло, впослѣдствіи тестя Н. Н. Гè): эти портреты ничего ему не приносили.

И что-же? Несмотря на всю свою бѣдность, Н. Н. Гè былъ такъ великодушенъ, сердце у него было такое человѣчное, такое глубоко—мягкое, что онъ дѣлился своею бѣдною квартирою съ товарищами, столько-же неимущими, какъ и онъ самъ, а можетъ быть и еще больше. Квартира его находилась теперь въ Академическомъ переулкѣ, въ двухъ шагахъ отъ Академіи, значитъ не надо было никакихъ тратъ на извозчика, но юношей жило вмѣстѣ четверо: самъ Гè, его искреннѣйшій пріятель скульпторъ Парм. Петр. Забѣлло, и два другіе товарища по Академіи: Мих. Ник. Васильевъ, живописецъ по исторической части, тоже конкурировавшій, въ 1855 году, на большую серебряную медаль, со своей программой «Судъ Соломона», и полякъ Сезеневскій, спустя нѣсколько времени совсѣмъ покинувшій искусство и какъ-то совсѣмъ затерявшійся. Главнымъ вкладчикомъ былъ Н. Н. Гè, который и вообще былъ тогда настоящимъ центромъ и душою всего тогдашняго молодого поколѣнія художниковъ-учениковъ Академіи. Онъ больше всѣхъ бесѣдовалъ и спорилъ съ товарищами объ искусствѣ — споры ихъ бывали часто безконечны; около него и у него собиралось много художественной молодежи, его любили послушать, любили съ нимъ потолковать — онъ былъ едва-ли не самый образованный между ними, всѣхъ болѣе читалъ, разговоръ его былъ блестящъ, уменъ, оригиналенъ, остроуменъ, часто насмѣшливъ и ѣдокъ, а это все сильно дѣйствуетъ на юношей.

Но все, касавшееся домашняго обихода, костюма и пищи, находилось въ самомъ плачевномъ положеніи. Костюмъ у нихъ всѣхъ былъ очень неважный, такъ что, по словамъ Григ. Ник. Гè, «одно время у Н. Н. изъ одежды была только фрачная пара да верхнее пальто. Это для всего: и для Академіи, и для знакомства, и для мелочной лавочки, и для бани. Случалось, что кто-нибудь изъ товарищей пріятелей, забѣжавъ къ Н. Н., снималъ эту одежду съ крючка на стѣнѣ, переодѣвался и уходилъ по дѣлу, требовавшему болѣе приличнаго костюма, что ставило Н. Н. въ положеніе арестованнаго. Случалось и такъ, что возвращенное на гвоздь сейчасъ-же забиралось другимъ коммунистомъ. Увидавъ это, Н. Н. только разражался хохотомъ»... Однимъ словомъ, тутъ происходило нѣчто въ томъ-же родѣ, что и у парижскихъ студентовъ 30-хъ и 40-хъ годовъ, какъ ихъ юмористично описывалъ Поль-де-Кокъ въ своихъ романахъ, особливо въ «Gustave le mauvais sujet.»

Кажется, всѣхъ меньше изъ товарищей заботился о своемъ костюмѣ Н. Н. Ге, и небрежность его простиралась такъ далеко, что, по его собственнымъ разсказамъ (впослѣдствіи переданнымъ мнѣ его пріятелемъ, Мих. Ѳед. Каменскимъ), Парм. Петр. Забѣлло, хоть и бѣдный, но любившій прифрантиться, не разъ говаривалъ на улицѣ Николаю Николаевичу: «Мнѣ просто стыдно съ тобой идти рядомъ! Ступай на другую сторону». И Н. Н. Ге покорно переходилъ на другую сторону улицы.

Прислуживала всей компаніи вдова-солдатка Захарьевна, пившая запоемъ, и вдобавокъ къ тому страдавшая падучею болѣзнью—можно себѣ представить, что это за жизнь была съ нею! Но Н. Н. Ге, изъ сердоболія жалѣлъ ее, упрямо держалъ у себя, и вступался за нее передъ товарищами. Обѣдъ они получали изъ кухмистерской нѣкоей Марьи Яковлевны, и всего чаще питались только кашей. Иванъ Александровичъ Мельниковъ, впослѣдствіи нашъ знаменитый пѣвецъ, а тогда еще совершенный юноша, служившій въ очень извѣстной конторѣ Томсенъ Боннера, и съ 1853 года познакомившійся съ этой художественной компаніей, разсказывалъ мнѣ, что всѣ они были такъ бѣдны, что когда они, бывало возвращались, ночью, изъ итальянскаго театра, и, мучась жаждой и голодомъ, желали чего-нибудь поѣсть и попить, то ничего у себя дома не находили, кромѣ какой-нибудь несчастной щепоточки чаю, а чтобъ положить что-нибудь на зубъ, въ складчину посылали въ мелочную лавочку купить на нѣсколько копѣекъ корочку отъ гречневой каши, которую не доѣли на ночь приказчики въ лавочкѣ. Съ Иваномъ Александровичемъ Мельниковымъ они познакомились въ Большомъ Театрѣ, въ райкѣ. Еще въ началѣ осени бывали у нихъ взяты билеты, кое-какъ сколоченные на съэкономленныя деньги, и вотъ они тутъ-то были выше головы счастливы, наслаждались какъ великіе бары и немножко отдыхали, хоть на 3—4 часа, отъ тяжкой вседневной своей жизни. Какое блаженство это было, идти ночью домой изъ театра, по полу-освѣщеннымъ улицамъ, и распѣвать во весь голосъ, сколько вспомнится, изъ арій Гуаско, Гризи, Маріо, Тамберлика, Ронкони. Послѣдняго особенно мастерски представлялъ И. А. Мельниковъ. Онъ еще и не думалъ о томъ, что ему предстоитъ когда-то самому быть пѣвцомъ, обожаемымъ и прославленнымъ, выходить на сцену словно несомому на рукахъ толпой и уходить потомъ съ такими громами рукоплесканій, отъ которыхъ старыя стѣны театра дрожали. Онъ еще ни о чемъ подобномъ не думалъ и не мечталъ, но молодымъ товарищамъ мудрено было не приходить въ горячее восхищеніе отъ его прелестнаго голоса, отъ его искренней задушевности, даже когда онъ распѣвалъ итальянскую музыку и передразнивалъ Ронкони. Они усердно уговаривали его бросить все и идти на театръ, всѣхъ жарче Н. Н. Ге, и Ив. Ал. Мельниковъ сто разъ и мнѣ и другимъ впослѣдствіи разсказывалъ, что

кто всего болѣе былъ причиною того, что онъ сталъ наконецъ пѣвцомъ—это Н. Н. Ге́. Въ эти времена Ге́ особенно страстно любилъ «Норму» и Гризи въ ней (она и въ самомъ дѣлѣ была тогда прелестная огненная красавица-итальянка, и исполняла всѣ свои роли съ великимъ жаромъ и увлеченіемъ): отъ этого-то одною изъ самыхъ первыхъ его картинъ (конечно, еще маленькихъ) была, въ 1853 г. Гризи въ «Нормѣ», въ ту минуту, когда ее ведутъ на костеръ, въ послѣднемъ актѣ,—какъ я уже выше говорилъ.

Въ 1854 году Парм. Петр. Забѣлло, получивъ большую золотую медаль въ Академіи, уѣхалъ къ своимъ роднымъ въ Малороссію, а оттуда въ Италію. Но между нимъ и Н. Н. Ге́ пріятельская связь не порвалась и не исчезла, какъ это довольно часто бываетъ между разлучившимися случайно товарищами. Въ теченіе четырехъ-лѣтней ихъ совмѣстной жизни, Н. Н. Ге́ мало того, что былъ съ П. П. Забѣллой ближайшимъ пріятелемъ,—онъ сдѣлался еще пріятелемъ его сестры, Анны Петровны Забѣлло, и это—за глаза! Она жила за нѣсколько тысячъ верстъ отъ Петербурга, въ деревнѣ у отца, въ Черниговской губерніи, Н. Н. Ге́ никогда не видывалъ ея, даже ничего не слыхивалъ, но на него произвели громадное впечатлѣніе ея письма къ брату. Восхитившись сначала однимъ изъ нихъ, потомъ другимъ, третьимъ, онъ мало-по-малу сталъ съ жадностью читать ихъ всѣ, а потомъ и самъ вступилъ съ Анной Петровной Забѣлло въ переписку. Она являлась ему завлекательной во всѣхъ отношеніяхъ, полною ума, глубокой души, чудеснѣйшаго сердца, женщиной высокаго образованія, много читавшей всего, что̀ есть лучшаго въ литературахъ европейскихъ (особливо романы на англійскомъ языкѣ). Онъ заочно въ нее влюбился, постоянная переписка только все болѣе и болѣе поддерживала и раздувала это чувство, и вотъ, онъ наконецъ порѣшилъ: ни на комъ другомъ не жениться, кромѣ нея. Надо было только подождать окончанія академическаго курса. Въ концѣ 1856 года это совершилось. Два обстоятельства на это повліяли: во-первыхъ, въ 1856 году скоропостижно умеръ отецъ Ге́, и Н. Н., вмѣстѣ съ братьями, сдѣлался его наслѣдникомъ, хотя положеніе имущества было очень неблестящее; во-вторыхъ, Николаю Николаевичу была присуждена большая золотая медаль за его программу: «Саулъ у Аэндорской волшебницы». Но онъ не сталъ ждать ни акта, ни Высочайшаго утвержденія золотой медали, ни даже выдачи бумагъ и денегъ. Онъ слишкомъ твердо зналъ, что медаль у него не будетъ отнята, хоть не всѣ формальности еще соблюдены. Въ іюлѣ 1856 года, президентъ Академіи, великая княгиня Марія Николаевна, посѣтила Академію и, разсматривая уже почти конченныя программы на золотыя медали, сдѣлала многія замѣчанія, по которымъ онѣ должны были быть исправлены. Такъ напр., про программу Мартынова было записано въ

оффиціальной «Запискѣ» хранителя музея: «Средняя фигура волшебницы не хороша»; про программу Солдаткина: «Открыть лицо Самуила и... слабо»; про программу Васильева: «Не хорошъ поворотъ головы Самуила»; про программу скульптора Бока: «Все хорошо, кромѣ фигуры воина; у женщины закрыть грудь»; про программу архитектора Рахау: «Слишкомъ широка сцена и расположеніе ложъ косо»; про программу архитектора Макарова: «Арки на фасадѣ сдѣлать шире»; про программу архитектора Кепеля: «Нижній этажъ сдѣлать выше»; на программѣ жанриста Волкова: «Больше сдѣлать благородства въ двухъ лѣвыхъ фигурахъ»; наконецъ, про программу Н. Н. Гè: «Для чего фигура Бедуина? все остальное хорошо». Н. Н. Гè фигуру Бедуина уничтожилъ, и потому былъ уже вполнѣ спокоенъ за программу. Она и была утверждена Совѣтомъ 14 марта 1857 года. Но, не дожидаясь того, Н. Н. Гè еще лѣтомъ 1856 года бросилъ Петербургъ и поскакалъ въ Малороссію. Тутъ, въ церкви села Монастырище, 28 октября того-же 1856 года, онъ обвѣнчался съ А. П. Забѣлло. Ему было тогда 25 лѣтъ, ей—24 года. Въ 1857 году они уѣхали за границу.

Теперь я попробую указать итоги, возникающіе изъ фактовъ академическаго періода жизни Н. Н. Гè.

Первымъ и самымъ важнымъ итогомъ мнѣ кажется тотъ, что настоящимъ призваніемъ своей жизни онъ окончательно призналъ—художество. Совершенно невѣрно мнѣніе тѣхъ, кто старается увѣрить, будто занятіе художествомъ было для Гè что-то чужое, постороннее, навѣянное снаружи, выбранное по капризу и насильно производимое. Такъ напримѣръ Григ. Ник. Гè говоритъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», что во время петербургскаго университета, «только лекціи и изысканія по этимъ лекціямъ интересовали Н. Н. Гè. Все остальное было чуждо закопавшемуся въ рукописи и книги. Чужда была ему и литература вообще, и западная и своя, объ искусствѣ нечего и говорить. Между тѣмъ въ академистѣ Николаѣ Николаевичѣ ясно обнаружилось, что онъ предъ тѣмъ уже замиралъ, или по крайней мѣрѣ сильно рисковалъ выйти въ концѣ-концовъ ученымъ педантомъ, съ богатой, пожалуй, эрудиціей по какой-нибудь отрасли науки, но совершенно глухимъ къ запросамъ общественной жизни въ кругѣ интересовъ высшаго порядка. Теперь, на Васильевскомъ острову, это ясно сказывалось при видѣ возроставшей перемѣны въ Н. Н.,—въ прогрессивномъ оживленіи его духа, въ возстановленіи въ немъ духовныхъ красотъ юности. Какъ говорится, не по днямъ, а по часамъ совершалось возрожденіе этого человѣка!..»

Все это ни на чемъ не основанныя выдумки и фантазіи. Положительные факты, теперь нами узнанные, говорятъ, напротивъ, что никогда

Н. Н. Ге́ не шелъ къ тому, чтобы быть «ученымъ», и тѣмъ менѣе способенъ былъ когда-нибудь сдѣлаться ученымъ педантомъ. Всѣ его чувства, всѣ его помыслы были устремлены къ художеству еще съ тѣхъ поръ, когда онъ былъ мальчикомъ: онъ учился въ гимназіи, но всего больше занимался рисованіемъ, и за цѣлый классъ, если только не за цѣлую гимназію, рисовалъ съ учителемъ рисунки для экзаменовъ. Потомъ, проходя курсъ въ кіевскомъ университетѣ, онъ прильнулъ всей душой къ единственному «живому» человѣку, хранителю музея, и проводилъ цѣлые часы, «несчетное число разъ допрашивая его о *Помпеѣ* Брюллова; уѣзжая изъ Кіева въ Петербургъ, въ центръ искусства, гдѣ онъ увидитъ эту «Помпею», онъ такъ радовался, что высказалъ свою радость чисто по-художественному: разрисовалъ всю квартиру углемъ, фигурами въ ростъ. Пріѣзжаетъ онъ въ Петербургъ, и первымъ дѣломъ, что̀ дѣлаетъ? Бѣжитъ смотрѣть все ту-же дорогую свою зазнобушку—«Помпею». Потомъ, ходитъ на университетскія лекціи и работаетъ усердно—таковъ его прилежный характеръ, но сердце его не тутъ лежитъ: какъ только можно, онъ тотчасъ бѣжитъ въ Эрмитажъ, смотрѣть картины. Въ университетѣ, мало-ли сколько у него было товарищей, мало-ли съ кѣмъ могъ онъ хоть цѣлый день бесѣдовать, разсуждать, толковать о чемъ угодно, нѣтъ, этого не случилось, онъ съ тѣми мало видался и мало знался. Но только повстрѣчался съ художникомъ Забѣллой, прежнимъ товарищемъ по гимназіи, и вотъ онъ тотчасъ горячо ухватывается за него, начинаетъ съ нимъ поминутно видаться, потомъ поселяется съ нимъ на житье вмѣстѣ, потомъ знакомится черезъ него съ другими юношами-художниками, вздыхаетъ и завидуетъ, видя ихъ лица и пальцы перепачканными карандашемъ, волнуется отъ ихъ классныхъ (вѣроятно еще преплохихъ) рисунковъ, и сгораетъ жаждой тоже съ ними ходить въ Академію, сидѣть и работать въ классахъ. Самъ одинъ дома, онъ рисуетъ въ уединеніи съ гипсовъ, какъ умѣетъ, и все это такъ жарко, такъ одушевленно, такъ упорно и настойчиво, что наконецъ сами товарищи, тѣ что съ перепачканными карандашемъ лицами и руками, силой проталкиваютъ его въ Академію, велятъ идти къ ректору, нести ему свои рисунки. Гдѣ-же во всемъ этомъ хоть тѣнь какая нибудь «замиранія?» И какъ можно сказать, что только университетскія лекціи интересовали Н. Н. Ге́, что ему чуждо было все остальное, что онъ былъ совершенно глухъ къ запросамъ общественной жизни, и что чужда ему была и литература вообще, и западная, и своя. Не онъ-ли еще въ гимназіи такъ живо интересовался, вмѣстѣ со всѣми товарищами, вопросомъ крѣпостнымъ, вопросомъ о несправедливомъ угнетеніи личностей? И гдѣ-же видно, изъ какого факта, что всѣ подобные вопросы вдругъ стали ему неинтересны? Нѣтъ, на то нигдѣ не встрѣтишь ни малѣйшаго намека, и вся остальная длинная его жизнь доказываетъ, что ни одинъ изъ горячихъ важныхъ вопросовъ молодости и юношества не переставалъ

занимать его до корней души, до самыхъ послѣднихъ дней и минутъ жизни. Литературу онъ игнорировалъ? Но всѣ самые первые его рисунки, композиціи не доказываютъ-ли, что онъ пробовалъ выразить въ нихъ именно свои впечатлѣнія отъ поразившихъ его, сильно владѣвшихъ имъ созданій поэтическихъ (сцены изъ «Хаджи-Абрека» Лермонтова, изъ «Нормы» Беллини?). Нѣтъ, какимъ Ге́ былъ въ кіевской гимназіи и университетѣ, такимъ онъ остался и въ петербургскомъ университетѣ: сильно впечатлительнымъ ко всему великому, поэтическому, справедливому, талантливому и художественному. Никакого новаго «оживленія» и «возрожденія» съ нимъ тутъ не случилось, и ростъ его пониманія и чувствъ только продолжался, безъ перерыва.

Второй итогъ, тоже очень существенный, тотъ, что, разсматривая натуру Н. Н. Гѐ, надо всегда различать его сердце и его голову. Сердце и голова у него не всегда сходились и иногда бывали у него въ довольно значительномъ разладѣ. По сердцу своему, это былъ человѣкъ необыкновенно любвеобильный, мягкій, кроткій; незлобивость его и симпатизированіе другимъ, чуть-ли не всѣмъ на свѣтѣ, съ кѣмъ ему только приходилось быть въ соприкосновеніи, простирались такъ далеко, что иногда трудно даже себѣ представить. Всѣ и все у него прекрасны, чудесны, великолѣпны, приводятъ его въ великое восхищеніе, наполняютъ его необычайнымъ умиленіемъ, и эти добрыя чувства такъ искренни, такъ непритворны, что глубоко залегаютъ въ его душу и остаются тамъ навѣки, до послѣднихъ дней его жизни. Но въ то-же самое время, умъ, разсудокъ работаютъ въ немъ тоже съ великою силою и мощью. Онъ не только не слѣпъ, не близорукъ, но обладаетъ острымъ зрѣніемъ и чутьемъ, очень хорошо видитъ и понимаетъ, что̀ около него происходитъ, да только никогда не хочетъ, по необычайному добродушію своему, свести вмѣстѣ однѣ цифры съ другими, и произвести «вычитаніе» меньшаго изъ бо̀льшаго. Вмѣсто того, онъ оставляетъ ихъ рядомъ, ненарушимо, и даже, въ концѣ-концовъ, называетъ *суммою* только то, что̀ заключаетъ болѣе добраго, свѣтлаго, пріязненнаго и нравящагося. Отъ этого итогъ выходитъ иногда очень симпатичный и добрый, но не вполнѣ вѣрный.

Одинъ изъ наиболѣе бросающихся въ глаза примѣровъ подобныхъ итоговъ—это есть то, что̀ Гѐ разсказываетъ про Академію и про ея профессоровъ. Онъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, глядѣлъ не только съ чувствомъ необычайнаго благоговѣнія на Академію вообще, но даже на самое зданіе ея. «Огромное зданіе. Красное. Надъ дверьми стоятъ величественно-громадныя статуи Геркулеса и Флоры. Сверху зданія куполъ. Надъ дверью маленькая мраморная доска: *Свободнымъ художествамъ лѣта 1746*. Дорогое зданіе! Сколько радости, правды, простоты, ума, геніальности, жило въ немъ! Сколько лѣтъ ты было убѣжищемъ всего дорогого человѣку, отъ царя до крѣпостного мужика. Ты всѣмъ откры-

вало свои добрыя привѣтливыя двери. Было въ тебѣ невѣжество, грубость, но лжи въ тебѣ не было, не было ей мѣста. Увидѣть тебя была радость. Быть твоимъ питомцемъ было счастіе. Дѣти твои разнесли по всей Руси святое чувство правды. Имена ихъ гремятъ и въ Европѣ. Но правда, искренность, любовь къ дѣлу, скромность хранятъ ихъ. И выгнанные, разогнанные, они не продадутъ ни за что то, что ты въ нихъ увидѣло, любило и признало». Все это очень восторженно, но и сердечно, очень идеально, но и симпатично, преувеличенно, но и понятно и естественно. Добрыя чувства и дорогія воспоминанія остаются, обыкновенно почти у каждаго, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ вмѣстѣ, близко и интимно, съ товарищами не только по воспитанію, да даже и по всякому общему хорошему и дорогому дѣлу. Особливо для юноши, урожденнаго художника, перенесеннаго изъ провинціальной глуши въ среду петербургскаго блеска и величія, въ сіяніе его музеевъ, въ среду высшаго художественнаго учрежденія цѣлой имперіи, съ прославленными именами, съ богатыми и многочисленными воспоминаніями, съ милыми, еще нетронутыми душой, чистыми юношами-товарищами, стремящимися только ко всему, что̀ хорошо, справедливо, талантливо и художественно! Что мудренаго, что юноша этотъ будетъ глубоко пораженъ, словно одурманенъ, навсегда сохранитъ много симпатичныхъ чертъ и картинъ въ памяти, даже многое вовсе не важное и не великое преувеличитъ впослѣдствіи, въ своемъ воображеніи, благодаря дальней перспективѣ! Что мудренаго, что этотъ юноша унесетъ съ собою иногда благодарное воспоминáніе не только о томъ, что было, но даже и о томъ, чего не было. Что мудренаго, что краски его описаній будутъ становиться у него иной разъ радужными! Но еслибы онъ захотѣлъ быть совсѣмъ справедливымъ, если-бы онъ захотѣлъ обратить вниманіе не на нѣкоторые только, а на *всѣ* проносившіеся передъ его глазами факты, Н. Н. Гè долженъ былъ-бы не идеализировать, не возвеличивать Академію и обливать ее солнечными лучами какого-то упоительнаго апоѳеоза, а сказать тѣ самыя слова, какія говорилъ раньше его, за 20 лѣтъ, нашъ великій живописецъ Александръ Ивановъ: «Я наскучилъ однообразными воспоминаніями и разборами о подломъ воспитаніи, которое получили всѣ мы въ Академіи. Академія художествъ есть вещь прошедшаго столѣтія; ее основали уставшіе изобрѣтать итальянцы. Они хотѣли этой мыслью воздвигнуть опять художество на степень высокую, но не создали ни одного генія по сю пору. Если живописецъ привелъ въ нѣкоторый восторгъ часть публики, расположенной понимать его, то вотъ уже онъ достигъ всего, что доступно художнику. Купеческіе разсчеты никогда не подвинутъ впередъ художества, а въ шитомъ, высоко стоящемъ воротникѣ тоже нельзя ничего сдѣлать, кромѣ стоять вытянувшись... Вы полагаете, что жалованье въ 6—8 тысячъ по смерть, получить красивый уголъ въ Академіи—

есть уже высокое блаженство для художника, а я думаю, что это есть совершенное его несчастіе. *Художникъ долженъ быть совершенно свободенъ, никогда ничему не подчиненъ, независимость его должна быть безгранична»*... Ивановъ понималъ все это еще въ 1833 году, Ге не понималъ и въ 1855 году. Онъ не находилъ, что воспитаніе въ его время было въ Академіи точь-въ-точь столько-же «подло», какъ и при Ивановѣ, однакоже это было такъ. Профессора либо вовсе не ходили въ классы, либо если ходили, то учили пустякамъ и вздору, какимъ-то «разнообразнымъ линіямъ головъ», произносили какія-то нелѣпыя словеса и рацеи. Приходилось учиться какъ хочешь и какъ знаешь; у самого-ли себя, у товарищей-ли, или у кого угодно! Н. Н. Ге не находитъ ничего ни дурного, ни удивительнаго, что ученики учились—у мужиковъ-натурщиковъ, которые кормили ихъ какими-то побасенками о брюлловскихъ временахъ, анекдотами объ «изреченіяхъ» (вовсе не премудрыхъ для нашего нынѣшняго уха), притаскиваніемъ какихъ-то этюдовъ, сдѣланныхъ во время оно самимъ маэстро и т. д. и т. д. Неужели безъ усмѣшки можно внимать извѣстіямъ о томъ, что эти самые мужики-натурщики такъ твердо и прочно узнали всю древнюю исторію и миѳологію, стоявши въ разныхъ позахъ «на натурѣ» у Брюллова и другихъ тогдашнихъ матадоровъ, что отъ нихъ просто можно было бы и профессорамъ учиться этимъ двумъ наукамъ? Какой смѣхъ! Услыхать нѣсколько случайныхъ поверхностныхъ анекдотовъ отъ необтесаннаго невѣжды-натурщика—это значило узнать исторію и миѳологію! Хороша наука, но хороши и учителя! Хорошъ великій художникъ, первый профессоръ Академіи, К. П. Брюлловъ, бьющійся пари съ учениками на бутылку пива, что надуютъ они или не надуютъ другихъ профессоровъ Академіи «композиціей» Брюллова, выданной за ученическую! И это не позоръ, и это не отдаваніе своихъ братьевъ-товарищей, профессоровъ, на посмѣяніе и уськанье мальчиковъ-учениковъ, уничтоженіе всякаго уваженія и довѣрія къ нимъ! Какъ всего этого вмѣстѣ не назвать чѣмъ-то невозможнымъ, безобразнымъ, какъ было не сказать про все это вмѣстѣ: «наше воспитаніе было тоже подлое!» Но Н. Н. Ге этого не говорилъ, къ такому итогу не приходилъ. А имѣлъ-бы онъ тѣмъ болѣе права думать какъ и Ивановъ, что въ тѣхъ самыхъ 50-хъ годахъ, когда онъ такъ сочувственно относился къ Академіи и ея дѣламъ, такъ лелѣялъ въ своемъ сердцѣ,—это самое академическое воспитаніе и направленіе жестоко ненавидѣли и презирали двое изъ числа значительнѣйшихъ нашихъ художниковъ: Перовъ въ Москвѣ и Крамской въ Петербургѣ. Непоправимый вредъ шитаго мундира для художника и тепленькой квартиры съ жалованьемъ—не приходили ему въ голову, точь въ точь какъ Брюллову со всѣми товарищами,—ни на единую четверть вершка меньше.

Еще одинъ изъ невѣрныхъ итоговъ Н. Н. Ге тотъ, что, по его

мнѣнію, съ 50-хъ годовъ началъ у насъ слагаться «новый типъ» художника, и сложился онъ на глазахъ у самого Н. Н. Гè, и случилось это оттого, что Брюлловъ былъ не только великій живописецъ, но также и великій учитель русскаго искусства, и внесъ онъ въ среду учениковъ своего времени новую жизнь, новый міръ понятій, новое разумѣніе достоинства и значенія художника. Однимъ словомъ, Н. Н. Гè думалъ, онъ былъ глубоко убѣжденъ, что съ Брюллова у насъ водворились новый міръ искусства и новый русскій художникъ. Эту вѣру онъ исповѣдывалъ всю свою жизнь, и пронесъ ее въ рѣчахъ и писаніяхъ своихъ до послѣдняго дня своего существованія. Но не такъ думали другіе наши художественные мыслители, Александръ Ивановъ—раньше Гè, Крамской—послѣ Гè, оба не ослѣпленные и не отуманенные съ малолѣтства какимъ-то безмѣрнымъ фетишизмомъ въ отношеніи къ Брюллову. Оба считали Брюллова, и по всей справедливости, крупнымъ и яркимъ талантомъ, художникомъ, богато одареннымъ отъ природы, но человѣкомъ, котораго испортила и обезобразила собственная его натура и внѣшнія обстоятельства, а потому они и не считали его вліянія ни счастливымъ, ни желательнымъ. И дѣйствительно, «новый русскій художникъ» сложился не въ 50-хъ годахъ, и не вслѣдствіе брюлловскаго пришествія въ Россію. Напротивъ, въ совершенную противоположность мнѣнію Н. Н. Гè, Крамской говоритъ на одной изъ главныхъ и лучшихъ страницъ своихъ статей: «Въ концѣ 40-хъ и въ началѣ 50-хъ годовъ начинается у насъ въ Академіи нѣкоторый упадокъ, выразившійся тѣмъ особенно, что интересъ, возбужденный искусствомъ, не поддерживался болѣе со стороны Академіи, а просыпающіяся новыя потребности завладѣвали общественнымъ вниманіемъ и Академія была забыта...» Значитъ, начиналось тогда что-то *помимо* Брюллова, и *вопреки* его академическимъ традиціямъ.

Но, что всего любопытнѣе, *мысль* Гè приходила къ этому-же самому заключенію, наперекоръ его собственному *чувству*. Только онъ этого и самъ хорошенько не сознавалъ. Это мы увидимъ въ слѣдующей главѣ, выраженное собственными его словами. Тамъ мы впервые встрѣтимъ Н. Н. Гè, за-границей, начинающимъ становиться въ самомъ дѣлѣ самостоятельнымъ, идущимъ въ гору, съ разростающеюся свободною собственною, небрюлловскою мыслью и пониманіемъ въ головѣ. Брюлловскій фанатизмъ былъ у него—миражъ.

В. Стасовъ.

ИСПОВѢДЬ.

Анни Безантъ.

(*Продолженіе*).

Весной 1862 г. епископъ изъ Огайо былъ проѣздомъ въ Парижѣ, и м-ръ Форбсъ, тогдашній англійскій пасторъ при церкви въ Rue d'Aguesseau, устроилъ мнѣ конфирмацію у него. Я уже упоминала раньше, что находилась въ то время подъ сильнымъ религіознымъ вліяніемъ; за исключеніемъ небольшого припадка легкомыслія во время путешествія по Германіи, я была истинно набожной дѣвушкой. Я считала театры (ни въ одномъ изъ которыхъ не была ни разу) западней, устроенной дьяволомъ для заманиванія неосторожныхъ душъ; на балы я твердо рѣшила никогда не ходить и готовилась «пострадать за вѣру», если меня будутъ заставлять поѣхать на вечеръ. Я такимъ образомъ совершенно готова была исполнить обѣтъ, произнесенный отъ моего имени при крещеніи, и отрѣшиться отъ свѣта, отъ плоти и отъ соблазна съ рѣшительностью и искренностью, равными только моему глубокому невѣдѣнію того, отъ чего я отказывалась съ такой готовностью. Конфирмація была для меня событіемъ, полнымъ глубокаго значенія; старательная подготовка, долгія молитвы, священный трепетъ при мысли объ «увеличенныхъ въ семь разъ дарахъ Духа», снисходящихъ при «возложеніи рукъ»—все это сильно возбуждало меня. Я съ трудомъ сдерживала себя опускаясь на колѣни у подножія алтаря; мягкое прикосновеніе руки престарѣлаго епископа къ моей наклоненной головѣ показалось мнѣ прикосновеніемъ крыла Святого Духа, небеснаго Голубя, присутствіе котораго призывалось такими горячими молитвами. Что можетъ быть легче, думается мнѣ при этихъ воспоминаніяхъ, чѣмъ сдѣлать молодую, чуткую душой дѣвушку—глубоко набожной?

Пребываніе въ Парижѣ пробудило въ моемъ религіозномъ чувствѣ одну черту, до тѣхъ поръ не проявлявшую себя. Я поняла наслажденіе, которое доставляютъ красота красокъ, благоуханіе и блескъ въ богослуженіи, облекая эстетическое удовольствіе покровомъ благочестія. Картинныя галлереи Лувра, увѣшанныя мадоннами и святыми, католическія церкви съ ихъ атмосферой, пропитанной ладаномъ и полной звуковъ чудной музыки,—все это внесло новую радость въ мою жизнь, болѣе живой колоритъ въ мои мечты. Незамѣтнымъ образомъ холодность и трезвость, съ которыми я не могла никогда сродниться въ протестантскомъ культѣ, смѣнились большей теплотой и блескомъ; идеальный небесный король моего дѣтства получилъ болѣе трагическія очертанія бога печали. болѣе глубокую привлекательность страдающаго Спасителя человѣчества. «Christian Year» Кебля смѣнилъ «Потерянный Рай», и при переходѣ изъ дѣтскаго возраста въ дѣвичій, всѣ болѣе глубокіе порывы моей души проявлялись на религіозной почвѣ. Мать моя не позволяла мнѣ читать романовъ и мои мечты о будущемъ почти совсѣмъ не были окрашены обычными надеждами и опасеніями дѣвушекъ, впервые открывающихъ глаза на свѣтъ, въ который онѣ собираются вступить. Я постоянно думала и мечтала о тѣхъ дняхъ, когда молодыя мученицы удостаивались видѣть въ блаженныхъ видѣніяхъ короля мучениковъ, когда кроткой, святой Агнесѣ явился ея небесный женихъ и ангелы спускались, чтобы нашептывать небесные звуки на ухо вдохновенной св. Сециліи. «Почему бы это не могло произойти и теперь»?—спрашивала постоянно моя душа и я вся уходила въ эти мечты, наиболѣе счастливая лишь наединѣ сама съ собой.

Лѣто 1862 года мы провели вмѣстѣ съ миссъ Марріатъ въ Сэйтмутѣ и она съ своимъ обычнымъ умомъ вела наши занятія такъ, чтобы подготовить насъ къ самостоятельной работѣ безъ помощи учительницы; она все менѣе и менѣе руководила нашимъ ученіемъ и помогала намъ только въ затруднительныхъ случаяхъ. Помню, что я разъ стала съ грустью упрекать ее за то, что она «такъ мало учитъ меня теперь»; на это она мнѣ отвѣтила, что я уже достаточно взрослая для самостоятельной работы, и что нечего мнѣ «держаться за передникъ тетеньки» всю жизнь. Я отлично сознаю теперь, что постепенное ослабленіе надзора и преподаванія было однимъ изъ самыхъ разумныхъ и хорошихъ поступковъ этой благородной женщины по отношенію къ намъ. Принято обыкновенно держать дѣвушекъ въ «классной», на попеченіи гувернантокъ, до самаго момента ихъ вступленія въ свѣтъ; затѣмъ, вдругъ, ихъ предоставляютъ самимъ себѣ, и, застигнутыя врасплохъ этой неожиданной свободой, онѣ тратятъ попусту время, которое могло бы имѣть неоцѣнимое значеніе для ихъ интеллектуальнаго развитія. Въ послѣднее время, открытіе университетовъ женщинъ устранило эту опасность для болѣе предпріимчивыхъ дѣ-

вушекъ; но въ то время, о которомъ я пишу никто еще не помышлялъ о перемѣнахъ, готовившихся въ скоромъ будущемъ въ дѣлѣ высшаго женскаго образованія.

Зиму 1862—63 г. миссъ Марріатъ провела въ Лондонѣ и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ я жила тамъ съ нею, посѣщая прекрасныя лекціи м-г Роша по французскому языку. Весной я вернулась домой въ Гэрроу и оттуда ѣздила каждую недѣлю на лекціи; когда же онѣ кончились, тетя сказала мнѣ, что теперь все уже сдѣлано, что она могла сдѣлать для моей пользы и что пора мнѣ самой попробовать свои силы.

Она съ такимъ успѣхомъ выполнила свою задачу въ дѣлѣ моего воспитанія, что окончаніе домашняго обученія сдѣлалось для меня лишь исходнымъ пунктомъ для еще болѣе усердной работы, при чемъ занятія мои направлены были теперь на привлекавшіе меня сильнѣе всего вопросы. Я продолжала, кромѣ того, занятія нѣмецкимъ языкомъ съ опытнымъ учителемъ, и посвящала довольно много времени музыкѣ подъ талантливымъ руководствомъ м-ра Джона Фармера, завѣдующаго музыкальнымъ преподаваніемъ въ Гэрроуской школѣ. Моя мать страстно любила музыку и ея любимыми композиторами были Бетховенъ и Бахъ; я играла въ то время почти всѣ сонаты Бетховена и фуги Баха. Мендельсоновскія «Lieder ohne Worte» были для меня развлеченіемъ отъ болѣе серьезной музыки и мы съ матерью проводили много счастливыхъ вечеровъ надъ стройными и торжественными мелодіями слѣпого титана и сладкой музыкой нѣмецкаго оратора безъ словъ. Музыкальные вечера были любимымъ развлеченіемъ въ то время у нашего кружка въ Гэрроу и моя бѣглая игра обезпечивала мнѣ радушный пріемъ на каждомъ изъ нихъ.

Освобожденная отъ классныхъ занятій въ шестнадцать съ половиной лѣтъ и будучи единственной дочерью въ домѣ, я могла распоряжаться своимъ временемъ какъ хотѣла, за исключеніемъ нѣсколькихъ часовъ въ день, посвящаемыхъ музыкѣ въ угоду матери. Съ этого времени и до того, какъ я сдѣлалась невѣстой въ 19 лѣтъ, жизнь моя текла плавно, при чемъ одно теченіе, видимое всѣмъ, блестѣло въ солнечномъ свѣтѣ, а другое таилось въ глубинѣ, глубокое и сильное. Что касается моей внѣшней жизни, то трудно себѣ представить дѣвушку въ болѣе свѣтлой и счастливой обстановкѣ; утромъ и днемъ я занималась, руководствуясь только своимъ желаніемъ въ выборѣ занятій, а остальную часть дня проводила въ физическихъ упражненіяхъ, прогулкахъ, катаніяхъ верхомъ, и иногда на вечерахъ, на которыхъ всегда отличалась своей веселостью. Я съ увлеченіемъ занималась стрѣльбой изъ лука и получила на одномъ турнирѣ призъ въ видѣ золотого кольца; крокетъ былъ тоже одной изъ любимыхъ моихъ игръ. Моя мать несомнѣнно баловала меня во всемъ, что касалось мелкихъ шероховатостей жизни. Она никогда не допускала, чтобы меня касалось какое-либо огорченіе, и старалась, чтобы всѣ заботы вы-

падали на ея долю, всѣ радости на мою. Я тогда и не подозрѣвала, а узнала только гораздо позже, что жизнь ея была полна постоянныхъ заботъ. Тяжесть содержанія моего брата сначала въ школьные, потомъ въ университетскіе годы давила ее безпрестанно, и она часто бывала въ серьезныхъ денежныхъ затрудненіяхъ. Адвокатъ, которому она вполнѣ довѣряла, систематически обкрадывалъ ее, удерживая для себя взносы, которые она дѣлала для уплаты по разнымъ обязательствамъ и такимъ образомъ постоянно выманивалъ у нея деньги. Но, несмотря на это, все, что нужно было для меня, своевременно доставлялось. Собиралась-ли я на вечеръ, мнѣ никогда не приходилось думать о томъ, что я надѣну до минуты, когда пора было одѣваться; тогда я находила въ своей комнатѣ все, что нужно было до самыхъ мелочей. Она сама всегда причесывала мои волосы, падавшіе, когда ихъ расплетали, густыми кудрями до колѣнъ; она не допускала, чтобы чья-либо рука помимо нея надѣвала мнѣ платье и прикрѣпляла цвѣты; когда-же иногда я просила ее позволить мнѣ помочь ей пришивать кружева или сдѣлать какую-нибудь другую мелочь, она цѣловала меня и отсылала играть или читать, говоря, что ея единственная радость въ жизни заботы о ея «сокровищѣ». Увы! какъ легкомысленно принимается самопожертвованіе, дѣлающее жизнь столь гладкой, прежде чѣмъ опытъ показываетъ, что значитъ жизнь безъ ограждающаго крыла матери. Мое дѣтство и юность были такъ ограждены отъ всякой тѣни заботы или печали, которую могла-бы предотвратить любовь, что только видъ нищаго возбуждалъ во мнѣ представленіе о тяжелыхъ сторонахъ жизни. Всю радость тѣхъ счастливыхъ лѣтъ я принимала не то чтобы съ неблагодарностью, а съ такимъ-же безсознательнымъ отношеніемъ къ счастью, какъ къ солнечному свѣту, озаряющему меня. Я страстно любила мою мать, но не знала, сколькимъ я ей обязана, до тѣхъ поръ пока не вышла изъ подъ ея нѣжнаго попеченія, оставивъ родной домъ. Благоразумно-ли подобное воспитаніе? Право не знаю. Оно придаетъ самымъ обыкновеннымъ жизненнымъ затрудненіямъ характеръ непреодолимыхъ преградъ, когда начинается самостоятельная жизнь, такъ что возникаетъ вопросъ, не лучше-ли знакомить съ суровой дѣйствительностью въ самые молодые годы. И все таки какъ хорошо имѣть за собой отрадную юность; по крайней мѣрѣ сохраняется въ памяти сокровище, котораго никто не можетъ отнять во время тяжелой борьбы позднѣйшей жизни. «Солнечнымъ лучомъ» звали меня въ эти свѣтлые дни веселыхъ игръ и серьезныхъ занятій. Занятія-же эти указывали на направленіе моихъ мыслей и были въ связи съ скрытой жизнью моей души. Главнымъ моимъ чтеніемъ сдѣлались теперь отцы церкви; я изучала посланія Поликарпа, Барнабу, Игнатія и Климентія, комментаріи Хризостома, исповѣдь св. Августина. На ряду съ этимъ я читала произведенія Пусэя, Лиддона Кебля и другихъ не столь великихъ свѣточей, и восхищалась величіемъ

католической церкви, существующей вѣками, построенной на вѣрѣ апостоловъ и мучениковъ, простирающейся отъ времени Христа до нашихъ дней—«Единый Спаситель, единая Вѣра, единое Крещеніе»—и я сама дочь той-же святой церкви. Скрытая жизнь все болѣе крѣпла во мнѣ, питаемая подобнымъ чтеніемъ; еженедѣльное причастіе сдѣлалось центромъ моей религіозной жизни съ ея мечтами, доходящими до экстаза, съ увеличивающимся сознаніемъ непосредственнаго единенія съ Богомъ. Я постилась, соблюдая предписанія церкви, и иногда бичевала себя, чтобы убѣдиться, вынесу-ли я физическую боль, если обрѣту великое блаженство слѣдованія по слѣдамъ святыхъ мучениковъ, и всегда Христосъ былъ центромъ, около котораго группировались всѣ мои надежды и стремленія; мнѣ казалось иногда, что страстность моего преклоненія должна заставить его снизойти съ своего небеснаго престола и явиться мнѣ въ томъ видѣ, въ которомъ я чувствовала его невидимое присутствіе въ душѣ. Служить Ему путемъ служенія Его церкви—таковъ былъ рисовавшійся мнѣ идеалъ жизни, и мысли мои начинали останавливаться на разныхъ формахъ «жизни для Бога», въ которой я могла-бы доказать свою любовь жертвами и обратить мое страстное обожаніе въ активную дѣятельность.

Оглядываясь теперь на свою прошлую жизнь, я вижу, что основнымъ ея мотивомъ среди всѣхъ ошибокъ, слѣпыхъ заблужденій и призрачныхъ увлеченій, была жажда принести себя въ жертву чему-нибудь болѣе высокому, чѣмъ собственное я; это чувство было такимъ сильнымъ и настойчивымъ, что я вижу въ немъ теперь стремленіе, принесенное изъ предыдущаго существованія и властвующее надъ настоящимъ. Доказательствомъ этого служитъ тотъ фактъ, что слѣдованіе влеченію не являлось результатомъ сознательнаго акта воли, принуждающей себя къ смиренію и къ горестному отреченію отъ чего нибудь дорогого сердцу, а радостнымъ слѣдованіемъ по легчайшему пути; приношеніе жертвы казалось привлекательнѣе всего другого и не принести ея было равносильно отрѣшенію отъ самыхъ глубокихъ стремленій души, чувству оскверненности, безчестія. И въ этомъ заключается заблужденіе многихъ великодушныхъ голосовъ, раздававшихся въ послѣднее время съ такой убѣдительностью въ мою защиту. Старанія служить другимъ не были для меня трудными подвигами самоотреченія, а, напротивъ, были слѣдованіемъ непреодолимымъ влеченіямъ. Мы не превозносимъ мать, которую сила любви заставляетъ кормить плачущаго ребенка и согрѣвать его у своей груди; скорѣе мы готовы были-бы осудить ее, если бы ее отвлекла отъ плача ребенка какая-нибудь пустая забава. И то-же самое можно сказать про всякаго, кто не закрываетъ ушей, чтобы не слышать плачущихъ людей; ихъ меньше можно превозносить за то, что они стараются помочь, чѣмъ порицать, если бы они отстраняли себя отъ чужихъ страданій. Я знаю теперь, что именно этотъ плачъ страдающихъ и возбуждалъ дѣятельность

моей души въ теченіе всей жизни и что я родилась съ готовностью узнать о людскихъ страданіяхъ отъ тѣхъ, которые до меня приносили жизнь на служеніе людямъ. Эти жизни прежнихъ служителей человѣчества вызывали передо мною въ дѣтствѣ картины мученичества, онѣ-же преисполнили благочестія подростающую дѣвушку, заставили взрослую женщину идти навстрѣчу насмѣшкамъ и ненависти, и привели ее, наконецъ, къ теософіи.

Пасха 1866 г. была знаменательной эпохой въ моей жизни. Я познакомилась съ пасторомъ, за котораго вышла потомъ замужъ, и побѣдила первое возникшее у меня религіозное сомнѣніе. За годъ до того, на Рождествѣ, открыта была маленькая миссіонерская церковь въ очень бѣдномъ кварталѣ Лондона; она находилась недалеко отъ дома моего дѣдушки въ Альбертъ-сквэрѣ, и я вмѣстѣ съ одной изъ моихъ тетокъ посвящали довольно много времени заботамъ о маленькой церкви. Къ Пасхѣ мы украсили ее весенними цвѣтами, росистыми подснѣжниками, душистыми фіалками и желтыми цвѣтками лѣсныхъ нарцисовъ, доставивъ этимъ громадное удовольствіе тѣснящемуся въ церкви бѣдному люду и лондонскимъ дѣтямъ, изъ которыхъ многія никогда не видѣли цвѣтка въ своей жизни. Тамъ я познакомилась съ пасторомъ Франкомъ Безантомъ, молодымъ человѣкомъ, который только что кончилъ университетъ въ Кембриджѣ, вступилъ въ духовное званіе и сдѣлался настоятелемъ маленькой миссіонерской церкви. Странно, что я въ одно и то-же время встрѣтила впервые человѣка, за котораго должна была выйти замужъ, и испытала первыя проявленія религіозныхъ сомнѣній, которымъ суждено было впослѣдствіи расторгнуть мой бракъ.

Сомнѣніе мелькнуло у меня какъ внезапно взвившаяся предъ моими глазами шипящая змѣя... Я поборола его въ одну минуту, потому что сомнѣніе было для меня грѣхомъ, и сомнѣніе въ самый канунъ Пасхи еще болѣе тяжкимъ преступленіемъ. Я поспѣшила убѣдить себя, что эти кажущіяся противорѣчія необходимы какъ испытанія силы вѣры и я заставляла себя повторять знаменитое Тертуліановское «Credo quia impossibile» до тѣхъ поръ, пока изъ машинальнаго повторенія оно не превратилось наконецъ въ торжествующую увѣренность. Я напомнила себѣ слова св. Петра, говорившаго, что въ посланіяхъ Павла есть много непонятнаго для невѣжественныхъ и непостоянныхъ, идущихъ къ своей собственной погибели. Я съ ужасомъ рѣшила, что мое невѣжество и непостоянство должно быть безгранично, и я наложила на себя лишній постъ въ наказаніе за свое невѣжество и отсутствіе твердости вѣры. Я вспоминала о томъ, какъ апостолъ Іоаннъ бѣжалъ изъ города при въѣздѣ въ него Керинта, боясь, чтобы кровли не обрушились на еретика и не задавили кого-нибудь, стоящаго вблизи него, и я глядѣла на еретиковъ съ священнымъ трепетомъ. Чтеніе Пусэя внушило мнѣ глубокую ненависть къ ересямъ и мнѣ хотѣлось успокоиться вмѣстѣ съ нимъ на вѣрѣ, ко-

торая должна быть старой, потому что она вѣчная, и должна быть неизмѣнной, потому что она истинна. Я даже не хотѣла читать сочиненій любимца моей матери, Стэнли, потому что онъ не былъ непоколебимымъ и потому что Пусэй осуждалъ его «неопредѣленность выраженій, уничтожающую всякую опредѣленность смысла». Можно себѣ представить въ виду всего этого, какой болью отозвалось во мнѣ мое первое сомнѣніе, и какъ я поспѣшила сразить, похоронить его и уравнять землю надъ его могилой. Но оно прошло надъ моей душой и оставило въ ней слѣдъ.

ГЛАВА IV.

Замужняя жизнь.

Послѣдній годъ моей дѣвической свободы приближался къ концу. Какъ объяснить мнѣ здравомыслящимъ читателямъ, какимъ образомъ я сдѣлалась невѣстой прежде чѣмъ мнѣ минуло девятнадцать лѣтъ, и почему я была замужней женщиной-ребенкомъ, когда мнѣ исполнилось двадцать лѣтъ? Оглядываясь назадъ на то, что происходило двадцать-пять лѣтъ тому назадъ, я чувствую глубокую жалость къ дѣвушкѣ, переживавшей тогда критическій моментъ жизни съ такимъ безпомощнымъ непониманіемъ брака, полной такихъ неисполнимыхъ грезъ и совершенно не подходящей къ роли жены. Я уже говорила, что въ мечтаніяхъ моей юности любви удѣлялось мало мѣста, отчасти вслѣдствіе того, что мнѣ не приводилось читать романовъ, отчасти потому что я преисполнена была мистическихъ порывовъ.

Всѣ дѣвушки носятъ въ себѣ зародышъ страсти и развитіе ея зависитъ отъ характера, приносимаго ими въ жизнь, и отъ вліяній окружающей обстановки. У меня въ дѣтствѣ и юности были два идеальныхъ образа, на которые обращены были нѣжные всходы страсти—моя мать и Христосъ. Я знаю, что это сопоставленіе покажется страннымъ, но я стараюсь возстановить факты моей жизни такими, какъ они были, а не придавая имъ условнаго освѣщенія. У меня были друзья среди мужчинъ, но не было ухаживателей,—по крайней мѣрѣ насколько я тогда знала; впослѣдствіи я слыхала, что у моей матери нѣсколько разъ просили моей руки, но она каждый разъ отклоняла предложенія въ виду моей крайней молодости; я имѣла друзей, съ которыми охотно бесѣдовала, потому что они знали гораздо больше чѣмъ я, но имъ не было удѣлено мѣста въ моихъ грезахъ. Всѣ мои мысли направлены были на идеалъ божественнаго совершенства во Христѣ, и я мечтала сдѣлаться сестрой въ какой-нибудь общинѣ, чтобы посвятить всю свою жизнь культу Христа и служенію Его бѣднымъ. Я знала, что мать будетъ противиться осуществленію этой мечты, но мысль объ избавленіи отъ суетности обыденной жизни какой-нибудь великой жертвой неудержимо влекла меня.

Однимъ изъ результатовъ подобнаго взгляда на религію является идеализація священника, посланника и избраннаго служителя Божія. Выше всякаго титула, дарованнаго земными монархами, кажется это отличіе, пожалованное какъ-бы самимъ «Королемъ надъ королями»: съ нимъ на простого смертнаго нисходитъ божественное величіе и вѣнчаетъ голову священнослужителя вѣнцомъ тѣхъ, кто входитъ въ число «королей и священниковъ Божіихъ». При подобномъ пониманіи священническаго сана, положеніе жены пастора, уступающее только идеалу монашеской жизни, казалось въ высшей степени привлекательнымъ, самая-же личность избираемаго пастора играла при этомъ второстепенную роль: «священный санъ», близость къ «святымъ вещамъ», благословеніе Божіе, которое, казалось, простирается и на жену—все это придаетъ пасторской жизни обаяніе въ глазахъ тѣхъ, которые склонны къ самопожертвованію и имѣютъ сильно развитое воображеніе. Обаяніе это особенно сильно дѣйствуетъ на живые умы, чистыя сердца и души, отзывчивыя на всякій благородный порывъ, на всякій призывъ къ личному самопожертвованію. Когда впослѣдствіи эти чуткія души достигаютъ тѣхъ высшихъ ощущеній, тѣни которыхъ манили ихъ, когда онѣ доходятъ до подвиговъ самопожертвованія, о которыхъ въ юности до нихъ доходили только слабые отзвуки, тогда покрывало ложнаго пророка падаетъ и обнажаетъ скудость его духовныхъ силъ; жизнь оказывается загубленной или же среди непогоды и бушующихъ волнъ она теряетъ мачты и паруса, но достигаетъ, наконецъ, спасительной гавани, обрѣтая болѣе высокую вѣру.

Лѣтомъ 1866 г. я сдѣлалась невѣстой молодого пастора, котораго встрѣчала весной въ миссіонерской церкви, при чемъ наше знакомство было очень поверхностнымъ. Мы провели недѣлю въ обществѣ другъ друга и были единственными молодыми членами небольшого общества, проводящаго вмѣстѣ лѣтніе праздники. Во всѣхъ прогулкахъ, катаніяхъ верхомъ и въ экипажахъ мы естественнымъ образомъ составляли неразлучную пару. За нѣсколько часовъ до своего отъѣзда онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе, считая мое согласіе несомнѣннымъ въ виду того, что я допускала его постоянное сообщество въ теченіе недѣли. Относительно другихъ дѣвушекъ такое предположеніе было бы совершенно справедливымъ, но оно было ошибочно въ примѣненіи ко мнѣ, занятой совершенно иными мыслями. Я была поражена его предложеніемъ и моя чуткая гордость была задѣта тѣмъ, что при строгости моихъ принциповъ могло казаться обвиненіемъ въ кокетствѣ; не рѣшаясь послѣдовать внушенію первой минуты и отвѣтить отказомъ, я уклонилась отъ всякаго отвѣта. М-ру Безанту нужно было спѣшить на поѣздъ и онъ успѣлъ только взять съ меня слово держать все происшедшее въ тайнѣ до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не переговоритъ съ моей матерью. Онъ авторитетно заявилъ, что было-бы неблагородно съ моей

стороны выдать его тайну, и уѣхалъ, оставивъ меня въ полномъ отчаяніи. Послѣдовавшія затѣмъ двѣ недѣли принесли мнѣ первыя нравственныя страданія въ жизни—у меня была тайна отъ матери и, несмотря на все мое страстное желаніе разсказать ей все, я не рѣшалась сдѣлать этого изъ опасенія совершить нечестный поступокъ. Встрѣтившись съ пасторомъ Безантомъ по возвращеніи въ Лондонъ, я рѣшительно отказалась отъ дальнѣйшаго соблюденія тайны, и затѣмъ изъ какой-то непонятной слабости и опасенія причинить страданія, я очутилась невѣстой человѣка, къ которому не чувствовала и не выказывала никакой любви. Нѣсколько мѣсяцевъ прошло прежде чѣмъ мать моя согласилась на официальное обрученіе: она говорила, что я слишкомъ еще ребенокъ, чтобы связывать себя словомъ. Мое внутреннее сопротивленіе при мысли о замужествѣ блѣднѣло передъ возникающей перспективой стать женой священника и трудиться на пользу церкви и неимущихъ. У меня не было случая утолить возростающую жажду полезнаго труда пока я жила въ мирной и счастливой домашней обстановкѣ; религіозный энтузіазмъ изгонялся моей матерью какъ все рѣзкое и неуравновѣшенное. Все что было истинно глубокаго и правдиваго въ моемъ характерѣ возмущалось противъ безпечности и безполезности моего образа жизни: я жаждала труда. стремилась всей душой посвятить себя, какъ это дѣлали святыя, служенію церкви и неимущимъ, борьбѣ противъ грѣха и нищеты. Какими ничего не говорящими словами были для меня тогда грѣхъ и нищета! «Положеніе жены пастора даетъ больше возможности приносить пользу, чѣмъ всякое другое»—этимъ доводомъ меня можно было убѣдить легче всего.

Осенью состоялось официальное обрученіе и четырнадцать мѣсяцевъ спустя я вышла замужъ. Во время промежутка между обрученіемъ и свадьбой я разъ попыталась порвать съ женихомъ, но когда я заикнулась объ этомъ матери. вся ея гордость возмутилась противъ моихъ словъ. Неужели я, ея дочь, смогу не сдержать слова и запятнать себя обманомъ по отношенію къ человѣку, которому дала слово стать его женой? Моя кроткая мать умѣла быть настойчивой, когда дѣло шло о вопросѣ чести, и я уступила ея желанію, привыкши видѣть законъ въ каждомъ взглядѣ или словѣ ея, если только это не касалось религіи. Такимъ образомъ я вышла замужъ зимой 1867 г., не имѣя болѣе яснаго представленія о бракѣ, чѣмъ четырехлѣтній ребенокъ. Моя жизнь протекала до тѣхъ поръ въ мірѣ фантазій, въ которыя не проникало никакое представленіе о злѣ; я была ограждена отъ всякихъ страданій и заботъ, была въ полномъ невѣдѣніи относительно брачной жизни. не была подготовлена къ ней и очутилась вполнѣ беззащитной. когда у меня внезапно открылись глаза на дѣйствительность. Вспоминая объ ощущеніяхъ того времени, я настойчиво утверждаю, что не можетъ быть болѣе роковаго заблужденія, чѣмъ воспитаніе дѣвушекъ въ невѣдѣніи обязанностей и трудностей предстоящей

имъ въ замужествѣ жизни; тѣмъ труднѣе приходится имъ, когда жизненный опытъ застигаетъ ихъ вдали отъ привычной обстановки, отъ старыхъ друзей, отъ прежняго убѣжища на груди матери. Эта «безграничная невинность», быть можетъ, красива и привлекательна, но обладаніе ею крайне опасно, и Ева должна познать добро и зло прежде чѣмъ она покидаетъ эдемъ материнской любви. Много несчастныхъ браковъ происходитъ отъ впечатлѣній первой поры совмѣстной жизни, отъ сотрясенія, испытываемаго чуткой душой чистой, невинной дѣвушки, отъ ея безпомощнаго возмущенія и охватывающаго ее ужаса. Мужчины, воспитанные въ гимназіяхъ и университетахъ, и познавшіе жизнь въ сношеніяхъ съ окружающимъ міромъ, едва-ли въ состояніи допустить возможность истинно дѣтскаго невѣдѣнія во многихъ дѣвушкахъ. Тѣмъ не менѣе такое невѣдѣніе существуетъ, у нѣкоторыхъ дѣвушекъ по крайней мѣрѣ, а матери должны бы были уберегать своихъ дочерей отъ слѣпого подчиненія супружескому игу.

Прежде чѣмъ покончить съ спокойной порой дѣвичества и начать повѣствованіе о бурномъ жизненномъ пути, я должна упомянуть объ одномъ происшествіи, отмѣчающемъ пробужденіе во мнѣ интереса къ внѣшнему міру политической борьбы. Осенью 1867 г. мать моя вмѣстѣ со мной гостила у нашихъ близкихъ друзей Робертсовъ въ Пендльтонѣ, близъ Манчестера. Робертсъ былъ «адвокатомъ бѣднаго люда», какъ его съ любовью называла не одна сотня людей. Онъ былъ близкимъ другомъ Эрнеста Джонса и всегда былъ готовъ отстоять бѣднаго человѣка совершенно безвозмездно. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ агитаціи противъ работы женщинъ въ рудникахъ. Часто разсказывалъ онъ мнѣ, какъ онъ самъ видѣлъ женщинъ, работающихъ не по силамъ, обнаженныхъ до пояса и въ юбкахъ, едва доходящихъ до колѣнъ; грубыя, говорящія площаднымъ языкомъ, онѣ утратили всякое представленіе о женской скромности и граціи. Видѣлъ онъ также работающихъ тамъ же маленькихъ дѣтей, трехъ и четырехъ лѣтъ, поставленныхъ караулить двери; они иногда засыпали отъ изнеможенія и тогда ихъ будили руганью и пинками, заставляя вновь приниматься за непосильный трудъ. Глаза стараго адвоката блистали и голосъ его громче звучалъ, когда онъ говорилъ объ этихъ ужасахъ, но затѣмъ лицо его просвѣтлялось, когда онъ прибавлялъ, что послѣ того, какъ все было кончено и рабству положенъ былъ предѣлъ, ему приходилось бывать въ каменноугольныхъ мѣстностяхъ, и женщины, стоя у дверей, брали на руки дѣтей, показывая имъ адвоката Робертса и посылая ему вслѣдъ привѣтствія и благословенія за то, что онъ сдѣлалъ. Этотъ милый старикъ былъ моимъ первымъ наставникомъ въ общественныхъ вопросахъ и я была понятливой ученицей. Я не интересовалась политикой, но безсознательно проникалась взглядами окружавшихъ меня людей. Я смотрѣла на рабочій классъ,

какъ на людей, которыхъ нужно обучать, о которыхъ нужно заботиться и всегда обращалась съ ними съ большой вѣжливостью, зная, что мнѣ, какъ лэди, слѣдуетъ относиться съ одинаковой учтивостью ко всякому человѣку, будь онъ богатъ или бѣденъ. Но для м-ра Робертса «бѣдные» были рабочими пчелами, производителями богатства, имѣвшими право на самоуправленіе, а не на то, чтобы о нихъ заботились, на справедливое къ нимъ отношеніе, а не на благотворительность, и онъ проповѣдывалъ мнѣ эти идеи при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Я была его любимицей и часто отвозила его по утрамъ въ контору, очень гордясь тѣмъ, что мнѣ довѣряли править лошадью по многолюднымъ улицамъ Манчестера. «Какого вы мнѣнія о Джонѣ Брайтѣ?» вдругъ спросилъ онъ меня однажды, пристально глядя на меня изъ подъ нависшихъ бровей. «Я никогда не задумывалась о немъ», былъ мой небрежный отвѣтъ. «Это, кажется, невоспитанный господинъ, постоянно затѣвающій скандалы?» «Ну да, я такъ и зналъ», накинулся онъ на меня. «Я всегда это говорилъ. Всѣ вы, благовоспитанныя дѣвицы, не пошли бы въ рай, если бы тамъ пришлось соприкоснуться съ Джономъ Брайтомъ, самымъ благороднымъ борцомъ за народное дѣло».

Таковъ былъ этотъ вспыльчивый и милый «демагогъ», какъ его называли, въ домѣ котораго мы гостили, когда полковникъ Келли и капитанъ Дизи, два феніанскихъ вождя, были арестованы въ Манчестерѣ и преданы суду. Все ирландское населеніе пришло въ волненіе; 18-го сентября полицейскій возокъ, въ которомъ ихъ везли въ сальфордскую тюрьму, долженъ былъ остановиться подъ желѣзнодорожнымъ мостомъ въ Бельвю, потому что внезапно упала одна изъ лошадей, подстрѣленная кѣмъ-то по дорогѣ. Чрезъ минуту возокъ былъ окруженъ и пущены въ ходъ отмычки, чтобы открыть дверцу возка. Она сопротивлялась; цѣлый отрядъ полицейскихъ приближался на помощь осажденнымъ и необходимо было открыть дверцу, чтобы дать узникамъ время скрыться. Нападающіе крикнули конвойному Бретту, сидящему внутри, чтобы онъ передалъ ключи. Онъ не соглашался и кто-то крикнулъ: «прострѣлить замокъ!» Чрезъ минуту дуло револьвера было приставлено къ замку и онъ отлетѣлъ; но Бреттъ, который нагнулся, чтобы посмотрѣть черезъ скважину замка, получилъ пулю въ голову и упалъ замертво въ тотъ моментъ, когда дверь открылась. Въ одну минуту Элленъ, семнадцатилѣтній юноша, выломалъ дверцы отдѣленій, занятыхъ Келли и Дизи и вытащилъ ихъ оттуда; въ то время, какъ двое или трое помогали имъ добраться до вѣрнаго убѣжища, остальные бросились промежъ бѣглецовъ и полиціи, и съ револьверами въ рукахъ отстояли безопасность ихъ побѣга. Когда феніанскіе вожди благополучно скрылись, остальные стали расходиться и молодой Вилліамъ Элленъ, который думалъ только о своихъ вождяхъ, выстрѣлилъ изъ своего револьвера на воздухъ, не желая проливать крови для своей

собственной защиты. Обезоруженный по своей собственной винѣ, онъ попался въ руки полиціи, которая повалила его, избила и отвела его ослабѣвшаго и покрытаго кровью въ тюрьму, гдѣ онъ встрѣтилъ нѣсколькихъ товарищей совершенно въ такомъ-же положеніи, какъ онъ самъ. Тогда Манчестеръ совершенно сошелъ съ ума, и расовая ненависть вспыхнула яркимъ пламенемъ; ирландскому рабочему опасно было очутиться въ толпѣ англичанъ, англичанину рискованно было попасть въ ирландскій кварталъ. Друзья заключенныхъ осаждали домъ «адвоката Робертса», прося его заступиться за нихъ, и онъ отдался со всей своей страстностью защитѣ ихъ дѣла. Человѣкъ, который по чистой случайности убилъ конвойнаго, успѣлъ благополучно скрыться и никто изъ другихъ не причинилъ серьезныхъ увѣчій людямъ. Назначена была спеціальная коммиссія подъ предсѣдательствомъ судьи Блэкборна—«вѣшателя», какъ съ возмущеніемъ называлъ его м-ръ Робертсъ, и вскорѣ она прибыла въ Манчестеръ, несмотря на всѣ старанія м-ра Робертса измѣнить мѣсто разбирательства; онъ зналъ, что въ Манчестерѣ трудно было разсчитывать на справедливый разборъ дѣла. 25 октября заключенные предстали предъ своими судьями, закованные въ кандалы, и м-ръ Эрнестъ Джонсъ, ихъ защитникъ, напрасно протестовавшій противъ этого новаго оскорбленія, отказался отъ защиты и вышелъ изъ залы засѣданія. Слѣдствіе шло съ такой быстротой, что 29 октября Элленъ, Ларкинъ, Гульдъ (О'Брайнъ), Магиръ и Кондонъ сидѣли на скамьѣ подсудимыхъ, обвиненные въ убійствѣ.

Первый разъ мнѣ привелось увидѣть разъяренную толпу въ тотъ день, когда мы поѣхали въ судъ; на улицахъ были баррикады, солдаты стояли съ оружіемъ въ рукахъ, входъ въ зданіе суда охранялся военными отрядами. Внезапно нашу коляску, ѣдущую шагомъ, остановила ирландская часть толпы, и по окнамъ раздались удары могучихъ кулаковъ и ругательства по адресу «проклятыхъ англичанъ, отправляющихся смотрѣть, какъ будутъ убивать молодцовъ». Положеніе становилось критическимъ, потому что въ каретѣ насъ сидѣло три пожилыя женщины и двѣ молодыя дѣвушки; тогда меня осѣнила мысль, что толпа просто не знаетъ, кто мы, и дотронувшись до одной изъ угрожающихъ намъ рукъ, я сказала тихимъ голосомъ: «Друзья, это жена и дочери м-ра Робертса». «Робертса! адвоката Робертса! Да благословитъ его Господь! Пропустите его карету!» И всѣ угрожающія лица освѣтились привѣтливой улыбкой, проклятія смѣнились благословеніями и дорога къ суду была мгновенно очищена для нашей коляски.

Увы! если за оградой зданія суда толпа была возбуждена сочувствіемъ къ заключеннымъ, то въ залѣ засѣданія общее настроеніе было противъ нихъ и при самомъ открытіи разбирательства обнаружилось враждебное отношеніе прокурора и членовъ суда. Защитниками назначены были Дигби Сэймуръ и Эрнестъ Джонсъ и м-ру Робертсу казалось, что они

недостаточно пользуются своимъ правомъ отвода присяжныхъ засѣдателей; онъ зналъ, какъ и мы всѣ, что многіе изъ назначенныхъ присяжными громогласно заявили о своей ненависти къ ирландцамъ, и м-ръ Робертсъ настаивалъ на ихъ отводѣ въ противоположность къ пассивному отношенію защитника. Тщетно судья Блэкборнъ грозилъ арестовать мятежнаго адвоката. «Дѣло идетъ о жизни этихъ людей, милордъ», съ возмущеніемъ отвѣтилъ онъ. «Выведите этого человѣка!» приказалъ взбѣшенный судья, но когда судебные пристава приблизились медленнымъ шагомъ—они раздѣляли общую всему бѣдному люду любовь и уваженіе къ этому неустрашимому борцу,—судья вдругъ отмѣнилъ свое распоряженіе и позволилъ ему остаться въ залѣ.

Несмотря на всѣ старанія м-ра Робертса, въ составѣ присяжныхъ оказался одинъ человѣкъ, объявившій, «что ему безразлично, что бы ни доказало слѣдствіе и что онъ радъ бы былъ повѣсить всѣхъ этихъ ирландскихъ негодяевъ». Послѣдствія показали, что не онъ одинъ придерживался этого взгляда, потому что допущены были самыя гнусныя свидѣтельскія показанія; женщины самаго низкаго разряда призваны были въ свидѣтельницы и ихъ показанія принимались безапелляціонно; этимъ путемъ разбито было доказательство alibi Магира, признанное впослѣдствіи высшей инстанціей и вернувшее свободу обвиненному. Ничего не могло спасти осужденныхъ заранѣе людей отъ ожидавшаго ихъ приговора; съ того мѣста, гдѣ я сидѣла, я ясно видѣла, какъ въ маленькой комнаткѣ, за залой засѣданія, судебный служитель хладнокровно приготовлялъ еще задолго до произнесенія приговора черныя шапочки для подсудимыхъ. Приготовленный заранѣе отвѣтъ «виновенъ» былъ повторенъ относительно каждаго изъ пяти подсудимыхъ, и подсудимые были спрошены, согласно обычаю, не могутъ ли они что нибудь сказать въ защиту отъ смертнаго приговора. Юноша Элленъ произнесъ очень отважную и мужественную рѣчь, сказалъ, что онъ выстрѣлилъ только на воздухъ и что если бы онъ выстрѣлилъ какъ слѣдуетъ, то, быть можетъ, смогъ бы спастись; затѣмъ онъ прибавилъ, что помогалъ спасти Келли и Дизи, не сожалѣетъ объ этомъ и готовъ умереть за Ирландію. Магиръ и Кондонъ заявили, что не были на мѣстѣ происшествія, но что они готовы, какъ и Элленъ, умереть за отечество. Смертный приговоръ былъ произнесенъ и какъ эхо на саркастическое «Да смилуется Господь надъ вашими душами»! пять отчетливыхъ голосовъ, ни на минуту не вздрогнувшихъ отъ страха, произнесли хоромъ «Боже, спаси Ирландію»! и осужденные исчезли одинъ за другимъ изъ виду прежде, чѣмъ я успѣла отвести полные слезъ глаза отъ ихъ скамьи.

Послѣ этого наступило грустное время. Тяжело было видѣть отчаяніе несчастной невѣсты Эллена, которая на колѣняхъ умоляла насъ «спасти ея Вилліама». Ничего невозможно было сдѣлать для отмѣны приговора

и 23 ноября Элленъ, Ларкинъ и О'Брайнъ были казнены чрезъ повѣшеніе на дворѣ Сальфордской тюрьмы. Если бы они были борцами за свободу Италіи, Англія осыпала бы ихъ почестями; на своей же родинѣ она похоронила ихъ какъ простыхъ убійцъ въ глинистой землѣ тюремнаго двора.

Я узнала гораздо позже съ большимъ удовольствіемъ, что м-ръ Брэдло и я были въ 1867 г. до нѣкоторой степени сообщниками, хотя и не знали о существованіи другъ друга, при чемъ, конечно, онъ сдѣлалъ тогда очень многое, а я могла только выказать участіе къ осужденнымъ, какъ дѣвушка, впервые познавшая гражданскія обязанности. Въ «National Reformer», 24 ноября, я прочла рѣчь, произнесенную м-ромъ Брэдло въ защиту обвиняемыхъ въ Клеркенвилль Гринѣ. Еще раньше, въ октябрѣ, онъ напечаталъ горячую статью, отстаивая независимость Ирландіи.

Въ декабрѣ 1867 г. я оставила тихую пристань счастливой и безмятежной дѣвичьей поры и очутилась среди бурнаго моря жизни, волны котораго нахлынули на меня тотчасъ же. Я и мой мужъ оказались съ самаго начала неподходящими другъ къ другу. У него были очень строгія понятія объ авторитетѣ мужа и покорности жены; онъ придерживался теоріи о томъ, что мужъ глава дома, и обращалъ большое вниманіе на подробности въ домашнемъ быту, былъ точенъ, методиченъ, часто выходилъ изъ себя и съ трудомъ успокаивался. Я же, привыкшая къ свободѣ, была равнодушна къ подробностяхъ въ хозяйствѣ, порывиста, вспыльчива и горда какъ дьяволъ. Мнѣ никогда не приходилось слышать рѣзкаго слова къ себѣ, никто мнѣ не приказывалъ, мнѣ всегда старались облегчить путь ко всему, и ни одна забота не касалась меня до тѣхъ поръ. Рѣзкость вызвала во мнѣ сначала изумленіе, потомъ слезы негодованія, а спустя нѣсколько времени гордое, вызывающее сопротивленіе, холодное и твердое какъ желѣзо. Легкомысленная, веселая, восторженная дѣвушка превратилась и очень живо превратилась—въ серьезную, гордую, сдержанную женщину, хоронившую глубоко въ своемъ сердцѣ всѣ надежды, опасенія и разочарованія. Я по всей вѣроятности была плохой женой съ самаго начала, хотя мнѣ кажется, что при другомъ обращеніи, я понемногу превратилась бы въ удовлетворительную поддѣлку подъ общераспространенный типъ женъ. Но печальнымъ началомъ моей новой жизни было полное невѣдѣніе, съ которымъ я вступила въ нее, и которое было причиной моихъ первыхъ впечатлѣній ужаса и обиды. Кромѣ того, я понятія не имѣла о хозяйствѣ и объ экономномъ обращеніи съ деньгами—я прежде никогда не получала карманныхъ денегъ и ни разу не купила себѣ хотя бы пары перчатокъ. При всемъ своемъ желаніи исполнять хозяйственныя обязанности, я не умѣла возиться съ мелочами, старалась поскорѣй сдѣлать, что было необходимо, и вернуться къ своимъ излюбленнымъ книгамъ. Въ душѣ я постоянно тосковала о матери, хотя и не высказывала

этого, убѣдившись, что это возбуждаетъ ревность и злобу въ моемъ мужѣ. Къ окружающимъ меня чужимъ людямъ я не чувствовала никакой симпатіи. Меня навѣщали дамы, которыя умѣли разговаривать только о дѣтяхъ и о прислугѣ — а эти вопросы были для меня крайне томительны, онѣ же были точно такъ-же чужды всего, что наполняло мою жизнь. вопросовъ религіи, политики и науки, какъ я была далека отъ ихъ разговоровъ о женихѣ горничной, о расточительности кухарки, употребляющей масло, когда можно было отлично обойтись жиромъ. Мудрено-ли, что, живя въ подобной атмосферѣ, я сдѣлалась молчаливой, грустной и угнетенной?

Моя живая, увлекающаяся натура, полная энтузіазма, столь привлекательнаго въ дѣвушкѣ для молодыхъ людей, не соотвѣтствовала идеалу спокойной, удобной жены, и должна была быть очень въ тягость пастору Франку Безанту. И въ самомъ дѣлѣ, мнѣ не слѣдовало выходить замужъ. потому что въ мягкой, любящей и податливой дѣвушкѣ скрывалась, незамѣтно для себя и для окружающихъ, женщина съ строгой, настойчивой волей, съ душевной силой, жаждавшей простора и возможности проявить себя, возстающей противъ ограниченій, съ страстными порывами, еле сдерживающимися подъ давленіемъ. Какой неподходящій характеръ для подруги жизни, предназначенной для того, чтобы дополнять мирную картину домашняго очага. Que le diable faisait elle dans cette galère? часто спрашивала я себя впослѣдствіи, оглядываясь на свою прошлую жизнь. Зачѣмъ неразумная дѣвушка такъ глупо распорядилась своей жизнью? Но, вникая въ жизнь своей души, я поняла тѣ противорѣчія моей натуры, которыя толкнули меня на ложный путь. Во мнѣ всегда было странное сочетаніе слабости и силы, и я тяжело поплатилась за свою слабость. Въ дѣтствѣ на меня находили мучительные припадки застѣнчивости; если у меня развязывался шнурокъ отъ ботинки, я сгорала отъ стыда и была увѣрена, что всѣ взоры обращены на злополучный шнурокъ. Молоденькой дѣвушкой я избѣгала общества чужихъ, считала себя ненужной никому, никѣмъ не любимой, и чувствовала живую благодарность ко всякому, кто выказывалъ мнѣ расположеніе. Сдѣлавшись самостоятельной хозяйкой, я боялась своей прислуги, и предпочитала удовлетвориться дурноисполненной работой, чѣмъ дѣлать выговоръ за нее. Даже въ то время, когда я уже говорила на собраніяхъ и вела диспуты съ большимъ жаромъ, я часто терпѣла неудобства въ отеляхъ, лишь бы только не призывать лакея и не отдавать приказаній. Готовая къ борьбѣ съ трибуны, въ защиту дорогого мнѣ дѣла, я боюсь ссоръ и разногласій въ домашнемъ быту и, будучи хорошимъ борцомъ на митингахъ, я очень нерѣшительна въ частной жизни. Какъ часто я проводила тягостныя минуты, собираясь съ духомъ, чтобы сдѣлать выговоръ кому-нибудь изъ подчиненныхъ мнѣ, когда этого требовалъ долгъ, и какъ часто, съ другой стороны, я упрекала себя за малодушіе и отсутствіе ораторской силы, если не рѣша-

лась высказать строгое порицаніе какому-нибудь юношѣ или молодой дѣвушкѣ за небрежное отношеніе къ работѣ. Въ жизни достаточно было непривѣтливаго взгляда или слова, чтобы я уходила въ себя, какъ улитка въ раковину, между тѣмъ какъ въ публичныхъ диспутахъ возраженія возбуждали во мнѣ краснорѣчіе. Вслѣдствіе этого, я и вступила въ бракъ слѣпымъ и глупымъ образомъ и переносила душевныя страданія около года; послѣ того, пробужденная рѣзкимъ и несправедливымъ отношеніемъ, онѣмѣвшая и застывшая отъ неожиданности первыхъ впечатлѣній жизни, я окружила себя ледяной стѣной, за которой переживала нравственную муку, чуть не убившую меня; только съ теченіемъ времени я научилась жить и работать въ панцырѣ, отъ котораго отскакиваютъ удары, оставляя неуязвленнымъ защищенное тѣло, и этотъ панцырь я снимала только передъ немногими.

Мои первыя литературныя попытки относятся къ 1868 г.; я принялась писать въ двухъ очень различныхъ направленіяхъ: стала сочинять маленькіе незатѣйливые разсказы и предприняла въ то-же самое время болѣе серьезный трудъ—«жизнеописанія святыхъ, значащихся подъ черными буквами». Считаю нужнымъ пояснить тѣмъ, кто не свѣдущъ въ церковной организаціи, что англиканская церковь посвящаетъ извѣстное число дней памяти разныхъ святыхъ; нѣкоторые изъ нихъ обозначены красными буквами, и церковь празднуетъ ихъ установленнымъ богослуженіемъ; другіе же значатся подъ черными буквами, и для нихъ не полагается особой службы. Мнѣ показалось интереснымъ взять каждый изъ этихъ дней въ отдѣльности и написать біографію относящагося къ нему святого; я взялась очень ревностно за эту работу и добросовѣстно стала собирать матеріалъ изъ разныхъ историческихъ и легендарныхъ источниковъ. Совершенно не знаю судьбы этой книги; я обратилась сначала для изданія ея къ Макмиллану, отославшему меня къ какому-то издателю религіозныхъ книгъ для дѣтей; много времени спустя ко мнѣ обратилось какое-то церковное братство, предлагая издать книгу, если я пожертвую ее въ ихъ пользу; дальнѣйшая участь этого перваго труда мнѣ неизвѣстна.

Короткіе разсказы имѣли болѣе счастливую судьбу. Я послала первый въ «Family Herald» и нѣсколько недѣль спустя получила отвѣтное письмо; когда я распечатала конвертъ, изъ него выпалъ чекъ. Съ тѣхъ поръ я заработала своимъ перомъ не мало денегъ, но никогда не чувствовала такого истиннаго наслажденія, какъ при полученіи этихъ первыхъ тридцати шиллинговъ. Это были первыя заработанныя мною деньги и я такъ-же гордилась самостоятельнымъ заработкомъ, какъ своимъ авторствомъ. Съ свойственной мнѣ тогда наивностью и утилитарнымъ пониманіемъ религіи, я стала на колѣни и принялась благодарить Бога за оказанную мнѣ милость. Я уже видѣла себя въ мечтахъ зарабатываю-

щей груды золотыхъ гиней и сдѣлавшейся опорой семьи. Эти деньги были «мои собственныя», и мысль объ этомъ наполняла меня пріятнымъ сознаніемъ независимости. Я тогда еще не представляла себѣ всей прелести англійскихъ законовъ, и того достойнаго положенія, въ которое они ставятъ замужнюю женщину. Я не предполагала, что весь заработокъ замужней женщины принадлежитъ по закону ея владѣльцу и что она не можетъ владѣть никакой обособленной собственностью *). Самыя деньги мнѣ не были нужны тогда; я только рада была имѣть для раздачи деньги, принадлежащія мнѣ лично, и мнѣ обидно было узнать, что деньги, въ сущности, не мои.

Послѣ того я отъ времени до времени зарабатывала по нѣскольку фунтовъ стерл. въ томъ-же журналѣ. Ободренная этимъ скромнымъ успѣхомъ, я принялась за писаніе романа. Онъ занялъ у меня много времени, но былъ наконецъ законченъ и отосланъ въ «Family Herald». Увы, рукопись возвращена была обратно при вѣжливомъ письмѣ, объяснявшемъ мнѣ, что повѣсть носитъ слишкомъ сильную политическую окраску для журнала, но что если-бы я написала повѣсть «чисто-семейнаго характера» и съ такими-же литературными достоинствами, она-бы вѣроятно была принята. Но въ то время я уже была всецѣло поглощена своими религіозными сомнѣніями и повѣсть «чисто-семейнаго характера» такъ и не была написана. Вторымъ моимъ вкладомъ въ отечественную литературу была богословская брошюра, точное заглавіе которой я забыла; помню только, что въ ней шла рѣчь объ обязательномъ для всѣхъ вѣрующихъ христіанъ соблюденіи постовъ и что она написана была въ строго ортодоксальномъ тонѣ.

Въ январѣ 1869 г. родился мой маленькій сынъ; я болѣла нѣсколько мѣсяцевъ до того и потомъ была слишкомъ увлечена заботами о безпомощномъ маленькомъ существѣ, чтобы удѣлять время писанію, и моя литературная дѣятельность на время прекратилась. Ребенокъ внесъ новый интересъ и радость въ мою жизнь, и такъ какъ средства не позволяли намъ держать няню, все мое время было поглощено уходомъ за нимъ. Моя страсть къ чтенію дѣлалась менѣе лихорадочной, благодаря тому, что я читала, сидя у колыбели, и присутствіе малютки успокаивало мою тоску о матери.

Слѣдующіе два года не принесли ничего новаго. Въ августѣ 1870 г. у меня родилась дочь, и мое выздоровленіе было очень тяжелымъ и медленнымъ, въ виду общей слабости моего здоровья въ послѣднее время.

Мальчикъ былъ у меня здоровый и веселый, но дѣвочка была слабой отъ рожденія, сдѣлавшись жертвой несчастія своей матери; она родилась

---

*) Этотъ возмутительный законъ теперь отмѣненъ и замужняя женщина признана юридическимъ лицомъ, а не вещью.

преждевременно, вслѣдствіе нравственнаго сотрясенія, пережитаго мною. Когда весной, 1871 г., дѣти вмѣстѣ заболѣли коклюшемъ, слабость Мабель чуть не сдѣлала болѣзнь роковой для нея. Она была слишкомъ маленькой для тяжкой болѣзни, перешедшей вскорѣ въ бронхитъ и затѣмъ въ воспаленіе легкихъ. Нѣсколько недѣль она лежала при-смерти; мы оградили ее отъ огня ширмой и устроили нѣчто въ родѣ палатки, наполненной паромъ для облегченія ея прерывающагося дыханія; въ этой атмосферѣ я сидѣла дни и ночи, въ теченіе этихъ тяжелыхъ недѣль, держа на рукахъ измученнаго ребенка. Я страстно любила моихъ дѣтей, потому-что ихъ довѣрчивая привязанность облегчала мои душевныя страданія и ихъ дѣтскіе глазки не могли испытующимъ взоромъ заглянуть въ мое горе, становившееся все тяжелѣе съ каждымъ мѣсяцемъ. Пропитанная парами палатка сдѣлалась моимъ міромъ, и тамъ я отчаянно боролась съ смертью за моего ребенка. Докторъ объявилъ положеніе Мабель безнадежнымъ и сказалъ, что смерть наступитъ во время одного изъ припадковъ кашля; самымъ ужаснымъ было то, что даже капля молока вызывала конвульсивный кашель, и причиненіе излишняго страданія казалось жестокимъ по отношенію къ умирающему ребенку. Наконецъ, въ одно утро онъ объявилъ, что она не доживетъ до вечера; днемъ я поспѣшила послать за нимъ, потому-что тѣло внезапно распухло вслѣдствіе каверны въ одной изъ плевръ и того, что воздухъ попалъ въ грудную полость. При докторѣ повторился припадокъ кашля, и казалось, что это будетъ послѣдній. Онъ вынулъ маленькій флаконъ хлороформа изъ кармана и выпустивъ каплю изъ него на платокъ, сталъ держать его близъ лица ребенка до тѣхъ поръ, пока конвульсіи не улеглись отъ дѣйствія наркоза. «Теперь уже ничего не можетъ повредить, — сказалъ онъ, — а наркозъ ослабитъ боль». Онъ ушелъ, говоря, что не надѣется застать ребенка въ живыхъ. Этотъ докторъ, м-ръ Лорнстонъ Винтерботамъ, былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ друзей времени моего замужества; онъ былъ столь-же добръ, какъ уменъ, и отличался большой деликатностью. Онъ никогда не касался ни словомъ моего семейнаго несчастія, пока, въ 1878 г., не явился въ судъ дать свидѣтельское показаніе о жестокости, которая уже сама по себѣ обезпечила-бы мнѣ разводъ a menso et thoro. Ребенокъ, однако, выздоровѣлъ, по моему мнѣнію благодаря осѣнившей доктора счастливой мысли о хлороформѣ; я стала примѣнять наркозъ при первыхъ признакахъ новаго припадка кашля и предупреждала такимъ образомъ конвульсіи и слѣдующее за ними полное изнеможеніе, во время котораго только слабое подобіе дыханія въ самой верхушкѣ горла было единственнымъ признакомъ жизни, да и то временами исчезало и я думала, что уже все кончено. Въ теченіе многихъ лѣтъ послѣ того дѣвочка оставалась болѣзненной и слабой, и нуждалась въ самомъ тщательномъ уходѣ, но все таки эти недѣли тяжкихъ испытаній оставили болѣе глу-

бокій слѣдъ на матери, чѣмъ на ребенкѣ. Когда для нея опасность миновала, у меня обнаружился полный упадокъ силъ и я цѣлую недѣлю лежала въ постели безъ движенія; оправившись наконецъ, я сразу вступила въ борьбу, которая продолжалась три года и два мѣсяца и чуть не стоила мнѣ жизни—въ борьбу, превратившую меня изъ вѣрующей послѣдовательницы англиканскаго ученія въ атеистку. Самымъ тяжкимъ періодомъ борьбы были первые девятнадцать мѣсяцевъ—время, одно воспоминаніе о которомъ наводитъ ужасъ, переживать-же которое было истинно адскимъ мученіемъ. Тотъ, кто не испыталъ этого на себѣ, не можетъ себѣ представить безконечной муки, которую вноситъ зарождающееся сомнѣніе въ искренно вѣрующую душу. Нѣтъ въ жизни болѣе страшныхъ страданій, болѣе острыхъ и давящихъ своей тяжестью. Они разрушаютъ, уничтожаютъ единственный свѣтлый лучъ надежды на загробное счастье, котораго не можетъ омрачить никакая жизненная буря; они окрашиваютъ жизнь постояннымъ ужасомъ отчаянія, гнетущимъ мракомъ, отъ котораго невозможно спастись. Только настойчивая духовная и нравственная потребность можетъ внести сомнѣніе въ вѣрующую душу, потому что оно какъ землетрясеніе расшатываетъ основы души и все дрожитъ и гнется отъ сотрясенія. Пустое небо кажется лишеннымъ жизни, мракъ ночи не озаряетъ ни однимъ лучомъ свѣта, ни одинъ звукъ не оглашаетъ мертваго молчанія, ни одна рука не протягивается для поддержки. Никогда не пытавшіеся думать и мѣняющіе убѣжденія какъ моды, говорятъ объ атеизмѣ какъ о результатѣ порочной жизни и нечестивыхъ стремленій. Въ своей пустой безсердечности и въ еще болѣе пустомъ недомысліи они себѣ даже приблизительно не представляютъ муку, съ которой душа входитъ въ сумракъ слабѣющей вѣры, болѣе страшный чѣмъ ужасъ великой мглы.

Первый роковой ударъ моей вѣрѣ въ милосердіе Бога нанесенъ былъ въ длинные мѣсяцы страданій, достигшихъ кризиса въ кажущейся безцѣльности мученій моей малютки. Я часто навѣщала бѣдныхъ и видѣла ихъ терпѣливое отношеніе къ страданіямъ; мать, которую я любила до безумія, довѣрилась адвокату и онъ ее обманулъ и запуталъ въ долги, не выплачивая суммъ, которыя проходили черезъ его руки для другихъ; моя собственная свѣтлая жизнь омрачилась страданіемъ и сдѣлалась тяжелымъ бременемъ вслѣдствіе нестерпимаго сознанія рабства; а теперь еще мое безпомощное, невинное дитя мучилось цѣлыми недѣлями и осталось слабымъ и немощнымъ. Безоблачная ясность всей моей предыдущей жизни придавала еще болѣе острый характеръ моему разочарованію, и внезапное наступленіе столь новыхъ и печальныхъ условій жизни ошеломило и потрясло меня. Мое прошлое сдѣлалось злѣйшимъ врагомъ преисполненнаго страданій настоящаго. Существованіе зла и страданія въ мірѣ, страданія такихъ невинныхъ существъ какъ мой семимѣсячный

ребенокъ, міръ, переполненный горемъ, вѣчныя страданія въ аду — все это, не уничтожая еще во мнѣ окончательно вѣры, приводило меня въ отчаяніе. Вся спавшая и не проявлявшаяся до сихъ поръ сила моей натуры проснулась въ мятежной тревогѣ. Во время первыхъ вспышекъ горячаго протеста въ моей душѣ я столкнулась съ однимъ очень симпатичнымъ священникомъ, который принесъ мнѣ большое облегченіе своимъ разумнымъ, дружескимъ участіемъ. М-ръ Безантъ привелъ его ко мнѣ во время кризиса въ болѣзни ребенка; онъ мало говорилъ со мной во время своего посѣщенія, но на слѣдующій день я получила отъ него письмо слѣдующаго содержанія:

«21 апрѣля 1871 г. Многоуважаемая м-ссъ Безантъ, — я съ грустью сознаю, что принесъ вамъ вчера мало облегченія. Вы сами понимаете, что виной этому не недостатокъ сочувствія, а быть можетъ, напротивъ, избытокъ его. Мнѣ слишкомъ тяжело вмѣшиваться въ горе того, въ комъ я чувствую чуткую душу. «Душа каждаго несетъ собственное горе, и чужой да не коснется его». Общепринятыя утѣшенія, обычныя цитаты Библіи и молитвы кажутся мнѣ невыносимымъ усиленіемъ страданія. Я поступалъ согласно изреченію о томъ «что не можетъ быть большей силы, чѣмъ вѣра одного человѣка, глядящая на вѣру другого». Обѣщанія Божіи, любовь Христа къ маленькимъ дѣтямъ и то, что намъ дано для надежды и утѣшенія, все это столь-же глубоко запечатлѣно въ вашемъ сердцѣ какъ и въ моемъ, и мнѣ не хотѣлось повторять однѣ и тѣ-же цитаты. Но когда мнѣ приходится говорить лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, сильно нуждающимся въ напоминаніи этихъ цитатъ, моя вѣра въ нихъ становится сразу такой полной и воспламеняющей душу, что самой дѣйствительной помощью мнѣ кажется естественная простая рѣчь, при посредствѣ которой вѣра можетъ проложить себѣ путь изъ одной души въ другую. Я не могъ-бы найти словъ, если-бы даже хотѣлъ. И все-таки я обязанъ, какъ вѣстникъ добрыхъ вѣстей о Богѣ, торжественно увѣрить васъ, что нѣтъ повода сомнѣваться. У насъ нѣтъ ключа къ «тайнѣ страданія» кромѣ креста Іисуса. Но есть другое и болѣе глубокое объясненіе въ рукахъ нашего Создателя, и оно будетъ нашимъ, когда мы постигнемъ его. Есть—въ томъ мѣстѣ, къ которому приведетъ насъ земное странствованіе—какое нибудь божественное разъясненіе страданій вашего ребенка и вашего собственнаго горя, и тогда свѣтъ прольется въ самое мрачное сердце. Теперь нужно вѣрить, ни въ чемъ не убѣдившись—такова должна быть истинная вѣра.

«О томъ, чтобы у васъ хватило на это силы молится Преданный Вамъ В. Д....»

Это письмо звучало очень благородно, но буря слишкомъ бушевала, чтобы можно было ее разсѣять. Особенно памятна мнѣ одна ночь въ лѣто 1871 г. М-ра Безанта не было дома и передъ его уходомъ у насъ

произошла сильная размолвка. Я чувствовала себя оскорбленной, доведена была до отчаянія и не видѣла исхода изъ жизни, лишенной надежды на Бога и не научившейся еще вѣрить въ человѣка. А развѣ нѣтъ исхода? Съ быстротой молніи у меня мелькнула мысль: «исходъ есть!» И предо мной открылась, маня своимъ покоемъ и надежностью, дверь къ вѣчному молчанію и безмятежности, дверь смерти. Я стояла у окна гостиной, безнадежно вглядываясь въ вечернее небо; вмѣстѣ съ возникшей во мнѣ мыслью пришло воспоминаніе о томъ, что средство подъ руками—что въ моей комнатѣ стоитъ бутылочка съ хлороформомъ, прописаннымъ для ребенка. Я побѣжала къ себѣ наверхъ, нашла пузырекъ и спустилась опять въ гостиную. Я опять остановилась предъ окномъ, созерцая лѣтнюю ночь и радуясь, что борьба окончена, что успокоеніе близко. Я вынула пробку и собиралась поднести ядъ къ губамъ, когда вдругъ услышала внутренній голосъ, ясно и убѣдительно взывавшій ко мнѣ: «Слабодушная, слышалось мнѣ,—ты грезила о мученичествѣ и не можешь перенесть нѣсколько короткихъ лѣтъ страданій!» Стыдъ охватилъ меня и я отбросила флаконъ далеко въ садъ, растилавшійся у моихъ ногъ; на минуту я почувствовала въ себѣ достаточно силы для борьбы, но вслѣдъ затѣмъ упала въ обморокѣ на полъ. Только одинъ еще разъ въ теченіе моихъ дальнѣйшихъ столкновеній съ жизнью у меня мелькала мысль о самоубійствѣ и то только на одинъ мигъ—я тотчасъ-же отстраняла ее, какъ недостойную сильной души.

Мой новый другъ, м-ръ Д., былъ для меня большой опорой въ эти дни.—Всѣ непоколебимыя до тѣхъ поръ для меня истины возбуждали во мнѣ теперь сомнѣнія и давили мою смущенную душу. М-ръ Д. не старался подавить во мнѣ этихъ сомнѣній; онъ не приходилъ въ ужасъ и не преслѣдовалъ меня упреками, но относился ко мнѣ съ тѣмъ широкимъ пониманіемъ, которое такъ умиротворяетъ страждущаго отъ первыхъ мукъ сомнѣнія. Онъ уѣхалъ изъ Челтенгэма въ началѣ осени 1871 г., но его письма, сохранившіяся отъ того времени, показываютъ, какой сѣтью сомнѣній я была окружена въ то время (я читала какъ разъ книгу М'Леодъ Камибеля «Объ искупленіи»).

Но разъ открывши глаза на то, что міръ представляетъ изъ себя въ дѣйствительности, узнавши, какъ велики страданія людей, какъ безжалостно природа и жизнь топчетъ человѣческое сердце, не дѣлая различія между невиннымъ и виновнымъ, я была слишкомъ потрясена, чтобы поддаться доводамъ, обращеннымъ исключительно къ чувствамъ и оставляющимъ разумъ неудовлетвореннымъ. Мѣсяцы подобнаго нравственнаго испытанія отозвались, какъ этого можно было ожидать, на моемъ физическомъ состояніи. Я окончательно свалилась съ ногъ и нѣсколько недѣль пролежала разслабленная и безпомощная, страдая постоянной головной болью, боясь свѣта, не двигаясь по цѣ-

лымъ днямъ; къ окружающему я относилась не безсознательно, но безучастно, такъ-какъ все мое сознаніе сосредоточено было на непрерывномъ ощущеніи боли. Докторъ всячески старался облегчить мое положеніе, но замкнувшись въ своей крѣпости, страданія мои не поддавались его попыткамъ. Онъ клалъ мнѣ на голову ледъ, давалъ мнѣ опіумъ, который чуть не довелъ меня до сумасшествія, и дѣлалъ все, что только могли придумать заботливость и искусство врача; но все было напрасно. Наконецъ, физическія страданія улеглись сами собой, и при первой возможности онъ принялся развлекать мой умъ. Онъ сталъ давать мнѣ книги по анатоміи и естественнымъ наукамъ и убѣждалъ меня изучать ихъ, и часто онъ урывалъ самъ свободный часокъ отъ своихъ многочисленныхъ занятій, чтобы объяснить мнѣ какой-нибудь запутанный вопросъ по физіологіи. Онъ понялъ, что вернуть меня къ разумной жизни можно было только отклоняя мысли отъ русла, въ которомъ теченіе достигло слишкомъ опасной высоты. Я часто думаю, что обязана своей жизнью и тѣмъ, что не лишилась разсудка въ то время этому доброму человѣку, который сочувственно отнесся къ безпомощной растерявшейся женщинѣ, падавшей подъ гнетомъ сомнѣній и личнаго горя.

Понятно, что душевный кризисъ, наступившій во мнѣ, еще болѣе увеличивалъ мои домашнія неурядицы. Какимъ безразсудствомъ казалось моему мужу, что нормальный человѣкъ такъ страдаетъ отъ трудности для ума и души понять нѣкоторые религіозные вопросы, и что женщина заболѣваетъ изъ-за такихъ пустяковъ. Ея дѣло заботиться объ удобствахъ мужа и дѣтей, а не скорбѣть душой о земныхъ страданіяхъ и мученіяхъ ада въ загробной жизни, ломая себѣ голову надъ вопросами, которые занимали величайшихъ мыслителей и все-таки остались нерѣшенными! И онъ былъ отчасти правъ. Женщины или мужчины, которыхъ близко затрогиваютъ міровые вопросы, дожны не торопиться вступать въ бракъ, потому что они не сумѣютъ терпѣливо тянуть лямку этого почтеннаго общественнаго института. Sturm und Drang нужно пережить наединѣ съ собой, и душа должна отправиться одна въ пустыню навстрѣчу искушеніямъ дьявола, а не призывать его сатанинское величество съ его спутниками въ мирную домашнюю обстановку. Несчастны вступающіе въ бракъ въ первомъ блескѣ молодости и съ задатками грядущихъ душевныхъ бурь въ характерѣ; они составятъ горе своей семьи такъ-же какъ и свое собственное. Если-же одна изъ сторонъ начинаетъ искать опоры въ традиціонныхъ понятіяхъ о власти и правахъ, стараясь вернуть на путь истины мятежную, изстрадавшуюся отъ сомнѣній душу, то дѣло сводится къ поединку въ силѣ и терпѣніи, къ тому, падетъ-ли эта измученная душа въ изнеможеніи, или обрящетъ силу въ своемъ страданіи, будетъ отстаивать свое божественное право на свободу духа, разобьетъ оковы и, обнаруживая свою силу въ критическую минуту, осмѣлится отвѣтить «нѣтъ» на требованіе жить среди лжи.

ГЛАВА V.

Буря.

Чтеніемъ множества книгъ, какъ чисто англиканскаго характера, такъ и написанныхъ различными сектантами и теистами, я старалась рѣшить мучившія меня сомнѣнія, но чувствовала тщетность моихъ попытокъ. Въ моемъ тогдашнемъ состояніи духа мнѣ нужны были прямыя доказательства.

Въ теченіе этихъ тяжелыхъ мѣсяцевъ нравственныхъ страданій я находила нѣкоторое облегченіе отъ умственнаго напряженія въ обычныхъ заботахъ о бѣднякахъ нашей паствы, ухаживала за больными. старалась внести свѣтлый лучъ въ дома бѣдныхъ. Я научилась въ то время многому относительно землепашцевъ и условій сельскаго труда и это мнѣ очень пригодилось впослѣдствіи, когда я начала говорить съ трибуны. Въ сельскихъ околоткахъ начинали тогда много говорить о земледѣльческомъ движеніи, во главѣ котораго сталъ энергичный и преданный своему дѣлу Іосифъ Арчъ; мои симпатіи были всецѣло на сторонѣ землепашцевъ, потому что я была хорошо знакома съ условіями ихъ жизни. Въ одномъ котэджѣ я застала четыре поколѣнія спящими въ одной комнатѣ — прадѣда съ своей женой, старую бабушку, овдовѣвшую мать и ребенка; трое жильцовъ дополняли зрѣлище восьмерыхъ человѣческихъ существъ, скученныхъ въ узкой, душной лачугѣ. Другіе котэджи были сараями, черезъ разбитыя кровли которыхъ лилъ дождь и въ которыхъ ревматизмъ и лихорадки были постоянными сожителями человѣческихъ существъ. Знакомая съ этимъ положеніемъ сельскаго населенія, я могла только сочувствовать всякой организаціи, стремящейся облегчить участь бѣдняковъ. Но «союзъ сельскихъ рабочихъ» встрѣтилъ упорныхъ враговъ въ фермерахъ, которые ни за что не соглашались давать работы членамъ союза. Слѣдующій примѣръ ярко характеризуетъ положеніе дѣлъ. Одинъ молодой семьянинъ. имѣющій двухъ малолѣтнихъ дѣтей, имѣлъ неосторожность совершить грѣхъ, отправившись на собраніе союза, и, что оказалось еще большимъ преступленіемъ. разсказалъ объ этомъ, вернувшись домой. Ни одинъ фермеръ во всемъ околоткѣ не хотѣлъ давать ему работы. Онъ понапрасну исходилъ всѣ мѣста по близости. нигдѣ не могъ сыскать работы и совершенно сбился съ пути и сталъ пьянствовать. Придя къ нему въ котэджъ, состоявшій изъ одной комнаты и прилегающаго чулана, я застала жену его въ пароксизмѣ лихорадки, одного ребенка больнымъ у нея на рукахъ. а второго мертвымъ на кровати. Въ отвѣтъ на мои нерѣшительные разспросы, она отвѣчала, что они въ самомъ дѣлѣ остались безъ хлѣба, потому что мужу не даютъ работы. Почему-же она оставила мертваго ребенка на кровати? Потому

что некуда было положить его прежде чѣмъ принесутъ гробъ. И къ ночи несчастный, доведенный до пьянства рабочій, его жена не перестававшая томиться въ лихорадкѣ, больной ребенокъ и мертвый ребенокъ, всѣ они улеглись на единственной кровати. Фермеры враждебно относились къ союзу, потому что съ успѣхомъ его связано было повышеніе заработной платы; имъ никогда не приходило въ голову, что гораздо благоразумнѣе было-бы платить меньшую арендную плату отсутствующему землевладѣльцу и высшее жалованье рабочимъ, обрабатывающимъ ихъ пашни. Они покорно подчинялись гнетущему ихъ бремени и съ жестокостью относились къ сѣятелямъ ихъ жатвъ, къ строителямъ ихъ амбаровъ. Они вступали въ соглашеніе съ врагами, а не съ друзьями. Вмѣсто того, чтобы примкнуть къ земледѣльческому классу и образовать общій союзъ представителей сельскаго труда, они соединились съ помѣщиками противъ крестьянъ; это привело къ разорительной братоубійственной борьбѣ вмѣсто легкой побѣды надъ общимъ врагомъ. Проникновеніе въ истинное положеніе дѣлъ принесло мнѣ большую пользу.

Ранней осенью лучъ свѣта озарилъ мракъ моей души. Я была въ Лондонѣ съ моей матерью и мы вошли разъ въ воскресенье утромъ въ St. George's Hall, гдѣ въ это время произносилъ проповѣдь пасторъ Чарльсъ Войсэй. Слушая проповѣдь и взявши въ руки нѣкоторыя изъ брошюръ, продававшихся въ залѣ, я съ радостью убѣдилась, что были еще другіе люди, переживавшіе такія-же страданія какъ и я, и отказавшіеся отъ догматовъ. Я опять пошла туда въ слѣдующее воскресенье, и когда служба кончилась, замѣтила, что выходящая масса молившихся проходила мимо м-ра и м-ссъ Войсэй, и что при этомъ многіе, очевидно, совершенно не знакомые съ ними, подходили къ нимъ со словами благодарности. Я почувствовала горячую потребность послѣ столькихъ мѣсяцевъ одинокой борьбы поговорить съ кѣмъ-нибудь, вышедшимъ изъ затрудненій англиканскаго ученія. Проходя мимо м-ра Войсэя, я остановилась и сказала ему: «я должна поблагодарить васъ за то облегченіе, которое принесла мнѣ ваша сегодняшняя проповѣдь». Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ я не сомнѣвалась въ существованіи Божьемъ, то слова м-ра Войсэя о томъ, что «Онъ любитъ *всѣхъ* людей и Его благость простирается надъ *всѣми* Его созданіями», какъ лучъ свѣта озарилъ бурную пучину сомнѣній и отчаянія, среди которой я такъ долго уже мучилась. Въ слѣдующее воскресенье я опять пришла слушать проповѣдь и получила приглашеніе отъ м-ссъ Войсэй посѣтить ихъ въ Дуличѣ. Ихъ теизмъ казался мнѣ свободнымъ отъ недостатковъ, которые я находила въ англиканскомъ ученіи, и они открыли мнѣ новый путь въ вопросахъ вѣры. Я прочла книгу Т. Паркера «Разсужденіе о религіи», сочиненіе Франциска Ньюмана, миссъ Ф. П. Коббэ и др.; напряженность моего нравственнаго состоянія прошла, кошмаръ всесильнаго зла разсѣялся; моя вѣра въ Бога, еще нетрону-

тая, очистилась отъ темныхъ пятенъ, грязнившихъ ее, и я не сомнѣвалась болѣе въ справедливости сомнѣній, смущавшихъ мою душу.

До сихъ поръ нравственное страданіе было единственной цѣной моихъ исканій истины; но отрѣшеніе отъ англиканской церкви прибавило-бы внѣшнюю борьбу къ внутренней, и кто знаетъ, какъ это отозвалось-бы на всей моей жизни? Колебаніе было тяжкимъ, но короткимъ: я стала тщательно разбирать ученіе англиканской церкви и это привело къ полной утратѣ вѣры. Я окончательно отошла отъ ученія англиканской церкви и очутилась лицомъ къ лицу съ смутнымъ будущимъ, въ которомъ предчувствовала наступающую борьбу.

Чтобы избѣгнуть ея, я сдѣлала еще одну попытку; я обратилась къ д-ру Пусэю, полагая, что если онъ не сумѣетъ разрѣшить моихъ сомнѣній, то нечего и надѣяться на разумный отвѣтъ на нихъ. Я обмѣнялась съ нимъ нѣсколькими письмами, но получила отъ него лишь указанія на хорошо извѣстные мнѣ доводы Лиддона въ его «Бамптонскихъ лекціяхъ». Наконецъ, по его приглашенію, я поѣхала въ Оксфордъ для личной бесѣды. Я увидѣла передъ собой полнаго господина низкаго роста, одѣтаго въ рясу и имѣющаго видъ благодушнаго монаха; но его проницательные глаза, прямо и испытующе глядѣвшіе въ мои, свидѣтельствовали о силѣ и изворотливости ума въ этой красивой, внушительной головѣ. Но ученый богословъ пошелъ по ложному пути въ обращеніи со мной; увидѣвъ меня убитой горемъ, робкой и нервной, онъ сталъ обращаться со мной, какъ съ кающейся грѣшницей, которая пришла къ исповѣди; онъ думалъ, что я пришла къ нему, какъ къ духовнику, и не понялъ, что передъ нимъ искательница истины, которая твердо рѣшила добиться ея и обрѣсти твердую почву для своихъ вѣрованій. Я спросила, не укажетъ-ли онъ мнѣ какія-нибудь книги, которыя пролили-бы свѣтъ на мои вопросы. «Нѣтъ, нѣтъ, вы и такъ уже слишкомъ много читали. Нужно молиться, много молиться». Когда я заявила, что не могу вѣрить, онъ отвѣтилъ: «Блаженны тѣ, которые не видятъ и все-таки вѣрятъ», и мои дальнѣйшіе вопросы онъ остановилъ словами: «о, дитя мое, какъ вы непокорны, какъ нетерпѣливы!» Въ самомъ дѣлѣ, я была порывиста, горяча и неудержима въ своемъ рѣшеніи все *знать* и не говорить, что я вѣрю, когда вѣры на самомъ дѣлѣ нѣтъ; онъ не нашелъ во мнѣ поэтому того покорства и смиренія, съ которымъ обыкновенно приходили къ нему кающіеся грѣшники, прося его руководить ихъ совѣстью. Онъ не имѣлъ представленія о мукахъ сомнѣвающейся души; самъ онъ, очевидно, никогда не переживалъ душевной борьбы, его вѣра была тверда какъ скала, непреклонна и вполнѣ удовлетворена. Сомнѣніе въ догматахъ своей церкви равнялось для него самоубійству.

Медленно и грустно направилась я обратно къ вокзалу желѣзной дороги, убѣдившись, что послѣдняя надежда на избавленіе исчезла. Въ зна-

менитомъ богословѣ я увидѣла обычный типъ священнослужителей, умѣющихъ быть нѣжными и участливыми лишь къ грѣшнику, который приходитъ къ нимъ смиреннымъ, покорнымъ и полнымъ раскаянія. Но по отношенію къ скептикамъ и еретикамъ они становятся твердыми какъ желѣзо, они готовы силой, а не доказательствами, остановить всякій протестъ противъ традиціонныхъ вѣрованій своей церкви. Изъ такихъ людей выходили въ средніе вѣка инквизиторы, обладавшіе безупречной совѣстью, строгіе и непреклонные и вполнѣ безжалостные къ еретикамъ.

Въ теченіе той-же осени 1872 г. я впервые познакомилась черезъ м-ра Войсэя съ м-ромъ и м-ссъ Скоттъ. Въ то время Томасъ Скоттъ былъ уже старикомъ съ прекрасными бѣлыми волосами и глазами ястреба, выглядывающими изъ-подъ нависшихъ бровей. Онъ былъ могучаго тѣлосложенія, и хотя здоровье его уже нѣсколько пошатнулось въ то время, его дивная львиная голова сохраняла свою внушительную силу и красоту, и носила отпечатокъ его исключительной по своимъ качествамъ натуры. Родившись въ знатной и богатой семьѣ, онъ провелъ первую молодость въ странствованіяхъ по всему свѣту, а послѣ своей женитьбы поселился въ Рамсгэтѣ, сдѣлавъ свой домъ центромъ свободомыслія въ англійской литературѣ. Жена его, которую онъ называлъ своей правой рукой, по своей молодости годилась ему въ дочки. Это была сильная, кроткая, благородная женщина, достойная своего мужа, что составляетъ самую большую похвалу. М-ръ Скоттъ издавалъ въ теченіе многихъ лѣтъ, ежемѣсячно, серію брошюръ, очень различныхъ по оттѣнкамъ міросозерцаній авторовъ. Всѣ брошюры были хорошо написаны и выдержаны въ сдержанномъ, культурномъ тонѣ; м-ръ Скоттъ не допускалъ никакого исключенія изъ этого правила. Издаваемые имъ писатели могли говорить, что угодно, но у нихъ должно было быть, что сказать, и они должны были излагать это хорошимъ, выдержаннымъ языкомъ. М-ръ Скоттъ велъ обширнѣйшую корреспонденцію со всѣми, начиная отъ главы кабинета и до самыхъ скромныхъ частныхъ лицъ. Въ домѣ его встрѣчались люди самыхъ различныхъ взглядовъ. Эдуардъ Майтландъ, Е. Ванситтартъ Нилъ, Чарльсъ Брэй, Сара Геннель и множество другихъ; церковные сектанты и свѣтскіе люди, ученые и мыслители—всѣ охотно приходили въ этотъ домъ, открытый для всѣхъ любителей истины и сторонниковъ распространенія свободомыслія между людьми. Для Томаса Скотта я нѣсколько мѣсяцевъ спустя написала свой первый очеркъ, выражавшій все, что я тогда думала и подписалась женой священника. Я не могла распоряжаться именемъ, которое принадлежало не мнѣ, и мы условились, что все написанное мною появится анонимно.

Наступилъ моментъ возвращенія въ Сибсэй и вмѣстѣ съ тѣмъ моментъ рѣшительнаго дѣйствія.

Случилось такъ, что вскорѣ послѣ этого памятнаго мнѣ рождества,

1872 г., въ нашей деревнѣ появилась сильная эпидемія тифа. Канализація мѣстности была самая первобытная и зараза быстро распространялась. Я всегда чувствовала влеченіе къ ухаживанію за больными и нашла во время этой эпидеміи дѣло, какъ-разъ подходящее для меня; къ счастію, я оказалась способной оказывать помощь, и это доставляло мнѣ радушный пріемъ въ домахъ заболѣвшихъ бѣдняковъ. Матери, которыя имѣли возможность заснуть послѣ долгихъ трудовъ, оставляя меня у изголовья больныхъ дѣтей, не могли, какъ мнѣ пріятно думать, слишкомъ строго осуждать потомъ грѣшницу, рука которой такъ-же нѣжно и иногда болѣе искусно, чѣмъ ихъ собственная, ухаживала за больными. Я полагаю, что природа предназначала меня въ сестры милосердія, потому-что я нахожу истинное наслажденіе въ ухаживаніи за больнымъ, особенно если есть опасность, потому-что тогда является странное и торжественное чувство борьбы между человѣческимъ искусствомъ и великимъ недругомъ, смертью. Страннымъ образомъ влечетъ къ себѣ эта борьба со смертью, которая ведется шагъ за шагомъ; это чувствуется, конечно, только когда дѣло идетъ о борьбѣ за какую-нибудь жизнь вообще, а не за жизнь близкаго человѣка. Когда больной очень дорогъ сердцу, въ борьбу входитъ элементъ личной муки, но если борьба происходитъ изъ-за чужого, является какая-то странная отрада безъ примѣси личнаго страданія, и когда удается побѣдить упорнаго врага, странное удовлетвореніе доставляетъ сознаніе отнятой у смерти добычи, возвращенной на землю жизни, которая была такъ близка къ погибели.

Весной 1873 г. я открыла въ себѣ существованіе силы, которая должна была опредѣлить очень многое въ моей дальнѣйшей дѣятельности. Я произнесла тогда свою первую рѣчь, сдѣлавши это, впрочемъ, передъ рядами пустыхъ скамеекъ въ сибсбэйской церкви. Мною овладѣлъ странный капризъ попробовать, какъ это люди проповѣдуютъ, и во мнѣ зашевелилось смутное сознаніе, что и я бы могла говорить, если-бы представился случай. Я никоимъ образомъ не могла тогда предполагать, что мнѣ предстоитъ стать ораторомъ, но я чувствовала потребность излить въ словахъ то, что меня волновало; я сознавала, что у меня есть что сказать и что я въ состояніи выразить это. Запершись въ громадной, тихой церкви, въ которую я ходила упражняться въ игрѣ на органѣ, я взошла на проповѣдническую трибуну и произнесла свою первую рѣчь о вдохновенности Священнаго Писанія. Никогда я не забуду чувства силы и восторга—особенно силы, охватившее меня, когда голосъ мой раздался на далекомъ разстояніи подъ церковными сводами, и кипѣвшая во мнѣ страсть вылилась въ размѣренные звуки, не прерываясь ни на минуту изъ-за недостатка въ музыкальности и ритмичности. Мнѣ въ ту минуту хотѣлось только, чтобы церковь была полна обращенныхъ на меня лицъ, озаренныхъ сочувствіемъ моимъ словамъ; вмѣсто этого, пе-

редо мной были ряды скамеекъ, наводящихъ тоску своей пустотой и тишиной. И какъ во снѣ пустое пространство мнѣ показалось наполненнымъ людьми, я увидѣла передъ собой въ воображеніи внимающія лица и оживленные взоры. фразы непринужденно полились съ моихъ устъ и эхо приносило ихъ ко мнѣ обратно отъ колоннъ старинной церкви. Я поняла тогда, что владѣю даромъ слова и что если когда либо—тогда мнѣ это казалось невозможнымъ—если когда либо мнѣ пришлось-бы говорить предъ публикой, этотъ даръ музыкальной рѣчи привлекъ-бы слушателей, что-бы я ни пришла возвѣщать съ трибуны.

Но это сознаніе оставалось въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ тайной для всѣхъ, потому что я вскорѣ почувствовала стыдъ за нелѣпую проповѣдь въ пустой церкви; но, какъ-бы ни былъ нелѣпъ этотъ экспериментъ, я отмѣчаю его здѣсь, какъ первую попытку выражать свои мысли живымъ словомъ, что превратилось впослѣдствіи въ одно изъ самыхъ глубокихъ наслажденій въ моей жизни. И въ самомъ дѣлѣ никто не можетъ знать, кромѣ испытавшихъ это, какую отраду представляетъ легкое и плавное теченіе своей собственной рѣчи. Какое наслажденіе чувствовать, какъ толпа слушателей отзывается на самое легкое движеніе, какъ лица просвѣтляются и омрачаются по произволу оратора; какъ отрадно сознавать, что родники человѣческихъ чувствъ и страстей открываются при первомъ словѣ оратора, чувствовать, что мысль, волнующая тысячи слушателей, возбуждена мною и возвращается ко мнѣ обогащенная волненіемъ столькихъ сердецъ. Можетъ-ли быть въ жизни болѣе высокая радость, доставляющая болѣе страстное торжество и полная въ то-же время интеллектуальнаго наслажденія?

Въ 1873 г. бракъ мой былъ расторгнутъ. Я не сдѣлала ни одного шага дальше, но мое уклоненіе отъ присутствія въ церкви при конфирмаціи повело къ разнымъ толкамъ и одинъ родственникъ м-ра Безанта убѣдилъ его въ угрожающей опасности для его соціальнаго положенія и служебной карьеры, если станутъ извѣстны взгляды его жены. Мое здоровье, не оправившееся уже никогда съ 1871 г., становилось все хуже и хуже и отъ постоянныхъ волненій у меня обнаружилось серьезное страданіе сердца. Наконецъ, въ іюлѣ или сентябрѣ 1873 г. дѣло дошло до кризиса. Мнѣ было предложено подчиниться внѣшнимъ церковнымъ формамъ и присутствовать при конфирмаціи. Я отвѣтила отказомъ. Тогда поставлена была болѣе опредѣленная альтернатива—подчиненіе или изгнаніе изъ дому, другими словами—лицемѣріе или разрывъ. Я предпочла послѣднее.

Наступило безконечно тяжелое время. Мать моя была убита горемъ. Для нея, съ ея общими и неясными представленіями объ ученіи англиканской церкви, моя настойчивость на томъ, чтобы не высказывать вѣры, когда ея не было, казалась непонятной. Она гораздо лучше меня пони-

мала послѣдствія моего ухода изъ дому и предвидѣла трудности, съ которыми сопряжено самостоятельное существованіе молодой женщины моихъ лѣтъ. Она знала, какъ жестоко сужденіе свѣта и какъ одно то обстоятельство, что женщина молода и одинока, возбуждаетъ клевету и злобу. Я еще не подозрѣвала тогда, до какой жестокости могутъ доходить люди, какъ ядовиты ихъ языки. Теперь, узнавъ это, испытавши клевету и примирившись съ ней, я чистосердечно заявляю, что если бы опять мнѣ предстоялъ выборъ, я поступила-бы такъ-же какъ въ то время. Я предпочла-бы пережить сызнова все это тяжкое время, чѣмъ жить среди общества подъ бременемъ сознательной лжи.

Тяжелѣе всего мнѣ было бороться противъ слезъ и просьбъ моей матери; причиняя ей горе, я страдала сама въ десять разъ больше. Суровость другихъ возбуждала во мнѣ твердость духа, но трудно было оставаться непреклонной, когда мать, которую я любила больше всего на свѣтѣ, становилась на колѣни, умоляя меня уступить. Мнѣ казалось преступнымъ причинять ей такое горе, и я чувствовала себя убійцей, когда ея сѣдая голова прижималась къ моимъ колѣнямъ. Но что-же сдѣлать — жить среди лжи? Такого позора и она не допускала. Въ этотъ тяжелый кризисъ моей борьбы, я всѣми силами стремилась къ истинѣ. И теперь, какъ всегда, остаются вѣрными слова, что тотъ кто любитъ отца или мать—недостоинъ ея, и что только тернистый путь честности ведетъ къ свѣту и покою.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Яблоко раздора *).

(Очерки Кореи).

I.

Въ 1885 г. мнѣ дано было порученіе учредить для корейскаго правительства, въ главномъ городѣ этой страны—Сеулѣ, монетный дворъ по нѣмецкому образцу, и для выполненія этой задачи мнѣ пришлось прожить въ названномъ городѣ два полугодія.

Я желалъ-бы подѣлиться съ читателями своими впечатлѣніями, вынесенными изъ моего путешествія, и въ особенности познакомить ихъ съ нравами и обычаями корейцевъ. О Кореѣ и ея населеніи до сихъ поръ еще господствуютъ въ Европѣ и С. Америкѣ совершенно неясныя и спутанныя, иногда даже ложныя понятія; особенно въ Америкѣ и американскихъ листкахъ наталкиваешься на такія сужденія.

Это происходитъ какъ отъ того, что Корея, вообще, лишь съ недавнихъ поръ сдѣлалась открытою европейцамъ, такъ и отъ того, что путешественники, проживъ всего лишь нѣсколько недѣль въ Кореѣ, тѣмъ не менѣе, издавали объемистыя книги, посвященныя этой странѣ; естественно, что въ этихъ произведеніяхъ оказывалось иногда много искаженнаго. Мало того: авторъ извѣстной книги о Кореѣ, Гриффисъ, никогда не былъ на этомъ полуостровѣ, а записалъ все со словъ живущихъ въ Японіи корейцевъ.

То, что я сообщаю здѣсь, основывается большею частью на собственныхъ наблюденіяхъ или испытано мною самимъ. Если-же я что узнавалъ отъ корейцевъ, съ которыми находился продолжительное время въ офиціаль-

---

*) Первая глава составлена по путешествію въ Корею Кроуса, вторая—по Далле, Эдм. Плошю, Вагину и др.

ныхъ и частныхъ сношеніяхъ, то такія свѣдѣнія я всегда передаю съ нѣкоторою осторожностью, такъ какъ, во-первыхъ, самъ кореецъ не вполнѣ знаетъ собственную страну и ея политическія и соціальныя условія, и, во-вторыхъ, онъ не задумается солгать, находя, подобно всѣмъ азіатамъ, удовольствіе говорить неправду европейцу.

9 сентября 1885 г. я оставилъ свое отечество и отправился съ женою и шестимѣсячнымъ сыномъ черезъ Парижъ въ Марсель. Къ сожалѣнію, прекрасные нѣмецкіе пароходы «Bremer Lloid'a» начали плаваніе въ Восточную Азію только съ 1886 г. и, поэтому, мы были вынуждены ввѣрить себя иностранной линіи; я выбралъ французскую почтовую линію «Messageries maritimes», и на пароходѣ «Vaghalien», 13 сентября, оставилъ Европу. Въ то время по побережьямъ Средиземнаго моря дѣйствовала еще весьма сильно холера; поэтому пароходъ не приставалъ къ берегу въ Неаполѣ; по той-же причинѣ пассажиры не высаживались въ Портъ-Саидѣ и Суэзѣ.

Въ Красномъ морѣ мы чрезвычайно страдали отъ зноя, который доходилъ тамъ болѣе чѣмъ до 37° Ц. (= почти 30° Р.). Кромѣ этого, путешествіе было во всякомъ случаѣ благопріятно, хотя намъ и пришлось выдержать бурную погоду, вызвавшую у многихъ морскую болѣзнь; плаваніе оказалось прекраснымъ и весьма интереснымъ, а величественный видъ роскошной тропической природы на островѣ Цейлонѣ, въ Сингапурѣ, Сайгонѣ и Гонъ-Конгѣ, гдѣ мы вездѣ высаживались на берегъ, никогда не изгладится изъ моей памяти.

21 октября 1885 г. мы прибыли въ Шанхай, 31 въ Нагасаки (Японія), а 8 ноября высадились въ корейской гавани Чемульпо.

Полуостровъ Корея лежитъ между 42 и 34 град. сѣв. широты и между 125 и 130 град. восточн. долготы. Съ южной и западной сторонъ берега полуострова окружены безчисленнымъ множествомъ маленькихъ и крупныхъ острововъ, изъ которыхъ самый большой, Квельпартъ, лежитъ почти прямо къ югу. Поэтому корейскій король называется иногда также «королемъ 10,000 острововъ». На сѣверѣ и сѣверозападѣ страна эта граничитъ съ Китаемъ, а на сѣверовостокѣ—на незначительномъ протяженіи съ Россіей; западный берегъ омываетъ Желтое море, восточный—Японское, а между Кореей и Японіей находится Корейскій проливъ. Пространство страны обнимаетъ около 218,000 квадр. километровъ, а населеніе полагается въ 10 или 15 милл. душъ. Какъ уже сказано, страна стала открытой чужеземцамъ лишь въ четырехъ гаваняхъ. Одна изъ этихъ гаваней, Чемульпо, представляется самою важною для европейцевъ, такъ какъ большинство ихъ живетъ въ Сеулѣ, главномъ городѣ, который отстоитъ отъ Чемульпо всего лишь на 40 километровъ. Однако, Чемульпо неудобно для судоходства вслѣдствіе множества скалъ и рифовъ, а также большой разности между морскимъ приливомъ и отливомъ, достигающей здѣсь около

десяти метровъ, почему большія суда могутъ бросать якорь только весьма далеко отъ берега.

Самымъ красивымъ зданіемъ въ городѣ можно положительно назвать стоящій на холмѣ и, поэтому, видимый издали, домъ нѣмецкой фирмы Эд. Мейеръ и Кº (Гамбургъ); онъ весь построенъ изъ камня, въ современномъ стилѣ и украшенъ верандою и башнею, съ которой открывается чудесный видъ на море и остальную окрестность. Обращаетъ на себя вниманіе и контора этой фирмы, находящаяся въ самомъ городѣ. Изъ другихъ построекъ назову еще японское консульство, таможню, англійское консульство и нѣкоторые частные дома, гдѣ живутъ таможенные чиновники.

Европейскій отель, которымъ завѣдуетъ одинъ австріецъ, носитъ громкое названіе «Отель Кореи», съ прибавкой «Отель I разряда». Я прожилъ въ немъ со своею семьей, во время большихъ холодовъ, семь недѣль, и если здѣсь не все было I разряда, то тѣмъ не менѣе, я былъ радъ, что нашелъ хоть и такой пріютъ.

Съ открытыми гаванями японскіе пароходы поддерживаютъ сообщеніе Владивостока (въ Россіи) и Тіентзина (въ Китаѣ), совершая рейсы среднимъ числомъ два раза въ мѣсяцъ и неся почтовую службу. Почтамты въ самомъ Сеулѣ и въ гаваняхъ японскіе, и всѣ письма изъ Кореи имѣютъ японскія почтовыя марки. Корейское правительство, основавъ въ 1884 г. почтовое управленіе, устроило для этого домъ въ Сеулѣ и приказало напечатать пять разныхъ сортовъ почтовыхъ марокъ; но во время кровопролитнаго возстанія въ декабрѣ 1884 г. учрежденіе это было разрушено, почтовыя марки большею частью раскрадены.

Желѣзныхъ дорогъ здѣсь, понятно, еще не существуетъ; неизвѣстны также и кареты; средствами передвиженія служатъ, за исключеніемъ собственныхъ ногъ, лошадь и носилки; для товаровъ—кули (чернорабочіе), лошадь или впряженный въ телѣгу быкъ. Путешествіе изъ Чемульпо въ Сеулъ, которое я часто совершалъ на лошади или въ носилкахъ, требуетъ отъ 7 до 8 часовъ; путь идетъ среди живописныхъ горъ и долинъ, черезъ рѣку Ханкангъ, гдѣ существуетъ переправа съ помощью большихъ плоскодонныхъ лодокъ, вмѣщающихъ лошадей, быковъ, носилки и людей. При быстрой верховой ѣздѣ на хорошей китайской лошади путешествіе это можно совершить въ 4—5 часовъ, но корейской лошади удается сдѣлать это лишь въ рѣдкихъ случаяхъ.

Такъ какъ ворота Сеула запираются при закатѣ солнца, то надо, особенно зимой, отправляться въ дорогу заблаговременно, чтобы не испытать удовольствія заночевать передъ стѣнами города, въ какой-нибудь грязной корейской лачугѣ. Почти за четверть часа разстоянія отъ города, гдѣ дорога проходитъ по взгорью, путникъ замѣчаетъ уже высокую городскую стѣну, которая передъ его взорами тянется направо и налѣво,

взбираясь мѣстами на горы; дорога приводитъ прямо къ южнымъ воротамъ, и спустя нѣсколько минутъ, путникъ вступаетъ въ столичный городъ королевства.

Сеулъ находится къ сѣверовостоку отъ Чемульпо и имѣетъ до 300 тысячъ жителей. Онъ расположенъ въ плодородной, пересѣченной холмами равнинѣ; на сѣверѣ онъ граничитъ съ высокими и пустынными каменистыми возвышенностями, а на югѣ—съ красивою горою, покрытою сосновымъ лѣсомъ. Городъ окруженъ стѣною, высотой среднимъ числомъ метровъ въ 5; стѣна эта сложена изъ огромныхъ гранитныхъ плитъ и имѣетъ восемь большихъ воротъ, которыя, какъ уже сказано, запираются съ заходомъ солнца, по знаку, подаваемому большимъ помѣщеннымъ внутри города колоколомъ. Ключи отъ воротъ, въ продолженіе ночи, хранятся во дворцѣ и очень рано, еще до восхода солнца, ворота опять отворяются.

Въ Сеулѣ имѣютъ пребываніе представители Россіи, Германіи, Франціи, Англіи, Америки, Китая и Японіи. Почти всѣ они живутъ въ лучшихъ корейскихъ домахъ, которые перестроены и, болѣе или менѣе, изображаютъ собою подобіе европейскихъ домовъ; новѣйшая мебель, предметы роскоши и т. д. составляютъ внутреннее убранство. Домъ японскаго посольства снаружи и внутри весьма красивъ, но почти всѣ части для его постройки были перевезены изъ Японіи. Зданія чисто европейскаго стиля, представляютъ лишь арсеналъ, королевскій монетный дворъ и американская школа; французскіе миссіонеры собираются строить церковь.

Своеобразны дома знатныхъ корейцевъ. Они обнесены довольно высокой стѣной и состоятъ обыкновенно изъ цѣлой группы зданій, которыя всѣ почти одноэтажныя и построены большею частью безъ всякой симметріи. Посѣтитель чрезъ крытыя ворота вступаетъ въ передній дворъ, гдѣ вдоль стѣнъ находятся жилища для слугъ, солдатъ, караульныхъ и т. д.; вторыя ворота ведутъ во внутренній дворъ, къ дому самого владѣльца, обнесенному крытыми верандами. Крыша дома утверждена на прочныхъ четырехугольныхъ столбахъ сосноваго дерева, поддерживаемыхъ болѣе или менѣе высокими обтесанными камнями. Пространство между столбами задѣлывается внизу камнемъ или кирпичомъ, а вверху досками или деревянными рѣшетками, при чемъ промежутки наполняются особымъ составомъ съ глиной. Отверстія для оконъ оставляются очень незначительныя.

Двери представляютъ простыя рамы, очень часто съ красивыми рѣшетками и съ внутренней стороны бываютъ оклеены бѣлой бумагой. Внутреннее помѣщеніе раздѣляется стѣнами на особые покои въ 5—6 метровъ длиной и шириной. Стѣны эти изъ дерева, весьма легки и тонки и удобно снимаются; онѣ клеены бѣлой бумагой. Потолковъ не полагается: вмѣсто нихъ крыша показываетъ свои стропила. Полъ сложенъ изъ боль-

ныхъ камней, покрытыхъ глиною и желтой бумагой *). Оригинальнымъ образомъ устроены печи: онѣ имѣютъ видъ углубленій въ полу, при чемъ отверстіе для выхода дыма сдѣлано въ нижней части стѣны. Вслѣдствіе этого, когда начинается топка, дымъ выходитъ на улицу и стелется прямо по землѣ. Можно себѣ представить, каково бываетъ проходить въ это время по улицѣ!

На лѣтнее время у богатыхъ корейцевъ имѣются особыя, приспособленныя къ этому сезону помѣщенія. Въ такихъ помѣщеніяхъ стѣны почти цѣликомъ состоятъ изъ большихъ двустворчатыхъ и четырехстворчатыхъ оконъ и дверей, которыя, когда открыты, даютъ свободный доступъ внутрь дома свѣжему воздуху.

При большихъ домахъ есть сады, гдѣ всегда найдется нѣсколько акацій, сосенъ и плодовыхъ деревьевъ, а часто можно видѣть и цѣлыя изгороди изъ азалій, піоній и другихъ цвѣточныхъ растеній.

Чѣмъ домовладѣлецъ бѣднѣе,—а въ Кореѣ почти всѣ домовладѣльцы, такъ какъ отдавать въ наемъ квартиры не принято,—тѣмъ бѣднѣе и жалче его домъ. Хижина бѣдняка сложена изъ неотесанныхъ камней, внутреннія стѣны образуютъ совершенно необдѣланныя деревянныя рѣшетки, вымазанныя съ обѣихъ сторонъ глиной. Крыша соломенная; на ней часто красуются растущія тыквы, изъ толстой оболочки которыхъ корейцы дѣлаютъ сосуды.

Такихъ и еще болѣе жалкихъ домовъ встрѣчается весьма много въ самой «столицѣ» Кореи. Горе, когда случится пожаръ: огнегасительныхъ средствъ почти не существуетъ и во время пожара вся борьба съ огнемъ сводится только къ сломкѣ объятаго пламенемъ строенія.

Внутренняя обстановка корейскихъ домовъ также весьма проста. Такъ какъ всякую работу кореецъ совершаетъ сидя на корточкахъ, то онъ не знаетъ ни столовъ, ни стульевъ. Единственный столъ, за которымъ онъ ѣстъ и пьетъ, не выше 25 сантиметровъ и имѣетъ круглую или восьмиугольную доску около полуметра въ поперечникѣ. Кушанья подаются на столъ въ небольшихъ металлическихъ или фарфоровыхъ чашкахъ. Пищу ѣдятъ двумя деревянными палочками, только рисъ—плоской металлической ложкой.

Изъ мебели обращаютъ на себя вниманіе красивые шкафы изъ разноцвѣтнаго дерева, обитые желтой мѣдью, съ выдвижными ящиками и разборными полками, а также передвижныя ширмы, разрисованныя или вы-

---

*) Слѣдуетъ замѣтить, что корейская бумага не чета нашей. Она выдѣлывается изъ коры тутоваго дерева и походитъ на полотно; она такъ прочна, что ее можно разорвать съ трудомъ. Употребленіе ея разнообразно — она служитъ для выдѣлки шляпъ, мѣшковъ, свѣчныхъ фителей, башмачныхъ подошвъ и т. д. Будучи пропитана масломъ, она служитъ матеріаломъ для дождевыхъ зонтиковъ и непромокаемыхъ плащей.

шитыя шелками. Для храненія одежды служатъ или лакированные, обитые желтою мѣдью ящики, или большіе цвѣтные короба изъ папки.

Кроватей нѣтъ: постель лежитъ прямо на полу. Бѣднякъ спитъ на соломенной рогожѣ, при чемъ его голова покоится на деревянномъ чурбанѣ. У зажиточныхъ людей имѣются ватныя подушки, покрытыя цвѣтными матеріями, а постель богача вышита шелками.

Полъ обыкновенно укрытъ цыновками, искусно-сплетенными изъ соломы или мочалы; зимой ихъ роль исполняютъ также шкуры изюбря, а въ домахъ высшихъ чиновниковъ—тигровыя и леопардовыя.

Въ лѣтнюю пору окна, въ особенности въ женской половинѣ дома, часто завѣшиваются особаго рода шторами изъ длинныхъ тонкихъ бамбуковыхъ палочекъ, связанныхъ между собою нитками; шторы эти бываютъ украшены разными узорами.

Одежда корейцевъ значительно отличается отъ той, какую носятъ ихъ сосѣди китайцы и японцы. Главную ея часть составляютъ необъятной ширины панталоны. Въ лѣтніе жары у низшаго рабочаго люда (кули) это часто единственное одѣяніе. Панталоны почти всегда изъ бѣлой или, по крайней мѣрѣ, бывшей когда-то бѣлою, бумажной матеріи; только во время траура, онѣ, какъ и вся одежда, бываютъ сѣрыя. У важныхъ персонъ панталоны дѣлаются изъ бѣлой шелковой матеріи. За панталонами слѣдуетъ бѣлая или цвѣтная (у дѣтей красная) куртка. На ноги надѣваются бумажные чулки, которые у многихъ даже лѣтомъ бываютъ на ватѣ. Пословица: «паръ костей не ломитъ», примѣняется, какъ видно, и въ Кореѣ. Обувью служатъ сплетенные изъ соломы, а у болѣе состоятельныхъ—изъ веревокъ башмаки. Чиновный людъ и богачи носятъ башмаки изъ сыромятной кожи, подбитые здоровыми гвоздями. Болѣе нарядную обувь представляютъ башмаки изъ тонкой кожи, но обтянутые цвѣтнымъ сукномъ. Въ дождливую погоду, въ распутицу, когда улицы покрываются непролазною грязью, надѣваются деревянные башмаки.

Верхняя одежда очень широкаго покроя съ длинными рукавами; у тальи она опоясывается лентой или же цвѣтнымъ шнуромъ съ кистями. Чѣмъ выше положеніе или чинъ человѣка, тѣмъ длиннѣе рукава. Послѣдніе замѣняютъ собою и карманы: въ нихъ прячутся гребни, кисетъ, замѣняющій платокъ продолговатый ярко-желтый лоскутокъ для утиранія пота (носъ даже важныя лица утираютъ прямо пальцами).

Большую оригинальность представляютъ головные уборы. Въ дѣтскомъ возрастѣ корейцы носятъ волосы заплетенными въ одну толстую косу, спускающуюся внизъ по спинѣ. Въ торжественныхъ случаяхъ въ косу вплетаются цвѣтныя ленты съ надписями китайскими буквами. Когда кореецъ достигнетъ такого возраста, что можетъ вступить въ бракъ,—а это въ Кореѣ весьма часто случается уже въ 12 л.,—то длинные волосы обрѣзываются до плечъ, со всѣхъ сторонъ зачесываются вверхъ, къ ма-

ковкѣ и здѣсь сплетаются въ прямоторчащую косичку. Голова покрывается длинной и узкой, сплетенной изъ черныхъ конскихъ волосъ полоской, которая охватываетъ голову на подобіе кольца. Уже на эту повязку надѣвается уродливой формы шляпа, внутренній объемъ которой всегда меньше самой головы, такъ что шляпа представляется едва прикасающейся къ послѣдней. Шляпы выдѣлываются съ большимъ искусствомъ. Матеріаломъ для нихъ служитъ окрашенный въ черную краску бамбукъ, очень ловко сплетенный съ конскимъ волосомъ. Къ шляпѣ пришиваются двѣ ленты, которыя связываются подъ подбородкомъ. Такъ какъ привязанную шляпу съ головы часто снимать хлопотливо, то, вѣроятно, этимъ объясняется, что во время привѣтствія, такъ же, какъ при входѣ въ чужой домъ и пребыванія въ гостяхъ, кореецъ къ ней не прикасается: только у себя дома онъ откладываетъ свою шляпу въ сторону, покрывая голову домашней шапочкой изъ конскихъ волосъ.

Одѣяніе женскаго пола въ общемъ сходно съ мужскимъ. Женщины и дѣвушки также носятъ широкія панталоны и полотняныя или шелковыя кофты, которыя у молодыхъ дѣвушекъ или новобрачныхъ розоваго или желтаго цвѣта, у женщинъ до 30-лѣтняго возраста лиловыя, у зашедшихъ за этотъ возрастъ бѣлыя. Взамѣнъ платья представительницы прекраснаго пола обвертываются въ широкую голубую ткань, охваченную подъ мышками поясомъ. Кореянки не слѣдуютъ обычаю китайскихъ женщинъ уродовать свои ноги, чтобы придать имъ меньшую величину. Но обувью пользуются далеко не всѣ: простолюдинки путешествуютъ всегда «на босую ногу». Ихъ косы, обвитыя кругомъ головы, сложены такимъ образомъ, что служатъ для установки кувшиновъ съ водою и иныхъ тяжелыхъ предметовъ, которые онѣ носятъ обыкновенно на головѣ.

Въ пищѣ корейцы,—разумѣется народная масса,—крайне не взыскательны. Преобладаетъ у нихъ пища растительная. Говядина при недостаточности скотоводства, употребляется рѣдко. Мясную пищу доставляютъ преимущественно свиньи и собаки, которыхъ въ Кореѣ содержится много. Въ большомъ употребленіи рыба. По берегамъ рѣкъ встрѣчается множество удильщиковъ. Рядомъ съ этими рыболовами стоитъ чашка съ соусомъ изъ толченаго перца, и лишь только на удочку попадется какая рыбешка, удильщикъ схватываетъ ее пальцами, обмакиваетъ въ соусъ и съѣдаетъ. Основу питанія составляетъ, однако, рисъ. Но какъ ни невзыскателенъ кореецъ, ему часто приходится испытывать голодовки. За-то дорвавшись до пищи, кореецъ вознаградитъ себя за чрезмѣрный постъ. Накармливать до отвала стараются даже малыхъ дѣтей. Мать, взявъ на руки ребенка, наполняетъ ему ротъ рисомъ или другой какой пищей, похлопывая временами по животику ручкой ложки, чтобъ узнать —наполнился-ли онъ достаточнымъ образомъ или нѣтъ. Такого рода корм-

леніе продолжается до тѣхъ поръ, пока ребенокъ не утратитъ возможности проглотить хотя одинъ кусокъ.

Кореецъ готовъ ѣсть во всякую пору; онъ накидывается на все, что подвернется подъ руку. Если такая наклонность къ обжорству и поддерживается въ бѣднякахъ частыми голодовками, то среди достаточнаго класса она зависитъ отъ привычки, поддерживаемой зажиточностью. Зажиточные люди ѣдятъ въ опредѣленные часы, но и въ промежуткахъ они при удобномъ случаѣ постараются наѣсться фруктовъ, сластей и т. п. въ какомъ-бы то ни было количествѣ.

Корейцы падки и до выпивки. Пьянство «до положенія ризъ» и до потери сознанія—дѣло самое заурядное даже между представителями высшаго правящаго класса. Важныя персоны, въ родѣ министровъ, не считаютъ для себя позоромъ упиться до того, что скатываются на полъ, гдѣ и остаются до тѣхъ поръ, пока проспятся.

II.

Корейцевъ причисляютъ къ одной расѣ съ китайцами и японцами, хотя своимъ внѣшнимъ видомъ они отличаются отъ тѣхъ и отъ другихъ. Ростъ ихъ выше средняго, черты лица довольно правильны и мягки. Многіе корейцы носятъ бороды. Языкъ корейцевъ изученъ еще очень мало, хотя французскіе миссіонеры занялись этимъ дѣломъ давно. Миссіонеръ Давели долго трудился надъ составленіемъ китайско-корейско-французскаго словаря; Пуртье обработалъ словарь корейско-китайско-латинскій; Птитниколя составилъ словарь латинско-корейскій. Всѣ эти труды такъ же, какъ и грамматика корейскаго языка, составленная общими трудами, были уже приведены къ окончанію, какъ въ 1866 г. началось гоненіе—все было схвачено и сожжено... По имѣющимся свѣдѣніямъ, корейскій языкъ принадлежитъ къ такъ называемымъ агглютинирующимъ т. е. къ одной категоріи съ японскимъ. Но въ отличіе отъ японскаго, онъ имѣетъ настоящую азбуку изъ гласныхъ и согласныхъ изображаемыхъ каждая отдѣльно, иначе говоря—письмо его алфавитно, а не силлабично. Корейская азбука заключаетъ 25 буквъ—11 гласныхъ и 14 согласныхъ. Пишутъ корейцы строчками сверху книзу, слогъ надъ слогомъ, въ видѣ вертикальныхъ столбцовъ, начиная съ правой страницы. Нумерація точно также ведется отъ правой руки къ лѣвой. Такимъ образомъ, начало корейской книги оказывается тамъ, гдѣ у насъ конецъ. Существительныя имена не имѣютъ родовъ, но для различія половъ употребляются особыя названія ихъ, помѣщаемыя впереди существительныхъ, слова сіу (для мужского рода) и амъ (для женскаго). Склоненіе одно, но съ 9 или 10 падежами. Имена прилагательныя отсутствуютъ—ихъ замѣняютъ или существительныя (напр., человѣческая

душа—человѣка душа) или причастія. Личныхъ мѣстоименій лишь два—я и ты; вмѣсто онъ служитъ указательное тотъ. Числительность не идетъ далѣе 99: 100, 1000 и т. д. заимствованы съ китайскаго. Замѣчательную особенность представляютъ глаголы. Кореецъ видоизмѣняетъ окончанія сообразно тому, съ кѣмъ онъ ведетъ рѣчь—съ высшимъ, равнымъ или низшимъ по положенію человѣкомъ. Мало того: они употребляютъ разные оттѣнки, когда говорятъ съ лицомъ болѣе или менѣе высокопоставленнымъ, съ равнымъ, котораго не знаютъ, съ равнымъ, который съ ними друженъ и т. д.

Но родной языкъ въ Кореѣ въ совершенномъ загонѣ, такъ какъ въ страну эту проникла китайская культура. Китайскій языкъ сдѣлался официальнымъ языкомъ правительства и высшаго круга. Всѣ представители бюрократіи должны вести дѣла на китайскомъ. Лѣтописи государства, указы, приказы мандариновъ, судебныя рѣшенія, ученыя книги, надписи на монументахъ, письма, счеты, конторскія купеческія книги, вывѣски на магазины—все это пишется китайскими буквами. Не одни такъ называемые образованные, но и люди простого званія знаютъ разбирать и писать эти буквы. Эту премудрость изучаютъ и въ семьяхъ, и въ школахъ, а для дѣтей знатныхъ корейцевъ вся наука сводится къ китайщинѣ.

Но вліяніе Китая сказалось не въ одномъ языкѣ, а вообще въ навязываніи странѣ своей мертвящей культуры. Какъ въ Китаѣ, въ Кореѣ религія Конфуція, установленная закономъ, сдѣлалась господствующею, культъ ея призванъ государственнымъ, при чемъ всякое существенное отступленіе отъ него признается тяжкимъ преступленіемъ. Какъ и въ Китаѣ, въ Кореѣ установилось почитаніе предковъ, какъ и въ Китаѣ, въ Кореѣ есть послѣдователи буддизма (религія Фо), хотя послѣдній здѣсь въ упадкѣ. Такъ какъ ученія Конфуція и Фо представляютъ въ сущности два разные вида атеизма, то, существуя рядомъ, оба они вызвали въ умахъ корейцевъ безвѣріе, соединенное съ формальнымъ выполненіемъ разныхъ обрядностей. При этомъ въ народѣ развилось страшное суевѣріе. Корейцамъ всюду мерещатся черти; они вѣрятъ въ несчастные и счастливые дни, въ благопріятныя и неблагопріятныя мѣста; они постоянно прибѣгаютъ къ помощи колдуновъ, заклинаніямъ, гаданіямъ передъ, во время и по окончаніи каждаго предпріятія.

Политическое, соціальное и экономическое положеніе Кореи, какъ страны, находящейся въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Китаю, самое жалкое. Корейскіе короли при своемъ вступленіи, посредствомъ особаго посольства, должны испрашивать инвеституру у китайскаго богдыхана; при этомъ они получаютъ свое имя. Въ іерархической лѣстницѣ они поставлены ниже большинства посланниковъ китайскаго правительства: они обязаны выходить изъ своей столицы для ихъ встрѣчи и выраженія

своего глубочайшаго почтенія, избирая при этомъ для выхода иныя, а не тѣ ворота, чрезъ которыя вступилъ посланникъ. Ежегодно въ Пекинъ отправляется спеціальная корейская миссія для уплаты дани и полученія календаря. Полученію календаря придается особое значеніе: въ Китаѣ утвержденіе календаря принадлежитъ императору, и отступленіе отъ него карается смертной казнью.

При всемъ своемъ приниженномъ и жалкомъ положеніи въ отношеніи Китая, корейскій король считается въ собственной странѣ настоящимъ владыкою живота и смерти своихъ подданныхъ. Король имѣетъ полную власть пользоваться и злоупотреблять всѣмъ, что находится въ его королевствѣ; онъ имѣетъ право жизни и смерти надъ всѣми подданными безъ исключенія, будь они министры или принцы королевской крови. Его особа священна, его окружаютъ всевозможнымъ уваженіемъ, ему подносятъ съ религіозной торжественностью первые плоды, первыя зерна при уборкѣ хлѣба, ему воздаютъ почти божескія почести. Какъ только онъ получаетъ отъ китайскаго императора, одновременно съ инвеститурою, собственное имя, такъ немедленно, изъ уваженія къ его высокому сану, запрещается подъ страхомъ жестокихъ наказаній когда-бы то ни было произносить его имя, которое должно употреблять только въ офиціальныхъ сношеніяхъ съ пекинскимъ дворомъ. Уже послѣ смерти короля, его преемникъ даетъ имя, подъ которымъ онъ долженъ быть извѣстенъ въ исторіи». Въ присутствіи короля никто не имѣетъ права носить покрывало, которымъ обыкновенно защищаютъ лицо знатные корейцы; *никто не имѣетъ права носить очки.* Касаться такой особы нельзя. Изображеніе короля воспрещается выбивать на монетахъ, такъ какъ послѣднія, при обращеніи, проходятъ чрезъ массу рукъ, падаютъ въ пыль и грязь. Если король къ чему-нибудь прикоснется самъ, то предметъ дѣлается священнымъ и т. д. и т. д.

При корейскомъ королѣ состоитъ три хонча, или министра, за которыми слѣдуютъ шесть другихъ министровъ, съ помощниками и совѣтниками. Въ сущности власть, однако, сосредоточивается въ верховномъ совѣтѣ трехъ первыхъ лицъ. Министры второго класса или ихъ помощники и совѣтники должны представлять подробные ежедневные рапорты для ознакомленія главы государства съ положеніемъ дѣлъ въ странѣ, но издаютъ распоряженія второстепенной важности, во всѣхъ-же значительныхъ случаяхъ обязаны сноситься съ верховнымъ совѣтомъ. За министрами слѣдуетъ многочисленный классъ чиновничества. Чиновничество раздѣляется на ранги, при чемъ принадлежащіе къ первымъ двумъ рангамъ имѣютъ право носить шелковыя одежды, а прочіе лишь хлопчатобумажныя. Несмотря на то, что въ Кореѣ существуетъ заимствованные изъ Китая государственные экзамены для занятія разныхъ должностей, экзамены эти получили на корейской почвѣ иной характеръ. Въ Китаѣ

къ экзаменамъ имѣетъ доступъ всякій, въ Кореѣ-же законъ этотъ остается мертвой буквой, потому что на экзаменахъ появляются лишь представители знати. Благодаря пополненію высшихъ и вообще выдающихся должностей представителями аристократіи, которая сама по себѣ имѣетъ силу, роль этого сословія усилилась въ Кореѣ до невозможности.

Пять столѣтій назадъ корейскій народъ слагался только изъ двухъ классовъ—дворянъ и рабовъ. Дворянскій классъ составили сторонники основателя династіи, способствовавшіе вступленію его на престолъ и получившіе въ воздаяніе за это богатство, почести и исключительное право на полученіе почетныхъ званій и государственныхъ должностей. Остальная часть населенія, подпавшая подъ ихъ власть, состояла изъ крѣпостныхъ земледѣльцевъ и рабовъ. Мало-по-малу крѣпостные отвоевали себѣ свободу и образовали сословія землепашцевъ, купцовъ, ремесленниковъ и т. п. Такимъ образомъ, въ настоящее время существуютъ три главныя сословія—дворяне, свободный (?) народъ и рабы

Корейское дворянство самое сильное въ мірѣ. Во всѣхъ другихъ странахъ государь, правительство, различныя корпораціи образуютъ силу, которая удерживаетъ дворянъ въ извѣстныхъ границахъ и уравновѣшиваетъ ихъ власть. Въ Кореѣ дворяне такъ многочисленны и, несмотря на свои внутренніе раздоры, такъ хорошо умѣютъ соединяться для охраненія и увеличенія привилегій своей касты, что ни народъ, ни мандарины, ни самъ король не могутъ бороться съ ихъ мощью. Дворянинъ изъ высшей аристократіи, подкрѣпляемый нѣсколькими могущественными фамиліями, смѣло можетъ отрѣшить министровъ и нисколько не бояться короля. Губернаторъ или мандаринъ, который осмѣлился-бы наказать какого-нибудь высокопоставленнаго дворянина, былъ-бы немедленно уволенъ отъ должности. Кореецъ знатнаго происхожденія считаетъ въ правѣ дѣлать все, что ему угодно, напр., если у него въ карманѣ пусто, онъ преспокойнѣйшимъ образомъ посылаетъ собственныхъ слугъ захватить кого-нибудь изъ купцовъ или крестьянъ. Въ случаѣ «добровольнаго» подчиненія, захваченныхъ отпускаютъ, въ случаѣ-же сопротивленія—ведутъ въ домъ дворянина, арестуютъ, морятъ голодомъ и истязуютъ до тѣхъ поръ, пока не получатъ вымогаемой суммы. Когда дворянинъ *покупаетъ* у крестьянина землю или домъ, онъ не платитъ за «покупку», и ни одинъ мандаринъ не рѣшится прекратить такой грабежъ.

Попирая ногами права другихъ, прибѣгая къ насиліямъ и явному грабежу, корейское дворянство вмѣстѣ съ тѣмъ постаралось обставить себя всевозможными привилегіями. Напр., никто не можетъ даже приблизиться къ лицу дворянскаго происхожденія; его домъ священенъ, даже входъ во дворъ считается преступленіемъ. Человѣкъ простого званія, если проѣзжаетъ мимо дворянскаго дома, долженъ сходить съ лошади; тоже

самое онъ долженъ продѣлать и при встрѣчѣ съ дворяниномъ на улицѣ и т. д. и т. д.

Понятно, что при неограниченномъ произволѣ дворянства и угнетенномъ положеніи народа, въ Кореѣ царитъ бѣдность. Зная, что собственность его всегда можетъ быть отнята, плодами трудовъ его могутъ воспользоваться другіе, кореецъ трудится лишь настолько, чтобы не умереть съ голода. Коль скоро заработокъ достаточенъ для удовлетворенія необходимыхъ ежедневныхъ нуждъ, кореецъ бросаетъ работу. Крестьяне работаютъ лишь въ лѣтнее время, а зимою отдаются отдыху. Свободное отъ занятій время,—а такого времени у него не мало, — кореецъ предается игрѣ, сну и просто куренью. Но женщина должна отдѣлываться за двоихъ—готовить пищу, ткать полотно, шить одежду, справлять разныя полевыя работы. При всемъ томъ законъ не признаетъ за нею никакихъ правъ. У нея нѣтъ даже имени. Въ кругу семьи, въ дѣтскомъ возрастѣ, она получаетъ лишь извѣстную кличку; для стороннихъ — она просто сестра или дочь такого-то. Въ домахъ зажиточныхъ корейцевъ женскіе покои совершенно отдѣлены отъ помѣщеній мужчинъ, и для корейской женщины считается стыдомъ, если ее увидитъ какой-нибудь сторонній мужчина. Эти бѣдныя существа никогда не осмѣливаются показать глаза на улицу, если же пожелаютъ посѣтить какой-нибудь домъ, то отправляются въ совершенно закрытыхъ носилкахъ. На улицахъ можно встрѣтить только простолюдинокъ, но и сельчанки, приходящія въ городъ, стараются скрываться отъ нескромныхъ взоровъ тѣмъ, что натягиваютъ на лицо подолы платья, оставивъ лишь отверстіе для глаза.

Корейцевъ упрекаютъ въ упрямствѣ, вспыльчивости и мстительности. Говорятъ, что чувство состраданія имъ чуждо. Въ доказательство, между прочимъ, приводятъ такой случай. Одинъ простолюдинъ, убившій въ дракѣ своего противника, былъ присужденъ корейской Ѳемидой къ забитію палками. Родственники осужденнаго, давъ взятку «кому слѣдовало», исходатайствовали менѣе ужасный родъ казни—удавленіе. Палачи взялись за дѣло и вмѣсто того, чтобы покончить съ жертвою разомъ, принялись, въ угоду собравшейся толпѣ зѣвакъ, то затягивать веревку на шеѣ несчастнаго, то снова отпускать ее. Толпа изъ взрослыхъ и дѣтей съ упоеніемъ смотрѣла на дикую потѣху, а когда у умиравшаго появились предсмертныя конвульсіи, въ зрителяхъ раздавались взрывы неистоваго хохота. Ставятъ корейцамъ, затѣмъ, въ вину ихъ жадность: изъ за денегъ они будто-бы готовы на все. Они покровительствуютъ даже кражѣ. Но здѣсь возникаетъ вопросъ: кто собственно, какой классъ проявляетъ эту жадность — простонародье находится въ такомъ загонѣ и испытываетъ такую бѣдность, что немудрено, если въ немъ и проявляются инстинкты наживы. Притомъ къ этой наживѣ побуждаютъ его правящіе классы. Начальство установило, напримѣръ, на слугъ, проживающихъ

у иностранцевъ, родъ особой подати, соразмѣрно получаемому ими жалованью и состоятельности хозяевъ. Одному корейцу, находившемуся въ услуженіи у нѣкоего американскаго купца, приказано было даже отдавать мѣстному мандарину все жалованье цѣликомъ. Когда этотъ слуга возразилъ, что ему нечѣмъ станетъ существовать, то получилъ въ отвѣтъ—«У твоего хозяина много вещей—кради». Очевидно, что страстью къ наживѣ одержимъ не столько народъ, сколько правящіе классы, т. е. мандарины и дворяне.

Однако, и тѣ, кто обвиняетъ корейцевъ огуломъ въ жестокости и страсти къ стяжанію, не отрицаютъ чрезвычайно развитаго чувства взаимопомощи. Гостепріимство соблюдается всѣми. По корейскимъ обычаямъ считается постыднымъ и даже преступнымъ отказать въ пищѣ даже незнакомому, если онъ приходитъ въ домъ. Бѣдняки-рабочіе, совершающіе свою трапезу гдѣ-нибудь у края дороги, дѣлятся своей скудной пищей съ каждымъ прохожимъ. Небогатому человѣку, пускающемуся въ далекій путь, не нужно тратиться много на приготовленія—палка, трубка, смѣна платья, да немного денегъ—вотъ и все, что ему необходимо. Останавливаться въ гостиницѣ ему не нужно; съ наступленіемъ ночи онъ смѣло можетъ войти въ любой изъ частныхъ домовъ и найти тамъ и пріютъ и пищу. Въ важныхъ случаяхъ жизни, напримѣръ, при заключеніи браковъ, при похоронахъ и т. п., всѣ признаютъ обязанностью оказать помощь семейству, гдѣ происходятъ бракъ или похороны. Одни принимаютъ на себя закупки, другіе—устройство самой церемоніи и т. д. Если кто-нибудь лишится пристанища, вслѣдствіе пожара, наводненія или иного несчастнаго обстоятельства, сосѣди всѣми силами стараются помочь сооруженію новаго дома--кто камнемъ, кто деревомъ, кто соломой...

Отсюда видно, что корейскій характеръ представляетъ не однѣ дурныя стороны, есть въ немъ черты, заслуживающія полной похвалы, черты, которыхъ не встрѣтишь и у христіанъ.

Впрочемъ, и то надо сказать, что въ отзывахъ о корейскомъ характерѣ встрѣчается не мало противорѣчій. Миссіонеръ Далле, напр., говоритъ, что развратъ и испорченность нравовъ превышаетъ всякое вѣроятіе. Между тѣмъ г. Вагинъ, въ своей статьѣ «Корейцы на Амурѣ», утверждаетъ, что «корейцы въ высшей степени нравственны; женщины ихъ чрезвычайно скромны. Стремленіе корейцевъ сохранить добрую нравственность доказывается уже тѣмъ, что у нихъ существуетъ особая и притомъ почетная должность блюстителя нравовъ». Трудно допустить, чтобы въ корейцахъ, переселившихся въ предѣлы Россіи, произошла такая чудодѣйственная перемѣна. Вѣроятно, и Далле и Вагинъ сильно преувеличиваютъ дѣло, каждый въ свою сторону.

Главное занятіе корейскаго населенія—земледѣліе. Сѣется преимущественно рисъ. Интересно, что ленъ хотя и произрастаетъ, но встрѣ-

чается какъ дикое горное растеніе, которымъ корейцы пользуются только какъ топливомъ въ смѣси съ негодными травами. Коноплей не такъ пренебрегаютъ, изъ нея, по крайней мѣрѣ, изготовляютъ рѣдкую ткань, употребляемую для траура или дѣтскаго платья. Главнымъ матеріаломъ для изготовленія одѣянія является хлопокъ. Мѣстный шелкъ отличается неудовлетворительными качествами—онъ крайне грубъ, да и получается въ незначительномъ размѣрѣ.

Скотоводство ничтожно. Интересно, что его развитію ставитъ преграды само правительство. Хотя на всѣхъ корейскихъ горахъ съ успѣхомъ можно разводить овецъ, овцеводства почти не существуетъ, такъ какъ правительство запрещаетъ заниматься этой отраслью хозяйства частнымъ лицамъ. Только въ нѣкоторыхъ округахъ мандарины держатъ по нѣсколько овецъ, но лишь для жертвоприношеній Конфуцію.

Мануфактурная промышленность носитъ характеръ чисто кустарнаго производства. Кореецъ-поселянинъ привыкъ удовлетворять свои потребности самоличными силами. Въ своемъ домѣ онъ попеременно является то красильщикомъ, то плотникомъ, то портнымъ, то каменщикомъ. Онъ самъ выдѣлываетъ изъ риса вино, приготовляетъ масло и другіе продукты, а его жена и дочери прядутъ пряжу, ткутъ матеріи. Одѣяніе, соломенная и деревянная обувь, корзины, короба, метлы, веревки, циновки, земледѣльческія орудія у корейца—все самодѣльное. При нуждѣ онъ превращается въ плотника и каменщика—исправляетъ свое жилье. Но изготовляя все самъ, кореецъ ни въ чемъ не достигаетъ не только совершенства, но даже удовлетворительности. Напримѣръ, корейскія ткани крайне грубы, другія издѣлія домашняго производства также примитивнаго характера. Корейцы, по замѣчанію Далле, стоятъ въ отношеніи ремеслъ на томъ-же уровнѣ, на какомъ оказались люди послѣ потопа, т. е. когда всѣ искусства и ремесла пришлось начинать снова. Въ одномъ корейцы достигли успѣха—въ выдѣлкѣ особаго сорта бумаги, которая прочна какъ ткань. При неудовлетворительности и ограниченныхъ размѣрахъ мануфактурной промышленности, торговля въ Кореѣ, естественно, развита очень слабо. Но успѣхамъ ея препятствуютъ и другія неблагопріятныя условія—плачевное состояніе дорогъ и несовершенство монетной системы. Удобная для судоходства рѣка въ Кореѣ—рѣдкость, лишь по немногимъ изъ нихъ могутъ ходить барки, что-же касается грунтовыхъ дорогъ, то онѣ въ огромномъ большинствѣ представляютъ только вьючныя тропы. На рѣкахъ роль мостовъ выполняютъ крупныхъ размѣровъ камни, разбросанные по рѣчному руслу въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другого. Рѣже встрѣчаются свайные мосты, съ деревянной, покрытой землею настилкой. Такъ-какъ мосты этого рода очень непрочны, то въ половодье, которое очень часто лѣтомъ, ихъ сноситъ или затопляетъ теченіемъ. Въ такомъ случаѣ, путешественнику остается лишь

выкупаться при переправѣ. Важныя лица избѣгаютъ этихъ ваннъ тѣмъ, что взбираются на плечи проводниковъ. Понятно, что такіе пути могутъ служить не сообщенію, а разобщенію.

Вредитъ развитію торговли и монетная система. Золотая и серебряная монета отсутствуетъ, и единственною монетою является сапекъ—сплавъ мѣди со свинцомъ или цинкомъ, въ видѣ небольшого куска съ отверстіемъ по серединѣ, которое служитъ для нанизыванія монетъ, подобно нашимъ «баранкамъ», на веревки. Деньги эти такъ тяжелы, что если кому-нибудь приходится уплачивать крупную сумму, то онъ долженъ звать цѣлую толпу носильщиковъ. Но въ сѣверныхъ провинціяхъ Кореи и такой примитивной монеты въ обращеніи не имѣется: тамъ всѣ торговыя сдѣлки основаны еще на мѣнѣ.

Таково-то положеніе страны, послужившей «яблокомъ раздора» между Японіей и Китаемъ,—положеніе, можно сказать, болѣе чѣмъ печальное. Деспотическое правительство, самовластное, незнающее удержу въ своихъ притязаніяхъ дворянство и забитая, загнанная, обнищавшая народная масса—вотъ что мы видимъ въ этой странѣ.

Л. Павловъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Біографія и общая характеристика Писарева *).

Дѣтскіе годы.—Первая любовь.—Университетская жизнь, студенческій кружокъ, Трескинъ.—Движенія въ университетѣ, женскій вопросъ, разборъ «Обломова» въ «Разсвѣтѣ».—Первыя статьи Писарева въ «Русскомъ Словѣ».—Психическое разстройство, окончаніе университета.—Заключеніе романа и скандалъ на вокзалѣ Николаевской желѣзной дороги.—Крѣпость.—Труды, письма, новый романъ въ письмахъ и новая неудача.—Освобожденіе.—Послѣдняя любовь, ссора съ Благосвѣтловымъ, сотрудничество въ «Отечественныхъ Запискахъ».—Смерть.—Заключеніе.

Статья I.

I.

Своеобразная, совершенно законченная фигура рисуется предъ нами при изученіи немногочисленныхъ біографическихъ документовъ, относящихся къ жизни рано угасшаго литературнаго таланта, начавшаго свою умственную карьеру среди шума и грохота журнальной борьбы, въ бур-

*) *Исторія новѣйшей русской литературы*, А. М. Скабичевскаго, Спб. 1891 Главы шестая и седьмая.—Сочиненія А. Скабичевскаго, Спб. 1890. Томъ I. *Дмитрій Ивановичъ Писаревъ*.—«С.-Петербургскія Вѣдомости», 1868. №№ 193. 194. *Воспоминанія о Дмитріѣ Ивановичѣ Писаревѣ* (1857—1861). П. Полевого.—Тамъ-же № 197. *Недѣльные очерки и картинки* (Нѣчто о г. Благосвѣтловѣ) Незнакомца (А. С. Суворина).—Біографическая библіотека Ф. Павленкова. *Д. И. Писаревъ, его жизнь и литературная дѣятельность*. Е. Соловьева, Спб. 1893.—Сочиненія Н. В. Шелгунова, томъ второй. Спб. 1891. *Изъ прошлаго и настоящаго*, главы XVIII и XIX.—«Дѣло», 1868 г. Августъ, *Съ Невскаго берега* (Похороны Д. И. Писарева).—«Отечественныя Записки». 1868, Іюль. *Некрологъ. Д. И. Писаревъ*. Н. К.—«Русское Обозрѣніе» 1893 г. Январь: *Письма покойнаго Д. И. Писарева, писанныя имъ къ разнымъ лицамъ изъ подъ ареста*. Предисловіе А. Д. Данилова. *Письмо Д. И. Писарева къ Р. А. Г. Письмо къ дѣвушкѣ, никогда авторомъ его не видѣнной*. Февраль: *Второе письмо Д. И. Писарева къ той-же дѣвушкѣ*. Мартъ: *Письмо къ Г. Е. Благосвѣтлову*. Іюнь: *Письмо къ Благосвѣтлову*. Августъ: *Письмо къ Благосвѣтлову*.—Октябрь: *Письмо къ Благосвѣтлову* [illegible]

ную эпоху шестидесятыхъ годовъ. Это былъ человѣкъ, который своей внѣшностью и физическимъ темпераментомъ мало походилъ на страстныхъ борцовъ, придававшихъ опредѣленный колоритъ современной ему журналистикѣ. Обычное впечатлѣніе, производимое на публику его статьями, совершенно не совпадало съ тѣмъ ощущеніемъ, которое онъ возбуждалъ при личныхъ встрѣчахъ. Казалось, что неумолимый разрушитель эстетики, съ злымъ сарказмомъ и поразительнымъ упорствомъ издѣвавшійся даже надъ Пушкинымъ, безпощадный и прямолинейный врагъ всякихъ житейскихъ кодексовъ, долженъ быть существомъ грубымъ, антиэстетическимъ, отрицающимъ на практикѣ все, что могло казаться излишнимъ съ точки зрѣнія убѣжденнаго реалиста того времени. Люди, не знавшіе Писарева въ лицо, руководимые ходячею легендою, должны были удивляться, увидѣвъ этого характернаго представителя извѣстнаго умственнаго движенія. Онъ былъ совсѣмъ не таковъ, какимъ его ожидали встрѣтить. Изящный, предупредительный, гладко причесанный и щеголевато одѣтый, охотно прибѣгающій въ разговорахъ къ французскому языку, сдержанный, хотя и самоувѣренный въ обращеніи, онъ могъ служить образцомъ изысканно воспитаннаго молодого человѣка изъ состоятельной дворянской семьи. Въ общемъ его нельзя было назвать красивымъ. Только большой, открытый и чистый лобъ и слегка выпуклые, темно-каріе глаза подъ правильно очерченными бровями были красивы, отражали твердый, ясный и свободно стремительный умъ. Въ остальныхъ частяхъ его лица было что-то дисгармоническое: длинный, слегка выдающійся подбородокъ, изъ подъ котораго торчала впередъ негустая бѣлокурая борода, жидкіе, высоко ростущіе усы, оставляющіе открытымъ край длинной верхней губы, яркій, нѣсколько вульгарный, кирпичнаго цвѣта румянецъ, какъ-бы застывшій на щекахъ — все это производило несовсѣмъ пріятное впечатлѣніе. Этому различію между верхней и нижней частью его лица отвѣчало явное несоотвѣтствіе между его блестящимъ, смѣлымъ умомъ и медлительнымъ, флегматичнымъ темпераментомъ, который не давалъ ему сразу развернуться и обнаружить себя въ одномъ патетическомъ моментѣ, въ одной страстной, поэтической вспышкѣ, который сообщалъ его діалектикѣ плавный, напряженный, рѣзкій, но холодный и нѣсколько резонерскій характеръ. Это былъ опасный спорщикъ—безъ увлеченій въ сторону, безъ скачковъ, безъ игры какими-бы то ни было психологическими эфектами, это былъ никогда не затрудняющійся, не ищущій словъ ораторъ, всегда имѣющій въ запасѣ закругленныя, безупречно литературныя выраженія, поражающій въ живой рѣчи тѣмъ-же, чѣмъ онъ изумлялъ всѣхъ, видѣвшихъ его рукописи: способностью излагать свои мысли прямо набѣло, безъ единой поправки и перестановки, одинаково твердымъ и безтрепетнымъ стилемъ и ровнымъ, четкимъ почеркомъ. Эти характерныя черты Писарева остались неизгла-

димыми въ воспоминаніи людей, приходившихъ съ нимъ въ соприкосновеніе при жизни. Компетентный цѣнитель краснорѣчія, блестящій, ядовитый ораторъ изъ корпораціи петербургскихъ адвокатовъ, другъ и товарищъ Писарева, В. И. Жуковскій, передававшій намъ въ личной бесѣдѣ свои живыя воспоминанія о немъ, не стертыя потокомъ времени, съ сочувственнымъ удивленіемъ говорилъ о необычайной плавности и стройности устной полемической діалектики Писарева: рѣчь его лилась безпрепятственно свободно, неутомимо, одинаково сильно и свѣтло въ каждомъ періодѣ. Старый типографъ В. Ѳ. Демаковъ, которому приходилось въ молодости въ качествѣ наборщика имѣть дѣло съ рукописями Писарева, съ восторженнымъ хохотомъ описывалъ намъ великолѣпныя достоинства этихъ чистыхъ, каллиграфически безупречныхъ оригиналовъ безъ единой помарки. Всѣ, видѣнные имъ, безчисленные, разнообразные писательскіе почерки слились въ его воображеніи во что то расплывчатое, неприглядное, мучительно нестерпимое для глазъ наборщиковъ, но почеркъ Писарева, эти чистыя страницы съ ровными строками и отчетливо выписанными буквами стоятъ въ его воображеніи со всею свѣжестью утѣшительныхъ отдохновеній. Иногда, разсказывалъ намъ типографъ, Писареву приходилось докончить статью въ типографіи, и необычная, шумная обстановка нисколько не мѣшала ему излагать свои мысли съ тою-же легкостью, непринужденностью и отчетливостью. Такимъ-же невозмутимо аккуратнымъ, слегка медлительнымъ былъ онъ всегда, съ молодыхъ лѣтъ до послѣднихъ дней своей короткой жизни. Даже во времена своего студенчества, въ демократической обстановкѣ товарищескаго общежитія, онъ не измѣнялъ ни въ чемъ своимъ корректнымъ привычкамъ благовоспитаннаго и склоннаго къ внѣшнему изяществу юноши. Къ утреннему чаю онъ выходилъ послѣднимъ. Въ то время. какъ товарищи безцеремонно сходились у самовара, безъ всякаго помышленія о своихъ костюмахъ, Писаревъ, равнодушно внимая ихъ призывамъ и понуканіямъ, сидѣлъ предъ зеркаломъ, приводя въ изысканнѣйшій порядокъ свои изжелта-бѣлокурые волосы, подчищая и подпиливая слегка отпущенные ногти.

— Дмитрій Ивановичъ, чай остылъ!—кричалъ кто нибудь изъ товарищей. А Дмитрій Ивановичъ тщательно снималъ послѣднія пылинки со своего моднаго, изъ толстаго сукна, пиджака. Въ общую комнату онъ выходилъ не иначе, какъ въ самомъ законченномъ и безукоризненномъ туалетѣ.

Въ годы возмужалости онъ былъ по характеру такимъ же, какимъ былъ въ дѣтствѣ и юности: чистоплотный, деликатный, уступчивый — во всемъ, кромѣ разсужденій. При темпераментѣ, неспособномъ на сильные взрывы, можно сказать безкрыломъ, его развитіе шло ровнымъ, безмятежнымъ, нѣсколько медленнымъ ходомъ. Онъ учился въ

дѣтствѣ цѣлыми часами безъ перерыва и даже на прогулкахъ упражнялся съ помощью матери въ передачѣ своихъ впечатлѣній на французскомъ языкѣ. Неповоротливый и несклонный ни къ какимъ физическимъ забавамъ, онъ находилъ удовольствіе въ чтеніи книгъ и въ раскрашиваніи картинокъ въ иллюстрированныхъ изданіяхъ. У него были слабые, нѣсколько вялые нервы и всякое неудовольствіе разражалось у него слезами. Дѣтство до десяти лѣтъ онъ провелъ въ деревнѣ, сначала въ селѣ Знаменскомъ, Орловской губерніи, потомъ въ усадьбѣ Грунецъ, Тульской губерніи, куда переселились его родители. Въ 1851 г. Писаревъ перевезенъ былъ въ Петербургъ на попеченіе дяди, который опредѣлилъ его въ 3-ю, классическую гимназію. Въ гимназіи Писаревъ учился прилежно, обнаруживая замѣтныя способности, тонкую память и ту особенную выправку, которая выдвигала его изъ толпы шумныхъ, шаловливыхъ товарищей. Безукоризненно и тщательно одѣтый, розовый, гладко причесанный и даже припомаженный, онъ производилъ впечатлѣніе,—разсказываетъ Скабичевскій—переодѣтой дѣвочки. Учебники его всегда содержались въ самомъ исправномъ видѣ, а каждая его тетрадочка въ красивой, радужной оберткѣ, съ пунцовымъ кляксъ-папиромъ на розовой ленточкѣ, занимала свое опредѣленное мѣсто въ его столѣ и сумкѣ. Самъ Писаревъ вспоминаетъ объ этомъ времени въ своей прекрасно написанной статьѣ «Наша университетская наука» съ нѣкоторымъ чуть-чуть напускнымъ юморомъ. «Я принадлежалъ въ гимназіи къ разряду овецъ, пишетъ онъ. Я не злился и не умничалъ, уроки зубрилъ твердо, на экзаменахъ отвѣчалъ краснорѣчиво и почтительно». Развитіе его не принимало широкаго размѣра и въ своихъ литературныхъ интересахъ онъ не шелъ тогда дальше романовъ Купера и Дюма. Онъ пробовалъ знакомиться съ Маколеемъ, но чтеніе подвигалось туго и казалось ему подвигомъ, требующимъ сильнаго напряженія. На критическія статьи въ журналахъ онъ смотрѣлъ, какъ на какіе то іероглифическія надписи, совершенно не доступныя человѣческому пониманію. Русскихъ писателей онъ зналъ тогда только по именамъ. «Словомъ, заключаетъ Писаревъ, я шелъ путемъ самаго благовоспитаннаго юноши»... Такъ проходили дѣтскіе годы Писарева, среди обычныхъ, нѣсколько безцвѣтныхъ гимназическихъ занятій и механическаго усвоенія мертвенной гимназической мудрости. Въ Петербургѣ, въ чопорной обстановкѣ аристократическаго родственника, мальчикъ не могъ развернуть тѣхъ умственныхъ силъ, которыя крылись за его лимфатическимъ отъ природы темпераментомъ. Ничто поэтическое не вливалось яркимъ лучомъ въ его прозаическую петербургскую жизнь. Ничто и въ немъ самомъ не обнаруживало никакихъ умственныхъ броженій, которыя впослѣдствіи, преодолѣвъ препятствія темперамента, вырвались въ его блестящихъ статьяхъ, очертившихъ опредѣленной, твердой линіей умственный горизонтъ цѣлой эпохи. Но его дѣтское сердце было

уже задѣто и тяготѣло къ маленькому, изящному существу, съ которымъ онъ могъ видаться только въ деревнѣ своихъ родителей въ дни вакаціонной свободы. Кузина Раиса, которую онъ любилъ съ девятилѣтняго возраста, была привезена въ его семью по смерти своей матери и должна была, до поступленія мальчика въ гимназію, воспитываться съ нимъ вмѣстѣ. Онъ обрадовался новому товарищу: его замкнутая, лишенная дѣтскихъ удовольствій жизнь стала болѣе разнообразной и веселой. Въ этой «хрустальной коробочкѣ», какъ прозвали Писарева съ самаго дѣтства, что-то зашевелилось, засвѣтилось, заиграло—взрослые легко могли наблюдать всякое, самое тонкое движеніе въ душѣ чистаго, правдиваго и необычайно откровеннаго ребенка. Между нимъ и кузиной Раисой сразу сложились какія-то странныя отношенія, вытекавшія изъ особенностей ихъ характеровъ. Они не походили другъ на друга и ихъ постепенное сближеніе должно было окончиться когда-нибудь трагически для Писарева. Еще въ раннемъ дѣтствѣ Раиса умѣла понимать людей, въ среду которыхъ она попадала при своемъ скитаніи отъ одного родственника къ другому, сразу, на лету, съ поразительной быстротой взгляда схватывая духъ новой обстановки. Не взявши ни одной фальшивой ноты, она легко приспосабливалась къ чужимъ людямъ. Съ гибкимъ умомъ, съ сильно развитымъ воображеніемъ, разгоряченнымъ преждевременнымъ чтеніемъ романовъ, хорошенькая и кокетливая, Раиса должна была сразу заставить биться сильнѣе сердце неуклюжаго мальчика съ эстетическими наклонностями. Но въ этой романтической привязанности преимущество съ самаго начала оставалось на сторонѣ бойкой, набравшейся разныхъ впечатлѣній дѣвочки, хотя разсудкомъ и знаніемъ онъ далеко превосходилъ ее. Она побѣждала его живымъ, поэтическимъ темпераментомъ, тѣми чертами своего характера, которыя развились на почвѣ этого темперамента и которыхъ недоставало ему. Она тревожила его нѣсколько вялое воображеніе, которому природа мѣшала самостоятельно раскаляться и вспыхивать побѣждающимъ и опаляющимъ огнемъ. Маленькій Писаревъ, съ его разсудочной твердостью и ясностью и сердечной прямотой, кротко шелъ по слѣдамъ хорошенькой кузины, почти молился на нее, терпѣливо выжидалъ ея дѣтской благосклонности, не будучи способенъ ни на какую страстную романтическую борьбу, въ которой иногда добывается взаимность. А Раиса, подростая, все смѣлѣе и смѣлѣе заглядывала своимъ острымъ, пытливымъ взоромъ въ глубину его вѣрнаго, любящаго, слегка безпомощнаго сердца, и не очаровываясь ничѣмъ, что она отгадывала въ немъ своимъ чисто женскимъ инстинктомъ, искала недостающихъ впечатлѣній помимо него. Видаясь съ нимъ ежегодно въ вакаціонное время, она постепенно отталкивалась и отдалялась отъ него. Дружескія отношенія ихъ не прекращались, но шансы его любви падали все ниже и ниже.

II.

Уже въ послѣднихъ классахъ гимназіи Писарева манило въ храмъ свободной науки, какимъ ему представлялся университетъ. По его собственному разсказу, самыя слова—студентъ, профессоръ, аудиторія, лекція,—заключали въ себѣ для него какую-то необъяснимую прелесть. Молодому, еще не жившему человѣку хотѣлось не кутежей, не шалостей, а какихъ-то неиспытанныхъ ощущеній, какой-то дѣятельности, какихъ-то стремленій. Даже внѣшніе атрибуты студенчества казались ему привлекательными: синій воротникъ, безвредная шпага, двуглавые орлы на пуговицахъ—все это плѣняло воображеніе. Писаревъ не чувствовалъ никакого особеннаго влеченія къ опредѣленному кругу наукъ. Въ немъ не было никакихъ инстинктовъ учености и потому, когда пришлось выбрать тотъ или другой факультетъ, онъ «въ одно мгновеніе ока, полюбовавшись на синеву воротника и на блескъ золоченаго эфеса шпаги», рѣшилъ поступить на филологическій факультетъ. Это было въ 1856 году, когда Писареву исполнилось всего шестнадцать лѣтъ. Въ университетѣ потянулась жизнь съ новыми впечатлѣніями, которыя должны были въ концѣ концовъ расшевелить его умственную природу. Каждый годъ вносилъ въ его душу новыя настроенія, которыя толкали его на путь его настоящаго призванія. Медленно, но вѣрно просыпался въ немъ публицистическій агитаторъ. На первыхъ порахъ однако въ Писаревѣ нельзя было замѣтить никакихъ перемѣнъ. Это былъ все тотъ-же ребенокъ, одѣтый съ иголочки, приглаженный и припомаженный и записывающій профессорскія лекціи въ тетрадяхъ съ цвѣтными обложками. Но въ аудиторіи онъ поражалъ своею умственною бойкостью и подготовленностью по классическимъ предметамъ. Вспоминая это время, одинъ изъ товарищей Писарева, П. Полевой, описываетъ намъ подробно типическую фигуру юнаго студента. Худощавый и розовый мальчикъ, онъ выдѣлялся среди другихъ студентовъ всею своею внѣшностью. Его свѣтлые волосы, темно-каріе глаза и румянецъ во всю щеку, нѣжный и тоненькій голосокъ, который часто бойко раздавался въ аудиторіи, его способность безъ всякаго приготовленія переводить передъ профессоромъ классическихъ авторовъ въ чистыхъ, литературныхъ выраженіяхъ, его размѣренная, почти методическая походка и нѣкоторая важность въ лицѣ,—все это останавливало на себѣ вниманіе. Но Писаревъ, отличаясь предъ каждымъ профессоромъ въ отдѣльности, все-таки не сосредоточивался ни на какой спеціальности. «Неумолимый демонъ умственнаго эпикуреизма», который сталъ въ немъ просыпаться по мѣрѣ того, какъ онъ все ближе и ближе соприкасался съ университетскою наукою, насильно увлекалъ его къ инымъ занятіямъ, къ инымъ интересамъ. Онъ пробовалъ переводить съ

греческаго географическое сочиненіе Страбона, изучать исторію по энциклопедическому словарю Эрша и Грубера, писать о Гумбольдтѣ и Гегелѣ по извѣстной брошюрѣ Штейнталя, но ничто не захватывало его души. Исполняя свои работы съ какимъ-то механическимъ упорствомъ, онъ не находилъ въ нихъ ни малѣйшаго наслажденія для своего ума. Различныя научныя слова и мало-понятныя фразы «кувыркались» въ его головѣ, не возбуждая въ немъ живого отношенія къ изучаемому предмету. Предложенные рефераты писались съ необычными для студента литературными достоинствами, даже отдавались профессорами въ студенческіе сборники для печати, но его духовное развитіе все-таки не дѣлало серьезныхъ успѣховъ. Писаревъ спѣшилъ заняться чѣмъ-нибудь, хватался за разные предметы, съ глухимъ отчаяніемъ, съ постоянной мыслью, что все это безполезно. Отъ философіи языка бросался онъ къ славянскимъ нарѣчіямъ, обрушивался на русскую исторію, потомъ вдругъ принимался изучать гомеровскую миѳологію, потому что въ головѣ его внезапно возникла геніальная идея, великолѣпно объясняющая греческое понятіе судьбы или рока. Вопросъ о какихъ-нибудь спеціальныхъ занятіяхъ становился для него мрачнымъ, грозя сдѣлаться неразрѣшимымъ. Его не тянуло ни къ какой спеціальности, а между тѣмъ ему казалось, разсказываетъ Полевой, что онъ долженъ избрать себѣ спеціальность во что-бы то ни стало. Его отчаяніе доходило до слезъ. Онъ плакалъ оттого, что кружокъ его товарищей занимался серьезно наукою, когда онъ переходилъ отъ предмета къ предмету, и его уныніе не знало-бы границъ, если-бы въ это самое время, на исходѣ второго года студенческихъ занятій, онъ не сдружился съ товарищемъ по университету, пылкимъ энтузіастомъ съ проповѣдническими наклонностями, Трескинымъ. Писаревъ переѣхалъ отъ своего дяди генерала на Васильевскій островъ, поближе къ университету и къ тѣсному товарищескому кружку, въ который ввелъ его новый другъ, и въ этой свѣжей обстановкѣ онъ какъ-то вдругъ повеселѣлъ и приподнялся духомъ. Родители Трескина полюбили его какъ родного сына, и старикъ Трескинъ, умный и оригинальный человѣкъ, сталъ оказывать на Писарева полезное вліяніе, сдерживая въ немъ нѣкоторые порывы и возбуждая потребность въ настоящей серьезной мысли.

При такихъ обстоятельствахъ наступилъ третій годъ ученія Писарева въ петербургскомъ университетѣ. Настало бурное время въ жизни учащагося юношества. Въ началѣ 1858 г. студенты начали сплачиваться въ тѣсные кружки, возникли броженія и порывистыя стремленія юношества къ вольной жизни. Въ университетскомъ коридорѣ какъ-то вдругъ появились пестрые жилеты, радужные галстуки, клѣтчатые штаны, усы, бороды. Цѣлыя толпы студенческой молодежи осаждали университетское начальство, доказывая ему справедливость своихъ требованій. Среди сту-

дентовъ появились свои сподвижники. Волна новаго движенія стала проникать въ душу Писарева, то увлекая его къ ораторству на сходкахъ, то вызывая въ немъ потребность какого-то шумнаго протеста въ духѣ общаго студенческаго настроенія. Онъ начинаетъ чувствовать себя живымъ человѣкомъ въ этой стихійно бушующей толпѣ. Его вялые нервы напрягаются до болѣзненности, и когда ему не удается излить въ толпу свое мучительное по силѣ умственное волненіе и овладѣть ею въ качествѣ агитатора, онъ разражается, какъ это бывало въ дѣтствѣ, слезами. Былъ случай, разсказываетъ Скабичевскій, когда Писаревъ, придя въ энтузіазмъ, расплакался на студенческой сходкѣ. Въ другой разъ Писаревъ, во время нѣкоторыхъ недоразумѣній, происшедшихъ между студентами и однимъ изъ профессоровъ, увлекся до того, что легъ на столъ и сталъ барабанить ногами въ стѣну, за которою сидѣлъ профессоръ, чтобы помѣшать ему читать лекцію... Въ это время Писаревъ еще состоялъ членомъ того кружка, съ исключительно учеными цѣлями и задачами, въ который ввелъ его Трескинъ. Но въ немъ уже закипали сомнѣнія, которыя должны были увлечь его навстрѣчу реалистическимъ стремленіямъ эпохи. Умъ его мужалъ, его понятія свѣтлѣли и загорались агитаторскимъ огнемъ. Духъ его крѣпчалъ и опредѣлялъ задачи для своей ближайшей, освободительной дѣятельности. Онъ проникался враждою и къ университетской наукѣ, и ко всѣмъ мертвымъ житейскимъ шаблонамъ, сковывающимъ развитіе человѣческой личности. Неуклюжій молодой орленокъ, онъ безпомощно и напряженно кружился въ своей тѣсной обстановкѣ, инстинктивно стремясь къ смѣлому полету, но не умѣя расправить своихъ отъ природы больныхъ и нѣсколько пришибленныхъ крыльевъ. Фанатическій приверженецъ чистой науки, Трескинъ накидывался на Писарева съ жаромъ, съ вдохновеніемъ, пылко рисуя предъ нимъ роль ученаго дѣятеля, призывая его къ строгимъ университетскимъ занятіямъ, а Писаревъ, расхаживая по комнатѣ мѣрными шагами, заложивъ руки въ карманы своего причудливаго домашняго балахона и нѣсколько приподнявъ плечи, повидимому спокойно возражалъ ему, не измѣняя себѣ ни единымъ словомъ, ни голосомъ, ни единымъ жестомъ. Сдержанно и твердо онъ отстаивалъ свое право идти въ ряды литературныхъ работниковъ съ наличнымъ, хотя-бы и небольшимъ, запасомъ знаній, съ готовностью каждую минуту открывать передъ читателями то, что волнуетъ его душу, безъ прикрасъ, безъ схоластическихъ тумановъ, заботясь только объ ясной и добросовѣстной передачѣ своихъ сознательныхъ требованій. Кружокъ давилъ его теперь уже больше механически, не имѣя прежней власти надъ его умомъ, окончательно намѣтившимъ ту дорогу, на которой ему можно будетъ развернуть всѣ свои силы. Уравновѣшенное положеніе его ученыхъ товарищей среди бурнаго движенія, охватившаго все столичное общество, раздражало его своей инертностью. Всѣ наиболѣе важные вопросы, выдвинутые

событіями эпохи, разъединяли его съ кружкомъ, хотя, по старой привычкѣ, онъ еще участвовалъ въ его вечернихъ собраніяхъ, которыя почти всегда оканчивались веселыми ужинами. Онъ чувствуетъ себя теперь почти литераторомъ, потому что сталъ принимать очень дѣятельное участіе въ передовомъ журналѣ для взрослыхъ дѣвицъ, издаваемомъ Кремпинымъ. Онъ одинъ изъ главныхъ бойцовъ «Разсвѣта», этого своеобразнаго журнала съ эмансипаціонными задачами, изящно иллюстрированными на самой оберткѣ изображеніемъ спящей, красивой дѣвушки, съ закинутыми за голову руками, и свѣтлаго генія, который пробуждаетъ ее, указывая ей на лучезарный дискъ восходящаго солнца. Женскій вопросъ отнынѣ станетъ одною изъ главныхъ темъ его постоянныхъ размышленій, и въ этомъ вопросѣ онъ не можетъ сдѣлать ни малѣйшей уступки своимъ отсталымъ товарищамъ. Его эмансипаторскія идеи проснулись во время. Общество смутно колыхалось, и цѣлыя толпы народа, офицеровъ, чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ, густыя массы молодежи обоего пола и всѣхъ возрастовъ стали наполнять аудиторіи и коридоры петербургскаго университета. Умственное броженіе, медленно нароставшее въ Писаревѣ, должно было теперь вырваться на полную свободу, побѣдивъ лимфатическій темпераментъ и сообщивъ нервамъ необычайную для нихъ силу и напряженіе. До сихъ поръ тѣсно связанный съ членами своего кружка, который сохранялъ строгій нейтралитетъ по отношенію къ университетскимъ движеніямъ, онъ вдругъ, осенью 1859 г., сталъ сближаться съ коноводами студенческихъ группъ и наиболѣе замѣтными лицами изъ общества, посѣщавшаго университетскія лекціи. Товарищи по кружку усмотрѣли въ этомъ измѣну своему ученому уставу. Полевой сталъ доказывать Писареву, что русскія женщины еще не подготовлены для занятій въ университетахъ рядомъ со студентами и что модному движенію, охватившему петербургскую интеллигенцію, не слѣдуетъ придавать черезчуръ серьезнаго значенія. Но Писаревъ, болѣе чуткій къ пробуждающимся запросамъ общества, твердо стоялъ на своемъ, доказывая, что въ русской жизни начинается новая эпоха, что новые идеалы начинаютъ озарять русскую исторію. Споры выходили между бывшими единомышленниками горячіе, съ одной стороны, и блестящіе, смѣлые, побѣдоносные—съ другой. Писаревъ отстаивалъ свои мысли со всею свѣжестью піонера въ этой благодарной области человѣческаго освобожденія. Съ обычнымъ ораторскимъ искусствомъ онъ выдвигалъ свои отчетливыя теоремы, рисовавшія извѣстное міровоззрѣніе. Его прямолинейные аргументы, ни на минуту не уклоняющіеся въ сторону и нигдѣ не принимающіе отвлеченнаго характера, въ контрастъ съ возраженіями и доказательствами его противниковъ, звучали, какъ первыя пробныя ноты удалой, лихой пѣсни. И отъ этихъ бурныхъ состязаній въ узкой сферѣ товарищескаго кружка Писаревъ прямо переходилъ къ агитаціи литературной въ томъ органѣ печати, въ которомъ

онъ началъ свою журнальную карьеру. Той-же осенью 1859 г., въ октябрѣ мѣсяцѣ, онъ печатаетъ въ «Разсвѣтѣ» разборъ «Обломова», въ которомъ, подробно обрисовавъ характеръ Обломова и Штольца, посвящаетъ шесть пылко и талантливо написанныхъ страницъ великолѣпному образу Ольги. Превосходное литературное дарованіе, еще не съуженное тенденціознымъ отрицаніемъ того, что было щедро заложено въ его собственной природѣ—съ широкой способностью къ эстетическимъ оцѣнкамъ и острому психологическому анализу, выступаетъ здѣсь во всей красотѣ свѣжихъ словъ, свободно льющихся выраженій и афоризмовъ. Онъ передаетъ исторію ея любви съ изяществомъ молодого романтика, но романтика съ новыми, прогрессивными горизонтами. Онъ оправдываетъ всѣ ея поступки, проникаетъ въ ея душу и, открывъ въ ней самородное золото, съ радостью выноситъ его на свѣтъ, чтобы провозгласить новую теорію женской эмансипаціи. Дойдя до послѣдняго момента въ исторіи Ольги, онъ сочувственно отмѣчаетъ ея нравственную неудовлетворенность окружающими ее условіями комфортабельной семейной жизни. Ея сильная, богатая природа не способна заснуть, по его толкованію, ни въ какой обстановкѣ. Эта природа, пишетъ онъ, требуетъ дѣятельности, труда съ разумною цѣлью, ибо только *творчество* способно до нѣкоторой степени успокоить ея тоскливое стремленіе къ чему-то высокому, незнакомому. Вся жизнь и личность Ольги, заключаетъ Писаревъ, представляетъ живой протестъ противъ зависимости женщины, протестъ, который, конечно, не составлялъ главной цѣли автора, потому что «истинное творчество не навязываетъ себѣ практическихъ цѣлей», но который, именно благодаря своей непосредственности и силѣ художественнаго воплощенія широкой идеи въ образѣ Ольги, долженъ серьезно подѣйствовать на сознаніе общества. Товарищи Писарева были въ ужасѣ отъ статьи его. Они восхищались второй частью Обломова, удивлялись тому, какъ могла рѣшиться Ольга выйти за Штольца, всѣмъ имъ жалко было Обломова и досадно на Ольгу за то, что она «не продолжала своей трудной работы надъ пересозданіемъ этого истаго произрастенія захолустной россійской почвы». Но четвертой части Обломова, съ изображеніемъ того недовольства жизнью, которое высказываетъ Ольга своему мужу, они рѣшительно признать не могли. Полевой говорилъ: «Чего ей еще нужно? У нея есть мужъ, любимый и уважаемый ею, есть дѣти, есть обезпеченное состояніе, которое даетъ ей возможность сосредоточить всѣ заботы на мужѣ и дѣтяхъ? Чего-же ей еще нужно и отчего она скучаетъ?..» На всѣ эти недоумѣнія, шедшія изъ неглубокаго умственнаго источника, Писаревъ отвѣчалъ почти тѣми-же словами, какими онъ выразилъ свою мысль въ напечатанной имъ статьѣ объ Обломовѣ: «Въ ея недовольствѣ, говорилъ онъ, можно подозрѣвать стремленіе къ *творчеству*», и это истолкованіе, какъ передаетъ Полевой, имѣло громадный успѣхъ въ обществѣ и вызвало даже сочувственный отзывъ самого Гончарова.

Въ 1860 году Писаревъ былъ уже совершенно сформировавшимся реалистомъ. Основной тезисъ реализма—«все, что естественно, то и нравственно», окрѣпъ въ немъ окончательно, и онъ защищалъ его въ борьбѣ съ товарищами съ поразительнымъ діалектическимъ искусствомъ, со всѣми красотами своего замѣчательнаго дара слова. Послѣ нѣсколькихъ колебаній въ эстетическихъ вопросахъ въ началѣ 1861 г., о которыхъ сообщала позднѣе мать Писарева на имя Некрасова, онъ очень быстро сдѣлался главнымъ дѣятелемъ «Русскаго Слова». Разсказываютъ, что при первомъ-же свиданіи съ Благосвѣтловымъ, которому Писаревъ принесъ сдѣланный имъ стихотворный переводъ «Атта Троля», напечатанный въ декабрьской книгѣ «Русскаго Слова» 1860 г., чуткій редакторъ, пристально всмотрѣвшись въ лицо этого много-обѣщающаго юноши, внушительно сказалъ ему: «Бросьте стихи, займитесь критикой». И дѣйствительно, съ февраля мѣсяца 1861 г. въ «Русскомъ Словѣ» начался рядъ поистинѣ блестящихъ дебютовъ молодого таланта въ статьяхъ, надѣлавшихъ огромнаго шума въ литературѣ и обществѣ. Университетъ еще не былъ оконченъ, а статьи Писарева уже вызывали полемическія перестрѣлки, иногда и бури. Въ небольшой рецензіи на книгу Клеванова разгулявшійся завоеватель умовъ, полный кипучихъ протестантскихъ стремленій, но совершенно лишенный философскаго образованія, высокомѣрно даетъ отставку «старику Платону», иронически называя его «генераломъ отъ философіи». Не всегда попадая въ цѣль при трактованіи серьезныхъ научныхъ вопросовъ, онъ въ статейкѣ о «Физіологическихъ эскизахъ Молешотта» серьезно распространяется о вліяніи чая на возникновеніе протестантизма и кофе на развитіе католицизма. Въ маѣ мѣсяцѣ появились первыя десять главъ «Схоластики XIX вѣка», статьи, написанной съ публицистическимъ огнемъ и огромнымъ полемическимъ задоромъ. Каждая новая журнальная работа широко распространяла извѣстность молодого писателя, который въ это время сводилъ послѣдніе счеты съ петербургскимъ университетомъ и прежними товарищами, искренно оплакивавшими, вмѣстѣ съ университетскими профессорами, его явное уклоненіе съ вѣрнаго пути науки. По пріѣздѣ съ каникулъ 1860 года Писаревъ рѣшился писать диссертацію на медаль, воспользовавшись исторической темой объ Аполлоніи Тіанскомъ, предложенной историко-филологическимъ факультетомъ. Диссертація должна была быть представлена въ первыхъ числахъ января, а Писаревъ приступилъ къ подготовкѣ только въ октябрѣ. Въ ноябрѣ онъ началъ писать, по обыкновенію, прямо набѣло, и къ назначенному сроку огромная тетрадь въ 15 печатныхъ листовъ была представлена въ факультетъ. Эпиграфомъ къ диссертаціи Писаревъ сдѣлалъ слегка ироническое по отношенію къ самому себѣ изреченіе: «еже писахъ, писахъ»... Быстро написанное сочиненіе было удостоено

однако серебряной медали и затѣмъ напечатано авторомъ на страницахъ «Русскаго Слова» *).

III.

А романъ съ Раисою шелъ своимъ порывистымъ ходомъ, разгораясь во время свиданій на каникулахъ, но не давая никакой отрады сердцу Писарева. Нельзя было не видѣть со стороны, что Раиса никогда не сдѣлается его женою, о чемъ онъ открыто мечталъ въ разговорахъ и письмахъ къ матери. Расцвѣтая, Раиса все болѣе и болѣе удалялась отъ своего друга, у котораго не хватало силъ для побѣды надъ ея чувствами. Его любви недоставало непосредственной выразительности и мощи, которая захватываетъ женское сердце, поднимаетъ и уноситъ безъ разсужденій и даже вопреки всякимъ разсужденіямъ. Подходя къ ней со всею правдивостью и откровенностью убѣжденнаго реалиста, готоваго снять съ любви ея поэтическій покровъ, какъ фальшивую театральную мантію, хотя и во всеоружіи передовыхъ взглядовъ на назначеніе женщины, Писаревъ. лишенный въ глазахъ Раисы обаянія страстной силы, долженъ былъ казаться ей непривлекательнымъ героемъ для романа. Выростая духовно, онъ долженъ былъ казаться ей болѣе или менѣе чуждымъ человѣкомъ, изъ совершенно другой среды, съ другимъ назначеніемъ, мало подходящимъ для семейной жизни. Ея влеченія, страсти, вся ея неглубокая, но изящная душевная организація тянулись въ другую сторону, навстрѣчу другимъ, болѣе жгущимъ впечатлѣніямъ. Въ ней была потребность въ настоящей, страстной любви, съ ея яркими вспышками въ патетическіе моменты, съ ея кокетливою игрою легкихъ, дразнящихъ ощущеній, съ ея волнующей борьбою различныхъ желаній и требованій. Ихъ разводила дисгармонія темпераментовъ, и мятежному духомъ, но вялому по организаціи Писареву не суждено было овладѣть тѣмъ счастьемъ, которое рисовало ему воображеніе при мысли о Раисѣ. Настоящій разладъ между ними начался съ осени 1859 года. Пріѣхавъ въ Грунецъ, Писаревъ не

*) В. И. Жуковскій разсказалъ намъ относящійся сюда эпизодъ. Писаревъ, безпокоясь нѣсколько о библіографическихъ матеріалахъ для своей диссертаціи, явился къ однокурснику своему, нѣкоему Утину, который работалъ на ту-же тему и получилъ затѣмъ золотую медаль за свое сочиненіе. Оказалось, что Утинъ обставилъ свою работу массой сочиненій на разныхъ языкахъ, которыя лежали тутъ-же въ его кабинетѣ. Въ то время, когда его вызвали въ другую комнату, Писаревъ, по естественно загорѣвшемуся любопытству, сталъ перелистывать раскрытыя книги и прочитывать отдѣльныя мѣста. Возвратившійся Утинъ, желая осадить опаснаго соперника, замѣтилъ: «Дмитрій Ивановичъ, вы злоупотребляете вашимъ зрѣніемъ». Слегка смущенный Писаревъ, съ недоумѣніемъ въ глазахъ и улыбкой удивленія, произнесъ какую-то незначительную фразу и, вѣжливо откланявшись, ушелъ. Онъ не искалъ больше никакихъ литературныхъ пособій для своей диссертаціи.

нашелъ Раисы. Она оказалась у своего дяди, который не пустилъ ее въ его семью на это время. Писаревъ затосковалъ, сталъ убѣгать въ садъ, чтобы гдѣ-нибудь, въ тѣнистой бесѣдкѣ или на травѣ, лежа на коврѣ съ раскрытой книгой въ рукахъ, отдаться упорной и тревожной мысли о любимой дѣвушкѣ. «Онъ не любилъ, разсказываетъ сестра его, Вѣра Ивановна Писарева,—чтобы его заставали въ такія минуты тяжелаго раздумья. Въ немъ при этомъ просыпалась какая-то гордая стыдливость, и онъ старался завести рѣчь о какомъ-нибудь совершенно безразличномъ предметѣ, меньше всего интересовавшемъ его въ данную минуту». Видя глубокое огорченіе сына, мать Писарева рѣшилась поѣхать за Раисой. Прошло нѣсколько дней въ самомъ тяжеломъ, мучительномъ ожиданіи. Онъ не могъ работать, статьи не писались. Наконецъ, мать вернулась съ письмомъ отъ Раисы, въ которомъ она откровенно созналась, что любитъ другого. Прочтя письмо, Писаревъ, какъ это бывало съ нимъ всегда, когда нервы его не могли совладать съ напряженіемъ души, судорожно зарыдалъ, какъ маленькій ребенокъ. Утѣшенія и горячіе призывы къ труду молодого Трескина, который тогда еще не разлучался со своимъ другомъ и въ вакаціонные мѣсяцы, не могли, конечно, успокоить Писарева. Онъ крѣпился, самъ разрисовывалъ новыя перспективы—жизнь ради литературнаго труда, съ одними умственными наслажденіями, съ новой любовью или даже вовсе безъ любви, но всѣ эти реалистическія мудрствованія ни къ чему не приводили. Униженная страсть сильнѣе, чѣмъ когда либо, скручивала его душу, напрягая всѣ ея естественныя склонности, толкая ее къ чему-то смѣлому, рѣшительному, экстравагантному. На обратномъ пути изъ Грунца въ Петербургъ онъ посѣтилъ своего счастливаго соперника, красавца Гарднера, и узнавъ на мѣстѣ, что онъ страдаетъ серьезнымъ физическимъ недугомъ, который могъ-бы даже быть препятствіемъ къ его браку съ Раисой, онъ съ нѣкоторымъ злорадствомъ спѣшитъ подѣлиться этимъ важнымъ открытіемъ съ своей матерью. Въ первомъ письмѣ изъ Петербурга онъ проситъ ее приласкать Раису въ минуту тяжелаго горя и помочь ей перенести грустное испытаніе. Самъ онъ не отказывается теперь отъ своихъ первоначальныхъ надеждъ, хотя онъ былъ-бы не согласенъ повторить Раисѣ свое предложеніе: это было-бы неуваженіемъ къ ея несчастной любви, сломленной въ самомъ стебелькѣ. Онъ подружился съ Гарднеромъ и свѣтло смотритъ на открывающуюся передъ нимъ дорогу, пишетъ онъ съ напускною разсудительностью. Только одно несчастье могло-бы сломить его: сумасшествіе съ свѣтлыми проблесками сознанія. «Все остальное: потеря близкихъ людей, потеря состоянія, глазъ, рукъ, измѣна любимой женщины,—все это дѣло поправимое, отъ всего этого можно и должно утѣшиться». Желая во что-бы то ни стало доказать своей матери, что онъ не переоцѣниваетъ постигшее его несчастье, онъ развиваетъ въ

письмѣ къ ней цѣлую теорію эгоизма, хотя тутъ-же, явнымъ образомъ обнаруживая замѣшательство психическаго настроенія, разсказываетъ ей о своихъ ужасныхъ сомнѣніяхъ во всемъ и во всѣхъ, въ самой жизни, которая показалась ему вдругъ сухою, безцвѣтною, холодною. Онъ вообще не понимаетъ, что съ нимъ происходитъ и, заканчивая одно изъ своихъ трогательнѣйшихъ писемъ къ матери, нервно восклицаетъ: «мама, прости меня! мама, люби меня!» Опрокинувъ въ своемъ умѣ всякіе научные Казбеки и Монбланы, какъ вспоминаетъ онъ объ этомъ періодѣ своей жизни въ статьѣ «Наша университетская наука», онъ вдругъ представился самому себѣ какимъ-то титаномъ. Ему показалось, что онъ совершитъ чудеса въ области мысли. Два-три мѣсяца онъ, дѣйствительно, работалъ неутомимо. Руководимый какою-то странною идеею, онъ прочелъ восемь пѣсенъ «Иліады» въ подлинникѣ, сдѣлалъ много выписокъ изъ нѣмецкихъ изслѣдованій, трактовавшихъ о миѳологическихъ и теологическихъ понятіяхъ Гомера. Онъ чувствуетъ себя Прометеемъ, имѣющимъ право презрительно выслушивать совѣты и увѣщанія товарищей... Однажды, за ужиномъ въ товарищескомъ кружкѣ, Писаревъ, все время казавшійся скучнымъ и молчаливымъ, быстро всталъ съ своего мѣста, разсказываетъ Полевой, и поднялъ кверху руку. Всѣ разомъ взглянули на него и, весело настроенные, ожидали блестящаго спича. Но Писаревъ вдругъ обвелъ своихъ товарищей какими-то мутными глазами и сталъ медленно опускаться на полъ. Товарищи бросились къ нему и успѣли его подхватить. Обморокъ продолжался недолго, но послѣ минутнаго просвѣтлѣнія смѣнился совершенно безсознательнымъ состояніемъ. Его бережно снесли на рукахъ въ сани, и, привезя на квартиру, осторожно раздѣли и положили на диванъ въ кабинетѣ старика Трескина. Пріѣхалъ докторъ, осмотрѣлъ, ощупалъ его и покачалъ головой. Черезъ нѣсколько дней Писарева пришлось перевезти въ психіатрическое заведеніе доктора Штейна. Въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ о немъ не было извѣстно ничего положительнаго. Говорили, что Писаревъ дважды покушался на свою жизнь и что вообще болѣзнь его находится въ самомъ печальномъ состояніи. Вдругъ, въ одинъ весенній день, онъ бѣжалъ изъ заведенія Штейна, явился въ семейство Трескина, гдѣ былъ встрѣченъ съ распростертыми объятіями любившимъ его старикомъ. Черезъ полчаса послѣ Писарева къ Трескину пріѣхалъ докторъ Штейнъ съ однимъ изъ своихъ помощниковъ, но старикъ Трескинъ, рѣзко загородивъ собою Писарева, отказался выдать паціента. Онъ отвезъ его къ матери, и за лѣто, на свѣжемъ воздухѣ, здоровье Писарева совершенно поправилось. Когда онъ явился осенью въ Петербургъ, онъ показался товарищамъ повеселѣвшимъ и даже пополнѣвшимъ: румянецъ игралъ у него во всю щеку, онъ говорилъ попрежнему умно и бойко, и только въ глазахъ его было замѣтно какое-то безпокойство. Повидимому, кузина

слегка приласкала его, и онъ опять, быть можетъ, не безъ вспышки новой надежды, ожилъ и сталъ стремиться къ широкому литературному труду. Къ этому времени относятся его переговоры съ Евгеніей Туръ о сотрудничествѣ въ «Русской Рѣчи», которое не сложилось только потому, что Писаревъ оказался въ эту минуту черезчуръ ярымъ эстетикомъ и фанатическимъ поклонникомъ поэзіи Аполлона Майкова.

Между тѣмъ романъ его шелъ къ окончательной развязкѣ. Бракъ Раисы съ Гарднеромъ считался дѣломъ рѣшеннымъ и, по мѣрѣ приближенія рокового дня, Писаревъ снова терялъ душевное равновѣсіе. Онъ сталъ убѣждать ее вступить съ нимъ хоть въ фиктивный бракъ, чтобы сейчасъ-же послѣ вѣнца уѣхать съ Гарднеромъ за-границу, въ разсчетѣ, что Раиса вернется къ нему, когда пройдетъ первое броженіе страсти. Зная, что супружеское счастье Раисы съ Гарднеромъ не можетъ устроиться, онъ рѣшился даже откровенно объясниться съ нею на счетъ ея будущаго мужа. Очевиднымъ образомъ теряя всякое самообладаніе, онъ раскрылъ передъ нею эту интимную сторону дѣла, смягчая грубость своего безтактнаго сообщенія въ хорошо отшлифованныхъ фразахъ французскаго письма. Раиса отвѣчала сдержанно и съ достоинствомъ, что не поколеблется въ своихъ намѣреніяхъ. День свадьбы насталъ. Послѣ вѣнчанія, происходившаго въ Петербургѣ, такъ-какъ за послѣднее время Раиса жила у дяди Писарева, А. Д. Данилова, молодые отправились на вокзалъ Николаевской желѣзной дороги. Не помня себя отъ отчаянія и ревности къ сопернику, Писаревъ полетѣлъ за ними и на платформѣ произошла ужасная сцена: онъ быстро подошелъ къ Гарднеру и ударилъ его хлыстомъ по лицу. Взбѣшенный Гарднеръ опрокинулъ его на дебаркадеръ и, вырвавъ хлыстъ, нѣсколько разъ хватилъ его по щекамъ. Писаревъ, какъ онъ самъ объ этомъ разсказывалъ, не сопротивлялся, даже не сдѣлалъ попытки защитить лицо руками...

Скандалъ этотъ произошелъ съ Писаревымъ въ то время, когда его имя уже пользовалось популярностью въ петербургскихъ кружкахъ.

IV.

Въ воспоминаніяхъ Шелгунова мы находимъ небольшой разсказъ о томъ, какъ онъ впервые познакомился съ Писаревымъ. Однажды, въ 1861 году, Шелгуновъ утромъ зашелъ къ Благосвѣтлову. Въ первой комнатѣ у конторки стоялъ щеголевато одѣтый, совсѣмъ еще молодой человѣкъ, почти юноша, съ открытымъ, яснымъ лицомъ, большимъ, хорошо очерченнымъ, умнымъ лбомъ и съ большими, умными, красивыми глазами. Онъ держался прямо и во всей его фигурѣ чувствовалась боевая готовность. Это былъ Писаревъ—въ началѣ своей блестящей литературной карьеры, покончившій счеты съ университетомъ и выступившій смѣлымъ

бойцомъ на журнальномъ пути. Слава въ это время, можно сказать, бѣжала за Писаревымъ. Каждая статья его, исполненная молодой силы и стихійной удали, гремѣла и звенѣла. Его литературное краснорѣчіе холоднымъ, освѣжающимъ каскадомъ вливалось въ сознаніе общества. Благосвѣтловъ понялъ цѣну своего новаго сотрудника и давалъ ходъ всѣмъ его писаніямъ съ готовностью умнаго и ловкаго издателя, знающаго потребности современнаго читателя. Каждая книжка «Русскаго Слова» выходила съ нѣсколькими работами Писарева, вносившими необычайное оживленіе въ критическій отдѣлъ журнала. Въ полтора года молодой писатель напечаталъ рядъ статей по самымъ разнообразнымъ литературнымъ вопросамъ, которыя точно опредѣлили главныя черты его умственной физіономіи. Ясно было, что Писаревъ идетъ по совершенно опредѣленному пути, и когда, 3-го іюля 1862 г., онъ былъ оторванъ отъ своихъ постоянныхъ занятій и заключенъ въ крѣпость, его писательская личность уже могла считаться въ очень значительной степени выясненной. Къ этому времени опредѣлилось существенное различіе въ пониманіи молодой Россіи между критикомъ «Русскаго Слова» и критикомъ «Современника» въ статьѣ Писарева объ «Отцахъ и дѣтяхъ»: «Базаровъ». Такія статьи Писарева, какъ «Московскіе мыслители», «Русскій Донъ-Кихотъ», «Бѣдная русская мысль» не могли не создать ему совершенно опредѣленной литературной репутаціи. Живой талантъ, съ огромною производительною энергіею, съ необычайною ясностью и почти примитивной простотой своихъ отчасти реформаторскихъ, отчасти разрушительныхъ требованій и аргументовъ, чувствовался въ каждой его замѣткѣ. Общество насторожило вниманіе и потянулось къ «Русскому Слову», гдѣ раздавалась эта звонкая, смѣлая, новая рѣчь. И въ это-то время, сейчасъ-же послѣ пріостановки журнала на восемь мѣсяцевъ, Писаревъ долженъ былъ выйти изъ жизненнаго водоворота, который могъ укрѣпить и разносторонне развить его силы. Одиночное заключеніе въ крѣпости, продолжавшееся почти четыре съ половиною года, до 18 ноября 1866 г., должно было, при его реалистическихъ склонностяхъ, неизбѣжно сковать его духъ и, придавъ ему необычайную интенсивность въ одномъ направленіи, съузить его умственный горизонтъ нѣкоторыми теоретическими вопросами, возникшими для него еще на послѣднемъ курсѣ университета и сохранившими на долгое время юношески-докторальный характеръ. По справедливому замѣчанію Скабичевскаго, Писаревъ не былъ расположенъ ни къ какой конспиративной дѣятельности, и можно считать роковою случайностью, что писатель, начавшій теоріями чистѣйшаго индивидуализма безъ малѣйшаго политическаго оттѣнка, вдругъ оказался въ чемъ-то виноватымъ и былъ призванъ къ тяжелой уголовной отвѣтственности. Скабичевскій такъ передаетъ въ своей «Исторіи новѣйшей русской литературы» причину ареста Писарева. Въ апрѣлѣ 1862 г., раз-

сказываетъ онъ, появилась брошюра Шедо-Ферроти, содержавшая въ себѣ разборъ письма Герцена къ русскому лондонскому посланнику,— брошюра, крайне благонамѣренная и потому допущенная цензурою къ продажѣ. Въ качествѣ критика «Русскаго Слова», Писаревъ написалъ рецензію на эту брошюру, которую однако оказалось невозможнымъ напечатать въ журналѣ. Однажды къ нему пришелъ товарищъ по университету Баллодъ и, узнавъ исторію съ рецензіей, предложилъ ему отдать ее для напечатанія въ тайной типографіи, съ которой онъ состоялъ въ постоянныхъ сношеніяхъ. Въ другое время Писаревъ навѣрно отклонилъ бы подобное предложеніе, но по закрытіи «Русскаго Слова» и въ томъ угнетенномъ настроеніи духа, въ какомъ онъ тогда находился, онъ быстро согласился переработать въ надлежащемъ тонѣ свою статейку и отдать ее въ полное распоряженіе подпольной печати. Вскорѣ затѣмъ Баллодъ былъ арестованъ, а за нимъ, по документамъ, найденнымъ при обыскѣ, попался и Писаревъ. Такова одна, наиболѣе распространенная въ печати версія. По краткому, но, какъ намъ кажется, болѣе правдоподобному разсказу Шелгунова дѣло съ арестомъ Писарева происходило иначе. Баллодъ пришелъ къ Писареву и попросилъ его написать какую то прокламацію. Писаревъ согласился, но написанная имъ прокламація, найденная у Баллода, послужила матеріаломъ для обвиненія его въ государственномъ преступленіи. Эту версію подтвердили намъ и нѣкоторыя лица, интересовавшіяся арестомъ Писарева въ качествѣ близкихъ ему людей...

Въ крѣпости жизнь Писарева потянулась однообразная, но полная литературнаго труда. Четыре года одиночнаго заключенія не могли сломить его сильный умъ, съ необычайною поспѣшностью и легкостью изливавшійся въ многочисленныхъ, ясныхъ и свѣжихъ статьяхъ, проходившихъ, какъ говорили въ то время—по словамъ А. К. Шеллера, любезно передавшаго намъ нѣкоторыя свои воспоминанія въ небольшомъ письмѣ—черезъ благосклонную цензуру коменданта крѣпости кн. Суворова, который изумленъ былъ свѣтской выдержкой этого политическаго арестанта и его безукоризненнымъ знаніемъ иностранныхъ языковъ. Къ этому тяжелому времени, служившему испытаніемъ его физическихъ и нравственныхъ силъ, относится большинство его литературныхъ работъ, все то, что окончательно упрочило его славу въ качествѣ перваго критика эпохи. Онъ не падалъ духомъ. Даже не зная, когда и какъ окончится его заключеніе, онъ переходилъ отъ одной темы къ другой, затѣвалъ полемическія войны и бился со своими многочисленными литературными противниками, не давая чувствовать ни единымъ словомъ, ни тончайшимъ намекомъ своего исключительнаго, страдальческаго положенія, какъ это дѣлали-бы на его мѣстѣ люди болѣе мелкаго пошиба, склонные къ кокетливой бравадѣ и рисовкѣ передъ публикой. Онъ жилъ на-

пряженными, головными интересами. Отъ литературныхъ занятій онъ отвлекался только для самыхъ необходимыхъ писемъ, которыя онъ писалъ микроскопическими буквами на маленькихъ клочкахъ, оторванныхъ отъ полей печатныхъ страницъ, и которыя мать уносила послѣ свиданій съ нимъ въ башмакѣ, переписывала для доставленія по адресу, сохраняя на память оригиналы. И въ этихъ письмахъ, не стѣсняемыхъ никакой цензурой, нѣтъ ни малѣйшей жалобы. Вникая въ свою отвѣтственную литературную задачу, онъ какъ-бы радуется своему невольному одиночеству. Его силы сберегаются для настоящаго труда: нѣтъ болѣе безсонныхъ ночей за картами, сознается онъ въ одномъ изъ трогательныхъ писемъ къ матери, обстоятельства взялись пріучать его къ правильному образу жизни, накапливать въ немъ энергію, которую онъ, живя на свободѣ, непремѣнно разбросалъ-бы по сторонамъ. Уединеніе бываетъ полезно не для однихъ сумасшедшихъ, разсуждаетъ онъ съ серьезнымъ убѣжденіемъ,—отъ него часто выигрываютъ люди, совершенно здравомыслящіе: становишься спокойнѣе, выучиваешься сосредоточивать мысль на одномъ предметѣ. Въ одиночествѣ, вдали отъ впечатлѣній столичной жизни, хотя она клокочетъ гдѣ-то вблизи, за стѣною, онъ чувствуетъ себя настоящимъ журналистомъ. «Журналистика, пишетъ онъ почти за два года до выхода изъ крѣпости, 24 декабря 1864 г.,—мое призваніе. Это я твердо знаю». Ему не трудно написать въ мѣсяцъ отъ четырехъ до пяти печатныхъ листовъ, совершенно не изнуряя себя. Не развлекаемый никакими случайными интересами, онъ чувствуетъ, что форма выраженія дается ему теперь еще легче, чѣмъ прежде, хотя онъ сталъ гораздо требовательнѣе къ себѣ въ отношеніи мысли. Эти свойства растутъ и развиваются въ немъ съ каждымъ днемъ, такъ что всякая новая его статья, чуждая какой-либо раздражительности, пышныхъ риторическихъ фразъ, выдержанная въ строгой логической послѣдовательности, не можетъ не содѣйствовать полному успѣху любимаго дѣла. «Если мнѣ удастся выйти опять на ровную дорогу, мечтаетъ вслухъ Писаревъ, то я навѣрное буду самымъ послѣдовательнымъ изъ русскихъ писателей и доведу свою идею до такихъ ясныхъ и осязательныхъ результатовъ, до какихъ еще никто не доводилъ раньше меня». Онъ будетъ выбирать подходящіе для его таланта сюжеты, станетъ популяризировать естествознаніе, строго придерживаясь метода опытныхъ наукъ, и въ годъ онъ напишетъ не меньше 800 страницъ...

Среди этихъ мужественныхъ юношескихъ размышленій вдругъ проносится поэтическое воспоминаніе о Раисѣ. Ея образъ еще не померкъ, несмотря на пережитыя отъ нея униженія и испытанія послѣднихъ лѣтъ. Онъ думаетъ о ней часто, иногда съ досадою, иногда съ грустью, но всегда съ сильнымъ желаніемъ увидѣть ее. Онъ упрашиваетъ свою мать сообщить какія-нибудь свѣдѣнія о ней. Но въ борьбѣ со своими неугасшими по-

этическими чувствами онъ ощущаетъ неодолимую склонность къ безбурной, слегка идиллической семейной жизни съ женщиной, которая могла-бы оцѣнить его правдивыя и честныя стремленія, которая давала-бы ему свѣтлый отдыхъ отъ труда, не волнуя и не терзая его сердца никакой особенной любовью. Онъ увѣренъ, что былъ бы очень хорошимъ мужемъ, такъ какъ будетъ всегда любить и уважать ту женщину, которая согласится быть его женой, никогда не станетъ измѣнять ей, потому что будетъ всегда занятъ серьезнымъ дѣломъ. Но гдѣ же Раиса? Увы! Съ ея именемъ не связано больше никакихъ надеждъ. Гдѣ вообще та дѣвушка, которая согласилась бы принять его предложеніе? Слегка разгоряченное одиночествомъ воображеніе, не встрѣчая отрады ни въ какомъ живомъ впечатлѣніи, готово ухватиться за всякій случай, чтобы наполнить какимъ-нибудь содержаніемъ это пустое мѣсто въ его жизни. Нѣтъ Раисы, но въ письмахъ сестры и матери стало мелькать имя какой-то другой дѣвушки, Лидіи Осиповны, которая, судя по ихъ словамъ, могла-бы занять мѣсто Раисы въ его жизни. И вотъ онъ рѣшается на странный, въ высокой степени наивный поступокъ. Онъ проситъ свою мать сдѣлать ей отъ его лица офиціальное предложеніе и затѣмъ, какъ бы сознавая неловкость своего поступка, посылаетъ ей длинное объяснительное письмо, гдѣ онъ въ холодно-резонерскомъ тонѣ доказываетъ ей, что они могли бы пойти одною дорогою, въ качествѣ мужа и жены. Онъ увѣренъ, что она должна его понять и оцѣнить. Умный и порядочный человѣкъ съ честнымъ образомъ мыслей, безъ всякаго романтическаго отношенія къ самой любви, умѣющій смотрѣть правдѣ прямо въ глаза, онъ не можетъ допустить, чтобы она предпочла ему какого-нибудь *олуха*. «Лидія Осиповна!—восклицаетъ онъ, обращаясь къ ней,—не губите себя! вамъ непремѣнно надо выйти за новаго человѣка». Что можетъ ей помѣшать принять его предложеніе? Отсутствіе любви? Но любовь вещь очень простая и естественная, когда даны всѣ ея условія: молодость, умъ, приличная наружность. Онъ некрасивъ собою, но, во 1-хъ, красивыхъ мужчинъ на свѣтѣ очень немного, а во 2-хъ, онъ не уродъ, у него не пошлая физіономія, у него даже «съ нѣкоторыхъ поръ сдѣлались очень умные глаза». Вы умны и я уменъ, соображаетъ Писаревъ, стало быть тутъ, кромѣ равенства, не можетъ быть другихъ отношеній. Пусть ее не безпокоитъ Раиса. Она исчезла изъ его сердца съ тѣхъ поръ, какъ она бросилась на шею своему красивому олуху... Изумленная этимъ предложеніемъ, сдѣланнымъ человѣкомъ, который находился въ исключительномъ, жизненно-безсильномъ положеніи, Лидія Осиповна отвѣчала отрицательно. Иначе, конечно, она поступить и не могла. Но Писаревъ, во всеоружіи своихъ реалистическихъ аргументовъ, сталъ съ особенной силой выкладывать предъ нею свои преимущества предъ всякимъ олухомъ. Она будетъ съ нимъ счастлива. Ихъ жизнь будетъ отличаться рѣдкою содержательностью.

Во-первыхъ, они будутъ получать всѣ русскіе журналы и многія статьи будутъ прочитывать вмѣстѣ. Во-вторыхъ, они будутъ получать нѣсколько иностранныхъ газетъ и журналовъ. Въ-третьихъ, къ ихъ услугамъ будетъ всегда множество книгъ. Въ-четвертыхъ, они будутъ водить знакомство съ людьми очень смирными, простыми, работающими и совершенно безцеремонными. Въ-пятыхъ, Лидія Осиповна можетъ обращаться къ своему ученому мужу за объясненіями, когда наткнется на какіе-нибудь непонятные ей вопросы. Въ-шестыхъ, она можетъ усвоить, при помощи своего ученаго мужа, нѣмецкій или англійскій языкъ. Наконецъ, въ седьмыхъ, въ ихъ жизни не будетъ никакой роскоши, но и никакихъ чувствительныхъ лишеній, а министерство финансовъ будетъ всецѣло въ рукахъ Лидіи Осиповны. Выписавъ съ такою полною добросовѣстностью всѣ пункты этой хартіи семейныхъ вольностей, Писаревъ выражаетъ твердое убѣжденіе, что двухъ-трехъ задушевныхъ разговоровъ достаточно для того, чтобы они полюбили другъ друга. О Раисѣ пусть она забудетъ: прошедшее не воротится назадъ. Да и Раиса теперь не такая, какою онъ ее помнитъ. Онъ видѣлъ ея карточку: она сдѣлалась худою, больною, пожилою женщиной, въ ея письмахъ—пустота, слабость, усталость. Нѣтъ, онъ больше не завидуетъ Гарднеру. Весь прошедшій періодъ жизни кажется ему какимъ-то бѣснованіемъ, не исключая даже того момента, который выбросилъ его изъ колеи его обычной литературной дѣятельности и привелъ къ крѣпости. Онъ здоровъ и крѣпокъ, и воспоминанія прошедшей любви уже начинаютъ застилаться туманомъ. Ему нужна дѣйствительность... Но всѣ эти доказательства ни къ чему не привели. Лидія Осиповна уклонилась отъ его лестнаго предложенія, въ которомъ не проглядывало никакое непосредственное чувство. Къ тому же вся мудрая разсудительность Писарева относительно его собственныхъ чувствъ и желаній разлетѣлась прахомъ при первомъ новомъ испытаніи. Повидимому, Писаревъ не выдержалъ характера, когда обстоятельства позволили ему обмѣняться съ Раисою нѣсколькими новыми фразами — неизвѣстно точно, при личномъ ли свиданіи въ крѣпости, во время пріѣзда Раисы въ Петербургъ, или въ письмахъ. Во всякомъ случаѣ въ печати недавно обнародовано небольшое письмо Писарева къ Раисѣ Гарднеръ. Отвѣчая ей на какое-то расхолаживающее замѣчаніе, онъ съ дѣланнымъ равнодушіемъ, подъ которымъ чувствуется уязвленное самолюбіе, старается разсѣять ея иллюзіи насчетъ неизмѣнности его пылкихъ чувствъ. Въ послѣдній разъ онъ дѣлаетъ усиліе, чтобы вырвать изъ сердца эту любовь, которая манила, дразнила и волновала его съ дѣтства. Она еще разъ промелькнула на его блѣдномъ, тусклому небосклонѣ, но это была уже послѣдняя туча разсѣянной бури. Горизонтъ очистился, но неудачи и сердечныя обиды наложили меланхолическую печать на всю его дальнѣйшую жизнь и нравственную физіономію...

Среди писемъ интимнаго характера, сохранившихся отъ времени пребыванія Писарева въ крѣпости, находятся и письма его къ Благосвѣтлову, съ которымъ онъ поддерживалъ постоянныя отношенія. По содержанію эти письма имѣютъ или строго-практическій характеръ, или, въ большинствѣ случаевъ, относятся къ различнымъ дѣламъ его по редакціи «Русскаго Слова». Писаревъ то слегка перекоряется съ Благосвѣтловымъ по вопросу о гонорарѣ, нѣсколько афектированно подчеркивая свои реалистическія понятія и матеріалистическія наклонности, то изъ уединенія крѣпостного казомата управляетъ полемикой журнала съ «Современникомъ». Онъ не допускаетъ пока и мысли разстаться когда-нибудь съ «Русскимъ Словомъ», и для приведенія къ твердому принципу ихъ взаимныхъ отношеній, онъ предлагаетъ Благосвѣтлову, «вмѣсто нравственной деликатности», сдѣлать фундаментомъ этихъ отношеній «взаимную выгоду, что совершенно согласно съ нашей общей теоріей послѣдовательной утилитарности и систематическаго эгоизма». Пусть Благосвѣтловъ отыскиваетъ и доставляетъ ему какъ можно больше книгъ, а онъ, Писаревъ, будетъ попрежнему писать какъ можно лучше—«для того, чтобы пріобрѣтать себѣ деньги и извѣстность»... Въ этихъ словахъ чувствуется юношеская бравада упрощенностью разумнаго принципа. Имѣя дѣло съ такимъ практическимъ человѣкомъ, какъ Благосвѣтловъ, Писаревъ, съ наивностью кабинетнаго теоретика, старается перещеголять своего опытнаго и знающаго толкъ въ денежныхъ дѣлахъ издателя и защитить свои интересы подъ маскою убѣжденнаго ревнителя житейскихъ благъ. Однако сила въ этихъ дѣловыхъ отношеніяхъ была всецѣло на сторонѣ Благосвѣтлова, который искусно и успѣшно сочеталъ огромное трудолюбіе толковаго редактора съ талантомъ твердой эксплоатаціи своихъ ближайшихъ и полезнѣйшихъ сотрудниковъ. Наивная и безкорыстная душа, Писаревъ, со всѣмъ своимъ реалистическимъ апломбомъ, всегда проигрывалъ въ своихъ денежныхъ схваткахъ съ Благосвѣтловымъ и въ то же время, раздражая его издательское самолюбіе, давалъ ему противъ себя оружіе своими циническими изреченіями.

Очутившись на свободѣ, Писаревъ почувствовалъ себя какъ-то странно. Одиночество, создавшее его лучшіе, наиболѣе яркіе, наиболѣе сильные литературные труды, вошло въ его привычки. Онъ приноровился жить одною внутреннею жизнью и, умственно сгорая надъ своею работою, онъ пріобрѣлъ всю сосредоточенность отшельника и страстную напряженность невольнаго узника. Четыре лучшихъ года пронеслись, какъ одно мгновеніе, безъ единой сердечной, человѣческой радости, но съ злораднымъ удовлетвореніемъ безпощаднаго борца, наблюдающаго изъ скрытой засады, какъ разрываются среди остервенѣвшаго непріятеля посылаемыя имъ гранаты. Онъ былъ отрѣзанъ отъ міра, но духъ его жилъ среди русскаго общества, возбуждая молодые умы, вызывая всеобщія распри.

Выйдя на вольный воздухъ, онъ какъ-то растерялся. На него нахлынули живыя, пестрыя впечатлѣнія, отъ которыхъ въ теченіе четырехъ лѣтъ отвыкъ его мозгъ. Его охватило волненіе — психическое и физическое волненіе человѣка, который, послѣ долгаго плаванія по-морю, сойдя на берегъ, ощущаетъ головокруженіе, какъ-бы не находя подъ ногами твердой почвы. Его природная неспособность переживать страстныя бури и потрясенія дала себя чувствовать. Нервы отказывались служить ему, и недугъ, пережитый еще во время студенчества, минутами смутно шевелился въ немъ, прорываясь въ экстравагантныхъ поступкахъ. Однажды разсказываетъ Скабичевскій, Писаревъ поразилъ своихъ знакомыхъ, смѣшавъ во время обѣда всѣ кушанья въ одной тарелкѣ и начавъ ѣсть эту мѣшанину. Въ другой разъ онъ вдругъ сталъ раздѣваться въ гостяхъ при всеобщемъ переполохѣ... Писаревъ не сразу вошелъ въ старую колею усерднаго журнальнаго труда, и на нѣкоторыхъ статьяхъ его, появившихся въ «Дѣлѣ» 1867 г., нельзя не видѣть отпечатка какого-то внутренняго недомоганія. Рѣзкій переходъ отъ одиночества, въ которомъ онъ съумѣлъ сохранить всю крѣпость и остроту своей духовной организаціи, къ свободѣ, которая еще не создала необходимыхъ для него условій и обстановки успѣшной литературной работы, временно отнялъ у его статей тотъ блескъ свѣтлой, быстрой мысли, который поражаетъ въ его лучшихъ произведеніяхъ. Но мало-по-малу разстройство улеглось. Прежнія привычки ожили въ немъ вмѣстѣ съ любовью ко всякому внѣшнему изяществу, со склонностью къ романтическимъ увлеченіямъ. Онъ попрежнему корректенъ и даже слегка кокетливъ въ своихъ костюмахъ. Его манеры пріобрѣли печать изысканнаго благородства, и весь онъ, со своею деликатностью, благовоспитанностью и нѣкоторою застѣнчивостью, смѣнившею теперь прежнюю юношескую самоувѣренность, долженъ былъ производить, при личномъ свиданіи, подкупающее и даже до нѣкоторой степени трогательное впечатлѣніе. Такимъ именно онъ рисуется въ своей встрѣчѣ съ Тургеневымъ, котораго онъ поразилъ своею сдержанностью въ разговорѣ на самую жгучую для него, боевую тему о Пушкинѣ. Тургеневъ не скрылъ отъ него своего негодованія по поводу его статей о лучшемъ русскомъ писателѣ, рѣзко подчеркнувъ его безтактность въ истолкованіи пушкинской поэзіи. Не смягчая предъ юнымъ и дерзкимъ критикомъ своего полнаго разногласія въ этомъ важномъ вопросѣ, Тургеневъ могъ ожидать страстной и увѣренной реплики, пылкаго и краснорѣчиваго возраженія съ знакомымъ ему задоромъ писаревскихъ статей. Но Писаревъ, внимательно слушая его, не возражалъ. Тургеневу запомнилась его изящная фигура въ бархатномъ пиджакѣ и общее впечатлѣніе отъ свиданія съ нимъ, въ которомъ съ первыхъ-же моментовъ выступалъ его прямой и честный умъ, не пугающійся никакой правды.

Съ оживленіемъ старыхъ манеръ и привычекъ, въ Писаревѣ пробу-

дилась съ новою силою мечта, волновавшая его съ юношескихъ лѣтъ, претерпѣвшая многія перемѣны и испытанія, не покидавшая его даже среди вдохновенныхъ занятій одиночнаго заключенія, мечта объ уютной, отрадной, семейной жизни. Въ томъ-же 1867 г. Писаревъ поселился вмѣстѣ съ своею дальнею родственницею, Маріей Александровной Маркович (извѣстною подъ псевдонимомъ Марко-Вовчокъ), разошедшейся съ своимъ мужемъ. Высоко цѣня талантъ Писарева, хотя и не подходя къ нему по темпераменту, быть можетъ, не любя его тою страстною, поэтическою любовью, которой онъ добивался отъ женщинъ, не умѣя побѣждать ихъ силою собственныхъ страстей, она сошлась съ нимъ по инстинкту высокоодаренной, блестящей женщины, стремящейся стать центромъ интеллигентнаго кружка и широкихъ литературныхъ вліяній. Пикантная, съ гибкимъ женственнымъ умомъ и вспышками злого и эфектнаго остроумія, она сразу увлекла и даже слегка подчинила себѣ молодого, не избалованнаго судьбою Писарева. Это не было то тихое, ровное счастье, озаряющее минуты отдохновенія отъ тяжелаго литературнаго труда, о которомъ онъ мечталъ. Не уступая ему въ тонкости литературнаго вкуса и остротѣ художественныхъ сужденій, женщина начитанная и съ богатыми жизненными впечатлѣніями, Марко-Вовчокъ не нуждалась въ ученыхъ указаніяхъ и руководствѣ даже со стороны такого человѣка, какъ Писаревъ. Популярная въ обществѣ, полная творческихъ силъ, привлекательная, она въ тѣсномъ кругу домашняго обихода не могла не взять верхъ надъ Писаревымъ, вся духовная сила котораго, не расплываясь по сторонамъ, сосредоточилась на опредѣленной, рѣшительно поставленной публицистической задачѣ, вращалась постоянно въ одной и той-же сферѣ идей и напрягала его мощный, разрушительный талантъ въ извѣстномъ, узкомъ направленіи. Писаревъ съ его блестящимъ, сильнымъ и свободнымъ краснорѣчіемъ умолкалъ въ присутствіи этой женщины, которая умѣла въ нѣсколькихъ художественныхъ штрихахъ обрисовать и уязвить цѣлый человѣческій характеръ, выставить его смѣшную сторону и сообщить бесѣдѣ живое, игривое теченіе. В. И. Жуковскій, слегка коснувшись въ своемъ разсказѣ этого момента въ жизни своего друга Писарева, перешелъ отъ краснорѣчія острыхъ и мѣткихъ словъ къ краснорѣчію деликатныхъ недомолвокъ и утонченной, чуть-чуть сатирической мимики. Однажды, разсказывалъ Жуковскій, пріѣхавъ изъ провинціи, онъ нашелъ Писарева одного въ квартирѣ, свободнымъ отъ занятій. Марья Александровна Марковичъ куда-то уѣхала и два друга могли распорядиться временемъ по старой, холостой привычкѣ. Безъ лишнихъ разсужденій, они помчались въ какой то ресторанъ и, подъ звуки органа, отдались откровенному разговору. Бесѣда затянулась на нѣсколько часовъ. Наконецъ, краснорѣчіе друзей истощилось, а органъ продолжалъ гудѣть. На лицѣ Писарева

отразилось явное раздраженіе. Жуковскій отчетливо помнитъ тотъ моментъ въ ихъ бесѣдѣ, когда Писаревъ, на вопросъ о причинѣ его неудовольствія, отвѣтилъ: «я не люблю ни музыки, ни живописи. Я ничего въ нихъ не понимаю, особенно — въ музыкѣ»... Когда друзья вернулись на квартиру Писарева, имъ сказали, что хозяйка дома, которую не ожидали въ этотъ день, уже пріѣхала. Писаревъ не замедлилъ пройти въ ея комнату, но скоро вернулся оттуда къ Жуковскому и, тщетно стараясь скрыть свое смущеніе, передалъ ему приглашеніе Марьи Александровны къ завтрашнему обѣду, намекая этимъ, что затягивать сегодняшнее свиданіе было-бы, можетъ быть, не совсѣмъ удобно...

Въ іюнѣ 1867 г. Писаревъ, нѣсколько подчинившійся вліянію г-жи Марковичъ, порываетъ свою давнюю литературную связь съ Благосвѣтловымъ «не изъ принциповъ и даже не изъ за денегъ», какъ онъ писалъ объ этомъ Шелгунову, а просто изъ за личныхъ съ нимъ неудовольствій. Благосвѣтловъ поступилъ невѣжливо съ Марко-Вовчокъ, отказался извиниться передъ нею, когда отъ него этого потребовали, твердо замѣтивъ Писареву, что если отношенія его къ журналу («Дѣлу») могутъ поколебаться отъ каждой мелочи, то этими отношеніями нечего и дорожить. Лишившись постояннаго литературнаго сотрудничества въ журналѣ, Писаревъ сталъ заниматься переводами и выжидать новыхъ обстоятельствъ, которыя поставили-бы его на прежнюю писательскую дорогу. Слава его была слишкомъ громка, чтобы онъ рѣшился занять второстепенное положеніе въ какомъ-нибудь другомъ изданіи, а новаго журнала съ родственнымъ ему направленіемъ пока еще не было. Слухи о преобразованіи «Отечественныхъ Записокъ», съ Некрасовымъ, Елисѣевымъ и Салтыковымъ во главѣ редакціи, еще не получили никакого оправданія. Въ Петербургѣ говорили, что Некрасовъ ведетъ переговоры съ Краевскимъ, но ничего положительнаго не было извѣстно. При томъ-же Писаревъ не могъ надѣяться занять выдающееся положеніе въ журналѣ, составленномъ изъ главнѣйшихъ сотрудниковъ «Современника». «Эта партія, писалъ онъ Шелгунову, меня не любитъ и нѣсколько разъ доказывала печатно, что я очень глупъ. Сомнѣваюсь, чтобы Антоновичъ и Жуковскій захотѣли со мною работать въ одномъ журналѣ». Однако Писаревъ ошибался, и въ началѣ 1868 г. онъ получилъ приглашеніе участвовать въ возрожденныхъ «Отечественныхъ Запискахъ» — «съ тою степенью свободы, которая совмѣстна съ интересами цѣлаго». Въ короткое время въ этомъ журналѣ появились слѣдующія его статьи: «Старое барство», «Романы Андре Лео», «Мистическая любовь», «Французскій крестьянинъ 1789 г.». Кромѣ того онъ передѣлалъ для «Отечественныхъ Записокъ» два романа: «Принцъ-собачка» Лабулэ и «Золотые годы молодой француженки» Дроза. Ни одна изъ этихъ работъ не была подпи-

сана, такъ какъ, по объясненію редакціи «Отечественныхъ Записокъ», съ подписью своего имени онъ хотѣлъ появиться позднѣе, въ самостоятельныхъ критическихъ статьяхъ, которыя выразили-бы зрѣлые результаты его постоянно развивавшейся мысли, хотя такая статья, какъ «Французскій крестьянинъ», по стилю и опредѣленности мысли, была вполнѣ достойна его таланта. Не подлежитъ сомнѣнію, однако, что положеніе Писарева въ новой редакціи, гдѣ вдохновляющую роль долженъ былъ играть Щедринъ, не могло быть ни особенно свободнымъ, ни особенно ловкимъ. Его полемика на страницахъ «Русскаго Слова» была еще слишкомъ жива въ памяти всѣхъ читателей, и его прямая, честная и открытая натура не могла безъ ущерба для себя подчиниться интересамъ того цѣлаго, которое во многомъ не отвѣчало его наиболѣе сильнымъ и оригинальнымъ убѣжденіямъ. «Отечественныя Записки» съ самаго начала пошли совершенно инымъ путемъ, чѣмъ «Русское Слово», и можно сказать съ полною увѣренностью, что рѣзко очерченная индивидуальность Писарева должна была-бы сдѣлать слишкомъ много принципіальныхъ уступокъ направленію новаго журнала, чтобы вызвать къ себѣ безусловное товарищеское довѣріе со стороны его главныхъ руководителей. Скабичевскій разсказываетъ, что Писаревъ почти никогда не бывалъ въ редакціи «Отечественныхъ Записокъ». Только два раза онъ видѣлъ его въ квартирѣ Некрасова. Одинъ разъ это было на обѣдѣ, который Некрасовъ давалъ своимъ сотрудникамъ по выходѣ первой книжки журнала. Писаревъ сидѣлъ рядомъ съ Скабичевскимъ, молчаливый, сосредоточенный, нѣсколько растерянный, среди людей мало ему знакомыхъ, въ обществѣ Салтыкова, котораго онъ еще недавно обрызгалъ ядомъ своего безпощаднаго сарказма. Въ другой разъ это было въ редакціи «Отечественныхъ Записокъ», въ одинъ изъ понедѣльниковъ, когда сотрудники собирались отъ 2 до 4 часовъ, весною 1868 г. На этотъ разъ онъ влетѣлъ въ редакцію веселый, бодрый. Онъ пришелъ, чтобы проститься передъ своимъ отъѣздомъ на лѣто въ Дуббельнъ, на морскія купанья. Онъ оживленно говорилъ, когда въ редакцію вдругъ вошла совершенно незнакомая ему дѣвушка съ большимъ пояснымъ портретомъ его и, узнавши подлинникъ, подошла къ нему съ робкою просьбою подписаться подъ фотографическимъ изображеніемъ. Его самолюбіе, пишетъ Скабичевскій, было польщено этимъ доказательствомъ его популярности, тѣмъ болѣе, что она обнаружилась на глазахъ людей, предъ которыми Писареву должно было быть особенно пріятно выступить въ своемъ настоящемъ значеніи. Это было его послѣднее свиданіе съ сотрудниками журнала. Онъ задумывалъ рядъ статей для будущаго сезона, бросилъ двѣ статьи о Дидро и о современной Америкѣ, потому что случайно сошелся въ выборѣ предмета съ другимъ извѣстнымъ писателемъ, и съ свѣтлыми

надеждами говорилъ о своихъ будущихъ литературныхъ занятіяхъ, которыя до сихъ поръ какъ-то не складывались въ настоящую систему. Отъ морскихъ купаній онъ ожидалъ благотворнаго воздѣйствія на разстроенные нервы и ѣхалъ въ Дуббельнъ потому, что не могъ получить официальнаго разрѣшенія на поѣздку за-границу. Никто не могъ предположить, что дни Писарева были тогда уже сочтены. 4-го іюля онъ вышелъ, по обыкновенію, купаться въ морѣ. Недалеко отъ него, разсказываетъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» г. Суворинъ, купались другіе больные и видѣли, какъ онъ началъ биться въ водѣ. Они подумали, что Писаревъ дѣлаетъ обыкновенныя движенія. На самомъ дѣлѣ это была борьба со смертью. Его тѣло приняло ненормальное положеніе, къ нему бросились, вынесли его на берегъ, призвали трехъ мѣстныхъ докторовъ... Но всѣ усилія возбудить молодую жизнь оказались уже напрасными. «Очевидно, прибавляетъ г. Суворинъ, съ Писаревымъ сдѣлался тотъ-же нервный ударъ, который поразилъ его разъ во время студентства, среди шумной бесѣды съ друзьями», какъ это описано въ воспоминаніяхъ Полевого. Съ разрѣшенія администраціи тѣло Писарева было привезено въ Петербургъ, и 29 іюля состоялись его похороны на Волковомъ кладбищѣ. Въ 1 ч. пополудни отъ воротъ Маріинской больницы двинулось погребальное шествіе, сопровождаемое довольно многочисленной толпой друзей и почитателей покойнаго. Несмотря на тяжесть свинцоваго гроба, его сняли съ катафалка и несли на рукахъ попеременно до самаго кладбища. Въ публикѣ было не мало дамъ.

— «Кого это хоронятъ?» спрашивали многіе по дорогѣ. И узнавъ, что хоронятъ Писарева, примыкали къ толпѣ и шли безъ шапокъ до самой могилы.

Когда гробъ былъ опущенъ въ землю противъ могилы Добролюбова, черезъ дорожку, на его крышку посыпались цвѣты. Воцарилось долгое, глубокое молчаніе. Наконецъ, начались рѣчи. Говорили Павленковъ, Гирсъ, Гайдебуровъ и Благосвѣтловъ. Два оратора бросили другъ въ друга полемическія копья. Другіе говорили задушевно, дружески горячо. Рѣчь Благосвѣтлова произвела сильное впечатлѣніе. Дамы громко рыдали. Гирсъ прочелъ два стихотворенія... По окончаніи погребенія многими было выражено желаніе почтить память покойнаго учрежденіемъ при Петербургскомъ университетѣ стипендіи его имени, и тотчасъ-же была собрана довольно значительная сумма въ 700 рублей.

Такъ закончилась эта короткая, безрадостная жизнь. Писаревъ умеръ на двадцать восьмомъ году, послѣ восьмилѣтняго литературнаго труда, послѣ цѣлаго ряда публицистическихъ и критическихъ битвъ, окружившихъ его имя всероссійской славой. Неутомимый работникъ и яркій

литературный талантъ, онъ успѣлъ оставить глубокій слѣдъ въ исторіи цѣлой эпохи и связать свою дѣятельность, въ качествѣ ближайшаго преемника, съ журнальною дѣятельностью Добролюбова и Чернышевскаго. Онъ былъ прямымъ продолжателемъ философскихъ идей Чернышевскаго въ той области, въ которой его дарованіе сверкало лучшими достоинствами. Онъ довелъ до конца тѣ взгляды на искусство, которые Чернышевскій разработалъ въ своей знаменитой диссертаціи, и на живомъ, можно сказать, классическомъ примѣрѣ невольно обнаружилъ ихъ теоретическую несостоятельность и практическую опасность для развитія литературнаго творчества. При выдающихся публицистическихъ способностяхъ, Писаревъ не обладалъ ни философскимъ образованіемъ, ни серьезными научными знаніями, которыя позволили-бы ему взглянуть на задачу литературы подъ болѣе широкимъ угломъ зрѣнія. Настоящій критикъ по призванію, съ непосредственной любовью къ изящному, съ острымъ и свободнымъ аналитическимъ умомъ, онъ не нашелъ, можетъ быть, не успѣлъ найти своего пути и сдѣлалъ критику орудіемъ журнальной агитаціи въ пользу идей, не имѣвшихъ прямого отношенія къ тому дѣлу, къ которому онъ былъ призванъ. Вотъ почему въ его наиболѣе извѣстныхъ критическихъ статьяхъ, страдающихъ, несмотря на блескъ краснорѣчія, нѣкоторою растянутостью и утомительнымъ многословіемъ популяризатора для учащагося юношества, мы, рядомъ съ сильными и гибкими опредѣленіями художественной манеры писателей, ихъ міровоззрѣнія и психологическихъ наклонностей, встрѣчаемся постоянно съ искусственно притянутыми и до наивности простодушными разсужденіями объ эгоизмѣ, о мыслящихъ реалистахъ, о безплодности всякихъ научныхъ абстракцій. Онъ никогда не можетъ удержаться въ предѣлахъ своего предмета и мысль его, уносимая теченіемъ времени, механически привязываетъ къ своей темѣ тѣ вопросы, которые, при иномъ отношеніи къ критической задачѣ и критическимъ методамъ, могли-бы получить внутреннее освѣщеніе и разработку по пути всесторонняго и глубокаго психологическаго анализа самого художественнаго произведенія. Оставивъ послѣ себя интереснѣйшій матеріалъ для изученія эпохи, для обрисовки боровшихся въ ней теченій и стремленій, онъ параллельно съ этимъ оставилъ въ русской литературѣ рядъ критическихъ работъ, поражающихъ своей дикой и безплодной парадоксальностью и на долгое время наложившихъ свою печать на сужденія журналистики и общества о важнѣйшихъ проявленіяхъ русской духовной культуры. Не имѣя глубокихъ философскихъ и научно-соціальныхъ основаній, направляя интеллигенцію къ освободительной правдѣ случайными и ложными путями, его принципы легко распространялись среди мало образованныхъ, хотя и передовыхъ слоевъ русскаго общества, вос-

питывали поколѣніе въ узкой дисциплинѣ догматическаго и поверхностнаго реализма, а въ литературѣ призывали къ дѣятельности людей безъ оригинальнаго ума и таланта, съ тощимъ запасомъ затверженныхъ фразъ изъ ходкаго реалистическаго лексикона, людей, неспособныхъ ни на какую самостоятельную культурную работу. Идеи реалистическаго утилитаризма размѣнивались на мелкую монету, теряя всякую жизненную свѣжесть, и за поколѣніемъ фанатическихъ борцовъ, сильныхъ своею самобытностью, стали выступать мелкіе, придирчивые эпигоны.

А. Волынскій.

Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Сѣвернаго Вѣстника» въ теченіе января мѣсяца.

Абрамовъ Я. В. Частная женская воскресная школа въ Харьковѣ. Ставрополь. 1894.

Апухтинъ А. Н. Сочиненія. Изд. 1-е дополненное, въ 2 томахъ. Спб. 1895. Ц. 5 р.

Бельтовъ Н. Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію. Отвѣтъ гг. Михайловскому, Карѣеву и комп. Спб. 1895. Ц. 2 р.

Бернацкій А. А. Докладъ пермскому экономическому обществу члена-учредителя сего общества. Перм. 1894.

Божеряновъ И. Н. Какъ праздновалъ и празднуетъ народъ русскій Рождество Христово, Новый годъ, Крещеніе и Масляницу. Истор. очеркъ. 1895. Ц. 50 к.

В. В. Очерки теоретической экономіи. Спб. 1895. Ц. 2 р.

В. В. Артель въ кустарномъ промыслѣ. Мелкое производство въ Россіи. Спб. 1895. Ц. 1 р.

Вальтеръ-Скоттъ. Сенъ-Ронанскія воды. (Иллюстр. романы Вальтеръ-Скотта въ сокр. пер. Л. Шелгуновой). Спб. 1895. Ц. 40 к. Изд. Ф. Павленкова.

Его-же. Опасный замокъ и два пастуха, (Иллюстр. романы Вальтеръ-Скотта въ сокр. пер. Л. Шелгуновой). Спб. 1895. Ц. 40 к. Изд. Ф. Павленкова.

Его-же.—Робертъ. Графъ Парижскій. (Иллюстр. романы Вальтеръ-Скотта въ сокращ. пер. Л. Шелгуновой). Спб. 1895. Ц. 40 к. Изд. Ф. Павленкова.

Его-же. Приключенія Нигеля. (Иллюстр. романы Вальтеръ-Скотта въ сокр. пер. Л. Шелгуновой). Спб. 1895. Ц. 40 к. Изд. Ф. Павленкова.

Его-же. Редгантлеръ. (Иллюстр. романы Вальтеръ-Скотта въ сокращ. пер. Л. Шелгуновой). Спб. 1895. Ц. 40 к. Изд. Ф. Павленкова.

Гаршинъ В. М. То, чего не было (сказка) и Лягушка путешественница (сказка). Спб. 1894. Ц. 3 к. Изд. С.-Петерб. комитета грамотности.

Его-же. Гордая пальма (сказка) и Сказаніе о гордомъ Аггеѣ (старинное изданіе). Спб. 1894. Ц. 3 к. Изд. С.Петерб. комитета грамотности.

Его-же. Трусъ. Разсказъ. Спб. 1894. Ц. 3 к. Изд. С.-Петерб. комитета грамотности.

Его-же. Агкларское дѣло. Разсказъ. Спб. 1894. Ц. 3 к. Изд. С.-Петерб комитета грамотности.

Его-же. Четыре дня. Разсказъ. Спб. 1894. Ц. 3 к. Изд. С.-Петерб. комитета грамотности.

Верлэнъ-Поль. Романсы безъ словъ. Переводъ Валерія Брюсова. М. 1894.

Головачевъ П. Тюмень, какъ гнѣздо народнаго невѣжества. (Отд. оттискъ изъ «Тобольск. Губ. Вѣд.» 1894. №№ 47 и 48.

Гуринъ Г. И. (ветер. врачъ). Болѣзни мяса. М. 1894. Ц. 5 к.

Гюго Викторъ. Сочиненія въ двухъ томахъ. Съ портретомъ автора и вступительной статьею А. М. Скабичевскаго. Сокращ. перев. С. А. Брагинской. Спб. 1895. Изд. Ф. Павленкова. Ц. за два тома 2 р. 50 к.

Данилевскій В. Я. проф. Чувство и жизнь. Харьковъ. 1895. Ц. 50 к. Изд. книжнаго магазина И. А. Брейтигама.

Дюрсенъ А. Д-ръ. Спутникъ гинеколога. Руководство для студентовъ и врачей. Перев. съ 3-го дополн. и исправл. нѣмецкаго изд. д-ра мед. Г. К. Рунге. Спб. 1894. Изданіе К. Л. Риккера. Цѣна въ переплетѣ 2 руб.

Дієвъ Гр. А. Армянскій вопросъ въ Турціи. (Изъ переписки съ стамбульскимъ публицистомъ. М. 1893 г. Ц. 40 к.

Залѣсскій В. Ф. Міровой законъ цѣнности. Казань. 1894. Ц. 15 к.

Зутнеръ Берта. Долой оружіе. (Die Waffen nieder)! Анти-милитарный романъ. Перев. съ нѣм. Л. Н. Линдегренъ съ предисл. къ русск. изд. Р. И. Сементовскаго. Спб. 1893. Ц. 80 к. Изд. Ф. Павленкова.

Іодль Фр. Этика и политическая экономія. Пер. съ нѣмецк. Александра Острогорскаго. Спб. 1895. Ц. 20 к.

Карлэнъ Э. Капризная женщина. Ром. 1894. Спб. Ц. 1 р.

Карно И. Исторія французской революціи. Перев. съ франц. подъ ред. и съ предисл. Р. И. Сементовскаго. Спб. 1895. 2-е изд. Ф. Павленкова. Ц. 1 р.

Кентъ Ч. Семь новѣйшихъ чудесъ свѣта. Перев. съ англ. Д. Головъ, съ 109 рис. въ текстѣ. Спб. 1895. Ц. 1 р. Изд. Ф. Павленкова.

Коваленская А. Г. Крутиковъ. Разсказъ. Спб. 1894. Ц. Изд. С.-Петерб. комитета грамотности.

Крафтъ-Эбингъ д-ръ Р. Ф. Судебная психопатологія. Перев. съ примѣч. и дополнен. по русскому законодательству. Александръ Черемшанскій. Спб. 1895. Изданіе К. Риккера Ц. [illegible] р.

Кудрявцевъ И. А. Дѣти-пастухи. Разсказъ для дѣтей. Вятка. 1894. Ц. 10 к.

Лишинъ А. инженеръ. Какъ оградить людей отъ гибели на пароходахъ. Севастоп. 1894 Ц. 50 к.

Люцій Апулей Золотой оселъ. Перев. съ латинскаго Н. М. Соколова. Спб. 1895. Ц 1 р. 50 к.

Майнъ-Ридъ. Затерявшаяся гора. Романъ. М. 1895. Приложеніе къ журн. «Вокругъ свѣта». 1895. Январь № 1.

М-ръ и М-чъ. Справочная книжка для акціонеровъ на 1895 г.

Мороховецъ А. Е. Популярное руководство къ общедоступному сельско-хозяйств. счетоводству по способу «Время — Деньги». Харьковъ. 1894. Ц. 1 р.

Его-же. Таблицы примѣрнаго учета хозяйства по способу «Время—Деньги». Харьк. 1894.

Нейштубе С. Т. Торговля домашнею птицею и дичью въ Россіи. Спб. 1895. Ц. 40 к.

Немировичъ-Данченко В. И. Соловки Воспоминанія и разсказы изъ поѣздки съ богомольцами. Спб. 1894 Ц. 6 к. Изд. С.-Петерб. комитета грамотности.

Нефедовъ Ф. Д. Безоброчный. (Повѣсть) Спб 1894. Ц. 8 к. Изд. С -Петерб. комитета грамотности.

Норманскій Сергѣй. (Сигма). Оттуда, разсказы. Спб. 1894. Ц. 1 р.

Палопеженцевъ Н. И. Народное образованіе въ г. Ялтуровскѣ. Ч. I.

Свѣтловъ В. Золоченая богема. Романъ изъ петербургской жизни. Спб. 1895. Ц. 1 р. 25 к.

Смирновскій П. Маленькая русская хрестоматія для дѣтей. М. 1894. Ц. 15 к.

Станюковичъ К. М. Новые морскіе разсказы и маленькіе моряки. Спб. 1895. Ц. 2 р. 50 к

Современный календарь на 1895 г. А. Д. Ступина. Годъ изд. 6-й. Ц. 15 к.

Сообщенія С.-Петерб. отдѣленія комитета о сельскихъ ссудо-сберегат. и промышлен. товариществахъ, изд. подъ редакціей секретаря отдѣленія. Вып. 8-й и 9-й. Спб. 1894 и 1895 г.

Петровъ Конст. Ѳеод. Звѣздочка. Сборникъ статей въ прозѣ и стихахъ. Ч. I-я. М. 1895 Ц. 40 к

По Эдгаръ. Баллады и фантазіи. Пер. съ англ. К. Бальмонта. М 1895. Ц. 1 р 25 к.

Погоскій А. Ѳ. Злодѣй и Петька. Спб. 1894. Ц. 8 к. Изд. С.-Петерб. комитета грамотности.

Луговой А. Сочиненія Т. III. Спб. 1895. Ц 2 р

Скабичевскій А. М. Біографическій очеркъ Н. А. Добролюбовъ. Спб. 1894. Изд. Ф. Павленкова. Ц. 25 к.

Криницкій Маркъ. Въ туманѣ. М. 1895. Ц. 45 к

Н. Страховъ. Философскіе очерки. Спб. 1895. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Страховъ. Объ основныхъ понятіяхъ психологіи и физіологіи. Изд. 2-е. Спб. 1894. Ц. 1 р. 50 к.

Флеровъ А. П. Опроверженіе рецензіи г. Карскаго на два учебн. изд. А. Флерова. Воронежъ. 1894.

Mimisrach Umimaarabh (von Ost und West). Hebr. Monatschrift für Literatur und Wissenschaft herausgeg. von Ruben Brainin. Wien. 1895. heft II.

Памяти Императора Александра III. Сборникъ «Московскихъ Вѣдомостей» (извѣстія, статьи, перепечатки). Изд. С. Петровскаго. Москва. 1894.

Отчетъ Пензенской обществ имени М. Ю. Лермонтова библіотеки за 1894 г.

Отчетъ училищнаго врача Н. Ф. Михайлова за 1893—1894 учебный годъ.

Лирика и Антологія русскихъ поэтовъ. Сборникъ стихотвореній. 1895. Ц. 1 р.

Крестный календарь на 1895 г. А. Гатцука. Годъ изд. 30-й. Ц. 15 к.

Доклады вятской губернской земской управы губернскому земскому собранію XXVIII очередной сессіи 1894 г. 1) О сельскихъ библіотекахъ. 2) О дѣятельности агрономическихъ учрежденій. 3) О вятской газетѣ. 4) О мѣрахъ къ улучшенію пчеловодства въ губерніи. 5) О безплатной раздачѣ крестьянскому населенію полезныхъ книгъ для чтенія. 6) О воскресно-повторительныхъ занятіяхъ при начальныхъ школахъ. 7) Объ улучшеніи кустарныхъ промысловъ въ Вятской губерніи. 8) О распространеніи сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ. 9) О земскомъ кустарномъ музеѣ и складѣ кустарныхъ издѣлій.

Девятнадцатый отчетъ комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ. Изданъ подъ редакціей секретаря с. петербургскаго отдѣленія комитета. Спб. 1894.

Янтарева Р. А. Дѣтскіе типы въ произведеніяхъ Достоевскаго. Психологич. этюды. Спб. 1895. Ц. 60 к.

Эварницкій Д. И. Исторія запорожскихъ казаковъ. Т. II.Спб. 1895. Ц. 4 р.

Шеллеръ А. К. (А. Михайловъ). Полное собраніе сочиненій. Т. X. XI. XII. XIII. Спб. 1894.

Шевченко Т. Г. Батрачка. Повѣсть. Перев. съ малороссійскаго Л. Мей. Спб. 1894. Ц. 3 к. Изд. С -Петерб. комитета грамотности.

Цомакіонъ А. И. Сервантесъ, его жизнь и литературная дѣятельность, біогр. очеркъ. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1894. Ц. 25 к.

Христіановичъ П. Опытъ устройства общеобразовательной школы съ цѣлью большей подготовки учащихся къ жизни. М. 1894.

Толвинскій А. И. Критика операцій земельныхъ банковъ. Вильна. 1893.

Тарасовъ И. Т. Учебникъ науки полицейскаго права, вып. III-й. М. 1895. Ц. 2 р.

Сказъ о богатырѣ Ильѣ Муромцѣ, крестьянскомъ сынѣ. Спб. 1894. Ц. 6 к. Изд. С.-Петербургскаго комитета грамотности.

Преображенскій М., д-ръ. Физическая антисептика. Экспериментальное изслѣдованіе. Спб. 1894. Изданіе К. Л. Риккера. Ц 2 р.

Потапенко И. Н. Шестеро, Разсказъ. Спб. 1894. Ц. 5 к. Изд. С.-Петербургскаго комитета грамотности.

ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ.

Елочная литература въ провинціи.—Праздничные разсказы и статьи въ «Южанинѣ», «Одесскомъ Л.», «Приазовск. Краѣ», «Астраханскомъ Л.», «Новоросс. Телеграфѣ» и «Виленскомъ Вѣстн.». — Поэзія и наука въ одесскихъ дѣлишкахъ. — Петербургскіе литераторы въ провинціи. — «Новоросс. Телеграфъ» о литературной обидчивости. — Юбилей «Сѣвернаго Кавказа».—«Самарская Газета» о положеніи провинціальной печати.—Портной назначаетъ кондукторовъ.—Письмо къ репортеру «Кіевскаго Слова».— „Кіевское Слово" и „Кіевлянинъ".—Опасное сходство.—Судебныя дѣла врача Красса, Пискуновыхъ, Довгопола.—Саратовское и тамбовское ходатайства противъ тѣлесныхъ наказаній.

Въ рождественскій сочельникъ и въ самый день праздника, провинціальныя газеты были переполнены статьями, разсказами, гомиліями и стихами ad hoc, начиная отъ написанныхъ «высокимъ слогомъ» и до такихъ юмористическихъ, которые если и возбуждали смѣхъ, то скорѣе— на счетъ ихъ авторовъ. Во всемъ этомъ было гораздо больше подражанія и дѣланности, чѣмъ искренняго чувства, свободнаго воображенія и хотя-бы дѣйствительной веселости. Первый примѣръ «рождественскихъ» и «пасхальныхъ» нумеровъ дало «Новое Время», за которымъ пошли еще двѣ-три столичныя газеты. И вотъ, за ними ужъ буквально «пошла писать губернія».

Народъ чтитъ великость праздника, но съ половины дня уже мало думаетъ о его особенномъ значеніи, празднуетъ его, какъ всѣ праздники. Обычай ходить со звѣздой и славословіемъ, хотя еще и удержался по деревнямъ, но соблюдается теперь только дѣтьми, да и то далеко не вездѣ. Колядованіе еще сохранилось въ Малороссіи и въ особенности въ Бѣлоруссіи, но также сильно подупало. Святочныя посидѣлки и ряженья, правда, остались, но они не имѣютъ ничего общаго съ характеромъ праздника.

А болѣе или менѣе образованная «публика», духъ и стремленія которой, говорятъ, выражаются ея органами, газетами, развѣ она въ сочельникъ и въ самый праздникъ въ самомъ дѣлѣ находится въ совсѣмъ особомъ настроеніи, въ томъ, какое будто-бы отражается въ передовыхъ статьяхъ, появляющихся въ тѣ дни? Конечно, во всѣ большіе праздники многіе бываютъ въ церкви, всѣ праздникамъ рады, какъ днямъ отдохновенія, прогулокъ, усиленной ѣды и питья. Но хотя мы и переняли отъ нѣмцевъ обычай устраивать «елку», она у насъ вовсе не имѣетъ того особаго значенія, какъ у нѣмцевъ, и праздникъ этотъ далеко не окруженъ такой поэзіею, какъ у нихъ. Говорятъ, у насъ это — праздникъ семьи, семейнаго начала, праздникъ дѣтей, какъ и у нихъ. Такъ-то такъ, но только выходитъ совсѣмъ иначе. Намъ все равно, въ какой день зажечь елку, въ сочельникъ или подъ новый годъ, а именно набожные старые люди находятъ, что даже лучше — не въ сочельникъ. Елка еще не догорѣла, уже садятся за карты, дѣтей пошумѣвшихъ съ подарками ушлютъ спать. случится—потанцуютъ, но ужъ во всякомъ случаѣ закусятъ плотно. Наша «елка» проходитъ въ совершенно будничномъ настроеніи. Правда, что и само «семейное начало» — то, которое якобы торжествуется въ данномъ случаѣ, какъ-то у насъ не можетъ подняться до праздничнаго уровня.

Жалѣть-ли объ этомъ? Мнѣ могутъ возразить, что во многихъ странахъ Европы не существуетъ и самаго обычая зажигать елку и что почему-же мы непремѣнно должны придавать ей такое-же значеніе какъ нѣмцы? Я этого и не говорю, а только удивляюсь, къ чему мы у нихъ заимствовали эмблему того, чего не чувствуемъ и для чего газеты 24 и 25 декабря переполнялись такими вещами, которыхъ у нихъ и въ поминѣ не было ни 23, ни 26 чиселъ, которымъ противорѣчило все содержаніе тѣхъ-же газетъ въ остальное время года, за исключеніемъ, опять-таки, одного весенняго праздника? И безъ тѣхъ, являющихся на заказъ статей, и безъ елки, прекрасно можно обойтись. Что это за цаца такая, въ сущности, и гдѣ-же съ нимъ, на самомъ дѣлѣ такъ ужъ очень носятся и церемонятся? Очень хорошо, но только, къ чему-же въ такомъ случаѣ и т. д.

Составлять особые литературные «рождественскіе» нумера болѣе или менѣе удачно могутъ «Новое Время» и «Новости». И то... Но когда подобные сплошь «литературные» нумера сочиняются въ такихъ редакціяхъ, гдѣ двумя сотрудниками ведутся всѣ отдѣлы, то можете себѣ представить какого достоинства выходитъ эта случная литература. Еще самое лучшее въ ней—то, что хотя и не особенно поучительно, но по крайней мѣрѣ изложено безъ затѣй. Такова была въ «Южанинѣ», на сочельникъ, статья «взрослымъ о дѣтяхъ». «Дорогіе читатели! Вамъ, конечно, извѣстно, что праздникъ Рождества—праздникъ дѣтскій»... и пр. Затѣмъ, упомянувъ о елкѣ и подаркахъ дѣтямъ, авторъ напоминаетъ о напечатанномъ въ той же газетѣ проектѣ учрежденія общества покровительства дѣтямъ,

фондъ для котораго составился-бы изъ слѣдующихъ источниковъ: всѣ дамы жертвуютъ 5 процентовъ съ каждой покупки нарядовъ, всѣ играющіе въ карты жертвуютъ 10 проц. съ каждаго выигрыша, всѣ жертвуютъ 1 проц. съ жалованья. Положимъ, это кстати повторить на праздникѣ. Но тутъ же прописывается результатъ. «И однако—говоритъ газета—со дня напечатанія этого симпатичнаго проекта прошло уже четыре года; попрежнему дамы и барышни покупаютъ себѣ наряды, попрежнему винтятъ обыватели, а ни о какихъ отчисленіяхъ для осуществленія добраго дѣла ни слуху, ни духу». Прибавлю: попрежнему «Южанинъ» выходитъ ежедневно, съ статьями и объявленіями, и ведется вполнѣ прилично, но также никакихъ отчисленій не дѣлаетъ; да и о проектѣ 1890 г. онъ самъ вспомнилъ теперь только черезъ 4 года.

Вообще во многихъ «рождественскихъ» нумерахъ газетъ упоминалось о благотворительности. Въ «Одесскомъ Листкѣ» большая часть первой страницы занята была объявленіями, а далѣе, подъ общимъ заглавіемъ «Рождество», слѣдовалъ цѣлый рядъ святочныхъ и не святочныхъ разсказовъ, начиная съ очерка г. І. Ясинскаго въ около 150 строкъ, раздѣленнаго на шесть главъ (въ одной изъ нихъ менѣе 20 строкъ) и кончая разсказомъ «Среди нищихъ», за которымъ уже слѣдовали почти пять страницъ объявленій. Вотъ, если-бы со всѣхъ этихъ объявленій да одинъ процентъ, то стало-бы на рубашку не для одного нищаго. Повторю при этомъ случаѣ сказанное мною раньше: платныя объявленія должны быть обложены сборомъ на благотворительныя дѣла, наравнѣ съ театральными и концертными билетами.

Я уже замѣтилъ, что не всѣ разсказы и очерки, которыми наполняются рождественскіе нумера газетъ, носятъ святочный характеръ. Очень многіе ничего общаго не имѣютъ съ тѣмъ днемъ, въ который они почему-то преподносятся. Напримѣръ, хоть мнимо-святочный очеркъ: «Подслушанный разговоръ» въ праздничномъ нумерѣ «Приазовскаго края». Правда, онъ начинается словами «Канунъ Рождества», но кромѣ этихъ двухъ словъ, нѣтъ ровно ничего «подходящаго», а есть разговоръ двухъ покойниковъ актеровъ о прежнемъ драматическомъ и о нынѣшнемъ опереточномъ характерѣ театра. Разсужденіе—ничего себѣ, какое можетъ быть на эту тему; только длинновато и напрасно уснащено такими любезностями, какъ «телятина» и «чортова побрякушка», о которыхъ неизвѣстно, употребительны-ли онѣ у покойниковъ. Такъ и 6-ти-главый 150-строчный разсказъ г. Ясинскаго въ «Од. Листкѣ» имѣетъ столько-же отношенія къ празднику, какъ «лебеда въ огородѣ» къ «дядѣ въ Кіевѣ». Еще приведу для примѣра разсказъ «Сюрпризъ» въ нумерѣ 25 декабря «Астраханскаго Листка». Ссыльно-поселенецъ, помилованный, сдѣлалъ сюрпризъ своей женѣ—явился къ ней въ канунъ Рождества и самъ обрѣлъ сюрпризъ въ лицѣ другого человѣка, уже замѣнившаго его у жены. Мужъ уѣхалъ, написавъ ей: «сегодня праздникъ Рождества... Простимъ-же другъ-друга и будемъ жить, хотя розно, но въ мирѣ». Прос-

тилъ—ради праздника. Счастье для жены, что онъ пріѣхалъ на этотъ именно праздникъ, а не на Усѣкновеніе главы, напримѣръ.

Какъ-бы то ни было, но на безхитростныя умилительныя разсужденія и на кое-какіе разсказы у всѣхъ еще хватаетъ силъ. Гораздо хуже бываетъ съ провинціальными усиліями парить по данному поводу или философствовать, созерцая внѣшній міръ изъ собственнаго нутра. Я привелъ изъ «Южанина» примѣръ беззатѣйной статейки на сочельникъ. Но на слѣдующій день въ той-же газетѣ явилось уже въ передовой статьѣ торжественное разсужденіе на тему «станемъ любить другъ друга». Авторъ обѣщаетъ, что если люди исполнятъ это, «тогда засіяетъ надъ міромъ великолѣпное, величественное солнце общаго довольства, покоя и счастья и вмѣсто горестныхъ, щемящихъ душу стоновъ и воплей, къ далекимъ лучезарнымъ небесамъ, на волнахъ душистаго фиміама, поднимется радостный торжественный гимнъ обновленнаго, довольнаго человѣчества». И фельетонъ въ томъ-же нумерѣ оканчивался словами: «въ довольствѣ, въ мирѣ и искренней братской любви». И «маленькій фельетонъ» заключался приглашеніемъ: «откроемъ сердца и пусть хотя разъ въ году найдутъ въ нихъ откликъ горе, нужда, несчастье, слезы нашихъ ближнихъ!». Вотъ то-то и есть, что «хотя разъ въ году».

Но мнѣ скажутъ, что вы пристали къ небольшой николаевской газетѣ, быть можетъ, всѣ-то эти статьи въ ней пришлось писать одному автору. Допускаю это и затѣмъ перехожу къ большой газетѣ, имѣющей большой составъ сотрудниковъ, очень большое число объявленій и выходящей въ огромномъ городѣ, гдѣ чуть-ли не все больше, чѣмъ въ самыхъ столицахъ, обращаюсь къ нумеру 24 декабря «Одесскаго Листка» или лучше къ философіи ея перваго фельетониста Барона Икса. Онъ пишетъ о «текущихъ дѣлахъ-дѣлишкахъ», но, по случаю праздника, особенно постарался, озаглавивъ свою статью такъ: «Текущія дѣла-дѣлишки (въ головѣ, когда расфилософствуешься)» и далъ ей соотвѣтственное содержаніе. Давно сказано: «пофилософствуй, умъ вскружится». Чего-чего только нѣтъ въ головѣ почтеннаго одесскаго автора. Тутъ и Данте, и г. І. Ясинскій «будущій коллега», и Кантъ съ Лапласомъ, галантины, паштеты, пате-фруа и Карлейль, и Максъ Мюллеръ, однимъ словомъ даже большее богатство, чѣмъ въ уважаемомъ «Русскомъ Богатствѣ».

Статья эта, написанная «литературно»—до послѣдней степени, начинается со словъ: «come duro e calle!» Слова эти авторъ, очевидно, не знающій по-итальянски, переводитъ такъ: «Какъ жестка дорога!» Онъ приписываетъ ихъ Данте, вдохновляется ими, съ нихъ начинаетъ, кончаетъ ими, повторяетъ ихъ десятокъ разъ, подхлестывая ими каждый новый оборотъ своего краснорѣчія. Между тѣмъ, я знаю по-итальянски, въ свое время читывалъ и Данте, а этихъ словъ не понимаю. Мало того, изъ нихъ вижу, что авторъ никогда Данте въ рукахъ не имѣлъ; ибо кто можетъ читать «l'altissimo poeta che sovrà gli altri come aquila vola», то-есть величайшаго поэта, который какъ орелъ паритъ надъ другими (Данте

это говоритъ о Гомерѣ), тотъ не можетъ написать «come duro e calle», написать десять разъ къ ряду, такъ что объ опечаткѣ нѣтъ рѣчи, потому что это—безсмыслица, все равно какъ было-бы по-французски «combien dur et chemin».

Но не будемъ портить такимъ недоумѣніемъ эфектнаго начала особенно старательно отдѣланной для праздника статьи. «Come duro e calle!—восклицаетъ не Данте, а одесскій авторъ.—Какъ жестка дорога! Жестка! жестка! Come duro! Come duro! И я улыбнулся! Вотъ новое слово—вмѣсто комедіи—очень похожее—комедурія! Жизнь есть комедія, сказалъ кто-то и повторяютъ всѣ,—нѣтъ: жизнь есть комедурія! Это новое опредѣленіе жизни и новое слово, составленное изъ этого восклицанія: (отъ строки) Come duro e calle! Это сказалъ знаменитый Данте, хмурый, суровый, унылый, мрачный Данте». Неправда, никогда *онъ* этого не сказалъ, это сказалъ только знаменитѣйшій фельетонистъ, распространеннѣйшей газеты огромнаго города, «красы юга, южной Пальмиры». Но все таки—эфектное начало, съ Дантомъ, комедіей и комедуріей жизни. А то, что послѣ восклицанія «Жестка!» съ прописной буквой, поставленъ еще возгласъ «жестка!»—съ малой буквы, какъ-бы эхо или вздохъ, это даже тонко-художественно.

Но въ наше время всего этого еще мало, чтобы подчинять себѣ умы. Велика важность Данте. Если сапоги лучше Шекспира, то пара калошъ важнѣе Данта. Чтобы владѣть умами современниковъ, необходимо бѣгло читать книгу природы, быть посвященнымъ въ открытія и теоріи великихъ ея изслѣдователей и въ особенности въ послѣднія ихъ слова, хотя-бы даже пропустивъ нѣкоторыя существенныя изъ вторыхъ, третьихъ и десятыхъ словъ. Съ одними «послѣдними» словами можно уже вести за собой молодое поколѣніе. И вотъ, нашъ авторъ, приведя еще мимоходомъ Байрона и Гейне, объясняетъ, что такое звѣзды—по Канту и Лапласу, по временамъ повторяя Come duro e calle! Объясненіе это не особенно поучительное: «Это—говорятъ намъ астрономы, огромныя скопленія огненной космической пыли, превратившейся, вслѣдствіе сгущенія, зависящаго отъ тяготѣнія, въ звѣзды или солнца». Какимъ образомъ пыль могла сперва горѣть, а потомъ сгуститься, этого, конечно, нельзя найти у Канта и Лапласа. Да далѣе мы и узнаемъ, что свои космологическія свѣдѣнія одесскій авторъ почерпнулъ не у нихъ, а—изъ «научной хроники», которую велъ «даровитый и ученый писатель г. Ясинскій въ одномъ изъ лучшихъ нашихъ журналовъ». Кстати, при этомъ можно было похвалиться такимъ «коллегой» въ «Од. Листкѣ»—«Какая прелесть, какая начитанность, эрудиція, какое талантливое изложеніе; и вдругъ, я узнаю, совершенно неожиданно для себя, что І. Ясинскій онъ-же извѣстный беллетристъ Максимъ Бѣлинскій. «Милости просимъ, милости просимъ, я безконечно радъ, что буду имѣть коллегу, который не только пойметъ, но и посочувствуетъ тебѣ и поможетъ разобраться... Въ чемъ? Да вотъ, въ этомъ самомъ, томящемъ, дразнящемъ, интригующемъ тебя фило-

софско-научномъ калейдоскопѣ, точнѣе лабиринтѣ». Сомнѣваюсь, чтобы и г. Ясинскій посочувствовалъ огненной пыли, которая потомъ сгустилась. Но считаю обязанностью, во имя правды слова, сказать, что «калейдоскопъ и лабиринтъ» якобы научные и якобы томящіе автора, гораздо проще и вѣрнѣе назвать имъ-же предложеннымъ выраженіемъ «комедурія».

Непріятное впечатлѣніе производятъ крайнія усилія одесскихъ фельетонистовъ по части эфекта. Чувствуется, какъ-будто они имѣютъ дѣло съ публикой, которой далеки всѣ умственные мотивы, передъ которой литераторамъ надо скакать, падать наземь, потомъ порхать и устраивать фейерверки изъ славныхъ именъ, чтобы сколько-нибудь пробрать и обратить на себя, хоть на пять минутъ, вниманіе солиднаго коммерческаго человѣка, котораго мысль до и послѣ этого краткаго интервала «всецѣло» занята разсчитываніемъ и обсчитываніемъ того самаго «ближняго», коего ему такъ рекомендуютъ любить «хотя-бы разъ въ году», какъ было сказано въ Николаевѣ.

«Новороссійскій Телеграфъ» даже цѣлыхъ десять страницъ выпустилъ на первый день праздника. А такъ какъ объявленій у этой газеты гораздо меньше, чѣмъ въ «Од. Листкѣ», то на 10 большихъ страницахъ помѣстилась цѣлая литература, т. е. полный обычный нумеръ и сверхъ того изрядное количество побасенокъ, спросъ на которыя, повидимому, такъ великъ. «Нов. Тел.», какъ и его соперникъ, щегольнулъ столичнымъ литераторомъ, г. Буквой, постояннымъ своимъ сотрудникомъ, помѣстивъ въ праздничномъ нумерѣ цѣлыхъ три его разсказа. Они поставлены подъ общимъ заглавіемъ «на елку», но по содержанію не имѣютъ ничего общаго съ временемъ года. Такъ и другія побасенки, помѣщенныя по этому случаю; тамъ есть и о судебныхъ дѣлахъ, и о кутежахъ, и о чемъ угодно.

Кстати уже, по поводу праздничныхъ умиленій и благопожеланій, отмѣчу статью «Виленскаго Вѣстника» на новый годъ, подъ названіемъ «Отголоски». «Оглядываясь на общественную жизнь прошедшаго года— пишетъ фельетонистъ—и припоминая ее, замѣчаешь, что всюду тишь, замѣтно было маловато жизни, замѣчалось нѣкоторое равнодушіе, безмолвствовалъ музыкально-драматическій кружокъ, дворянскій клубъ подводилъ правильно итоги прихода и расходовъ; вообще наша жизнь, кажется, не отличается жизненностью». Но развѣ не объ этомъ именно и заботился, между прочими, и «Виленскій Вѣстникъ», чтобы тамъ была тишь, было «маловато жизни?» Если клубъ правильно сводитъ итоги дохода отъ карточной игры и расходовъ, то и прекрасно. Что-же тамъ больше и дѣлать, какъ не винтить и сводить счеты? Не бесѣдовать-ли и философствовать? Да и можно-ли тамъ каждому бесѣдовать на своемъ языкѣ? Пусть-бы «Вил. Вѣстникъ», въ свою очередь, занялся правильнымъ сведеніемъ итоговъ всего, что было сдѣлано въ Вильнѣ для возвышенія активовъ или усиленія пассивовъ общественной жизни. Въ балансѣ онъ и получилъ-бы наглядное объясненіе своего вывода, что «вообще жизнь (тамъ) не отличается жизненностью».

Въ статьѣ есть и стихи, напримѣръ: «У другого въ груди какое-то волненье, въ крови огонь, на сердцѣ такъ легко, и не гнететъ жестокое сомнѣнье, и грусть, и мракъ—и горе далеко!» Хотѣлъ-ли авторъ выразить этимъ настроеніе большинства городского населенія или свое собственное? Вѣроятнѣе, что только свое. У него столько огня въ крови и на сердцѣ такъ легко, что вслѣдъ за поэзіей онъ тотчасъ и хожалому подмигнулъ: «придется, пожалуй, указать ту причину, по которой, какъ гласитъ молва, гласные какъ будто враждебно относятся къ развитію просвѣщенія; не хочу вѣрить, но *долженъ буду* передать». Если долженъ, то нечего и разсуждать, на то онъ и поставленъ. Я бы ему посовѣтовалъ сравнить, какая часть городского дохода идетъ на расходы обязательные—въ Вильнѣ и какая въ центральныхъ губернскихъ городахъ. Тогда онъ нашелъ-бы «причину», не прибѣгая къ произвольнымъ догадкамъ. А впрочемъ, я недавно видалъ подъ одной изъ статей въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» подпись г. А. Волынца, извѣстнаго спеціалиста по части праздничныхъ статей и поставки одного и того-же краснаго яичка въ нѣсколько газетъ, въ чемъ его два года назадъ такъ торжественно уличилъ «Варшавскій Дневникъ». Если статью на новый годъ въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» писалъ онъ, то слова мои напрасны. Извѣстно, что горбатаго не исправитъ жизнь, даже самая «жизненная». А такой, по удостовѣренію единственной мѣстной газеты, въ Вильнѣ не имѣется.

Выше упомянуто объ участіи нѣкоторыхъ петербургскихъ литераторовъ въ печати провинціальной. «Самарская Газета», въ одномъ изъ своихъ объявленій передъ новымъ годомъ, сообщила, что къ числу ближайшихъ и постоянныхъ ея сотрудниковъ присоединились двое лицъ изъ прежняго состава редакціи «Русской Жизни». Такъ какъ имъ поручается веденіе нѣсколькихъ отдѣловъ, то надо полагать, что эти сотрудники переселились въ Самару. Обмѣнъ литературныхъ силъ между столицами и провинціей—явленіе желательное, какъ все, что можетъ способствовать нѣкоторому единенію, а тѣмъ болѣе—подготовлять солидарность. Но часто такому обмѣну предшествуютъ раздоры, вызываемые иногда и излишней обидчивостью.

Г. Альфа въ «Новоросс. Телеграфѣ» указываетъ на различіе въ этомъ отношеніи между журналистами петербургскими и провинціальными. Отъ одного «нынѣ подвизающагося въ Одессѣ, и до недавняго времени работавшаго въ петербургской прессѣ» литератора, а ранѣе и отъ другихъ лицъ, авторъ слышалъ слѣдующее: въ Петербургѣ «журналисты полемизируютъ нерѣдко съ крайней запальчивостью, говорятъ другъ другу много колкостей и обидныхъ словъ, но эти журнальныя размолвки не мѣшаютъ имъ сходиться по-пріятельски и сохранять полную благожелательность и уживчивость въ частныхъ отношеніяхъ; на мой личный вкусъ—прибавляетъ авторъ—эта черта нравовъ очень симпатична». Быть можетъ, мы менѣе сердимся за шутку, которая не задѣваетъ нравственнаго характера. Никто изъ насъ, напримѣръ, не думалъ сердиться, когда его изображали

въ юмористическомъ листкѣ съ плѣшью или съ длиннымъ носомъ, такъ какъ «это отъ Бога», хотя-бы даже размѣры этихъ даровъ Божьихъ и были преувеличены на рисункѣ.

Но крайняя обидчивость провинціи извѣстна и самъ-же г. Альфа, противъ своей воли, ее подтверждаетъ далѣе въ той-же статьѣ, длинной, по обычаю, какъ все, что пишется въ Одессѣ. Онъ упрекаетъ одного изъ собратьевъ въ «Одесскомъ Листкѣ» именно за шутки надъ внѣшностью, странными манерами, надъ «безвредными житейскими слабостями» разныхъ лицъ, находящихся на виду, но такихъ, само собой разумѣется, которыхъ шутка можетъ касаться. «Зачѣмъ искать во всемъ непремѣнно только смѣшного?» вопрошаетъ авторъ, упуская изъ вида, что такое возраженіе дѣлали и серьезнымъ сатирикамъ. Далѣе онъ говоритъ, что еще не знакомъ лично съ осуждаемымъ имъ фельетонистомъ, но знаетъ того въ лицо и знаетъ, «что тотъ слегка прихрамываетъ, что онъ близорукъ, что онъ не прочь отъ веселаго дамскаго общества и отъ винта съ прикупкой. Все это частью отъ Бога — продолжаетъ авторъ— частью отъ воспитанія, отъ природныхъ склонностей и привычекъ, и грѣшнаго, смѣшного во всемъ этомъ нѣтъ ничего. Что почувствовалъ-бы г. Д. (фельетонистъ «О. В.»), если-бы я сталъ высмѣивать эти его особенности и склонности болѣе или менѣе остроумно? Полагаю, ему-бы это было не по вкусу... Кто изъ одесскихъ фельетонистовъ любитъ винтъ или устрицы, кто изъ нихъ хромаетъ на одну ногу или лишенъ головного покрова—это вѣдь никому изъ читателей не интересно. А вотъ, если я сказалъ нелѣпость, если я наговорилъ вздору — тогда извольте, смѣйтесь сколько силъ хватитъ». Ну, развѣ это не чрезмѣрная обидчивость—негодовать на шутки надъ лысиной или хромотой? А еще петербургскихъ журналистовъ авторъ ставилъ въ примѣръ одесскимъ за то, что первые будто-бы сохраняютъ взаимную «полную благожелательность» даже послѣ «обидныхъ словъ». Одно можно сказать, что шутки надъ наружностью и оглашеніе такихъ важныхъ вещей, какъ то, кто любитъ устрицы, а кто дамское общество, обыкновенно бываютъ глупы. Надѣюсь, г. Альфа не обидится и моимъ замѣчаніемъ, что хромаютъ обыкновенно только на одну ногу.

Провинціальныя газеты продолжаютъ справлять свои юбилеи. Въ декабрѣ ихъ отпраздновали «Саратовскій Листокъ» и «Сѣверный Кавказъ». «Десятилѣтній періодъ жизни для частнаго провинціальнаго органа—говоритъ послѣдняя газета—срокъ не маленькій, если принять во вниманіе тѣ условія, при которыхъ приходится существовать провинціальной газетѣ; каковы эти условія съ одной стороны—яркимъ показателемъ могутъ служить три безвременно погибшихъ изданія нашего края: «Кубань», «Терекъ» и «Владикавказскій Листокъ Объявленій». Ставропольская газета напоминаетъ, что изъ названныхъ изданій первое продержалось три года, второе и третье—только годъ, при чемъ «Терекъ» долженъ былъ прекратиться прямо вслѣдствіе перенесенія цензурнаго его

просмотра—въ Тифлисъ. «Сѣверный Кавказъ» также долженъ былъ бороться «съ массою мелочныхъ препятствій», выдержалъ нѣсколько процессовъ по обвиненію въ диффамаціи, но счастливо вступилъ съ января въ 11 годъ существованія. Говорятъ, наша областная печать — незрѣлая. Но какже ей созрѣть при такихъ условіяхъ? Недаромъ десятилѣтній органъ уже вѣнчается юбилейнымъ лавромъ.

По этому поводу, указавъ на «равнодушіе публики, диффамацію, ненависть, злобу, шипѣніе», съ которыми должна бороться провинціальная печать, «Самарская Газета» касается будущности этой печати. Одинъ изъ ораторовъ на юбилеѣ «Сарат. Листка» сказалъ: «Не далекъ тотъ день, когда раздвинутся рамки нашей публицистики»... «Устами оратора да медъ-бы пить!»... замѣчаетъ «Самарская Газета».—Въ провинціи есть люди и областная пресса рано или поздно встанетъ на подобающую высоту». Затѣмъ, газета приводитъ слова г. В. Короленко въ «Русск. Вѣдомостяхъ»: «вопросъ о будущемъ освобожденіи областного слова является для нашего огромнаго отечества настоятельнымъ и насущнымъ». Отъ себя «Самарск. Газета» прибавляетъ: «но для этого очага живой мѣстной мысли нужны условія, въ необходимости созданія которыхъ и заключается весь вопросъ». Совершенно справедливо, что даже и одного формальнаго освобожденія слова еще недостаточно для того, чтобы слово это могло сдѣлаться въ самомъ дѣлѣ свободнымъ, и что для того необходимы еще и другія условія.

Но каждый шагъ въ такомъ направленіи обѣщаетъ пользу. Г. Короленко указывалъ ее въ большемъ единеніи. Такъ какъ я съ этой-же мысли началъ первую свою бесѣду о провинціальной печати, то приведу еще слѣдующія его строки: «наше отечество похоже на гиганта, вяло раскинувшагося на огромномъ пространствѣ, съ отекшими членами, не проводящими къ оконечностямъ нервныхъ токовъ отъ центра. И это мы называемъ нашимъ единствомъ и при этомъ мы боимся не инертности, а слишкомъ будто-бы быстраго прогресса». Нельзя не согласиться и съ г. Короленко, и съ «Самарскою Газетой». Я хочу только дополнить ихъ взгляды еще замѣчаніемъ, что необходимы и не стѣсненные обратные нервные токи—отъ оконечностей и всей поверхности вообще—къ центрамъ нервной системы. Токи, исходящіе изъ центровъ, управляютъ движеніями оконечностей, передаютъ членамъ волю, составленную по болѣе или менѣе вѣрнымъ представленіямъ о ихъ потребностяхъ и о нуждахъ цѣлаго организма. Токи-же, идущіе отъ всей поверхности къ центрамъ, несутъ ощущенія и опытъ—матеріалъ для впечатлѣній и волевой функціи центровъ.

Оставивъ физіологическую аллегорію, скажу, что одинаково необходимо не стѣсненное исполненіе мѣстной печатью двухъ дѣлъ. Она должна нести все дальше и глубже идеи общей пользы и вырабатывать солидарность или, какъ говоритъ г. Короленко, «проносить въ уголки общую идею, общія свѣдѣнія, направлять вниманіе далекаго захолустья на тѣ-

же предметы, о которыхъ думаютъ и говорятъ въ центрахъ». Но никакъ не менѣе важна и другая задача, для успѣшнаго разрѣшенія которой просторъ еще болѣе необходимъ. Только провинціальная печать знаетъ о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ на мѣстахъ, о томъ, каковы были на дѣлѣ послѣдствія той или другой общей мѣры, въ какой степени то, что происходитъ тамъ согласно съ общими законами и въ какой общіе законы соотвѣтствуютъ мѣстнымъ нуждамъ. Общія идеи и свѣдѣнія о томъ, что думаютъ и говорятъ въ центрахъ, провинціальная печать передаетъ въ значительной степени и при нынѣ существующихъ для нея условіяхъ. Она даже слишкомъ много занимается столицами и слишкомъ поетъ съ голоса столичной печати. Такъ напримѣръ, нелѣпая исторія съ чертями на Литейной обѣжала почти всѣ губернскія газеты, хотя ея и для петербуржцевъ-то не стòило описывать.

Подражательность объясняется неустановленностью собственныхъ мнѣній; столичные отголоски являются модными вѣяніями, которыя и разносятся всѣми, кто хочетъ быть «въ курсѣ». Излишняя-же передача столичныхъ мелочей вызывается отчасти слабостью мѣстныхъ редакціонныхъ составовъ, которая побуждаетъ пользоваться готовымъ матеріаломъ безъ особаго разбора, лишь-бы «читалось». Но наибольшая аномалія и главный недостатокъ не въ этомъ. Комментируя статьи петербургскихъ газетъ или идя за ихъ примѣромъ, мѣстныя газеты иногда обсуждаютъ общія правительственныя сообщенія, государственную роспись, даже представляютъ свою, болѣе или менѣе состоятельную оцѣнку иныхъ выдающихся центральныхъ дѣятелей; а между тѣмъ, о важнѣйшихъ мѣстныхъ дѣлахъ и вопросахъ, если они выходятъ за предѣлы земской и городской дѣятельности, о результатахъ мѣстнаго управленія и о многомъ, что на мѣстѣ наиболѣе наболѣло, мѣстныя газеты молчатъ. Отправляясь уже не отъ общей аксіомы о пользѣ гласности, но хотя-бы отъ узкаго соображенія «о степени удобства», нельзя не признать, что если провинціальная газета можетъ обсуждать государственную роспись или общій вопросъ о желѣзнодорожномъ тарифѣ, то тѣмъ болѣе она должна имѣть возможность разсматривать мѣстный административный бюджетъ и контролировать, положимъ, хоть порядки, существующіе на мѣстной желѣзной дорогѣ. Если провинціальная газета, вслѣдъ за столичными, можетъ передавать слухи о тѣхъ или другихъ ожидаемыхъ преобразованіяхъ или новыхъ назначеніяхъ, то почему-же она не могла-бы сообщать о мѣстныхъ ожиданіяхъ, а хотя-бы и слухахъ мѣстнаго характера?

Между тѣмъ, вотъ этого-то послѣдняго пока и нѣтъ. Провинціальная газета прежде всего должна быть органомъ мѣстной гласности. Въ этомъ ея важнѣйшее практическое призваніе и чѣмъ съ большимъ просторомъ могла бы его исполнять областная печать, тѣмъ бòльшую услугу она оказывала бы общественному мнѣнію всей Россіи и даже центральнымъ органамъ управленія. Мы лучше бы узнали Россію, потребности и желанія столь разнообразныхъ ея областей и населеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ,

въ многообразіи заявленій о мѣстныхъ нуждахъ проявились бы авторитетнымъ образомъ, путемъ нѣкоего голосованія, и тѣ общія идеи, общія нужды, которыя связываютъ гражданъ одной страны. Продолжая разсуждать исключительно съ точки зрѣнія «удобства», замѣчу, что когда провинціальная печать должна молчать о важнѣйшихъ мѣстныхъ дѣлахъ, потребностяхъ и недостаткахъ, то при этомъ виды самой государственной пользы, доступность для центральныхъ органовъ многихъ полезныхъ свѣдѣній, важныхъ для оцѣнки истиннаго положенія дѣлъ, необходимыхъ для общаго успѣшнаго контроля—приносятся въ жертву только личнымъ мѣстнымъ самолюбіямъ и интересамъ.

Мы упомянули выше, со словъ «Сѣвернаго Кавказа», о тѣхъ трудностяхъ, какія приходится преодолѣвать провинціальной газетѣ и передъ которыми, всего чаще, она бываетъ принуждена преклониться. Правда, встрѣчаются иногда въ областной печати разоблаченія мѣстныхъ темныхъ дѣлъ. Но это бываетъ обыкновенно лишь послѣ того, какъ они уже были раскрыты судомъ, который и придалъ имъ гласность. Вотъ одна изъ великихъ заслугъ новаго суда; не будь его, мы знали бы еще гораздо меньше о русской дѣйствительности. Такъ, недавно въ «Екатеринославскихъ Губ. Вѣд,»разсказано, что на екатерининской желѣзной дорогѣ мѣста кондукторовъ и оберъ-кондукторовъ раздавалъ портной Миндлинъ—разсказано на основаніи судебнаго разбирательства. У Миндлина былъ свой желѣзнодорожный тарифъ на мѣста въ поѣздахъ, но только—на мѣста кондукторовъ. За назначеніе въ кондукторы товарныхъ поѣздовъ онъ взималъ 125 р., а за должность старшаго кондуктора въ поѣздахъ пассажирскихъ 800 р. Между прочимъ, на судѣ было выяснено, что кондукторъ получаетъ жалованья 360 р., а старшій кондукторъ 480 р. въ годъ. Итакъ, старшимъ кондукторамъ приходилось служить болѣе полутора года даромъ, чтобы оплатить взятку за назначеніе. Но кондукторы также не безъ доходовъ и потому охотно платили портному, который, давъ имъ должность за «присвоенный» ей въ его тарифѣ гонораръ, шилъ имъ и присвоенный ей мундиръ. Портного выдала чрезмѣрная его самоувѣренность. Взявъ съ одного кондуктора 300 р. за повышеніе, онъ не давалъ онаго, а потребовалъ еще 100 р. согласно таксѣ. Кондукторъ его ударилъ, да потомъ при помощи своихъ товарищей еще высѣкъ. Тогда портной имѣлъ неосторожность обратиться въ судъ. При разбирательствѣ «портной Миндлинъ назывался всѣми свидѣтелями вершителемъ судебъ низшей желѣзнодорожной братіи». Интересно бы узнать, какимъ образомъ портной могъ быть такимъ вершителемъ судебъ на казенной желѣзной дорогѣ. Но само собою разумѣется, что, не будь судебнаго дѣла, мѣстная печать не могла бы обнаружить систематическаго злоупотребленія, хотя о немъ, вѣроятно, было извѣстно не однимъ кондукторамъ.

Вотъ еще примѣръ того, какъ даже не какія-либо мѣстныя офиціальныя лица, а просто все, что имѣетъ сколько-нибудь сильную организацію

на мѣстѣ, старается отстранить отъ себя всякую гласность, борется съ нею всѣми мѣрами. Репортеръ «Кіевскаго Слова» получилъ отъ своего знакомаго, служащаго при желѣзной дорогѣ, письмо такого содержанія: «согласно подпискѣ, данной мною объ исполненіи циркуляра г. управляющаго желѣзною дорогой, честь имѣю покорнѣйше просить васъ, м. г., хотя я никогда не сообщалъ вамъ никакихъ свѣдѣній, впредь отнюдь не бывать у меня и не кланяться со мною на улицѣ, хотя мы лично и знакомы, такъ какъ это можетъ повредить моей карьерѣ по службѣ». Въ какой же мѣрѣ провинціальная газета можетъ быть въ самомъ дѣлѣ органомъ мѣстной гласности, когда сами состоящіе на частной службѣ опасаются даже встрѣчи на улицѣ съ знакомымъ газетнымъ сотрудникомъ? Мѣстныя вліянія скорѣе сдѣлаютъ провинціальной газетѣ всякія уступки, скорѣе предоставятъ ей проводить всякія «общія идеи», цитировать Ренана, доказывать, что изъ государственныхъ средствъ слишкомъ мало расходуется на народное образованіе, осуждать Казиміра Перье, описывать чертей на улицѣ въ Петербургѣ — чѣмъ примирятся съ такимъ заявленіемъ, что сторожъ въ мѣстной больницѣ сломалъ ребро сумасшедшему или что рабочему на желѣзной дорогѣ выдано за увѣчье 25 рублей, съ отобраніемъ отъ него подписки объ отказѣ отъ всякаго иска. Итакъ, вотъ эту-то, наиболѣе важную, въ смыслѣ практическомъ, функцію печати—мѣстную гласность было-бы важно хоть нѣсколько расширить и поднять, съ пользой даже для центральныхъ управленій и общегосударственной дѣятельности.

Что въ нравахъ провинціальной печати далеко не все симпатично — это не подлежитъ сомнѣнію. Но, во-первыхъ, совершенно такія же несимпатичныя черты встрѣчаются и въ печати столичной; а во-вторыхъ, по крайней мѣрѣ у насъ въ Россіи, время наибольшаго, относительнаго простора для печати было безусловно періодомъ улучшенія ея нравовъ. Это было время, когда прежнія «Московскія Вѣдомости» съ ихъ извѣстными «полемическими» пріемами стояли одиноко; всѣ другія изданія признавали ихъ недостойными. А въ ближайшую пору нѣсколько газетъ, и въ Петербургѣ, и въ провинціи, пошли въ ученье къ «М. Вѣд.» въ этомъ отношеніи. Явно выслуживаться передъ значительными лицами, стараться скомпрометировать собрата—считается дѣломъ вполнѣ позволительнымъ, даже «современнымъ». Не говоря уже о «Гражданинѣ» и другихъ спеціалистахъ этого жанра, иная газета и не занимающаяся имъ спеціально, нѣтъ-нѣтъ, да и впадетъ въ оный, иногда даже по совсѣмъ незначительному поводу.

Представлю курьезъ, найденный мною въ «Кіевскомъ Словѣ». Газета обвиняетъ «Кіевлянинъ» въ томъ, что когда новое телеграфное агентство «разослало телеграмму съ выдержками изъ руководящихъ статей *главныхъ* петербургскихъ газетъ, въ число которыхъ, *естественно*, попалъ и наиболѣе распространенный «Свѣтъ»—то «Кіевлянинъ» не помѣстилъ у себя передававшагося въ телеграммѣ восторженнаго отзыва «Свѣта», одной

изъ *главныхъ* петербургскихъ газетъ — о финансовой росписи. Въ этомъ «Кіевское Слово» видитъ неуваженіе «Кіевлянина» къ его читателямъ и «вольный поступокъ». Но такъ какъ въ пропускѣ отзыва «Свѣта» о росписи, читатели самаго «Кіевскаго Слова» могли-бы, пожалуй, еще и не усмотрѣть особаго преступленія, то газета выступаетъ противъ собрата съ болѣе полнымъ обвиненіемъ, которое я и передаю собственными ея словами. «Какже—говоритъ «К. Слово» (6 января)—«Кіевлянину», чуть-ли не *прямо отрицающему министерство* С. Ю. Витте, помѣстить у себя, хотя-бы и чужое признаніе его «вождемъ талантливымъ, опытнымъ и рѣшительнымъ», оказавшимся способнымъ привести наши финансы въ блестящее положеніе послѣ ряда лѣтъ, когда велась политика одобрявшаяся «Кіевляниномъ», но, какъ это хорошо извѣстно, давшая прямо противоположные результаты?» Приведу еще другое мѣсто изъ той-же статьи. «Со времени назначенія на постъ товарища министра финансовъ А. Я. Антоновича, «Кіевлянинъ» призналъ необходимымъ какъ-бы отрицать существованіе самого товарища министра финансовъ и говоря, напр., о работахъ какой-либо комиссіи подъ предсѣдательствомъ и руководствомъ А. Я. Антоновича, упоминая даже о реформахъ по проектамъ послѣдняго, «Кіевлянинъ» систематически комкалъ соотвѣтствующія извѣстія». Оказывается, стало быть, что иногда, хотя слово и—серебро, но зато, молчаніе далеко—не золото, а даже нѣчто порицательное и едва-ли не вредное.

Для меня этотъ «инцидентъ» интересенъ только съ точки зрѣнія современныхъ литературныхъ нравовъ. Я вовсе не защитникъ «Кіевлянина». Въ свое время, когда онъ «имѣлъ руку», «Кіевлянинъ» дѣлалъ то же самое, да еще болѣе расшинался, еще сильнѣе набрасывался на другихъ за недостатокъ сочувствія. Я говорю только о правахъ и не могу не отмѣтить такую печатную... курьезность, что по поводу умолчанія одной кіевской газетой похвальнаго отзыва «Свѣта», одной изъ «главныхъ» петербургскихъ газетъ, о росписи, другая кіевская газета ставитъ противъ первой обвиненіе «чуть-ли не въ отрицаніи министерства» и въ «какъ-бы отрицаніи существованія самого товарища министра».

Но довольно о печати и условіяхъ ее окружающихъ. Поговоримъ объ иныхъ условіяхъ и правахъ. Желалъ-бы я знать, возможенъ-ли гдѣ-либо въ Европѣ такой случай, что человѣкъ просидѣлъ почти два мѣсяца въ тюрьмѣ—единственно за свое сходство съ другимъ человѣкомъ? Вы думаете—сходство съ преступникомъ, котораго разыскиваютъ—это было-бы понятно. Нѣтъ, просто за сходство съ человѣкомъ отлучившимся и неизвѣстно гдѣ находящимся, а можетъ быть и давно умершимъ, такъ какъ отлучился онъ изъ дома уже 16 лѣтъ тому назадъ. И это—не въ деревнѣ, но въ городѣ. Въ Пинскѣ, по словамъ «Смоленскаго Вѣстника», произошелъ недавно такой случай. Нѣкая Ц. признала въ одномъ человѣкѣ—своего сына, который 16 лѣтъ тому назадъ ушелъ неизвѣстно куда, бросивъ жену и дѣтей. «Заподозрѣнный» (спрашивается въ чемъ?) показалъ свой паспортъ, въ которомъ значилось, что онъ—А. Е. изъ Гродна. Отсюда

было видно, что онъ—не пропавшій Ю. Ц. изъ Пинска. Видно, но его признали за Ю. Ц. и жена и дочь послѣдняго, и вся семья, и знакомые семьи, знавшіе пропавшаго 16 лѣтъ назадъ. При случайномъ сходствѣ, послѣ такого времени не мудрено и ошибиться, особенно подъ вліяніемъ примѣра матери или, какъ говорится, «внушенія». Но гдѣ-нибудь, положимъ хоть въ Швеціи, что-ли, «заподозрѣнный» могъ-бы даже «бравировать» подозрѣніе, могъ-бы—чтобы скорѣе отдѣлаться отъ приставанія—сказать: да, я дѣйствительно былъ когда-то Ю. Ц., но теперь я—А. Е., ни къ чему не привлекаемый, не хочу васъ знать и прошу васъ отвязаться.

А у насъ — нѣтъ. Разъ на человѣка падаетъ подозрѣніе, что онъ—не тотъ, за кого себя выдаетъ, необходимо разслѣдованіе. Кто его знаетъ—кто онъ? А въ продолженіе разслѣдованія надо заподозрѣнному «пресѣчь средства уклониться отъ слѣдствія и суда», короче предварительно запереть его. А. Е. и просидѣлъ такимъ образомъ въ тюрьмѣ семь недѣль, пока наводились надлежащія справки, которыми и было, наконецъ, удостовѣрено, что онъ, въ самомъ дѣлѣ, А. Е. Тогда его выпустили. Извѣстны разсказы о «двойникахъ». Къ Россіи они непримѣнимы; у насъ тотчасъ удостовѣрили-бы протоколомъ, что нѣкто выдаетъ себя за другое лицо и подвергли-бы этого «нѣкто» задержанію и удостовѣренію личности. А это, при перепискѣ между властями двухъ губерній, хорошо еще если не продлится и полныхъ два мѣсяца.

Быть похожимъ на кого-нибудь — казалось-бы, это не должно быть поводомъ хотя-бы и къ «предварительному» заключенію. Но на дѣлѣ, А. Е. изъ Гродна пострадалъ за случайное сходство болѣе, чѣмъ врачъ ростовской тюремной больницы Красса, который прикрылъ убійство больной крестьянки сторожами. Сторожа доискивались полутора рубля кѣмъ-то похищенныхъ и по этому случаю такъ избили арестантку Воронцову, что она умерла. А врачъ Красса не только умолчалъ о переломѣ у нея грудной кости, воспаленіи брюшины и слѣдахъ жестокихъ побоевъ, но засвидѣтельствовалъ, что она была больна лихорадкой, а потомъ сотрясеніемъ мозга и настоялъ, чтобы она въ самый день смерти была похоронена. Харьковская судебная палата въ концѣ ноября разсматривала это дѣло въ Ростовѣ на Дону и, признавъ врача Красса виновнымъ въ сокрытіи убійства, внесеніи ложныхъ свѣдѣній въ скорбный листъ и непринятіи мѣръ къ производству вскрытія тѣла умершей, приговорила его къ заключенію въ тюрьмѣ на 1 годъ и 4 мѣсяца, а къ тому-же наказанію — и сторожей — убійцъ, съ лишеніемъ «нѣкоторыхъ правъ», но конечно—не права увѣчить со временемъ другихъ арестантокъ, если «Гражданинъ» говоритъ правду. что въ больничные сторожа попадаютъ даже каторжники. Что будутъ дѣлать далѣе осужденные ростовскіе сторожа—Богъ знаетъ. Но ростовскій врачъ Красса, въ силу манифеста отъ 14 ноября, не былъ подвергнутъ наказанію. Неужели однако у врача. признаннаго виновнымъ въ столь позорномъ дѣяніи, не

было отобрано его свидѣтельство, неужели онъ не былъ лишенъ права медицинской практики и возможности прикрывать далѣе другія убійства завѣдомо ложными удостовѣреніями?

Онъ былъ виновенъ не въ жестокости, но въ измѣнѣ своему долгу, въ пристрастномъ прикрытіи преступленія. Жестокое дѣло совершили сторожа—люди, которыхъ могли извинять неразвитостью. Въ половинѣ декабря въ петербургскомъ окружномъ судѣ слушалось дѣло объ истязаніи родныхъ дѣтей супругами мѣщанами Пискуновыми. Удостовѣрено, что въ ихъ домѣ съ утра начинались настоящія пытки для малолѣтнихъ сына и дочери, которыхъ эти милые родители били чѣмъ попало, вырывали у нихъ волосы, морили голодомъ, держали цѣлые дни связанными, а иногда и совсѣмъ безъ пищи. «Всѣхъ дѣтей у Пискуновыхъ шестеро (судебный отчетъ «Моск. Вѣд.» 16 декабря), но истязаніямъ подвергались лишь двое старшихъ, несмотря на то, что истязуемыя были нрава кроткаго, послушныя и, по натурѣ, очень ласковыя дѣти». Судъ, на этотъ разъ, отнесся къ истязанію дѣтей строго: онъ приговорилъ Пискунова къ отдачѣ въ арестантское исправительное отдѣленіе на 1 годъ 8 мѣсяцевъ, а мать оправдалъ. Но очень можетъ быть, что судъ далъ-бы и оправдательный вердиктъ, если-бы не примѣшалось особое обстоятельство: Пискуновы перешли въ расколъ и склоняли къ нему двоихъ старшихъ дѣтей, быть можетъ и истязали ихъ за ихъ нежеланіе вступить въ расколъ. Быть можетъ, суду показалось, что попытка совращенія заслуживаетъ наказанія, отъ котораго другіе суды увольняютъ за одно истязаніе дѣтей.

Но въ обоихъ только что приведенныхъ случаяхъ виновными въ жестокостяхъ оказывались люди неразвитые, и адвокаты, конечно, защищали ихъ такимъ доводомъ, что недостатокъ образованія мѣшалъ имъ понимать страданія истязуемыхъ ими. Къ этимъ обвиненнымъ пожалуй было также примѣнимо то, что присяжный повѣренный Вайнбергъ говорилъ въ защиту молодого крестьянина Довгопола, убившаго «въ пьяномъ видѣ» старика Назаренку за то, что тотъ худо говорилъ о его сестрѣ. Прокуроръ кн. Орбеліани «утверждалъ — отчетъ «Кіевскаго Слова»—что личности, подобныя обвиняемому, который уже однажды судился за тождественный поступокъ, представляютъ въ деревнѣ вредный элементъ и должны быть удаляемы изъ общества». Но защитникъ подсудимаго доказывалъ, «что наказаніе не является исправительною мѣрою для подобныхъ Довгополу лицъ, въ которыхъ преобладаетъ стихійная сила, и что только образованіе и воспитаніе, но не судебныя наказанія могутъ превратить ихъ въ культурныхъ людей». Судъ согласился съ защитникомъ и оправдалъ подсудимаго. Сомнѣваюсь, однако, чтобы и культурныхъ людей исправляли судебныя наказанія, а между тѣмъ, не мало преступленій совершается и людьми изъ класса образованнаго. Аргументъ г. Вайнберга годился бы только противъ теоріи «Гражданина», что для крестьянъ не надо образованія, а нужна лишь порка. Но противъ

защиты общества отъ убійствъ тотъ доводъ не убѣдителенъ, хотя и соотвѣтствуетъ извѣстному шаблону.

Что касается тѣлеснаго наказанія, то и его никакъ нельзя признать исправительнымъ. Оно уже и въ ребенкѣ унижаетъ человѣческое достоинство, ребенокъ чувствуетъ не только боль, но и обиду. Страхомъ наказанія можно до нѣкоторой степени удержать и малолѣтняго, и взрослаго отъ такихъ проступковъ, которые легко могутъ быть открыты, но исправить ими никого нельзя и вся теорія объ исправительномъ значеніи каръ ничего не стоитъ. «Исправить»—значитъ улучшить человѣка, поднять его нравственность; а можно-ли достигнуть этого посредствомъ каръ, которыя, вообще,—а въ особенности тѣлесное наказаніе,—унижаютъ личность и озлобляютъ ее? Если ребенокъ сталъ меньше шалить послѣ того, какъ его высѣкли, то значитъ-ли это, что онъ сталъ лучше? Въ этомъ отношеніи еще Руссо въ своихъ «Признаніяхъ» разсказалъ нѣчто поучительное. Положимъ, такое наказаніе не уменьшаетъ въ ребенкѣ уваженія къ родителямъ, но оно порываетъ ту интимную, душевную связь его съ ними, которая и составляетъ величайшую воспитательную силу. А уже одно это вредитъ воспитанію, то-есть именно нравственному руководительству.

Нужно-ли доказывать, что въ примѣненіи къ людямъ взрослымъ тѣлесное наказаніе дѣйствуетъ прямо деморализирующимъ, а никакъ не исправительнымъ образомъ, и поддерживаетъ грубость нравовъ. Приверженцы взглядовъ «Гражданина» утверждаютъ, что безъ розогъ въ волостномъ судѣ невозможно будетъ справиться въ деревняхъ съ буянами, мелкими ворами и т. п. Но почему-же въ сѣверныхъ губерніяхъ наказаніе это употребляется весьма рѣдко, а въ деревняхъ тамъ жить не хуже, чѣмъ въ центральной полосѣ, скорѣе наоборотъ. Что-же касается не устрашенія, но нравственнаго исправленія взрослаго человѣка тѣмъ, что его высѣкутъ, то это очевидный вздоръ. Подвергшись униженію и насмѣшкамъ, крестьянинъ, особенно семейный, сразу лишается того тормаза въ поведеніи, какой представляетъ мысль — что̀ люди скажутъ о немъ. Сѣченый уже не заботится о мнѣніи людей и не боится его, а озлобленіе свое онъ выместитъ на своихъ близкихъ, при случаѣ — и на односельчанахъ.

Тѣлесное наказаніе — есть вещь возмутительная и оставленіе за волостными судами права примѣнять его является одной изъ многихъ «недодѣлокъ» періода реформъ.

Въ послѣднее время ходатайства объ отмѣнѣ или ограниченіи тѣлеснаго наказанія по приговорамъ волостныхъ судовъ были предъявлены земствами тамбовскимъ, черниговскимъ и саратовскимъ санитарнымъ обществомъ. Въ мотивировкѣ ходатайства этого послѣдняго, о которомъ сообщаетъ «Сарат. Дневникъ», не только указывается на унизительное значеніе и деморализирующее вліяніе розги, но еще приводятся такіе аргументы, что тѣлесное наказаніе, «нарушая правильное функціониро-

ваніе органовъ дыханія и пищеваренія и всей сосудистой системы, дѣйствуетъ разрушительнымъ образомъ на здоровье организма», а также является «средствомъ ожесточающимъ нравы, а черезъ это, между прочимъ, созидающимъ громадное препятствіе для проведенія въ жизнь санитарныхъ мѣропріятій». Довольно вѣроятно, что одномышленники «Гражданина» станутъ глумиться надъ этими аргументами. Но ясно, что они были прибавлены лишь съ цѣлью оправданія инціативы санитарнаго общества въ такомъ дѣлѣ; надо было привесть какія-нибудь санитарныя соображенія.

Такъ и ходатайство тамбовскаго земства сузилось до предложенія объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія—«получившихъ установленное свидѣтельство объ окончаніи курса въ народной школѣ». По всей вѣроятности, тѣ 18 гласныхъ, которыми было предложено это ходатайство. не имѣли-бы ничего противъ отмѣны тѣлеснаго наказанія и для неграмотныхъ, но сузили свое предложеніе только для устраненія возраженій въ такомъ смыслѣ, что судебное дѣло не входитъ въ атрибуціи земства. Въ виду этого, земство и основало ходатайство на своемъ правѣ заботиться о народномъ образованіи: «Цѣлью образованія, — сказано въ мотивировкѣ, — должно быть не простое обученіе грамотѣ, а главнымъ образомъ умственное и нравственное развитіе народа; но чтобы такое развитіе было вполнѣ благотворно, нужно, чтобы ученикъ въ дальнѣйшей жизни могъ сохранить чувство нравственнаго достоинства; необходимымъ условіемъ для этого должно быть освобожденіе его отъ позорнаго наказанія розгами, тѣмъ болѣе, что это послужитъ лучшимъ поощреніемъ къ окончанію курса ученія».

Но печать, которую не стѣсняютъ соображенія о правѣ ходатайства по данному предмету, должна настаивать на совершенной отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія. Вѣдь если бы, по освобожденіи отъ него окончившихъ школу, прочее, неграмотное населеніе оставалось подлежащимъ розгѣ, то это имѣло бы такой видъ, какъ будто въ Россіи сѣкутъ населеніе для того, чтобы оно шло въ школы. Тѣлесное наказаніе должно быть отмѣнено уже потому, что оно противорѣчитъ общимъ законамъ, отрицаетъ гражданскую равноправность сельскаго населенія съ населеніемъ городскимъ. Прибавлю, что хотя есть случаи, въ которыхъ розга менѣе обидна для крестьянина и менѣе его деморализуетъ, — но въ этихъ случаяхъ примѣненіе ея еще болѣе возмутительно.

Л. Прозоровъ.

ПИСЬМО ИЗЪ АМЕРИКИ.

Положеніе женщины въ Соединенныхъ Штатахъ *).

(Путевыя замѣтки).

Много писалось о женщинѣ въ Соединенныхъ Штатахъ; нѣкоторые авторы относятъ источникъ ея вліянія къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, когда героическія изгнанницы, пріѣхавшія на Mayflower'ѣ, помогали своимъ отцамъ и мужьямъ строить ту первобытную хижину, которая должна была одновременно служить и школой и храмомъ.

Равныя мужчинѣ съ самаго начала, онѣ теперь, повидимому, стали выше его въ отношеніи умственной культуры и утонченности вкусовъ. Между тѣмъ, какъ глава семьи всецѣло поглощенъ дѣлами, онѣ олицетворяютъ и вблизи, и вдали отъ него (жизнь членовъ семьи проходитъ часто розно) изящество, удовольствіе и роскошь. Мы встрѣчались съ американками этого типа въ Парижѣ и онѣ-же сразу бросаются намъ въ глаза въ Нью-Іоркѣ.

Быть можетъ всѣ царицы моды, которыхъ праздная жизнь протекаетъ въ столицахъ, на водахъ, въ зимнихъ курортахъ и на морскомъ берегу, быть можетъ всѣ онѣ отчасти скроены по одному образцу. Безъ истинной оригинальности каждая изъ нихъ является представительницей того космополитическаго общества, у котораго нѣтъ отечества. Этотъ типъ, въ высшей степени искусственный, слишкомъ часто являлся въ романѣ и на сценѣ и мы не будемъ касаться его. Но рядомъ съ обла-

*) Въ послѣднихъ книжкахъ «Revue des deux mondes» помѣщенъ рядъ статей г-жи Бенцонъ о положеніи женщинъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Отправившись на выставку въ Чикаго, г-жа Бенцонъ осталась въ Америкѣ и послѣ закрытія выставки и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ изо-дня-въ-день вела записки обо всемъ, что ей пришлось видѣть и слышать. Она заинтересовалась положеніемъ американскихъ женщинъ и лично ознакомившись съ дѣломъ во всѣхъ его подробностяхъ, внесла въ свои записки много интереснаго объ общественной дѣятельности американокъ, о совмѣстномъ обученіи обоихъ половъ, о существующихъ въ Америкѣ учебныхъ заведеніяхъ для высшаго образованія женщинъ.

дательницами милліоновъ и профессіональными красавицами. въ Америкѣ, какъ и вездѣ, несравненно болѣе многочисленный классъ, о которомъ гораздо меньше говорилось и который соотвѣтствуетъ нашей высшей и средней буржуазіи. Если мнѣ замѣтятъ, что въ великой Республикѣ нѣтъ сословій, то я отвѣчу, что это большая ошибка. Кромѣ грубыхъ дѣленій, происходящихъ отъ обладанія большимъ или меньшимъ количествомъ долларовъ, скоро открываешь безконечное число оттѣнковъ, созданныхъ происхожденіемъ, средой и воспитаніемъ. Чтобы хорошенько узнать американку, не надо довольствоваться знакомствомъ съ тѣмъ или другимъ блуждающимъ свѣтиломъ, надо посѣтить лучшее общество Бостона, Нью-Іорка, Филадельфіи; надо побывать въ Южныхъ штатахъ, такъ пострадавшихъ отъ войны, надо проникнуть въ отдаленныя фермы Запада, надо изучить женщину во всѣхъ далекихъ углахъ этого континента, состоящаго, не считая территорій, изъ сорока четырехъ штатовъ, изъ которыхъ ни одинъ не меньше Швейцаріи, а нѣкоторые больше Франціи. Произносить надъ ней опредѣленное сужденіе ранѣе этого предварительнаго изслѣдованія почти такъ-же нелѣпо, какъ легкомысленно оцѣнивать европейскую женщину вообще.

Между американцами Сѣвера и Юга, Востока и Запада общаго только нѣкоторыя черты, которыми они обязаны общественному воспитанію и привычкѣ къ свободѣ. Я думала, что лучшій способъ подчеркнуть отличія между ними, это добросовѣстно записывать свои наблюденія изо дня въ день, въ теченіе путешествія, длившагося нѣсколько мѣсяцевъ, — наблюденія женщины надъ всѣмъ, что касается положенія женщинъ.

Теперь для этого подходящій моментъ, потому что въ данное время больше чѣмъ когда-либо въ законодательныхъ собраніяхъ Союза обсуждается важный вопросъ о распространеніи права участія въ выборахъ на тотъ полъ, который и безъ того имѣетъ столько привилегій. Уже давно, какъ извѣстно, женщины могутъ участвовать въ выборахъ въ Уайомингѣ; съ 1889 г. онѣ получили право участвовать въ муниципальныхъ выборахъ въ Канзасѣ; то же, на сколько мнѣ извѣстно, и въ Колорадо; въ половинѣ другихъ штатовъ онѣ подаютъ свой голосъ во всѣхъ вопросахъ, касающихся школъ, общественнаго обученія. Теперь отъ нихъ зависитъ пойти еще гораздо дальше. Эти замѣтки, хотя и на скоро набросанныя, быть можетъ прольютъ нѣкоторый свѣтъ на дальнѣйшія судьбы и нашего стараго міра. Новый свѣтъ когда-то позаимствовалъ у него много хорошаго, теперь онъ самъ дастъ намъ не мало хорошихъ примѣровъ.

На пароходѣ, который переноситъ изъ Гавра въ Нью-Іоркъ, мы видимъ все американское общество, представленное какъ-бы въ уменьшенномъ видѣ; оно часто вызываетъ удивленіе и даетъ поводъ къ ошибкамъ непосвященному наблюдателю. Вотъ группа высокомѣрныхъ и очень элегантныхъ американцевъ-англомановъ, американцевъ, о которыхъ ихъ соотечественники говорятъ, что они заворачиваютъ свои панталоны въ

ясный день на Бродуэйѣ, потому что въ Лондонѣ идетъ дождь. Рабское подражаніе англійскимъ модамъ, походкѣ и манерамъ, болѣе или менѣе удачныя попытки изобразить гордость и спѣсь, систематическую обособленность, свойственную представителямъ аристократіи. Женщины прохаживаются по палубѣ въ суконныхъ костюмахъ, искусно скроенныхъ самымъ знаменитымъ лондонскимъ портнымъ, руки въ карманахъ, съ развязными манерами lady, идущей осматривать свои конюшни передъ верховой ѣздой. Лица у молодыхъ людей тщательно выбриты, какъ и подобаетъ нью-іоркскимъ dudes'амъ (родъ дэнди); они придаютъ своимъ физіономіямъ выраженіе безстрастія, употребляютъ спортсменскій жаргонъ, смѣются холодно и прерывисто, произносятъ слова глотая буквы, какъ тотъ-же кругъ людей во Франціи немилосердно пропускаетъ соединенія между словами. Мнѣ кажется, что я угадала, рѣшивъ, что эти американцы никогда ничѣмъ инымъ не занимались, какъ проживаніемъ на континентѣ состояній, старательно накопленныхъ ихъ отцами въ какомъ нибудь торговомъ дѣлѣ; но мнѣ скоро разъясняютъ мою ошибку: я нахожусь передъ чистѣйшей «бѣлой костью», передъ семьями «Knickerbrocker'овъ». Эта толстая дама, напр., не выходящая изъ своей парадной каюты, числится въ Нью-Іоркѣ среди Четырехъ Сотъ. Этимъ все сказано.

Я теперь имѣю мѣрку для соціальныхъ дѣленій, существующихъ въ странѣ равенства. Чтобы не уступать наглости быстро накопленнаго богатства приходится гордиться предками, восходящими до войны за независимость или по крайней мѣрѣ отличившимися во времена Революціи. Кто только имѣетъ удовольствіе носить шведское или голландское имя, появившееся въ странѣ ранѣе англійскаго владычества, у того гордость не меньше, чѣмъ у Рогановъ или Монморанси, и даже не обладающіе столь значительными преимуществами торопятся, какъ только возможно, по любому поводу «to draw the line», провести черту, какъ можно рѣзче отдѣляющую ихъ отъ обыкновенныхъ смертныхъ. Отсюда одна изъ остротъ, какихъ много въ этой странѣ юмора: «Такъ какъ рѣшительно необходимо гдѣ-нибудь провести черту, то очень многіе и отдѣляютъ себя этой чертой отъ своего родного отца». Никогда до моей поѣздки въ Америку я не могла себѣ представить, какъ можетъ быть унизительно называться Смитомъ или Джонсомъ.

Высокопоставленныя лица нашего парохода образуютъ особую группу; они повидимому рѣшились никого не признавать; самое большее, если по временамъ мужчины, менѣе непреклонные, чѣмъ прекрасный полъ, когда дѣло идетъ о предразсудкахъ, снисходятъ со своихъ пьедесталовъ, чтобы поболтать съ какой-нибудь хорошенькой женщиной. Среди нихъ выдѣляется молодая дѣвушка: она не можетъ улыбнуться безъ того, чтобы соблазнительныя ямочки не появились на ея щечкахъ, оттого она постоянно улыбается; одѣта она какъ картинка, въ стилѣ подходящемъ для далекаго путешествія; она повидимому пользуется всеобщимъ

успѣхомъ. Я только въ минуту пріѣзда дѣлаю открытіе, что это простая продавщица изъ магазина. На Югѣ многимъ дѣвушкамъ изъ хорошихъ семей, разоренныхъ войной за освобожденіе, пришлось трудомъ зарабатывать свой хлѣбъ. Эта пикантная брюнетка родомъ изъ Луизіаны, она получаетъ большое жалованіе въ одномъ изъ главныхъ магазиновъ Новаго Орлеана. Во время своего отпуска она только-что посѣтила Венгрію, родину своихъ предковъ, всю Германію, а затѣмъ и Францію. Она читала много французскихъ романовъ; продавщицы на Югѣ хвастаются своими литературными познаніями; говорятъ, есть такія, которыя сами участвуютъ въ мѣстныхъ изданіяхъ.

Миссъ *** положительно преклоняется передъ Жоржъ Зандъ, несмотря на выраженіе сдержанности, являющееся при этомъ имени на лицахъ нѣсколькихъ пассажирокъ.

Ничто не можетъ быть милѣе прогулокъ по палубѣ молодыхъ дѣвушекъ подъ руку, сопровождаемыхъ нѣсколькими поклонниками разныхъ возрастовъ, которыхъ онѣ повидимому никогда слишкомъ сурово не отталкиваютъ. Нѣтъ пудры, для которой не былъ-бы страшенъ соленый морской воздухъ; густые волосы, которые вѣтеръ безопасно можетъ развѣвать, подъ беретомъ или фуражкою, являющимися почти обязательной формой. Старыя дамы также носятъ ихъ на своихъ жидкихъ шиньонахъ, но къ нимъ они меньше идутъ. Молодыя дѣвушки по большей части тонки, стройны, почти всѣ высоки, такъ какъ высокій ростъ теперь въ модѣ въ тѣхъ кружкахъ Нью-Іорка, мнѣніе которыхъ даетъ тонъ, а женщины вѣдь всегда, какъ извѣстно, найдутъ средство приспособиться къ модѣ, чего-бы имъ это ни стоило. Американки рѣдко бываютъ хорошо сложены, какъ-бы нарядно ни были одѣты: онѣ слишкомъ хрупки, слишкомъ худы. Въ собраніи декольтированныхъ женщинъ, француженка конечно имѣла-бы преимущества, оттого-то она гораздо откровеннѣе и обнажаетъ свои плечи, но что касается живости и граціи, то американка обладаетъ ими не менѣе любой женщины въ мірѣ.

Ѣдущія на нашемъ пароходѣ свободно разговариваютъ со всѣми мужчинами, но въ ихъ кокетствѣ нѣтъ ничего слишкомъ развязнаго или шокирующаго. Своей непрестанной подвижностью, своей легкостью онѣ мнѣ напоминаютъ чаекъ, которыя ежеминутно поднимаются въ голубомъ или сѣромъ небѣ, чтобы броситься въ пѣнистыя волны и почти тотчасъ-же предаться снова своему своенравному полету. Точно также эти барышни по временамъ садятся поболтать на кресла, поставленныя за вѣтромъ; палубная прислуга приноситъ имъ сюда ѣду, которую онѣ съ аппетитомъ съѣдаютъ, глядя на проходящее судно или на солнечный закатъ. Два или три раза меня поражаетъ ихъ недостаточно изысканный вкусъ; я слышу, какъ одновременно спрашиваютъ сардинокъ и лимонаду; имъ нравятся смѣси, которыя намъ показались-бы невозможными. Но онѣ очевидно цѣнятъ превосходный столъ трансатлантическаго парохода и мнѣ кажется, что члены общества трезвости, такъ громко провозглашающіе

свои принципы на родинѣ, здѣсь относятся снисходительно къ обильно наливаемому бѣлому и красному вину.

Если-бы я буквально вѣрила всему, что мнѣ говорили мои соотечественники, я была-бы убѣждена, что въ Америкѣ нѣтъ болѣе интересныхъ учрежденій, чѣмъ bar-rooms, усыпанныя долларами, что всѣ безъ исключенія американцы говорятъ въ носъ, а всѣ ихъ дочери на все готовы, чтобы заставить на себѣ жениться.

Что касается говора въ носъ, знаменитаго «twang», скоро убѣждаешься, что среди людей благовоспитанныхъ онъ вовсе не существуетъ или по крайней мѣрѣ не представляетъ ничего непріятнаго, а ежедневныя наблюденія, начатыя еще на пароходѣ, указываютъ, что flirt, служащій предметомъ столь тяжкихъ обвиненій, часто бываетъ въ сущности очень наивенъ. Послѣ того, какъ я была скандализирована глазками, улыбками подъ прикрытіемъ вѣера, всякими минами, направляемыми, какъ градъ стрѣлъ, въ теченіе цѣлыхъ двухъ часовъ одною изъ нашихъ молодыхъ спутницъ на господина, повидимому очень влюбленнаго, развѣ я не открыла, что этотъ преступный разговоръ былъ не что иное, какъ petit jeu? Вмѣсто того, чтобы говорить о своихъ личныхъ дѣлахъ, они задавали другъ другу загадки. Сфинксъ проявлялъ много лукавства, мучая свою жертву, но каждый могъ-бы безъ всякой нескромности слушать ихъ разговоръ. И даже когда внѣшнія обстоятельства просто возмутительны, надо вспомнить объ источникѣ частыхъ ошибокъ: самая вульгарная американка такъ-же хорошо одѣта, какъ самая изысканная. Я видѣла въ Нью-Іоркѣ продавщицу газетъ, которая внѣ своей лавки имѣла видъ дамы и которая, повидимому, была честной женщиной; но ея дьявольская кокетливость допускала всякія предположенія. Но честность, такъ-же какъ и кокетство продавщицы газетъ, можетъ быть, конечно, не очень деликатнаго свойства. Героинями тѣхъ сценъ flirt'а, при которыхъ присутствуешь въ отеляхъ, ресторанахъ, на желѣзной дорогѣ, на пароходахъ, часто бываютъ дѣвушки этой категоріи.

Вотъ примѣръ изъ пароходной жизни:

Миссъ X. путешествуетъ одна; однажды она проситъ у завѣдывающаго библіотекой французскихъ книгъ, и выбираетъ двѣ: «Fromont jeune et Risler aîné» и «M-lle de Maupin»; потомъ, обращаясь къ мимо проходящему молодому человѣку, спрашиваетъ его мнѣніе о своемъ пріобрѣтеніи. Я восхищаюсь уваженіемъ, съ какимъ каждый американецъ относится къ женщинѣ. Спрошенный молодой человѣкъ краснѣетъ до корней волосъ, читая заглавіе шедевра Теофиля Готье, но ограничивается словами: «Вотъ эта, Додэ, хорошая книга; что касается другой...»—«Гадкая? тѣмъ лучше!»—прерываетъ шалунья, покатываясь со смѣху. И она убѣгаетъ, унося свою добычу, которой она машетъ съ вызывающимъ видомъ.

Развращенность это или невинность, невинность Дэзи Миллеръ, которую Генри Джемсъ описалъ такъ хорошо, что его соотечественники никогда не могли ему этого простить. Кто знаетъ?..

Въ Америкѣ не существуетъ такъ-называемаго «полусвѣта», но между достойными уваженія женщинами и извѣстнымъ соціальнымъ слоемъ, о которомъ не принято говорить, есть еще третья, многочисленная категорія женщинъ, болѣе или менѣе легкомысленныхъ, болѣе или менѣе доступныхъ кокетокъ. Ихъ-то именно и ищутъ многіе иностранцы. Отсюда общія сужденія объ американскомъ flirt'ѣ, которыя можно сравнить по ихъ нелѣпости развѣ съ легендами, ходящими въ Америкѣ о французскомъ адюльтерѣ, почти всегда нераздѣльномъ съ бракомъ, какъ его описываютъ наши романисты. Правда заключается въ томъ, что женщины въ Америкѣ бываютъ легкомысленны до брака, а въ Европѣ становятся такими послѣ него. Но по обѣ стороны Атлантическаго океана гораздо больше безупречныхъ дѣвушекъ и вполнѣ честныхъ женщинъ, чѣмъ это думаютъ другъ о другѣ жители противоположнаго берега. Это замѣчаніе не ново, но никогда не поздно его повторять.

—

. . . .

Женскій Дворецъ на Чикагской выставкѣ не произвелъ на меня впечатлѣнія шедевра. Эту виллу во вкусѣ итальянскаго возрожденія, увѣнчанную ангелами съ распростертыми крыльями, безмѣрно хвалили за ея женскія достоинства «скромность, тонкость вкуса и изящество», качества всецѣло нравственныя, но которыхъ быть можетъ недостаточно, когда нужно заставить камень выразить какую-нибудь великую или малую идею.

Миссъ Софія Гайденъ, изъ Бостона, дипломированная технической школою Массачусетса, побѣдительница въ національномъ конкурсѣ, не доказала намъ своимъ произведеніемъ, что женщина уже теперь блещетъ въ архитектурѣ. Декоративныя группы ея сотрудницы, молодой уроженки Калифорніи, миссъ Rideout, также не первоклассныя; я могу то-же сказать и о картинахъ въ парадной залѣ. Конечно, женщины понимаютъ не менѣе, и даже лучше другихъ, искусство декорировать и украшать, но лишь при условіи не касаться слишкомъ трудной области статуй и фресокъ. Миссисъ Mac-Monnies, Lucia Fairchild, Sherwood и др. не лишены однако таланта, а Mary Cassat, хорошо знакомая Парижу по нѣкоторымъ изъ ея офортовъ, находящихся въ Люксембургскомъ музеѣ, обладаетъ даже большимъ талантомъ; всѣ онѣ, однако, напрасно отважились забраться въ область Puvis de Chavannes.

Лучше было-бы многимъ, имѣющимъ ложныя притязанія на высшія области искусства, достигнуть совершенства въ рисованіи цвѣтовъ, какъ миссъ Green изъ Бостона, или портретовъ и акварелей, какъ мистриссъ Sarah Sears (оттуда-же). Надо похвалить и другую уроженку Бостона мистриссъ S. W. Whitman, которая не гнушается примѣнять свой замѣчательный артистическій талантъ къ украшенію прелестныхъ переплетовъ для издателей или къ исполненію прекрасныхъ рисунковъ на стеклѣ, не выражая притязаній на болѣе серьезныя работы. Она воспользовалась

трудами перваго изъ американскихъ живописцевъ John La Farge'a, которому его родина и міръ обязаны возобновленіемъ за послѣднія 15 лѣтъ искусства рисованія на стеклѣ.

Иллюстраціи книгъ и періодическихъ изданій работы женщинъ мнѣ показались интересными, напр. миссъ Mary Foote, владѣя карандашомъ такъ-же хорошо, какъ и перомъ, украшаетъ свои собственные разсказы очень цѣнными рисунками.

Въ рисованіи на фарфорѣ американки безспорно стоятъ ниже француженокъ, хотя «club de la potterie» въ Цинцинати выставилъ многообѣщающіе экземпляры. Вообще американскія профессіональныя школы, гдѣ искусства примѣняются къ ремесламъ, далеко уступаютъ нашимъ, несмотря на ихъ постоянное совершенствованіе. Школа шитья существуетъ 17 лѣтъ, она процвѣтаетъ, благодаря дѣятельному покровительству, но здѣсь работницамъ недостаетъ того, что есть у насъ во Франціи: возбуждающаго соревнованія съ женщинами лучшаго общества, не брезгающими заниматься разною ручною работою и возводящими ее на степень искусства. Чтобы понять эту разницу, надо взглянуть на маленькую залу, предоставленную французскимъ дамамъ. У большинства американокъ существуетъ презрѣніе къ иголкѣ; швеи, модистки разсказывали мнѣ, до какой степени имъ трудно находить работницъ, несмотря на очень высокую заработную плату; дипломъ учительницы—цѣль, отвлекающая отъ всего остального.

Вообще говоря, не въ «Женскомъ зданіи» мы встрѣтимъ высшія проявленія таланта. Вообще женщинамъ нигдѣ и никогда не слѣдуетъ образовывать отдѣльной группы. Сравненіе съ мужчинами необходимо, чтобы выдѣлить ничтожныя произведенія и чтобы оттѣнить не то что неравенство, а различіе дарованій и способностей обоихъ половъ. Говоря это, я не хочу порицать самую идею зданія «Женскаго Дворца»; его залы собраній, организацій и т. д. оказали большія услуги, давая пріютъ конгрессамъ и женскимъ ассоціаціямъ, которыми онѣ управляютъ. Всѣ, безъ исключенія, кто дѣйствительно имѣлъ или думалъ, что имѣетъ сообщить какія-либо новыя идеи, могли ихъ высказать; что касается музыкантшъ, артистокъ или любительницъ, избранное національнымъ музыкальнымъ комитетомъ жюри, рѣшало вопросъ о допущеніи той или другой дамы къ участію въ концертахъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ въ теченіе цѣлаго полугодія, при чемъ самый фактъ появленія чьего-либо имени въ программѣ представлялся прочнымъ успѣхомъ. Тутъ можно было констатировать быстрый и продолжающійся ростъ музыкальнаго вкуса въ Америкѣ.

Въ Женскомъ Дворцѣ не были забыты и матеріальныя выгоды бѣдныхъ экспонентокъ: всѣ произведенія женскихъ ремеслъ находили здѣсь себѣ сбытъ, благодаря многочисленнымъ распродажамъ и—вещь, неоцѣненная въ странѣ, гдѣ женщины съ наклонностями хозяйки родятся только въ видѣ рѣдкихъ исключеній,—здѣсь ежедневно давались уроки по-

варского искусства. До конца зданіе женщинъ, если можно такъ выразиться, олицетворяло собой самое широкое гостепріимство. Дворецъ дѣтей, служившій какъ бы его естественнымъ дополненіемъ, давалъ возможность матерямъ семействъ, пока онѣ осматривали выставку, оставлять даже самыхъ маленькихъ дѣтей окруженными просвѣщенной заботливостью; сами же дѣти, играя, могли многому научиться, такъ какъ здѣсь устраивались спектакли, совѣщанія, была библіотека, приноровленная къ ихъ возрасту. Ничто не можетъ быть любопытнѣе дѣятельности «Дѣтскаго сада» и «Кухоннаго сада», его пополнявшаго.

Основательница этой послѣдней системы, миссъ Huntingdon, изъ Нью-Іорка, завѣдывала классами, гдѣ дѣти, играя, убирали постели, мели полъ, стирали пыль и были посвящены во всѣ подробности хозяйства.

Счастливымъ нововведеніемъ на выставкѣ въ Чикаго было то, что каждый фабрикантъ обязывался указать: былъ-ли выставленный имъ предметъ, отчасти или всецѣло, дѣломъ рукъ женщины, и это обезпечивало всякому свою долю заслуги. Совѣтъ постановилъ какъ это, такъ и много другихъ полезныхъ вещей, которыя останутся на будущее время. Тѣ, кому покажется удивительной опытность, проявленная въ подобныхъ вопросахъ группою свѣтскихъ женщинъ, очевидно незнакомы съ тою организаціонной школою, какую представляютъ для американокъ клубы, въ которыхъ онѣ участвуютъ.

Двадцать пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ были основаны первые женскіе клубы въ Бостонѣ и въ Нью-Іоркѣ. Съ тѣхъ поръ, подъ покровительствомъ этихъ двухъ большихъ очаговъ, особенно перваго изъ нихъ, подобныя ассоціаціи продолжаютъ возникать въ различныхъ штатахъ. Теперь ихъ насчитываютъ болѣе трехсотъ и общая федерація, объединяющая ихъ, дастъ имъ новыя силы. Клубы Чикаго дѣятельнѣе всѣхъ прочихъ. Я посѣтила изъ нихъ два главныхъ: «Fortnightly» и «Woman's Club». «Fortnightly» исключительно литературный клубъ. Онъ устроенъ въ очень элегантномъ помѣщеніи въ Hôtel Richelieu. Я застала тамъ много дамъ въ нарядныхъ туалетахъ, сидѣвшихъ передъ эстрадой, на которой помѣщались предсѣдательница и два члена бюро. Миссисъ Amelia Gere Masson, хорошо извѣстная по ея книгѣ о салонахъ во Франціи — (Women of the French salons) — читала очеркъ подъ заглавіемъ «Древніе и новые типы женщинъ». Тема, по обычаю, предлагается заранѣе. Меня восхищала легкость изложенія, обнаруженная дамами, точность ихъ сужденій и ихъ критическое пониманіе. Конечно онѣ являлись въ конгрессъ хорошо подготовленными, чтобы послѣдовательно и безпристрастно обсуждать возникающіе вопросы, — дѣло, къ которому изо всѣхъ дѣлъ въ мірѣ женщины наименѣе способны. — Очень мало комплиментовъ, никакого желанія быть пріятными, съ другой стороны — ни малѣйшаго колебанія высказать то, что онѣ считаютъ правдой, хотя бы

эта правда была нелюбезна. Меня поразило также добродушіе докладчицы, находившейся какъ бы подъ перекрестнымъ огнемъ.

Легко понять, что такого рода періодическія собранія имѣютъ сильное вліяніе на умъ женщинъ, на качество ихъ разговоровъ, изгоняя темы легкія и слишкомъ личныя, пріучая внимательно слушать и логично возражать. Вмѣстѣ съ тѣмъ, заранѣе подготовленныя работы по самымъ разнообразнымъ вопросамъ нравственности, философіи, науки, исторіи содѣйствуютъ иной разъ возникновенію настоящихъ литературныхъ талантовъ.

Послѣ засѣданія подаютъ чай; подходятъ другъ къ другу, разговариваютъ; одинъ изъ членовъ клуба, дама, долго жившая во Франціи, заявляетъ мнѣ, что даже рядомъ съ Чикаго она находитъ «нашъ маленькій Парижъ несравненнымъ». Меня представляютъ многимъ лицамъ, которыя мило упрекаютъ меня за мой отказъ участвовать въ преніяхъ, что было предложено всѣмъ присутствующимъ въ засѣданіи иностранкамъ; когда я возражаю, что я рѣшительно не привыкла говорить публично, онѣ принимаютъ тотъ соболѣзнующій видъ, какой былъ у турецкихъ дамъ, когда онѣ открыли, что Lady Wortley Montague была стянута въ корсетъ или какой явился бы у насъ при видѣ искалѣченныхъ ногъ китаянокъ. Я говорю предсѣдательницѣ, что американскіе клубы по проявляемому въ нихъ остроумію могутъ соперничать съ прежними салонами Франціи, но они закрыты для мужчинъ, между тѣмъ, какъ единственной цѣлью нашихъ салоновъ было соединить мужчинъ и дать имъ возможность блистать. На это она мнѣ отвѣчаетъ весело, но со страннымъ огонькомъ въ глазахъ: «О, что до этого касается, то намъ все равно; мы хотимъ блистать сами для себя!»

И мужья, братья, сыновья благодарны имъ за это. Они находятъ восхитительнымъ, вернувшись домой послѣ дня, посвященнаго работѣ, узнать отъ нихъ обо всемъ, что дѣлается внѣ дѣлового міра; женщины, такъ сказать, снимаютъ для нихъ сливки съ журналовъ, газетъ, новостей.

Среди присутствующихъ женщинъ, симпатичныхъ мнѣ съ перваго взгляда, находится одна изъ знаменитостей Чикаго—докторъ Sarah Stevenson; въ городѣ по крайней мѣрѣ двѣсти докторовъ женщинъ, но у ней самая большая практика. Она предсѣдательница Woman's Club'а, программа котораго отличается отъ программы Fortnightly и который занимается главнымъ образомъ соціальными реформами. Докторъ Stevenson съ жаромъ говоритъ мнѣ о томъ, что она считаетъ величайшей побѣдою, одержанной женщинами Чикаго, а именно объ основаніи агентства для защиты женщинъ и дѣтей. Цѣль ассоціаціи охранять ихъ права, помогать работницамъ и прислугѣ взыскивать несправедливо удержанное у нихъ жалованье, препятствовать нарушенію контрактовъ и займу денегъ у ростовщиковъ, давать убѣжище покинутымъ дѣтямъ, отнимать ихъ у недостойныхъ родителей, доставлять разводъ женамъ, съ которыми мужья жестоко обращаются, охранять права матери на дѣтей и т. п. У обще-

ства есть юристъ, получающій отъ него жалованье. Меня живо заинтересовало все, что она мнѣ разсказала.

Въ назначенный день я отправилась въ зданіе псевдо-романскаго стиля, которое продолжаетъ носить названіе Art institute, хотя для помѣщеній коллекцій института въ одинъ годъ было воздвигнуто зданіе въ классическомъ стилѣ на берегу озера, на бульварѣ Мичиганъ. Въ очень большой залѣ скамейки, расположенныя уступами, въ видѣ амфитеатра, были заняты женщинами, которыхъ внѣшность и одежда указывали на гораздо болѣе смѣшанный составъ собранія, чѣмъ въ Fortnightly; дѣйствительно, въ «Женскомъ клубѣ» есть женщины разнаго общественнаго положенія; онъ насчитываетъ 500 членовъ, распредѣляющихся на шесть большихъ группъ: комитеты реформъ, филантропіи, образованія, домашняго обученія, искусствъ и литературы, наукъ и философіи. Когда я входила, слѣпая молодая дѣвушка, стоя на эстрадѣ, говорила похвальное слово Longfellow; это былъ «День поэта» и засѣданіе было посвящено автору Эвангелины; чествованіе поэта по временамъ прерывалось пѣніемъ. Затѣмъ поднялся вопросъ о лицахъ, оставшихся безъ работы. Одинъ изъ членовъ магистрата, явившійся для того, чтобы придти въ соглашеніе съ клубомъ, сообщилъ, что такихъ уже тысячи внесены въ его списки, и что университетъ, теологическій факультетъ, католическое общество St. Vincent de Paul, армія спасенія—соединяются для того, чтобы помочь этому бѣдствію. Дамъ просятъ обойти записавшихся и такимъ образомъ деликатно познакомиться съ положеніемъ каждаго изъ нихъ; дамы должны мотивировать свое посѣщеніе тѣмъ, что до нихъ дошли слухи, что такой-то предлагалъ свои услуги городскому самоуправленію для уличныхъ работъ; въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, онѣ предложатъ поддержать его просьбу, а если натолкнутся на крайнюю нужду, немедленно сообщатъ объ этомъ обществу вспомоществованія. При этомъ членъ магистрата даетъ дамамъ прекрасный совѣтъ: «Поступайте крайне осторожно, старайтесь не больше вмѣшиваться въ дѣла бѣднаго, чѣмъ вы бы сдѣлали это относительно богатаго». Многія дамы съ удовольствіемъ соглашаются на это сотрудничество съ городскимъ управленіемъ.

Мистриссъ Стевенсонъ не занимала своего предсѣдательскаго кресла: ея профессіональныя занятія часто мѣшаютъ ей присутствовать въ засѣданіяхъ клуба. Въ тотъ вечеръ, когда была я, ее замѣняла вице-предсѣдательница; она познакомила меня съ нѣкоторыми членами. Мнѣ сообщили календарь клуба на этотъ годъ. Среди вопросовъ, которые уже разсматривались или назначены къ разсмотрѣнію съ октября 1893 г. по іюнь 1894 г. въ различныхъ отдѣленіяхъ, я наскоро отмѣтила слѣдующіе: Эволюція современной женщины. — Должна ли эмиграція быть ограничена.—О значеніи труда.—Реализмъ въ наукѣ и литературѣ.—Промышленная кооперація. — Наука и духовная жизнь. — О запасѣ энергіи.— Взаимное обученіе.—О правахъ матери и т. д.

Я спросила одну изъ дамъ секретарей о знаменитомъ «агентствѣ за-

щиты»; оно основано въ 1886 г.; изъ отчета за апрѣль 1893 г. видно, что за эти 7 лѣтъ было принято 7,197 жалобъ и что небольшими суммами было собрано 1.249,687 долларовъ. Но никакая статистика не можетъ дать публикѣ достаточно яснаго понятія о подобномъ дѣлѣ. Дѣятельность общества обнимаетъ: обнаруженіе мошенничествъ и исправленіе несправедливостей, взысканіе жалованій, наказаніе за жестокости и насилія, учрежденіе опеки, полученіе разводовъ, оформленіе незаконныхъ рожденій, пріисканіе работы, помѣщеніе прислуги на мѣста, помощь иностранкамъ; только бѣдныя созданія, спасенныя благодаря силѣ и милосердію этого прекраснаго учрежденія, могли бы разсказать, какое количество симпатіи, хлопотъ, совѣтовъ, тратится его членами на безчисленное множество покровительствуемыхъ имъ лицъ. Невольно остановишься надъ вопросомъ: если женщинъ защищаютъ съ такимъ рвеніемъ, не приходится ли мужчинамъ въ свою очередь страдать отъ этого?

Въ 1889 г. агентство добилось признанія «смягчающихъ вину обстоятельствъ» относительно обвиняемой, выстрѣлившей на судѣ въ адвоката, ожесточенно нападавшаго на нее въ своей рѣчи. Конечно, самый поступокъ не похвалили, но общество доказало, что несчастная была доведена до отчаянія, почти до безумія, избыткомъ несправедливостей и преслѣдованій. Не бываетъ-ли иногда предвзятости въ защитѣ? Секретарша, которой я высказала мои опасенія, смѣясь отвѣтила: «Когда мы принимаемся за дѣло, у насъ дѣйствительно слишкомъ часто бываетъ представленіе, что женщина всегда заслуживаетъ сочувствія, а мужчина всегда виноватъ, но мы скоро научаемся различать».

Какъ-бы то ни было, мировые судьи, полиція, судъ очень высоко цѣнятъ Protective Agency и считаютъ, что оно имъ помогаетъ своими быстрыми и энергическими дѣйствіями. Надо знать весь вредъ, причиняемый въ едва обтесанномъ обществѣ въ родѣ чикагскаго, пьянствомъ и жестокостью, чтобы понять настоятельную необходимость этой непрестанной дѣятельности во имя братства женщинъ и материнской любви ко всѣмъ дѣтямъ. Но клубъ выполняетъ и много другихъ задачъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ слишкомъ часто общественныя должности распредѣляются исключительно сообразно съ интересами политическихъ дѣятелей самаго низкаго сорта. Результатомъ этого являются ужасныя злоупотребленія. Такъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ домахъ сумасшедшихъ сидящіе тамъ больные, плохо питаемые, плохо одѣтые, тѣсно скученные, имѣли только по одной кровати на троихъ. Клубъ вступился и женщины-доктора были приставлены къ этимъ заведеніямъ, управленіе которыхъ съ тѣхъ поръ не оставляетъ желать лучшаго. Во всѣхъ административныхъ учрежденіяхъ, въ рукахъ которыхъ находится судьба женщинъ, въ тюрьмахъ, въ пріютахъ, въ убѣжищахъ для нищихъ, женщины импонируютъ своимъ присутствіемъ. Благодаря клубу, въ полицейскихъ бюро служатъ теперь прикомандированныя къ нимъ «матроны»; подъ его вліяніемъ была основана больница для заразныхъ болѣзней. Одна изъ его

членовъ, миссъ Sweet, положила начало перевозкѣ больныхъ (service d'ambulance), подаривъ первый фургонъ; миссъ Flower основала школу сидѣлокъ; докторъ Stevenson добилась устройства купаленъ для бѣдныхъ на озерѣ и въ нѣкоторыхъ заброшенныхъ частяхъ города. Академія художествъ даетъ обязательно ежегодно одинъ призъ Женскому клубу. Когда въ 1892 г., благодаря частнымъ пожертвованіямъ въ 7 милліоновъ долларовъ, былъ основанъ новый университетъ для шестисотъ учащихся обоего пола, то уже по окончаніи постройки роскошнаго зданія, увидали, что нѣтъ спаленъ для студентовъ. Woman's Club тотчасъ-же собралъ сумму, необходимую для постройки дома, гдѣ помѣщаются не только многочисленныя спальни, но и гостиныя, залы для собраній, столовая, библіотека, гимнастическій залъ. Дѣло идетъ объ устройствѣ ремесленной школы для бездомныхъ мальчиковъ; предлагается триста акровъ земли съ условіемъ, чтобы на нихъ были воздвигнуты постройки на 40,000 долларовъ. Женскій клубъ доставилъ эту сумму и Гленвудская школа была основана. Клубъ имѣетъ наблюденіе надъ тѣмъ, чтобы законъ объ обязательномъ обученіи исполнялся, чтобы дѣти въ возрастѣ отъ 6 до 14 лѣтъ въ теченіе 16 недѣль въ году посѣщали школу; безъ него многіе изъ нихъ оставались-бы дома за неимѣніемъ одежды и обуви.

Наконецъ, клубъ поставилъ себѣ задачу болѣе трудную, чѣмъ всѣ прочія: онъ устроилъ лигу городскихъ преобразованій, требующую чистоты на улицахъ Чикаго. Если и на этотъ разъ будетъ успѣхъ—можно будетъ провозгласить чудо. Большой шагъ въ этомъ дѣлѣ уже сдѣланъ: висѣвшій надъ городомъ дымъ теперь частью сжигается. Словомъ, во всѣхъ реформахъ мы находимъ неутомимый Женскій клубъ.

Наблюдая за порядкомъ на улицахъ, члены клуба требуютъ и порядочности въ обращеніи съ людьми. Во время засѣданія Woman's Club'a, когда какой-то членъ совѣта объявилъ, что дамъ «требуютъ» къ чаю, встала высокая женщина съ повелительнымъ видомъ и изъ глубины залы начала безжалостно журить свою товарку, поправляя неприличное, по ея мнѣнію, выраженіе и настаивая на замѣнѣ слова «required» словомъ «requested», т. е. просятъ, а не требуютъ.

Отъ имени дамъ, пассажировъ въ омнибусахъ просятъ не плевать вокругъ себя и даже самые грубые изъ нихъ охотно подчиняются этому. Вотъ два воспоминанія изъ уличной жизни Чикаго. Я стояла на платформѣ вагона, испуганная суматохой загроможденной улицы, я не рѣшалась сойти. Рядомъ со мною, очень плохо одѣтый мужчина, съ лицомъ бандита, сначала, очевидно, чувствуетъ желаніе посмѣяться надо мной, но затѣмъ вдругъ соскакиваетъ на землю, помогаетъ мнѣ добраться до тротуара и въ отвѣтъ на мою благодарность бормочетъ сконфуженное «all right», дружески пожимая мою руку, которую онъ еще держитъ. Однажды, когда я заблудилась, старый нѣмецкій рабочій (въ Чикаго до 400 тыс. нѣмцевъ) помогаетъ мнѣ отыскать дорогу, во время пути онъ обращаетъ мое вниманіе на достопримѣчательности города и показывая

мнѣ на великолѣпную выставку въ цвѣточномъ магазинѣ, говоритъ: «Это златоцвѣтъ (chrysanthèmes), вы этого не видите во Франціи, но (тономъ поощренія, означающимъ: «вы до этого когда-нибудь дойдете») зато у васъ есть маргаритки». Эта, нѣсколько пренебрежительная, благосклонность служитъ, какъ мнѣ кажется, полнымъ выраженіемъ тѣхъ чувствъ, которыя молодой Чикаго питаетъ къ старой Франціи.

Въ прекрасно написанной книгѣ Юліана Ральфа «Our great West» отмѣчены, къ прославленію женщинъ, всѣ факты, касающіеся того, что онъ называетъ «Gentle Side», т. е. возвышенныхъ, мягкихъ и нѣжныхъ сторонъ Чикаго. Можно противопоставить это превосходное изслѣдованіе новыхъ столицъ Соединенныхъ Штатовъ, ихъ настоящихъ условій и возможной будущности, другой книгѣ, вызвавшей недавно сильнѣйшее негодованіе, а именно the Cliff Dwellers. Въ этомъ нравоописательномъ романѣ мрачными красками нарисованы дурныя, ужасныя стороны Чикаго, результаты бѣшеной спекуляціи, безчеловѣчной борьбы за успѣхъ, безжалостной войны, которая заглушаетъ всѣ чувства, даже чувства къ семьѣ, дѣлаетъ черствыми сердца и ведетъ къ преступленіямъ тѣхъ, кто ей предается. Авторъ «Cliff-Dwellers» M-r Henry Fuller, нажилъ себѣ этой страстной сатирой тѣмъ больше враговъ, что онъ рѣшился посягнуть на священную личность женщины. Его героиня, Cecilia Ingles, свѣтское божество, невидимая до послѣдней страницы, но всегда присутствующая; благодаря ея незримому вліянію, она безсознательно толкаетъ на гибель сотни людей. Она стремится только произвести какъ можно больше эфекта, она не знаетъ, что стоитъ ея роскошь, сколько несчастныхъ изъ-за нея обмануты, обворованы, измучены, доведены до нищеты, позора и отчаянія. Очень возможно, что такая красивая, бездушная кукла, стоящая на пьедесталѣ изъ долларовъ, и существуетъ въ Чикаго, покрайней мѣрѣ такая могла здѣсь родиться въ многочисленныхъ разновидностяхъ, но я сомнѣваюсь, чтобы она здѣсь осталась. Ее скорѣе найдешь въ Европѣ, гдѣ она охотится за титулами и собирается, въ видѣ послѣдняго каприза, золотомъ проложить себѣ путь въ нашъ faubourg St. Germain или, что еще лучше (такъ-какъ она любитъ трудности и презираетъ республики)—въ ряды считающейся болѣе неприступной англійской аристократіи.

Прибавимъ, что полный успѣхъ ждетъ ее въ обоихъ предпріятіяхъ, это ей обезпечиваетъ цѣлый длинный рядъ подражательницъ, и въ ея новомъ отечествѣ никто, конечно, лучше нея не умѣетъ осмѣивать Чикаго, Woman's Club и все проч.

Въ тотъ день, когда, указывая на зданіе въ 13 этажей (только на 8 меньше «масонскаго храма»), мнѣ сказали: «Вотъ храмъ женщинъ, the Women's temple», я нисколько не удивилась: мнѣ показалось вполнѣ естественнымъ, что на главной улицѣ дѣлового квартала, среди сумя-

тицы биржи, торговой палаты, страховыхъ обществъ и т. п., возвышается этотъ публичный символъ благоговѣнія и благодарности. Мнѣ потомъ объяснили, что храмъ, называемый такъ для сокращенія, собственно храмъ трезвости, и былъ воздвигнутъ женщинами. Его постройка стоила болѣе милліона долларовъ и нужныя для этого средства нашла женщина, обладающая наиболѣе рѣдкими у ея пола способностями финансовыми. Миссисъ M. B. Carse потратила десять лѣтъ на осуществленіе своего плана и привела его въ исполненіе, заручившись содѣйствіемъ другой женщины, мистриссъ Willard, знаменитой тѣмъ одушевленіемъ, какое она вотъ уже цѣлыхъ двадцать лѣтъ придаетъ союзу трезвости. Frances Willard посвятила свою жизнь проповѣди принципа самообладанія, она руководитъ дѣятельностью Бѣлаго Креста, который во многихъ штатахъ добился спеціальныхъ законовъ для защиты женщинъ. Отъявленная противница смертельнаго врага Америки—пьянства, она борется съ нимъ всякимъ оружіемъ, какое ей попадается подъ руку; общество трезвости раскинуло свои дѣятельныя сѣти во всѣхъ большихъ и малыхъ городахъ; оно избрало своей главной квартирой мѣсто, гдѣ зло всего сильнѣе свирѣпствуетъ и повидимому дѣло филантропіи оказывается, какъ это по убѣжденію американцевъ и должно всегда быть, вмѣстѣ съ тѣмъ и выгоднымъ дѣломъ, такъ-какъ ежегодный доходъ, приносимый зданіемъ храма, достигаетъ, какъ говорятъ, цифры 250,000 дол. Члены общества трезвости связаны обѣтомъ, запрещающимъ имъ всѣ напитки, кромѣ самыхъ безвкусныхъ; у нихъ васъ потчуютъ только ледяной водой, имбирнымъ пивомъ, самое большее если вамъ дадутъ небродившій виноградный сокъ, похожій на смородинную воду. Я помню презрительные взгляды, которые бросали на меня въ отелѣ или въ ресторанѣ нѣкоторыя дамы, видя, какъ я пью вино. Я, очевидно, производила скандалъ, чего надо во что-бы то ни стало избѣгать въ Америкѣ. Моя пріятельница, не стѣснявшаяся подливать мнѣ за завтракомъ бордо или даже шампанское, разсказала мнѣ, что одна итальянка, будучи проѣздомъ въ Чикаго, была приглашена на обѣдъ въ домъ, гдѣ процвѣтаетъ трезвость. «Что вы пьете, спрашиваетъ ее хозяйка дома,—чай, кофе, какао?» Иностранка откровенно отвѣчаетъ, что она привыкла пить вино. «И прекрасно, но вы позволите подать вамъ его въ чайникѣ, чтобы никого не шокировать».

Hull-House, служащій между прочимъ и убѣжищемъ для бѣдныхъ иностранцевъ, былъ основанъ также женщиною. Это единственное, по своему характеру, учрежденіе въ ряду многихъ подобныхъ учрежденій въ Соединенныхъ Штатахъ, и этотъ характеръ приданъ ему личностью основательницы «Hull-House'а», миссъ Адамсъ. Основой всѣхъ ея начинаній послужила теорія, что богатымъ такъ-же нужны бѣдные, какъ богатые—бѣднымъ; служенію этой идеѣ миссъ Адамсъ отдала свое состояніе, свое время, свой умъ. Она начала съ того, что купила въ отдален-

номъ кварталѣ разрушающееся строеніе, въ которомъ производились аукціоны, Hull-House, называющееся такъ по имени своего строителя. Миссъ Адамсъ его перестроила, украсила, придала ему чистый, веселый и привѣтливый видъ и поселилась въ немъ со своимъ другомъ и помощницей миссъ Starr. Затѣмъ она привлекла къ своему дѣлу и другихъ, довела свой Hull-House до того, что онъ представляетъ изъ себя теперь. Я поѣхала съ одной знакомой осматривать его вечеромъ. Мы долго ѣхали въ экипажѣ по отвратительной мостовой, черезъ грязныя улицы, окаймленныя жалкими лачугами и тѣми saloons, которые представляютъ нѣчто среднее между кабакомъ и плохой кофейной.

Наконецъ, останавливаемся у большого зданія съ освѣщенными окнами. На порогѣ меня встрѣчаетъ улыбающаяся и оживленная молодая женщина, миссъ Ellen Starr. Благодаря ей, я получаю первое понятіе объ учрежденіи, которое она мнѣ показываетъ въ подробностяхъ. Часъ благопріятный, потому-что всѣ члены Jane's Club'a уже вернулись въ свое жилище.

Этотъ клубъ, помѣщающійся, такъ сказать, подъ покровомъ имени Jane Adams, является прибавленіемъ къ Hull House'у, независимымъ отъ него, но составляющимъ тѣмъ не менѣе одну изъ его интересныхъ особенностей. Молодыя дѣвушки, составляющія клубъ, всѣ зарабатываютъ свой хлѣбъ въ качествѣ портнихъ, модистокъ, бѣлошвеекъ, продавщицъ въ магазинахъ, стенографистокъ, типографистокъ, писцовъ на пишущихъ машинахъ и т. п. Разбросанныя прежде въ какихъ-нибудь пансіонахъ, меблированныхъ комнатахъ, онѣ находятъ теперь пріютъ въ этомъ home'ѣ, имѣющемъ для нихъ и воспитательное значеніе. Толстая нѣмка управляетъ матеріальными дѣлами клуба, который достигъ возможности существовать на свои средства. Въ залѣ я нахожу двухъ молодыхъ дѣвушекъ, по окончаніи дневной работы, берущихъ урокъ музыки; третья, вернувшаяся изъ своей мастерской, оканчиваетъ запоздалый ужинъ въ хорошенькой столовой, освѣщенной газомъ, какъ и все остальное помѣщеніе, и нагрѣваемой калориферомъ,—роскошь, обычная въ Америкѣ и даже слишкомъ далеко простирающаяся, такъ какъ почти вездѣ задыхаешься отъ жары. Большинство дѣвушекъ уже разошлись по своимъ комнатамъ въ 1-мъ и во 2-мъ этажѣ. Миссъ Starr проситъ разрѣшить иностранкѣ, находящейся въ Чикаго проѣздомъ, вторгнуться въ ихъ владѣнія, на что онѣ соглашаются съ любезностью людей, знающихъ, что они ничего не потеряютъ отъ болѣе близкаго осмотра. Комнаты, дѣйствительно, почти элегантны; спальни на двѣ, на три и на четыре кровати, но раздѣленныя ширмами или портьерами, производятъ съ перваго взгляда впечатлѣніе безукоризненной аккуратности и порядка. Нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ, читая, отдыхаютъ въ качалкахъ; другія начинаютъ раздѣваться или причесываютъ волосы передъ зеркаломъ. Заставая ихъ въ такомъ видѣ, я имѣю случай немедленно убѣдиться въ справедливости замѣчанія миссъ Starr: «Онѣ дѣлаются все болѣе и бо-

лые воспитанными дѣвушками», воспитанными ежедневнымъ общеніемъ съ лучшими изъ женщинъ. Я извиняюсь за свое вторженіе и онѣ отвѣчаютъ мнѣ съ вѣжливостью, которая-бы меня удивила, если-бы я имѣла время предварительно познакомиться въ Америкѣ съ другими людьми того-же общественнаго положенія, но живущими въ иной обстановкѣ. Нечего говорить, что онѣ пользуются всѣми преимуществами, представляемыми Hull-House'омъ, его библіотекой, засѣданіями и т. д. Миссъ Starr читаетъ имъ спеціальный курсъ по вопросамъ искусства; она разсказывала мнѣ, что онѣ часто приносятъ ей свои маленькія сбереженія, чтобы употребить ихъ на покупку фотографій, посылаемыхъ имъ изъ Италіи, и я дѣйствительно замѣтила на всѣхъ стѣнахъ дома снимки съ картинъ великихъ мастеровъ. Значительное большинство предпочитаетъ Ботичелли. Не странно-ли, что Ботичелли популяренъ въ предмѣстьяхъ Чикаго? Я думаю, что тутъ дѣйствуетъ вліяніе обученія миссъ Starr, а также вліяніе внѣшняго типа миссъ Adams, больше кого-бы то ни было на свѣтѣ похожей на картину Ботичелли, со своимъ святымъ лицомъ, блѣднымъ, грустнымъ, съ впалыми щеками, съ задумчивымъ лбомъ, со свѣтлыми большими глубокими глазами, взглядъ которыхъ, кажется, только смутно скользитъ по всему, кромѣ горя и нищеты.

«Я не хочу сказать, — поясняетъ миссъ Starr, — чтобы у всѣхъ нашихъ дѣвушекъ былъ такой утонченный вкусъ; многія суетны, любятъ наряды; имъ также дается полная свобода слѣдовать своимъ вкусамъ. Чтобы поднять ихъ, мы разсчитываемъ на примѣръ другихъ, на атмосферу самаго дома, жизнь котораго, впрочемъ, не слишкомъ суровая. Каждую недѣлю у нихъ бываютъ вечеринки: нѣтъ недостатка ни въ музыкѣ, ни въ угощеніи, и онѣ пользуются своей долею честнаго избытка». Милое лицо миссъ Starr сіяетъ при этой мысли. Мы возвращаемся въ главное зданіе; широкія сѣни раздѣляютъ его на двѣ части: направо и налѣво большія комнаты, куда я вхожу, чтобы посмотрѣть, что тамъ происходитъ. Въ первой учебной залѣ дама изъ Канады даетъ урокъ французскаго языка 12-ти ученикамъ; во второй происходитъ чтеніе; дальше нѣсколько молодыхъ людей рисуютъ, при чемъ нигдѣ нѣтъ раздѣленія половъ.

Сыновья богатыхъ жителей Чикаго занимаются клубомъ мальчиковъ, входя въ соприкосновеніе съ этими прежде обездоленными уличными мальчуганами, но которые теперь, играя, многому научаются: лѣпкѣ, скульптурѣ на деревѣ, географіи, исторіи Америки, даже немного латыни, не говоря уже обо всѣхъ играхъ ихъ возраста. У нихъ великолѣпный гимнастическій залъ, ярко освѣщенный, какъ днемъ, гдѣ я вижу, какъ они упражняются, послѣ чего нѣкоторые берутъ души. Ванны, устроенныя въ *Hull-House*'ѣ, значительно способствовали нравственному и физическому оздоровленію квартала; но величайшее благодѣяніе—это кухня. Сытный и разнообразный столъ въ опредѣленные часы ждетъ всякаго, желающаго поѣсть за возможно низкую плату; можно получать

на домъ то или другое кушанье, а также можно брать уроки поварского искусства, такъ какъ въ этой свѣтлой и прекрасной кухнѣ, снабженной всѣми новѣйшими экономическими приспособленіями, дѣйствуетъ школа, спеціально организованная городскими барышнями; онѣ-же присутствуютъ и за вечернимъ шитьемъ, во время котораго дѣвочки, работая, слушаютъ разсказы, дающіе пищу ихъ уму. Многія изъ нихъ помогаютъ въ дѣтскомъ саду, соединяющемъ каждое утро окрестныхъ дѣтей въ обширномъ помѣщеніи, которое служитъ въ другое время дня залою собраній. Никто не забытъ: ни большой, ни малый, ни старый, ни молодой.

Миссъ Adams стремится къ тому, чтобы бѣдные иностранцы этого квартала сохраняли всѣ хорошія особенности своей родины; поэтому у всякой національности свой клубъ. Одинъ изъ наиболѣе посѣщаемыхъ, это нѣмецкое собраніе по пятницамъ, гдѣ поются старыя народныя пѣсни, читаютъ Шиллера, въ то время, какъ вязальныя спицы дѣлаютъ свое дѣло.

Мы быстро проходимъ читальныя залы, наполненныя рабочими, перелистывающими журналы и газеты всѣхъ странъ. Въ верхнемъ этажѣ помѣщается бильярдъ, разнообразныя развлеченія. «Очень часто,—замѣчаетъ миссъ Starr,—потребность въ общеніи съ людьми привлекаетъ наиболѣе слабыхъ въ вертепы, гдѣ пьянствуютъ и играютъ на деньги. Мы не хотимъ давать нашимъ людямъ этого предлога. Конечно, много есть такихъ, которые не довольствуются тѣмъ, что мы имъ предлагаемъ, но какъ-бы ни мала была группа здѣсь присутствующихъ—и то хорошо. Каждый вечеръ они могутъ приходить въ одинъ изъ клубовъ, дѣйствующихъ какъ тѣ, которые вы сейчасъ видѣли, въ клубъ физики, или рисованія, или политической экономіи. Мы очень гордимся нашею картинною галлереею, въ которой было уже пять выставокъ. Владѣльцы картинъ намъ великодушно даютъ на время свои шедевры».

Понятіе о милостынѣ, какъ видите, вполнѣ устранено изъ системы миссъ Adams; она облегчаетъ жизнь бѣдняковъ—вотъ и все; она вноситъ въ нее по возможности больше того, чему они завидуютъ у богатыхъ, или, вѣрнѣе, она старается сгладить разстояніе между тѣми и другими, устанавливая отношенія добрыхъ сосѣдей между богатыми и бѣдными, «мужчинами, женщинами, дѣтьми, соединенными въ одну семью, какъ Господь ихъ соединяетъ», говоритъ она. Ни у кого она не спрашиваетъ отчета въ его вѣрованіяхъ; общее всѣмъ вѣрованіе — это христіанская гуманность, духъ Христа, проявляющійся въ дѣлахъ любви.

Со всѣхъ сторонъ къ ней приходятъ на помощь. Вотъ, напримѣръ, исторія того большого мѣста для рекреаціи, гдѣ молодые люди могутъ съ наслажденіемъ предаваться тѣмъ атлетическимъ играмъ, которыя считаются однимъ изъ американскихъ учрежденій. Когда-то на этомъ мѣстѣ былъ отвратительный, пропитанный заразою, старый домъ, гдѣ бѣдные рабочіе жили скученные, въ самыхъ ужасныхъ гигіеническихъ условіяхъ. Владѣлецъ этихъ развалинъ, представляющихъ самое худшее сосѣдство для миссъ Adams, проживалъ за границею, очень мало забо-

тясь о томъ, какъ управлялась его недвижимость. Когда, однако, миссъ Adams открыла ему глаза на то, что тамъ происходитъ, онъ сразу исправилъ свои невольныя прегрѣшенія, приказавъ снести строеніе и предложивъ *Hull-House*'у очищенное мѣсто. Теперь мальчики этого околотка имѣютъ превосходный дворъ для игръ, а городъ, не желая оставаться въ долгу, приставилъ къ нему для надзора спеціальнаго полисмена.

Когда мы уже поздно вечеромъ выходили изъ этого дома прибѣжища и помощи, блестящаго въ ночи какъ спасительный маякъ, дверцу нашей кареты намъ открылъ проходившій мимо уличный мальчикъ. «Немного лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ и ему подобные бросали-бы въ насъ каменьями», замѣчаетъ сопровождающая меня пріятельница.

Самое интересное изъ моихъ посѣщеній *Hull-House*'а было однажды вечеромъ, когда тамъ собрался клубъ рабочихъ, занимающихся соціальными вопросами.

Я была приглашена къ обѣду; миссъ Adams, сидя во главѣ стола, разговаривая, раскладывала кушанья, какъ могла-бы это дѣлать любезная хозяйка дома. На стѣнахъ обширной, прекрасно освѣщенной комнаты, мебель которой блеститъ чистотой, висятъ большія фотографіи углемъ, изображающія вмѣстѣ съ нѣсколькими шедеврами итальянской школы лучшія картины Millet. Столовое бѣлье очень чистое, меню обильное, но скромное; пьютъ, конечно, одну воду, — здѣсь царствуетъ трезвость. Мой сосѣдъ направо, изучавшій юриспруденцію въ Парижѣ, вспоминаетъ свою студенческую жизнь; онъ, какъ и большинство гостей, числится помощникомъ миссъ Adams. Среди временныхъ или постоянныхъ обитателей *Hull-House*'а, я не безъ удивленія узнаю двухъ молодыхъ юристовъ, съ которыми я на прошлой недѣлѣ обѣдала въ совершенно иной компаніи. Въ Чикаго допускается, чтобы холостые люди, въ опредѣленные дни, приглашали и принимали въ своихъ клубахъ дамъ; такимъ образомъ и я была приглашена на обѣдъ очень литературный, очень веселый и поливаемый прекраснымъ шампанскимъ, въ одномъ изъ большихъ клубовъ Чикаго. Всецѣло преданные земнымъ дѣламъ, оба друга въ этотъ день вовсе не походили на реформаторовъ, поглощенныхъ филантропическимъ дѣломъ. Я разспрашиваю и узнаю, что подобный примѣръ не рѣдкость: всякій приноситъ, что можетъ, въ этотъ союзъ благотворительности: дѣловые люди, врачи, школьные учителя и наставницы, студенты, лица духовныя, матери семействъ, съ удовольствіемъ посвящаютъ хотя-бы короткое время этому пріюту, приносящему утѣшеніе столькимъ другимъ матерямъ. Эти молодые люди мнѣ очень просто разсказали, что они поселились на три или на четыре недѣли въ *Hull-House*'ѣ; они говорятъ безъ малѣйшей гордости о своей задачѣ, которая, однако, не легка: внушить довѣріе озлобленнымъ и одичалымъ созданіямъ, понять ихъ нужды и помочь имъ ихъ удовлетворить. Очевидно, ихъ-бы удивило и смутило выраженіе восхищенія тѣмъ, что они считаютъ вполнѣ естественнымъ.

Послѣ обѣда мы перешли въ гостиную, гдѣ съ полчаса разговоръ шелъ о самыхъ разнообразныхъ предметахъ: о путешествіяхъ, объ искусствѣ и т. д. Я болтала съ однимъ библіофиломъ, знакомымъ со всѣми нашими роскошными изданіями и заказывающимъ переплеты для своихъ книгъ въ Парижѣ. Много говорилось о Франціи. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ я чувствовала, что мы не занимаемъ перваго мѣста; за нами признаютъ, что мы все открыли, все изобрѣли, все начали, чтобы потомъ дать себя опередить болѣе глубокимъ умамъ и болѣе упорной волѣ; намъ выражаютъ много симпатіи, но уваженіе не входитъ въ равной мѣрѣ въ сужденія, высказываемыя, впрочемъ, съ величайшей вѣжливостью; насъ судятъ по произведеніямъ нашихъ романистовъ, которыхъ ставятъ очень высоко съ точки зрѣнія чисто литературной, дѣлая видъ, что читали только тѣ изъ нихъ произведеній, которыя наименѣе заслуживаютъ порицанія съ точки зрѣнія нравственности: у Поля Бурже хвалятъ André Cornelis и Essais de psychologie, у Мопассана — сборникъ новеллъ, кажется, прекрасно переведенный Беннеромъ, который самъ пишетъ превосходные разсказы. Пьера Лоти тоже знаютъ по переводамъ, что заставляетъ меня довольно нетерпѣливо замѣтить, что его слѣдовательно совсѣмъ не знаютъ; это замѣчаніе остается почти непонятнымъ; такъ какъ на форму въ Америкѣ обращаютъ гораздо меньше вниманія, чѣмъ на содержаніе даже тѣ, кто считаетъ себя художникомъ. На Альфонсѣ Додэ однако всѣ сходятся; его «Сафо» считается не только художественною, но и полезною книгою.

Все это время глухой шумъ шаговъ и голосовъ непрерывно слышался изъ прихожей.

Пробило 8 часовъ; мы всѣ возвратились въ столовую, уже обращенную въ залу засѣданія. Поднятая занавѣсь открывала платформу, передъ которой всѣ стулья и скамьи были уже заняты. Преобладающій характеръ собранія—космополитическій: много русскихъ евреевъ, съ которыми мнѣ приходилось уже встрѣчаться, истощенныхъ, обросшихъ бородами, съ выдающимися скулами; ихъ черные глаза, грустные до отчаянія или горящіе, какъ у голоднаго волка, говорятъ о преслѣдованіяхъ, утомительномъ пути, о безнадежномъ изгнаніи. Понимаютъ-ли они по англійски? Только нѣкоторые изъ нихъ, я думаю; но и другіе оперевшись локтями въ колѣни, положивъ подбородокъ на руки, жадно протягиваютъ голову какъ-бы для того, чтобы услышать слово спасенія; но кажется сначала, что выступившій ораторъ не умѣетъ произносить такихъ словъ. Это профессоръ университета и въ то же время священникъ баптистской церкви, человѣкъ высокаго роста, съ умнымъ и холоднымъ лицомъ, очень корректный въ своемъ бѣломъ воротникѣ и длинномъ сюртукѣ. Раньше, чѣмъ онъ началъ свою рѣчь, былъ избранъ предсѣдатель на этотъ вечеръ; это маленькій старичокъ изъ околотка; онъ сѣлъ на платформѣ у стола, на которомъ, какъ призывъ къ порядку, лежали часы миссъ Adams, и сказалъ насмѣшливымъ тономъ обращаясь къ собранію: «Намъ

сообщаютъ, что среди насъ находится сегодня высокообразованное лицо, знаменитый профессоръ; мы не сомнѣваемся, что онъ насъ просвѣтитъ и въ то же время позабавитъ».

Иронію замѣтили на нѣсколькихъ скамьяхъ. Горькія или зловѣщія улыбки пробѣжали по многимъ лицамъ, потомъ воцарилось мертвое молчаніе. Это гробовое молчаніе, ничѣмъ не нарушенное, длилось цѣлый часъ,—время, назначенное для доклада. М-г Н. говорилъ о соціальныхъ задачахъ, которыя вездѣ приковываютъ къ себѣ вниманіе міра, пытаясь доказать, что было-бы несправедливо возлагать на отдѣльныя личности отвѣтственность за перемѣны, вызванныя прогрессомъ промышленности. Полный состраданія, говорилъ онъ, къ тѣмъ ошибкамъ анархизма, которыя онъ лично понимаетъ и извиняетъ, но допустить которыя не можетъ общество, онъ проситъ у рабочихъ терпѣнія, послѣдовательныхъ усилій, бережливости, такъ мало распространенной въ Америкѣ: у богатыхъ-же онъ проситъ, чтобы хоть сколько-нибудь уровнять состоянія, тѣхъ великодушныхъ жертвъ, которыя могутъ приноситься только добровольно.

Все что онъ говорилъ было очень разумно, но чувствовалось, да и самъ онъ долженъ былъ это чувствовать, что никакого тока симпатіи не пробѣгало между нимъ и его аудиторіей. Нѣсколько человѣкъ, однако, записывали на клочкахъ бумаги. Когда онъ кончилъ, старый маленькій председѣдатель, морщинистое лицо котораго напоминаетъ Вольтера, лукаво сощуривъ свои красноватыя вѣки, сказалъ тѣмъ-же рѣзкимъ тономъ, дѣлающимъ его очень забавнымъ: «Вѣдь я предсказывалъ, что насъ просвѣтятъ и доставятъ намъ развлеченіе, вы вѣдь несомнѣнно позабавились». Затѣмъ онъ предоставилъ слово одному изъ иностранцевъ, какъ мнѣ кажется цыгану, который всталъ, дрожа отъ волненія, весь блѣдный. Его нарѣчіе сначала было почти непонятно, но въ томъ, что онъ говорилъ не было ничего пошлаго, вульгарнаго, и благодаря своей сильной волѣ онъ заставилъ себя слушать. «Положимъ», сказалъ онъ «никто повидимому не виноватъ, мы никого и не обвиняемъ; но что-же дѣлать? Я, напр., былъ сапожникомъ; попробуйте предложить кому нибудь, сшить одному весь сапогъ теперь, когда нѣсколько машинъ заняты вбиваніемъ гвоздей и шитьемъ каждой отдѣльной его части! Отправляютъ на всѣ четыре стороны человѣка, который, выучившись какому-нибудь ремеслу не можетъ имъ больше кормиться. Впрочемъ вы правы, здѣсь нѣтъ пищи для мести, надо ждать. Природа возьметъ на себя уничтожить все, что дурно и безполезно. Когда вы видите пьяницу, валяющагося на улицѣ, вы знаете, что это не надолго, что это позорное существованіе скоро прекратится по винѣ того, кто его ведетъ. Хорошо! такъ и я, когда вижу проѣзжающаго въ собственной каретѣ безполезнаго человѣка, я тоже говорю о немъ и ему подобныхъ... Подождемъ!»

Я увѣрена, что ничего не прибавила къ словамъ этого страннаго человѣка, несомнѣнно читавшаго Шопенгауера,—я также записывала свои

замѣчанія. Его рука скелета, сжимавшая перекладину стоявшаго передъ нимъ стула, все еще дрожала, въ то время, какъ онъ боролся съ трудностями страннаго, не поддающагося описанію, выговора. Голова его была великолѣпна, смуглая, съ рѣзкими чертами лица, какъ у араба. Кончивъ, онъ закрылъ глаза и остановился, дрожащій, подбородкомъ опираясь на тяжело-дышащую грудь.

Послѣ него толстый блѣдный человѣкъ добродушнаго вида предложилъ, съ довѣрчивымъ выраженіемъ лица, нѣсколько вопросовъ о способахъ найти работу; это не удалось ни при помощи церкви, ни при посредствѣ бюро для оказанія помощи.

Другой, съ лицомъ темнымъ, какъ у крестьянина, но съ румянцемъ отъ водки на щекахъ, почти со смѣхомъ объявилъ, что онъ, со своей стороны, нисколько не сердится на механическія лѣсопильни, по опыту зная, какъ тяжело изъ году въ годъ работать своими руками въ лѣсу, во всякую погоду. Не мѣшаетъ прибавить, что тѣ три года, когда онъ больше всего трудился, ничего ему не дали, кромѣ пропитанія. Справедливо-ли это?

Тогда всталъ невысокій нѣмецъ, бѣшеный какъ собака готовая укусить; у него лицо моськи, вздернутый носъ, большіе глаза на выкатѣ, рыжіе волосы, гнусливый и дрожащій голосъ. «Хорошо профессорамъ и священникамъ, хорошо лѣнтяямъ учить тѣхъ, кто убивается надъ работой» воскликнулъ онъ. «Они-бы имѣли на это право только въ томъ случаѣ, если-бы жили среди насъ, бѣдствовали какъ мы. Они прекрасно знаютъ, что общество плохо устроено, что справедливость требуетъ, чтобы оно до основанія измѣнилось, по доброй волѣ или насильно; но они не хотятъ съ этимъ согласиться изъ боязни потерять свои мѣста и свои жалованія, такъ какъ они трусы, подлецы и воры». Раздражительный нѣмецъ потратилъ болѣе положенныхъ шести минутъ на брань, съ сожалѣніемъ прерванную лукавымъ предсѣдателемъ. Профессору надо было много терпѣнія. Онъ безъ возраженій выслушалъ бросаемыя ему въ лицо оскорбленія. Я удивлялась, какъ миссъ Adams допускала такое дурное обращеніе со своими гостями. Миссъ Starr, съ безпокойствомъ наклонившись къ ней на ухо, повидимому просила ее вмѣшаться; но мнѣ показалось, будто я разслышала ея отвѣтъ: «мы ихъ знаемъ, вѣдь они не такъ страшны, какъ кажутся». И она сохранила свое безпристрастное положеніе, будучи убѣждена, что предохранительный клапанъ необходимъ для всякаго гнѣва, для всѣхъ обидъ.

Къ тому-же умственный трудъ нашелъ себѣ защитниковъ.

Молодой человѣкъ, хрупкій, съ ярко-голубыми глазами ирландца, одѣтый лучше другихъ, съ цѣпочкой отъ часовъ на жилетѣ, протестовалъ противъ примѣненія эпитета «лѣнтяя» ко всякому, кто не простой чернорабочій. По его словамъ онъ лично работалъ обоими способами и находитъ, что наиболѣе трудное напряженіе—это мозговое. Онъ очень просто разсказалъ о своихъ испытаніяхъ: послѣ ряда лѣтъ крайней ну-

жды, онъ поѣхалъ въ Калифорнію и теперь завѣдуетъ значительнымъ «ranch», со многими рабочими подъ его начальствомъ. Среди послѣднихъ, многіе преуспѣваютъ, какъ преуспѣлъ и онъ самъ; но чтобы имѣть успѣхъ не достаточно только спокойно исполнять свои обязанности, этого мало по нашему времени бѣшенаго соперничества. При этомъ онъ указалъ на примѣръ двухъ своихъ подчиненныхъ юношей: одинъ былъ хорошимъ работникомъ въ томъ смыслѣ, что буквально и точно исполнялъ данную работу; за нее платили и его увольняли, когда въ немъ больше не нуждались. Другой работалъ день и ночь, превосходя своимъ рвеніемъ всякое соперничество; теперь онъ получаетъ 70 дол. т. е. 350 франк. ежемѣсячно. Заключеніе: чтобы достигнуть цѣли надо хотѣть этого, но не слабо, мягко хотѣть, какъ многіе другіе, но хотѣть упорно! Жестомъ онъ дополнилъ свою мысль. Никто не сомнѣвался, что этотъ блондинъ со стальными нервами дѣйствительно хотѣлъ,—хотѣлъ до полнаго изнуренія плоти.

Нѣсколько человѣкъ еще говорили, подчасъ тяжело и глупо; это былъ какой-то неясный лепетъ. Подъ конецъ маленькій предсѣдатель весь сгорбленный, весь морщинистый, съ бѣлыми, непокорно торчащими волосами, властнымъ голосомъ требуетъ слова. Онъ тоже хотѣлъ отвѣтить этому прекрасному профессору, который призываетъ къ бережливости тѣхъ, кто ничего не имѣетъ, убѣждаетъ работать тѣхъ, кого отталкиваютъ во всѣхъ мастерскихъ, и обнаруживаетъ такую строгость къ бродягамъ (tramps), чуть не смѣшивая ихъ съ преступниками. Бродяга! Сбереженія! Подумаешь, что все дѣло въ томъ, чтобы дойти до банка и помѣстить туда свой небольшой вкладъ.

Маленькій предсѣдатель прохаживался по эстрадѣ, держа руки въ карманахъ, пожимая плечами; но часы миссъ Adams, съ которыхъ онъ не сводилъ глазъ, заставили его остановиться; и затѣмъ послѣдующія событія показали, какъ права была хозяйка дома въ своей любимой теоріи...

Казалось, что оскорбленія, градомъ сыпавшіяся на степеннаго ученаго, выступившаго первымъ, опираясь на свой высокопочтенный санъ, зажгли въ немъ какую-то искру; его обвиняли во имя Евангелія, въ Евангеліи-же онъ въ свою очередь нашелъ оружіе для защиты, и онъ употребилъ его дружески, съ юморомъ, что измѣнило отношеніе къ нему клуба. Выпрямившись во весь свой гигантскій ростъ, онъ началъ: «Если я дурно говорилъ о бродягахъ, то и вы кажется обозвали меня подлецомъ, лѣнтяемъ и воромъ; я нахожу, что мы квиты. Я вижу только одинъ способъ продолжать бесѣду, начатую въ этомъ тонѣ: выйти съ вами на улицу и кулаками продолжать разговоръ;—но и тамъ, быть можетъ, вы оказались-бы наиболѣе сильными. Я предпочитаю лучше признать, что есть много правды въ томъ, что вы говорите; оскорбленія-же никогда не приводятъ къ цѣли, особенно когда не знаютъ человѣка, которому его наносятъ. Я могъ-бы разсказать вамъ

мою жизнь, показать вамъ, что и она была тяжела; но это безполезно. Послушайте только слѣдующее: мой отецъ былъ одновременно священникомъ и докторомъ, и хорошо справлялся съ обоими занятіями; теперь это было-бы невозможно. Докторъ долженъ очень много работать, чтобы не отстать отъ науки; ему надо спеціализироваться, выбрать ту или другую отрасль. Ни въ какой области человѣкъ не можетъ теперь, по вашему выраженію, одинъ сфабриковать цѣлый сапогъ. Надо гораздо больше упорства, чѣмъ прежде, чтобы завоевать себѣ какое-нибудь положеніе, надо сосредоточиться на одномъ предметѣ. Вотъ я напримѣръ для своего удовольствія охотно-бы занялся физическимъ трудомъ, и при моемъ здоровьѣ я не прочь былъ-бы часа два, три въ день поработать въ саду; но я не могу этого сдѣлать, потому что вы намъ поручаете образованіе вашихъ дѣтей и естественно желаете, чтобы мы всецѣло занимались своимъ дѣломъ, состоящимъ въ ихъ обученіи. Друзья мои, многое вкладывается въ уста служителей церкви, забывая, что эти клеветы почти всегда повторяются особеннымъ классомъ людей, а именно тѣми, кто никогда не бываетъ въ церкви. Они-то и приписываютъ намъ искаженіе ученія Христа. Я можетъ быть дѣйствительно слишкомъ строго отнесся къ бродягамъ, которые ничего не дѣлаютъ, чтобы добыть себѣ хлѣба и пристанище: вѣдь они тоже наши братья; но имѣя нѣсколько братьевъ, согласитесь, позволительно предпочитать того или другого; того, который идетъ по прямой дорогѣ и причиняетъ вамъ меньше непріятностей, хотя я согласенъ протянуть руку и другимъ, не забывая при случаѣ и побранить ихъ. Я знаю этотъ видъ любви, я былъ единственнымъ сыномъ въ многочисленной семьѣ, меня очень любили, что не мѣшало мнѣ получать и всѣ колотушки.» (I caught all the lickings).

При словѣ «licking» раздается смѣхъ, сопровождаемый рукоплесканіями; затѣмъ ободренные добродушіемъ профессора нѣсколько человѣкъ пошли пожать руку M-r H., который наконецъ нашелъ вѣрную ноту. Я удивилась видя среди нихъ и свирѣпаго нѣмца. Онъ долго разговаривалъ и разсуждалъ о чемъ-то съ жертвой его дерзкой выходки, которая повидимому христіански забыла всѣ примѣненныя къ ней бранныя слова.

Собраніе разошлось послѣ нѣсколькихъ словъ миссъ Starr, которая указала день слѣдующаго засѣданія и объявила, что извѣстный проповѣдникъ будетъ бесѣдовать о религіозныхъ вопросахъ съ тѣми, кого они интересуютъ; имъ разрѣшается письменно изложить свои сомнѣнія, свои личные взгляды; но она надѣется, во имя чести этого дома, что не будетъ забыто уваженіе, обязательное по отношенію къ гостямъ, являющимся сюда съ хорошими намѣреніями и въ качествѣ друзей. Затѣмъ она смѣло сдѣлала присутствующимъ нѣсколько косвенныхъ упрековъ, которые они приняли съ видомъ на половину смущеннымъ, на половину безпечнымъ. Миссъ Adams въ это время была окружена группой, которой она объясняла, что въ виду пріобрѣтенія для *Hull-House'a* большого запаса каменнаго угля, они могутъ покупать его здѣсь дешевле, чѣмъ въ розницу.

Извѣстіе пріятное при наступленіи зимы; но я думала, что была вещь еще болѣе пріятная для этихъ несчастныхъ—это доброта обращеннаго къ нимъ взгляда, взгляда страдальческаго, такъ какъ глаза Миссъ Adams, несмотря на ихъ красоту, только что подверглись мучительной операціи. Съ ранней молодости болѣзненная, она отвѣтила необычайной тратой энергіи на приговоръ врачей, говорившихъ, что она можетъ жить, только оградивъ себя отъ всякаго утомленія. И она жива, какъ-бы чудомъ, забывая о своемъ тѣлѣ; это быть можетъ самый прекрасный примѣръ той нравственной гигіены, которая теперь становится модной въ Соед. Штатахъ подъ названіемъ «Christian Science.» и о которой я буду имѣть случай говорить впослѣдствіи.

Само самою разумѣется, что Миссъ Adams членъ Женскаго клуба, подобно мистриссъ Carse, миссъ Willard и мистриссъ Logan, которую любовь къ ближнему побудила принять на себя наиболѣе отталкивающія изо всѣхъ обязанностей, а именно полицейскія. Мистриссъ Logan сдѣлалась главною матроною (matrone en chef) и благодаря этому положенію она оказываетъ массу добра. Преступники и несчастные, смѣшанные въ кучу, приводятся въ одно мѣсто; здѣсь она приступаетъ къ разбору; она заботится о бѣдныхъ дѣвушкахъ, у которыхъ осталась хоть искра нравственнаго чувства, она даетъ имъ возможность подняться; она, въ случаѣ надобности, защищаетъ на судѣ своихъ protegées, сопровождаетъ ихъ къ судьѣ, чтобы придать имъ бодрость духа; она не знаетъ ни усталости, ни отвращенія. Надо признать за подобными женщинами право на извѣстныя преимущества, такъ какъ онѣ сами берутъ на себя великія обязанности.

Меня знакомитъ съ ихъ дѣятельностью одна изъ знаменитостей Чикаго, мистриссъ Margaret Sullivan, блестящая журналистка, пишущая ежедневно передовыя статьи въ «Herald'ѣ». Она мнѣ говоритъ: «сила американскихъ женщинъ—реформаторовъ въ томъ, что онѣ лично всегда заслуживали общественное уваженіе. Ни одна изъ нихъ не предавалась эксцентричностямъ низкаго разбора, проповѣдуя напримѣръ свободную любовь или опасныя соціалистическія теоріи. Даже первыя по времени, тѣ, которыя шумѣли гораздо больше, чѣмъ это дѣлается теперь, и на которыхъ лежала печать смѣшного, ложащаяся всегда на крикуновъ, и тѣ, повторяю, были безупречны со стороны нравственности. Къ этимъ Stanton, этимъ Anthony, къ этимъ Lucy Stone, къ этимъ апостоламъ женской эмансипаціи могли сначала относиться, какъ къ сумасшедшимъ, но всегда уважали ихъ какъ порядочныхъ женщинъ. Самыя выдающіяся участницы Женскаго клуба прекрасныя жены и матери. Оттого и мужчины не находятъ причинъ противодѣйствовать движенію, во главѣ котораго онѣ стоятъ, они рукоплещутъ ихъ усиліямъ, ихъ успѣхамъ; въ тотъ день, когда женщины пожелали-бы получить полныя политическія права, мужчины ихъ семей и ихъ круга не оказали-бы этому никакого противодѣйствія; ихъ удерживаетъ собственное благоразуміе».

Мистриссъ Sullivan говорила мнѣ все это, показывая бюро, типографію, все обширное и великолѣпное помѣщеніе «Herald'a», котораго она состоитъ наиболѣе высоко оплачиваемымъ редакторомъ, а это много значитъ. Еще три женщины постоянно сотрудничаютъ въ этой газетѣ; мнѣ доставила большое удовольствіе бесѣда съ одною изъ нихъ, мистриссъ Mary Abbot, на которой лежитъ чисто литературная часть, критика и смѣсь.

Вы видите, что женщины вездѣ въ Чикаго занимаютъ видное положеніе. Среди именъ организаторовъ всемірной ярмарки ничье, быть можетъ, чаще не упоминалось, какъ имя мистриссъ Potter Palmer; точно также колумбійскую оду въ честь четырехсотой годовщины открытія Америки, сказанную 21 октября 1892 г. въ день освященія Дворца свободныхъ искусствъ, поручено было написать молодой дѣвушкѣ, прелестному поэту съ лицомъ музы, миссъ Harriet Monroe. Отрывки изъ оды, положенные на музыку, были исполнены хоромъ изъ 5 тысячъ голосовъ подъ аккомпаниментъ громаднаго оркестра и военной музыки.

Какъ я уже замѣтила, Чикаго соединяетъ въ себѣ всякіе контрасты, но ничто не можетъ быть неожиданнѣе царства женщинъ въ этомъ центрѣ торговли и промышленности, гдѣ съ перваго взгляда все кажется суровымъ: климатъ, окружающая атмосфера, какъ нравственная, такъ и физическая. Нигдѣ оно такъ рѣзко не выражено, хотя съ сѣвера до юга и съ востока до запада вездѣ раздается парафразъ словъ Милля, такъ краснорѣчиво разработанный мистриссъ Maud Howe Elliot, по случаю всемірной выставки: «Часъ женщинъ насталъ!» Онъ насталъ дѣйствительно въ Соединенныхъ Штатахъ, на что мужчины рыцарски дали свое согласіе.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

А. Критика.

Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы. Составленъ по порученію с.-петербургскаго комитета грамотности, спеціальною (?) комиссіей. *Отдѣлъ по родному языку* (обученіе грамотѣ, грамматика и литература). Изданіе второе, исправленное и значительно дополненное. Спб. 1895 г. Цѣна 1 р. 416 столбцовъ.

«Обѣщаннаго три года ждутъ», говоритъ пословица. Мы-же ожидали обѣщаннаго «спеціальною (?) комиссіей» 7 лѣтъ. Сколько разъ въ теченіе этого времени видѣли мы въ газетахъ извѣщенія о томъ, что, по заявленію предсѣдателя этой «спеціальной (?) комиссіи» въ засѣданіяхъ комитета грамотности, къ печатанію «Систематическаго обзора» уже приступлено. И вотъ наконецъ дождались,—такъ что, если-бы было чему порадоваться, мы-бы очень порадовались. Однако первый выпускъ «Обзора» заставляетъ не столько радоваться, сколько печалиться, такъ-какъ предвѣщаетъ онъ мало добраго.

Прежде всего, кому попало въ завѣдываніе это отвѣтственное и, по замыслу своему, въ высшей степени серьезное изданіе? Г-ну Я. Т. Михайловскому—тому самому, который много лѣтъ подъ рядъ сушилъ, губилъ живое, просвѣтительное дѣло комитета грамотности, и отъ котораго послѣдній еле-еле, съ большими усиліями, отдѣлался наконецъ. Но кто такой этотъ г. Михайловскій? Что сдѣлалъ онъ для народнаго образованія, для литературы, чтобы ему стоять во главѣ обширнѣйшаго изданія, обозрѣвающаго *всю педагогическую литературу?* Кромѣ того, что онъ, будучи предсѣдателемъ комитета грамотности, издавалъ для народа (*для нашего-то народа!*) книжки по двугривенному, да написалъ нѣсколько предисловій къ чужимъ книгамъ,—ничего объ немъ сказать нельзя, ничѣмъ онъ не заявилъ себя ни въ литературѣ, ни въ педагогіи. Это одинъ изъ тѣхъ дѣятелей, которые прячутся за чужую спину, когда надо приниматься за дѣло, а когда дѣло уже сдѣлано, выскакиваютъ впередъ и

вопять: «Это я редакторъ! Это я! Мы начали!» Нечего дивиться тому, что г. Михайловскій былъ главнымъ редакторомъ комитетскаго «Обзора», состоя предсѣдателемъ комитета грамотности; но нельзя не подивиться тому, что новый комитетъ грамотности, избавившись отъ г. Михайловскаго, какъ отъ предсѣдателя комитета, не лишилъ его предсѣдательства въ комиссіи по составленію «Систематическаго обзора». Излишняя, ненужная и даже вредная деликатность! Для такого дѣла нуженъ человѣкъ, который стоялъ-бы близко къ народному образованію и къ самому народу, который зналъ-бы литературу, могущую служить на пользу народной школѣ и вообще народному просвѣщенію: тутъ нуженъ человѣкъ, который не только зналъ-бы, но и любилъ-бы народъ. А г. Михайловскій, во время своего многолѣтняго предсѣдательства въ комитетѣ грамотности, былъ безжизненъ, не вносилъ никакого живого интереса въ дѣло комитета, которое только и оживилось съ того счастливаго для него дня, когда г. Михайловскаго тамъ не стало.

Мы остановились такъ долго на личности и на дѣятельности г. Михайловскаго не потому, чтобъ онъ интересовалъ насъ своею особою, но потому, что придаемъ особенное значеніе выбору лица, берущаго на себя руководительство въ столь важномъ, сложномъ, отвѣтственномъ дѣлѣ, какъ составленіе критическаго указателя литературы для народа. Предъ глазами у насъ недавній и, навѣрно, надолго живой примѣръ г-жи Алчевской, подъ редакціей которой цѣлая группа учительницъ харьковской воскресной школы составила во многихъ отношеніяхъ замѣчательную книгу «Что читать народу?» Пусть эта книга также во многихъ отношеніяхъ несовершенна, пусть она зачастую представляется наивною, пусть она даетъ много матеріала для несогласій и возраженій,—но какое-же живое дѣло не даетъ матеріала для таковыхъ? Во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать того, что харьковскія учительницы имѣютъ *свой собственный критерій*, выработали свой методъ провѣрки впечатлѣній, производимыхъ книгою на народнаго читателя. Должно согласиться и съ тѣмъ, что это вполнѣ цѣльный трудъ, капитальная работа людей, близко стоящихъ къ народу, понимающихъ, знающихъ и любящихъ его. Это работа въ высшей степени жизненная, дающая понятіе не только о томъ, что, по мнѣнію составительницъ, нужно читать народу, но и какъ понимаетъ народъ читаемое,— дающая, такъ сказать, цѣлую картину умственнаго развитія, нравственныхъ взглядовъ, настроеній и вожделѣній нашего народа. И можно сказать съ полною увѣренностью—сказать притомъ безошибочно, что если бы во главѣ составительницъ книги «Что читать народу?» поставить не г-жу Алчевскую, столь близкую къ народной школѣ, а г. Михайловскаго, ничего общаго съ таковою не имѣющаго, то получилась-бы сушь, безжизненность и скука... Это доказываетъ первый выпускъ жданнаго семь лѣтъ «Систематическаго обзора».

Подобравъ себѣ спеціалистовъ (не потому-ли онъ эту комиссію называетъ «спеціальною?») и спрятавшись за ихъ спинами, г. Михайлов-

скій самъ ничего не даетъ въ «Обзоръ», кромѣ одной плохой рецензіи (стр. 389), но не забываетъ выскочить съ предисловіемъ, въ которомъ заявляетъ, что и онъ тоже пахалъ (семь лѣтъ пахалъ!) По той рецензіи, которую онъ самъ даетъ на стр. 389, легко судить, что можетъ дать г. Михайловскій, когда онъ наконецъ самъ примется «пахать». Онъ взялся въ сжатомъ очеркѣ, всего на трехъ столбцахъ, охарактеризовать одно изъ лучшихъ современныхъ изданій.

Таковъ г. Михайловскій. какъ авторъ рецензій. Посмотримъ его теперь, какъ редактора. Спрятавшись за спины гг. Миропольскаго, Острогорскаго и Познякова, составившихъ первый выпускъ «Обзора» (отдѣлъ по родному языку) и вкупѣ съ нѣсколькими сотрудниками (В. Сорокинымъ, Н. Леонтьевой и Е. Чебышевой-Дмитріевой) разсмотрѣвшихъ 1002 изданія,—г. Михайловскій рѣшительно ничего не сдѣлалъ для редакціи. Первый отдѣлъ указателя выпущенъ небрежно, не говоря уже о томъ, что онъ изобличаетъ въ своемъ «главномъ» редакторѣ человѣка, не имѣющаго понятія о томъ, что такое значитъ библіографическій указатель. Особенно удивляетъ своею небрежностью отдѣлъ «Обученіе грамотѣ», составленный г. Миропольскимъ. Ни составитель, ни «главный» редакторъ не позаботились провѣрить то, что они рекомендуютъ для народной школы: то, что было напечатано въ первомъ изданіи «Обзора» 1878 года, перепечатано и въ изданіи 1895 года *безъ измѣненій*. Такъ, напримѣръ, книжки Ушинскаго, Паульсона, Бунакова и др. рекомендуются въ изданіяхъ 60-хъ и 70-хъ годовъ, тогда какъ за эти 30—20 лѣтъ онѣ успѣли сдѣлать по нѣскольку десятковъ изданій, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ къ настоящему времени совершенно переработаны своими составителями. Затѣмъ, книгъ за послѣднее 20-лѣтіе разобрано вообще очень мало; за 1893 годъ—всего только одна (и то рецензія эта принадлежитъ не г. Миропольскому); а за 1894 годъ—не разобрано ни одной книги. Очевидно, г. Миропольскій за послѣднее время поотсталъ отъ педагогической литературы, въ которой онъ когда-то былъ весьма свѣдущъ и не даромъ считался большимъ ея знатокомъ; а г. «главный» редакторъ не сумѣлъ поправить ошибокъ и пополнить пробѣловъ, надѣланныхъ г. Миропольскимъ, и предоставляетъ своимъ читателямъ выписывать «Родное Слово» Ушинскаго въ изданіи 1871 года, тогда какъ оно послѣ того выходило въ свѣтъ нѣсколько десятковъ разъ. Словомъ, неполнота, незнаніе литературы, небрежность и недобросовѣстность — все сказалось въ отдѣлѣ «Обученіе грамотѣ» въ полной мѣрѣ, и жаль становится того бѣдняка народнаго учителя, который, польстившись на громкое педагогическое имя г. Миропольскаго, потратитъ свой, потомъ и кровью доставшійся ему, рубль на покупку этой книги къ свѣдѣнію и руководству себѣ.

Второй отдѣлъ этого выпуска—«Грамматика и литература»—составленный гг. Острогорскимъ и Позняковымъ, не носитъ въ себѣ признаковъ только-что отмѣченной недобросовѣстности. Онъ состоитъ изъ ру-

ководящей статьи г. Острогорскаго, вошедшей сюда изъ стараго изданія «Обзора» и относящейся къ тому времени дѣятельности автора, когда онъ только еще входилъ въ расцвѣтъ своей педагогической извѣстности и когда еще не писалъ на спѣхъ книжку за книжкой. Статья эта положительно недурна, указывая на великое значеніе народнаго учителя, этого миссіонера народнаго просвѣщенія, на необходимость для него обширнаго по возможности образованія, и на ту роль, которую для него должно имѣть преимущественно образованіе литературное. Соотвѣтственно этой мысли, мы находимъ ниже подъ-отдѣлъ, разсматривающій множество книгъ, которыя могутъ пополнить и расширить литературную эрудицію учителя. Надо думать и вѣрить, что, если для большинства нашихъ народныхъ учителей эта мысль представляетъ пока еще только pium desiderium, то въ основѣ своей она все-таки глубоко вѣрна, и настанетъ-же когда-нибудь время, когда ей суждено будетъ осуществиться въ жизни.

Большинство рецензій въ отдѣлѣ «Грамматика и литература» принадлежитъ г. Познякову, печатавшему свои обозрѣнія народной и дѣтской литературы въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Образованіи», «Русской Школѣ» и другихъ журналахъ. Всего въ этомъ отдѣлѣ разобрано болѣе 900 изданій; онъ представляется довольно полнымъ, провѣреннымъ, хотя и здѣсь нѣтъ-нѣтъ да и встрѣтится пробѣлъ, который способенъ подивить читателя... Такъ, напримѣръ, при разборѣ разсказовъ покойнаго В. М. Гаршина разсмотрѣны: «Сигналъ», «Медвѣди», «Четыре дня», но почему-то не разобраны: «Записки рядового Иванова», также давно уже имѣющіяся въ дешевомъ изданіи. Не можетъ быть, чтобъ г. Познякову не былъ извѣстенъ этотъ, положительно лучшій изъ военныхъ разсказовъ Гаршина, — тѣмъ болѣе, что при своемъ первоначальномъ появленіи разсказъ этотъ былъ отмѣченъ г. Позняковымъ въ журналѣ «Иллюстрированный Міръ». Значитъ, и здѣсь нужно обратиться за объясненіемъ къ «главному» редактору.

Не скажетъ-ли намъ кстати г. «главный» редакторъ, почему въ систематизаціи библіографическаго матеріала замѣчается нерѣдко путаница? Напр., сказки Пушкина и Жуковскаго выдѣлены изъ рубрики сказокъ и отнесены къ собраніямъ сочиненій этихъ поэтовъ, а «Шинель» Гоголя не выдѣлена изъ рубрики мелкихъ повѣстей и разсказовъ и не отнесена къ собранію сочиненій Гоголя...

Не объяснитъ-ли намъ г. «главный» редакторъ, почему въ оглавленіи не упомянуты многія изъ разобранныхъ книгъ (напр.: біографія Вашингтона, Франклина, Колумба, Гладстона), и почему онѣ не введены въ общую нумерацію разсмотрѣнныхъ изданій, а значатся подъ какими-то буковками?

Не объяснитъ-ли намъ г. «главный» редакторъ, почему первый выпускъ не снабженъ ни алфавитомъ именъ авторовъ разсмотрѣнныхъ книгъ, ни указателями, столь нужными въ каждомъ справочномъ библіографическомъ изданіи? Или это не нужно, по его мнѣнію? Или будетъ

дадъ общій алфавитъ, когда выйдутъ всѣ обѣщанные 14 отдѣловъ? Въ такомъ случаѣ, лицамъ, купившимъ теперь первый выпускъ, придется, можетъ быть, ждать справочнаго алфавита къ нему еще лѣтъ 7 или только 3?

Да, плохо, «коль пироги начнетъ печи»... И можно только пожалѣть о томъ, что комитетъ грамотности, довѣривъ это важное дѣло во всякомъ случаѣ не «художнику», дастъ (такъ какъ предвидится выходъ еще 13 выпусковъ) изданіе, которое, кромѣ упрека ему, ничего собою не вызоветъ: грубое невѣжество, съ которымъ пропущенъ въ свѣтъ отдѣлъ г. Миропольскаго, дастъ полную гарантію въ томъ, что все дальнѣйшее будетъ ягодками къ этимъ цвѣточкамъ.

Б. Библіографія.

I. ЛИТЕРАТУРА. КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ И ДЛЯ НАРОДА.

Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка. Составленъ подъ редакціей *А. Н. Чудинова*. Матеріалы для лексической разработки заимствованныхъ словъ въ русской литературной рѣчи. Изданіе книгопродавца В. И. Губинскаго. Спб. 1894. Ц. 3 р. 50 к. Стр. IV, 989.

Г. Чудиновъ очень скроменъ: онъ самъ признается въ предисловіи къ своему словарю, что трудъ его, въ настоящемъ своемъ видѣ, представляетъ лишь сводъ сырого словарнаго матеріала, требующій еще тщательной детальной разработки въ будущемъ и въ настоящемъ изданіи лишь до нѣкоторой степени упорядоченный противъ существующихъ подобныхъ словарей Михельсона, Мартыновскаго и др. Онъ настолько скроменъ, что даже признается, что разныя обстоятельства не соотвѣтствовали выполненію имъ столь кропотливаго, громаднаго дѣла (Въ такомъ случаѣ зачѣмъ и браться за него?). Самъ онъ называетъ свой словарь лишь *Опытомъ словаря* и признаетъ его трудомъ *крайне еще несовершеннымъ*. Поэтому онъ, какъ охрипшій пѣвецъ, проситъ у публики снисхожденія. Хорошо, что онъ выступаетъ, протягивая къ публикѣ ручку. Сжалившись надъ нимъ, можно, пожалуй, простить ему этотъ крупный грѣхъ, расплывшійся на тысячѣ страницъ, но простить съ условіемъ, чтобъ онъ скорѣе принялся за пересмотръ и исправленіе этого расползшагося грѣха. Можно пожелать ему также, чтобы обстоятельства сложились для него благополучнѣе и дали-бы ему наконецъ возможность заняться тѣмъ, за что онъ берется. Тогда, при способностяхъ г. Чудинова, небезызвѣстнаго въ литературѣ и филологіи, можетъ получиться трудъ, не лишенный значенія для публики и для науки. Пока-же, гдѣ ни развернешь словарь, на какую страницу ни заглянешь, — вездѣ встрѣчаешь неточность, неясность, недосказанность, а часто и излишество, все плоды спѣшности, отсутствія настоящей редакціи и присутствія какихъ-то «другихъ обстоятельствъ», не давшихъ г. Чудинову заняться своимъ дѣломъ добросовѣстно. Возьмемъ кое-что наудачу:

Аристонъ — музыкальный механическій ящикъ (А не инструментъ?).

Ариѳметика — наука, имѣющая своимъ предметомъ числа (какъ-будто нѣтъ больше наукъ, имѣющихъ своимъ предметомъ числа?).

Pontifex maximus — верховный жрецъ (у кого? у индусовъ? у грековъ? у римлянъ—неизвѣстно).

Аполлонъ Бельведерскій — въ переносномъ смыслѣ, молодой, стройный, красивый мужчина. (Обязательно-ли понимать такъ?).

Буксировать—вести суда на веревкѣ или на цѣпи. (Попробуйте-ка пятокъ барокъ пробуксировать *на веревкѣ*!).

Гавотъ — французскій танецъ; *полька* танецъ въ 2/4 такта; *вальсъ*—родъ танца. (Гавотъ и полька—танцы, а вальсъ — только *родъ* танца?).

Къ чему-то въ словарѣ г. Чудинова дано множество словъ, вовсе не вошедшихъ въ русскій языкъ, напр.: Salpinx, Saltarelli, Saltarello, Saltation, Sanctus... Это—совершенно ненужное излишество.

Однако, при отсутствіи у насъ сколько-нибудь сносныхъ словарей иностранныхъ словъ, книга г. Чудинова является, на безрыбьи—лучшею.

Полный русскій орѳографическій словарь. Настольная книга для всякаго пишущаго по-русски. Составилъ по «Русскому правописанію» академика Я. К. Гро-

та *И. Я. Ромашкевичъ*, преподаватель одесской 3-ей гимназіи. Изданіе 3-е, исправленное, дополненное и вновь обработанное, книгопродавца В. И. Губинскаго. Спб. 1895. Ц. 1 р. Стр. 252.

Послѣ этого самонадѣяннаго крикливаго заглавія и малограмотнаго предисловія, пересыпаннаго кстати и некстати латинскими пословицами и поговорками, въ которомъ авторъ объясняетъ, что его девизъ — традиція и что самый лучшій способъ правописанія есть традиціонный, — г. Ромашкевичъ даетъ удивительную, въ своемъ родѣ единственную книгу, гдѣ ороографія будтобы примѣнена къ «Русскому Правописанію» академика Грота (какая-же тутъ традиція?) и гдѣ безграмотность автора сказалась въ полной мѣрѣ. Автору мало того русскаго языка, который существуетъ на свѣтѣ, онъ выдумываетъ *свой* собственный русскій языкъ... и ахъ! что это за языкъ! Стараясь быть полнымъ, онъ вставляетъ въ словарь множество словъ сомнительнаго, даже невозможнаго происхожденія, собственнаго производства. *Перепханіе*, *перепхаться*, пещерочка, *пещерочечка*, печурка, печурочка, *пещурочечка*, ребеночекъ, *ребеночечекъ*, солдатикъ, *солдатичекъ*, Ѳеодосій—*Ѳаня*, *Ѳанечка*, *Ѳанька*... И все въ такомъ же безбожномъ родѣ. Однако, встрѣчаются въ этомъ-же словарѣ и отступленія отъ общепринятыхъ имъ излишествъ; такъ, находимъ рядомъ излишество (штофъ, штофикъ, штофичекъ, штофичечекъ) и отсутствіе таковаго: почему, напр.: въ словахъ «штрафъ» и «штрихъ» нѣтъ суффиксированныхъ такимъ-же образомъ словъ—«штрафикъ», «штрихикъ», «штрафичекъ», «штрихичекъ», «штрафичечекъ», «штрихичечекъ»? Это, воля ваша, г. Ромашкевичъ, непослѣдовательно! это—большое упущеніе

И при чемъ тутъ Гротъ? Вотъ имя, которое теперь треплютъ всѣ безграмотные составители учебниковъ и руководствъ, чтобы прикрыть свое убожество и свалить свои ошибки на кого-нибудь, обладающаго авторитетнымъ именемъ (не диво послѣ этого установившееся въ публикѣ мнѣніе, «будто Гротъ напуталъ»). Можно, право, пожалѣть добродушнаго и довѣрчиваго издателя, потратившагося на изданіе этой чепухи.

Маруся. Повѣсть *Г. Ѳ. Квитко-Основьяненко*. С.-Петербургъ. Изданіе А. С. Суворина. Дешевая библіотека. Цѣна 15 к.

Квитко-Основьяненко былъ писатель съ несомнѣннымъ талантомъ, его «Панъ Халявскій» заставитъ и теперь смѣяться самаго хмураго человѣка, и народные издатели не сдѣлаютъ ошибки, если внимательно перечтутъ его произведенія и выберутъ изъ нихъ наиболѣе подходящія для народа. Повѣсть Маруся, выбранная г. Суворинымъ, врядъ-ли понравится интеллигентному читателю. По всей вѣроятности, она покажется скучной, слащавой, сентиментальной. Но читатель изъ народа найдетъ въ ней несомнѣнныя достоинства, оцѣнитъ теплоту душевную и вѣрное изображеніе быта. «Жалостная книжка», — такъ выразитъ свое мнѣніе читатель изъ народа и успѣхъ книжки обезпеченъ. Никольскій рынокъ выпускаетъ ежегодно такое огромное количество кровопролитныхъ произведеній, что повѣсть и слишкомъ сентиментальная является только вполнѣ умѣстнымъ противоядіемъ. Издана книжка вполнѣ прилично, но цѣна для «Дешевой Библіотеки» могла бы быть подешевле.

Эдуардъ Лабулэ. **Голубыя сказки.** Перевелъ съ французскаго Николай Гарвей. Съ 150 рисунками. Изданіе А. Ф. Девріена. Спб. 1894. Ц. 3 р. Стр. 343.

Переводъ сказокъ Лабулэ, хорошо выполненный г. Гарвеемъ, представляетъ собою интересное явленіе въ нашей литературѣ и заслуживаетъ вниманія критики. Сказки идейны, полны смысла и фантазіи, хотя послѣдняя не всегда отличается легкостью и производитъ подъ-часъ впечатлѣніе искусственно-придуманныхъ и нагроможденныхъ другъ на друга образовъ. Сказка вообще для дѣтей хороша, и никто теперь, кажется, не станетъ отрицать ея педагогическаго значенія; но нельзя держать ребенка цѣлыми часами въ области невозможнаго и несбыточнаго: при такомъ условіи сказка прямо вредна для молодого воображенія. А такого именно рода произведенія и представляютъ собою *Голубыя сказки* Лабулэ. Однако, не столько какъ педагогическая книга, сколько какъ общелитературная, этотъ сборникъ оригиналенъ и интересенъ. Въ немъ нѣтъ этой мрачности, которая такъ удручаетъ читателя русскихъ сказокъ позднѣйшаго времени. У Лабулэ много юмора, которому суждено было-бы очень смѣшить читателя, если-бы не замѣчалось въ сказкахъ растянутости, а въ фантазіи автора нѣкоторой несдержанности. Такъ, первыя 5 сказокъ занимаютъ въ книгѣ 287 страницъ, и однако содержаніе, глубина сказокъ не оправдываетъ такого размѣра, который мѣстами наконецъ докучаетъ читателю. Во всякомъ случаѣ, сказки Лабулэ, повторяемъ, идейны, гуманны, добродушны. Его злодѣи, его гордецы и дураки не платятся жизнью за свои проступки, но послѣ недолгихъ, большею частью смѣшныхъ продѣлокъ надъ ними, исправляются Вообще авторъ является не столько карающимъ судьей и моралистомъ, сколько добродушнымъ юмористомъ и другомъ людей.

Малорусскія сказки (бытовыя). Москва. 1895 г. Изданіе книжнаго склада *П. К. Прянишникова.*

Книжный складъ П. К. Прянишникова очень недавно началъ издавать книжки спеціально для народа. но, къ сожалѣнію, на первыхъ же порахъ не видно особой тщательности въ выборѣ изданій. Малорусскія

сказки, изданныя имъ, да еще подъ названіемъ бытовыхъ, не представляютъ никакихъ характерныхъ малороссійскихъ чертъ. Малорусская народная литература богата сказками, богата юморомъ и черты, рисующія бытъ и понятія народа, разсыпаны въ ней щедрою рукою. Изъ этой сокровищницы можно выбрать много цѣнныхъ вещей и возвратить ихъ народу, создавшему эти сказки, въ видѣ дешевой книжки. Сказки же, изданныя магазиномъ Пряишникова ничуть не лучше самыхъ заурядныхъ произведеній Никольскаго рынка, а это очень жаль, такъ какъ въ другихъ изданіяхъ этой фирмы чувствуется рука человѣка преданнаго своему дѣлу, не торгаша, а просвѣтителя.

Путешествіе по Туркестану Н. А. Сѣверцова и А. П. Федченки. Изложено по подлиннымъ сочиненіямъ путешественниковъ *М. А. Лялиной.* Съ 81 рисунками и картой. Изданіе А. Ф. Девріена. Спб. 1894. Ц. 2 р. 50 к. Стр. 267.

Эту книгу одинаково безошибочно можно отнести и въ отдѣлъ географіи и въ отдѣлъ педагогіи. Дѣти старшаго возраста и юноши найдутъ въ ней много интереснаго и полезнаго. Это именно то, что называется *серьезнымъ* чтеніемъ для юношества и на чемъ можетъ развиваться вкусъ къ научнымъ интересамъ. Содержаніе книги достаточно опредѣляется ея заглавіемъ, но мы можемъ еще прибавить, что къ описаніямъ путешествій Сѣверцова и Федченки присоединены и біографіи этихъ двухъ ученыхъ изслѣдователей, полныя живого интереса и назидательности. Внѣшность изданія, обиліе хорошихъ рисунковъ, печать, бумага, шрифтъ не оставляютъ желать ничего лучшаго. Къ этому мы можемъ напомнить, что настоящая книга представляетъ собою третій выпускъ чрезвычайно интереснаго и содержательнаго изданія, предпринятаго г. Девріеномъ подъ общимъ заглавіемъ *Русскіе путешественники-изслѣдователи* (вып. 1-й *Путешествіе Н. М. Пржевальскаго*, ц. 2 р.; вып. 2-й—*Русскіе мореплаватели арктическіе и кругосвѣтные*, ц. 3 р. 50 к.).

По средней Азіи. Записки художника *Л. Е. Дмитріева-Кавказскаго.* Съ 199 рисунками автора. Изданіе А. Ф. Девріена. Спб. 1894. Ц. 5 руб. Стр. 115 in 4⁰.

Можно смѣло сказать, что это самое роскошное изъ многочисленныхъ изданій г. Девріена. Извѣстный художникъ, путешествуя по средней Азіи и записывая свои наблюденія и впечатлѣнія, записалъ таковыя въ свою записную книгу не только въ видѣ описаній, но и въ видѣ рисунковъ. Получился богатый альбомъ талантливыхъ эскизовъ, гдѣ читателю дается наглядное и въ высшей степени пріятное для глаза представленіе о мѣстной природѣ и мѣстномъ бытѣ. Даже безъ текста такой альбомъ имѣлъ-бы значеніе; но художникъ оказался и талантливымъ литераторомъ: текстъ его книги дышитъ живыми впечатлѣніями и правдой. Видно, что авторъ умѣетъ наблюдать и разбираться въ своихъ наблюденіяхъ, обходя мелочи и вообще неинтересное для посторонняго слушателя. Его книга была-бы очень пригодна для подарковъ въ семьяхъ и наградъ въ школѣ, если-бы не страница 38-я, совершенно невозможная въ дѣтской и юношеской библіотекѣ (описаніе—правда, очень живое и характерное—восточныхъ мальчиковъ, ихъ пляски и ихъ позорной роли для взрослыхъ мужчинъ). Право, книга ничуть не потеряла-бы, если-бы авторъ не включилъ сюда этой грязной страницы. Издателю слѣдуетъ теперь-же, пока книга еще вновѣ и не получила распространенія, изъять эту неудобную страницу и такимъ образомъ сдѣлать свое прекрасное изданіе доступнымъ и для школы.

Біографіи знаменитыхъ людей. Изданіе *Ф. А. Іогансона.* Кіевъ и Харьковъ. 1893—1894

Г. Іогансонъ выпускаетъ біографіи въ кукольномъ изданіи. Біографіи составляетъ ему какой-то г. Миляевъ, Василій Евгеніевичъ, умоляющій присылать ему для оживленія его очерковъ еще біографическія стихотворенія, которыя онъ помѣщаетъ въ концѣ каждой книжки. Такимъ образомъ, Василій Евгеніевичъ является и составителемъ и редакторомъ этой біографической библіотеки. Самъ онъ пишетъ чудеснымъ слогомъ («вернулся обратно» и т. под.); сотрудники-же, біографическіе стихотворцы, помѣщаютъ у него удивительные стихи, напр.:

«Онъ зналъ, что тотъ прелатъ, карающій пророкъ,
«Развратникъ и ханжа: онъ здѣсь клеймилъ проклятьемъ
«Блудодѣянія растлившій насъ порокъ,
«Какъ добрый пастырь, звалъ упасть передъ распятьемъ:
«Но Боже правый!—самъ безъ мѣры, безъ границъ
«Тайкомъ развратничалъ, и часто ночью въ кельѣ
«Не вздохи слышались, а пѣсни и веселье:
«То онъ, святой прелатъ, ласкалъ своихъ блудницъ»...

«И къ чему разсказывать эдакое на ночь?» воскликнемъ мы опять вмѣстѣ съ Пульхеріей Ивановной

Ручеекъ. Разсказы для дѣтей изъ естественной исторіи и дѣтской жизни *А. Б. Хвольсонъ.* Съ 60 рисунками. М. Михайлова и др. 2-е просмотрѣнное изданіе А. Ф. Девріена. Спб. 1894. Ц. 2 р. 25 к. Стр. 257.

Изданіе такое же, какъ и предыдущее, но почему-то дороже того. По содержанію, книга значительно слабѣе. Идеи въ ней нѣтъ, на что указываетъ уже само ея заглавіе: разсказы *изъ естественной исторіи и дѣтской жизни.* Почему соединились тутъ естественная исторія и дѣтская жизнь и что между ними есть общаго не явствуетъ

и изъ самой книжки, представляющей необъединенное ничѣмъ собраніе случайныхъ разсказцевъ При этомъ тѣ разсказы, которые взяты изъ дѣтской жизни, удачнѣе—(видно, авторъ съ нею знакомъ), а тѣ, которые претендуютъ на естественно-историческое значеніе, гораздо ниже (очевидно, авторъ въ естествознаніи не далеко ушелъ)

Ласточкино гнѣздо и другіе разсказы для дѣтей. *О. К. Роговой*. Съ рисунками въ текстѣ. 2-е изданіе А. Ф. Девріена Спб. 1894. Ц. 2 руб., стр 241.

Въ главѣ книги стоитъ разсказъ *Ласточкино гнѣздо*, лѣтъ 15 тому назадъ удостоенный преміи фребелевскаго общества. Онъ и есть лучшій въ книгѣ. Простой по замыслу и по исполненію, доступный пониманію даже малютокъ, содержательный по тому, что разсказано въ немъ о добрыхъ чувствахъ, пробужденныхъ въ дѣтяхъ обстоятельствами, заслуживающими теплаго отношенія — разсказецъ этотъ заслоняетъ собою остальные, которые вообще недурны, педагогичны, добродушны, хотя особенными достоинствами и не блещутъ. Книга, однако, имѣетъ то несомнѣнное достоинство, что авторъ, повидимому, хорошо знаетъ своихъ читателей и постоянно умѣетъ держаться въ кругу дѣтскихъ интересовъ, такъ что сборникъ непремѣнно займетъ любого ребенка. Изящество изданія вполнѣ оправдываетъ его довольно высокую цѣну.

Читальня народной школы. Журналъ съ картинками. 1894 годъ. Выпуски VI—XII (іюнь—декабрь). Ред.-издатель *Н. Моревъ.*

Это симпатичное и полезное изданіе продолжаетъ выходить уже седьмой годъ. Каждый изъ разсматриваемыхъ выпусковъ содержитъ въ себѣ двѣ или три отдѣльныя книжки, вложенныя въ общую обложку; всѣ 7 выпусковъ составляютъ 19 книжекъ. Большинство ихъ, а именно 10 литературнаго содержанія. Два разсказа Мамина-Сибиряка «Кормилецъ» и «Вольный человѣкъ Яшка» представляютъ живо набросанныя картинки пріуральской жизни, столь хорошо извѣстной автору. Двѣ книжки отведены въ этихъ выпускахъ и польскимъ беллетристамъ: здѣсь мы находимъ разсказъ Болеслава Пруса «Михайло-простота», трогательная исторія простоватаго горемыки, попавшаго изъ своей деревни въ большой городъ,—и разсказъ «Юліанка», представляющій передѣлку разсказа Э.Оржешко. Всѣ четыре книги—грустныя исторіи обездоленнаго люда Болѣе свѣтлыя картинки даны въ передѣлкахъ иностранныхъ писателей: «Маленькая колдунья» по Ж. Занду, разсказъ немножко наивный по своей слишкомъ ясно выступающей морали, и «Малютка», быль, по Сентину, исторія милая и трогательная, но слишкомъ сентиментальная для нашего деревенскаго читателя Три книжки содержатъ въ себѣ 50 басенъ Крылова съ поясненіями и примѣчаніями. Поясненія и примѣчанія охватываютъ все, что въ избранныхъ басняхъ требуетъ разъясненія, но ихъ портитъ непріятно-балагурный тонъ составителя примѣчаній, скрывшаго свое имя подъ тремя звѣздочками; напрасно также всякое отступленіе отъ современнаго говора авторъ объясняетъ тѣмъ, что Крыловъ это сдѣлалъ для стиха или для риѳмы: не такимъ ужъ плохимъ стихотворцемъ былъ Крыловъ, какъ можно подумать по словамъ составителя примѣчаній. который, кстати сказать, отмѣчая безпрестанно неудачныя выраженія и неудачные стихи Крылова, самъ оказывается не слишкомъ грамотнымъ, когда пишетъ, напр.: «съѣла *двѣ куры*». Въ качествѣ пояснительнаго вступленія къ баснямъ Крылова, дается книжка «Пословицы, притчи и басни», составленныя П. Д. Цѣль этихъ книжекъ, по объясненію редакціи, — оживить, сдѣлать возможно поучительнымъ чтеніе басенъ съ учениками въ школѣ, внести въ школьное чтеніе басенъ большую разборчивость. Книжка «Пословицы, притчи и басни» въ значительной степени удовлетворяетъ этой цѣли; она представляетъ краткій очеркъ исторіи басни, написанный живо и интересный, но страдающій нѣкоторымъ излишнимъ многословіемъ.—4 книжки—этнографическаго характера: «Разсказы о землѣ аравійской» II. Деполовича (3 книжки),—интересные очерки жизни арабовъ и «Арапы», Д. А. Коропчевскаго, немногословный, но достаточно полный и занимательный разсказъ о неграхъ и африканской природѣ.—Двѣ книжки посвящены описанію жизни «благодѣтелей человѣчества»: «Житіе милостиваго мужа Ѳеодора Ртищева», гдѣ, впрочемъ, говорится не столько о Ртищевѣ, сколько о нравахъ того времени, о мѣстничествѣ, объ исправленіи книгъ, личность же самого Ртищева остается въ тѣни,—и «Счастливый уголокъ» быль, П Корсунскаго, жизнеописаніе извѣстнаго пастора Оберлина; авторъ довольно удачно передаетъ внѣшнія черты долгой и полезной трудовой жизни, но пасторъ Оберлинъ въ его изложеніи выходитъ нѣсколько безцвѣтнымъ,—не чувствуется въ этой жизни борьбы и подвига. — Жизни животныхъ посвящены двѣ книжки: «Вымирающіе богатыри», очерки жизни слоновъ на волѣ и на службѣ у человѣка, и «Муравей-чудодѣй», М. С., занимательное описаніе жизни и нравовъ муравьевъ, которые, къ сожалѣнію, слишкомъ очеловѣчены авторомъ. Въ обѣихъ этихъ книжкахъ, какъ и во многихъ другихъ, слогъ какой-то натянуто веселый, сказочный; такъ часто пишутъ для народа, — и напрасно: и дѣтямъ, и народу нуженъ простой и чистый русскій языкъ, безъ всякихъ балагурныхъ погремушекъ. — Наконецъ, одна книжка посвящена описанію быта: «Люди подземнаго міра», М. С., любопытный очеркъ работъ въ каменноугольныхъ копяхъ, трудовъ и опасностей, среди которыхъ проходитъ жизнь углекопа.—Во

всѣхъ книжкахъ много картинокъ, сдѣланныхъ недурно.

II. Естествознаніе и медицина.

Насѣкомыя, вредящія плодовымъ садамъ въ Ташкентѣ. I. Жуки. Изъ отчета, представленнаго Министерствомъ Земледѣлія и Государств. Имуществъ. Спб. Тип. Демакова. 1894.

Сильное распространеніе вредныхъ насѣкомыхъ въ садахъ Ташкента заставило мин. земледѣлія командировать туда г. Соколова. Соколовъ, извѣстный своими спеціальными энтомологическими трудами, изслѣдовалъ этихъ насѣкомыхъ, при чемъ страннымъ образомъ ему пришлось встрѣтиться посреди своеобразной туземной фауны со старыми европейскими знакомыми: оказывается, что въ Ташкентѣ наиболѣе подвержены нападенію со стороны вредныхъ насѣкомыхъ, именно привозныя плодовыя деревья, какъ-то вишневыя, сливяныя, яблоневыя и грушевыя, вытѣснившія мѣстные плохіе сорта тѣхъ-же породъ. Наоборотъ, удержавшіяся въ силу своихъ достоинствъ мѣстныя породы абрикосовъ и персиковъ—весьма мало подвергаются нападенію вредныхъ насѣкомыхъ. Всѣ эти факты становятся понятными, если допустить, что вредныя насѣкомыя ташкентскихъ садовъ завезены вмѣстѣ съ отводками изъ Европы. Авторъ даетъ описаніе изслѣдованныхъ имъ насѣкомыхъ и мѣръ борьбы съ ними.

Шелковица, какъ плодовое дерево на Кавказѣ. Составилъ *Н. Шавровъ*, завѣдывающій Кавказской шелководственной станціей. Тифлисъ. 1894. Тип. Мартиросіанца.

Шелковица, именно бѣлая, разсматривается какъ плодовое дерево, указывается примѣненіе ея плодовъ и дается таблица времени вегетаціи различныхъ породъ шелковицы вообще.

Лѣтопись зоологическихъ трудовъ общества въ первое двадцатипятилѣтіе его существованія 1863—1888). Томъ II: анатомическія и эмбріологическія работы общества. Состав. *А. Богдановымъ.* Москва. Типографія Кушнерева. 1890 г. (Изв. Общ. любит. естествознанія, антроп. и этногр., т. LIX).

Только теперь появилось это изданіе, помѣченное 1890 г. Проф. Богдановъ весьма подробно излагаетъ содержаніе работъ, напечатанныхъ въ трудахъ Общества. Изложеніе всѣхъ работъ заняло два тома in 4°, содержащее болѣе 1000 страницъ. Конечно, трудъ солидный, но зачѣмъ онъ и какая его цѣль? Для того, чтобы очертить дѣятельность общества, гораздо нужнѣе общій обзоръ, нежели изложеніе содержанія работъ; для справокъ—гораздо нужнѣе —хорошій и точный указатель. Лѣтописи въ этой формѣ мы не понимаемъ: для неспеціалиста она непонятна, а спеціалистъ – обратится всегда къ подлиннику.

Исторія Имп. русскаго общества акклиматизаціи животныхъ и растеній. (1857–90) Часть I. Исторія комитета акклиматизаціи. Составлена *Н. П. Ситовскимъ.* (Труды Имп. общ. акклиматиз. т. IV. Москва. 1890).

Опять-таки запоздалый сравнительно съ помѣткой томъ Трудовъ другого московскаго общества.

Въ каждомъ ученомъ Обществѣ имѣется рядъ пожалуй необходимыхъ, но вовсе не существенныхъ для его ученой жизни, входящихъ и исходящихъ бумагъ, удачныхъ и неудачныхъ ходатайствъ, документовъ, относящихся къ торжественнымъ встрѣчамъ, юбилейныхъ и поздравительныхъ рѣчей, произнесенныхъ по большей части ad hoc и т. п. Обыкновенно эти всѣ документы, если и печатаются, то въ сокращеніи, а иногда вовсе не печатаются. Г. Ситовскому вздумалось собрать подобные документы, накопившіеся въ архивѣ общ. акклиматизаціи, и «пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ», предать ихъ тисненію. Вышла книга въ 10—11 печатныхъ листовъ in 4-. Противъ этого, конечно, никто ничего имѣть не можетъ, особенно, если московскія ученыя общества не знаютъ, куда деньги дѣвать. Но зачѣмъ эту книгу называть исторіей? Исторію, если иногда и дѣлаютъ, то совсѣмъ не такъ.

Основное вещество протоплазмы и его видоизмѣненія жизнью. Проф. *А. Данилевскаго.* Спб. 1894. Изд. Риккера. Ц. 60 к.

Брошюра проф. Данилевскаго посвящена веществу, которое представляетъ важнѣйшую составную часть каждой клѣточки, каждаго живого существа. Съ успѣхами органической химіи это вещество, на которое еще недавно смотрѣли, какъ на вѣчную загадку, начинаетъ постепенно раскрывать ученымъ свои сокровенныя тайны. Конечно, въ настоящее время можетъ быть только намѣченъ путь къ разгадкѣ важнѣйшихъ жизненныхъ явленій.

Разбираемая брошюра представляетъ удачную попытку, сдѣланную именно въ этомъ направленіи.

Проф. Данилевскій распредѣляетъ клѣточки сообразно съ ихъ химическимъ составомъ (насколько онъ въ настоящее время извѣстенъ) и находитъ въ каждой группѣ клѣточекъ особенные характеризующіе ее *„ряды“*: химическій составъ этихъ *„рядовъ“* и ихъ различное расположеніе опредѣляютъ главнѣйшія свойства различныхъ тканей. Конечно химическая частица каждой клѣточки не остается чѣмъ-либо неподвижнымъ, а напротивъ того обнаруживаетъ способность приспособленія къ внѣшнимъ условіямъ среды. Къ сожалѣнію, условія современной жизни большею частью понижаютъ жизнеспособность этой химической частицы, а систематическое отравленіе спиртомъ, табакомъ, морфіемъ и др.

способствуетъ тому, что слѣды всѣхъ этихъ ядовъ входятъ почти какъ постоянная составная часть въ каждую бѣлковую частицу. При такихъ условіяхъ стойкость тканей понижается съ каждымъ поколѣніемъ, и получается вырожденіе со всѣми его грозными послѣдствіями.

Все сказанное изложено въ очень интересной формѣ. Желательно поэтому, чтобы кажущаяся сухость заглавія не оттолкнула читателей отъ прекраснаго труда проф. Данилевскаго.

О сомнительныхъ душевныхъ состояніяхъ передъ судомъ. *П. Г. Наумова.* Казань. 1895.

Д-ръ Наумовъ разсматриваетъ не тѣ «сомнительные» случаи, въ которыхъ юристы не соглашаются съ мнѣніемъ экспертовъ-врачей, а тѣ дѣйствительно печальные случаи, гдѣ нѣсколько экспертовъ высказываютъ противоположныя мнѣнія, что, конечно, не можетъ не подрывать довѣрія къ медицинской экспертизѣ, и даже къ самой наукѣ. Разбирая подобные случаи, авторъ доказываетъ, что разногласія эти происходятъ оттого, что одни болѣе внимательно изслѣдуютъ, другіе – менѣе. Описаніе одного больного преступника имѣетъ особенно большой судебно-медицинскій интересъ.

Врачи, призываемые въ качествѣ экспертовъ, должны помнить, что своимъ мнѣніемъ они могутъ погубить и не виновнаго человѣка и довѣріе къ своей наукѣ, и потому надо пожелать, чтобы мнѣніе экспертовъ высказывалось только послѣ тщательныхъ изслѣдованій.

Лихорадочныя заболѣванія и ихъ лѣченіе у русскаго народа. Д-ра *В. Ф. Демича.* Спб. 1894.

Настоящая брошюра является уже четвертымъ очеркомъ автора по вопросу о русской народной медицинѣ. Представляя изъ себя интересный сборникъ литературныхъ данныхъ о народной медицинѣ, очерки д-ра Демича заслуживаютъ серьезнаго вниманія не только врачей, но и общества.

Только что вышедшій выпускъ содержитъ главы о различныхъ названіяхъ лихорадки, о причинахъ и происхожденіи ея, объ уходѣ за лихорадочными больными и наконецъ о суевѣрныхъ и другихъ средствахъ, пользующихся расположеніемъ народа.

Въ общемъ получается картина въ высшей степени безотрадная. Несчастныхъ лихорадочныхъ больныхъ держатъ въ жарконатопленныхъ комнатахъ, нисколько не заботясь о чистотѣ воздуха, о діэтѣ, заставляютъ ихъ принимать всевозможныя отвратительныя вещества, а подчасъ подвергаютъ прямо варварскимъ способамъ «лѣченія», болѣе напоминающимъ пытки.

Небольшой недостатокъ брошюры состоитъ въ томъ, что авторъ видимо самъ не имѣетъ большого запаса собственныхъ наблюденій о знахарствѣ, но это не мѣшаетъ брошюрѣ представлять интересъ именно какъ сборнику литературныхъ данныхъ.

Можно смѣло предсказать, что каждый кто прочтетъ очеркъ д-ра Демича, отъ всей души пожелаетъ народу «побольше свѣта».

Отчетъ училищнаго врача *П. Ф. Михайлова* за 1893—94 уч. годъ. Москва. 1894.

Есть такъ называемыя «школьныя» болѣзни, которыми награждаетъ дѣтей школа: ненормальности въ положеніи позвоночника, близорукость, разстройства нервной и мышечной системъ, зависящія отъ переутомленія и учебной обстановки и др. Явленіе печальное, и зависитъ оно отъ того, что школьные врачи, гдѣ и есть они, поставлены въ неудовлетворительное положеніе: членами школьныхъ совѣтовъ они не состоятъ, являются въ школы рѣдко, никакого вліянія на обстановку школы не имѣютъ. Отчетъ московскаго училищнаго врача Михайлова, надзору котораго подчинены 13 думскихъ школъ, доказываетъ, что дѣятельный и преданный дѣлу врачъ и при такихъ условіяхъ можетъ кой-что сдѣлать. Но только кое-что. Общая же картина школъ въ гигіеническомъ и санитарномъ отношеніяхъ представляется печальною: пыль съ потолковъ и стѣнъ счищается дважды въ годъ; дѣти въ видѣ наказанія собираются въ училище въ праздничные дни на время отъ 10 часовъ утра, иногда до 5 ч. вечера; только въ одномъ училищѣ дѣти сидѣли за столами прямо и правильно; уроки гимнастики въ одномъ училищѣ принимали видъ истязаній, такъ что нѣкоторыхъ дѣтей въ полуобморокѣ выводили изъ строя (стр. 27), пѣніемъ занимались дѣти съ больными легкими, а уроки пѣнія продолжались до $1^1/_2$ часа; классныя доски ослѣпительно блестѣли; школьные столы подставляли дѣтямъ предательски-незамѣтные винты, о которые дѣти ушибались,—да всего въ короткихъ словахъ и не перечислить.

III. ОБЩЕСТВЕННЫЯ НАУКИ.

С. Н. Велецкій. **О мѣстныхъ органахъ сельско-хозяйственнаго управленія.** По поводу проекта министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Изданіе Полтавскаго сельскохозяйственнаго общества. Полтава. 1894 г.

Въ минувшемъ году министерство земледѣлія составило и разослало губернаторамъ и нѣкоторымъ изъ мѣстныхъ учрежденій, для обсужденія въ особыхъ совѣщаніяхъ, записку «по вопросу о мѣстныхъ органахъ сельскохозяйственнаго управленія», заключающую въ себѣ проектъ организаціи мѣстныхъ сельскохозяйственныхъ учрежденій. По этому проекту мѣстными органами министерства являются губернскіе и уѣздные сельскохозяйственные комитеты, составленные изъ представителей мѣстной админи-

страціи и 4-хъ или 2-хъ сельскихъ хозяевъ, выбранныхъ дворянскими и земскими собраніями, и особыя должностныя лица—губернскіе инспекторы сельскаго хозяйства съ подвѣдомственнымъ имъ бюро различныхъ спеціалистовъ по сельско-хозяйственной части. Большинство учрежденій, обсуждавшихъ этотъ проектъ, высказались за него съ незначительными оговорками. Немногія, и въ томъ числѣ Полтавское сельскохозяйственное общество, заключеніе котораго передъ нами, высказались противъ, указывая на то, что министерству земледѣлія вовсе незачѣмъ создавать новые органы, когда можно воспользоваться уже существующими, расширивъ соотвѣтственно ихъ компетенцію. Этими существующими учрежденіями являются окружныя управленія государственными имуществами и въ особенности—земства. Земства уже много сдѣлали для развитія сельскаго хозяйства и могли бы сдѣлать еще несравненно больше, если бы въ законодательномъ порядкѣ было дано болѣе подробное и опредѣленное указаніе правъ земскихъ учрежденій, а также и обязанность ихъ по отношенію къ сельскому хозяйству, чѣмъ нынѣшнее неопредѣленное «предоставленіе попеченія о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ». Дѣятельность же проектируемыхъ министерствомъ комитетовъ сведется почти исключительно къ опекѣ и надзору за сельскохозяйственными мѣропріятіями земствъ и такимъ образомъ обставитъ еще новыми тормазами и то немногое, что призваны теперь дѣлать земства. Очевидно, не въ бюрократизмѣ и централизаціи, а въ возможно большей децентрализаціи и въ широкомъ привлеченіи живыхъ, мѣстныхъ силъ- все спасеніе русскаго сельскаго хозяйства.

«Кто побѣдитъ въ неравномъ спорѣ» нашъ излюбленный бюрократизмъ или гонимое самоуправленіе, рѣшитъ недалекое будущее.

И. Т. Тарасовъ, проф. московскаго университета. **Учебникъ науки полицейскаго права**. Выпускъ 3. Москва. 1895 г.

Учебная литература науки полицейскаго права безусловно обогащается солиднымъ подробнымъ трудомъ проф. Тарасова. Кромѣ своего академическаго значенія, новый трудъ неутомимаго профессора имѣетъ и большой общій интересъ. Особенно этотъ только что вышедшій третій выпускъ прочтется съ интересомъ каждымъ образованнымъ человѣкомъ: здѣсь рѣчь идетъ о народномъ образованіи и о средствахъ сообщенія.

Авторъ горой стоитъ за возможно широкое распространеніе народнаго образованія и заботу о немъ считаетъ одной изъ важнѣйшихъ задачъ государства (стр. 641). Но онъ не сторонникъ обязательности школьнаго обученія. По его мнѣнію, все дѣло въ томъ, чтобъ, какъ въ нѣкоторыхъ штатахъ Сѣв. Америки, создать такія условія жизни, при которыхъ бы каждый самъ сознавалъ необходимость для себя и своихъ дѣтей полученія образованія (см. 716—721). И оглядывая то, что сдѣлали наши «мѣстныя общины»—земства для дѣла народнаго образованія, проф. Тарасовъ даетъ имъ слѣдующую лестную аппробацію: «Развитію народныхъ училищъ въ теченіе послѣдняго тридцатилѣтія безспорно огромное содѣйствіе оказано было земствомъ, содѣйствовавшимъ всесторонней разработкѣ школьнаго вопроса, учреждавшимъ и содержавшимъ школы и готовившимъ учителей и учительницъ народныхъ училищъ. Эта дѣятельность земства до того почтенна и настолько плодотворна, что она устраняетъ всякую возможность какихъ-либо упрековъ за неизбѣжныя во всякомъ новомъ дѣлѣ ошибки и временныя увлеченія, не согласованныя съ интересами дѣла» (стр. 752). Этотъ отзывъ тѣмъ болѣе цѣненъ, что авторъ принадлежитъ къ людямъ весьма и весьма умѣреннаго направленія и къ тому же является сторонникомъ церковно-приходскихъ школъ (стр. 715).

Въ заключеніе укажемъ на нѣкоторыя словечки автора, которыя насъ поразили своей неуклюжестью. Таковы: «соедвиство», «огосударствленіе», «высшеначальный», «бифуркація». Не мѣшало бы даже и въ ученомъ трудѣ болѣе щадить русскій языкъ и русское ухо.

Я. В. Абрамовъ. **Частная женская воскресная школа въ Харьковѣ и воскресныя школы вообще**. 2-е дополн. изд. Ставрополь. 1894.

Я. В. Абрамовъ уже 6 лѣтъ исполняетъ обязанности лѣтописца воскресныхъ школъ: за это время въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ имъ помѣщенъ рядъ статей о воскресныхъ школахъ и напечатаны двѣ брошюры о нихъ. Со многими воскресными школами г. Абрамовъ находится въ постоянныхъ сношеніяхъ. Большая часть разсматриваемой книжки занята разсказомъ о посѣщеніи авторомъ харьковской школы, руководимой извѣстною Х. Д. Алчевскою; здѣсь 550 учениць разнаго возраста и болѣе 100 учительниць, работающихъ безплатно и съ любовью отдающихся дѣлу,— и вся эта разношерстная толпа представляетъ дружную семью; добровольная, оживленная и радостная работа производитъ самое пріятное впечатлѣніе на посѣтителей. Было время, когда харьк. жен. воскр. школа была, по словамъ г. Абрамова, единственною представительницею этого типа школъ; но лѣтъ 12 назадъ ея примѣръ сталъ вызывать открытіе школъ и въ другихъ мѣстностяхъ. Теперь въ городахъ существуетъ, извѣстныхъ г. Абрамову, 115 воскр. школъ, созданныхъ частною иниціативою. Въ разсматриваемой книгѣ содержится не мало совѣтовъ и указаній, полезныхъ для лицъ, которыя пожелали бы открыть въ своемъ городѣ воскр. школу. Книга не безъ интереса будетъ прочтена

и всякимъ, кто интересуется судьбою этихъ учрежденій, возможно большаго распространенія которыхъ въ Россіи нельзя не пожелать: среди нашего почти поголовно безграмотнаго населенія они особенно полезны.

П. А. Тверской. **Очерки Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.** Спб. 1895.

Эти очерки печатались въ теченіе прошлаго года въ разныхъ петербургскихъ изданіяхъ Авторъ предупреждаетъ, что очерки эти писались имъ мимоходомъ, между дѣломъ; онъ не претендуетъ на обстоятельное описаніе С.-Америк. Союза, а пытается дать свои личныя впечатлѣнія. Авторъ живетъ въ Америкѣ съ 1881 г.; онъ прибылъ туда съ самыми ограниченными средствами и съ привычками изнѣженнаго русскаго барина; но чтобы жить съ семьею, надо было работать,—и десять лѣтъ напряженной работы дали автору и независимое состояніе, и большое знакомство со всѣми особенностями жизни въ Соед. Штатахъ. У американцевъ нѣтъ расовыхъ особенностей, это—не нація, а просто сборище представителей европейскихъ племенъ; но у нихъ есть особенности духа, особенности умственныя и нравственныя, которыхъ не найдешь нигдѣ въ другомъ мѣстѣ. У нихъ никто не озабоченъ «обамериканиваніемъ» инородческихъ элементовъ,—но этотъ особенный духъ сѣв.-американской жизни неотразимо подчиняетъ своему вліянію вновь прибывающихъ, и безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ сплачиваетъ разнородное сборище въ великій и славный народъ. Многое въ тамошней жизни на первыхъ порахъ странно для русскаго человѣка и вообще для европейца: самобытность легко дается гражданамъ Соед. Штатовъ, — она плодъ ихъ неустанной дѣятельности, ихъ высокой культуры и гражданской свободы... Разсматриваемая книга читается съ большимъ интересомъ. Стоитъ она дешево: 2 р. за большой томъ въ 461 стр.

Д-ръ *Ф. Л. Германъ*. **Врачебное сословіе древняго Рима.** (Культурно-историческій очеркъ). Харьковъ. 1894.

Очеркъ д-ра Германа въ высшей степени интересенъ. Бытовая картина дѣятельности римскихъ врачей нарисована имъ весьма типично.

Офиціально признанное и даже покровительствуемое государствомъ суевѣріе во всѣхъ его проявленіяхъ, спеціализація медицинской практики безъ всякой подготовки къ ней, разрѣшеніе права свободной практики любому проходимцу, не имѣющему ни знаній, ни тѣни нравственной порядочности, беззастѣнчивая реклама при помощи похвалъ со стороны многочисленныхъ учениковъ, которые конечно могли научиться у подобныхъ учителей лишь тому, что унижаетъ званіе врача, столкновенія у постели больного, доходившія до показыванія языковъ и драки (стр 26)—все это достаточно объясняетъ рѣзкіе отзывы римскихъ писателей Плинія и др. о врачахъ и медицинѣ, о которой судили по ея представителямъ.

Мы рекомендуемъ этотъ очеркъ особенному вниманію тѣхъ, кто доказывалъ грядущую пользу отъ учрежденія врачей-лиценціатовъ и роковую необходимость другихъ полумѣръ для водворенія на Руси полузнанія и получестности.

Взглядъ автора на тогдашнихъ «врачей» совершенно правиленъ. Укажемъ только на одну мелочь, довольно непріятную, хотя она и касается больше слова, чѣмъ дѣла. Д-ръ Германъ пишетъ: «Врачи составляли не сословіе или корпорацію, а какую-то шайку, поставившую себѣ *идеаломъ* (sic) наибольшій заработокъ» п т. д (29). Слово «идеалъ» очевидно должно быть замѣнено словомъ «цѣль». Не всякая цѣль можетъ быть идеаломъ, а наоборотъ идеалъ для иныхъ людей можетъ представить столь же привлекательную цѣль, какую для другихъ представляютъ земныя блага. Смѣшивать эти понятія, и даже эти слова не слѣдуетъ.

Н. Н Өирсовъ. **Политическое и финансовое значеніе колонизаціонной дѣятельности Ивана Ивановича Неплюева.** Казань. 1894

Въ рѣчи, сказанной въ день двухсотлѣтняго юбилея памяти И. И Неплюева въ обществѣ археологіи, исторіи и этнографіи при казанскомъ университетѣ, проф. Өирсовъ подводитъ итоги колонизаторской дѣятельности этого «Петра Великаго ученика». Трудная выпала ему задача. Онъ былъ посланъ Елизаветинскимъ правительствомъ насаждать государственность въ закамскій край, населенный дикими инородцами и почти не менѣе дикими и не менѣе враждебными Россіи казаками. Но Неплюевъ успѣлъ въ своей дѣятельности, слѣдуя по преимуществу политикѣ «divide et impera». Финансовыми льготами онъ сумѣлъ связать болѣе или менѣе казаковъ съ Россіей и вооружить ихъ на башкировъ, а послѣднихъ особыми мѣропріятіями поссорить съ другими инородцами и положить между ними «усобицу», которая давала ему право надѣяться, «что Россія отъ нихъ согласія навсегда можетъ быть безопасна». Для упроченія русскаго могущества онъ перенесъ Оренбургъ (основанный Кириловымъ еще при Петрѣ) на болѣе удобное мѣсто, въ центръ раскинутыхъ укрѣпленій. Онъ много помогъ развитію горнозаводской промышленности въ этомъ краѣ и тѣмъ способствовалъ какъ быстрѣйшему заселенію его, такъ и увеличенію казенныхъ доходовъ съ него. «Казна для Неплюева была гордостью, потому что въ его глазахъ она являлась олицетвореніемъ государства, его богатства и политическаго могущества. Это былъ своего рода культъ «казны», которымъ въ XVIII ст. прикрывалось много своекорыстныхъ дѣятелей,—но не къ ихъ

числу принадлежалъ Неплюевъ, беззавѣтно преданный памяти своего великаго учителя, приказывавшаго «деньги, какъ можно, сбирать, ибо онѣ суть артерія войны» (стр. 15). И въ этомъ ревностномъ служеніи казнѣ Неплюевъ въ продолженіе своего десятилѣтняго управленія Оренбургскимъ краемъ сумѣлъ увеличить государственные доходы съ него съ 5,000 до 100,000 рублей.

В. Ярмонкинъ. **Постоянная всемірная выставка въ г. Кіевѣ.** Спб. 1894 г.

Передъ нами лихой проектъ. Ничего, что Россія до сихъ поръ не видѣла и временной всемірной выставки; ничего, что болѣе культурныя государства не додумывались до устройства постоянной всемірной выставки: осуществить эту блестящую мысль призвана именно Россія. Этого требуетъ «экономическая логика», какъ своеобразно выражается г-нъ Ярмонкинъ, на стр. 19.

Всѣ хозяйственныя бѣды Россіи, всѣ ея экономическія затрудненія происходили и происходятъ исключительно потому, что она не имѣла всемірной выставки. А если ужъ устраивать таковую, то именно постоянную, ибо временныя приводятъ только къ громадной тратѣ денегъ (стр. 3 — 4). И притомъ непремѣнно въ Россіи: «за это говорить и первенствующее колоссальное ея пространство и количество ея народонаселенія и ея, наконецъ, богатства (стр. 19). А въ Россіи именно въ Кіевѣ, потому что онъ «матерь русскихъ городовъ» и «Іерусалимъ земли русской» и пр., и пр.

Для осуществленія этого неотложно необходимаго Россіи предпріятія требуется капиталъ въ 10 милліоновъ рублей. Капиталъ этотъ составляется именными паями; при чемъ сердобольный г. Ярмонкинъ запрещаетъ кому бы то ни было взять пай на сумму болѣе 5,000 руб. (стр. 26). «Всѣ желающіе записываться въ члены-учредители и дѣйствительные члены благоволятъ отсылать письменныя заявленія на имя его превосходительства кіевскаго городского головы Степана Михайловича Сольскаго» (стр. 35). Любопытно, получилъ ли какія-либо «заявленія» его превосходительство?

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Актъ благотворенія.—Слова Государя при пріемѣ депутацій.—Государственная роспись на 1895 годъ.—Экономическіе итоги съ 1881 года. — Казенная продажа вина и попечительства о народной трезвости.—Пьянство и обѣднѣніе или бѣдность и пьянство?—Новыя министерскія назначенія. — О допетровской Руси, Петрѣ I и 60 годахъ, по поводу возраженія намъ г. Суворина.—Смѣрть А. А. Абазы.—Прекращеніе газеты «Русская Жизнь».

На первомъ мѣстѣ обзора за прошлый мѣсяцъ мы должны поставить два высочайшія заявленія. Въ указѣ 13 января о ежегодномъ отпускѣ изъ государственнаго казначейства въ распоряженіе академіи наукъ 50 тысячъ рублей «на вспомоществованіе нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ, а равно ихъ вдовамъ и сиротамъ», между прочимъ сказано: «твердо уповая, что таковая поддержка, оказываемая независимо отъ воспособленій изъ средствъ нынѣ существующихъ съ тою-же цѣлью частныхъ учрежденій, дастъ названнымъ лицамъ возможность съ еще большимъ рвеніемъ посвящать свои силы на служеніе наукамъ и отечественной литературѣ, къ вящшей славѣ горячо любимой нами Россіи». Указъ поручаетъ министрамъ народнаго просвѣщенія и финансовъ и президенту академіи выработать правила относительно назначенія вспомоществованій изъ упомянутой суммы. Этотъ актъ нужно несомнѣнно разсматривать, какъ актъ благотворительности. Въ литературной средѣ, дѣйствительно, много нужды матеріальной, неговоря уже о ея потребностяхъ иного рода для сколько-нибудь успѣшнаго исполненія ея призванія.

Мы упомянули сперва объ актѣ законодательномъ, имѣющемъ исключительно благотворительное значеніе. Но въ обзорѣ событій минувшаго мѣсяца мы должны привесть фактъ большаго значенія, а именно слова, произнесенныя Государемъ при пріемѣ 17 января депутацій отъ дворянства и земства всей Россіи. Государь сказалъ: «Я радъ видѣть представителей всѣхъ сословій, съѣхавшихся для заявленія вѣрноподданническихъ чувствъ. Вѣрю искренности этихъ чувствъ, искони присущихъ каждому русскому. Но мнѣ извѣстно, что въ послѣднее время слышались въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ голоса людей увлекавшихся безсмысленными мечтаніями объ участіи представителей земства въ дѣлахъ вну-

тренняго управленія. Пусть всѣ знають, что Я, посвящая всѣ свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавія такъ-же твердо и неуклонно, какъ охранялъ его мой незабвенный, покойный родитель».

Въ тотъ день, когда эта статья сдается въ типографію, за границей уже февраль, но французы едва еще только приступаютъ къ обсужденію проекта финансовой росписи, а пока они согласятся между собой, то до утвержденія и обнародованія ея могутъ пройти и еще двѣ недѣли. То-ли дѣло у насъ: вотъ уже цѣлый рядъ лѣтъ, что утвержденный бюджетъ обнародывается аккуратно 1 января и новый годъ не является у насъ сперва какъ-бы лишеннымъ средствъ къ существованію, но сразу солиднымъ и обезпеченнымъ! Въ нынѣшней росписи есть новость. Въ ноябрьскомъ обозрѣніи, разсматривая итоги контрольнаго отчета за 1893 годъ, мы замѣтили, между прочимъ, что «ежегодно производимые расходы на сооруженіе портовъ и желѣзныхъ дорогъ не имѣютъ характера чрезвычайныхъ и что правильнѣе было-бы ихъ вносить въ обыкновенную смѣту. наравнѣ съ расходами на постройку укрѣпленій, казармъ и проч... Ясность росписей, прибавили мы, значительно-бы выиграла, если-бы въ рубрику расходовъ чрезвычайныхъ относились только какія-либо единовременныя затраты, какъ напр., на перевооруженіе и, положимъ, расходъ на столь обширное предпріятіе, какъ на сооруженіе сибирской дороги». Всѣ-же прочіе расходы этого рода, по нашей мысли, удобно могли-бы быть включаемы въ смѣту расходовъ обыкновенныхъ. Въ октябрѣ, когда мы писали ту статью, мы не могли знать, что въ новой росписи это разграниченіе уже осуществлено, отчасти еще шире чѣмъ мы предполагали, хотя отчасти менѣе строго.

Въ росписи на 1895 годъ, расходы на перевооруженіе, на улучшеніе и усиленіе желѣзныхъ дорогъ и на устройство портовъ уже отнесены къ числу обыкновенныхъ. Къ чрезвычайнымъ же расходамъ, какъ сказано въ докладѣ, сопровождающемъ роспись, могутъ относиться лишь вызываемыя войнами и крупными народными бѣдствіями уплаты на досрочное погашеніе займовъ (то и другое относится къ единовременнымъ затратамъ, о которыхъ мы говорили), расходы на сооруженіе новыхъ желѣзныхъ дорогъ, на изготовленіе въ исключительныхъ размѣрахъ подвижного состава и желѣзнодорожныхъ принадлежностей, т. е. «на такія потребности, удовлетвореніе которыхъ, способствуя развитію страны, создаетъ въ то-же время, на пользу будущихъ поколѣній, новыя доходныя предпріятія, могущія собственными своими доходами возвратить произведенныя на нихъ затраты». Сочувствуя такому направленію въ составленіи росписей, мы замѣтимъ, однако, что оно несовсѣмъ полно. Такъ, расходы по перевооруженію можно было-бы и не включать въ смѣту обыкновенную, потому что эти расходы, если даже и раздѣлены на нѣсколько лѣтъ, то — лишь до снабженія всей арміи новымъ малокалибернымъ ружьемъ, что скорѣе подходитъ къ категоріи одновременныхъ чрезвычайныхъ затратъ, чѣмъ расходовъ обыкновенныхъ, то есть свойственныхъ всѣмъ годамъ.

Зато расходы на сооруженіе новыхъ желѣзныхъ дорогъ вполнѣ могли бы быть отнесены къ обыкновеннымъ; вѣдь всегда же будетъ строиться нѣкоторое количество верстъ рельсовыхъ путей. Та отличительная черта, что расходы этого рода приносятъ съ собой новый доходъ, то есть, что они производительны, не составляетъ точной грани. Развѣ же улучшеніе земледѣлія и хотя бы досрочное погашеніе долговъ не производительны? Но какъ бы то ни-было, все таки уменьшеніе числа расходовъ, относимыхъ къ «чрезвычайнымъ», составляетъ несомнѣнный успѣхъ въ смыслѣ большей правильности росписей.

Обратимся теперь къ балансу по новой росписи. Расходовъ чрезвычайныхъ—въ томъ значеніи, какъ они опредѣлены выше, въ ней исчислено на 94¼ м. р. Изъ этой суммы до 71½ м. р. покрываются чрезвычайными доходами. Но что-такое, въ сущности, чрезвычайные доходы? Ихъ можно опредѣлить такъ: это—доходы одновременные же, случайные. Таковы вклады на вѣчное храненіе въ государственный банкъ, исчисляемые въ 2 м. р. Это есть дѣйствительный доходъ. Но остальные затѣмъ 69½ м. р., которые ассигнованы на покрытіе чрезвычайныхъ расходовъ «изъ свободной наличности государственнаго казначейства», могутъ быть названы «доходомъ» только въ смыслѣ условномъ. Свободная наличность казначейства, т. е. неиздержанныя суммы, вырученныя изъ прежнихъ займовъ и другихъ кредитныхъ операцій, конечно, должны быть когда нибудь зачислены въ доходъ. Но почему же въ доходъ 1895 года зачисляются изъ нея только 69½ м. р., а остальные 256 м. р. остаются внѣ бюджета? Отвѣтъ ясенъ—въ доходъ года заносится только такая часть изъ наличныхъ свободныхъ средствъ, какая необходима для уравновѣшенія бюджета, столько милліоновъ, сколько не достаетъ дѣйствительныхъ бюджетныхъ средствъ для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ года. Этотъ недостатокъ въ 69½ м. р. мы не назовемъ дефицитомъ, потому что отъ государства зависитъ строить въ данномъ году желѣзныхъ дорогъ на сумму большую или меньшую. Но зато нельзя не замѣтить, что этотъ доходъ въ 69½ т. р. представляется уже только счетнымъ, такъ какъ невозможно признать дѣйствительнымъ доходомъ—такой, который отъ министерства финансовъ совершенно зависѣло показать въ 69 или въ 325 мил. рублей.

Намъ кажется, что этотъ счетный пріемъ нѣсколько несогласенъ съ тѣмъ объясненіемъ доклада, что новыя правила внесли въ нашу роспись «строгую систему, отсутствующую въ бюджетахъ многихъ европейскихъ государствъ, и устраняя самую мысль о возможности какого-либо затемненія истиннаго положенія государственнаго бюджета, облегчаютъ сужденіе о степени устойчивости его равновѣсія». О «затемненіи», конечно, не можетъ быть рѣчи, такъ какъ въ самомъ же докладѣ сказано, что свободная наличность составляетъ, сверхъ заносимыхъ въ буджетъ 69½ м. р., еще 256 м. р. Но «сужденіе» о степени устойчивости баланса вовсе не облегчается чисто—счетнымъ значеніемъ столь крупной цифры показаннаго въ немъ дохода, какъ 69 м. р.

Мы видимъ, что желѣзныя дороги строятся и выкупаются на средства, добываемыя займами, и въ этомъ нѣтъ ничего неправильнаго, такъ какъ, одновременно съ увеличеніемъ государственной задолженности, возрастаетъ и государственное имущество. Но роспись выиграла бы въ ясности, если-бы балансъ чрезвычайныхъ доходовъ и расходовъ сводился отдѣльно, такъ же, какъ сводится отдѣльно балансъ доходовъ и расходовъ по вѣдомству учрежденій императрицы Маріи. А то теперь на покрытіе части чрезвычайныхъ расходовъ, которыхъ общій итогъ составляетъ 94 м. р., отнесены $22^4/_5$ м. р. изъ *обыкновенныхъ* доходовъ, а изъ свободной наличности зачтены въ чрезвычайный доходъ только $69^1/_2$ м. р., между тѣмъ, какъ 256 м. р. остались внѣ баланса. Для бо̀льшей ясности необходимо было бы, приведя въ обыкновенномъ бюджетѣ излишекъ дохода въ упомянутой цифрѣ $22^4/_5$ м. р., показать затѣмъ въ чрезвычайныхъ рессурсахъ: сверхъ 2 м. р., представляющихъ вклады въ банкъ— не $69^1/_2$ м. р., но $92^1/_4$ м. р. изъ государственной свободной наличности, а затѣмъ поставить въ балансѣ и весь остальной, затѣмъ, свободный ея остатокъ—около 233 м. р.—въ видѣ излишка чрезвычайныхъ рессурсовъ надъ чрезвычайными потребностями. Мы остановились на этомъ обстоятельствѣ по тому соображенію, что точность и полная ясность исчисленій росписи соотвѣтствуютъ самой цѣли ея обнародованія для свѣдѣнія всѣхъ, и само министерство финансовъ, какъ явствуетъ изъ словъ доклада, приведенныхъ выше, вполнѣ сознаетъ пользу такой точности и понятности, устраняющихъ мысль о «какомъ-либо затемненіи».

Отмѣтивъ тотъ результатъ, что по смѣтѣ обыкновенной оказывается излишекъ до 23 милл. р., прибавимъ, что довѣріе къ устойчивости общаго баланса за послѣдніе годы возрасло, вслѣдствіе низведенія расходовъ сверхсмѣтныхъ до цифръ малозначительныхъ. Обратимся теперь къ отдѣльнымъ статьямъ доходовъ и расходовъ на настоящій годъ. Въ таможенномъ доходѣ предвидится увеличеніе поступленій въ $18^1/_3$ м. р., въ виду оживленія внѣшней торговли и увеличенія пошлины на хлопокъ. Увеличеніе питейнаго дохода принято въ $9^4/_5$ м. р., но сумма этого дохода все-таки показана ниже его поступленія въ 1895 году, то-есть до неурожаевъ. Затѣмъ, значительно еще увеличеніе въ сахарномъ доходѣ—на $8^2/_3$ м. р. Уменьшеніе же поступленій ожидается: на $1^1/_2$ м. р. по сбору съ пассажировъ на желѣзныхъ дорогахъ, вслѣдствіе пониженія тарифа, и въ пошлинахъ съ паспортовъ—на 915 т. р., вслѣдствіе примѣненія съ начала нынѣшняго года новаго паспортнаго закона, утвержденнаго въ прошломъ году. По расходамъ отмѣтимъ слѣдующія увеличенія: $2^1/_2$ м. р. на устройство выставки въ Нижнемъ, $8^4/_5$ м. р. на расходы по казенной продажѣ вина въ 4 восточныхъ губерніяхъ и еще 10 м. р. на подготовительныя мѣропріятія по введенію той же казенной продажи въ 25 южныхъ и западныхъ губерніяхъ. Затѣмъ, по министерству земледѣлія ассигновано болѣе чѣмъ въ прошломъ году: 410 т. р.—«на культурныя и лѣсныя работы и на поощреніе разныхъ

отраслей сельскаго хозяйства» и внесенъ новый кредитъ въ 500 т. р.—для выдачи ссудъ на сельско-хозяйственныя улучшенія. Между тѣмъ (объ этомъ въ докладѣ не упомянуто, но это видно изъ росписи) расходъ на самую администрацію министерства государственныхъ имуществъ увеличился противъ прошлаго года на 557 т. р. Наибольшее увеличеніе расходовъ исчислено по смѣтѣ министерства путей сообщенія, именно на 46⁴/₅ м. р., но это зависитъ отъ включенія въ смѣту даннаго вѣдомства части такихъ расходовъ, которые доселѣ входили въ разрядъ расходовъ чрезвычайныхъ и отъ перехода въ казну нѣсколькихъ частныхъ линій.

Въ общемъ составѣ нашихъ обыкновенныхъ доходовъ первое мѣсто продолжаетъ занимать доходъ питейный—почти 278 м. р. Но вторымъ послѣ него является не доходъ таможенный, какъ было прежде, а—доходъ отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, вслѣдствіе выкупа въ казну большихъ линій. Цифра этого дохода 179⁴/₅ м. р., а таможеннаго—148 м. р. Доходъ отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ исчисленъ нынѣ на 77 м. р. болѣе противъ прошлаго года. Въ ряду расходовъ первое мѣсто занимаютъ платежи по займамъ — болѣе 277 м. р. и здѣсь оказывается увеличеніе противъ прошлаго года въ 13 м. р. Итакъ, хотя сдѣланными конверсіями уменьшены платежи по прежнимъ займамъ, но такъ какъ задолженность продолжаетъ возрастать, то увеличивается все-таки съ года на годъ и расходъ по системѣ кредита. Вторымъ является расходъ военнаго министерства—271 м. р.; если къ нему присоединить бюджетъ министерства морского—до 55 м. р., то общій расходъ на вооруженныя силы составляетъ около 326 м. р. и является главнымъ изъ нашихъ расходовъ. Причисливъ къ нимъ расходъ по займамъ, получаемъ 603 м. р., то есть большую половину всего итога обыкновенныхъ расходовъ (1.120 м. р.). А если изъ послѣднихъ исключить тѣ, которые представляютъ собой только издержки по взиманію доходовъ (акцизный, таможенный составы расходъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ), то окажется, что значительно меньше половины обыкновеннаго бюджета идетъ на удовлетвореніе всѣхъ прочихъ потребностей.

Здѣсь вставимъ замѣчаніе о сравнительныхъ цифрахъ смѣтъ военнаго министерства за 1895 и 1894 годы. Въ докладѣ сказано, что въ нынѣшней росписи внесенъ въ обыкновенную смѣту расходъ по перевооруженію, который по прежнимъ росписямъ входилъ въ бюджетъ чрезвычайный. И дѣйствительно, въ смѣтѣ военнаго министерства на 1895 г. этотъ расходъ показанъ въ 24 м. р.; но рядомъ-же и въ смѣтѣ 1894 г. показанъ расходъ на перевооруженіе арміи, да еще въ 34 м. р., т. е. еще большій противъ нынѣшней смѣты на 9 слишкомъ мил. руб. Стало быть, цифры прошлогодней росписи приведены при этомъ для сравненія—не такими, какими онѣ были въ дѣйствительности, но такими какъ онѣ бы представились, если-бы при составленіи росписи 1894 г. къ ней были уже примѣнены тѣ-же правила, какъ для росписи настоящаго года. Но если это примѣненіе проведено и по всѣмъ статьямъ подвергшимся

иному исчисленію, на основаніи новыхъ правилъ, то это затрудняетъ сравненіе нынѣшней росписи съ прошлогоднею, въ томъ составѣ, какой она имѣла въ дѣйствительности. Лучше было сдѣлать оговорки въ докладѣ, а цифры росписей показать какъ онѣ были утверждены. Иначе получается такая странность: въ нынѣшнюю военную смѣту впервые внесенъ расходъ въ 24 м. р. на перевооруженіе, а между тѣмъ эта смѣта не увеличилась, но уменьшилась въ сравненіи съ прошлогодней цифрой.

Въ докладѣ къ росписи, составленномъ весьма полно, съ интересными сопоставленіями, высказанъ, между прочимъ взглядъ финансоваго вѣдомства на паденіе хлѣбныхъ цѣнъ и на положеніе нашего сельскаго хозяйства. Указывается на широкое развитіе земледѣлія за послѣднюю четверть вѣка въ странахъ внѣ-европейскихъ, при чемъ отмѣчается новѣйшій конкурентъ Европы въ производствѣ пшеницы—Аргентинская республика: привозъ пшеницы изъ нея оказываетъ «угнетающее дѣйствіе» на пшеничный рынокъ Европы. Признавъ «тяжесть невзгодъ переживаемыхъ частнымъ землевладѣніемъ въ годы низкихъ цѣнъ на хлѣбъ», докладъ доказываетъ, по поводу нынѣшняго урожая, что для крестьянъ низкія цѣны на хлѣбъ составляютъ скорѣе пользу, чѣмъ убытокъ, такъ какъ урожай «одной части населенія даетъ большее количество продуктовъ для продажи, а другой—облегчаетъ тяжесть расходовъ на покупку хлѣба». Совершенно согласно съ этимъ, мы говорили осенью по поводу урожая о низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ (вн. обозр. октябрьской книги), что «вопросъ о хлѣбныхъ цѣнахъ имѣетъ преобладающее значеніе для землевладѣльцевъ, а для крестьянъ важнѣйшимъ всегда является вопросъ о количествѣ урожая».

Докладъ какъ-бы хочетъ ободрить землевладѣльцевъ, высказывая мнѣніе, что угнетенное положеніе хлѣбнаго рынка не можетъ продлиться въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, такъ какъ потребленіе хлѣба, при увеличеніи населенія, постоянно возрастаетъ, размѣръ-же зернового производства въ промышленныхъ странахъ постепенно сокращается. Но перспектива поправленія земледѣльческихъ доходовъ вслѣдствіе увеличенія народонаселенія—слишкомъ отдаленная, да если бы хлѣбъ вздорожалъ, то производство его снова-бы расширилось и въ Европѣ. Сверхъ помощи землевладѣльцамъ кредитомъ, министръ финансовъ находитъ, что наиболѣе существенная и неотлагательная мѣра для воспособленія сельскому хозяйству заключается въ томъ, чтобы сдѣлать Россію «проѣзжею», т. е. въ постройкѣ сѣти дешевыхъ желѣзныхъ дорогъ мѣстнаго значенія.

Въ докладѣ, сопровождающемъ нынѣшнюю роспись, находится еще очеркъ тѣхъ финансовыхъ и экономическихъ успѣховъ, какіе были достигнуты при прошломъ царствованіи. Надо однако замѣтить, что въ возрастаніи бюджетовъ и въ развитіи промышленности не малую долю слѣдуетъ отнести и къ самому теченію времени. Такъ, итогъ обыкновенныхъ доходовъ, какъ сказано въ докладѣ, съ 651,8 м. р. въ 1881 году возросъ по отчету за 1893 годъ до 1.025,8 м. р., стало быть, на 374 м. р.

Ясно, что нѣкоторая доля этого увеличенія произошла-бы и въ такомъ случаѣ, если-бы всѣ налоги остались въ прежнемъ размѣрѣ, явилась-бы просто какъ результатъ времени, то есть прироста населенія и естественнаго развитія разныхъ предпріятій. Затѣмъ, несомнѣнно то, что наибольшая часть этого увеличенія суммы дохода зависѣла отъ усиленія налоговъ. А для того, чтобы и въ этомъ видѣть результатъ относительно благопріятный, требовалось-бы доказать, что и народный доходъ возросъ на сумму по меньшей мѣрѣ въ 10 разъ большую, чѣмъ возвышеніе налоговъ, такъ что болѣе высокіе налоги плательщикамъ нынѣ вносить не труднѣе, чѣмъ меньшіе, 13 лѣтъ тому назадъ. А это доказать не легко. Статистическія данныя по спеціальнымъ вопросамъ даютъ основаніе предполагать скорѣе обѣднѣніе народа за тотъ періодъ. Да на обѣднѣніе народа указываетъ само министерство финансовъ въ особомъ «сообщеніи», о которомъ мы упоминаемъ далѣе. Но въ такомъ случаѣ, возвышеніе налоговъ, которое произошло послѣ 1881 года въ размѣрѣ не меньшемъ 50 процентовъ прежней ихъ суммы, не составляетъ явленія утѣшительнаго. Скажутъ, что отмѣна подушныхъ сборовъ и (незначительное) уменьшеніе въ выкупныхъ платежахъ облегчили бремя, лежащее на крестьянствѣ, перенеся его на достаточные классы. Но это едва-ли можно доказать цифрами. Дѣло въ томъ, что въ общемъ составѣ бюджета, съ налогами прямыми и косвенными, и въ настоящее время преобладающая часть падаетъ все-таки на классы трудящіеся, что можно объяснить, положимъ, хотя-бы самой слабостью нашихъ частныхъ капиталовъ. Достаточно сказать, что все содержаніе арміи, постройка и содержаніе крѣпостей выражаются меньшею цифрой, чѣмъ поступленіе одного сбора питейнаго, т. е. какъ-бы имъ оплачиваются. Смѣта военнаго министерства составляетъ 271 м. р., а питейный доходъ 278 м. р. Стало быть, въ этомъ отношеніи мы не ушли впередъ даже отъ времени графа Канкрина, который говаривалъ: «что кабакъ, то батальонъ».

Въ томъ-же сравнительномъ очеркѣ поставляется на видъ, что произведенныя конверсіи и досрочные выкупы займовъ уменьшили ежегодные платежи на около 50 милл. р. Но итогъ расхода по системѣ государственнаго кредита по отчету контроля за 1881 г. составлялъ 195 милл. 800 т. р. *), а по росписи на 1895 годъ онъ составляетъ $277^{2}/_{5}$ м. р., что̀ зависѣло отъ увеличенія задолженности. Итакъ, въ конечномъ результатѣ что̀-же произошло? То, что конверсіями мы разсрочили на долгое время погашеніе нашихъ долговъ, но никакого облегченія отъ этого не чувствуемъ по той причинѣ, что въ то-же время мы увеличили сумму нашего долга, и нынѣ платимъ по займамъ 82 милл. рублей болѣе, чѣмъ платили при началѣ минувшаго царствованія. Скажутъ, зато къ казнѣ перешли разныя линіи желѣзныхъ дорогъ и казна накопила запасы золота, гораздо бо̀льшіе, чѣмъ они были прежде. Да, но все-таки, значитъ, отдѣль-

*) «Ежегодникъ Министерства Финансовъ». Выпускъ XIII, 1883, стр. 72.

ныя цифры, показывающія каждый изъ нашихъ успѣховъ, еще не вполнѣ убѣдительны.

Запасы золота, дѣйствительно, накоплены. Въ 1881 году они составляли всего 291 м. р. И того было много, такъ какъ не рѣшались возстановить размѣна, а стало быть, золото лежало даромъ. Нынѣ запасъ золота доведенъ до 649½ милл. рублей и эта сумма также лежитъ да́ромъ, ибо возстановленіе размѣна вовсе не предполагается. Четырехъ-процентный доходъ отъ суммы 650 м. р. составлялъ-бы 26 м. р. А если эту переплату прибавить къ тому, что̀ мы платимъ по долгамъ, то эта издержка выйдетъ уже—въ 303⅖ милл. рублей, т. е. больше, чѣмъ въ четвертую часть всего итога обыкновенныхъ расходовъ.

Говоря о долгахъ, мы должны упомянуть, что въ разсматриваемомъ въ докладѣ періодѣ нисколько не улучшилась самая слабая сторона нашей финансовой системы—бумажно-денежное обращеніе ничѣмъ не обезпеченное, кромѣ выраженія о «всемъ достояніи государства». Періодъ истекшій съ 1881 года начался съ заявленія въ первый его день намѣренія правительства погасить, то-есть извлечь изъ обращенія и уничтожить бумажныхъ денегъ на 417 милл. рублей. Къ сожалѣнію, это исполнено не было и нынѣ, чрезъ 14 лѣтъ, наша финансовая система, попрежнему, отличается отъ системы европейской этимъ элементомъ выпуска ассигнацій, не подлежащихъ ни контролю, ни размѣну. По недавно офиціально высказанному взгляду на нихъ, ассигнаціи представляютъ собой только «мѣновые знаки», которыхъ число сократить нельзя безъ ущерба для торговли. Но спрашивается, соображаются-ли новые ихъ выпуски, главнымъ образомъ, съ интересами торговли, или съ временными нуждами казначейства?

Мы говорили о назначенныхъ по росписи кредитахъ на введеніе казенной продажи спиртныхъ напитковъ въ 4 восточныхъ губерніяхъ и на подготовленіе введенія ея-же въ губерніяхъ западныхъ. Въ связи съ этимъ надо упомянуть объ изданномъ «положеніи» для «попечительствъ о народной трезвости». Казенная продажа спиртныхъ напитковъ вводится въ видѣ опыта, съ минувшаго января въ губерніяхъ Пермской, Оренбургской, Уфимской и Самарской. Въ циркулярѣ министра финансовъ къ чинамъ акцизнаго вѣдомства, разосланномъ въ концѣ декабря, выражены взгляды на значеніе этого преобразованія. Кабакъ въ его нынѣшнемъ видѣ признанъ вредно вліяющимъ на народную нравственность. Кабатчикъ прямо заинтересованъ въ томъ, чтобы спаивать народъ, казенная-же продажа будетъ способствовать болѣе правильному потребленію и улучшитъ самое вино, которое будетъ отпускаться въ очищенномъ видѣ, безъ вредныхъ примѣсей. Министръ полагаетъ, что при болѣе правильномъ потребленіи вина питейный доходъ не упадетъ, но при этомъ заявляетъ, что если-бы питейный доходъ и уменьшился, зато уменьшеніе пьянства возвыситъ покупную силу крестьянъ, создастъ сбереженія и отзовется болѣе успѣшнымъ поступленіемъ другихъ доходовъ. По сло-

вамъ циркуляра, если-бы питейный доходъ и сократился, но одновременно произошло-бы такое улучшеніе въ народномъ бытѣ, «то такой результатъ реформы долженъ считаться полнымъ успѣхомъ ея и будетъ поставленъ въ заслугу чинамъ акцизнаго вѣдомства, при оцѣнкѣ ихъ дѣятельности по осуществленію реформы».

Одновременно, въ офиціальномъ «сообщеніи» относительно учрежденія попечительствъ о народной трезвости, министерство призываетъ самое общество, «лучшихъ людей страны», къ борьбѣ съ привычнымъ народу неумѣреннымъ потребленіемъ вина. Къ развращающему вліянію кабака въ его нынѣшнемъ видѣ министерство относитъ «и нравственный упадокъ, и матеріальное обѣднѣніе населенія; такое положеніе дѣлъ — говорится тамъ-же—продолжалось слишкомъ долго, чтобы не пустить глубокихъ корней и не укрѣпить тѣхъ печальныхъ привычекъ». Мѣстныя попечительства о народной трезвости, уставъ которыхъ утвержденъ 20 декабря, указываются какъ организація «лучшихъ представителей мѣстнаго населенія» для борьбы съ народнымъ пьянствомъ. Въ составъ попечительствъ привлекаются представители духовенства, административной и судебной властей, общественныхъ учрежденій и частныя лица. Попечительства эти будутъ состоять въ финансовомъ вѣдомствѣ, членамъ ихъ дается особый знакъ, а почетнымъ членамъ даже мундиръ министерства. Дѣлами попечительствъ будутъ завѣдывать особые комитеты—уѣздные (подъ предсѣдательствомъ предводителей) и губернскіе (подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ). Попечительствамъ поручаются: наблюденіе за производствомъ питейной торговли, съ правами чиновъ акцизнаго надзора, устройство пріютовъ для излѣченія страдающихъ запоемъ, устройство читаленъ, народныхъ чтеній, собесѣдованій и т. п. Попечительствамъ будутъ выдаваемы для этого пособія изъ казны, для чего ассигнованы 206,600 рублей. Попечительства призываются и къ «нравственному воздѣйствію на населеніе путемъ выясненія вреда отъ неумѣреннаго потребленія вина».

Предпріятіе это и мысли, высказанныя о немъ, вполнѣ симпатичны по своей цѣли. Забота объ устройствѣ пріютовъ для лѣченія алкоголиковъ и желаніе вызвать среди мѣстнаго общества дѣятельность, направленную къ отвлеченію народа отъ кабака, къ устройству развлеченій воспитательныхъ заслуживаютъ полнаго одобренія и можно только удивляться, что починъ въ такомъ дѣлѣ взяло на себя не вѣдомство народнаго просвѣщенія, а именно то, которое заинтересовано въ питейномъ доходѣ. Мы не думаемъ отрицать распространенность въ народѣ пьянства. Но мы не можемъ согласиться съ такой постановкой вопроса, будто долгое существованіе кабака развратило народъ и укоренило въ немъ страсть къ водкѣ, будто-бы эта страсть повела къ обѣднѣнію населенія и наконецъ, будто-бы слѣдуетъ выяснять народу вредъ отъ неумѣреннаго потребленія вина.

Никто лучше самого крестьянина не знаетъ гибельныхъ послѣдствій пьянства и разъяснять ихъ ему не для чего. Затѣмъ, хотя несомнѣнно

бываетъ обѣднѣніе и даже разореніе отъ пьянства, но это частные случаи, а въ общемъ—не бѣдность явилась въ народѣ вслѣдствіе пьянства, но самое пьянство, то-есть потребность въ неумѣренномъ по временамъ потребленіи водки, была результатомъ бѣдности, лишеній, невѣроятныхъ для европейцевъ условій жизни русскаго народа. Невозможно ожидать, чтобы въ странѣ, гдѣ большинство населенія проводитъ всю жизнь на половину впроголодь, въ курномъ или хотя-бы въ крайне-тѣсномъ и душномъ помѣщеніи, нерѣдко вмѣстѣ съ животными, гдѣ большая часть дѣтей умираетъ—не было распространено пьянство. Мы говоримъ не объ алкоголизмѣ, который является уже болѣзнью и исключеніемъ,но о почти всеобщей потребности крестьянъ, живущихъ въ угнетающихъ условіяхъ, при отсутствіи какого-либо воспитательнаго вліянія и какихъ-либо удовольствій—забыться иногда, выпить неумѣренно. Думать, что мужикъ *привыкъ* къ тому, чтобы жить впроголодь, въ избѣ, гдѣ душно и непривѣтливо, тяжко работая, безъ всякаго вознагражденія въ какомъ-либо развлеченіи, могутъ только свѣтскія дамы и джентльмены. Не отъявленные пропойцы, но сами исправные хозяева и работящіе ихъ домочадцы пользуются всякимъ поводомъ—сотней праздниковъ въ году, крестинами, свадьбами, похоронами, мірскими сходами, поѣздками въ городъ съ продуктами—чтобы «отвести душу» то-есть выпить неумѣренно. Понятно, что при такомъ условіи, является уже и не малое число людей пристрастившихся къ вину, пьющихъ запоемъ и разоряющихся отъ вина. Но въ общемъ, повторяемъ, не бѣдность народа отъ пьянства, а страсть къ вину отъ крайне скудныхъ условій жизни, отъ повседневной ея мрачности, отъ которыхъ и у мужика душа ищетъ хоть временнаго, хотя призрачнаго освобожденія.

Мы напоминаемъ объ этомъ никакъ не съ той цѣлью, чтобы доказать безплодность предполагаемыхъ стараній о «нравственномъ воздѣйствіи» на народъ, объ устройствѣ обществъ трезвости, читаленъ, чайныхъ, народныхъ чтеній и т. д. Совсѣмъ напротивъ. Мы выставляемъ на первый планъ фактъ, что никто въ Россіи доселѣ ничего не дѣлалъ для нравственнаго вліянія на крестьянство. Стало быть, всякія усилія въ этомъ направленіи мы можемъ только привѣтствовать. Но мы и не преувеличиваемъ ихъ значенія. Для успѣшной борьбы съ пьянствомъ необходимы старанія объ улучшеніи крестьянскаго хозяйства, облегченіе народа въ податяхъ, словомъ—забота объ измѣненіи нынѣшнихъ тяжкихъ условій народнаго быта, а для этого требовалось-бы расширеніе средствъ и дѣятельности земства, что, повидимому, вовсе не предвидится.

Что касается казенной продажи вина, которая, въ видѣ опыта, вводится въ 4 восточныхъ губерніяхъ, а затѣмъ имѣетъ быть введена въ 25 губерніяхъ западныхъ и южныхъ, то мы можемъ вполнѣ согласиться только съ однимъ мотивомъ этой мѣры, съ тѣмъ, что кабакъ въ нынѣшнемъ его видѣ вреденъ и для народнаго здоровья и для народной нравственности. Кабатчики—это первые эксплоататоры населенія и совратители крестьянскаго управленія. Но много ли станетъ лучше при казенной

продажѣ—это покажетъ только опытъ. Въ Руси московской уже были испробованы «царскій кабакъ», «кружечные дворы на вѣрѣ и на откупу» и никакой пользы для народной нравственности они не принесли. Мы сочувствуемъ самой попыткѣ устранить отъ дѣла вредный классъ кабатчиковъ, изъ котораго потомъ выходятъ купцы и до извѣстной степени формируется наша богатая буржуазія, какъ винные откупщики были у насъ въ прежнее время виднѣйшими «именитыми гражданами», воспринимали просвѣщеніе и дѣлались даже родоначальниками знатныхъ дворянскихъ родовъ.

Но мимоходомъ позволительно замѣчаніе, что въ данномъ случаѣ, какъ и при всѣхъ нашихъ нововведеніяхъ, болѣе всего распространяется, размножается и возрастаетъ—чиновничество. Въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ —особенно по самому же министерству финансовъ—штатъ чиновниковъ умножился въ сильной степени; дворянскій и крестьянскій банки, съ ихъ отдѣленіями, податные и фабричные инспекторы, два или три новыхъ центральныхъ органа—все это значительно усилило составъ. Теперь частныя желѣзныя дороги переходятъ въ казну, а ихъ служащіе—въ категорію лицъ съ присвоенными мундирами, наградами и пенсіями. Государственный банкъ, развивая и промышленныя и даже мелкія коммиссіонныя операціи, какъ-бы стремится упразднить не только частные банки, но даже банкирскія конторы. Когда еще содержаніе всѣхъ мѣстъ питейной продажи перейдетъ къ казнѣ, то не будетъ ли это предвѣстіемъ, что и хлѣбный отпускъ, напримѣръ, для поддержанія достоинства русскаго хлѣба, и разныя другія отрасли торговли и промышленности, будутъ подвергнуты регламентаціи, съ соотвѣтствующими органами надзора. Пожалуй, можно и не удивляться такому постепенному расширенію функцій государственной власти. Но казалось бы, что такое увеличеніе круга ея дѣйствій само собой уже указываетъ на необходимость нѣкоторыхъ модификацій въ чисто-бюрократическомъ строѣ. А между тѣмъ, сколько кажется, нѣтъ основанія ожидать чего-либо въ такомъ направленіи.

Въ прошломъ мѣсяцѣ министръ путей сообщенія гофмейстеръ Кривошеинъ былъ уволенъ отъ службы, по прошенію, съ переименованіемъ при отставкѣ въ тайные совѣтники, преемникомъ-же его назначенъ князь М. И. Хилковъ, бывшій доселѣ главнымъ инспекторомъ желѣзныхъ дорогъ. Перемѣна эта произошла неожиданно для большинства. Въ теченіе нѣсколькихъ дней между увольненіемъ прежняго министра и назначеніемъ новаго въ городѣ называли нѣсколькихъ кандидатовъ, изъ числа которыхъ наиболѣе вѣроятнымъ считалось назначеніе князя Хилкова или статсъ-секретаря Куломзина; одновременно съ послѣдовавшимъ назначеніемъ перваго, второй получилъ награду. Новый управляющій министерствомъ путей сообщенія, хотя и не инженеръ, но изучилъ практически желѣзнодорожную службу. Воспитанникъ пажескаго корпуса и членъ одной изъ древнѣйшихъ боярскихъ фамилій, онъ былъ принужденъ обстоятельствами служить при постройкѣ одной изъ желѣзныхъ дорогъ въ Сѣ-

верной Америкѣ въ качествѣ простого рабочаго, машиниста. и наконецъ, завѣдующаго службою тяги, потомъ служилъ слесаремъ на паровозномъ заводѣ въ Англіи, впослѣдствіи начальникомъ тяги на курско-кіевской дорогѣ, завѣдующимъ постройкой части Закаспійской дороги; былъ министромъ путей сообщенія въ Болгаріи, затѣмъ управляющимъ, послѣдовательно, четырехъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи и наконецъ главнымъ инспекторомъ. Во всякомъ случаѣ, можно сказать, что новый министръ путей сообщенія выдвинулся впередъ своей дѣятельностью на частной желѣзнодорожной службѣ, какъ и С. Ю. Витте, который короткое время былъ министромъ путей сообщенія, да остался имъ до нѣкоторой степени и послѣ своего назначенія министромъ финансовъ. Такъ, реформа пониженія пассажирскаго тарифа принадлежала его почину и была выработана въ департаментѣ желѣзнодорожныхъ дѣлъ министерства финансовъ. Этотъ департаментъ какъ-бы связываетъ оба названныя министерства, ставя желѣзнодорожное управленіе въ нѣкоторую зависимость отъ финансоваго вѣдомства.

По случаю назначенія новаго министра. какъ было и при прежнихъ перемѣнахъ въ управленіи путями сообщенія, говорили о желательности измѣненій въ самомъ составѣ этого вѣдомства. «Новое Время» высказывалось за образованіе министерства торговли и путей сообщенія. Это-же предположеніе проводилось когда-то въ «Русской Мысли». Но возможно было-бы также сосредоточеніе въ министерствѣ путей сообщенія вообще всей гражданской инженерной части, то есть, включеніе въ него строительной части министерства внутреннихъ дѣлъ и части телеграфной, которыя обѣ нѣкогда къ нему принадлежали, а также институтовъ гражданскихъ инженеровъ и электротехническаго, а пожалуй и горнаго.

Другая министерская перемѣна была вызвана смертью Николая Карловича Гирса. Покойный родился въ 1820 г., образованіе получилъ въ царскосельскомъ лицеѣ, служилъ въ азіатскомъ департаментѣ и занималъ разные низшіе дипломатическіе посты до своего назначенія въ 1863 г. посланникомъ въ Тегеранъ. Потомъ онъ былъ посланникомъ въ Бернѣ, далѣе въ Стокгольмѣ. Съ 1875 года онъ былъ товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ и въ слѣдующемъ-же году, при отъѣздѣ канцлера князя Горчакова за-границу, Н. К. Гирсу было поручено управленіе министерствомъ. Въ высшемъ направленіи внѣшней политики въ послѣдніе годы царствованія императора Александра II, значительное вліяніе принадлежало тогдашнему военному министру графу Д. А. Милютину. Императоръ Александръ III, какъ извѣстно, непосредственно руководилъ политикой, имѣя въ покойномъ министрѣ опытнаго совѣтника. Министромъ иностранныхъ дѣлъ Н. К. Гирсъ былъ назначенъ въ 1882 г. Сколько извѣстно, онъ былъ лично скорѣе склоненъ къ пріисканію новыхъ комбинацій въ томъ-же смыслѣ, какой имѣлъ бывшій союзъ трехъ императоровъ. При немъ происходили четыре свиданія императоровъ. послѣднее въ 1885 г.—въ Кремзирѣ. Но французская печать отдаетъ покойному

полную справедливость въ той рѣшительности и откровенности, съ какими онъ осуществилъ сближеніе съ Франціею. Н. К. давно былъ боленъ и иностранными дѣлами въ послѣднее время фактически управлялъ его товарищъ, тайный совѣтникъ Н. П. Шишкинъ, который нынѣ и назначенъ его преемникомъ, въ званіи управляющаго министерствомъ.

Настоящее обозрѣніе мы заключимъ возраженіемъ издателю «Новаго Времени», г. Суворину. Быть можетъ, нѣкоторые читатели найдутъ, что не стоитъ сколько нибудь обстоятельно разсматривать одно изъ его «маленькихъ писемъ», такъ какъ этотъ писатель съ одинаковыми легкостью и игривостью разсуждаетъ то о добротѣ, то о салонахъ и министерствѣ путей сообщенія, то о Петрѣ Великомъ и шестидесятыхъ годахъ, то о женщинахъ. Но значеніе статей опредѣляется не только степенью ихъ серьезности, а еще свойствомъ того момента, въ который онѣ появляются и той практической цѣлью, съ какой та или другая была написана. Журнальная, а еще болѣе газетная статья—это та-же рѣчь, предназначенная для того, чтобы произвесть при условіяхъ даннаго случая или данной минуты впечатлѣніе, соотвѣтствующее цѣли оратора. Нельзя пренебрегать и неособенно содержательной рѣчью, если для нея ловко выбранъ моментъ и если ее произноситъ ораторъ, котораго охотно слушаютъ, хотя бы не наиболѣе развитые, то во всякомъ случаѣ многіе люди.

При извѣстныхъ условіяхъ борьбы, иногда даже одинъ возгласъ, безъ всякаго разсужденія, можетъ подѣйствовать на толпу. Вотъ почему мы и считаемъ не лишнимъ посвятить нѣсколько страницъ «маленькому письму», въ которомъ въ настоящій историческій моментъ, въ «Нов. Времени» «отдѣлывались», какъ первый преобразователь государственнаго быта, такъ и политическія стремленія шестидесятыхъ годовъ, восхвалялись условія старомосковскія, съ умиленіемъ поминались славянофилы и все это съ выводомъ, что въ ближайшемъ къ намъ періодѣ мы стали «выше 60-хъ годовъ, образованнѣе, разумнѣе и устойчивѣе». Г. Суворинъ рѣшительно выступаетъ теперь въ ряду тѣхъ публицистовъ, которые стараются противостать всякимъ новымъ вѣяніямъ, затормозить русскую жизнь и безъ того тугую на подъемъ, на прежнемъ пунктѣ, еще на неопредѣленное время. А его читаютъ очень многіе и вотъ почему мы займемся упомянутой его статьей.

Въ январскомъ обозрѣніи мы сказали, что единственный возможный путь для дальнѣйшихъ успѣховъ русскаго развитія указывается самой нашей исторіей: это путь, на который вступилъ первый великій преобразователь—Петръ и по которому вновь быстро пошла Россія въ періодъ большихъ реформъ, въ эпоху 60-хъ годовъ. Г. Суворинъ свое возраженіе намъ, т. е. новое свое усиліе въ поддержкѣ той путаницы въ понятіяхъ и самой безцеремонной фальсификаціи фактовъ, какими отличалось недавнее время, начинаетъ такъ: «Читаю въ одномъ изъ ежемѣсячниковъ рекомендацію для настоящаго момента «величайшаго нашего пре-

образователя, Петра... и «величайшіе» въ нашей новѣйшей исторіи шестидесятые годы; такъ прямо и рекомендуютъ, ибо нѣтъ ничего лучше, какъ принять шестидесятые годы въ руководство для славы, величія и благоденствія Россіи». Затѣмъ, онъ объявляетъ, что «надо совсѣмъ не знать русскую исторію, чтобы *желать жить подъ властью Петра*, хотя-бы и великаго, видѣть казни стрѣльцовъ, видѣть самого Петра съ топоромъ въ рукахъ... сжиганіе цѣлыхъ общинъ... видѣть эти безмѣрные кутежи, грубость, распутство, паденіе нравовъ, приниженіе единичной и общественной личности» и т. д.

Итакъ, наши слова, что Петръ вступилъ на путь преобразованій, что именно идя по этому пути Россія сдѣлалась великимъ государствомъ, г. Суворинъ понимаетъ въ такомъ смыслѣ, что мы желали-бы жить подъ властью Петра и рекомендуемъ его казни стрѣльцовъ и тому подобное, короче всю ту жестокость и грубость, которыя Петръ ужъ конечно не вынесъ изъ Европы, но унаслѣдовалъ отъ нравовъ московскаго періода, когда тѣ-же стрѣльцы, съ топорами и метлами въ рукахъ, били, грабили и насиловали по Москвѣ, какъ слуги опричной Александровской слободы. Если г. Суворинъ полагаетъ, что при Петрѣ произошло «паденіе нравовъ», что съ его времени начались «безмѣрные кутежи, грубость, распутство, приниженіе единичной и общественной личности», то это значитъ, что онъ не читывалъ о томъ, каковы были русскіе нравы въ восхваляемый имъ московскій періодъ, хотя-бы въ томъ-же XVII столѣтіи, напр., при Михаилѣ Ѳедоровичѣ. По описанію Олеарія, въ Москвѣ на Пасху кабаки были переполнены міpянами и духовными, пьяные валялись по улицамъ, многихъ подбирали мертвыми, по ночамъ происходило по нѣсколько пожаровъ, распутство, даже противоестественные пороки процвѣтали, бояре не кормили своихъ холопей, которые поэтому воровали и убивали. Русскіе люди того времени, по отзыву Олеарія, любили сквернословіе и были лживы, а семейная жизнь была плоха оттого, что супруги вовсе не бывали знакомы между собой до брака. Нерѣдко выдавали, какъ говоритъ Котошихинъ «дѣвицу не тоѣ, которую показывали смотрильщицѣ... и тотъ человѣкъ женяся на ней того дни въ лицо еѣ не усмотритъ... потому что въ тоѣ свадьбу бываетъ закрыта... и онъ еѣ бьетъ и мучитъ всячески, до тѣхъ мѣстъ, что она похочетъ постричися»... Вотъ что еще говоритъ тотъ-же Котошихинъ, описывая погребеніе царей: «горе тогда людемъ будучимъ при томъ погребеніи, потому что погребеніе бываетъ въ ночи, и народу бываетъ многое множество... а московскихъ людей натура не богобоязливая, съ мужеска полу и женска по улицамъ грабятъ платье и убиваютъ до смерти; и сыщетца того дни, какъ бываетъ царю погребеніе, мертвыхъ людей, убитыхъ и зарѣзанныхъ больши ста человѣкъ». Неужели-же при Петрѣ произошло паденіе нравовъ и начались распутство и кутежи — сравнительно съ нравами только что описанными?

Цитируемъ далѣе нововременскаго исторіографа: «Петръ приступилъ

къ реформамъ съ заботъ о народномъ образованіи, лжетъ журналъ (т. е. «Сѣв. В.»), ибо съ народнаго образованія Петръ совсѣмъ не начиналъ, да и оно при немъ не начиналось, а начиналось при немъ войско, флотъ, асамблеи, кое-что европейское и все это на счетъ настоящаго народнаго рабства, которое *при немъ началось* очень ярко; это былъ представитель просвѣщеннаго деспотизма, воспитатель служилаго, правящаго класса за счетъ рабовъ». Не можемъ не примѣнить къ нашему оппоненту его собственныхъ словъ: «надо совсѣмъ не знать русскую исторію», чтобы говорить это серьезно. Да признаемся, намъ даже не вѣрится, что г. Суворинъ такой ужъ круглый невѣжда въ русской исторіи, чтобы онъ могъ сказать подобную нелѣпость добросовѣстно. Кто-жъ не знаетъ, что у насъ образованіе началось именно съ Петра, а что рабство народа началось не съ него? Невольно думается, не потому-ли защитники фальши и застоя позволяютъ себѣ до такой степени искажать факты, что уже слишкомъ убѣждены въ полномъ господствѣ среди современнаго общества путаницы понятій, окончательнаго неумѣнья отличать ложь отъ правды и справедливость отъ насилія. Странно даже напоминать о такихъ, казалось бы, общеизвѣстныхъ вещахъ, что Петръ отправлялъ множество молодыхъ дворянъ за-границу учиться, первый сдѣлалъ обязательнымъ нѣкоторое образованіе для духовенства и дворянъ, которымъ даже запретилъ жениться при безграмотности, основалъ начальныя школы въ провинціяхъ и среднія въ Москвѣ, школы инженерную, морскую, академію наукъ, велѣлъ переводить иностранныя книги, основалъ первую газету.

И все это будто-бы «за счетъ настоящаго народнаго рабства, которое при немъ началось очень ярко». А предшественники-то его развѣ не дѣлали что угодно «за счетъ рабства», только образованія не требовали и школъ не заводили. Рабство народное установлялось постепенно, но если въ какой-либо моментъ оно «началось очень ярко», то это было за сто лѣтъ до Петра, при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ, когда состоялось самое прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ. При отцѣ Петра «помѣщики и вотчинники—какъ пишетъ Котошихинъ—вѣдали и судили своихъ крестьянъ во всякихъ ихъ крестьянскихъ дѣлахъ, кромѣ разбойныхъ... а свои подати клали они на крестьянъ своихъ сами, сколько съ кого что взяти». Тотъ же писатель говоритъ уже о «проданныхъ и купленныхъ» помѣщиками и вотчинниками «мужикахъ». Рабство до Петра проявилось даже столь «ярко», что именно Петръ находилъ нужнымъ отмѣнить продажу крестьянъ, и издалъ указъ, въ которомъ было сказано: «продажу людей пресѣчь, а если нельзя ужь совсѣмъ, то продавать цѣлыми семьями, а не порознь, какъ скотъ, чего во всемъ свѣтѣ не водится».

Г. Суворинъ восхваляетъ Русь до-петровскую, «въ которой была независимая жизнь церкви, прихода, выборы священниковъ, *начало разумной общественности*, самоуправленія, петиціи населенія о злоупотребленіяхъ мѣстной власти, о тяжести налоговъ, о нуждахъ, церковные соборы и земскіе соборы... Чѣмъ далѣе отъ Петра—продолжаетъ онъ,—

самъ приближаясь къ своей цѣли—тѣмъ яснѣе все то хорошее, что было въ до-петровской жизни и что погребено было имъ на многое множество лѣтъ, послѣ которыхъ *начало возрождаться въ новыхъ формахъ, но со старымъ-же содержаніемъ*». «Гражданинъ» вполнѣ оцѣнилъ эту мысль г. Суворина и согласился съ нею. «Г. Суворинъ — пишетъ кн. Мещерскій—вѣрно освѣтилъ значеніе эпохи минувшаго царствованія, какъ возврата или, по крайней мѣрѣ, какъ начала возврата къ до-петровской Руси въ томъ, что она имѣла хорошаго и на что петровская Россія покушалась»...

Но къ чему-же изъ вышепоименованнаго былъ собственно сдѣланъ въ ближайшее время «возвратъ» или «начало возврата?» Очевидно не къ земскимъ и церковнымъ соборамъ. Къ «петиціямъ-ли населенія о злоупотребленіяхъ мѣстныхъ властей и о тяжести налоговъ» или хотя-бы къ «выбору священниковъ?» Также—нѣтъ. Къ самоуправленію? Но гг. Суворину и Мещерскому надлежало-бы указать при этомъ читателямъ на тѣ успѣхи, какіе сдѣлалъ этотъ принципъ за послѣднее время. И такъ, остаются только «начало разумной общественности» и хотя не «независимость», но вліяніе церковной жизни. Сдѣлаемъ-же нѣкоторыя справки о до-петровской Руси и въ этихъ отношеніяхъ. Жаловаться-то на злоупотребленія, жаловались, какъ, напримѣръ, на соборѣ 1642 года: «твои государевы дьяки и подъячіи, будучи безпрестанно у твоихъ дѣлъ и обогатѣвъ многимъ богатствомъ неправеднымъ отъ своего мздоимства, покупили многія вотчины и домы свои построили многіе, палаты каменныя такія, что неудобь сказаемыя»... «а разорены мы, пуще отъ турскихъ и крымскихъ бусурмановъ, московскою волокитою, отъ неправдъ и отъ неправедныхъ судовъ». Но только не видно, чтобы эти жалобы къ чему-либо приводили, сколько-нибудь измѣняли положеніе дѣлъ, такъ-какъ соборы никакой власти не имѣли. Выражалось-ли «начало разумной общественности»—въ мѣстничествѣ, когда при каждомъ назначеніи служилыхъ людей, при церемоніяхъ и въ походъ, «били челомъ о безчестьи» и «выдавали головой», когда въ 1670 г. въ самой боярской думѣ Чихачева, который билъ челомъ на Шаховского, бояре приговорили бить кнутомъ, а думный дьякъ Луговской, сказавъ: «долго этого ждать», сталъ бить Чихачева палкой, бояринъ-же Иванъ Никитичъ Романовъ билъ Чихачева другой палкой и оба приговаривали: «не по дѣломъ бьешь челомъ, знай свою мѣру *)».

Не выражались-ли начала «разумной общественности» въ томъ, что всѣ въ государствѣ, хотя-бы и самые заслуженные, впавъ въ опалу, подлежали кнуту и палкамъ, что «еретиковъ» сжигали живыми, а подати взимали правежомъ, который былъ отмѣненъ именно Петромъ? Или въ приказахъ, прославленныхъ «волокитой» и лихоимствомъ, этой настоящей, всесильной, уже въ то время, бюрократіи? Или въ царской думѣ, имѣв

*) Ист. Россіи съ древн. врем. С. Соловьева, Т. IX, стр. 334.

шей характеръ восточныхъ «дивановъ», куда «бывъ въ спальникахъ,— какъ говоритъ Котошихинъ,—бываютъ пожалованы большихъ бояръ дѣти—въ бояре... И кто изъ тѣхъ бояръ побольше и разумнѣе—продолжаетъ онъ—или кто и изъ меньшихъ, и они мысль свою къ способу объявливаютъ; а иные бояре, брады свои уставя, ничего не отвѣщаютъ, потому что царь жалуетъ многихъ въ бояре не по разуму ихъ, но по великой породѣ, и многіе изъ нихъ грамотѣ не ученые и не студерованные *)»...

Говорятъ, набожна была до-петровская Русь, церковная жизнь сильно вліяла на мірскую. Но какъ? Жизнь церковная нисколько не вліяла на смягченіе нравовъ, потому что вовсе не была сопряжена съ учительствомъ, само духовенство было совершенно невѣжественно и соблюдалась только обрядовая сторона, да и та какъ соблюдалась, въ тѣ грубыя времена «началъ разумной общественности?» Вотъ что писалъ преемникъ Филарета Романова патріархъ Іосафъ: «въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ соборныхъ и приходскихъ церквахъ, чинится мятежъ, соблазнъ и нарушеніе вѣры; служба Божія совершается очень скоро, говорятъ голосовъ въ пять и въ шесть, и больше, со всякимъ небреженіемъ; а мірскіе люди стоятъ въ церквахъ съ безстрашіемъ и со всякимъ небреженіемъ, во время св. пѣнія бесѣды творятъ неподобныя съ смѣхотвореніемъ, а иные священники и сами бесѣдуютъ, безчинствуютъ и мірскія угодія творятъ, чревоугодію своему послѣдуя и пьянству повинуясь **)».

Вотъ какъ описываютъ старо-московскую Русь свидѣтели ея устройства и ея нравовъ. Г. Суворинъ воленъ ею восхищаться, но когда онъ находитъ—а это подтверждается и кн. Мещерскимъ въ «Гражданинѣ»— что старо-московская Русь въ послѣднее время «начала возрождаться въ новыхъ формахъ, но со старымъ-же содержаніемъ», то такой отзывъ едва-ли можно признать лестнымъ для послѣдняго времени. «Содержаніемъ» старо-московской Руси былъ полный произволъ, наиболѣе яркимъ представителемъ котораго представляется Иванъ Грозный, рабство крестьянъ, невѣжество и дикость нравовъ во всѣхъ сословіяхъ, такой гнетъ власти надъ личностью, что никто не могъ считать обезпеченными ни жизни своей, ни имущества, и что люди не дерзали въ сношеніяхъ съ властью даже именовать себя иначе, какъ «людишками и холопями».

Относительно отзыва г. Суворина о 60-хъ годахъ мы будемъ кратки. Вотъ какъ онъ характеризуетъ то время: «хотѣлось болѣе всего севрюжины, удовольствія, ничего недѣланія, празднословія, праздномыслія, легкой и хорошей жизни, пожалуй, конституціи, но непремѣнно съ севрюжиной, а пожалуй и коммунизма съ аллюминіевыми дворцами и съ женщинами, съ женщинами, съ женщинами». Г. Суворинъ имѣетъ право давать свои показанія о томъ времени: онъ самъ сынъ той эпохи и изъ

*) «О Россіи въ царств. Алексѣя Михаиловича»; изд. 3, стр. 26—27.

**) «Ист. Россіи» С. Соловьева, тотъ-же томъ, стр. 401.

свидѣтельства его видно, что инымъ «хотѣлось» именно того, что онъ сказалъ и больше ничего. Но надо-же различать между людьми того времени. Говоря о нравственномъ настроеніи своихъ современниковъ въ послѣднее время, г. Суворинъ опредѣляетъ его такъ: «началось примиреніе до-петровской Руси съ новой Русью»... «Мы выше этихъ (60-хъ) годовъ, образованнѣе, разумнѣе и устойчивѣе». Но почемъ-же знать, не было-ли у людей, которымъ и прежде-то хотѣлось только легкой и хорошей жизни, не было-ли у нихъ и примиреніе съ до-петровской Русью и тому подобнымъ соединено съ желаніемъ «севрюжины?» Во всякомъ случаѣ такимъ путемъ вѣрнѣе было до нея добраться.

Одинъ изъ виднѣйшихъ государственныхъ дѣятелей конца царствованія императора Александра II, Александръ Аггеевичъ Абаза, скончался 24 января въ Ниццѣ. Покойный родился въ 1821 г., находился сперва въ военной службѣ, затѣмъ, перейдя въ придворную, онъ состоялъ при покойной великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, принадлежа къ кругу наиболѣе образованныхъ и выдававшихся способностями людей изъ дворянства и администраціи, которому она покровительствовала. Впослѣдствіи, бывъ государственнымъ контролеромъ, потомъ предсѣдателемъ департамента экономіи государственнаго совѣта, А. А. Абаза былъ призванъ на постъ министра финансовъ во второй половинѣ 1880 года, въ эпоху возобновленія преобразовательной дѣятельности того царствованія. По его представленію послѣдовалъ указъ 1 января 1881 г., которымъ повелѣно было прекратить выпуски кредитныхъ билетовъ, а ту категорію, которая носила названіе «временно-выпущенныхъ», на нужды войны — погасить въ теченіе 8 лѣтъ. Обладая замѣчательными способностями и даромъ слова, покойный быстро и основательно усваивалъ себѣ важнѣйшую сторону финансовыхъ и общихъ законодательныхъ вопросовъ, такъ что ему всегда принадлежала видная роль при ихъ обсужденіи въ государственномъ совѣтѣ. Въ 1881 г. онъ удалился отъ дѣлъ, вмѣстѣ съ покойнымъ графомъ М. Т. Лорисъ-Меликовымъ и графомъ Д. А. Милютинымъ. Но въ 1882 г. онъ былъ снова назначенъ предсѣдателемъ департамента экономіи и занималъ эту должность до 1893 года.

Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» напечатано: «министры народнаго просвѣщенія, внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, на основаніи примѣч. къ ст. 143 уст. о ценз. и печ. св. зак. т. XIV, изд. 1890 г., въ совѣщаніи 20-го сего января постановили: прекратить вовсе изданіе газеты «Русская Жизнь».

НАША ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

II.

Кустари и дѣдъ Чмыхало.

Городъ нашъ имѣетъ милліонное населеніе; много въ немъ такъ называемой «интеллигенціи»,—да и можетъ-ли быть иначе?—высшія правительственныя учрежденія, нѣсколько высшихъ учебныхъ заведеній, не малое количество газетъ и журналовъ, да и многое другое притягиваетъ сюда массу людей съ болѣе или менѣе широкими и культурными интересами. Обществъ и кружковъ у насъ въ Петербургѣ не много, и другихъ болѣе или менѣе случайныхъ собраній, гдѣ-бы можно было поговорить объ общественныхъ дѣлахъ или послушать умныхъ рѣчей, тоже мало бываетъ. Поэтому, казалось-бы, что тѣ собранія, какія есть,—каждый вечеръ зимою происходитъ, самое большее, четыре или пять засѣданій въ разныхъ здѣшнихъ обществахъ,—должны были собирать толпы, оживленныя и шумныя. На дѣлѣ этого, однако, не бываетъ: пятьдесятъ, сто человѣкъ—это уже отмѣчается газетными репортерами, какъ многолюдное собраніе. Посторонняя публика чувствуетъ себя неловко, словно опасается, не попросили-бы удалиться. Неловко и членамъ: они посматриваютъ на постороннихъ гостей досадливо и опасливо. Если гость начнетъ слишкомъ пытливо осматривать разныя развѣшенныя на стѣнахъ расписанія, списки и т. п., смотришь, къ нему уже подходитъ дѣятельный молодой секретарь съ смущающимъ посѣтителя вопросомъ:

— Вы членъ?

— Нѣтъ, не членъ, отвѣчаетъ гость, и начинаетъ быть не въ своей тарелкѣ.

А услужливый секретарь принимается объяснять, что надо сдѣлать, чтобъ записаться въ члены,—все-таки, запишется, такъ свой человѣкъ будетъ. Особенно подозрительно и непріязненно смотрятъ всегда члены на газетныхъ репортеровъ: мелькнетъ въ рукѣ посѣтителя карандашъ,

зашелеститъ тихо, по-змѣиному, бумага, — и за столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, среди членовъ комитета, происходитъ замѣтное движеніе. Самъ репортеръ,—хоть и привычные это ко всему, надо полагать, люди,—заражается общимъ нервнымъ настроеніемъ и старается настрочить какъ можно больше, пока на него не смотрятъ. Но это, конечно, трудно: наша публика еще немножко дика, — ее еще очень забавляетъ карандашъ репортера, и она съ тупымъ изумленіемъ созерцаетъ процессъ записыванія для газеты. И репортеръ жмется подъ любопытствующими взорами публики и наскоро заноситъ въ свои листки что-нибудь, приблизительно похожее, а иногда и не совсѣмъ похожее на то, что говорится. Въ провинціи, гдѣ нравы проще и люди чувствуютъ себя свободнѣе, ведутъ себя непринужденно, по домашнему, и въ общественныхъ собраніяхъ,—тамъ просто и отдѣлываются отъ представителей печати; если захочется отдѣлаться: не пустятъ совсѣмъ репортеровъ или принудятъ уйти, или, какъ случилось недавно въ одномъ общественномъ собраніи, предсѣдатель прикажетъ отнять отъ газетныхъ сотрудниковъ столъ, на которомъ они было расположились комфортабельно записывать пренія. Здѣсь къ такимъ первобытнымъ средствамъ не прибѣгаютъ, и печати рѣдко приходится изливаться жалобами, по образцу провинціальной печати, на недоступность для нея общественныхъ собраній; вотъ напримѣръ здѣшнее дворянство не открыло доступа представителямъ печати на обѣдъ, данный дворянами французскому послу, но это случай исключительный. Или вотъ еще однажды появленіе репортера въ здѣшнемъ обществѣ взаимнаго вспомоществованія бывшимъ воспитанникамъ Спб. учительскаго института, на годичномъ собраніи, очень смутило членовъ этого общества, и вызвало среди нихъ оживленный обмѣнъ мнѣній,—сначала шопотомъ, а потомъ вслухъ,—по вопросу: допустить-ли присутствіе репортера, или нѣтъ. Говорили, что мы, дескать, здѣсь всѣ свои люди, и собраніе это—наше, молъ, домашнее дѣло, такъ что-же тутъ печати мѣшаться, — еще напечатаютъ что-нибудь такое, чѣмъ начальство будетъ недовольно: члены общества—люди, по большей части, служащіе въ одномъ вѣдомствѣ. Но, вопреки мнѣнію людей непомѣрно осторожныхъ, собраніе рѣшило отнестись къ печати снисходительно и великодушно оставило въ залѣ репортера. Итакъ, у насъ печать не приводитъ обывателя въ такую ярость какъ въ провинціи,—но все-же стѣсняетъ. Можетъ быть, зависитъ это отъ той неловкости, иногда даже застѣнчивости, которыя часто завладѣваютъ современнымъ русскимъ человѣкомъ, когда онъ принимается выкладывать въ обществѣ свои задушевныя убѣжденія. Общество, обыкновенно, не препятствуетъ высказаться; пока откровенный человѣкъ высказывается, оно обыкновенно молчитъ,—но кто-же его знаетъ, въ какомъ именно смыслѣ оно молчитъ? И молчаніе, которое наивному и неопытному человѣку можетъ показаться иногда пожалуй даже поощрительнымъ, и даже сочувственныя, повидимому, улыбки и рукоплесканія,—все это дышитъ зачастую возможностью неожиданной клеветы и нелѣпаго доноса. Бываетъ, что

краснорѣчиво и убѣжденно говоритъ человѣкъ о дѣлѣ, дорогомъ для него и близкомъ, говоритъ, конечно, смѣло, и вдругъ...

Осторожность вообще, конечно, весьма полезна: по крайней мѣрѣ не ошибешься, не надѣлаешь впопыхахъ того, чего не слѣдуетъ дѣлать,—но она имѣетъ и очень дурную сторону, слишкомъ затягивая разрѣшеніе даже такихъ дѣлъ, совершенная благонамѣренность которыхъ, повидимому, должна была-бы казаться всѣмъ очевидною. Всякій знаетъ, какъ долго надо хлопотать и ждать разрѣшенія самаго безобиднаго и безопаснаго общества или предпріятія. Вотъ, напр., интересный фактъ, о которомъ говорилось 9 января на собраніи пятаго отдѣленія общества для содѣйствія русской промышленности и торговли. На этомъ собраніи О. А. Арсеньевъ читалъ докладъ о кустарныхъ промыслахъ Пермской губерніи и о мѣрахъ къ поддержанію и развитію ихъ (точнѣе сказать, прочитана была печатная записка пермскаго земскаго техника, г. Митрофанова, о посѣщеніи имъ нѣкоторыхъ центровъ кустарной промышленности въ Пермской губ., и эту записку г. Арсеньевъ въ необходимыхъ случаяхъ пояснялъ собранію). Въ сообщеніи г. Арсеньева и особенно въ послѣдовавшихъ за нимъ преніяхъ часто говорилось о пермскомъ земскомъ кустарно-промышленномъ банкѣ. И вотъ, сообщено было однимъ изъ присутствовавшихъ, что земство ждало разрѣшенія на открытіе этого банка цѣлыхъ семь лѣтъ! Семи лѣтъ почти достаточно, чтобы построить всю Сибирскую желѣзную дорогу,—и семь лѣтъ понадобилось для того, чтобы рѣшить хитрый вопросъ о кустарномъ банкѣ, который долженъ выдавать самыя незначительныя ссуды.

Любопытны были разговоры по поводу этого доклада, гораздо любопытнѣе самаго сообщенія. Впрочемъ, передадимъ въ короткихъ словахъ содержаніе сообщенія г. Арсеньева. Кустарная промышленность Пермской губ. отличается разнообразіемъ предметовъ производства и размѣрами своими. Этому благопріятствуетъ обиліе на мѣстѣ сырого матеріала, годнаго для кустарной обработки: въ центрѣ губерніи—металлы и цѣнные камни, на сѣверо-западѣ—лѣсные матеріалы, на юго-востокѣ — сельско-хозяйственные продукты. Тѣмъ не менѣе, положеніе кустарей бѣдственное и кустарный промыселъ падаетъ. Докладчикъ привелъ такой примѣръ упадка: прежде пользовались извѣстностью сундуки, ларцы, подносы кустарнаго производства съ очень изящными рисунками; теперь сундуки и подносы еще дѣлаются и раскрашиваются, но рисунокъ сталъ ужъ грубъ, не изященъ; когда бывшій министръ Островскій поручилъ докладчику пріобрѣсти для него изящно-окрашенный сундукъ, то докладчикъ нашелъ сундукъ требуемаго достоинства только черезъ два года, да и то изъ третьихъ рукъ. Причины упадка, по объясненію докладчика, состоятъ въ чрезмѣрно низкой цѣнѣ, которую кустари получаютъ за свои работы, и въ невыгодной организаціи сбыта издѣлій. Вотъ примѣръ дешевизны: пара сапогъ стоитъ 1 р. 80 к.; матеріала на нихъ (собственно кожи на головки и подошвы) идетъ на 1 р. 40 к.: мастеру остается за приборъ

и за работу всего 40 коп. Поэтому вмѣсто стельки въ такихъ сапогахъ часто попадается картонъ, береста или даже засаленный кусокъ отъ передника рабочаго.

«Засаленный кусокъ» производитъ почему-то пріятное волненіе въ публикѣ, какъ забавный анекдотъ; публика привыкла, чтобы ей подносили и среди серьезныхъ бесѣдъ хоть немножко смѣшного; засѣданіе безъ смѣшного—это какъ обѣдъ безъ сладкаго. Веселыя улыбки всколыхнули дремотныя лица. Отблески электрическихъ лампочекъ на стѣнахъ тускло-свинцоваго цвѣта стали веселѣе, — и публика съ пріятностью слушала продолженіе доклада, въ радостной надеждѣ услышать еще что-нибудь забавное. И докладчикъ, чтобъ ужъ совсѣмъ развеселить публику, разсказалъ о мороженномъ желѣзѣ: желѣзо раскалятъ и обрызгаютъ водой съ кисти,—получатся на желѣзѣ узоры, похожіе на тѣ цвѣты и листья, которые разрисовываетъ морозъ на стеклахъ. Это и есть мороженное желѣзо, а самый процессъ его изготовленія кустари называютъ мцырированіемъ. Веселыя барышни,—блѣдная и румяная, —вспоминаютъ Лермонтовскаго Мцыри и смѣются, смѣются беззаботно и весело.

Докладчикъ привелъ и примѣръ того, какъ обездоливаетъ кустаря отсутствіе правильной организаціи сбыта кустарныхъ издѣлій,—граненіе цѣнныхъ камней. За граненіе камня, который стоитъ на мѣстѣ 3 коп., кустарь получаетъ тоже 3 коп., — стало быть, граненый камень стоитъ всего 6 коп. Но пока онъ идетъ до Петербурга, онъ проходитъ чрезъ столько рукъ, что здѣсь за него надо заплатить уже 60 коп. Земство намѣрено притти на помощь кустарямъ устройствомъ сырьевыхъ складовъ, образцовыхъ мастерскихъ и артелей кустарей, а также организаціей сбыта издѣлій. Пока земству удалось осуществить только кустарно-промышленный банкъ, для выдачи мелкихъ ссудъ кустарямъ.

Вотъ этотъ-то банкъ и вызвалъ, по окончаніи доклада, то, что у насъ принято называть оживленными преніями. Въ числѣ гостей оказался одинъ изъ мѣстныхъ пермскихъ жителей и дѣятелей, г. Новокрещеновъ. Извѣстно, что когда русскій дѣятель говоритъ о предметѣ, который онъ видѣлъ своими собственными глазами, о которомъ онъ можетъ сказать: «да помилуйте, да сколько лѣтъ я... да мнѣ-ли не знать!»—то рѣчь его становится одновременно и очень рѣшительна, и очень неубѣдительна.

— Мнѣ-ли не знать,—убѣдительно говорилъ и г. Новокрещеновъ;—вы меня послушайте.

По словамъ знающаго человѣка, «намѣренія-то у нихъ прекрасныя, но только они совсѣмъ непрактично поступаютъ и никакой дѣйствительной помощи не оказываютъ». Непрактичность земскихъ дѣятелей состоитъ, по мнѣнію г. Новокрещенова, въ томъ, что они слишкомъ разборчиво выдаютъ свои ссуды: посылаютъ своего агента къ кустарю, который проситъ ссуду,—агентъ обязанъ убѣдиться въ рабочей способности кустаря и въ томъ, дѣйствительно-ли онъ кустарь, или только мелкій капиталистъ. Поэтому, кустарный банкъ выдаетъ ссуды только тѣмъ, которые рабо-

таютъ сами, при помощи членовъ своей семьи, но безъ участія наемныхъ рабочихъ. Стоитъ только агенту банка узнать, что именующій себя кустаремъ имѣетъ хоть одного работника,—и банкъ отказываетъ въ ссудѣ. Такой порядокъ кажется почтенному мѣстному дѣятелю совершенно несправедливымъ: есть работники, объяснялъ онъ, у которыхъ золотыя руки, но которые не могутъ самостоятельно работать, потому что пьянствуютъ. Такой «кустарь» хорошъ только тогда, когда онъ работаетъ на хозяина,—и этотъ хозяинъ является по отношенію къ нему благодѣтелемъ. Отказать въ ссудѣ такому «благодѣтелю» — значитъ обидѣть не только его, но и этого наемнаго рабочаго: хозяинъ долженъ будетъ его отпустить по неимѣнію средствъ, а работникъ съ золотыми руками, само собою разумѣется, отправится прямо въ кабакъ и сопьется съ круга.

Г. Новокрещеновъ потрудился объяснить собранію и причину, по которой земское предпріятіе оказалось такимъ, какъ онъ находитъ, непрактичнымъ. Попало оно, по его словамъ, не въ тѣ руки. Земство учредило губернскій и уѣздные комитеты для содѣйствія кустарной промышленности. Засѣдаютъ въ этихъ комитетахъ тѣ-же земскіе дѣятели, на которыхъ лежатъ и другія обязанности по земству. Стало быть, кустарнымъ дѣломъ они будутъ заниматься между прочимъ. А вотъ если-бы это дѣло поручить особымъ лицамъ, чиновникамъ отъ правительства,—тогда «пошла-бы музыка не та,—у нихъ запѣли-бъ лѣсъ и горы». Чиновникамъ-же и удобнѣе добиваться разрѣшенія разныхъ необходимыхъ, по ихъ соображеніямъ, предпріятій: имъ, по крайней мѣрѣ, начальство будетъ отвѣчать на ихъ ходатайства,—а съ земскими дѣятелями не такъ бываетъ: зачастую случается, что земскихъ ходатайствъ не только не удовлетворяютъ, но даже просто не удостаиваютъ отвѣта. Однимъ словомъ, чиновники лучше, а земцы, извѣстно,—намѣренія-то у нихъ хорошія, да только поступаютъ они непрактично... Видно было, что въ душѣ почтеннаго мѣстнаго дѣятеля накипѣло много неудовольствія противъ земства, не пожелавшаго поддерживать мелкихъ капиталистовъ подъ именемъ кустарей. Аргументы его истощились, а земство оставалось еще не совсѣмъ разгромленнымъ. И собранію, можетъ быть, долго еще пришлось-бы выслушивать гнѣвныя и безсвязныя сѣтованія на земство, если-бы русскіе люди изъ разряда почвенныхъ умѣли лучше обращаться съ своимъ голосомъ и съ своими взволнованными чувствами. Г. Новокрещеновъ говорилъ долго и страстно, и наконецъ изнемогъ и запросилъ воды. Изъ заднихъ рядовъ стульевъ, откуда исходилъ его голосъ, пришлось ему стремительно бѣжать къ каѳедрѣ, гдѣ стояли два стакана съ водою. Публика увидѣла почтенную, плотную фигуру съ пробритымъ подбородкомъ.

Предсѣдатель воспользовался изнеможеніемъ г. Новокрещенова, чтобы дать возможность поговорить и другимъ,—но, по обычаю почти всѣхъ русскихъ предсѣдателей, поговорилъ сперва самъ. Прежде всего онъ замѣтилъ, что пермскій кустарный банкъ имѣетъ, конечно, нѣкоторыя погрѣшности въ своемъ устройствѣ, которыя легко устранить; напр., 8%

за ссуду—это много (какъ указывалъ и г. Новокрещеновъ), но съ развитіемъ операціи % можетъ понизиться. Замѣчается также и нѣкоторая излишняя осторожность и медлительность въ выдачѣ ссудъ.

— Но онъ говорилъ то-же самое! протестующимъ тономъ зашептали веселыя барышни, переглядываясь съ негодованіемъ.—рѣшительно то-же самое.

Но дальше предсѣдатель напомнилъ, что земству пришлось 7 лѣтъ ждать разрѣшенія банка; за это время не мало, конечно, было испытано сомнѣній. Жаль было-бы неосторожнымъ отношеніемъ погубить дѣло, которое съ такимъ трудомъ было испрошено. Приходится очень осмотрительно выдавать ссуды: если значительная часть ссудъ не будетъ возвращена заемщиками, то это можетъ дискредитировать самое дѣло. О составѣ-же кустарныхъ комитетовъ слѣдуетъ замѣтить, что не надо опасаться участія людей занятыхъ: кто много работаетъ, тотъ найдетъ время и на кустарный комитетъ, а кто мало работаетъ вообще, тотъ и въ кустарномъ комитетѣ не захочетъ работать.

Нашлись и другіе, пожелавшіе возражать г. Новокрещенову. Указывали, напр., что кустарный банкъ, какъ самое названіе показываетъ, долженъ помогать кустарямъ, а кустаремъ нельзя считать того, кто работаетъ при помощи наемныхъ рабочихъ; это уже будетъ не кустарь, а мелкій капиталистъ. Возражали и противъ того предпочтенія, которое г. Новокрещеновъ отдаетъ чиновникамъ передъ земствомъ. На земство всѣ нападаютъ, говорилъ одинъ изъ ораторовъ, но земство существуетъ всего только 30 лѣтъ...

Всѣ говорившіе въ этомъ собраніи были, повидимому, петербуржцы,— пермскій дѣятель былъ единственнымъ представителемъ провинціи. Петербуржцы, конечно, больше теоретизировали и даже вдавались иногда въ туманную область надеждъ и желаній. Пермскому дѣятелю, очевидно, не было ни малѣйшаго дѣла ни до теорій, ни до упованій; его нимало не интересовало тонкое различіе между кустаремъ и мелкимъ капиталистомъ, и къ вопросу о правахъ земства вообще, внѣ тѣсной сферы разсматриваемаго вопроса, онъ былъ совершенно равнодушенъ. На теоретическія разсужденія онъ отвѣчалъ сообщеніями практическаго характера, но логическая связь ихъ съ тѣмъ, что сейчасъ говорилось, была совершенно не ясна. Ему интересно было только одно, — доказать, что все скверно,—и это ему, конечно, въ значительной степени удавалось. Уральское желѣзо, разсказывалъ онъ, везутъ на нижегородскую ярмарку; тамъ его покупаютъ для Пермской губ. и везутъ назадъ, къ кустарямъ. Желѣзо совершенно напрасно провезено взадъ и впередъ, и цѣна его отъ этого повысилась. Да къ тому-же оно и плохо. Кустарямъ приходится работать на плохомъ и дорогомъ матеріалѣ. Понятно, заработокъ ихъ ничтоженъ. А вотъ, когда проведутъ Пермь-Котласскую жел. дорогу, то можно будетъ возить желѣзо изъ-за границы: оно будетъ лучше своего и обойдется дешевле. Тогда кустари оживутъ.

Публика обнаружила, какъ и слѣдовало ожидать отъ петербургской публики, болѣе сочувствія къ теоріямъ, чѣмъ къ фактамъ: поаплодировали докладчику, аплодировали и предсѣдателю, но самыя горячія аплодисменты выпали на долю оратора, который защищалъ земство. Гдѣ-то въ заднихъ рядахъ рукоплескали такъ долго и настойчиво, что румяная веселая барышня, радостно сверкая прекрасными черными глазами, повернулась назадъ и крикнула: — довольно! — и тамъ послушались и замолчали.

А публики было счетомъ ровно 53 человѣка, вмѣстѣ и членовъ и постороннихъ посѣтителей. Залъ въ семь оконъ заставленъ былъ рядами стульевъ, и такъ просторно было на этихъ изобильно приготовленныхъ мѣстахъ, что временами овладѣвало слушателями какое-то мирное и семейное настроеніе: точно гдѣ-нибудь въ большой семьѣ пришли гости и устроили чтеніе. Портреты и бюсты архитекторовъ (засѣданіе происходило въ помѣщеніи здѣшняго архитектурнаго общества) смотрѣли съ тусклыхъ стѣнъ, какъ милыя изображенія фамильной галереи. Лакей въ черномъ пиджакѣ и сѣрыхъ панталонахъ разносилъ чай и сладкіе сухари на небольшомъ потертомъ подносѣ совершенно-семейнаго вида; слышно было иногда, какъ гдѣ-то тихо брякнетъ о блюдце серебряная ложечка. Сѣдой дѣдушка, сидя на своемъ стулѣ, сладко дремалъ и, иногда безпричинно оживляясь, бормоталъ что-то неожиданное и ненужное, но очень милое; рядомъ съ нимъ сидѣлъ старичокъ помоложе и унималъ дѣдушку; наконецъ, въ срединѣ вечера, дѣдушку увели спать.

Въ географическомъ обществѣ—другія настроенія. Самый залъ — съ сводчатыми потолками, полутемный—настраиваетъ какъ-то мрачно и недружелюбно. Кажется, что здѣсь не такъ охотно говорятъ. Вотъ напр., въ засѣданіи 23 декабря (отдѣленіе этнографіи) были прочитаны два интересныя сообщенія: Д. П. Никольскаго о восточныхъ черемисахъ, и В. В. Лесевича о сказкахъ и присказкахъ казака Чмыхалы, — и ни одно изъ этихъ сообщеній не вызвало обмѣна мнѣній. Членовъ собралось 11 человѣкъ, гостей около тридцати,—всѣ скучно сидѣли по своимъ мѣстамъ и разсматривали фотографическіе снимки съ черемисовъ и съ ихъ деревенскихъ построекъ. Даже и въ мелочахъ сказывается иногда малая культурность русскихъ людей: фотографическіе снимки были малы и потому разсматривать ихъ надо было вблизи; для этого снимки передавались изъ рукъ въ руки. Стулья стоятъ, конечно, рядами,—чего-бы проще. передавать снимки по порядку, чтобъ всякій снимокъ дошелъ до всякаго слушателя; но нѣтъ, большинство посѣтителей растерянно совали доставшіеся имъ снимки куда попало или обратно, такъ что любопытные должны были быть насторожѣ и ловить показываемое на лету. Выходило такъ, какъ будто одни хотятъ смотрѣть, а другіе имъ не даютъ, — получалось впечатлѣніе чего-то неумнаго и непріятнаго. Заботясь о томъ, чтобы достать и посмотрѣть интересные снимки или любопытные предметы черемисскаго обихода: женскій головной уборъ, волынку, — посѣтитель не

могъ слѣдить внимательно за словами докладчика: а кто заслушался, тотъ ничего не видѣлъ.

Другой докладъ, г. Лесевича, былъ удобнѣе въ томъ отношеніи, что ничего не показывалось, кромѣ портрета дѣда Чмыхалы, который еще до начала засѣданія былъ выставленъ на доскѣ. Слушатели могли всецѣло насладиться докладомъ г. Лесевича, который читалъ по тетрадкѣ. Рѣчь г. Лесевича была отлита въ такія отборныя и краснорѣчивыя формы, что даже неловко становилось ее слушать: такое краснорѣчіе умѣстно въ живой рѣчи, когда оно выливается свободно; въ такомъ случаѣ непринужденный потокъ красивыхъ словъ, облекающихъ сильныя мысли, дѣйствуетъ обаятельно и покоряетъ слушателя. Ну, а по тетрадкѣ да еще монотоннымъ голосомъ, на манеръ, какъ дьячки въ церкви читаютъ,— это ужъ очень скучно: становится совѣстно за оратора, — зачѣмъ было употреблять такъ много труда на банальныя вычуры, когда можно сказать просто. Избытокъ придуманнаго краснобайства начинаетъ казаться разсчитаннымъ коварствомъ: такъ и ждешь, что кудрявыя фразы должны скрывать заднюю мысль. Такая задняя мысль нашлась и въ сообщеніи г. Лесевича. Живетъ, видите-ли, въ с. Денисовкѣ Лубенскаго уѣзда Полтавской губ. престарѣлый казакъ Родіонъ Чмыхало. Знаетъ онъ десятка полтора сказокъ, не новыхъ, конечно, по основнымъ темамъ, но представляющихъ, сравнительно съ записанными раньше, нѣсколько любопытныхъ варіантовъ. Онъ разсказываетъ ихъ малороссійскимъ нарѣчіемъ, искаженнымъ подъ вліяніемъ русскаго языка. Старикъ онъ добрый и кроткій, міросозерцаніе его—наивно и покорно. Есть въ немъ маленькая поэтическая жилка, которая пробивается иногда въ его оригинальныхъ измѣненіяхъ сказокъ. Но поэтическій багажъ его очень не великъ: наша теперешняя гостья Ирина Ѳедосова, олонецкая сказательница былинъ, въ сравненіи съ скромнымъ дѣдомъ Чмыхалой—величина несравненно болѣе крупная. Вотъ этотъ-то дѣдъ Чмыхало и далъ поводъ г-ну Лесевичу сказать нѣсколько словъ по адресу одного великаго старца,— единственно великаго въ настоящее время въ Россіи человѣка. Чмыхало, по мнѣнію г. Лесевича, истинный поэтъ, и ему, къ сожалѣнію, недостаетъ науки, чтобы развить свои таланты, «научной науки, именно научной науки, той самой, на которую ополчаются» и т. д. Мы очень сочувствуемъ сожалѣніямъ г. Лесевича, что наука зачастую остается недоступна русскимъ талантливымъ самородкамъ. Но нельзя сочувствовать лицемѣрнымъ нападкамъ на знаменитое имя; нельзя сочувствовать краснорѣчію витій по тетрадкѣ, которые лукавыми изворотами рѣчи пытаются,—и конечно напрасно,—поставить великаго писателя земли русской въ одинъ рядъ съ врагами народнаго просвѣщенія. Цвѣты краснорѣчія чаще кружатъ голову самимъ ораторамъ, чѣмъ ихъ слушателямъ, а отъ лукавства до комизма—рукой подать.

Но какая, однако, великая сила дана генію! Какъ высокая гора, издали видная, издали притягиваетъ къ себѣ взоры,—знаменитое имя одинако обаятельно ложится на мысли друзей и ненавистниковъ. Ѳ. С.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Отставка Казиміра Перье.—Новый президентъ.—Новое министерство.—Чего хочетъ большинство палатъ.—Министерскій кризисъ въ Венгріи.

Франція встрѣчала новый годъ. не ожидая ничего особенно новаго, зная, что большинство палаты не хочетъ никакихъ серьезныхъ преобразованій, а твердая рука президента Казиміра-Перье не допуститъ какихъ-либо нелегальныхъ движеній. Какъ только являлось требованіе амнистіи или какое-либо предложеніе радикаловъ. въ палатѣ депутатовъ постоянно оказывались огромныя большинства въ пользу правительства г. Перье. Систематичность и значительность цѣлаго ряда такихъ проявленій побудила насъ даже замѣтить, что палата создаетъ нѣчто въ родѣ личной диктатуры для г. Перье для исполненія возложеннаго на него призванія: быть охранителемъ порядка.

Но въ послѣднемъ обзорѣ мы уже должны были отмѣтить. что одновременно, въ разныхъ иныхъ вопросахъ, не касавшихся борьбы съ прогрессивными требованіями, палата поддерживала правительство гораздо слабѣе. Это вызывало такое представленіе, какъ будто палата признаетъ г. Перье положительно необходимымъ. какъ твердаго блюстителя порядка. но лично не особенно расположена къ нему. Итакъ. положеніе дѣлъ при наступленіи Новаго года вовсе не было устойчиво, какъ казалось. Президентъ сознавалъ, что большинство готово поддерживать его только какъ «жандарма республики», но не одобряетъ другихъ его дѣйствій. Наиболѣе ярко нерасположеніе большинства къ г. Перье проявилось въ избраніи президентомъ палаты, на мѣсто покойнаго Бюрдо, человѣка близкаго Перье — виднѣйшаго изъ членовъ партіи радикальной — Бриссона. Президентъ палаты депутатовъ считается какъ-бы замѣстителемъ президента республики и обыкновенно избирался изъ людей одной съ нимъ партіи. Между тѣмъ. многіе изъ умѣренныхъ республиканцевъ соединились съ радикалами и Бриссонъ. противникъ Перье на выборахъ въ высшую должность въ государствѣ, былъ избранъ, какъ-бы «въ пику» главѣ республики.

Таково было истинное положеніе дѣлъ, не совсѣмъ согласное съ прочностью и увѣренностью въ цѣломъ рядѣ лѣтъ «твердаго правленія». Достаточно было не особенно важнаго повода для того, чтобы наступилъ полный правительственный кризисъ. Во Франціи вопросы о разногласіи между административными вѣдомствами и разнаго рода властями вѣдаются въ государственномъ совѣтѣ (conseil d'Etat). Собственно говоря, это—высшій административный совѣтъ, но рѣшающій дѣла о столкновеніяхъ (contentieux) и рѣшенія его не подлежатъ апелляціи. Въ январѣ государственный совѣтъ рѣшилъ вопросъ о требованіи министра публичныхъ работъ Барту, чтобы правленія желѣзныхъ дорогъ «южной и «орлеанской», на разрѣшенныхъ имъ къ выпуску новыхъ облигаціяхъ обозначили, что правительственная гарантія 4-хъ процентнаго дохода дана имъ до 1914 года, т. е. до истеченія 50-ти-лѣтняго срока съ начала концессіи, а не до самаго истеченія срока концессіи въ 1956 г. Требованіе это имѣло основаніе, такъ какъ при второй конвенціи съ дорогами для гарантіи дохода былъ прямо опредѣленъ 50-ти-лѣтній срокъ, а размѣръ раздѣла чистаго дохода между правительствомъ и компаніями былъ, понятно, установленъ съ самой выдачи концессій на все время ихъ дѣйствія. Между тѣмъ, при заключеніи новыхъ конвенцій между обществами тѣхъ дорогъ и правительствомъ, въ 1883 году, когда министромъ публичныхъ работъ былъ Рэналь, въ новой редакціи было сказано, что прежнія соглашенія отмѣняются, «а относительно гарантіи дохода и раздѣла чистаго дохода постановляется слѣдующее»... Такимъ образомъ, исчезло различіе, что гарантія дохода дана была только до 1914 г., а правила раздѣла дохода, какъ и самая концессія утверждены на срокъ до 1956 года.

Невозможно повѣрить, что министръ Рэналь, одинъ изъ дѣльцовъ, не понималъ въ то время, какъ будетъ истолковано правленіями опущеніе этого различія между срокомъ гарантіи и срокомъ порядка разсчета, и самой концессіи. Въ своихъ оправданіяхъ теперь онъ говорилъ, что этого «не было въ дѣлѣ (au dossier)». Но если въ «дѣлѣ» не было, если министръ общественныхъ работъ Рэналь былъ введенъ въ заблужденіе, то пусть-бы онъ указалъ виновныхъ въ этомъ. Нѣтъ, онъ просто утверждалъ, что этого въ то время не было въ «дѣлѣ» и что если бы въ «дѣлѣ» это было, то онъ никогда не согласился-бы на такое фактическое продленіе гарантіи посредствомъ простого редакціоннаго измѣненія въ конвенціи. Этотъ вопросъ, касающійся лично Рэналя, уяснится, быть можетъ, слѣдствіемъ, котораго потребовалъ радикалъ Мильеранъ и назначеніе котораго поддержалъ самъ Рэналь, желая очиститься. Между тѣмъ, вопросъ самъ по себѣ ясенъ, какъ-бы слѣдствіе ни обѣлило г. Рэналя. Кто-нибудь да былъ виновенъ въ томъ, прямомъ редакціонномъ подлогѣ, который продолжилъ гарантію дохода на 42 года. А названныя общества доселѣ берутъ приплату по гарантіи. Рэналь оправдывался еще тѣмъ, что имъ разрѣшены новыя постройки, которыя возвысятъ ихъ доходъ и

что приплата правительства по гарантіи уменьшится, станетъ даже мало вѣроятною, войдетъ въ категорію «гипотезъ». Но все это мало убѣдительно и не устраняетъ впечатлѣнія, что кто-то продалъ интересъ казны, употребивъ для этого редакціонный фортель.

Вопросъ объ этомъ первоначально возникъ при составленіи прошлогодней росписи государственныхъ расходовъ, въ которой упоминалось о гарантіяхъ данныхъ разнымъ желѣзнодорожнымъ обществамъ. «Южное» общество протестовало противъ изложенія, что гарантія, предоставленная ему, оканчивается въ 1914 году, этотъ протестъ былъ заявленъ письмомъ председателя правленія къ г. Барту, гдѣ утверждалось, что въ силу конвенціи 1883 года, гарантія, какъ и способъ раздѣленія дохода, установлены до истеченія концессіи, т. е. до 1956 года. Г. Барту съ этимъ не согласился и въ прошломъ году, въ виду намѣренія обоихъ обществъ выпустить новыя облигаціи, потребовалъ, чтобы на ихъ листахъ, противъ словъ о правительственной гарантіи 4% дохода, было проставлено: «Valable jusqu'en 1814». Тогда желѣзнодорожныя общества вошли съ жалобой въ государственный совѣтъ, ссылаясь на текстъ конвенціи 1883 года, въ которой не сдѣлано различія между срокомъ дѣйствія правилъ о дѣлежѣ дохода и срокомъ правительственной гарантіи дохода. Въ іюнѣ прошлаго года, Пелльтанъ возбудилъ это дѣло въ палатѣ путемъ запроса. Министръ публичныхъ работъ Барту заявилъ тогда, что такъ какъ компаніи внесли дѣло въ государственный совѣтъ, то остается только выждать рѣшенія этого высшаго учрежденія. Миллеранъ предложилъ палатѣ заявить, что ничье истолкованіе конвенціи, утвержденной въ 1883 году палатой, не можетъ связать волю палаты. Но это предложеніе было отвергнуто и мнѣніе министра Барту было одобрено (въ іюнѣ) большинствомъ 385 голосовъ противъ 21-го.

Нынѣ дѣло это было рѣшено государственнымъ совѣтомъ — противъ министра, да и не могло быть иначе, такъ какъ въ текстѣ конвенціи 1883 года безусловно нѣтъ оговорки, что гарантія дана была только на 50 лѣтъ, а между тѣмъ сказано, что за силою этого новаго соглашенія постановленія первоначальной конвенціи отмѣняются. Въ засѣданіи палаты 14 (2) января Барту заявилъ, что такъ какъ рѣшеніе государственнаго совѣта безапелляціонно, то остается только подчиниться ему, но что оно противорѣчитъ его, министра, личному убѣжденію и что если бы онъ долженъ былъ привесть такое рѣшеніе въ исполненіе, то это поставило-бы его въ неловкое положеніе передъ желѣзнодорожными обществами, умалило-бы его авторитетъ; что поэтому онъ слагаетъ съ себя званіе министра. Противъ такого толкованія, одобреннаго кабинетомъ, возстали радикалы Гобле и Миллеранъ. Первый спросилъ, почему-же все министерство не подаетъ въ отставку. Въ пренія вмѣшался президентъ совѣта Дюпюи и съ полной ясностью доказалъ, что Барту уходитъ по соображенію личному, которое не касается всего кабинета и существованіе кабинета отъ рѣшенія государственнаго совѣта не зависитъ; затѣмъ, что

палата, одобривъ въ прошломъ іюнѣ мнѣніе, что дѣло должно быть предоставлено на рѣшеніе государственнаго совѣта, должна остаться при этомъ мнѣніи и теперь, когда совѣтъ рѣшеніе свое произнесъ, а не оспаривать его, только потому, что оно состоялось противъ казеннаго интереса, такъ какъ это было-бы нарушеніемъ принципа «раздѣленія властей». Послѣ жаркихъ споровъ Дюпюи объявилъ, что вся суть вопроса въ данномъ случаѣ въ томъ, признаетъ-ли палата этотъ принципъ и потому правительство можетъ принять только формулу перехода къ очередному порядку, предложенную депутатомъ Трела, именно, что «палата, уважая принципъ раздѣленія властей (division des pouvoirs), переходитъ къ очереднымъ дѣламъ»; если-же эта формула принята не будетъ, то все министерство подастъ въ отставку. Палата отказалась поставить эту формулу первою на голосованіе, вслѣдствіе чего министры тотчасъ вышли изъ залы, а палата, какъ-бы въ догонку имъ, приняла формулу Кранца: «палата, оговаривая сохраненіе за государствомъ принадлежащаго ему права, переходитъ» и т. д.

Президенту К. Перье предстояло назначить новое министерство или распустить палату. Но рѣшеніе его отказаться отъ власти созрѣло еще ранѣе. По всей вѣроятности, онъ остался-бы еще нѣкоторое время въ должности. Однако если уйти онъ былъ все-таки намѣренъ въ скоромъ времени, то зачѣмъ-же ему было составлять напрасно новый кабинетъ или распускать палату? Ясно, что слѣдовало предоставить этотъ выборъ уже новому главѣ государства.

Неожиданная отставка министерства Дюпюи произвела сильное впечатлѣніе. Но на слѣдующій-же день бюллетень «Агентства Гавасъ» произвелъ еще несравненно большую сенсацію. Онъ извѣщалъ, что вчерашнее голосованіе президентъ республики считаетъ лишь случаемъ второстепеннаго значенія, но что не встрѣчая достаточной поддержки и довѣрія со стороны всѣхъ республиканцевъ, какъ онъ ожидалъ, онъ, К. Перье, самъ слагаетъ съ себя свое званіе, а кабинетъ Дюпюи проситъ остаться временно въ должности для передачи власти новому президенту. Не помогли никакіе совѣты и просьбы, Перье настоялъ на своемъ. Въ посланіи, которое было прочтено въ палатахъ 16 (4) числа, г. Перье жаловался на недостатокъ поддержки и довѣрія, безъ которыхъ президентъ республики, неимѣющій прямого почина и надзора, не можетъ имѣть и нравственной силы. Онъ жаловался на постоянную диффамацію, направленную противъ правительства, судовъ, войска, парламента и президента республики, который по конституціи не отвѣтственъ. Отвѣтственность нравственная лежитъ на немъ, но «я не въ состояніи—писалъ президентъ—выносить ее, когда я обреченъ на безсиліе». Нѣсколько словъ о постоянныхъ оскорбленіяхъ, которыми осыпаютъ главу государства въ глазахъ другихъ правительствъ и о томъ, что преобразованія могутъ быть успѣшно совершены только правительствомъ твердымъ, могущимъ внушить уваженіе къ законамъ—вотъ и все объясненіе отставки. Оно выражало въ сущности

разочарованіе, досаду и—нѣкоторое пренебреженіе. Немудрено, что вся печать осудила шагъ Казиміра-Перье и его посланіе.

Его упрекаютъ въ недостаткѣ патріотизма, въ томъ, что онъ не умѣлъ принесть въ жертву Франціи свои личныя чувства и подвергалъ страну опасности переворота. Но это—преувеличенія. Всегда найдется достаточно охотниковъ принять власть, изъ-за самой власти, и назвать это патріотизмомъ. Парламентское избраніе президента—это не государственный переворотъ и не народный плебисцитъ. Избраніе президента республики производится легче, чѣмъ составленіе новаго министерства. Вступая въ званіе президента, Перье зналъ кругъ своихъ правъ и тягость отвѣтственности. Но онъ, очевидно, ошибся вотъ въ чемъ: въ обращеніи къ нему въ тотъ опасный моментъ онъ усмотрѣлъ какъ-бы настоящій общественный порывъ, который долженъ былъ прочно сплотить около него богатую буржуазію, побудить ее къ широкому довѣрію ему, съ допущеніемъ тѣхъ преобразованій, какія онъ призналъ-бы нужнымъ для удержанія ея-же господства.

Сенатъ и палата собрались въ конгрессъ 18 (6) января въ Версалѣ. При первомъ голосованіи подано было бюллетеней: за Бриссона 338, за Фора 244, за Вальдека-Руссо 184. Послѣ этого, Вальдекъ-Руссо просилъ своихъ приверженцевъ перенесть голоса на Фора. При послѣдующемъ голосованіи, изъ 801 бюллетеня было поданныхъ: за Фора 430, за Бриссона 361. Феликсъ Форъ (морской министръ въ прежнемъ кабинетѣ) былъ объявленъ президентомъ. При этомъ раздались аплодисменты на правой сторонѣ, въ центрѣ и на умѣренной лѣвой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и слѣдующіе возгласы: «долой реакцію! долой продажныхъ! долой диктатуру! долой коммуну — молчать, бѣшеные! это президентъ реакціи! президентъ правой! президентъ монархіи! это продолженіе Казиміра! его не будетъ черезъ три мѣсяца! прочь воровъ! да здравствуетъ революція! да здравствуетъ коммуна». Здѣсь выписаны всѣ слышанные крики, кромѣ буквальныхъ повтореній. Бриссону радикалы сдѣлали овацію. Нельзя не отмѣтить, что при избраніи Перье, за Бриссона было подано только 195 голосовъ, за Перье 451; теперь-же, при первой баллотировкѣ, Бриссонъ получилъ наибольшее число голосовъ, хотя не имѣлъ большинства; при второй-же онъ получилъ 361 голосъ.

Новому президенту 54 года, онъ родился въ Парижѣ, но поселился въ Турени, былъ рабочимъ на кожевенномъ заводѣ, потомъ приказчикомъ по той же части. Въ Гаврѣ онъ основалъ свой заводъ и до самаго избранія его въ президенты, когда онъ былъ министромъ, въ Гаврѣ была вывѣска: «Maison Félix Faure. Cuirs et peaux». Пріобрѣтя капиталъ, Форъ занялся еще снаряженіемъ судовъ. Во время войны 1870 г. его избрали въ Гаврѣ командиромъ батальона подвижной гвардіи (мобилей); въ этомъ званіи, онъ при осадѣ версальцами Парижа, занятаго коммуной, привелъ къ арміи отрядъ мобилей изъ Гавра и получилъ за это крестъ почетнаго легіона. Въ политическую жизнь онъ вступилъ, имѣя уже 40 лѣтъ и со-

стояніе. Въ 1881 г. онъ былъ избранъ въ Гаврѣ депутатомъ и съ тѣхъ поръ остается представителемъ этого города. Въ томъ же году Гамбетта сдѣлалъ его помощникомъ статсъ-секретаря колоній. Это званіе г. Форъ получалъ потомъ еще въ двухъ кабинетахъ, но однажды—по министерству торговли. Стоя и въ своей частной дѣятельности въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ къ торговому мореплаванію, г. Форъ заинтересовался вопросами морского и колоніальнаго вѣдомствъ и, какъ человѣкъ работящій и способный, изучилъ ихъ ближе, чѣмъ то успѣваютъ сдѣлать иные министры, не изъ адмираловъ. Онъ недавно былъ однимъ изъ вице-президентовъ палаты депутатовъ и принялъ постъ морского министра въ кабинетѣ Дюпюи.

Будучи министромъ, онъ сохранилъ свои привычки дѣятельнаго хозяина: вставалъ въ 5 часовъ, въ 8 уже принималъ доклады въ министерствѣ, выходилъ отдыхать на террасу министерскаго дома (на площади Согласія), покуривая трубку. Прибавимъ, что онъ большой любитель ружейной охоты. У него двѣ дочери: одна замужемъ въ Гаврѣ за г. Берже, членомъ генеральнаго совѣта департамента Нижней Сены. Дѣлами министерства г. Форъ занимался прилежно, самъ входилъ во все, объѣздилъ порты и арсеналы, провелъ нѣсколько реформъ по внутренней организаціи и по газетному отзыву, былъ «строгъ, но справедливъ (très bienveillant et très sévère)».

Посланіе новаго президента къ палатамъ нѣсколько запоздало; оно явилось только черезъ 10 дней послѣ избранія, но это зависѣло отъ того, что на образованіе новаго кабинета потребовались нѣсколько дней. Посланіе было прочтено въ палатахъ 28 (16) января. Относительно формы, можно замѣтить, что въ немъ чаще, чѣмъ о республикѣ, упоминалось о «демократіи». Президентъ называлъ себя представителемъ «трудолюбивой демократіи», упомянулъ о Франціи, гордящейся, между прочимъ, «своими сбереженіями», о будущей парижской всемірной выставкѣ. Въ этомъ посланіе было принаровлено къ личности президента. Въ прочемъ, оно состояло изъ общихъ мѣстъ, къ числу которыхъ относились и дань удивленія—той правильности и спокойствію, съ какими совершилась передача власти, и готовность «изучать великіе вопросы, волнующіе весь міръ для разрѣшенія ихъ въ согласіи съ національными традиціями и правами».

Но заслуживаетъ вниманія, что новый президентъ подумалъ сперва объ образованіи кабинета нѣсколько радикальнаго, обратясь для этого къ г. Буржуа. Тотъ не хотѣлъ ограничиться какой-нибудь личной коалиціей, обозначилъ программу для новаго министерства—подоходнымъ налогомъ и задумалъ включить въ кабинетъ—автора одного изъ проектовъ подоходнаго налога Пейтраля. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ обращался и къ нѣсколькимъ членамъ прежняго кабинета: къ Ганото, Пуанкаре, Лейгу. Однако тѣ не хотѣли слышать о подоходномъ налогѣ. Напрасно Буржуа предлагалъ, что министерство финансовъ онъ готовъ взять самъ и что

подоходный налогъ оно предложитъ теперь лишь «въ принципѣ», а внесеніе проекта пока отложится. Всѣ усилія его не привели къ результату и президентъ долженъ былъ обратиться затѣмъ къ одному изъ важнѣйшихъ членовъ оппортунистско-умѣреннаго большинства—Рибо.

Г. Рибо принадлежитъ къ многочисленной фалангѣ той интеллигенціи, состоящей изъ юристовъ, инженеровъ, литераторовъ, врачей и проч., которая громко превознося республиканскую форму, «священные принципы 1789 года» и демократію, просто служитъ господству богатой буржуазіи и свободу разумѣетъ въ смыслѣ полнаго простора для спекуляціи, а равенство видитъ въ томъ, что всякъ можетъ стремиться къ обогащенію, а послѣ обогащенія—къ значенію среди республиканскаго, мнимо-демократическаго общества и затѣмъ—къ власти. Enrichissez vous!—сказалъ еще Гизо. Самъ нынѣшній президентъ республики служитъ образцомъ этихъ свободы и равенства: онъ былъ рабочимъ, потомъ хозяиномъ завода, отчасти и купцомъ. Никакіе средневѣковые цехи не препятствовали ему быть сперва кожевникомъ, затѣмъ судопромышленникомъ, никакія новѣйшія «мечтанія идеологовъ» не помѣшали ему быть свободнымъ отъ налога въ пользу бѣдныхъ, какой существуетъ въ Англіи и отъ подоходнаго налога, который имѣется, какъ въ Англіи, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ монархіяхъ. Обогатясь, г. Форъ пріобрѣлъ значеніе въ обществѣ, а впослѣдствіи, весьма скоро—и власть, сперва министра, наконецъ президента республики.

Но если г. Форъ можетъ служить образчикомъ тѣхъ «свободы и равенства», которыя богатый классъ признаетъ окончательнымъ осуществленіемъ принциповъ 1789 года, то его первый министръ является характернымъ представителемъ именно той интеллигенціи, которая посвящаетъ себя поддержкѣ полнаго господства себялюбивой, неуступчивой и близорукой богатой буржуазіи, соединяетъ свои интересы съ ея интересами, сама обогащается среди богатыхъ людей и пріобрѣтя значеніе не только достаткомъ, но и умомъ, талантомъ, раздѣляетъ власть съ настоящими хозяевами страны. Она составляетъ изъ себя нѣсколько дружинъ, борющихся за одно и то-же дѣло, но подъ знаменами разныхъ политическихъ кондотьеровъ, поочередно вырывающихъ другъ у друга изъ рукъ все ту-же власть не для предпринятія чего-либо новаго, нѣтъ, только для защиты «status quo», подъ разными личными и кружковыми значками. Всѣ тѣ группы въ палатѣ, которыя держатся между крайней правой стороной и радикалами, допуская къ себѣ и нѣсколькихъ радикаловъ—изъ тѣхъ, которые не слишкомъ ужъ «отуманены» принципами — вся совокупность этихъ группъ, т. е. большинство палаты, состоитъ именно изъ такихъ дружинъ, борющихся будто-бы за республиканскія начала, но въ дѣйствительности—за привилегію богатыхъ классовъ, за охраненіе свободы наживать состояніе и за равенство для всѣхъ въ правѣ вскарабкаться вверхъ, по плечамъ и головамъ массы, сдѣлать карьеру и стать на высотѣ. Увѣряютъ, будто эта высота доступна для всѣхъ гражданъ;

но понятно, что если-бы высота стала въ самомъ дѣлѣ доступною для всѣхъ, то она сдѣлалась-бы общимъ уровнемъ, а стало быть, перестала-бы быть «вершиною (sommet)» общества.

Въ нынѣшнемъ французскомъ министерствѣ пять юристовъ: президентъ совѣта и министръ финансовъ—Рибо, министръ просвѣщенія—Пуанкаре, министръ внутреннихъ дѣлъ — Лейгъ, министръ юстиціи — Трарьё и общественныхъ работъ—Дюпюи-Дютанъ; два врача: министръ земледѣлія—Гадо и министръ колоній—Шотанъ; наконецъ, два литератора: министръ торговли, почтъ и телеграфовъ—Лебонъ и названный уже выше г. Лейгъ. Изъ нихъ г. Рибо былъ уже министромъ пять разъ, былъ и президентомъ совѣта министровъ.

Послѣднее было два года тому назадъ: 1893 годъ засталъ Рибо въ этой должности. Положеніе въ то время было весьма похоже на нынѣшнее. Панамское дѣло только что раскрылось и надо было какъ-нибудь затушевывать участіе въ немъ видныхъ политическихъ дѣятелей. Точно такъ теперь дѣло громаднаго шантажа въ прессѣ, преслѣдованіе котораго было допущено г. Казиміромъ—Перье, большинство палаты желало прекратить и заглушить по возможности. Подъ двумя президентствами г. Рибо въ совѣтѣ совершалось то и другое. Съ панамскимъ дѣломъ справиться было гораздо труднѣе. Въ виду расхищенія многихъ десятковъ милліоновъ, въ виду исковъ лицъ потерпѣвшихъ, наконецъ, при показаніяхъ Лессепса—сына и сознаніи бывшаго министра Байо—затушевать то дѣло можно было только такъ, какъ пожарные тушатъ большой пожаръ: оставить огню ту часть, которой спасти нѣтъ возможности (faire la part du feu) и отстаивать остальное. Байо осудили. Рувье, Флокэ, Фрейсинэ, Клемансо устранили отъ дальнѣйшаго соисканія портфелей, какъ слишкомъ скомпрометированныхъ, а остальныхъ прикрыли и спасли.

Дѣло это застало г. Рибо въ должности президента совѣта, но такъ какъ въ составъ тогдашняго его кабинета входили военный министръ Фрейсинэ, скомпрометированный сильно, министръ внутреннихъ дѣлъ Лубе, который защищалъ Рувье въ печати, и морской министръ Бюрдо (впослѣдствіи президентъ палаты, недавно умершій), оговоренный однимъ изъ подсудимыхъ во взяточничествѣ, то тотъ кабинетъ долженъ былъ пасть. Но большинство и президентъ Карно не думали поручить кому-либо иному главное руководство дѣлами, какъ тому-же г. Рибо, который въ январѣ 1893 г. и составилъ новое министерство съ исключеніемъ изъ него только что названныхъ трехъ членовъ. Памятная рѣчь радикала Каваньяка, въ февралѣ того-же года, о паденіи нравовъ въ высшемъ управленіи, повела къ принятію такой резолюціи, что палата будетъ поддерживать правительство въ истребленіи взяточничества и недопущеніи впредь такихъ пріемовъ управленія, которые ею осуждаются. Президентъ совѣта Рибо присоединился къ этому постановленію, показавъ видъ, будто не находилъ въ немъ недовѣрія къ себѣ и прямого приглашенія вести розыскъ энергичнѣе, чѣмъ онъ дѣлалъ. Но онъ воспользо-

вался другимъ случаемъ и поставилъ вопросъ о довѣріи кабинету, который имъ былъ названъ уже тогда (какъ провозглашается и нынѣ) кабинетомъ «республиканскаго сосредоточенія (concentration républicaine)» и одержалъ побѣду. Въ результатѣ панамскаго дѣла Герцъ и Артонъ не были вытребованы изъ-за границы, Рувье, Греви младшій и Рено были освобождены отъ суда. Фрейсинэ, Флоке, Клемансо и сотня депутатовъ и сенаторовъ, о которыхъ ходили нехорошіе слухи, вовсе къ суду привлечены не были. Все это совершилось при кабинетѣ Рибо.

Такъ и теперь, въ январѣ 1895 года, первымъ дѣломъ новаго кабинета Рибо будетъ прекратить дѣло о шантажистахъ, за которое такъ энергически взялся Дюпюи. Радикаламъ и соціалистамъ г. Рибо далъ при этомъ случаѣ какъ-бы взятку въ видѣ амнистіи за политическія преступленія, проступки въ печати и безпорядки при стачкахъ.

Въ засѣданіи 28 (16 января) проектъ амнистіи былъ принятъ почти единогласно (а именно 311 голосами противъ 7), и замѣчательно, что при предложеніи его въ сенатѣ, чрезъ 3 дня, противъ амнистіи было подано также только 7 голосовъ. Итакъ, радикалы и соціалисты подавали голоса за новый кабинетъ дѣльцовъ для того, чтобы получить амнистію осужденныхъ за политическія преступленія и стачки, а большинство, представляющее собой «республиканское сосредоточеніе» или «единеніе», согласилось освободить революціонеровъ и стачниковъ, лишь-бы былъ прекращенъ дальнѣйшій розыскъ шантажистовъ. Но въ такомъ минутномъ согласіи и отражается то взаимопротиворѣчіе, которое лежитъ въ основѣ всего положенія дѣлъ, противорѣчіе, которое вызвало отставку Казиміра-Перье, избраніе президентомъ человѣка безъ авторитета, назначеніе кабинета подъ руководствомъ человѣка умнаго, ученаго (г. Рибо—докторъ правъ), но представляющаго собой только «ловкача» въ парламентской тактикѣ и полную безвыходность въ ближайшемъ будущемъ, при нынѣшнемъ составѣ палаты.

По поводу образованія кабинета Рибо, газета «Temps», наиболѣе авторитетный изъ умѣренно-республиканскихъ органовъ, разсуждалъ такъ: «Очевидно, что слѣдовало отказаться, какъ отъ парламентски невозможнаго, отъ всякаго кабинета съ характеромъ боевымъ, будь онъ радикальный или консервативный, отъ всякаго управленія, которое имѣло-бы программу ясно наступательную (agressif) противъ той или другой стороны палаты... Возможно-ли министерство съ опредѣленнымъ (tranché) характеромъ при большинствѣ, которое именно такого характера и не имѣетъ... Итакъ, необходимо не министерство убѣжденій (de doctrine), но управленіе практическое, которое дастъ палатѣ время оглядѣться и рѣшать ежедневно наиболѣе настоятельныя дѣла. Это будетъ министерство переходное, временное, но основанное на силѣ вещей». Далѣе газета доказываетъ, что прежде всего слѣдуетъ вотировать бюджетъ 1895 года, что этого дѣла невозможно долѣе откладывать.

И вотъ палата начала это обсужденіе со смѣты министерства ино-

странныхъ дѣлъ. Она встрѣтилась съ требованіемъ радикаловъ объ упраздненіи дипломатическаго представительства у папы и отвергла это требованіе. Но здѣсь кстати упомянуть, что аббатъ Лемиръ ловко выторговалъ у «республиканскаго сосредоточенія» отмѣну дисциплинарныхъ каръ, наложенныхъ на духовныхъ лицъ (пріостановка выдачи жалованья), предложивъ дополнить законъ объ амнистіи—распространеніемъ ея на духовныхъ и на чиновниковъ. Помиловать чиновниковъ, наказанныхъ за злоупотребленія, логично, когда шантажистовъ оставятъ въ покоѣ. А большинству эта мысль такъ понравилась, что оно согласилось даже возвратить жалованье священникамъ, лишь-бы выручить изъ бѣды пострадавшихъ «по непріятностямъ» чиновниковъ.

По сомнительно, чтобы нынѣшняя палата, послѣ какого-бы то ни было срока, успѣла «оглядѣться» и сдѣлать возможнымъ министерство съ убѣжденіями, а не съ одними ловкими механическими пріемами. Большинство хочетъ именно политики противной «партіи переворота». Съ этою цѣлью былъ избранъ К. Перье, для этого ему давались громадныя большинства при всякомъ случаѣ, когда только вопросъ касался анархистовъ и хотябы соціалистовъ. А соціалисты и съ ними радикалы хотятъ боевой программы—въ смыслѣ положительныхъ реформъ: пересмотра системы обложенія, введенія подоходнаго налога, отдѣленія государства отъ церкви, выкупа въ казну желѣзныхъ дорогъ. Но пока трудно ожидать, чтобы изъ нынѣшняго положенія нашелся какой-либо иной исходъ, кромѣ распущенія палаты, да и рѣшительнаго затѣмъ, именно «боеваго» поворота въ ту или другую сторону или, выражаясь словами «Temps», противъ той или другой стороны.

Та же газета находитъ, что подоходный налогъ въ настоящую минуту представляетъ собой химеру, хотя соглашается, что имъ вовсе не такъ трудно было-бы замѣнить другіе налоги. Новое-же министерство не только не предлагаетъ этой химеры, но даже вынуло изъ бюджета внесеннаго прежнимъ министромъ финансовъ (нынѣ просвѣщенія) Пуанкаре налогъ на наслѣдства. Пусть этотъ налогъ, столь не нравящійся правящему классу, не мѣшаетъ пройти бюджету, а обсуждается отдѣльно, при чемъ вѣроятно провалится. Въ томъ-же засѣданіи 28 (16), когда была утверждена амнистія, палата большинствомъ 332 голосовъ противъ 198 отвергла, съ одобренія г. Рибо, внесенное Готье предложеніе о безотлагательномъ пересмотрѣ системы обложенія. Тогда дана была окончательная санкція новому кабинету—принятіемъ одобренной правительствомъ формулы перехода къ очередному порядку, а именно, что «палата относится съ довѣріемъ къ намѣренію правительства слѣдовать политикѣ республиканскаго единенія и демократическихъ реформъ». Хороша однако «политика демократическихъ реформъ», которая начинается съ отсрочки налога на наслѣдство и съ отклоненія настоятельности пересмотра обложенія вообще.

Ясно, что пока не наступитъ именно «боевой» періодъ, то есть мо-

ментъ рѣшительнаго перевѣса въ странѣ того или другого изъ взглядовъ, которые нынѣ считаются «крайними», политическая жизнь Франціи будетъ вращаться въ ошибочномъ кругѣ съ цѣлымъ калейдоскопомъ министерскихъ комбинацій, все болѣе или менѣе изъ тѣхъ-же кондотьеровъ интеллигенціи: гг. Рибо, Лубе, Дюпюи, Гобле, Вальдекъ-Руссо, Буржуа, Ренала и т. д. Мы сравнили выше положеніе въ нынѣшнемъ январѣ съ положеніемъ въ началѣ 1893 года, при министерствахъ того-же г. Рибо. Дополнимъ это сравненіе еще двумя сходными чертами: кабинетъ Рибо въ 1893 г. палъ вслѣдствіе конфликта между сенатомъ и палатою депутатовъ по поводу мелкихъ налоговъ на разные предметы роскоши и пересмотра системы надзора за желѣзными дорогами. Нынѣ вопросъ объ истолкованіи конвенцій съ желѣзнодорожными кампаніями повелъ къ кризису въ министерствѣ Дюпюи, а несочувствіе большинства къ розыску злоупотребленій въ связи съ газетнымъ шантажемъ и къ налогу на наслѣдства обратило этотъ кризисъ—въ президентскій, который окончился избраніемъ Фора и образованіемъ вновь кабинета подъ руководствомъ мастера парламентскихъ дѣлъ Рибо. Въ январѣ 1893 г. графъ д'Оссонвилль съ согласія тогдашняго претендента, графа Парижскаго, заявлялъ въ «Soleil», что панамское дѣло ведетъ къ возстановленію монархіи, а въ мартѣ, уже самъ претендентъ выступилъ съ открытымъ заявленіемъ, что только монархія можетъ спасти Францію. Точно такъ—теперь, вслѣдствіе жалобы Казиміра-Перье на признанную имъ невозможность успѣшно управлять страною при создаваемыхъ правительству трудностяхъ, преемникъ графа Парижскаго герцогъ Орлеанскій написалъ сенатору Бюффе: «посланіе Перье является обвинительнымъ актомъ противъ нынѣшней конституціи... близокъ часъ, когда нація захочетъ возвратиться къ тому образу правленія, который озарилъ славою ея прошлое и одинъ только можетъ быть надежнымъ залогомъ ея будущности».

Приводимъ эти отзывы претендентовъ только для дополненія сходныхъ чертъ кризиса панамскаго и кризиса только что происшедшаго. Но орлеанскаго рецепта мы не можемъ признать спасительнымъ для Франціи. На комъ-же опирался-бы герцогъ Орлеанскій, если-бы онъ сталъ королемъ? На арміи и гражданской «дисциплинѣ»? Но это во Франціи не могло-бы держаться неопредѣленное время. Самъ Людовикъ-Наполеонъ, человѣкъ разгромившій толпы картечью, черезъ восемь лѣтъ послѣ воцаренія, уже почувствовалъ себя вынужденнымъ возстановить гласность преній и нѣкоторыя другія условія режима парламентскаго, а въ 1870 году возстановилъ его совсѣмъ. Итакъ, король сохранилъ-бы парламентское правленіе и опирался бы на большинство умѣренныхъ либераловъ, т. е. на ту же богатую бурзуазію. Для нея возстановленіе монархіи было-бы, пожалуй, логическимъ, именно боевымъ шагомъ противъ стремленій, «угрожающихъ революціонными приключеніями». Но корона увѣнчала бы собой лишь господство той-же эгоистической и близорукой богатой буржуазіи, съ обусловливаемымъ имъ за-

стоемъ. А вопросъ о будущемъ остался-бы совершенно въ томъ-же положеніи, какъ онъ представляется и въ настоящее время.

Примѣчательный министерскій кризисъ произошелъ въ концѣ года въ Венгріи. Мы говорили въ свое время о внесенныхъ министерствомъ Векерле и принятыхъ палатою депутатовъ, сперва отвергнутыхъ верхнею палатой, но потомъ принятыхъ и ею законовъ объ обязательности и самостоятельной законности брака юридическаго и объ установленіи полной вѣротерпимости. Король Францъ-Іосифъ такъ долго не утверждалъ этихъ законовъ, что сомнѣвались уже, утвердитъ-ли онъ ихъ когда-нибудь. Основныя данныя положенія въ Венгріи таковы: большинство населенія составляютъ католики; но протестанты, православные славяне и румыны, и наконецъ евреи, взятые вмѣстѣ, составляютъ меньшинство, котораго число недалеко отъ половины цифры всего населенія (48%); мадьяры страстно привержены къ своей національной автономіи и щепетильны насчетъ какихъ-либо вѣнскихъ, нѣмецкихъ вліяній; но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ Францѣ-Іосифѣ они видятъ венгерскаго короля, представителя ихъ государственности, и преданы ему; его всегда принимаютъ въ Пештѣ восторженно и въ этомъ участвуютъ всѣ партіи, кромѣ соціалистовъ; прибавимъ, что большинство въ палатѣ депутатовъ принадлежитъ издавна либераламъ и что министерство Векерле пользовалось безусловной поддержкой либераловъ.

При наличности такихъ данныхъ, промедленіе въ утвержденіи королемъ приведенныхъ либералами законовъ вызывало въ политическихъ кругахъ нѣкоторое уныніе, такъ какъ они сознавали, что если-бы король отказался утвердить эти законы, пріѣхалъ въ Пештъ, произнесъ нѣсколько сочувственныхъ словъ о Magyarorszag, т. е. о венгерскомъ государствѣ, и распустилъ-бы палату, то либералы могли-бы на нѣкоторое время проиграть дѣло. Между тѣмъ, они полагали не остановиться на уже прошедшихъ законодательныхъ мѣрахъ, но пойти далѣе въ смыслѣ полной эманципаціи общества отъ требованій господствующей церкви, провесть законы о правѣ перехода въ каждое исповѣданіе, хотя-бы не христіанское, о необязательности крещенія, о допущеніи «гражданскихъ» похоронъ, съ участіемъ въ нихъ, въ соотвѣтственныхъ случаяхъ лицъ официальныхъ. Въ сущности венгерская либеральная партія предполагала только то, что уже существуетъ во Франціи и въ Италіи. Нѣтъ никакой необходимости, чтобы законъ принуждалъ слѣдовать требованіямъ какой-либо церкви. Въ дѣлѣ убѣжденія должно дѣйствовать только убѣжденіе, но не насиліе.

Король Францъ-Іосифъ долго не утверждалъ прошедшихъ законовъ, а стало быть, былъ чѣмъ-то недоволенъ. Но вотъ, въ одномъ изъ засѣданій палаты депутатовъ, въ половинѣ декабря, министръ-президентъ Векерле, послѣ преній по иному дѣлу, какъ-бы мимоходомъ, вслѣдствіе криковъ оппозиціи, заявилъ, что церковные законы королемъ уже утверждены, и притомъ въ концѣ своей рѣчи прибавилъ, что министерство вѣ-

роятно будетъ принуждено удалиться. Почему должно было удалиться министерство, имѣющее за собой большинство въ палатѣ и только что достигшее блестящаго успѣха? На эту тему разсуждали всѣ, ссылаясь на то, что хотя конституціоннымъ королямъ и принадлежитъ формальное право назначать въ министры кого имъ угодно, но въ дѣйствительности это право отошло къ народному представительству. Тѣмъ не менѣе, во второй половинѣ декабря (н. с.) министерство Векерле въ самомъ дѣлѣ подало въ отставку и получило ее. Смѣна министерства, опиравшагося на парламентское большинство, была-бы принята въ Венгріи съ негодованіемъ, съ подозрѣніемъ, что въ этомъ дѣлѣ участвовали вѣнскіе министры—швабы. Но король пріѣхалъ въ Пештъ, это уже измѣняло положеніе. Г. Векерле онъ принялъ, и отпустилъ послѣ очень короткой аудіенціи. Затѣмъ, онъ призвалъ для переговоровъ о составленіи кабинета—кроатскаго бана барона Куна-де-Гедервари. Барону Куну составленіе кабинета не удалось и новое министерство было составлено членомъ той-же, преобладающей въ нижней палатѣ либеральной партіи, г. Банфи, который принялъ должность президента совѣта министровъ. Въ засѣданіяхъ 19 (7) января онъ изложилъ въ палатѣ магнатовъ и въ нижней палатѣ програму новаго министерства. На первомъ мѣстѣ въ ней поставлена «энергическая защита соглашенія 1867 года», то-есть самостоятельности венгерскаго государства, при связи съ Австріею въ лицѣ короля—въ формѣ делегацій отъ государственныхъ сеймовъ обѣихъ странъ, общими министрами иностранныхъ дѣлъ и военнымъ (хотя Венгрія имѣетъ еще и своего министра гонведовъ). Защита соглашенія 1867 года не составляетъ особенности новаго министерства, но о ней упоминалось потому, что въ Венгріи есть и «непримиримые», желающіе полной независимости, а недавніе разъѣзды сына Кошута по странѣ вызвали нѣкоторую агитацію въ этомъ смыслѣ, агитацію, которую либералы видѣли не безъ удовольствія, въ разсчетѣ, что она послужитъ угрозой, которая побудитъ короля утвердить церковно-политическіе законы. Банфи объявилъ, что эти, уже утвержденные законы министерство приведетъ въ исполненіе и вообще будетъ держаться либеральныхъ началъ и дѣйствуя въ національномъ духѣ, будетъ удовлетворять однако и справедливыя требованія венгерскихъ гражданъ не мадьярскаго происхожденія.

Заявленіе Банфи было принято благопріятно. Утвержденіе королемъ упомянутыхъ выше законовъ и увольненіе, вмѣстѣ съ тѣмъ, «proprio motu» прежняго министерства съ назначеніемъ новаго, либеральнаго-же, показывали, что король былъ просто лично недоволенъ прежними министрами, за то-ли, что они допустили агитацію сына Кошута, или за то, что они намѣревались внесть еще законы о допущеніи перехода въ исповѣданія не христіанскія и т. д. Этотъ вопросъ разъяснится тогда, когда станетъ извѣстно, намѣренъ-ли кабинетъ Банфи продолжать полную эманципацію законодательства отъ какихъ-либо вѣроисповѣдныхъ соображеній.

ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Гончаровъ о любви и художественномъ творчествѣ.—К. Н. Леонтьевъ о Катковѣ.—Творецъ «Горе отъ ума».—Кто написалъ «Петербургскія трущобы?»

Гончаровъ о любви и художественномъ творчествѣ.

Въ январьской книжкѣ «Русскаго Обозрѣнія» мы находимъ очень любопытную посмертную статью Гончарова надъ названіемъ «Намѣренія, задачи и идеи романа Обрывъ». Нѣкоторыя разсужденія Гончарова представляютъ большой интересъ, рисуя совершенно законченное писательское міровоззрѣніе съ опредѣленными эстетическими и нравственными требованіями. Объясненіе, относящееся къ Обрыву, отличается, какъ и все, что выходило изъ подъ пера этого замѣчательнаго художника, необычайною ясностью и точностью. Гончаровъ интересовался развитіемъ человѣческой страсти, и его романъ даетъ изображеніе этой страсти, въ самыхъ различныхъ, типичныхъ формахъ. «Прежде всего, пишетъ онъ, я сосредоточился на Вѣрѣ, на образѣ ея честной женской любви, обратившейся по несчастнымъ обстоятельствамъ въ гибельную страсть. Меня увлекали проявленія страсти въ чистой и гордой натурѣ женщины и борьба ея съ нею».

Вообще меня всюду поражалъ процессъ разнообразнаго проявленія страсти, т. е. любви,—который, что бы ни говорили, имѣетъ громадное вліяніе на судьбу—и людей и людскихъ дѣлъ. Я наблюдалъ игру этой страсти всюду, гдѣ видѣлъ ея признаки, и всегда порывался изобразить ихъ, — можетъ быть, потому, что игра страстей даетъ художнику богатый матеріалъ живыхъ эфектовъ, драматическихъ положеній, и сообщаетъ больше жизни его созданіямъ. Работая надъ серьезной и пылкой страстью Вѣры, я невольно расшевелилъ и исчерпалъ въ романѣ почти всѣ образы страстей. Явилась страсть Райскаго къ Вѣрѣ, особый видъ страсти, свойственный его характеру, потомъ страсть Тушина къ ней-же, глубокая, разумно-человѣческая, основанная на сознаніи и убѣжденіи въ нравственныхъ совершенствахъ Вѣры; далѣе безсознательная, почти слѣпая страсть учителя Козлова къ своей невѣрной женѣ; наконецъ, дикая, животная, но упорная и сосредоточенная страсть простого мужика Савелья къ женѣ его Маринѣ, этой крѣпостной Мессалинѣ. Я не соображалъ и не разсчитывалъ этого, какъ алгебраическую выкладку: нѣтъ, всѣ эти параллели страстей явились сами собою, какъ сами-же собой, будто для противоположности этимъ страстямъ, явились двѣ

женскія фигуры—безъ всякаго признака страстей: это—Софья Бѣловодова, петербургская дама, и Марфинька, сестра Вѣры.

Гончаровъ такъ заключаетъ эту свою мысль:

Весь рядъ этихъ личностей представляетъ нѣкоторую градацію, гдѣ на высотѣ стоятъ безупречныя—Бѣловодова и Марфинька, потомъ — Бабушка и Вѣра, и, наконецъ, нисходитъ до крайняго злоупотребленія человѣческой натуры — въ женѣ Козлова и въ Маринѣ. Послѣдняя уже представляетъ окончательное паденіе человѣка до животнаго. Нерѣдко слышишь упреки: зачѣмъ художникъ избираетъ такіе сюжеты, какъ, напримѣръ, болѣзни страсти, ихъ уродливости, безобразныя явленія, и такія лица, какъ Вѣра, Бабушка, съ ихъ паденіями, и, наконецъ (quelle horreur!), жена Козлова и Марина? Какъ скоро эти лица—люди, такъ и нельзя обходить ихъ, и нельзя отворачиваться отъ ихъ пороковъ и слабостей. Лучше бы изображать только чистыхъ и безупречныхъ героевъ и героинь, но тогда искусство было-бы, какъ въ прежнее bon vieux temps, только забавой, развлеченіемъ досуга. Между тѣмъ, въ наше время, когда человѣческое общество выходитъ изъ дѣтства и замѣтно зрѣетъ, когда наука, ремесла, промышленность—дѣлаютъ серьезные шаги, искусство отставать отъ нихъ не можетъ. Оно имѣетъ тоже серьезную задачу—это довершать воспитаніе и совершенствовать человѣка. Оно такъ-же, какъ наука, учитъ чему-нибудь, остерегаетъ, убѣждаетъ, изображаетъ истину, но только у него другіе пути и пріемы: эти пути—чувства и фантазія. Художникъ—тотъ-же мыслитель но онъ мыслитъ не посредственно, а образами. Вѣрная сцѣна или удачный портретъ дѣйствуютъ сильнѣе всякой морали, изложенной въ сентенціи.

Изображеніе страстей—это одна задача «Обрыва». Другая задача его—прослѣдить въ лицѣ Райскаго натуру художника, ея проявленія въ искусствѣ и въ жизни. Кромѣ этихъ двухъ задачъ Гончарова смолоду занималъ вопросъ о такъ называемомъ паденіи женщины, одинъ изъ самыхъ, по его словамъ, важныхъ, вопіющихъ по своей несправедливости вопросовъ. И вотъ что пишетъ па эту тему этотъ тонкій художникъ съ поразительнымъ чутьемъ къ простой человѣческой правдѣ, свободной отъ всякой аффектаціи:

«Меня всегда поражали, пишетъ онъ, во первыхъ—грубость въ понятіи, которымъ опредѣлялось это паденіе, а во вторыхъ—несправедливость и жестокость, обрушиваемая на женщину за всякое паденіе, какими-бы обстоятельствами оно ни сопровождалось, тогда какъ о паденіи мужчинъ вовсе не существуетъ никакого вопроса. (Въ послѣднемъ случаѣ все ссылаются па разницу, которую вложила сама природа въ женскій организмъ, на назначеніе, указанное женщинѣ, и на нѣкоторыя особыя условія и свойства женской натуры. Въ этой ссылкѣ есть очень маленькая доза правды, а больше лукавство. Но я не касаюсь этого вопроса: это не мое дѣло). Паденіе женщинъ опредѣляютъ обыкновенно извѣстнымъ фактомъ, не справляясь съ предшествовавшими обстоятельствами: ни съ лѣтами, ни съ воспитаніемъ, ни съ обстановкой, ни вообще съ судьбою невинной дѣвушки. Ранняя молодость, сиротство или отсутствіе руководства, экзальтація нервической натуры—ничто не извиняетъ жертву,—и она теряетъ всѣ женскія права на всю жизнь, и нерѣдко, въ безнадежности и отчаяніи скользитъ дальше по тому-же пути. Между тѣмъ, общество биткомъ набито такими женщинами, которыхъ рѣшетка тюрьмы, т. е., страхъ, строгость узды, а иногда еще хуже—разсчетъ на выгоды—уберегли отъ факта, но которыя тысячу разъ падали и до замужества, и въ замужествѣ, тратя всѣ женскія чувства на всякаго встрѣчнаго, въ раздражительной игрѣ кокетства, легкомыслія, празднаго тасканья, притворныхъ нѣжностей, взглядовъ и т. п., куда уходитъ все, что есть умнаго, тонкаго, честнаго и правдиваго въ женщинѣ. Мужчины тоже со своей стороны поддерживаютъ это, и топятъ молодость въ чаду разгула страстей и всякой нетрезвости, а потомъ гордо

являются къ брачному вѣнцу, съ болѣзненнымъ или изношеннымъ организмомъ, послѣдствіями котораго награждаютъ дѣвственную подругу и свое потомство,— какъ будто для насъ, неслабаго пола, чистота нравовъ вовсе не обязательна. Смѣшно вооружаться и гремѣть противъ этого, слишкомъ укоренившагося зла,— я и не вооружаюсь (всякій почти изъ насъ попалъ бы камнемъ въ перваго себя), я вооружаюсь только противъ тяжкой отвѣтственности, которой слѣпо и безъ разбора подвергаютъ женщинъ. Я и въ романѣ взялъ защиту этого дѣла; но напомню опять, что романистъ—не моралистъ, слѣдовательно, и я не могъ взять на себя рѣшеніе вопроса о паденіяхъ женщинъ, а старался изобразить—двухъ, виновныхъ въ фактѣ, но не падшихъ женщинъ. Затѣмъ, уже пусть читатель самъ рѣшаетъ вопросъ о томъ, что такое паденіе женщины.

Въ той-же статьѣ мы находимъ слѣдующее отчетливое разсужденіе чисто-эстетическаго характера:

«Я отнюдь не согласенъ, пишетъ Гончаровъ, съ тѣми эстетиками, изъ новыхъ поколѣній, которые ограничиваютъ цѣль искусства одними крайне-утилитарными цѣлями, требуя, чтобы оно отражало только жизнь, кипящую заботами нынѣшняго дня, изображало вчера родившихся и завтра умирающихъ героевъ и героинь и чтобы несло въ свои предѣлы всякую мелочь, всѣ подробныя черты, не успѣвшія сложиться въ какой-нибудь болѣе или менѣе опредѣленный порядокъ, т. е., образъ. Искусство серьезное и строгое не можетъ изображать хаоса разложенія, всѣхъ микроскопическихъ явленій жизни; это дѣло низшаго рода искусства: карикатуры, эпиграммы, летучей сатиры. Истинное произведеніе искусства можетъ изображать только устоявшуюся жизнь въ какомъ-нибудь образѣ, физіономіи, чтобы и самые люди повторились въ многочисленныхъ тонахъ подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ началъ, порядковъ воспитанія, чтобы явился какой-нибудь постоянный, опредѣленный образъ формы жизни и чтобы люди этой формы явились во множествѣ видовъ или экземпляровъ съ извѣстными правилами, привычками. А для этого нужно, конечно, время. Только то, что оставляетъ замѣтную черту въ жизни, что поступаетъ, такъ сказать, въ ея капиталъ, будущую основу, то и входитъ въ художественное произведеніе, оставляющее прочный слѣдъ въ литературѣ.

Это можно пояснить недалекимъ примѣромъ. Россія переживаетъ теперь великую эпоху реформъ: такой эпохи, такой великой работы всего царства не было съ Петра. Старые люди, какъ старые порядки, доживаютъ свой срокъ, новые пути еще не установились; все поглощено напряженнымъ трудомъ и ожиданіями благихъ результатовъ. Искусству не надъ чѣмъ остановиться пока. Старые художники дописываютъ старую жизнь и прежнихъ людей. Новыхъ еще нѣтъ: сама новая жизнь не вложилась въ опредѣленную физіономію, и люди не имѣютъ опредѣленнаго лица и характера. Тургеневъ (въ «Запискахъ охотника»), Писемскій, Григоровичъ — обезсмертили нравы русскаго крѣпостного крестьянина, Писемскій, сверхъ того, наплодилъ множество типовъ мелкаго провинціальнаго чиновничества, Островскій исчерпалъ весь купеческій бытъ, и все это до реформъ. Старые люди еще не перевелись, а новые не созрѣли и не представляютъ никакихъ опредѣленныхъ физіономій, съ которыхъ художникъ могъ-бы писать портреты. Реформамъ всего 15, а инымъ—10 лѣтъ отъ роду,—и только тогда, когда онѣ установятъ жизнь, и когда жизнь эта окрѣпнетъ въ прочной формѣ и дастъ общій широкій образъ, тогда въ средѣ ея опредѣлятся безчисленные образы людей. Явится уже другой крестьянинъ, не похожій на крѣпостного, другіе чиновники и купцы, не прежніе, а какъ ихъ образуетъ духъ реформъ, — и тогда явится и обильная жатва для будущихъ Тургеневыхъ, Писемскихъ и Островскихъ. А до тѣхъ поръ нельзя и обвинять насъ, стариковъ, что мы изображаемъ только старую жизнь, какъ печатно упрекали меня. Новая жизнь и новые люди не вылупились

еще изъ яйца. Я, въ свою очередь, спрошу, отчего-же въ молодомъ поколѣніи не являются такіе писатели, какъ Островскій, Тургеневъ, Писемскій? Все по той-же причинѣ: не съ кого и не съ чего имъ писать, оттого они и пишутъ мелочи, пустяки, или придираются къ старикамъ.

К. Н. Леонтьевъ о Катковѣ.

Въ той-же книжкѣ «Русскаго Обозрѣнія» мы находимъ любопытную статью подъ названіемъ «Культурный идеалъ К. Н. Леонтьева». Авторъ этой статьи приводитъ довольно обширныя выписки изъ письма къ нему покойнаго Леонтьева, и выписки эти, помимо литературнаго матеріала, оставленнаго въ печати этимъ писателемъ, даютъ очень рельефное представленіе о своеобразной личности, надѣленной талантомъ, поклоняющейся красотѣ, но не отвращающейся при этомъ отъ проявленій жизненнаго и нравственнаго безобразія. Цитируемыя авторомъ характеристики иногда поражаютъ своей мѣткостью. Виденъ умъ, яркій, острый, но холодный, какъ сталь. Выдѣляя эстетическій взглядъ на жизнь, какъ самую высшую теоретическую точку зрѣнія, Леонтьевъ не видитъ, что полная эстетическая правда родственна по духу, по содержанію съ красотою высшей морали. Возвышенная правда, красота не можетъ быть въ противорѣчіи съ тѣмъ, что разумъ признаетъ за теоретическую истину. При остромъ нравственномъ чутьѣ мы не можемъ наслаждаться никакими проявленіями человѣческой жестокости и менѣе всего найдемъ красоту тамъ, гдѣ свободно разгуливаются самые низменные инстинкты, разные виды человѣческой корысти и развращающаго лицемѣрія формальнаго патріотизма. Лучшая, законченная форма красоты, соотвѣтствующей христіанскому міровоззрѣнію, дана въ такихъ образахъ, которыхъ нельзя соединить воедино съ представленіями о мрачныхъ лицедѣяхъ русской исторіи. Вотъ характеристика Каткова и И. Аксакова, которая была-бы великолѣпна, если-бы Леонтьевъ не смѣшивалъ красоты съ уродствомъ, хотя-бы и съ уродствомъ эфектнымъ, сильнымъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ даже могущественнымъ.

«Послѣ Герцена надо подумать о Катковѣ и о томъ, чѣмъ онъ отъ славянофиловъ отличался. Онъ отличался отъ нихъ особенно тѣмъ, что не ходилъ далеко за туманными идеалами а бралъ то, что есть подъ рукой. Не мечталъ о «будущемъ», а съ жаромъ въ лучшее время своей дѣятельности (съ Польскаго возстанія 62—63 гг. и до кончины) старался сдѣлать пользу тому государственному порядку, который есть. И. С. Аксаковъ былъ послѣдовательнѣе и неизмѣннѣе; его статьи возвышали помыслы; но все, что онъ предлагалъ дѣлать сейчасъ—было некстати. Катковъ мѣнялся и казался непослѣдовательнѣе; но у него было великое чутье времени и срока. Напримѣръ, Аксаковъ былъ за большую свободу печати; онъ воображалъ (именно воображалъ), что эта свобода сама по себѣ имѣетъ нѣчто цѣлительное; это неправда. Вредъ отъ этой вольной болтовни неимовѣрно сильнѣе пользы. Катковъ, самъ въ началѣ стоявшій за большую свободу печати, скоро отступился отъ нея; понялъ то, чего Аксаковъ понять никакъ уже не могъ, потому что взиралъ на человѣчество и особенно на русское

человѣчество, слишкомъ морально. Онъ, видимо, слишкомъ вѣрилъ въ хорошія качества русскаго народа, русскаго племени, русскаго духа. Катковъ, видимо, не очень-то въ нихъ вѣрилъ (и былъ правъ! Какая польза въ пріятномъ самообманѣ на поприщѣ политическомъ?). Катковъ вѣрилъ въ силу и будущность государства русскаго и для укрѣпленія его не слишкомъ разбиралъ средства (страхъ — такъ страхъ; насиліе — такъ насиліе; цензура — такъ цензура; висѣлица — такъ висѣлица и т. д.). Катковъ былъ похожъ на энергическаго военно-начальника, знающаго удобопревратную натуру человѣка; начальникъ этотъ, въ виду наступающаго непріятеля, не находитъ возможнымъ «убѣждать» высокими рѣчами заробѣвшихъ и бунтующихъ солдатъ; некогда! Онъ разбиваетъ самъ пулей голову одному, бьетъ кулакомъ по лицу другого, ругаетъ третьяго ласково одобряетъ остальныхъ и кротко взываетъ къ ихъ патріотизму. И. С. Аксаковъ во время пожара читаетъ благородную лекцію о будущей пользѣ взаимнаго страхованія любви. Богъ съ нимъ въ такую минуту. Я люблю полицеймейстера, который въ такую минуту и меня самого съѣздитъ по затылку, чтобъ я не стоялъ сложа руки. Катковъ въ тяжелые дни своеволія и разстройства накидывался на «визшихъ» (т. е., на обреченныхъ самимъ Богомъ повиновенію); Аксаковъ либерально и некстати великодушно корилъ всегда «высшихъ». Катковъ не брезгалъ чиновникомъ; Аксаковъ всегда безтолково (подобно европейскому либералу) нападалъ прежде всего на чиновника. Катковъ не щадилъ ни студентовъ, ни народъ, ни земство, ни общество, и предпочиталъ (основательно) офиціальную «казенную» Россію, основательно, ибо даже и вѣра православная не только пришла къ намъ по указу Владиміра, но и въѣлась въ насъ благодаря тому, что народъ «загнали» въ Днѣпръ. И Катковъ понималъ, что однимъ «чиновникомъ» дышать и развиваться нельзя нигдѣ; но что-же дѣлать съ неофиціальною Россіей, когда она слабѣе, глупѣе, безчестнѣе и несогласнѣе, пьянѣе, лѣнивѣе и безплоднѣе «казенной». Катковъ на практикѣ ежедневно служилъ славянофильскому идеалу гораздо лучше, чѣмъ сами славянофилы. Онъ видѣлъ жизнь, онъ понималъ горькую правду нашей дѣйствительности, пожалуй, и поэтической, но запутанной быстрыми либерально-европейскими реформами. Что-жъ дѣлать, если изъ двухъ русскихъ Европъ, такъ сказать, наша «казенная» Европа охранительнѣе, сильнѣе, надежнѣе, государственнѣе и даже національнѣе Европы либерально-русской. Государственность наша, даже и полуевропейская, несравненно рѣзче отдѣляетъ насъ отъ Запада, чѣмъ наша общественность, въ которой за послѣднія 30 лѣтъ ничего ужъ не осталось бы своего, если бы не сильное правительство... «Я, признаюсь, лично Каткова очень не любилъ. Но онъ былъ истинно великій человѣкъ; онъ былъ и тѣмъ даже великъ, что шагъ за шагомъ, не колеблясь, отступалъ отъ всѣхъ прежнихъ (болѣе либеральныхъ и европейскихъ) убѣжденій своихъ, когда понялъ, что они намъ не «ко двору!» Когда понялъ и то, что русская нація спеціально не создана для свободы, и то, что и на Западѣ все либеральное мало по малу оказывается просто разрушительнымъ. Дайте намъ могуче-сословное, мало подвижное земство, дайте намъ общество религіозное (хотя-бы на 1/2 его членовъ—притворно религіозное, такъ и быть, изъ политики... и хоть на 1/2 искреннее), распространите нѣкоторый фанатизмъ русскихъ вкусовъ,—и тогда само собою охраненіе станетъ меньше нуждаться въ офиціальной помощи. Но гдѣ это теперь? Есть только мечты, надежды, начинанія.

Творецъ «Горе отъ ума».

Воспроизводимъ изъ «Новостей» въ высшей степени интересную рѣчь, прочтенную П. Д. Боборыкинымъ на вечерѣ 21 января, устроен-

номъ комитетомъ Литературнаго фонда въ память столѣтія со дня рожденія Грибоѣдова:

Жемчужина нашего театра до сихъ поръ — «Горе отъ ума». Но одного-ли театра? Эта комедія — одна изъ драгоцѣнностей всего нашего изящнаго творчества на протяженіи девятнадцатаго вѣка. Нужды нѣтъ, что въ русской творческой литературѣ развитіе сценической формы предшествовало эволюціи различныхъ видовъ современнаго эпоса; мы не настолько богаты, чтобы намъ дѣлать слишкомъ строгія и часто узкія дѣленія. Форма не всегда выливается въ полномъ соотвѣтствіи съ замысломъ. Тоже произошло и въ исторіи созданія «Горе отъ ума», если мы захотимъ вѣрить самому автору; а не вѣрить ему мы не имѣемъ никакого права. Замыселъ этой, въ полномъ смыслѣ слова, геніально-даровитой пьесы былъ, по свидѣтельству самого Грибоѣдова, таковъ, что изъ него сложилось-бы произведеніе, еще шире и глубже захватывающее жизнь, быть можетъ, совсѣмъ не въ рамкахъ стихотворной комедіи; во всякомъ случаѣ, безъ тисковъ и ограниченій драматическаго произведенія. Припомните, что писалъ самъ Грибоѣдовъ въ черновомъ наброскѣ, относящемся, какъ разъ, къ тому времени, когда «Горе отъ ума» было уже извѣстно всѣмъ друзьямъ родной литературы, если не въ печатномъ текстѣ, то въ многочисленныхъ спискахъ. Слова, какія я сейчасъ приведу, относятся, по опредѣленію лучшихъ комментаторовъ, къ періоду послѣ 1823 года.

«Первое начертаніе этой сценической поэмы, — набросалъ Грибоѣдовъ для себя,—какъ оно родилось во мнѣ, было гораздо великолѣпнѣе и высшаго значенія, чѣмъ теперь, въ суетномъ нарядѣ, въ который я принужденъ былъ облечь его. Ребяческое удовольствіе слышать стихи свои въ театрѣ, желаніе имъ успѣха заставили меня портить мое созданіе сколько можно было. Такова судьба всякаго, кто пишетъ для сцены: Расинъ и Шекспиръ подвергались той-же участи,—такъ мнѣ-ли роптать? Въ превосходномъ стихотвореніи многое должно угадывать; не вполнѣ выраженныя мысли или чувства тѣмъ болѣе дѣйствуютъ на душу читателя, что въ ней, въ сокровенной глубинѣ ея, скрываются тѣ струны, которыхъ авторъ едва коснулся, нерѣдко однимъ намекомъ,—но его поняли, все уже внятно, и ясно, и сильно. Для того съ обѣихъ сторонъ требуется: съ одной—даръ, искусства, съ другой—воспріимчивость, вниманіе. Но какъ-же требовать его отъ толпы народа, болѣе занятаго собственною личностью, нежели авторомъ и его произведеніемъ? При томъ, сколько привычекъ и условій, нимало не связанныхъ съ эстетическою частью творенія,—однако, надобно съ ними сообразоваться. Суетное желаніе рукоплескать, не всегда кстати, декламатору, а не стихотворцу; удары смычка послѣ каждыхъ трехъ-четырехсотъ стиховъ; необходимость побѣгать по коридорамъ, душу отвести въ поучительныхъ разговорахъ о дождѣ и снѣгѣ—и всѣ движутся, входятъ и выходятъ, и встаютъ и садятся. Всѣ таковы, и я самъ таковъ, и вотъ что называется публикой! Есть родъ познанія (которымъ многіе кичатся)—искусство угождать ей, то есть, дѣлать глупости»...

Вдумайтесь въ эти слова, оцѣните ихъ. Какъ это глубоко вѣрно, умно, проницательно, смѣло и до сихъ поръ необыкновенно ново! Кто изъ драматурговъ не испытывалъ того-же самаго? И если въ писателѣ живетъ одновременно романистъ и драматургъ, то первый будетъ всегда горячѣе защищать свое дѣло. Театръ, чтобы быть истинно литературнымъ, требуетъ необычайныхъ жертвъ со стороны писателя. Кто хочетъ преслѣдовать серьезныя художественныя цѣли, тотъ заранѣе простись съ дешевыми успѣхами. Да и помимо того, самыя рамки сценическаго дѣйствія связываютъ по рукамъ и по ногамъ не только заурядныхъ поставщиковъ сцены, но и геніальныхъ творцовъ европейскаго театра, Шекспировъ и Расиновъ—на кого указываетъ Грибоѣдовъ въ своемъ драгоцѣнномъ для насъ, въ эту минуту, черновомъ наброскѣ.

И обычный у насъ до сихъ поръ взглядъ на «Горе отъ ума», какъ на сатиру въ тѣсномъ смыслѣ, долженъ быть сданъ въ архивъ, и безвозвратно. Если въ этой комедіи Грибоѣдовъ, какъ творецъ-художникъ, кое-гдѣ обмолвился, вводя свое писательское *я*, заставляя Лизу сыпать эпиграммами и Молчалина цинически и неумно, *неестественно* — какъ мы теперь выражаемся, — высказывать свое profession de foi, то, въ общемъ, развѣ насъ не поражаетъ, до сихъ поръ, творческая способность автора ставить фигуры, *бытовыя* фигуры, съ такимъ богатствомъ характеристикъ, съ такой вѣрностью тона, какихъ до него положительно не было въ русской литературѣ и какія послѣ него не были затемнены ни однимъ произведеніемъ, ни въ повѣствовательномъ, ни въ сценическомъ родѣ. Бѣлинскій былъ искрененъ во всемъ, что онъ говорилъ; но его приговоры не составляютъ непогрѣшимыхъ канонов эстетической вѣры. Мы знаемъ, что онъ, на протяженіи своей критической работы, не затруднялся высказывать противорѣчивыя мнѣнія объ одномъ и томъ-же Яркій этюдъ его о «Горе отъ ума» принадлежитъ къ тому періоду, когда онъ былъ преисполненъ эстетическаго правовѣрія, почему и посмотрѣлъ на «Горе отъ ума», какъ слишкомъ ревнивый поборникъ объективнаго творчества. Для него Чацкій—неудачное лицо въ художественномъ смыслѣ; а для насъ—совсѣмъ живое, даже если и предположить, что въ его уста авторъ вложилъ всего больше личныхъ настроеній, идей и негодованія. Чацкій, до сихъ поръ, первое молодое героическое лицо русскаго театра, безъ малѣйшаго сомнѣнія! Никто другой такъ еще не жилъ молодымъ пыломъ на русскихъ подмосткахъ, никто такъ не объяснялся въ любви, не выражалъ такъ своихъ юныхъ, если хотите безтактныхъ, но жизненныхъ и огненныхъ протестовъ. И каждый изъ насъ, кто любовно слѣдитъ за успѣхами русскаго сценическаго искусства, долженъ сознаться съ грустью, что до сихъ поръ ни на какой сценѣ онъ не видалъ еще исполнителя, стоящаго на одномъ уровнѣ съ замысломъ и осуществленіемъ этого и глубоко трогательнаго, и пророческаго, и блистательно созданнаго лица.

Но мнѣ возразятъ: «Какъ-же можно отрицать то, что Грибоѣдовъ сознательно написалъ произведеніе, въ которомъ его лирическое чувство было окрашено въ колоритъ очевидной сатиры?». На это я отвѣчу, что личное чувство, въ данномъ случаѣ (связанное съ цѣлымъ моремъ тѣхъ душевныхъ «терзаній», о какихъ повѣдалъ русскому обществу Чацкій), въ высоко даровитой натурѣ не можетъ служить препятствіемъ тому, чтобы въ писательской душѣ сложилось произведеніе истинно-творческое процессомъ непроизвольнымъ, неожиданнымъ, чтобы оно не подготовлялось безсознательной психической работой творца.

Не думайте, что говорящій вамъ это фантазируетъ. Въ исторіи созданія «Горе отъ ума» есть моментъ, который прямо подтверждаетъ то, что я сейчасъ сказалъ. Въ біографіи Грибоѣдова значится, что въ 1821 году, когда онъ жилъ въ Персіи, ему приводилось, разумѣется, часто мечтать о Петербургѣ и Москвѣ, о своихъ друзьяхъ, родныхъ, знакомыхъ, о театрѣ, который онъ любилъ страстно, и объ артистахъ. Нужды нѣтъ, что это сообщеніе записано Ѳаддеемъ Булгаринымъ; но онъ былъ его другомъ и *въ то время* умѣлъ цѣнить его талантъ, понимать огромное творческое значеніе его комедіи. Мы читаемъ дальше, что разъ Грибоѣдовъ легъ спать въ кіоскѣ, въ саду, и видѣлъ сонъ, представившій ему отечество со всѣмъ, что осталось въ немъ милаго для сердца. Ему снилось, что онъ въ кругу друзей разсказываетъ о планѣ комедіи, будто имъ написанной, даже читаетъ нѣкоторыя мѣста изъ нея. Проснувшись, Грибоѣдовъ беретъ карандашъ, бѣжитъ въ садъ, и въ ту-же ночь не только набрасываетъ планъ «Горе отъ ума», но и пишетъ нѣсколько сценъ перваго акта. Комедія на половину была кончена въ Тифлисѣ, въ 1822 году, какъ предполагаютъ (вопреки показанію Булгарина, считавшаго, что она *совсѣмъ* кончена тамъ) два изслѣдователя писательской жизни Грибоѣдова — Лонгиновъ и Алексѣй Веселовскій. Если оно было такъ, то развѣ можно отрицать то, что замыселъ явился неожиданно, непроиз-

вольно и даже въ томъ особенномъ видѣ нашего сознанія, которое обыкновенно сознаніемъ не называется, то есть въ сновидѣніи. Но это не единичный фактъ въ исторіи творчества вообще; мы знаемъ, что и геніальнымъ ученымъ, и музыкантамъ, и поэтамъ приходили совершенно опредѣленные замыслы, вплоть до открытій строго-научнаго характера.

Да и вся творческая работа «Горе отъ ума» показываетъ, что художникъ-творецъ одолѣвалъ въ Грибоѣдовѣ преднамѣреннаго обличителя въ резонерскомъ-ли, въ пылко-лирическомъ-ли смыслѣ. Вотъ почему мы находимъ въ «Горе отъ ума» такой богатѣйшій вкладъ въ исторію русскаго изящнаго творчества. Эта комедія, вмѣстѣ съ такимъ романомъ, какъ «Евгеній Онѣгинъ», знаменуетъ собою блистательное начало того періода въ развитіи русской изящной литературы, который былъ *творческимъ* по преимуществу. И до тѣхъ поръ, пока наша критика будетъ смотрѣть на «Горе отъ ума» въ исключительныхъ интересахъ обличающей сатиры, она не установитъ своего взгляда на это произведеніе, она будетъ продолжать глядѣть на него только сквозь призму хотя-бы и весьма законныхъ и даже симпатичныхъ общественныхъ протестовъ и упованій, придавая фактамъ внѣшней исторіи этой комедіи слишкомъ большое значеніе.

Да, эта жемчужина русскаго театра долго находилась подъ спудомъ, что, однако, не помѣшало ей, еще до появленія на сценѣ, быть прочтенной всѣмъ тогдашнимъ истинно-грамотнымъ людомъ Россіи. Мы знаемъ, что въ маѣ 1825 года ее хотѣли было дать частнымъ образомъ въ петербургскомъ театральномъ училищѣ, и этотъ спектакль не состоялся по распоряженію высшаго начальства. Мы знаемъ, что на столичной сценѣ допущено было сначала представленіе одного только акта. Намъ извѣстенъ весь мартирологъ искаженій и выкидокъ, отъ которыхъ и до сихъ поръ вполнѣ не избавленъ текстъ, дающійся въ публичныхъ спектакляхъ. Но все это уже *было* и если въ извѣстной степени продолжается до сихъ поръ, то не можетъ уже, въ глазахъ цѣнителей съ болѣе свободнымъ отношеніемъ къ творчеству, затемнять главныхъ и вѣчныхъ достоинствъ произведенія. Мы не можемъ смотрѣть не только на лицо Чацкаго, но и на лица Фамусова, Софьи, Загорѣцкаго, Репетилова — сквозь цвѣтныя стекла исключительно сатирическаго настроенія. Для насъ они—бытовыя лица, творчески созданныя, и слабыя стороны въ ихъ изображеніи какъ разъ тѣ, въ которыхъ писатель недостаточно освободился отъ чисто-отрицательныхъ пріемовъ трактованія отдѣльныхъ лицъ. Какъ общая жизненная картина, сцены московскаго барскаго быта для насъ—уже что-то дорогое, достолюбезное, не по тѣмъ нравамъ, взглядамъ, чувствамъ и предразсудкамъ, какіе сквозятъ въ положеніяхъ и діалогахъ, но по обаянію ихъ жизненности. Нужды нѣтъ, что всѣ почти лица «Горе отъ ума», за исключеніемъ Чацкаго, принадлежатъ къ разряду, такъ называемыхъ, отрицательныхъ лицъ, художественно-реальное творчество не исключаетъ ничего изъ своихъ задачъ. Но и отрицательныя лица могутъ быть трактованы двояко: или цѣльно, разносторонне, такъ что мы ясно видимъ ихъ и то, что ихъ окружаетъ, съ подробностями, дающими настоящее творческое обаяніе, или-же когда писатели, иногда и геніальные, какими были и Мольеръ, и нашъ Гоголь—концентрируютъ въ своихъ комическихъ персонажахъ извѣстную страсть или разныя стороны современной имъ пошлости. Врядъ-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что первый сортъ творчества есть сортъ высшій, почему до сихъ поръ весьма законенъ вопросъ о томъ: можно-ли ставить «Горе отъ ума», какъ комедію, въ цѣломъ, несмотря на всѣ его обмолвки, *ниже* «Ревизора»?

Посмотрите также какое яркое соотвѣтствіе находимъ мы между Грибоѣдовымъ—творцомъ «Горе отъ ума» и Грибоѣдовымъ — человѣкомъ. Въ очень немногихъ нашихъ крупныхъ писателяхъ найдемъ такую внутреннюю гармонію. До сихъ поръ его переписка—увы, гораздо менѣе богатая, чѣмъ-бы мы желали—захватываетъ насъ чувствомъ почти изумленія передъ тѣмъ: какой умъ сказывается

въ ней, какое чувство и пониманіе высшихъ задачъ личнаго и общественнаго существованія. Такому человѣку, конечно, было еще тяжелѣе, чѣмъ его старшему сверстнику Пушкину, у котораго вырвалось въ эту-же эпоху знаменитое восклицаніе о томъ: какъ его — человѣка съ душой — «угораздило» родиться тогда и тамъ, гдѣ онъ произошелъ на свѣтъ.

Пушкинъ, какъ эллинская, болѣе уравновѣшенная натура, родившійся въ томъ-же слоѣ общества, какъ и Грибоѣдовъ, съ очень сходнымъ воспитаніемъ и даже умственнымъ развитіемъ (хотя и съ менѣе серьезной подготовкой въ юношескія лѣта), къ тому времени, когда онъ дописалъ «Евгенія Онѣгина», выработалъ себѣ болѣе примиряющій, болѣе объективный, въ художественномъ смыслѣ, взглядъ на то высшее общество, къ которому онъ желалъ (можетъ быть, слишкомъ усердно) причислять себя. Если мы приминемъ это отношеніе къ «свѣту», то есть къ тому высшему кругу, къ которому такъ долго сводилась вся сколько-нибудь замѣтная жизнь въ нашемъ отечествѣ — если мы приминемъ это отношеніе,—говорю я,—къ тому: въ какихъ мысляхъ и чувствахъ къ нему жили и писали Грибоѣдовъ, а позднѣе Лермонтовъ и Тургеневъ, то мы найдемъ, что всѣ трое, воспитанные въ той-же средѣ (на разстояніи не болѣе, какъ четверти вѣка, съ десятыхъ по конецъ тридцатыхъ годовъ), отличаются большимъ сходствомъ общаго настроенія. И Грибоѣдовъ, и Лермонтовъ, и Тургеневъ были свѣтскіе люди; первые двое даже болѣе принадлежали свѣту, чѣмъ Тургеневъ во вторую половину его писательской карьеры. Замѣчательно, что всѣхъ троихъ, въ такъ называемомъ, «высшемъ» обществѣ считали самолюбивыми и, вообще, неріятными. Грибоѣдовъ и Лермонтовъ, стоящіе ближе другъ къ другу, дѣйствительно, давали поводъ къ такого рода сужденіямъ. Грибоѣдовъ, и какъ писатель, часто не могъ сдержать своей впечатлительности и позволялъ себѣ, напр., такія выходки, какъ сцена съ своимъ, во всякомъ случаѣ, собратомъ по литературѣ, литераторомъ 20-хъ годовъ, Ѳедоровымъ, котораго онъ заставилъ выгнать съ вечера за то только, что тотъ позволилъ себѣ сказать про рукопись «Горе отъ ума», что она «увѣсиста». Лермонтовъ способенъ былъ на такія-же рѣзкости. Но не объ этихъ чертахъ характера и тона желаю я говорить: во всѣхъ троихъ не переставало жить чувство внутренняго протеста противъ фальши, пустоты добровольнаго лакейства и кастоваго высокомѣрія. Въ воспоминаніяхъ Бестужева мы находимъ очень вѣрную характеристику того, какъ Грибоѣдовъ смотрѣлъ на, такъ называемый, «свѣтъ».

«Обладая всѣми свѣтскими выгодами,—говоритъ Бестужевъ, — Грибоѣдовъ не любилъ свѣта, не любилъ пустыхъ визитовъ или чинныхъ обѣдовъ, ни блестящихъ праздниковъ, такъ называемаго, лучшаго общества. Узы ничтожныхъ приличій были ему несносны потому даже, что онѣ—узы и онъ не могъ и не хотѣлъ скрывать ни насмѣшекъ надъ позлащенной самодовольной глупостью, ни презрѣнія къ низкому искательству, ни негодованія при видѣ счастливаго порока, и кровь сердца всегда играла у него въ лицѣ».

Эта оцѣнка тѣмъ болѣе значительна и достовѣрна, что Бестужевъ сошелся съ Грибоѣдовымъ не сразу и первая встрѣча ихъ была суховата, хотя они и вступили сейчасъ-же въ очень интересный литературный разговоръ, показывающій, что Грибоѣдовъ, по начитанности и способности оцѣнивать тогдашнія западно-европейскія литературныя свѣтила, стоялъ никакъ не ниже Пушкина и его друзей. Законное недовольство тѣмъ высшимъ обществомъ, гдѣ онъ вращался, повліяло и на его взглядъ на женщинъ. Тотъ же Бестужевъ говоритъ:

«Онъ не любилъ женщинъ, такъ, по крайней мѣрѣ, увѣрялъ онъ, хотя я имѣлъ причины въ этомъ сомнѣваться. «Женщина есть мужчина-ребенокъ»— было его мнѣніе. Слова Байрона: «дайте имъ пряникъ да зеркало—и онѣ будутъ совершенно довольны»—ему казались весьма справедливыми. «Чему отъ нихъ можно научиться?» говаривалъ онъ. «Онѣ не могутъ быть ни просвѣ-

щены безъ педантизма, ни чувствительны безъ жеманства. Разсудительность ихъ сводится въ недостойную разсчетливость, и самая чистота нравовъ—въ нетерпимость и ханжество. Онѣ чувствуютъ живо, но не глубоко, судятъ остроумно, только безъ основанія, и, быстро схватывая подробности, едва-ли могутъ постичь, обнять цѣлое».

Въ этихъ оцѣнкахъ онъ, вѣроятно, не кривилъ душой; если онѣ односторонни, то это показываетъ только, что Грибоѣдовъ, какъ и Лермонтовъ, какъ и впослѣдствіи Тургеневъ, слишкомъ живо чувствовали пропасть, раздѣлявшую людей извѣстныхъ убѣжденій и упованій, идей и нравственныхъ итоговъ, отъ того «монда», гдѣ писателей—вѣщихъ творцовъ и самыхъ благородныхъ сыновей своей родины—только терпѣли и терпятъ. У Тургенева въ послѣдній періодъ его творческой дѣятельности это чувство сказалось такъ-же сильно въ «Дымѣ» и въ «Нови», какъ и у Грибоѣдова въ его комедіи, и даже сильнѣе, чѣмъ у Лермонтова въ «Героѣ нашего времени». Развѣ они не были правы? Развѣ, за исключеніемъ небольшого кружка литературно образованныхъ членовъ привилегированнаго общества, они были цѣнимы *при жизни* такъ, какъ на Западѣ цѣнятъ первоклассныхъ писателей? Развѣ ихъ признавали, да и до сихъ поръ въ иныхъ сферахъ развѣ признаютъ за національное достояніе, за гордость и славу нашего отечества? Въ началѣ вѣка лордъ Байронъ раздѣлялъ ихъ судьбу, быть-можетъ, еще въ сильнѣйшей степени, и понадобилось полстолѣтія, чтобы въ его отечествѣ высшее общество простило ему прегрѣшенія противъ сословнаго консерватизма и ханжества. У насъ не было даже и такого мотива: равнодушіе и непониманіе исходили гораздо больше изъ безпринципія или изъ повальнаго страха передъ всѣмъ, что называется идеей. Въ этомъ смыслѣ вдохновенны изліянія того лица, въ которое Грибоѣдовъ вложилъ всего больше собственнаго я. Десятки лѣтъ послѣ того, какъ была написана его комедія, они были все еще новы и подхватывались горячими симпатіями тѣхъ зрителей и слушателей, которые трепетно повторяли, сидя въ театральной залѣ, вслѣдъ за актеромъ:

«Теперь пускай изъ насъ одинъ,
Изъ молодыхъ людей найдется врагъ исканій,
Не требуя ни мѣстъ, ни повышенья въ чинъ,
Въ науки онъ вперитъ умъ, алчущій познаній,
Или въ душѣ его самъ Богъ возбудитъ жаръ
Къ искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ,
Они тотчасъ: разбой! пожаръ!
И прослывешь у нихъ мечтателемъ опаснымъ».

Только тогда, когда тѣ сферы общества, которыя смотрятъ на себя, какъ на соль земли, будутъ признавать открыто и сочувственно такихъ писателей-творцовъ, какъ Грибоѣдовъ, національнымъ достояніемъ, честью и славой своей родины, и не сто лѣтъ послѣ ихъ рожденія, а при жизни, — тогда только представители этихъ сферъ будутъ въ правѣ требовать болѣе спокойнаго, цѣльнаго отношенія къ себѣ въ тѣхъ, кто призванъ переносить живую жизнь въ нетлѣнныя и лучезарныя сферы творчества.

П. Боборыкинъ.

Кто написалъ «Петербургскія Трущобы?»

Въ № 27 «Сына Отечества» напечатана нижеслѣдующая, въ высшей степени интересная замѣтка, касающаяся недавно умершаго, извѣстнаго писателя Вс. Крестовскаго, редактора «Варшавскаго Дневника». Замѣтка

эта поднимаетъ вопросъ о томъ, кто настоящій авторъ «Петербургскихъ трущобъ»—романа во многихъ отношеніяхъ замѣчательнаго и стоящаго неоспоримо выше всего, написаннаго Вс. Крестовскимъ до и послѣ этого произведенія. Вотъ что говоритъ на эту тему авторъ замѣтки въ «Сынѣ Отечества»:

Изъ всѣхъ произведеній недавно умершаго Вс. В. Крестовскаго наибольшею популярностью пользовался романъ «Петербургскія трущобы». Кто не зачитывался этимъ романомъ и кто, вмѣстѣ съ тѣмъ, не слыхалъ въ той или иной версіи чрезвычайно оскорбительнаго для автора предположенія, будто «Петербургскія трущобы» *подписаны* имъ, а *написаны* другимъ лицомъ—Помяловскимъ или Рѣшетниковымъ. Такое предположеніе существуетъ и до сихъ поръ. На память покойнаго оно ложится темнымъ пятномъ, и люди, близко знавшіе какъ Вс. В. Крестовскаго, такъ и его литературную дѣятельность эпохи шестидесятыхъ годовъ, должны приложить всѣ старанія, чтобы разсѣять тяжелое недоразумѣніе. Сколько гадкихъ и грязныхъ сплетенъ путешествуетъ по этому поводу въ одной лишь литературной средѣ! Онѣ часто неуловимы и съ ними бороться нельзя, но разъ оскорбительный слухъ выходитъ изъ тѣснаго круга, дѣлается общимъ достояніемъ, формулируется въ опредѣленное обвиненіе,—съ нимъ нужно рѣшительно покончить. Что касается версіи, называющей авторомъ «Петербургскихъ трущобъ» Рѣшетникова, то съ нею врядъ ли стоитъ считаться. Рѣшетниковъ умеръ въ 1871 году, романъ-же печатался въ «Отечественныхъ Запискахъ» съ 1864 по 1867 г. и въ томъ же 1867 г. вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ. Невозможно и предположить, чтобы кто нибудь воспользовался произведеніемъ Рѣшетникова *при жизни* автора. Кромѣ того, съ Петербургомъ Рѣшетниковъ едва-ли былъ знакомъ до 1864 г. Для него, какъ для провинціала, столица долго оставалась «невѣдомымъ чудовищемъ». Вторая версія, по внѣшности, основательнѣе первой. Смерть Н. Г. Помяловскаго относится къ 1863 г. (5 октября), слѣдовательно, «Трущобы» появились въ печати *послѣ* его смерти. Для полноты исторической справки нужно отмѣтить, что Помяловскій родился въ Петербургѣ, воспитывался въ петербургской семинаріи и по выходѣ оттуда все время оставался въ столицѣ; что лишь въ 1861 г., т. е. за два съ половиной года до смерти, матеріальное положеніе его улучшилось, онъ получалъ въ «Современникѣ» постоянное жалованье и напечаталъ цѣлый рядъ большихъ вещей. За всѣмъ тѣмъ, Помяловскій предавался самому мрачному, безпробудному запою. Водка и свела въ могилу этого въ высшей степени талантливаго, но совершенно потеряннаго человѣка. Шатаясь по разнымъ вертепамъ, пьянствуя въ обществѣ всякихъ отщепенцевъ, Помяловскій невольно знакомился съ «трущобной жизнью» и ея типичными представителями. *Положительно извѣстно*, что онъ собирался писать романъ изъ этой трущобной жизни. Но, вмѣсто романа Помяловскаго, появился романъ Вс. Крестовскаго. Отсюда-то и пошла легенда, опровергнуть которую или разъяснить нужно какъ во имя литературныхъ интересовъ, такъ и ради доброй памяти только что скончавшагося писателя. Произведенія Вс. Вл. Крестовскаго начали появляться съ 1857 г. До «Петербургскихъ трущобъ» онъ напечаталъ множество стихотвореній и повѣсти: «Любовь дворовыхъ», «Не первый и не послѣдній», «Бѣсенокъ», «Погибшее, но милое созданіе», «Пчельникъ», «Сфинксъ» и т. д. Послѣ «Петербургскихъ трущобъ» имъ была написана цѣлая серія военныхъ разсказовъ, затѣмъ романы: «Панургово стадо», «Двѣ силы», «Тамара Бендавидъ» и пр. Обладая талантомъ далеко не первоклассньмъ, Вс. Вл. Крестовскій часто повторялся, часто варіировалъ однѣ и тѣ-же темы, пересочиняя одни и тѣ-же типы. Не возвращался онъ только къ типамъ, положеніямъ и обстановкѣ одного своего романа, именно «Петербургскихъ трущобъ». Между тѣмъ не только средней руки сочинители,

но даже великіе писатели, въ той или иной формѣ, невольно возвращаются къ самымъ значительнымъ своимъ созданіямъ, разработывая первоначальные образы и идеи. Представить, чтобы сочинитель средней руки разъ навсегда забылъ о вещи, наиболѣе удачной, доставившей ему наибольшій успѣхъ,—очень трудно. Въ отношеніи Крестовскаго оно тѣмъ труднѣе, что знаніе, напримѣръ, военной жизни онъ эксплоатировалъ въ безчисленныхъ разсказахъ и повѣстяхъ, охотно повторяя много разъ изображенное. То же самое слѣдуетъ сказать и о еврейскомъ бытѣ. Ознакомившись съ нимъ, нашъ авторъ при всякомъ подходящемъ случаѣ пользовался своей эрудиціей въ данной области. Трущобный же міръ, богатый такими яркими положеніями, такими исключительными особенностями,—немедленно утратилъ для него *навсегда* всякій интересъ, едва закончилось печатаніе романа. Мы менѣе всего склонны поддерживать обвиненіе, порочащее память писателя, а потому считаемъ долгомъ указать путь, которымъ оно можетъ быть устранено. Для того, чтобы написать романъ, подобный «Петербургскимъ трущобамъ», необходимъ запасъ совершенно особыхъ наблюденій, требующихъ извѣстнаго навыка, сноровки и много времени. У Вс. Крестовскаго были родные, друзья, близкіе знакомые. Они должны знать, какимъ образомъ зародилась у писателя мысль обслѣдовать «петербургскія трущобы», какимъ образомъ онъ принялся за осуществленіе, какъ производилъ наблюденія, съ кѣмъ странствовалъ по «малинникамъ» и т. д., и т. д. Нельзя предположить, чтобы собираніе матеріаловъ Вс. Крестовскій обставлялъ строгимъ секретомъ и никому никогда не говорилъ о своихъ экскурсіяхъ.

Конечно, многихъ близкихъ ему въ ту эпоху людей нѣтъ на свѣтѣ, но оставшіеся въ живыхъ могли бы подѣлиться со всѣми тѣмъ, что знаютъ. Это, наконецъ, ихъ священная обязанность передъ памятью писателя. Нельзя допускать, чтобы мрачное обвиненіе навсегда осталось невыясненнымъ. Между тѣмъ время идетъ, выясненіе дѣлается все труднѣе и труднѣе. Черезъ какой-нибудь десятокъ лѣтъ оно, пожалуй, станетъ и совершенно невозможнымъ. Цѣль настоящей замѣтки—обратить вниманіе старыхъ друзей Крестовскаго на вопросъ, важность разрѣшенія котораго нѣтъ надобности доказывать. Ждемъ, что эти старые друзья откликнутся.

«РУССКИМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ».

Въ новогоднемъ № «Русскихъ Вѣдомостей», въ отчетѣ о литературѣ 1894 г., я прочелъ нѣсколько фразъ, написанныхъ по адресу «Сѣвернаго Вѣстника». Представивъ списокъ статей, напечатанныхъ въ «Вѣстникѣ Европы», «Русской Мысли», «Русскомъ Богатствѣ», «Артистѣ», «Мірѣ Божіемъ», газета даетъ слѣдующій лаконическій отзывъ о «Сѣверномъ Вѣстникѣ»: «*Сѣверный Вѣстникъ* и въ прошломъ году попрежнему продолжалъ свой постыдный походъ противъ безсмертныхъ писателей, которые такъ много способствовали развитію русскаго общества,—противъ Бѣлинскаго, Добролюбова, Чернышевскаго...» Мы привыкли ко всякимъ полемическимъ придиркамъ и огульнымъ осужденіямъ всего того, что выходитъ за предѣлы извѣстнаго шаблона. Намъ не впервые приходится натыкаться на рѣшительную, но совершенно произвольную оцѣнку чужихъ мнѣній въ вопросахъ, требующихъ серьезнаго и всесторонняго обсужде́нія, полнаго знанія предмета, сложившейся системы руководящихъ, философскихъ и эстетическихъ, понятій. Нѣтъ ничего безопаснѣе, какъ сдѣлать воззваніе къ тѣнямъ лю́дей, уже не могущихъ подать своего голоса, нѣтъ ничего легче, какъ говорить отъ имени тѣхъ, съ кѣмъ не имѣешь ничего общаго ни по темпераменту, ни по энергіи отчетливой и страстной мысли, ни по критическимъ пріемамъ—рѣзкимъ и во всякомъ случаѣ яркимъ, свободнымъ отъ слѣпого тяготѣнія ко всякимъ крупнымъ единицамъ, индивидуальнымъ и коллективнымъ. Сославшись на чужой авторитетъ, можно безъ особеннаго риска швырнуть скандалезный упрекъ въ лицо человѣку, который не хочетъ идти одною дорогою съ нами, который, добросовѣстно изслѣдуя исторію умственнаго движенія извѣстной эпохи, выдѣляетъ и оспариваетъ все то, что было въ этомъ движеніи теоретически несовершеннаго, ошибочнаго, мѣшающаго здоровой и возвышенной практической пропагандѣ пустить въ жизни настоящіе глубокіе корни. Есть множество читателей, которые не вникнутъ въ дѣло, повѣривъ категорическому заявленію газеты, ратующей за лучшіе интересы общества. Въ современной публикѣ и даже литературѣ мало людей, склонныхъ сосредоточить

свое вниманіе на настоящемъ предметѣ полемики. Въ эпоху унынія, обезсиливающей тоски, обезличивающаго гипноза, толпа, даже та ея часть, которая искренно стремится къ лучшимъ формамъ жизни, ищетъ въ литературѣ не того, что возбуждаетъ умъ на самостоятельную работу, а только монотоннаго подтвержденія однѣхъ и тѣхъ же истинъ, однихъ и тѣхъ-же практическихъ требованій. Въ инертномъ союзѣ безсильной литературы и загипнотизированнаго общества никто не хочетъ разорвать цѣпь этого заколдованнаго круга, искать, въ подкрѣпленіе себѣ, новыхъ умственныхъ аргументовъ, новыхъ логическихъ орудій и опоръ. Всѣ холопствуютъ налѣво и направо, принося дешевыя жертвы на алтарь сошедшихъ со сцены героевъ,—героевъ, мало изученныхъ, никѣмъ критически не объясняемыхъ, жалко пресмыкаясь, въ лучшемъ случаѣ смиренно преклоняясь, предъ торжествующими богами настоящей минуты...

Постыдный походъ противъ безсмертныхъ писателей! Вы, судящіе съ такою постыдною развязностью,—кто вы такіе? Кто далъ вамъ право выступать съ отвѣтственными обвиненіями безъ всякихъ доказательствъ? Чѣмъ, какимъ подвигомъ мысли или дѣла, вы сами можете доказать вашу исключительную связь съ этими людьми, способствовавшими развитію русскаго общества? Гдѣ изложены ваши теоретическія, научныя убѣжденія? Гдѣ ясные *критеріи* вашихъ общественныхъ симпатій? Будьте откровенны передъ самими собою и дайте себѣ добросовѣстный и точный отчетъ въ томъ, представляютъ-ли наши критеріи опасность для того, что вы считали-бы практическимъ благомъ для русскаго общества. Докажите, что въ нашемъ «походѣ» противъ извѣстныхъ писателей мы оставляемъ добычу для лисицъ и волковъ русской печати, что нашими посильными изысканіями прокладывается дорога для какихъ-нибудь темныхъ вожделѣній, а не для грядущихъ работниковъ умственнаго освобожденія? Объяснитесь съ надлежащей искренностью, не отговариваясь никакими исключительными для васъ затрудненіями,—мы живемъ въ общихъ съ вами условіяхъ,—или проходите мимо, оставивъ намъ доказательство вашего развращающаго мысль лицемѣрія. Вашими силами и средствами не разорвать заколдованнаго круга.

А. Волынскій.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.